

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

R. N. Krivko (*Austria*);
I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech Republic*);
R. Marti, B. Wiemer (*Germany*);
A. Zoltán (*Hungary*); M. Garzaniti
(*Italy*); J. Schaeken (*Netherlands*);
E. I. Kislova, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

Р. Н. Кривко (*Австрия*);
А. Николов, И. Христова-Шомова
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);
М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, М. М. Макарец,
Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*);
А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (*США*);
М. Михалевич, М. Капович
(*Хорватия*); В. Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 11

Nº 1

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: **<http://slovene.ru/>**
E-mail: **editorial@slovene.ru**

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow

E. I. Kislova, HSE University, Moscow

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, R. Marti,
A. K. Polivanova, D. G. Polonski, M. N. Saenko,
A. E. Soboleva, A. Yu. Vinogradov

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, Z. A. Chervonnaya, K. V. Sarycheva,
A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. S. Yakovleva

English Language Copy Editor, Proofreader

N. S. Berseneva

Layout Editor

M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Е. И. Кислова, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва

Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен

Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

М. Н. Саенко, Институт славяноведения
РАН, Москва

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, А. Ю. Виноградов, Е. И. Кислова,
Р. Марти, А. К. Поливанова, Д. Г. Полонский,
М. Н. Саенко, А. Е. Соболева

Технические редакторы

А. О. Бурцева, К. В. Сарычева, А. А. Троицкая,
З. А. Червонная, М. С. Яковлева

**Литературные редакторы, корректоры
(русский язык)** А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
М. С. Яковлева

**Литературный редактор, корректор
(английский язык)** Н. С. Берсенева

Верстка

М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slovene = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 11. № 1. — Москва: Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022. — 436 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание” и “Лаборатории ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2022

© Authors, 2022

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

- 7 Y. Miltenov (Sofia). *Sources and Tradition of Five Slavonic Medieval Texts against the Undead on Lead Amulets and in Manuscripts*
Я. Милтенев (София). *Источники и традиция: пять славянских средневековых текстов против нежита*
- 37 A. B. Курбанов, Л. В. Спиридонова (С.-Петербург). *Аналав: происхождение, эволюция и терминологическая путаница*
A. V. Kurbanov, L. V. Spyridonova (St. Petersburg). *Analabos: Origin, Evolution and Terminological Confusion*
- 65 П. Б. Поветкина (Москва). *Проблема ареальных исследований мифологических представлений: польская змора на общеславянском фоне*
P. B. Povetkina (Moscow). *The Problem of Areal Studies of Folk Beliefs: Polish Zmora on the Background of Other Slavic Traditions*
- 86 Н. А. Шереметов, И. А. Поляков (С.-Петербург). *Почитание святителя Феоктиста Новгородского в XVII — начале XVIII века: новые сведения в свете рукописных источников*
N. A. Sheremetov, I. A. Poliakov (St. Petersburg). *The Worship of the Novgorod Archbishop Theoktist in the XVII — early XVIII Century: The New Information in the Light of the Discovered Manuscripts*
- 124 А. А. Казаков (Москва). *Обретение мощей Адриана Пошехонского (1626 г.): к вопросу о возможной мистификации*
A. A. Kazakov (Moscow). *Finding of the Relics of Adrian Poshekhonsky (1626): On a Possible Mystification*
- 146 С. В. Иванов, А. Н. Левичкин (С.-Петербург). *Николай Бюлов — переводчик «Сказания о пропущении вод»?*
S. V. Ivanov, A. N. Levichkin (St. Petersburg). *Nicolaus Bulow: The Translator of the "Destillierbuch"?*
- 166 М. А. Корзо (Москва). *Об эрудиции (не)православного книжника первой трети XVII века: казус Кассиана Саковича*
M. A. Korzo (Moscow). *On the Erudition of a (non)Orthodox Author from the First Third of the 17th Cent.: The Case of Kasijan Sakovyč*
- 192 И. Клейн (Лейден). *Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь званская»*
J. Klein (Leiden). *Derzhavin's Poem: "To Evgenii. Life at Zvanka"*
- 204 Е. В. Кардаш (С.-Петербург). *Прогулка по кладбищу в первой трети XIX века: медицина, мемориальная политика, эстетика, литература*
E. V. Kardash (St. Petersburg). *Graveyard Walk in the First Third of the 19th Century: Healthcare, Memorial Politics, Aesthetics, Literature*

- 245 М. В. Ермолова (Москва). *К вопросу о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала*
M. V. Ermolova (Moscow). *On the Participial Functioning of the l-form in the History of the Russian Language in the Light of Russian Dialectal Data and the Material of the Other Slavic Languages*
- 281 N. N. Logvinova (Moscow). *Case Marking and Definiteness in Slavic Appositional Constructions*
Н. Н. Логвинова (Москва). *Падежное маркирование и определенность в аппозитивных конструкциях в славянских языках*
- 305 Л. Ясаи (Будапешт). *К вопросу итеративного действия русского глагола*
L. Jászay (Budapest). *On the Problem of Iterative Action of the Russian Verb*

Заметки / Notes

- 330 М. О. Новак (Москва). *Маргиналии Федоровского паримейника XIII века: экстралингвистические и лингвистические данные*
M. O. Novak (Moscow). *Marginalia of the Fedorovsky Parimeinik from the 13th Century: Extralinguistic and Linguistic Data*
- 343 А. А. Рогожин (Орел). *Гавриил Бужинский и «общество»: из истории одной интеллектуальной новации петровской эпохи*
A. A. Rogozhin (Orel). *Gavriil Buzhinskiy and «Commonwealth»: from the History of an Intellectual Innovation of the Petrine Era*

In memoriam

- 362 V. S. Tomelleri (Torino, San Pietroburgo). *Ricordo di Eckhard Weiher e Hans Rothe*
В. С. Томеллери (Турин, С.-Петербург). *Памяти Экхарда Вайера и Ханса Роте*
- 379 Д. М. Буланин (С.-Петербург). *Фрэнсис Томсон и его «ключ» к древней славянской переводной литературе*
D. M. Bulanin (St. Petersburg). *Francis Thomson and his «Clavis» to Ancient Slavic Translated Literature*
- 397 D. C. Waugh (Seattle). *Memory and Memoirs: The Past as a Foreign Country*
Д. К. Уо (Сиэтл). *Память и мемуары: прошлое как чужая страна*

Sources and Tradition of Five Slavonic Medieval Texts against Nezhit on Lead Amulets and in Manuscripts*

Yavor Miltenov

Institute for Bulgarian Language,
Bulgarian Academy of Sciences,
Sofia, Bulgaria

Источники и традиция пяти славянских средневековых текстов против нежита на свинцовых амулетах и в рукописях

Явор Милтенев

Институт болгарского языка
Болгарской Академии наук,
София, Болгария

Abstract

The paper aims at studying five medieval Slavonic *historiolae* concerning *nejhit* in comparison to ancient and Byzantine Greek texts. The author brings together evidence from both tablets and manuscripts. The study reveals several important textual, linguistic and cultural aspects concerning the significance of the Slavonic text versions.

Keywords

nejhit, prayers, medieval amulets, magic, Slavonic manuscripts, lead lamellae

---

* The research was conducted with the support of the National Program for Bulgarian Studies of the Ministry of Education and Science of Bulgaria.

Citation: Miltenov Y. (2022) Sources and Traditional of Five Slavonic Medieval Texts against Nezhit on Lead Amulets and in Manuscripts. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 7–36.

Цитирование: Милтенев Я. Источники и традиция пяти славянских средневековых текстов против нежита на свинцовых амулетах и в рукописях // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 7–36.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.1

Резюме

Целью статьи является изучение пяти средневековых славянских текстов заклинаний против магии нежити в сопоставлении с аналогичными античными и византийскими греческими текстами. Автор рассматривает в комплексе данные текстов, сохранившихся как в надписях на защитных амулетах, так и в рукописных источниках. На основе сравнительного анализа выявлен ряд существенных текстологических, лингвистических и культурологических аспектов темы, показывающих значение славянского материала.

Ключевые слова

нежит, молитвы, средневековые амулеты, магия, славянские рукописи, свинцовые таблички

Preface

As previous research has shown, lead, a frequent medium used for curse tablets with harmful inscriptions (*defixionum tabellae*, *defixiones*), was seldom chosen for protective amulets (*phylacteria*), for which precious metals were preferred [Giannobile, Jordan 2006: 74–75]. There are about 1,600 *defixiones* known so far (about 600 of them in Latin), coming from the entire territory of the ancient world, ranging from the fifth century BCE up to the fifth century CE [Urbanová, Cuzzolin 2016: 314]. In comparison, the catalogue of Greek amulets of known provenance, inscribed on gold, silver, copper, and bronze lamellae [Kotansky 1994], lists only 68 items.¹ Moreover, most of the latter should be treated as Jewish or Jewish-influenced, as they belong to the Judaistic theological tradition, and there are few recognizably non-Jewish exceptions, no more than 8 or 9. In an appendix to a case study, S. Giannobile and D. R. Jordan list an overall of 15 Christian lead texts extant in Greek or Latin [Giannobile, Jordan 2006: 81–84]. Taken together, the authors state, their rarity suggests a common reluctance to employ lead for such positive rather than hostile aims.

Surprisingly, Slavonic Balkan tradition shows a significantly different picture. All published Slavonic texts on ca. 15 amulets are inscribed on lead, and there are ca. 65 more, which remain unpublished, written on lead, too.² Almost all of them were found in the territory of Bulgaria. All date from the 10th century on, which means some of them originate from the earliest period

¹ See new material for example in: [Del Monaco 2013; Zellmann-Rohrer, Martínez-Chico 2021], cf. also: [Spier 1993] for amulets of other forms such as engraved gems and cameos, pendants, die-struck tokens, and rings.

² An edition of this corpus is being prepared by Kazimir Popkonstantinov. His contribution to research was presenting and analyzing several of these amulets, see: [Попконстантинов 2014: 288–289, footnote 3] for references to these single publications of lead texts. The most recent one is [Попконстантинов, Марков 2021] in which five Slavonic amulets against fever are discussed.

of literacy in Old Bulgarian. Despite numerous publications, these amulets and the texts inscribed on them remain relatively unknown and generally neglected by the scholars in the field of Greek and Byzantine studies.³

In this paper, I shall examine Slavonic protective amulets in comparison to ancient and Byzantine Greek ones by bringing together textual evidence from both tablets and manuscripts. I shall confine myself to studying five *historiolae* concerning *nezhit*, a disease commonly described, as we will see further, as an infection which affects brain, ears, eyes and bones.⁴ Most of these texts were previously traced in Serbian and Romanian manuscripts⁵ and examined *per se*, i.e. without thorough juxtaposition with Greek texts or with Slavonic lead amulets.⁶ Thus, the aim of this paper is to fill this gap in research and, based on comparative analysis, to outline some aspects concerning the role and significance of the Slavonic text versions.

1.

During archeological excavations near the village of Odartsi, northeast Bulgaria, a lead plate was found in a dwelling from the period of 10th to 11th centuries. The plate measures 5.7 cm high and 4.5 cm wide, and has a hinge for hanging. The text inscribed on it speaks of a demon/disease *nezhit* who comes from the Red sea. In the text, he is met by Jesus, who, in the dialogue that follows, forbids the *nezhit* to harm the man, but tells him to go to a deserted mountain, and find a deer and a ram there, and enter their heads, and suck their brain, for they can endure any injury.

In terms of script and spelling, two features are particularly remarkable: the right-turned *ц* and the angular shape of *ч* (*у*): the former is unique, the latter very rare⁷ and probably related to the shape of the *ch*-character in Glagolitic (*ѣ*). The digraph *ѣм* is written with a hyphen between the two components (*ѣм*), which is yet another early feature. There are two characters for the nasal vowels, and no iotated variants are attested. It is not very clear whether a iotated back *jus* is marked with a short line in the upper left corner of the

³ Probably because almost all previous studies are in Bulgarian and were published in journals and Festschriften that are hard to obtain. There are, of course, some exceptions, e.g. Svetlana Tsonkova's dissertation [Tsonkova 2015].

⁴ For the etymology and meaning of *nezhit* and on parallels in folklore of almost all Slavic countries, see: [Катић 1961: 121–126; Andrić 1993: 9–37; Kempgen, Schweier 1996: 184–196; Dukova 1997: 75–76; Раденковић 2007: 698; Агапкина 2010: 789–792; Timotin 2013: 239–241] and the literature cited there.

⁵ See for example: [Раденковић 2007; Timotin 2013; Левшина 2016].

⁶ A slightly different approach see in some of Kazimir Popkonstantinov's *editiones principes* of the lead amulets (e.g. [Попконстантинов 1997, 2009, 2014]), in which some of the Greek parallels and some of the manuscript witnesses are mentioned.

⁷ Similar form see for example in the note in *Dobromir Gospel*, in which one of the scribes, Dobromir, is mentioned (f. 121r from the RNB ms. Q.п.I.55).

letter.⁸ The front *jus* has a rare and archaic appearance (ѿ⁹). Exceptions to the proper use of characters for nasal vowels in readings such as *оѡрашѣши* and *ѣмѣ* need to be further examined *de visu*, however the clear *сѣкрѣшнѣ*, *сѣкрѣшнѣши* and *вѣсѣкѣ* instead of *вѣсѣкѣ* can be considered as evidence that this is not an accidental feature but a reflection of actual pronunciation. We would expect such spelling from a Russian, rather than Bulgarian, text. The alternation between *члѡвѣкѣ* and *члѡвѣко* is also interesting, as it is similar to article forms in modern dialects of the Bulgarian language. Instead of *ѡ*, the author of the inscription was accustomed to writing a digraphic *ѡт* (in some cases it can be interpreted as *ѡт*), which is an archaic feature, and, instead of *ѡ*, the ligature form *ѡ*, which could be a later feature. Single-*jer* (ѣ) spelling is used, and the *jers* are kept in a weak position. Supine is used consistently. This is one of the few amulets which was found by archaeologists in its original context and which can, on this basis, be reliably dated to 10th–11th centuries. Paleographic evidence confirms this hypothesis.

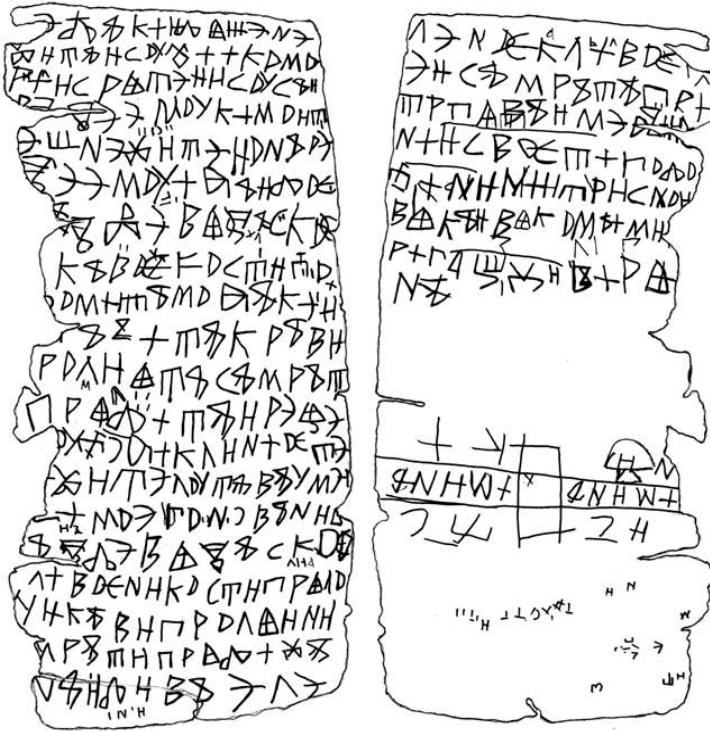
A text similar to the one on Odartsi amulet is preserved on a *lamella* from the Haskovo region. The script is a mixture of Cyrillic and Glagolitic letters.

The distribution of letters follows a specific pattern: the characters *ѡ*, *ѣ*, *ѡ*, *ѡ*, *ѡ*, *ѡ*, etc. are always Glagolitic, while *н*, *к*, *л*, *м*, *н*, *о*, *р*, *т*, etc. are constantly Cyrillic. There are two *jers* (ѣ for back *jer* and for front *jer*) and a single back *jus* (ѿ). There is only one case in which we find *ѣ* where we would

⁸ Cf. the shape of this character in the mid-10th c. *Mostich inscription*.

⁹ Similar form with a “broken” middle line is attested in tsar Samuil’s inscription from 993, tsar Ioan Vladislav’s inscription from 1015–1016, *Dobromir Gospel*, and *Hilandar leaves*.

expect a front *jus* (тѣ, in the amulet's original orthography тѣ), but the reason may be partial damage to the Glagolitic letter ѣ. As concerns љ, there is only one example of its use, and it is rendered with two graphs, зл. The unusual diamond-shaped drawing of ѝ in соуѣхако (!) is similar to a proto-Bulgarian runic sign, and it is hard to imagine that a scribe from the 11th century onward would have the knowledge to reproduce such. On the other hand, the appearance of т with two vertical lines on the left and right, lowered almost to the length of the middle stroke (т) is normally found in later sources. One archaic feature is the use of the supine (as in the Odartsi amulet above), which, despite many other inaccuracies, is not avoided or replaced by an infinitive (as would be in later texts and manuscripts). Iotation of vowels is not attested. Instead of r the scribe opts for к (ѣдѣка, соуѣхако, кѣвѣ, клѣвѣ), and т is attested once for д (нтѣш). The form прѣдажѣ (instead of прѣдажѣтъ) does not correspond to our notion of correct spelling. Based on the features of the script, K. Popkonstantinov [Popkonstantinov 2009: 345] dates the text inscribed on this amulet to the 10th century. The language and spelling features support this assumption to some extent; however, if we have to be more cautious, the 13th century should be a *terminus post quem non*.

This version of the *historiola* that includes a dialogue between *nezhit* and Christ is known from Slavonic manuscript sources, too. The earliest manuscript witness is found in a Serbian euchologium from the end of the 13th century, kept previously in the Slepche monastery in Northern Macedonia. Parts of it are currently housed in several libraries.¹⁰ The text (entitled “prayer” as all texts in manuscripts under consideration) is found on ff. 16v–17r in the part, currently kept under nr. 35 in the V. I. Grigorovich collection of RGB.¹¹ Other early manuscript witnesses are found in two Serbian euchologia: on ff. 25v–26r in ms. Q.п.I.24 of RNB in Saint Petersburg (dating from the first half of the 14th century), and on f. 153r in ms. Q.I.1181 of RNB (from the last third of the 16th century). Copies have been traced in several other manuscript sources from the late Middle Ages, all with Serbian or Russian language features.¹²

For comparison purposes, the text has been transliterated in Cyrillic, divided into paragraphs and supplied with an English translation.

A Odartsi Amulet¹³

B Haskovo Amulet¹⁴

C RGB, f. 87, ms. 35 (Slepche Euchologium)

D RNB, Q.п.I.24

E RNB, Q.I.1181

O A ГН: ѿѿ хѣ н к ѿдѣлѣ

B

C М(Л)НТВА НЕЖИТОУ. А.

¹⁰ These are ms. 35 from the collection of V. I. Grigorovich in RGB (f. 87), ms. 121 from the A.I. Hludov's collection in GIM, ms. O.п.I.14 from RNB, ms. 70 from the A. F. Gilferding's collection in RNB. They were identified as parts of same manuscript in [Афанасьева 2022].

¹¹ The text of this witness was printed for the first time by [Kačanovskij 1881: 153].

¹² According to the research of [Левшина 2016], the text is attested in Serbian and Russian manuscripts: ms. М.П-5/3822 from the Library of the Department of Philology at the University of Skopje, ms. 193 from the collection of A. S. Petrushevich in the Lviv National Scientific Library “V. Stefanik” at the Ukrainian Academy of Sciences, ms. 126 from the Church History and Archives Institute in Sofia, ms. 344 from the Patriarchal Library, Belgrade. See also the version in ms. 325 from the old collection of the National Library of Serbia and in Cod. D Slavo 25 from the Center for Slavic-Byzantine Studies “Ivan Dujchev” in Sofia. For the editions, manuscript witnesses, parallels in the folklore of different Slavic peoples, see: [Раденковић 2007: 700–702].

¹³ I follow the publication of [Константинова 1997], in which numerous corrections have been made to the text published by [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 116], and in turn, I suggest some minor corrections. For them, I use the images in [Попконстантинов 2009: 343–344], which I publish once again here.

¹⁴ Published by [Попконстантинов, Петров 2006: 74–86]. Here, some corrections are introduced according to the facsimile in [Попконстантинов 2009: 345], which I publish once again here.

- D** м(л)тва ѿ нежнѣта. Ёѣ нмѣ ѿцѣа н сѣна н сѣго дѣха.
- E** м(л)твы ѿ нежнѣта, м(л)тва дѣ.
- 1 **A** нежнѣтъ ндѣше отъ чръмѣнаго морѣ н сѣрѣте нсоу н рече емѣ
- B** едѣка ндѣше нежнѣтъ н-соуѣхако(!) мора н сѣрѣте н нсоуѣ н (..)че емѣ
- C** ѿг(д)а ндѣше нежнѣтъ ѿ соуѣхаго мора сѣрѣте ѿго їсѣ. н рече емѣ їсѣ
- D** ѿг(д)а ндѣше нежнѣтъ ѿ соуѣхаго морѣ. сѣрѣте ѿго їсѣ н рече емѣ
- E** ѿгда ндѣше нежнѣтъ ѿ соуѣхаго мора. сѣрѣте ѿго їсѣ. н рече емѣ
- 2 **A** камо нде(!)
- B** камо нтѣш(!) нежнѣте
- C** г(д)ѣ ндѣшѣ. нежнѣте
- D** камо ндѣшн нежнѣте
- E** камо ндѣшн нежнѣте.
- 3 **A** онѣ же рече емѣ
- B** н онѣ рече емѣ.
- C** н рече емѣ нежнѣтъ
- D** онѣ же рече емѣ
- E** онѣ же рече емѣ
- 4 **A** ндѣ въ члѣвѣкѣхъ мозга нерѣцѣтъ крѣвѣ пролѣпѣтъ кѣстн сѣкрѣшнѣтъ
- B** азѣ ндѣ (...) члѣвѣчѣскѣхъ(!) кѣвѣхъ(!) кѣстн пр(...)олѣпѣтъ мозѣка н(...)ѣцѣтъ крѣвн пролѣпѣтъ сѣмрѣтъ(.) прѣдѣтъ
- C** ндоу оу члѣвѣчю главоу кѣстн прѣлолѣпѣтъ мозѣга сѣрѣцѣ крѣвѣ пролѣпѣтъ. чѣлѣстн прѣлолѣпѣтъ
- D** ндоу въ главоу члѣвѣчю. кѣстн прѣлолѣпѣтъ. мозѣга нзѣлѣпѣтъ. крѣвѣ пролѣпѣтъ. н сѣмрѣтъ прѣдѣтъ.
- E** їн азѣ ндоу въ члѣвѣчю главоу кѣстн ѿго прѣлолѣпѣтъ. мозѣга нсмрѣцѣтъ. крѣвѣ н(х) пролѣпѣтъ. н сѣмрѣтъ н(х) прѣдѣтъ.
- 5 **A** н рече (...)
- B** н рече (...)оу д(н)с
- C** онѣ же рече (ѿ)моу
- D**
- E** онѣ же рече емѣ
- 6 **A** заклѣнѣтъ тѣ неж(...) ндѣшн въ члѣвѣкѣхъ(!)
- B** заклѣнѣтъ тѣ (...)жнѣтъ лоуѣтъ(!) въ н(?)мѣн(.)а моѣго не вънѣд (.)ѣ члѣвѣчѣскѣхъ (.)лѣвѣхъ нн кѣстн прѣлолѣпѣтъ крѣвн пролѣпѣтъ нн (.)мрѣтъ прѣдѣтъ

- С** азъ зак'аннаю те наменемъ г(д)мь. ꙗко хстоумъ н вс'ѣмъ ст'ымъ не ходи въ главоу члвчю ни костн прѣломъ ни мозыга нсръчн ни крове прол'ѣн ни смрѣти прѣдаж(д)ь.
- Д** зак'аннаю те нежнѣ наменемъ мномъ. да не ндешъ въ члчю главоу. ни костн прѣломѣти ни мозга нзвѣлчѣти ни крове пролѣати. ни смрѣти прѣдати.
- Е** зак'аннаю те. нежнѣ наменемъ бжмъ да не въни(д)ешѣ ст'ымъ. не(!) ходы въ вѣнчѣ главоу. ни пакостн юмъ сътвори ни смрѣти его пре(д)атѣи
- 7 **А** нъ ндешъ въ пѣ(...) бра/аштешъ (...) елѣ(...)нъ н вънидѣши въ гла(с)ы нхъ н тѣмъ мозыгъ нсръчешъ н костн съкрѣшши н жнлы съръчешъ
- В** нъ ндъ въ елѣнж(!) клѣж (..)ѣ
- С** нъ ндъ въ поустоюю гороу н въселъ се въ юлѣноу главоу
- Д** нъ ндъ въ днѣнѣ горы. н вънидъ въ елѣнѣ главоу.
- Е** ндъ въ поустою гороу н въни(д)ъ въ елѣнѣ главоу. н тѣ прѣвѣдѣи.
- 8 **А** ти во трѣпѣтъ въсѣмъ азъ ндъ н не овра(...) вѣкы до зготованаго дне сждѣнаго
- В** н смрѣтъ прѣтрѣвъ н ме(л?...)нъ свожъ та положъ
- С** та во юсть трѣпѣнѣ н смрѣтъ трѣпѣнѣ
- Д** та во ю(с) трѣпѣнѣ. н въсмрѣтна
- Е** ты во соу(т) вѣрѣи многотрѣп(ѣ)лѣнѣн(!) а поне ты м(г)с(!) съ члвкъ трѣпѣти не могѣтъ.
- 9 **А** збон сѣ бѣ сѣдѣштаго на прѣстолѣ хрѣстѣмъ сѣцѣ егоже трѣпѣштѣ вѣдѣна н невѣдѣна тѣ же паче збон с(с) (с)ѣ
- В**
- С**
- Д**
- Е**
- 10 **А** емъ же слава въ вѣкы (..)ннъ.
- В** ннѣ н прѣсно н вѣкы вѣкомъ амин(с) ра гѣ бѣ жнѣ рѣнѣ(!) нс хс аминъ аминъ нн ка
- С** въ нмѣ ѿца.
- Д** ннѣ н прѣ(с).
- Е**

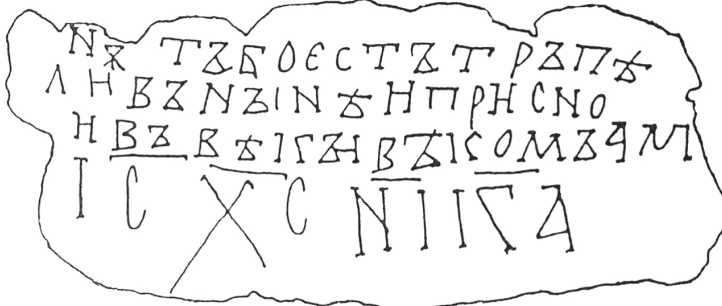
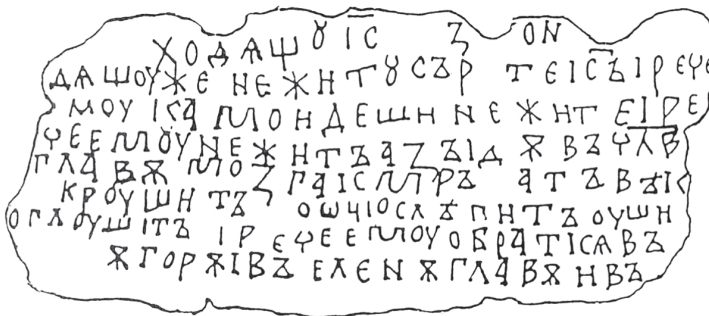
0 Prayer against *nezhit* (var. Lord Jesus Christ, be victorious!) 1 *Nezhit* came from the dry (var. Red) Sea, and met Jesus, and he said to him, 2 "Where are you going?" 3 He said, 4 "I am going into a man to suck his brain, shed his blood, break his bones and hand him to death (add. smash his jaws)". 5 And he said to him, 6 "I curse you, (add. vicious) *nezhit*, (add. in my name, var. the name of God and all the saints) not to go to a man's head (add. nor break his bones, nor suck his brain, nor shed blood, nor hand to death), 7 but to go to a deserted mountain, and find there a deer and a ram, and enter their heads and suck their brain and break their bones and tear their tendons, 8 for they (var. the beasts) can endure any injury (add. and man cannot). (A only: Go and never come back till the ordained day of Judgement. 9 Fear God sitting on the throne of the cherubim, of whom the visible and the invisible tremble, more so fear God)." 10 (Doxologies).

As will be shown futher (see II.) the prototype of this text is Greek.

II.

There is also yet another slightly different version of this exorcism against *nezhit*, found inscribed on lead amulets, as well as in manuscripts. Here, Jesus is said to come down from the seventh Heaven, and this version lists more damages that the demon/disease causes to the man. All other elements of the plot coincide with nr. I.

The most ancient witness is a lead lamella found on the Danube island of Păcuil lui Soare.

Here, we once again see a text with archaic features of script and spelling: supine forms occur instead of the infinitive, single-*jer* (ѣ) spelling is applied, *jers* are kept in weak position, nasal vowels are properly used in their etymological positions. According to K. Popkonstantinov, the features of the script are similar to the Enina Apostle, a 10th century Cyrillic manuscript, thus the amulet should be dated to the 10th century, too [Попконстантинов 2009: 345].

An extended version of this text, which has been published and analyzed several times, is inscribed on another lead plate found in the Kardzhali region. It measures 12cm in length and 7cm in width, and was folded into fourths instead of being rolled up. The text is written in Glagolitic and Cyrillic.

Most letters of both alphabets are present, but some are attested only in Cyrillic (e.g. д, л, м, н, с, т), and others only in Glagolitic (e.g. п, р, х, ц, ч, ю, ѡ).¹⁵ Here, single-*jer* orthography is attested, weak *jers* keep their positions. *Jery* is denoted by the digraph ѣн, which testifies to a connection with the Glagolitic tradition. Back and front *jus* are rendered with ѡе and ѡ respectively, there are no letters for iotated nasal vowels. Some features are not typical for the earliest (Old Bulgarian) period of the language development, e.g. ѣ occurs instead of ѡ and ѡу/ю instead of ѡ. The former may be also interpreted as 'as a mistake occurring in place of the monograph ѡ, and the latter readings are uncertain due to the similarity between the appearance of the Glagolitic letters ѡу/р and ѡе and

¹⁵ Thus [Kempgen, Schweier 1996], but see also the analysis in: [Гарена, Илиев 2005]. Both disagree due to different reading of obscure letters.

have to be verified *de visu*. **ЦП** is denoted by the monograph **цп** or **ѿ**, **ѿѿ**—by ligature **ѿ** and with **ѿ**. Supine forms are used regularly. The obscure **гѣрмиѣ ѿро** at the end may indicate the name of the bearer of the amulet, and if the second part is interpreted as *hieromonk* (German?), it would mean that it was commissioned by and intended for a clergyman. The amulet was dated differently by those who studied it: to the 12th–13th centuries [Kempgen, Schweier 1996: 180], to the 11th–12th centuries [Гарена, Илиев 2005: 155], to the 10th–11th centuries [Попконстантинов 2009: 345] The *lamella* was discovered by a treasure hunter, so its archaeological context remains unknown.

A lead plate excavated in a necropolis from the 12th–14th centuries, near the village of Kran, Kazanlak region, should probably be added to this group of finds. Unfortunately, it is only possible to decipher individual letters from its text [Стефанова-Георгиева 2005].

This version of the prayer against *nezhit* is preserved in Slavonic manuscripts too. The earliest witness is found in the *Slepche euchologium* again, on ff. 17r–18r.¹⁶ A text with a similar beginning and content is copied on f. 160v in a Serbian euchologium from the end of the 15th or first quarter of the 16th century, ms. Q.I.1297 from RNB. Copies which bear similarity to this version are found in other late manuscripts with Serbian or Russian spelling features.¹⁷

The selected witnesses and their text may be presented as follows:

- F** Păcuiul lui Soare Amulet¹⁸
G Kardzhali Amulet¹⁹
H RGB, f. 87, ms. 35 (Slepche Euchologium)
I RNB, Q.I.1297
0 **F**
G
H ЛАНТВА .В. ТОМОУ(Ж).
I

¹⁶ This witness was edited for the first time by [Буслаев 1861: 115] and by [Каџановскиј 1881: 153].

¹⁷ According to the research of [Левшина 2016], the text is attested in the following Serbian and Russian manuscripts: ms. M.II-5/3822 from the Library of the Department of Philology at the University of Skopje, ms. 246 (Krushedol E V 35) from the Museum of the Serbian Orthodox Church in Belgrade, ms. Arh. Sin. 867 from the Russian State Historical Archive in St. Petersburg, ms. 325 from the old collection of the National Library of Serbia, ms. 622 from NBKM (the latter published by [Цонев 1923: 133]). For information on editions, manuscript witnesses, parallels in the folklore of different Slavic peoples, see: [Раденковић 2007: 700–702].

¹⁸ I follow here the edition of [Константинова 1997], where many corrections are introduced as compared to the text published by [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 126]. See also: [Попконстантинов 1997].

¹⁹ I follow the editions of [Kempgen, Schweier 1996; Гарена, Илиев 2005; Попконстантинов 2009: 344]. I introduce some minor corrections according to the photo taken by Kazimir Popkonstantinov, which, however, does not represent the amulet in full.

- 1 **F** (..)χοδαψις ις (...) ε(ι)ο н(...) (..)δαψιου же нежитѣ сѣр(.)те ις ι ρече
(.)моу
- G** н(...)жад(.)ше неѣ: отъ ж:го неѣсе (..)ъ о(...) не(с)χοδαψио нежитоу: отъ
чръмѣнаго морѣ ат(..)е(...)в(..)го жнанца своег: сѣрѣте неѣ: н реч(.)
емоу
- H** Охѡдешио нежитоу ѿ соухаго мора нехѡдешиоу ιсоу ѿ ε неѣсе н рече ѿмоу
ις.
- I** нехѡ(д)ψиς [ις]вн ѿ ε.го не(с)е, н ѿ гѡтоваго жн(л)ца своего. нехѡдеψиς
нежитѣ ѿ сѣхаго мора. н стретоше емѣ, н реч(ч) емѣ
- 2 **F** камо ндешн нежитѣ
- G** камо ндешн (..)житѣ:
- H** камо ндешн нежитѣ
- I** камо н(д)ешн нежитѣ.
- 3 **F** ι ρече емоу нежитѣ
- G** нрече нежитѣ:
- H** рече ѿмоу нежитѣ
- I** ѡнъ же реч(ч)
- 4 **F** азъ идѣ въ члѣв(.) главѣ мозга исмръ(с)атъ вѣк(...) (..)кроушнтъ оуци
ослѣпнтъ оушн оглоушнтъ
- G** сѣмо ндѣ въ чѣча главѣ моз(...) несмръцатѣ: вѣка нхѣ соушнтѣ:
ε(..)въ нхѣ обнтѣ оу(...) н(..)ъ глоушнтѣ очню нхѣ слѣпнтѣ: оустѣ
нхѣ крнентѣ носа нхѣ гоуѣннат н главѣн нхѣ болѣзнѣ: дѣнѣ н
нощѣ:
- H** сѣмо ндѣ гн въ члѣвио главоу мозга сръчатн челоушн прѣломинтн
зоуѣы нхѣ роннтн. шнѣ нхѣ крнентн н оуше нхѣ глоушнтн ѡчн нхѣ
ѡслѣпнтн н носа гоуѣннатн крѣве нхѣ пролннатн вѣка нхѣ несоушнтн
оустѣнѣ нхѣ крнентн. н оудовѣ нхѣ раслаблатн жнль нхѣ оумрътвнтн
тѣла нѣзмѣж(д)атн лѣпотоу нхѣ нзмѣннтн вѣсомѣ моучнтн ѿ.
- I** азъ ндѣ въ члѣвѣ гл(в)оу. костн емѣ прѣломинтн. мозга нзмръцатн крѣвѣ
пролнатн. εѣн нзроннтн, носъ ѡгѣннтн, ѡчн ѡслѣпнтн. ѣшн ѡглѣшнтн.
н главе н(х) болѣзнѣ дѣнѣ н нощѣ,
- 5 **F** ι ρече емоу
- G** н рече емоу неѣ:
- H** н рече ѿмоу ις

- I** н рѣ(ч) е мѣ ꙗко
- 6 **F**
- G**
- H**
- I** запрѣщаю ти нмѣне(м) мѡн(м). да не ндѣши въ члѣчѣ главѣ.
- 7 **F** обратн сѧ въ (...)ж горѣх і въ еленѣх главѣх н въ (...)нѣх
- G** обратн ес(...) (..)жнѣте: ндн въ горѣх н вълѣзѣн въ еленѣх главѣх н в (..)вѣнѣх:
- H** обратн се нежнѣте ндн въ поустѡюю горѡу н въ поустыню. оберѣти тоу юлѣноу главоу н въселн се въ ню.
- I** нѣ н(д)н въ пѣстѣю горѣх. н вълезѣн въ еленѣх главѣх, н вѣнѣю.
- 8 **F** тѣ бо естѣ трѣпѣлнѣхъ
- G** та бо вѣсе трѣпнѣте н прѣстрадаѣте тоу прѣвѣждн: н пожѣдн донждеже нбо н землѣ конѣчаѣт се
- H** тѣ бо все трѣпнѣтѣ н все страж(д)ѣтѣ тѣ бо врѣмена смѣтаѣтѣ въ рожншнхъ свѡнхъ. снрѣчѣ тебѣ нежнѣте г(д)а спаде [...]ебѣсе. ндн въ каменне тѣ бо все трѣпнѣтѣ знмоу н знон н всѣко плодѣство тѣ бо ѿ варн жестоки юстѣ въ себѣ дръжати те слѣнь юстѣ нежнѣтѣ да тоу нмѣн жнлнще дондѣже нбо н земла мнмѡндѣтѣ н конѣчаѣт се
- I** та бо е(с) трѣпелнѣа. н смѣртѣ прѣтѣрѣпнѣтн, тѣх пож(д)н. дондѣ(ж) нбо н змѣла сконѣчаѣт се.
- 9 **F**
- G** оубѡн се ба: сѣдѣщаго на прѣстоли херѡвнмѣстѣхъ: донждеже прндѣтѣ ꙗко: сѣднѣтѣ въселенѣх: н тебѣ вѣсовѣнѣх нежнѣте началѣче(!) вѣсѣкѡмоу недѣжоу: заклнаю(!) т(с) нежнѣте ѡтндн ѡт ѡа кож гермѣхъ неро
- H** ѡнннн(!) ѡ раба бѣжнѣа им(р)е. нн къ томоу не воудн тебе нн нмѣ нн твоѣ (..)вѣнѣмъ ꙗко дастѣ ꙗко здравнѣ равоу своѣмоу им(р)е.
- I** ѡкон се ба сѣдѣщаго на прѣстоле херѣфн(м)сцен. н тебѣ бесѡвнн нежнѣте начелнннче вѣсѡмѡ недѣжѣ. заклннаю те вѣро(м) жнвн(м) злн нежнѣте. ѡтн(д) ѡ раба сѣго їм(р)
- 10 **F** нѣнѣ н прнсно н въ вѣкы вѣкомѣхъ ам(...)
- G** амнн (...)а н стаго дѣхъ нѣннѣхъ н прн.
- H** ꙗко томоу подѡбаѣтѣ всѡа.
- I** въ нмѣ ѡца н сѣна н сѣтѣго дѣхъ ннѣа н пр(с)ннѡ н в вѣкн вѣко(м).

(*H only*: 0 Second prayer for the same). 1 As Jesus came down from the seventh heaven (*add.* his ready abode), [and] as *nezhit* came from the dry (*var.* Red) Sea, they met and Jesus said to him, 2 “Where are you going, *nezhit*?” 3 And *nezhit* said to him, 4 “I am going (*add.* here) into a man’s head, to suck his brain, to crush his brows (*var.* jaws/bones), shed his blood, scatter his teeth, deafen his ears, blind his eyes (*add.* warp his neck/mouth, bulge his nose, [give] his head aches day and night, and easily paralyse their tendons, mortify their bodies, debilitate their graces to entice the demons to torment them).” 5 And Jesus said to him, (*I only*: 6 “I curse you in my name not to go to a man’s head.) 7 Turn back, (*add.* *nezhit*), go to a deserted mountain (*add.* and a desert), and go into the head of deer and ram, 8 for they (*var.* it) endure everything (*add.* even death). (*add.* It jumbles together the times in its horns?, that is to say you, *nezhit*, when you fell from heaven. Go into stone, for it endures cold and heat and any accretion. Through the heat it is hard [enough] to keep you, it is strong, *nezhit*.) There (*add.* stay/have your abode) and wait until heaven and earth (*add.* pass away and) come to an end. 9 Fear God sitting on the throne of the cherubim (*add.* until the Lord comes to judge the universe), and you, demoniac *nezhit*, chief of every affliction, I curse you, (*add.* *nezhit*), go away from (*var.* for God will give health to) the servant of God NN.” 10 (Doxologies).

Undoubtedly, the prayers discussed so far originate from common source text, where nr. I is the shorter and nr. II is the extended version. Apart from the same structure and content, there are clear lexical coincidences between them, too.

There is also no doubt that both versions have certain Greek parallels.

The famous amulet found in a stone sarcophagus in the Roman village of Carnuntum in the Altenburg-Petronel region of Austria, can be considered a precursor to Christian texts intended to expell / heal headache. It is written on a silver plate and dates to the 1st–2nd centuries or the 2nd–3rd centuries:²⁰ Πρὸς ἡμίκρανον. Ἀνταύρα ἐξῆλθεν ἐκ τῆς θαλάσσης ἀνεβόησεν ὡς ἔλαφος ἀνέκραξεν ὡς βοῦς ὑπαντᾷ αὐτῇ Ἀρτημις Ἐφεσι[α] Ἀνταύρα πο[ύ] ὑπάγεις; ἰς τὸ ἡμίκρα[νον]. [μ]ὴ οὐ[χ] ἰς τὰ ν... True, the demon / disease Antaura, according to this narrative from Late Antiquity, was banished by Artemis of Ephesus, but it is clearly connected with the later medieval manuscript tradition (Greek and Slavonic) by identical elements such as the demon’s coming from the sea, and its meeting and conversation with the divine protagonist acting as both exorcist and healer. The indication at the beginning that the *historiola* written on the amulet from Carnuntum is intended πρὸς ἡμίκρανον suggests that it has as its prototype a text from a manuscript from which it was copied together with the rubric [Faraone 2018: 255].

Christian versions of this narrative are attested in several Greek manuscripts, if we count the previous editions, but a special study would undoubtedly identify a far greater number of witnesses than those published.

²⁰ See edition and commentary in: [Kotansky 1994: 58–71].

The earliest manuscript is used by A. Dmitrievsky — Sin. gr. 973 from mid-12th century (1153), in which on f. 108v the following text is included [Дмитриевский 1901: 118–119]:²¹ Ἐξήρχετο αὕτη ἡ ἄβρα ἀπὸ τῆς θαλάσσης, ἀπῆντησεν αὐτῇ ὁ πρωτοαρχάγγελος Μιχαήλ καὶ εἶπεν αὐτῇ. πόθεν ἔρχεις καὶ ποῦ ὑπάγεις, ἄβρα μελάνη μεμελανωμένη, τριχειλετρικέφαλε; Ἐγὼ ὑπάγω ἀνθρώπου ὅστέα φαγεῖν καὶ τὸ κρέας ἀφανῖσαι. Λέγει αὐτῇ ὁ πρωτοαρχάγγελος Μιχαήλ. Οὐκ ἔχεις, ἄβρα, ἐξουσίαν ἀνθρώπου ὅστέα φαγεῖν καὶ τὸ κρέας ἀφανῖσαι, ἀλλ' ἐπιβρέξει ἐπὶ σὲ Κύριος ὁ Θεὸς πῦρ ἐξ οὐρανοῦ καὶ διασκορπήσει σε ἐπὶ τῶν ποταμῶν καὶ ἐπὶ τὴν θάλασσαν. Ἐξελθε καὶ ἀναχώρησον ἀπὸ τὸ μέλος καὶ τὰ ὅσ'α τοῦ δοῦλου τοῦ Θεοῦ ὁ δεῖνα, κτλ. The prayer continues without literal similarities with the Slavonic texts. It is obvious that in this version it is supplemented and the narrative develops in a different direction. Such extended Greek variants were published by M. Sokolov and A. Almazov [Соколов 1894: 22–23, Алмазов 1901: 91–95, nr. 11–14].

In Par. gr. 2316, dating back to the 15th century, there is a *historiola* on ff. 319v–320r, which, like the one above, is a combination of several source texts. One of them obviously contains the narrative under consideration [Legrand 1881: 17–18]: Πρὸς ἡμίκρανον. Εἰς τὸ μέγα ὄνομα τοῦ θεοῦ παντοδυναμένου. ὡς ἐξήρχετο τὸ ἡμίκρανον, τὸ ἡμισυ τοῦ ἡμικράνου, τὸ συνεργὸν τοῦ διαβόλου, ἀπὸ τὰ βάθη τῆς θαλάσσης καὶ ἠπῆντησεν ἠπῆντησέν [αὐ]το ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς καὶ ἐπερώτησεν αὐτο. ποῦ ὑπάγεις, τὸ ἡμικράνιον, τὸ ἡμισυ τοῦ ἡμικράνου, καὶ ἀπεκρίθην καὶ εἶπεν κύριε, τί με ἐπερώτησας; ἐγὼ ὑπάγω εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ .οδ. εἰς τὴν κεφαλὴν του νὰ τὸν ὀμυαλὸν του νὰ χύσω τὰ ὀμμάτιά του νὰ κινήσω. καὶ ἀπεκρίθη ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς [καὶ] εἶπεν αὐτῷ. Ὑπαγε εἰς τοῦ Ἀραράτ τὸ ὄρος, ὅπου σηματοτηρίου φωνὴ οὐκ ἀκούεται. ἐκεῖ νὰ φᾶς, ἐκεῖ νὰ πῆς, ἐκεῖ τὸν θυμὸν σου νὰ διαβάσης. Χριστὸς ἐγεννήθη ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας, Χριστὸς ἐσταυρώθη ἐν τόπῳ κρανίου. φεῦγε, τὸ ἡμίκρανον, τὸ ἡμισὸν τοῦ ἡμικράνου, ἀπὸ τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ δεῖνα. Στῶμεν καλὰ, στῶμεν μετὰ φόβου.

Another version is found in Marc. gr. app. II 163 (olim Nanianus 225), dating from the 16th century [Pradel 1907: 267–268]:²² Εὐχὴ ἡμικράνη εἰς πονοκεφάλι. Ἡμίκρανον ἐξήρχετο ἀπὸ θάλασσαν κρουόμενον καὶ βρυχούμενον καὶ ὑπῆντησε αὐτῷ ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς καὶ εἶπεν αὐτῷ. ποῦ ὑπάγεις κράνιον καὶ ἡμικράν καὶ πονοκεφάλι καὶ ὀφθαλμόπονον καὶ νεμοπύρωμα καὶ δάκρυα καὶ λεύκωμα καὶ κεφαλοσκοτώσις; καὶ ἀπεκρίθη ὁ πονοκέφαλος πρὸς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν. ὑπάγομεν, ἵνα καθίσωμεν εἰς τὴν κεφαλὴν τοῦ δούλου ὁ δεῖνα. καὶ ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς λέγει πρὸς αὐτόν. βλέπε, μὴ ὑπάγε εἰς τὸν δοῦλόν μου. ἀλλὰ φεύγετε καὶ

²¹ [Гранстрем 1981: 87] reports for a copy of such a text too.

²² Same text (end is missing due to loss of folia) is found on ff. 145–145v in Vat. gr. 1538 from the 15th century. A similar version is published by [Vasil ev 1893: lxviii].

ὕπάγετε εἰς τὰ ἄγρια ὄρη καὶ ἀνέβητε εἰς τὰ ῥου κεφαλὴν, ἐκεῖ κρέας φάγετε, ἐκεῖ αἷμα πίετε, ἐκεῖ ὀφθαλμοὺς διαφθείρετε, ἐκεῖ κεφαλὴν σκοτώσατε, κυμαίνετε, διαστρέψατε. εἰ δὲ καὶ παρακούσατέ μου, ἐκεῖ σε ἀπολέσω εἰς τὸ καύσιον ὄρος, ὅπου κύων οὐ ὑλακτεῖ ὅ τε ἀλέκτωρ οὐ φωνεῖ. ὁ πῆξας ὄριον ἐν τῇ θαλάσσῃ, στήσον τὸ κράνιον καὶ ἡμίκρανον καὶ τὸν πόνον ἐκ τῆς κεφαλῆς καὶ τοῦ μετώπου καὶ τῶν βρεφάρων μυελῶν ἀπὸ τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ ὁ δεῖνα. στήσωμεν μετὰ φόβου, ἀμήν. καὶ κατὰ τοῦ βαίνοντος εἰς τὸν ἄδην καὶ συντρίψαντος τοὺς μοχλοὺς τῶν πυλῶν κατ' ἐκεῖνον γὰρ εἶσαι ὀρκίζω σε μὴ τρόμαξε, μὴ φοβηθῇς, ἀλλὰ στήσον καὶ κάθησον εἰς τὸ ἰδίον σου τόπον, μὴ ὑπερκακίσσης, μὴ περιλακτίσης τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ εἰς τὸ ὄνομα τοῦ.

In none of these Greek texts is the demon/disease banished to the head of a deer, as it is in Slavic sources (in the prayer published by Pradel — ἀνέβητε εἰς τὰ ῥου κεφαλὴν). However, this *topos* is found in a protective text against epilepsy in a 15th-century ms. II.C.33 from the National Library “Vittorio Emanuele III” in Naples, ff. 233v–234r. There is a clear conflation between different texts in this witness, but the end reads as follows [Delatte 1927: 618–619, Vasil'ev 1893: lxviii]: ...καὶ ὑπήντησαν αὐτῷ Μιχαὴλ καὶ Γαβριὴλ καὶ εἶπασιν ποῦ ὑπάγετε, ἐβδομήκοντα δύο ἡμισυ γενεαί; καὶ εἶπον ἡμεῖς ὑπαγαίνομεν εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ ὁ δεῖνα νὰ πῖωμεν τὸ αἷμα αὐτοῦ, νὰ φάγωμεν τὸν μυελόν του, νὰ σκοτώσωμεν τὸ φῶς του, ἵνα μὴ τὸν κόσμον ἀγάλλεται. καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὀρκίζω σε ἵνα μὴ εἰσελθῇς εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ ὁ δεῖνα, ἀλλ' ἵνα ὑπάγῃς ἄνω εἰς ὄρος ὅπου ἔναι ἔλαφος δικέριος, ἐξακέριος, ἵνα σέβῃς εἰς τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ. καὶ φάγε καὶ πίε ἐκεῖ τὸν κόσμον ἀγάλλων. ὅτι ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ βαπτισμένος ἔναι καὶ μυρωμένος καὶ οὐ δύναται κακὸν ὑπομένειν οὔτε ἡμέραν οὔτε νύκτα. στήσωμεν καλῶς, στήσωμεν μετὰ φόβου θεοῦ, ἀμήν.

A similar dialogue between Archangel Michael and a demon (in this case, Αβιζου) is attested on two lead amulets found in northern Cyprus. Both date to the 7th century or later. In the first of them [Giannobile 2004: 727–750; Giannobile, Jordan 2006: 83–84, nr. 12], the beginning of the text reads as follows, with the necessary reconstructions: [εὐχῇ] τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ Ἰωάννου] τοῦ ἐλε[ουμένου], Κύριος ὁ θεός·κατερχόμενος Μιχαήλ] ὁ ἀρχάγγελος ἀ[πὸ τοῦ ὅ]ρους τοῦ Σινᾶ ἦρε τὴν Αβιζου ἔχουσαν τὰ[ς] τρίχα[ς] αὐτῆς ἕως τῶν πτερνῶν αὐτῆς καὶ τοὺς ὀφθ[αλμοὺς] αὐτῆς πεπυρωμένους σφόδρα· καὶ λέγει αὐτῇ Μιχαήλ] ὁ ἀρχάγγελος· ποῦ πορεύῃ; ἐγὼ ἀπέρχω [εἰσελ]θεῖν εἰς τὸν οἶκον ὡς ὄφεις καὶ ὡς δράκων καὶ ὡς τετράπ[οδον], κτλ. In the second one [Giannobile, Jordan 2006: 84, nr. 13] there is the following passage: ...καὶ λέγει αὐτῇ Μιχαήλ ὁ ἀρχάγγελος. ποῦ πορεύῃ; Ἀπεκρίθη τὸ πνεῦμα καὶ λέγει τῷ. Ἀρχάγγελε, ἐγὼ ἀπέρχομαι εἰσελθεῖν, κτλ. This text, of course, represents its own tradition; here, we are only interested in the fact that a part of a narrative similar to the one under consideration is present on Greek amulets, too.

III.

According to yet another Slavonic *historiola*, a procession of angels and archangels tell Archangel Michael that they are going to stab the *nezhit* with knives and burn it with candles. A similar text is preserved on a lead *lamella* found in the village of Gradets, Vidin region. The *lamella* is 7.5 cm high, 4.5 cm wide, folded 7 times, and the text is inscribed in Glagolitic and Cyrillic.

Most of the characters are Cyrillic, however Ѧ, Ѣ, Ѥ, Ѧ are in Glagolitic only. The number *seven* is rendered with a Cyrillic letter ж, i.e. according to its numerical value in Glagolitic (ж does not have a numerical value in Cyrillic). Single-*jer* (ѣ) spelling is applied. *Jery* is denoted by digraph ѣн, which testifies

to a connection with the Glagolitic tradition. All characters for nasal vowels (only the ones for iotated and non-iotated front *jus*, ѡѣ and ѣ, are attested) are used in free variation. *Ouk* is rendered with ѱ. According to [Попконстантинов 2014], the amulet should be dated to the 10th century.

The oldest manuscript witness, once again, is found in the *Slepche euchologium*, on ff. 19r–19v in the part, currently kept under nr. 35 in the V. I. Grigorovich collection of RGB²³. The same narrative is also present in the following manuscripts: on ff. 156r–156v in RNB ms. Q.I.1181, on f. 26v in RNB ms. Q.п.I.24, on f. 134v–135r in NBKM ms. 622,²⁴ on f. 160v in RNB ms. Q.I.1297.

See below the text preserved in all these witnesses and its English translation.

J Gradets Amulet²⁵

K RGB, f. 87, ms. 35 (Slepche Euchologium)

L RNB, Q.I.1181

M RNB, Q.п.I.24

N NBKM, ms. 622

O RNB, Q.I.1279

0 **J** БѢ НМѦ ТВОЕ ХѢ НСТННЪН БѢ

K МАНТВА .Д. ТОМОУ(Ж)

L

M Помноуѣн хѣ нстнны.

N

O

1 **J** ндѣшьѡ ж анѣтъ н ж арѣхагль ж свѣщ(.) носѡщ(.) н ж ножъ ос(.)рѡщ(.)

K Пондѣ .з. анѣлъ .з. архнѣлъ .з. свѣщъ носеще .з. ножъ востреще

L Гредѣше .з. агѣлъ .з. архгѣлъ .з. свѣщъ носеще .з. (...) востреще

M пондоше .з. агѣлъ. н .з. архгѣлъ .з. ножевъ носеще .з. свѣщъ дръжеще

N Пондоу .з. апѣлъ .з. архгѣлъ .з. сеуневъ востреще н .з. свѣще носеще

O Ёгда ндѣхѡ .з. агѣлъ. з. архгѣлъ. н з. мечевъ востреще н з. ножевъ.

2 **J** н сѣрѣте ѡ ах(.)гѣ мнхнлъ (!) н рече

K н сѣрѣте нхъ архангѣлъ гаврнлъ н рече нмъ

L н стрѣте н(х) архгѣлъ мнхнлъ н рече(ч) нмъ

²³ Published for the first time by [Kačanovskij 1881: 154].

²⁴ Edited by [Цонев 1923: 133–134].

²⁵ Edited and analyzed by [Попконстантинов 2014]. Here I render Glagolitic ѣ with ѡ, and ѡѣ with ѡѡ.

- М** срѣте н(х) арх(с)тигъ мнѣхъ н гаврнѣ. въпроси мнѣхъ н гаврнѣ
въпроси
- Н** н срѣте нхъ мнѣхъ н гаврнѣ н ре(ч) нмѣ.
- О** тог(д)а стрѣте мнѣхъ гаврнѣ. н ре(ч) нмѣ
- 3 **Ј** камо нде(.) жъ аггъ н архггъ н жъ свѣщѣ н(....)гъ н ножъ острѣщѣ
К камо ндете .з. аггъ .з. архггъ .з. свѣщѣ носеще .з. ножъ острѣщѣ
Л камо ндете .з. аггъ .з. архггъ .з. свѣщѣ носеще .з. ножевъ острѣщѣ
М камо ндете .з. аггъ. н .з. архгъ
Н гдѣ хошете понти .з. аггъ
О г(д)ѣ нде(т) з аггъ н з. архггъ. н з. мѣче(в) носеще н. з.мѣ ножевъ.
- 4 **Ј** н рн(...)
К н рѣше юмоу
Л ѡни же рѣше
М н рѣше
Н рекоше
О н рекоше емѣ
- 5 **Ј** чинноначѣ(.)че ндеиъ н(.)нта сѣщѣ нежнѣ рѣзати н (..)ежщѣ (!)
К ндеиъ нежнѣ ѡсѣщѣ н нзѣгнати
Л чинноначѣиъ ндеиъ нежнѣ рѣзати н свѣщѣиъ нждеиъ.
М ндеиъ къ рабоу бжю им(р) нежнѣ сѣщѣ рѣзати н нж(д)ѣиъ
Н ндеиъ нежнѣ нсѣщѣ н съ свѣщѣиъ нждеиъ
О мнѣ смо пѣщенѣ нежнѣ рѣзати.
- 6 **Ј** н кръвѣ нстрѣвѣти н(...) (...)вѣн бж(..) рабѣ нвану (!)
К нѣ останѣ се раба бжнѣ. им(р)ѣ.
Л н дѣти здравѣ. рабоу бжю им(р)ѣ
М кръвѣ ю(г) нзѣ ѡню нземати
Н н кръвѣ нз ѡню нстрѣвѣти рабоу бжю нмѣ(р)
О н ре(ч) нмѣ мнѣхъ гаврнѣ. ндете н прѣрежете емѣ корень
- 7 **Ј** н нѣнна прнсно н въ вѣки вѣкома (!) аминъ.
К въ нмѣ ѡца н сна.
Л въ нмѣ ѡца н сна н стго дха нн.
М ннѣ н пр(с)но.
Н всег(д)а н ннѣ н пр(с)но.
О в(о)ѣ.

0 In your name, Christ, true God (*var.* Have mercy, true Christ). 1 [There] went seven angels and seven archangels, carrying seven candles, sharpening (*var.* holding) seven knives (*var.* swords). 2 And Archangel Michael (*var.* Gabriel/Michael Gabriel) met them, and said to them, 3 “Where are you going, seven angels and seven archangels, carrying seven candles, sharpening seven knives (*var.* swords)?” 4 And they answered, 5 “(*add.* Commander), we are going to stab (*add.* cut) the *nezhit* and to burn [it], 6 and to remove the blood from the eyes (*var.* leave/restore the health) of the servant of God NN.” (O and Michael Gabriel said to them, Go and sever his root.) 7 (Doxologies).

Evidence that this text is also borrowed from Greek manuscript tradition can be found in an important study by M. Sokolov, in which the Russian scholar published the following fragment of the difficult-to-read and corrupted text [Соколов 1894: 21]: ...ὡς ἐξήρχοντο ἑπτὰ ἀγγέλοι ἑπτὰ ἀρχαγγέλοι ἑπτὰ μαχαίραι βαστάζοντες καὶ ἀπεκρίθη ὁ ἕνας καὶ εἶπεν ἀπέρχομεν εἰς κεφαλόποντον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τόνδε καθαρίζομεν τὸ ἡμισίκρανον...

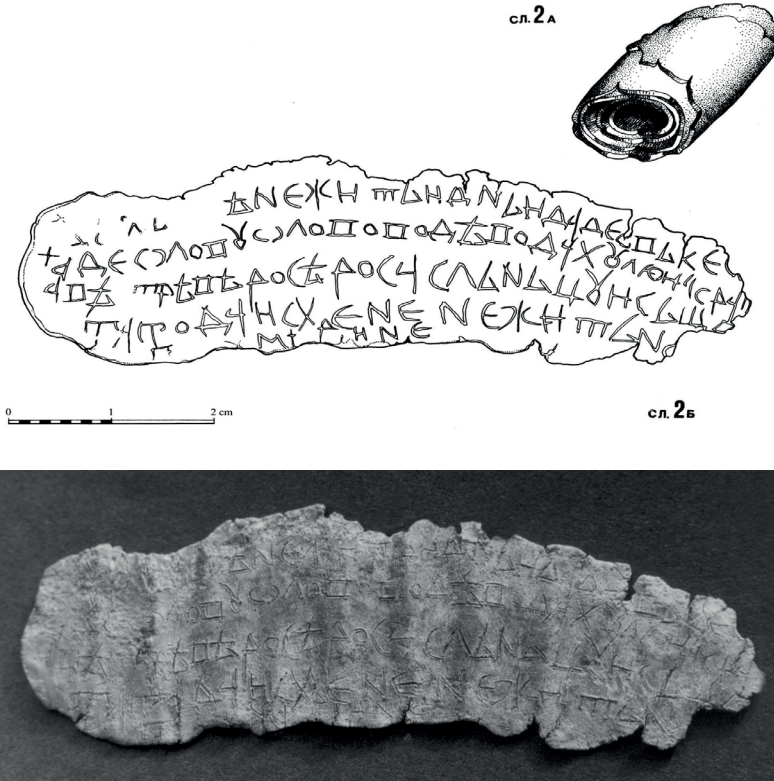
The same narrative is found in a 15th-century ms. 16 C II from the British Library, f. 68r:²⁶ εἰς ἡμικράνιον. εἰς ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. ἡνεώχθησαν αἱ ἑπτὰ πύλαι τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἐξέβησαν οἱ ἑπτὰ ἀρχάγγελοι μετὰ ἑπτὰ ξίφη τὰ κεκονημένα καὶ ἀπῆντησεν αὐτοῖς ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς καὶ εἶπε ποῦ ὑπάγετε οἱ ἑπτὰ ἀρχάγγελοι μετὰ ἑπτὰ ξίφη τὰ κεκονημένα; καὶ εἶπον κύριε καλὸν τὸ ἐρώτημά σου. ἡμεῖς ὑπάγομεν εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν νὰ κόψωμεν πεῦκον κέδρον καὶ κυπάρισσον. καὶ εἶπε μὴ ὑπάγετε εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν, ἀλλὰ ὑπάγετε εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ ὁ δεῖνα καὶ κόψετε τὸ αἶμα τὸ ρεῦμα τὸ ρευματικὸν τὸ αἶμα τὸ ρεῦμα τὸ σταλάζον τὸ κράνιον τὸ ἡμικράνιον τὸ ἥμισυ τοῦ ἡμικρανίου. στῶμεν καλῶς, στῶμεν μετὰ φόβου τοῦ θεοῦ ἡμῶν ἐν ὀνόματι κυρίου τοῦ ποιήσαντος τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. The following instruction is appended: τῇδε γράφεις τὸ τοῦ ἀνθρώπου ὄνομα. γράφε αὐτὸ ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ καὶ ἅς τὸ βαστάζῃ εἰς κεφαλὴν αὐτοῦ.

IV.

Another popular text against *nezhit* was inscribed on an amulet found in Tsreshka fortress (Chreshche), near the town of Shtip in Northern Macedonia. The narrative speaks of *nezhit*, which was passed from Adam to Eve, from Eve to the lead, and so on until the sun dried it up and made it vanish. The lead plate, which was rolled up, measures 7.3 cm long and 2 cm wide when unfolded.

The spelling is single-*jer* (ѣ), nasal vowels are absent (but objectively they cannot be used due to the content of the text). The features of the script,

²⁶ [Zellmann-Rohrer 2016: 343].

especially the form of **ѡ**, **ж**, **т** suggest dating to a period later than the 13th century.

The narrative is very popular, so I will only dwell on several witnesses in which it is present. We find it on ff. 410–410v in Slavonic ms. 22 of LGP in Jerusalem (a Serbian horologion from 1497–1498), on f. 91v in ms. Q.I.1182 from RNB (a Serbian euchologium from the first quarter of the 17th century), and on f. 136v in ms. 622 of the NBKM in Sofia.²⁷ Other copies are present in manuscripts from the 16th–19th centuries.²⁸

²⁷ The latter is published by [Цонев 1923: 135].

²⁸ According to the research of [Левшина 2016], the text is found in ms. 422 of the Serbian Academy of Sciences and Arts in Belgrade, mss. 273 and 646 of NBKM, mss. 47, 454 and 675 of the National Library of Serbia, ms. 344 of the Patriarchal Library in Belgrade, I.b.140 of the Library of the Croatian Academy of Sciences and Arts, ms. 14 of the Museum of Podgorica, among others. Cf. also texts and scholarly literature in: [Катић 1961: 123; Раденковић 2007: 702].

P Chreshche Amulet²⁹

Q LGP, Slav. 22

R RNB, Q.I.1182

S NBKM, ms. 622

0 **P**

Q МОЛН(Т)ВА ѿ НЕЖН(Т). а.

R

S

1 **P** (...)Ѣ НЕЖНТЬ Н ДНЬ Н ДАДЕ ЕВЫКЕ

Q АДА(М) НМЕ НЕЖНТЬ Н ПРАДАДЕ(!) ГѠ ЕВЫКЕ

R АДА(М) НМѢ НЕЖНТЫ. Н ПРѢДАДЕ ЮГО ЮВЕ.

S АДАМЬ НМЕЕ НЕЖНТЬ. НДН АДАМЬ Н ДАСТЬ ЕВЕ,

2 **P** е(...) (.)АДЕ ОЛОВѢ ОЛОВО ВОДѢ ВОДА ХЪЛЮ(!)

Q [Е]ВЫГА ОЛОВѢ МОРЕѢ МОРЕѢ ВЛЫНА(М) ВЛЫНН ПЕНА(М) ПЕНН КРАН

R Н ЮВА ОЛОВѢ. Н ОЛОВЕѠ МОРОУ. Н МОРЕ ВЛЫНА(М). Н В[А]НН ПЕСКОУ. Н ПЕСОКЪ КРАЮ.

S ЕВА ОЛОВѢ, ОЛОВО МОРЕѢ, МОРЕ ВЛЫНАМЬ, ВЛЫНН КРАЕВН,

3 **P** Н КРА(.) (...)АВѢ ТРѢВѢ РОСѢ РОСА СЛЫНЦѢ НСЫШ(...)

Q КРАН ПЕСКѢ ПЕСЬКЪ ТРАВЕ ТРАВА РОСЕ ВЪСНІАВЪШЬ СЛНЦЕ Н СЪШЫ

R Н КРАН ТРАВѢ. ТРАВА СЛЫНЦОУ(!) ВЪСТАВЪШЬ СЛНЦѢ. НСЫШЕ РОСА.

S КРАН ПЕСКѢ, ПЕСОКЪ ТРАВЕ, ТРАВА РОСЕ, РОСА СЛНЦѢ. СЛНЦЕ ВЪСТАВЪШЬ НСЫШЕРОСА.

4 **P** ТА(.)О ДА НСХЕНЕ НЕЖНТЬ Н(...) МІРННЕ.

Q ТАКО ДА НСЫШЕТЬ НЕЖНТЬ. НА РАБА БЖНІА НМЕ(Р).

R ТАКО ДА НСЫХНЕТЬ НЕЖН(Т). Н ДНА. ѿ ГЛАВА РАБА БЖНІЮГО ІМЕ(Р).

S ТАКО ДА НСЫХНЕТЬ НЕЖНТЬ ѿ РАБА БЖІА,

5 **P**

Q ВЪ НМЕ ѠЦА Н СНА Н СѢТАГО ДХА. Н ННІА Н ПРИСНО (Н) ВЪ ВЕКН ВЕКА АМННЬ.

R ВЪ НМЕ ѠЦА Н СНА Н СѢТАГО ДХА. Н ННІА Н ПР(С)НО.

S ВЪ НМЕ ѠЦА Н СНА Н СѢГО ДХА Н ННІА Н ПР(С)НО Н ВЪ ВѢКЫ ВѢКО(М).

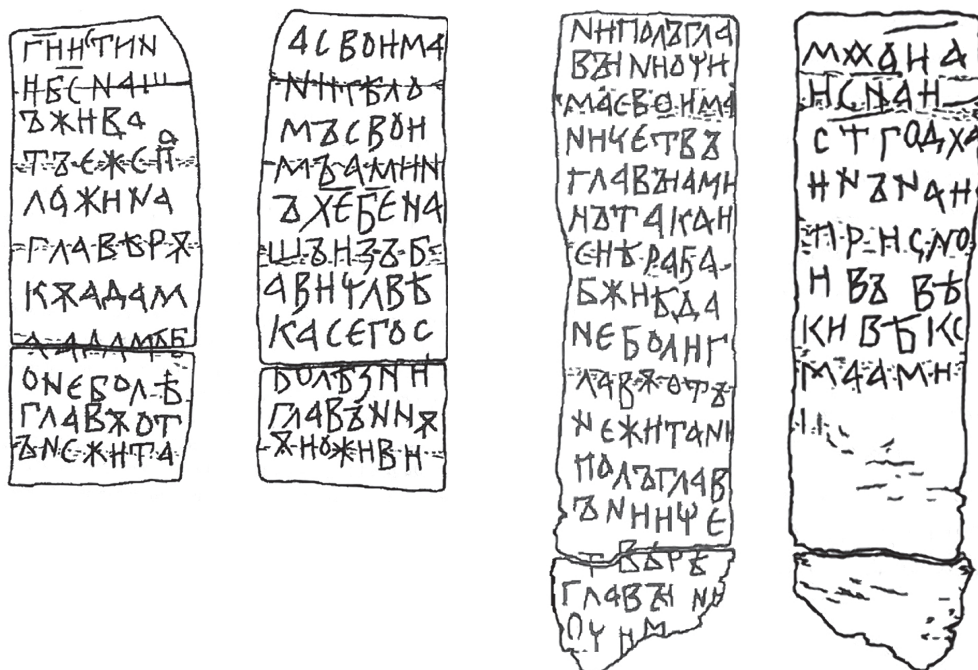
(0 *Ad hoc* title). 1 Adam had *nezhit* and gave it to Eve, 2 Eve to the lead, the lead to the sea, the sea to the waves, the waves to the foam, the foam to the shore, 3 the shore to the sand, the sand to the grass, the grass to the dew, the dew to the sun, rising, the sun dried it (*var.* the dew). 4 Thus may dry the *nezhit* (*add.* and gout) of the servant of God NN. 5 (Doxology).

²⁹ I follow here the edition and images published by [Чаусидис 1995: 153–166].

V.

In 2006, N. Markov analyzed two amulets, probably found in western Bulgaria, which measure 6.5×2.8 cm, and 8.7×2.8 cm, correspondingly [Марков 2006]. At first glance, one can see a similarity in the script of the two inscribed texts, as well as a similarity in the size of the plates, i.e. the same width. A closer look at the two texts reveals that both plates form a single whole.

Some features of script and spelling seem of particular importance: **ѣ** with a line connecting the two components (**ѣ**), correct use of letters for nasal vowels (however, without iotation **ѣ**), archaic appearance of the front *jus* (**ѣ**³⁰) in **ѣ** **ѣ** **ѣ** **ѣ**, single-*jer* (**ѣ**) spelling (the reading **ѣ** **ѣ** **ѣ** is not certain due to the folding of the plate). The **ѣ**-character is cup-shaped (**ѣ**), with a vertical stroke often crossing the loop. The amulet was intended for a woman (**ѣ** **ѣ** **ѣ** **ѣ**). N. Markov dates the inscriptions of both plates to the period of late 10th–11th century.

This amulet contains a text that states that God laid his hand on Adam's head, and Adam never since had a pain in his head caused by *nezhit*.

³⁰ On this character see here footnote 9.

The same narrative is found in a number of manuscripts dating from the 14th century onwards.³¹ The earliest witness is included on ff. 26r–26v in ms. Q.п.I.24 of RNB in Saint Petersburg. It also occurs in another Serbian euchologium, ms. Q.I.1181, kept in the same library, on ff. 155v–156r. In ms. 622 from NBKM it is included among prayers against *nezhit* on f. 134v.³²

- T** Double Amulet from W–Bulgaria³³
U RNB, Q.п.I.24
V RNB, Q.I.1181
W NBKM, ms. 622
- 1 **T** ГН Н(с)ТННН БѢ НАШЪ ЖИВОТЪ ЕЖЕ П(о)ЛОЖИ НА ГЛАВѢ РЖКЖ АДАМА
U Помѡуи хсе нстннын бже ншь. възложу роукоу твою животною на главоу адамоу.
V Хс нстнны бѣ нашъ. еже възложи роукоу свою на главѣ адамоу.
W Хс нстнны бѣ ншь възложи рѣкѣ на главѣ адамоу.
- 2 **T** АДАМЪ БО НЕ БОЛѢ ГЛАВЖ ОТЬ НЕЖИТА НИ ПОЛЪ ГЛАВЫ НИ ОЧИМА СВОИМА
 НИ ЧЕТВЕРЪ(!) ГЛАВЫ АМИННЪ
U АДАМЪ ЖЕ НЕ БОЛОЛѢ ГЛАВОЮ НИ ПОЛЪ ГЛАВЫ. НИ ОУШНИМА НИ ОЧИМА СВОИМА
 НИ ВСѢМИ ОУДЫ ТѢЛЕСИ СВОЕГО.
V АДАМЪ БОЛЕ ГЛАВОЮ. НЕ КА(?) БОЛѢ ѿ НЕЖИТА НИ ПОЛЪ ГЛАВОЮ. НИ ДѢТА
 ГЛАВОЮ. НИ ОУШНИМА НИ ОЧИМА СВОИМА АМИННЪ.
W АДАМЪ НЕ БОЛЕ ГЛАВОЮ НИ НЕЖИТОМЪ НИ ПОЛЪ НЕЖИТА НИ ЧЕТВЕРТА ЧЕСТЬ
 НЕЖИТЪ.
- 3 **T** ТАКА(!) Н СИѢ РАБА БОЖИѢ ДА НЕ БОЛИ ГЛАВЖ ОТЬ НЕЖИТА НИ ПОЛЪ ГЛАВЪ
 НИ Н ЧЕТВЕРЪ ГЛАВЫ НИ ОЧИМА СВОИМА НИ ТѢЛОМЪ СВОИМЪ АМИННЪ ХЕ БЕ
 НАШЪ ИЗЪБАВИ ЧЛѢВКА СЕ С БОЛѢЗНИ ГЛАВЪНИИЖ Н ОЖИ
U възложи роукоу твою животворещую на главоу рабоу твоюмоу. им(р).
 да не болишь ни главою ни полъ главы ни четвертоу честь главы. ни
 оушница. ни очница. ни всѣми оуды тѣлеси своего.
V

³¹ According to the research of [Левшина 2016], the text is also found in ms. 312 from the F. F. Mazurin collection in the Russian State Archives for Ancient Acts (op. 1, f. 196), mss. 85 and 331 from the collection of the Volokolamsk monastery in RGB (f. 113), ms. 1086/1195 from the collection of the Solovki monastery in RNB, ms. 193 from the collection of A. S. Petrushevich in the Lviv National Scientific Library “V. Stefanik” at the Ukrainian Academy of Sciences, among others.

³² Published by [Цонев 1923: 133].

³³ I borrow both the text (with minor corrections) and images from the publication of [Марков 2006].

W ТАКО Н СЕН РАВЪ БѢЖИ ІА(Р)Е ДА НЕ БОЛНѢ НЕЖИТОМЪ НИ ПОЛЪ НЕЖИТА
 4 Т В НАМѢ ѠЦА Н СНА Н СѢГГО ДХА Н НЪНА(!) Н ПРНСНО Н ВЪ ВЪКН ВЪКОМА АМН(.).
 U ННІА Н ПР(С)НО.
 V АМННЪ.
 W ВЪ НАМѢ ѠЦА Н СНА.

1 (*add.* Have mercy,) Christ our true God, who laid your (*add.* life-giving) hand on Adam's head, 2 [and] Adam had no pain in his head from the *nezhit*, nor half his head, (*add.* nor his eyes or ears, nor all limbs of his body) nor a quarter of his head. (*add.* Amen) 3 So may this servant of God (*var.* Lay your life-giving hand on the head of your servant that) NN have no pain in his head, nor half his head, nor a quarter of his head (*add.* nor his eyes or ears, nor his body) from the *nezhit* (*add.* Amen. Christ our God, deliver this man from headache and make him live.) 4 (Doxology).

A partial parallel to the Slavonic text is found in Greek, in the prayer Εἰς πόνον κεφαλῆς [Алмазов 1901: 90], which begins as follows: Θεὸς ὁ ἀληθινὸς, Θεὸς ἡμῶν ὁ ἐξ ἀρχῆς ἐπιθήσας τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ἐπόνεσεν, οὐδὲ τὰ ὀστέα αὐτοῦ, οὔτε ἡ κεφαλὴ αὐτοῦ ἐπόνεσεν, οὕτως μήτε τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ δεῖνος ἀπὸ τὴν σήμερον ἡμέραν καὶ ὥραν μήτε πονέσῃ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ, μήτε τοὺς ὀδόντας αὐτοῦ, κτλ.

Conclusion

Most of the archetypes of the texts analyzed date back to the earliest period of Old Bulgarian writing, i.e. the 10th–11th centuries. For nos. I, II, III, V, this conclusion is supported by features of different type:

- graphic features, such as the use of Glagolitic or traces of Glagolitic scribal habits;
- features of spelling, such as use of **ѣ** only, the use of characters for nasal vowels in their etymologically correct places;
- features of script, such as the shapes of **ѣ**, **ѣ**, **ѣт/ѣ**;
- grammatical archaisms, such as supine forms after *verba movendi* or athematic aorist forms;
- the archeological context of lead tablet finds.

Another interesting observation as concerns the texts nrs. I, II, III, V is that they survived on 10th–13th-century Bulgarian lead plates and in 13th–19th-century Serbian (as well as Romanian and Russian) manuscripts. No Bulgarian manuscripts dating prior to the 19th century remain, however, such surely existed. Parallels to Greek witnesses clearly show that prior to being inscribed on lead amulets, exorcisms against *nezhit* were included as

“prayers” in manuscripts. Such an interplay between manuscript and amulet texts is attested in Ancient and Byzantine Greek tradition as well.

Although manuscript witnesses date to a later period, they still contain some important data regarding the content and language of the Slavonic archetypes of the examined *historiolae*.³⁴ However, some copies (the earliest example being the 13th-century *Slepche euchologium*) show traces of secondary editing already. On the other hand, lead plates preserve archaic features of spelling and grammar, which are not found in manuscripts due to their provenance and later date. However, the texts inscribed on them show traces of abridgement and, sometimes, contain errors of different kinds. This means that *recentiores non deteriores*, so the history of these texts can be revealed only by bringing together evidence from all kind of Slavonic and Greek witnesses regardless of the material, origin and time of their creation.

In conclusion, Slavonic lead amulets seem to represent a “missing link” in the Ancient and Byzantine tradition of using protective amulets, and/or its continuation. The texts inscribed on them may be classified as a “missing link”, too, since Greek parallels published so far are included in late manuscripts and subjected to many secondary additions, conflations and other changes, while the Slavonic ones, in most cases, keep the brevity of their archetype and introduce fewer new elements. This shows their importance as a source for studying the texts themselves, as well as studying the use of such “magical” practices, often banned by official church authorities in a Christian environment.³⁵

Abbreviated Names of Libraries, Archives, and Depositories

GIM	State Historical Museum, Moscow
LGP	Library of the Greek Patriarchate, Jerusalem
NBKM	Sts. Cyrill and Methodius National Library, Sofia
RGB	Russian State Library, Moscow
RNB	Russian National Library, St. Petersburg

Bibliography

Literature

Агапкина 2010

Агапкина Т. А., *Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира*, Москва, 2010.

Алмазов 1901

Алмазов А. И., *Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры*, Одесса, 1901.

³⁴ E.g. 1) archaisms as athematic aorist and verb *глаголю* in III are not attested on amulets and 2) some unclear readings due to loss of letters inscribed on all lead tablets under consideration may be reliably reconstructed by comparing them to the manuscript copies.

³⁵ On the use of such practices in the 19 c. Bulgaria see [Николов 2022].

Попконстантинов, Марков 2021

Попконстантинов К., Марков Н., Новооткрит оловен амулет от Х в. с текст против тресавици, *Шъствоуж нънѣ по слѣдоу оучителю. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анна-Мария Тотоманова*, София, 2021, 50–59.

Попконстантинов, Петров 2006

Попконстантинов К., Петров И., Оловен амулет палимпсест от Хасково с глаголико-кирилски текст, *Известия на регионалния исторически музей Хасково*, 2006, 3, 74–86.

Раденковић 2007

Раденковић Љ., Зао дух нежит у словенским писаним споменицима и народној култури, *Зборник матице српске за филологију и лингвистику*, 50, 2007, 697–714.

Соколов 1889

Соколов М. И., Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками, *Журнал министерства народного просвещения*, часть ССLXIII, отдел 2, С.-Петербург, 1889, 339–368.

——— 1894

Соколов М. И. *Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками*, Москва, 1894.

Стефанова-Георгиева 2005

Стефанова-Георгиева К., Оловна пластина с надпис на старобългарски език от средновековното селище при с. Крън, Казанлъшко, *Културните текстове на миналото – носители, символи и идеи. Материали от Юбилейната международна научна конференция в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н. Казимир Попконстантинов. Велико Търново, 29–31 октомври 2003. Кн. 2. Текстове на култа и религията*, София, 2005, 148–149.

Цонев 1923

Цонев Б., *Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека*, 2, София, 1923.

Чавусидис 1995

Чавусидис Н., Оловен амулет со испишана молитва против „нежит“ од градот Чрешче, *Музеј на Македонија археолошки, етнолошки, историски. Зборник. Нова серија, 1. Археологија*, Скопје, 1995, 153–166.

Andrić 1993

Andrić J., Jedan pristup pitanjima uz slavenski pojam nežit, *Croatica*, 23/24, No. 37–38–39, 1993, 9–37.

Delatte 1927

Delatte A., *Anecdota Atheniensia*, 1, Liège, 1927.

Del Monaco 2013

Del Monaco L., Tra medicina e religione: amuleti tardoantichi contro il mal di testa, *Chaos e Kosmos* XIV, 2013, 1–12 (http://www.chaosekosmos.it/pdf/2013_06.pdf).

Dukova 1997

Dukova U., *Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen*, München, 1997.

Faraone 2018

Faraone C., *The Transformation of Greek Amulets in Roman Imperial Times*, Philadelphia, 2018.

Giannobile 2004

Giannobile S., Un dialogo tra l'arcangelo Michele e il demone Abyzou in un'iscrizione esorcistica cipriota, *Mediterraneo antico: economie, società, culture*, 7/2, 2004, 727–750.

Giannobile, Jordan 2006

Giannobile S., Jordan D. R., A Lead Phylactery from Colle san Basilio (Sicily), *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 46, 2006, 73–86.

Kačanovskij 1881

Kačanovskij V., Apokrfne molitve, gatanija i priče, *Starine JAZU*, XIII, 1881, 150–163.

- Kempgen, Schweier 1996
Kempgen S., Schweier U., „Нежить — quid sit ignoratur“. Zu Deutung und Bedeutung eines mittelbulgarischen Amulettes, Girke. W., Hrsg., *Slavistische Linguistik* 1995, München 1996, 162–200.
- Kotansky 1994
Kotansky R., *Greek Magical Amulets. The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance* (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Papyrologica Coloniensia, XXII.I), Opladen, 1994.
- Legrand 1881
Legrand E., *Bibliothèque grecque vulgaire*, 2, Paris, 1881.
- Popkonstantinov, Kronsteiner 1994
Popkonstantinov K., Kronsteiner O., Старобългарски надписи. Altbulgarischen Inschriften, Bd. 1., *Die Slavischen Sprachen*, 36, 1994.
- Pradel 1907
Pradel F., *Griechische und süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters* (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, 3, Heft 3.), Giessen, 1907.
- Spier 1993
Spier J., Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 56, 1993, 25–68.
- Timotin 2013
Timotin E., The Năjit between Prayers and Charms, Karaló J., Pócs É., Ryan W., eds., *The Power of Words: Studies on Charms and Charming in Europe*, Budapest, 2013, 216–230.
- Tsonkova 2015
Tsonkova S., Charms, Amulets, and Crisis Rites: Verbal Magic in Daily Life in Medieval and Early Modern Bulgaria, Doctoral Dissertation, 2015.
- Urbanová, Cuzzolin 2016
Urbanová D., Cuzzolin P., Some linguistic and pragmatic remarks on the tabellae defixionum, *Journal of Latin Linguistics*, 15 (2), 2016, 313–345.
- Vasil'ev 1893
Vasil'ev A., *Anecdota graeco-byzantina. Pars prior*, Mosqua, 1893.
- Zellmann-Rohrer 2016
Zellmann-Rohrer M. W., *The Tradition of Greek and Latin Incantations and Related Ritual Texts from Antiquity through the Medieval and Early Modern Periods. A Dissertation Submitted in Partial Satisfaction of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Classics and Medieval Studies in the Graduate Division of the University of California, Berkeley*, Berkeley, 2016.
- Zellmann-Rohrer, Martínez-Chico 2021
Zellmann-Rohrer M., Martínez-Chico D., A Sicilian Amulet in Madrid and its Tradition, *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 61, 2021, 62–72.

References

- Afanasyeva T. I., Slepchenskii trebnik kontsa XIII veka, Fonkich B. L., ed., *Monfokon. Issledovaniia po paleografii, kodikologii i diplomatike*, 8, Moscow, 2022, 39–49.
- Agapkina T. A., *Vostochnoslavijskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Siuzhetika i obraz mira*, Moscow 2010.
- Andrić J., Jedan pristup pitanjima uz slavenski pojam nežit, *Croatica*, Vol. 23/24, No. 37–38–39, 1993, 9–37.
- Chausidis N., Oloven amulet so ispishana molitva protiv „nežit“ od gradot Chreshche, *Muzej na Make-donija arkeoloski, etnoloski, istoriski. Zbornik. Nova serija, br. 1. Arheologija*, Skopje, 1995, 153–166.
- Delatte A., *Anecdota Atheniensia*, 1, Liège, 1927.
- Del Monaco L., Tra medicina e religione: amuleti tardoantichi contro il mal di testa, *Chaos e Kosmos* XIV, 2013, 1–12.
- Dukova U., *Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen*, München, 1997.
- Faraone C., *The Transformation of Greek Amulets in Roman Imperial Times*, Philadelphia, 2018.

Garena P., Iliev I., Novootkrit starobulgarski nadpis-zaklinanie ot Kardzhaliisko, *Kulturnite tekstove na minaloto – nositeli, simboli i idei. Materiali ot Iubileinata mezhdunarodna nauchna konferentsia v chest na 60-godishninata na prof. d.i.n. Kazimir Popkonstantinov. Veliko Tarnovo, 29–31 oktombri 2003*, 2: *Tekstovete na kulta i religiata*, Sofia, 2005, 150–155.

Giannobile S., Un dialogo tra l'arcangelo Michele e il demone Abyzou in un'iscrizione esorcistica cipriota, *Mediterraneo antico: economie, società, culture*, 7/2, 2004, 727–750.

Giannobile S., Jordan D. R., A Lead Phylactery from Colle san Basilio (Sicily), *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 46, 2006, 73–86.

Granstrem E. E., K istorii zagovorov i apokrificheskikh molitv v vizantiiskoi pis'mennosti (Neizvestnyi sbornik grecheskikh vracheval'nykh molitv), [*Pravoslavnyi*] *Palestinskii sbornik. Vypusk 27 (90): Istoriia i filologii*, Leningrad, 1981, 86–92.

Katić R. V., "Ot nezhita" u srpskoj srednjovekovnoj meditsini, *Matitsa srpska. Zbornik za drushtvene nauke*, 29, 1961, 121–126.

Kempgen S., Schweier U., „Нежитъ — quid sit ignoratur“. Zu Deutung und Bedeutung eines mittelbulgarischen Amulettes, Girke. W., Hrsg., *Slavistische Linguistik* 1995, München 1996, 162–200.

Konstantinova V., Ezikovi belezhki vurkhu tekstove ot niakolko bulgarski amuleta, *Preslavska knizhovna shkola*, Tom 2, Shumen, 1997, 163–173.

Kotansky R., *Greek Magical Amulets. The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance* (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Papyrologica Coloniensis, XXII.1), Opladen, 1994.

Levshina Zh. L., Vracheval'nye molitvy «ot nezhita» u iuzhnykh i vostochnykh slavian (Arkheograficheski obzor), *Arkheografski prilozhi*, 38, 2016, 151–171.

Markov N., Dva novi amuleta sreshchu „nezhit“ ot Zapadna Bulgariia, *Tangra. Sbornik v chest na 70-godishninata na akad. V. Gjuzelev*, Sofia, 2006, 331–342.

Nikolov A., Nепубликувани prepisi na molitvi sreshchu nezhit i tresavitsi ot sbirkata na Tsurkovno-istoricheskiia i arkhiven institut pri Bulgarskata Patriarshiia, *Osmi mezhdunaroden kolokvium po starobulgaristika. Sbornik dokladi (Sofia, 31.08–2.09. 2021)*, Sofia, 2022, 152–193.

Popkonstantinov K., Molitva protiv nezhit vurkhu amulet ot X vek ot Pukuiul lui Soare, *Bulgarite v Severnoto Prichernomorje. Izsledvaniia i materialy*, 6, Veliko Tarnovo, 1997, 123–129.

Popkonstantinov K., Oloven amulet s tekst ot X v. protiv nezhit ot s. Gradets, Vidinsko, *Filologii i tekstologii. Iubileen sbornik v chest na 70-godishninata na prof. Uiliam Feder*, Shumen, 2014, 288–303.

Popkonstantinov K., Zaklinatelni molitvi vurkhu olovni amuleti ot Srednovekovna Bulgariia i paralelite im v trebnitsi ot Srednovekovna Sribia, *Zbornik radova Vizantoloskog instituta*, 2009, 46, 341–351.

Popkonstantinov K., Kronsteiner O., Starobulgarski nadpisi. Altbulgarischen Inschriften, Bd. 1., *Die Slavischen Sprachen*, 36, 1994.

Popkonstantinov K., Markov N., Novootkrit oloven amulet ot X v. s tekst protiv tresavitsi, *Shest-vuiu nyne po sledu uchiteliiu. Sbornik v chest na prof. d.f.n. Anna-Mariia Totomanova*, Sofia, 2021, 50–59.

Popkonstantinov K., Petrov I., Oloven amulet palimpsest ot Khaskovo s glagoliko-kirilski tekst, *Izvestiia na regionalniia istoricheski muzei Khaskovo*, 2006, 3, 74–86.

Pradel F., *Griechische und süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters* (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, Bd. 3, Heft 3.), Giessen, 1907.

Radenković Lj., Zao dukh nezhit u slovenskim-isanim spomenitsima i narodnoj kulturi, *Zbornik matitse srpske za filologiju i lingvistiku*, 50, 2007, 697–714.

Spier J., Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 56, 1993, 25–68.

Stefanova-Georgieva K., Olovna plastina s nadpis na starobulgarski ezik ot srednovekovnoto selishche pri s. Kran, Kazanlashko, *Kulturnite tekstove na minaloto – nositeli, simboli i idei. Materiali ot Iubileinata mezhdunarodna nauchna konferentsia v chest na 60-godishninata na prof. d.i.n. Kazimir Popkonstantinov. Veliko Tarnovo, 29–31 oktombri 2003. Kn. 2. Tekstovete na kulta i religiata*, Sofia, 2005, 148–149.

Timotin E., The Näjit between Prayers and Charms, Karaló J., Pócs É., Ryan W., eds., *The Power of Words: Studies on Charms and Charming in Europe*, Budapest, 2013, 216–230.

Tsonev B., *Opis na slavianskite rukopisi v Sofiskata narodna biblioteka*, Tom 2, Sofia, 1923.

Urbanová D., Cuzzolin P., Some linguistic and pragmatic remarks on the tabellae defixionum, *Journal of Latin Linguistics*, 15(2), 2016, 313–345.

Zellmann-Rohrer M., Martínez-Chico D., A Sicilian Amulet in Madrid and its Tradition, *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 61, 2021, 62–72.

Явор Милтенов, доцент доктор

Институт за български език, Българска академия на науките

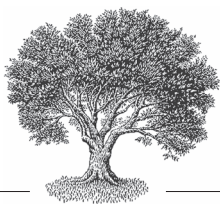
бул. „Шипченски проход“, № 52, бл. 17, София 1113

България / Bulgaria

yavor.miltenov@gmail.com

Received September 20, 2021

Аналав: происхождение, эволюция и терминологическая путаница*

**Андрей Викторович
Курбанов**

Русская христианская
гуманитарная академия,
С.-Петербург, Россия

**Лидия Валентиновна
Спиридонова**

Русская христианская
гуманитарная академия,
С.-Петербург, Россия

Analabos: Origin, Evolution and Terminological Confusion

Andrey V. Kurbanov

Russian Christian Academy
for the Humanities,
St. Petersburg, Russia

Lydia V. Spyridonova

Russian Christian Academy
for the Humanities,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В современной науке и повседневном обиходе существует путаница, связанная с названием и внешним видом аналава, одного из первоначальных и основных предметов восточнохристианского монашеского одеяния, возлагаемых при постриге. Так, филологи-слависты и археологи используют

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-012-41003.

Цитирование: Курбанов А. В., Спиридонова Л. В. Аналав: происхождение, эволюция и терминологическая путаница // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 37–64.

Citation: Kurbanov A., Spyridonova L. (2022) Analabos: origin, evolution and terminological confusion. *Slověne*, vol. 11, №1, p. 37–64.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.2

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

этот термин в качестве эквивалента параманда, под которыми они понимают четырехугольный плат с изображением символов страстей Господних (в отличие от византинистов, которые видят в параманде малую мантию); в свою очередь, византинисты и искусствоведы говорят об аналаве как об аналоге латинского скапуляра или как о продолжении куколя, которое можно увидеть на традиционных изображениях преподобных. Действительно, происхождение множества имен и интерпретаций этого предмета одежды весьма запутано. Информацию как об изначальной, так и последующей форме аналава, а также его функциях мы можем получить из упоминаний о нем в литургических памятниках, византийской и древнерусской литературе. Другими важными источниками для нашей реконструкции являются рукописные миниатюры с изображениями преподобных, античная скульптура, а также археологические находки из древнерусских монастырских некрополей. Наш анализ выявил характерные формы и функции аналава в разное время как в греческом мире, так и в славянском, а также показал причины возникшей терминологической путаницы.

Ключевые слова

аналав, параманд, малая мантия, паллий, плетцы, полиставрий, скапуляр, схи́ма

Abstract

In modern research, as well as in everyday practice, there is a general confusion about the name and the shape of the analabos, one of the original elements of the Byzantine monastic habit. Thus, slavists and archaeologists use this term as an equivalent of the paramand (which is different from the Byzantine paramand in shape and use); byzantinists and art historians see it as an equivalent of the Latin scapular, that is, in fact, an extension of the Byzantine cowl, which we can always see in traditional representations of holy monks. The variety of names and the interpretation of the terms for this attribute is far from clear. Information about the analabos' original shape can be obtained from early monastic texts, Byzantine literature, Old Russian literature, liturgical monuments, artistic representations of saints in illuminated manuscripts and finds from excavations of Russian monastic tombs. Our analysis reveals the characteristic forms and functions of the analabos at different times, both in the Greek world and in the Slavonic world, and also shows the reasons for the terminological confusion.

Keywords

analabos, paramand(uas), short mantle, manduas, pallium, pletsy, polystaurion, scapular, monastic habit

1. Введение

В современном быту русского монашества, в научной и справочной литературе на восточнославянских языках 'аналав' (ἀνάλαβος) обычно определяется через другой термин — параманд. Например, в словаре

И. И. Срезневского указывается, что аналав представляет собой «*четвероугольный плат с изображением знаков страдания Спасителя, носимый монахами на груди или на раменах под одеждою, параманд*» [Срезневский 1893: I, 21–22]. Такие же определения характерны и для работ по древнерусской археологии [Musin 2010: 30, 33 и др.]. В современном греческом монашестве, в византийских и искусствоведческих исследованиях аналавом принято называть или нарамник, или продолжение куколя, который спускается в виде широкой полосы на грудь [напр., Parani 2008: 417; Tomeković 2011 и др.]. Если мы обратимся к переводам с византийского греческого языка или славянского языка, а также к словарям, то заметим, что слово ἀνάλαβος / ἀναλάβω переводится с помощью слов, обозначающих виды плащей или производных от них: ‘скапуляр’ (scapulaire, scapular) [Neyt et al. 1998: 657; Chitty 1966: 549; Chrysavgis 2006: 218; Thomas, Constantinides 2000; Regnault 1981: 184], ‘малая мантия’ (mantello) [Orlandi 1984: 86], ‘капюшон’ (capuchon) [Guy 2005: 163], ‘супергумераль’ (superhuméral) [Amélineau 1894: 40].

Что же изначально представлял собой аналав, как он изменялся и в результате чего произошла подобная путаница в названиях? Для этого мы постепенно рассмотрим все точки зрения и исследуем как письменные источники, так и материальные.

2. Ранние свидетельства (IV–VI вв.) и реконструкция первоначальной формы аналава

В ранних источниках мы находим описания аналава при перечислении элементов одежды египетских и газских монахов. Например, в этой связи упоминает его Евагрий Понтийский (346–399), утверждая, что аналав крестовидно (σταυροειδῶς) оплетает плечи скитских и нитрийских монахов и таким образом прижимает одежду, сковывающую движения во время физической работы [*Practicus*: Praef., 4]¹; сирийский переводчик этого фрагмента решил уточнить и добавить, что такой аналав делается из веревки [*Evagriana Syriaca*: 25]. Авва Дорофей Газский (перв. пол. VI в.) также свидетельствует, что аналав крестовидно полагается на плечи киновитов и потому символизирует собою следование евангельскому призыву взять «крест свой» [*Instructiones*: I, 17]².

¹ Ὁ δὲ ἀνάλαβος πάλιν ὁ σταυροειδῶς τοῖς ὤμοις αὐτῶν περιπλεκόμενος σύμβολον τῆς εἰς Χριστὸν ἐστι πίστεως ἀναλαμβάνουσης τοὺς πραεῖς καὶ περιστελλούσης αἰεὶ τὰ κωλύοντα καὶ τὴν ἐργασίαν ἀνεμπόδιστον αὐτοῖς παρεχούσης (Аналав же, оплетающий крестовидно их плечи, есть символ веры во Христа, которая смиренных возвышает [Пс 146.6], всегда ограничивает мешающее и устраняет препятствия к труду).

² <...> τοῦ σταυροῦ τὸ σύμβολον βαστάζομεν εἰς τοὺς ὤμους ἡμῶν, καθὼς λέγει· Ἄρον τὸν σταυρόν σου καὶ ἀκολούθει μοι (символ креста носим на плечах наших, как сказано: «Возьми крест свой и следуй за мной» [Мк. 8.34]).

Авва Исайя Газский (втор. пол. V в.) указывает на аналав как на необходимый элемент одежды и газских анахоретов-лавриотов [*Asceticon*: 131.22]. Огромное количество упоминаний аналава рассеяно в собраниях апофтегм, происходящих из египетского Скита, однако, только Иоанн Кассиан Римлянин (ок. 365–435) дает детальное описание этого предмета монашеского одеяния, сообщая, что египетские киновиты носят шнуры, сплетенные из двойных льняных нитей, которые греки именуют ‘аналавами’ (*resticulas duplices laneo plexas subtemine, quas Graeci ἀναλάβους vocant*) [*De institutis*: I, 5, 1–2]. Благодаря этой перевязи, как поясняет Кассиан, руки становятся свободными для труда (*ita constrictis brachii inipigri ad omne opus explicitique reddantur*) [*Ibid.*: 8–9]; об этом же пишет и газский историк Созомен (ок. 400–450) [*Sozomenus*: lib. III, cap. 14, § 8–9]³. Кассиан описывает и способ ношения аналава: «Спускаясь от затылка и разделяясь надвое около шеи, он пропускается кругом подмышками и туго связывается так, чтобы не позволять одежде развеваться, прижимая ее плотно к телу (*Quae descendunt per summa ceruicis et e lateribus colli diuisa utrarumque alarum sinus ambiunt atque hinc inde succingunt, ut constringentia latitudinem uestimenti ad corpus contrahant atque coniungant*)» [*De institutis*: I, 5, 4–7].

В сообщении Кассиана говорится о том, что аналав образует одно перекрестие, но не говорится, где: на груди или на спине. К сожалению, христианская иконография не помогает ответить на данный вопрос. На самых ранних сохранившихся египетских фресках с изображением монахов нет ничего похожего на перевязь⁴, что можно объяснить тем, что аналав был характерен для повседневной рабочей одежды, а не выходной богослужебной, которую мы наблюдаем на фресках. Простые перевязи из льняных нитей, которые, согласно Кассиану, практиковались в Верхнем Египте, не были обнаружены и при раскопках. Только

³ Созомен употребляет другое созвучное аналаву слово ‘анавол’ (ἀναβολεύς), происходящее от глагола ἀναβάλλω и обозначающее одежду, в которой принимали крещение. Употребление Созоменом одного термина вместо другого является не более чем обычной метатезой (ζώνη δὲ καὶ ἀναβολεύς, ἡ μὲν τὴν ὀσφὺν περισφίγγουσα, ὁ δὲ τοὺς ὤμους καὶ τοὺς βραχίονας ἀνέχων, ἐτοιμοὺς εἶναι εἰς διακονίαν θεοῦ καὶ ἐργασίαν ὧν δεῖ παρακελεύεται — пояс и анаволий, первый, подпоясывая чресла, а второй, являясь уздой для плеч и рук, напоминают, что необходимо всегда быть готовым на Божие служение и на труд).

⁴ Например, фреска из монастыря аввы Аполлония в Бауте, датированная VI–VII вв., на которой авва Мина носит только хитон (Париж, Лувр, инв. № E. 236). Фреска того же периода с аввой Макарием и Аполлонием из монастыря Иеремии в Саккаре (Каир, Музей коптского искусства, № 7951). Фрески VI–VIII вв. из Красного монастыря с портретами аввы Шенуте и аввы Висы [Bolman 2006: 7–9; pl. 1, 22]. Фрески VI–VII вв. из Белого монастыря с изображением аввы Шенуте [Bolman et al. 2010: 457–458; pl. 9]. Стела V–VI вв. с изображением аввы Шенуте (Берлин, Музей византийского искусства, инв. № 4475). Книжные коптские миниатюры VII–XI вв. [Leroy 1974].

в Ахмиме в монашеском погребении был найден похожий на аналав предмет, изготовленный из кожи (рис. 1), уцелевший, благодаря прочной структуре⁵. Этот предмет подходит под описание аналава, сделанное Кассианом.

Рис. 1. Элемент одеяния, найденный в монашеском погребении в Ахмиме (IV–V вв.) [Oppenheim 1931: 213, fig. 71]

Единственную известную нам в научной литературе реконструкцию способа ношения древнего монашеского аналава сделал Карел Иннеме: с его точки зрения, перекрестие располагалось на груди [Innemeé 1992: 108]. Очевидно, этот исследователь обратил внимание на изображения аналавов на позднейших иконописных изображениях, однако нам такая реконструкция представляется ошибочной. Дело в том, что перевязь, образующая перекрестие на груди, практиковалась в античности исключительно женщинами. Подобные шнуры с гераклитовым узлом или амулетом на груди можно увидеть на греческой вазописи, например, они присутствуют на танцовщицах, изображенных на кубке из Национального археологического музея в Афинах (инв. № 12894), на кратере из Лувра (инв. № К 710), на кратере из Метрополитен-музея (инв. № 56.171.63) или на кратере из Гарвардского художественного музея (инв. № 9.1988). До нас также дошли и материальные образцы подобных предметов, например, хранящийся в Британском музее золотой шнур из Хоксенского клада (инв. № 1994,0408.1), датируемый 407 г. н. э. [Johns 2003]. Их можно заметить и на скульптурах, и на надгробиях девочек и девственниц [Meyer 2014: 225, 227–230], и даже на этрусских фресках [Miller 2004: 182]. Особый интерес в данной связи представляет собой статуя Афродиты, найденная в публичном доме в Помпеях и хранящаяся ныне в Неаполитанском археологическом музее

⁵ Что же касается тех кожаных предметов, которые были найдены в свое время Жоржем Кастелем и Вальтером Крамом [Crum et al. 1926: 121–143; Castel 1979] и которые иногда отождествляют с аналавом, их, с нашей точки зрения, можно отождествить с милотью, носимой монахами в Верхнем Египте, которая, согласно последним изысканиям, являлась кожаной сумкой-передником, а не овчинным тулупом, как это было принято долгое время считать [Muc 2009; Boud'hors 2010].

(инв. № 152798). На груди нагой Афродиты была нарисована золотая ювелирная перевязь и ажурный строфион (на ней уцелела изначальная краска, исчезнувшая на большинстве дошедших до нас мраморных статуй). По всей видимости, именно такую перевязь имел в виду Гомер, когда описывал *χεστὸς ἱμάς* Афродиты⁶, волшебным образом притягивавший противоположный пол [Илиада 14.214–14.217]. Этот *harpax legomenon* до сих пор ошибочно переводят как ‘вышитый пояс’, несмотря на слова, что богиня сбросила его с груди (*ἀπὸ στῆθεσφι ἐλύσατο*).

Подобные женские шнуры или ленты, судя по изображениям, в отличие от *στρόφιον* (поддерживающей грудь ленты), не выполняли практической функции, ведь на большинстве изображений носящие перевязь не имели на груди одежды. Также, очевидно, что перевязи с пересечением на груди имели эстетическую и символическую роль, что следует из того, что на изображениях обычно представлены девочки или девушки на свадебных церемониях.

С физиологической точки зрения для стягивания широкой одежды во время активного движения намного эргономичнее делать крест на спине и затем пускать шнуры подмышками, так как во время физической активности дыхание становится интенсивнее и перетягивание груди неизбежно мешает этому процессу; можно также заметить, что крест на спине дополнительно поддерживает спину. Такой тип перевязи практиковался греческими возничими и рабами: он давал им, одетым в широкий ионический хитон, необходимую свободу в движениях, по всей видимости, так могли одевать также и детей. Например, мы видим подобную перевязь на знаменитой статуе возничего из Археологического музея в Дельфах (инв. № 3484) (рис. 2), на возничем с гидрии из Лувра (инв. № E 642) и скифосе, хранившемся до середины XX в. также в Лувре (инв. № F 421) и переехавшим в 1947 г. в Бургундский музей вин; на статуях скорбящих рабынь в коловиях (инв. № Sk 498 и Sk 499) (рис. 3) и девочки с гусем (инв. № Sk 505) из Берлинского музея, на статуэтке женщины в грубом коловии и тюрбане из Музея искусств Лос-Анджелеса (инв. № 1992.152.10), на вотивных статуэтках афинских девочек в таких же безрукавных хитонах, приносящих Артемиде гусей и зайцев, из Археологического музея Вравроны в Аттике (инв. № 1158, 1169), в отдельных случаях с данным типом перевязи изображали и богинь, например, Афродиту-возничую, оседлавшую гуся, как на статуэтке из Музея искусств в Бостоне (инв. № 03.752) и Талию, музу комедии, из Британского музея (инв. № 1805.0703.33). Весьма вероятно, что образ крестовидного повязывания ораля диаконом на спине перед

⁶ Примечательно, что император Лев VI Мудрый (866–912) в своей «Кормчей» определяет аналав также через слово *ἱμάς* [*Leo imp.*: 239].

причащением также отражает эту же древнюю практику, когда диаконы, носившие, как и монахи, безрукавный мешковатый коловий⁷, также вынуждены были его связывать для обеспечения свободы движения.

Рис. 2. Возничий. Археологический музей в Дельфах (инв. № 3484)

Рис. 3. Скорбящая рабыня. Берлинский музей (инв. № Sk 499)

⁷ Об этом мы узнаем от Псевдо-Алькуина, писавшего, что папа Сильвестр установил обычай ношения далматики вместо использовавшегося тогда простого коловия: «*Usus autem Dalmaticarum a B. Sylvestro Papa institutus est: nam antea colobiis utebantur*» [PL 101: 1243].

Детальное описание Кассиана и найденные нами античные изображения стяжек для фиксации одежды во время физической активности позволяют реконструировать такое расположение аналава на коловии, которое мы представляем на рис. 4. Согласно вышеприведенным источникам, аналав представлял собой перевязь, проходящую подмышками и образующую на спине между лопатками Андреевский крест.

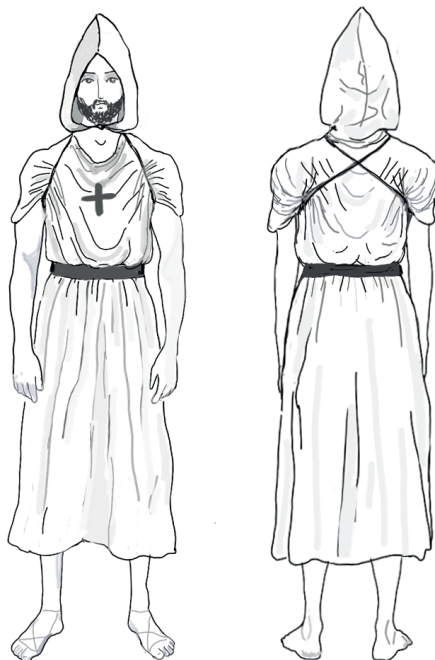

Рис. 4. Реконструкция расположения аналава на коловии

3. Эволюция аналава на греческом Востоке VII–XX вв.

Применительно к аналаву Кассиан не смог найти подходящий латинский термин и написал это слово греческими буквами, соотнося его с некоторой неуверенностью сразу с тремя достаточно редкими терминами: *subcinctoria*, *redimicula*, *rebracchiatoria* [*De institutis*: I, 5, 2–4], в VII в. Исидор Севильский даже посчитал нужным перевести их на простонародный латинский как *brachile*, *brachale*, *renum*, *cingulam* [*Etymologiarum*: §XIX.5]. Это затруднение в переводе на латинский показывает, что аналав как предмет одежды был неизвестен в латинском мире.

Не использовали аналав и монахи в Малой Азии, о чем свидетельствует Василий Великий, который, описывая в своих «Кратких

правилах» монашеское одеяние, упоминает только тунику, пояс, сандалии и гиматий (вид плаща) [PG 31: 1056.57; 1116.40]. В этой связи интересна история из коптского Жития Лонгина, герой которого, придя из Ликий (Малая Азия) в Александрию, не был принят там за монаха, поскольку у него, в отличие от александрийских монахов, не было куколя (κλαύτ) и аналава (ἀναβόλος)⁸, а лишь коловий, паллий и пояс [Vita de Longini: 14, 60.13–15]. Весьма любопытно, что позднейшие византийцы осознавали тот факт, что аналав, ставший обязательным элементом схимы, первоначально не использовался в Константинополе. Так, Никита Давид Пафлагон (кон. IX — сер. X в.) пишет в Житии Иоанна Златоуста, что в те времена его герой еще не мог носить куколя и аналава, в отличие от монахов-современников Пафлагона, которые носят аналав и позорят его [Antonopoulou 2016: 39–44]. Таким образом, в первые века существования монашества аналав был характерным элементом монашеской одежды только Египта, а также ближайших к нему областей Палестины⁹, которые испытали волны скитской иммиграции, и, возможно, Сирии (поскольку аналав много раз упоминается в греческих переводах Ефрема Сирина [Ephraem Syrus, vol. 1: 236.6; vol. 2: cap. 2.32; vol. 6: 2.8, 120.11])¹⁰.

Традиция носить аналав распространилась в Константинополе, по всей видимости, под влиянием многочисленнейших иммигрантов из Палестины и Сина к VII в. Первое свидетельство об аналаве как элементе монашеского костюма константинопольских монахов мы встречаем у Максима Исповедника (580–662) [Quaestiones et dubia: I, 68.19–28]. Носили их и в константинопольском студийском монастыре, о чем свидетельствует Феодор Студит (759–826) [Catechesis, 110: 811.8]. В этой связи примечательно, что аналав отсутствует в древнейших грузинских [Sin.

⁸ Уже зафиксированная у Созомена метатеза, см. сноску 3 выше.

⁹ Примечательно, что аналав не упоминается в текстах, происходящих из ранних монашеских центров Палестины, помимо Газы, например, о нем не упоминают в своих житиях Кирилл Скифопольский и Иоанн Мосх.

¹⁰ Некоторые исследователи отмечают, что в ранних сирийских текстах не встречается ничего похожего на аналав [Palmer 1990: 8, п. 66; Innnemée 1992: 130–132]. Полный список ранних сирийских монашеских одежд дается у Иоанна Эфесского, в котором точно можно идентифицировать хитон (ܚܝܬܘܢ), пояс (ܥܒܕܐ), куколь (ܩܠܐܬ) и ܕܠܐ, причем последний предмет повторяется в описании два раза. С точки зрения издателя и переводчика, речь идет о другом типе хитона и о плаще, а повторение он считает ошибочным [Ioannes Ephesus: 282], другой сиролог считает их аналогами скапуляра и мантии [Palmer 1990: 86]. Однако в рукописи с чинопоследованием пострига London, British Library, Add. 14493 (X в.) ܕܠܐ тоже упоминается два раза подряд и один раз со словами, на основании которых возможно сделать предположение, что под этим предметом подразумевается именно аналав [Oltean 2017: 365]. В любом случае аналав определенно фиксируется в сирийском монашеском одеянии с X в. [Innnemée 1992: 132].

georg. 12: 200–236] и армянских чинопоследованиях [*Ven. arm.* 457: 137–138], что свидетельствует о том, что палестинская традиция ношения аналава не была воспринята грузинскими и армянскими монахами, несмотря на их тесные связи с монастырями Палестины.

В ранних греческих евхологиях аналав возлагался на монаха во время пострижения наряду с коловием (хитоном), куколем, поясом, паллием и сандалиями. В древнейшем сохранившемся Евхологии [*Barberini gr.* 336: f. 237v, № 254] (кон. VIII в., Калабрия) мы находим подобный набор в молитве после облачения в чинопоследовании пострига «τοῦ σχήματος», эволюционировавшем впоследствии в чин великой схимы. Михаил Ваврик выделил три формуляра сложившегося позднее чинопоследования великой схимы, фиксируемых в греческих евхологиях с VIII по XII вв. [Wawryk 1986: 8]. Во всех этих формулярах аналав также был среди одежды постригаемого: I — [*Off. schematis magni I:* 35*.5]; II — [*Off. schematis magni II:* 94*.1–10]; III — [*Euchologion* 1647: 510 = *Euchologion* 1730: 411]. Присутствует он и в греческих евхологиях современной традиции [напр., *Euchologion* 1869: 214]).

Какой был внешний вид аналава в византийское время? Египетские и палестинские киновиты носили бесформенный дешевый мешковатый коловий, в Византии же хитон стал более узким, у него появились рукава и покрой по фигуре, отсутствовавший у коловия. Очевидно, что в эту эпоху аналав потерял свое практическое предназначение. Тем не менее символизм «взятия креста» стал основополагающим для монашества, и поэтому аналав только увеличивал свою крестообразность и декоративность. Изобразительные источники византийской эпохи (фрески и миниатюры) показывают аналавы в виде спускающихся иногда очень низко черных или красных нитей с плетеными крестами (рис. 5)¹¹, они имели дополнительное перекрестие на груди, что подтверждается и письменными источниками, например, Максим Исповедник (VII в.) свидетельствует, что аналав крестовидно повязывается и со стороны спины, и со стороны груди [*Quaestiones et dubia:* I, 68.19–28]. Эта практика сохранялась вплоть до падения Византии. Так, Симеон Фессалоникийский (†1431) в толковании чина пострижения пишет: «Аналав из кожи животного, по причине смерти для мира, с плеч [спускается] и спереди, и сзади крестообразно, имея знамения креста» (Ἐπειτα τὸν ἀνάλαβον ἐκ δερμάτων ζώου διὰ τὴν τῶν κοσμητῶν νέκρωσιν ἀπὸ τῶν ὤμων ἔμπροσθεν τε σταυροειδῶς καὶ ὀπίσθεν, σημεῖα κεκτημένον σταυροῦ) [*PG* 155: 497].

¹¹ Однако, скорее всего, подобный канон изображения с крайне низким положением аналава является символическим, имеющим цель показать только его наличие, иначе скрытого под мантией, поэтому реконструкция на основании изобразительных источников должна быть аккуратной и сочетаться с письменными источниками.

Другим повсеместным изменением стало украшение аналава многочисленными плетеными крестами, популярными в византийской культуре (такие нередко можно наблюдать на заставках в византийских рукописях, а также в качестве архитектурных украшений). Никодим Святогорец (1749–1809) даже сообщает, что аналав, о котором писали Дорофей, Созомен и другие, в его время стал из-за этого называться ‘полиставрий’ (т. е. ‘многокрестник’ — *πολυσταύριον*), и делается он из кожи [*Pidalion* 1886: 149] (подобный полиставрий представлен на рис. 6).

Рис. 5. Преп. Патапий из Митрополия Василия II (*Vat. gr. 1613*, f. 232)

Вплоть до XV в. аналав с куколем считались уникальными отличительными признаками одеяния монахов великой схимы. Григорий Палама (ок. 1296–1357), выступавший против разделения монашества на степени (как в свое время и Феодор Студит), писал, что разделяющие установленные одежды несправедливо отнимают у новоначальных аналав и куколь как наиболее почитаемые, ведь «люди видят крест на плечах и куколь беззлобия на голове, и тотчас их носящий становится в их глазах славным и совершеннейшим в добродетели» [*Gregorius Palamas*: ор. 5, § 4–5]. Действительно, начиная с паламитской эпохи в монашеской среде проявляется стремление приблизить чин малой схимы к великой и уравнивать их, само чинопоследование и одежды становятся настолько похожими, что даже аналав, составлявший принадлежность великосхимнического одеяния, на какое-то время

переходит к малосхимникам [см.: Пальмов 1914: 295–297; Wawryk 1968: 226, п.5]. Первые свидетельства о возложении аналава в малой схиме мы встречаем в греческих евхологиях: *Saba* 367, XV–XVI вв. (на полях назван крестом [см.: Дмитриевский 1901: 934–938]), в *ГИМ*, *Син* 281 (1470 г.), *Sinai* 985 (XVI в.) (возлагается «аналав со крестом», [см.: Пальмов 1914: 266, 304]). Аналав появляется и в первых венецианских печатных изданиях евхология, например, 1560, 1564 гг.¹², что было отражено в разночтениях в Евхологии Жака Гоара [*Goar* 1647: 484]. В рукописи

¹² Нам не удалось просмотреть все венецианские издания из-за их малодоступности и отсутствия электронных копий. Тем не менее возможно утверждать, что в самых первых изданиях, в т. ч. в издании 1545 г., в чине малой схимы аналав отсутствует.

Panagios Taphos 274 (XV в.) не упоминается аналав в чине малой схимы, но говорится о возложении паллия со крестом (τὸ παλλίον μετὰ τοῦ σταυροῦ) [см.: Дмитриевский 1901: 510], который постригаемый принимал вместе со словами, изначально предназначавшимися для аналава: «ἀναλαμβάνόμενος τὸν σταυρὸν καὶ ἀκολουθῶν τῷ δεσπότη Χριστῷ (восприимля крест и последуя владыке Христу)». После этого постригаемый получал внешний плащ (τὸ παλλίον τὸ ἔξωθεν), т. е. мантию. Однако эта практика не вошла в греческую традицию, которая пошла по иному пути: постепенного сокращения пребывания монаха в малой схиме, а потом и вовсе ее упразднения, как, например, в греческих монастырях Афона, где осталось только пострижение в рясу (послушническое) и в великую схиму (монашеское).

В поствизантийском греческом монашестве, в т. ч. современном, аналавом стали называть нарамник с красной вышивкой (в славянской традиции — белой). При этом еще в XV в. то, что сейчас греки называют аналавом, по-прежнему считалось у них продолжением куколя, который, как свидетельствует Симеон Фессалоникийский, «сवेशивается спереди на грудь <...>, а также и на спину, и весь вышит красными крестами, для того чтобы этим царским и страшным знамением отгонять нападающих на нас спереди и сзади (ὁ δὲ καὶ ἔμπροσθεν περὶ τὸ στῆθος <...> καὶ ὀπίσθεν ἐκκρέματαί, σταυροὺς ἐρυθροὺς περιφέρων, εἰς τὸ διώκειν τῷ βασιλικῷ καὶ φρικτῷ σημείῳ τοὺς καθ' ἡμῶν ἔμπροσθεν τε καὶ ὀπίσθεν ἐπεμβάινοντας)» [PG 155: 497]. Также описывал куколь намного ранее и император Лев VI Мудрый (866–912) в трактате «Кормчее правило для душ» (известном на Руси как «Кормчая книга»), называя его θώραξ (нагрудные доспехи), в отличие от аналава, характеризуемого им как αὐχένιος ἱμᾶς (нашейный ремень) [Leo imp.: 239]. Наконец, Никодим Святогорец в конце XVIII в. еще продолжал определять аналав, бытовавший на Афоне, именно как делающийся из кожи полиставрий, и цитировал объяснения Симеона [Pidalion 1886: 149].

По всей видимости, мы обязаны появлению в османской Греции аналава как нарамника с крестами сразу нескольким причинам. Первым фактором стала уже упоминавшаяся выше традиция украшения куколя или паллия символикой аналава в виде многочисленного изображения крестов, имитирующих физическое присутствие на ткани полиставрия. Вторым фактором можно назвать исчезновение у греков древнего слитного куколя, спускающегося на грудь и спину, вместо которого монахи стали носить официальный турецкий головной убор и отдельно нарамник, на котором был изображены кресты. Вынужденное появление нового предмета, т. е. нарамника с крестами, необходимо было узаконить в рамках уже сложившегося с определенным набором

одежд литургического текста пострига, в котором новый элемент с крестообразной символикой аналава и был назван аналавом.

4. Аналав в славянской традиции

Среди предметов, возлагаемых на монаха при постриге в великий образ в первом славянском глаголическом евхологии, появляется и аналав: риза, кюкоуль, аналав, [пояс], плесньци (обувь), маньтинца [*Euchologium Sinaiticum*: 568 (= 154)]¹³. Позднейшие славянские требники повторяли этот же набор, но в другой последовательности: риза, параманд (= маньтинца), кюкоуль, аналав, пояс и каллиги (с разной орфографией). В некоторых из них при этом уточнялось, что игумен дает ленти (от λέντιον)¹⁴, называя их аналавом. Это может свидетельствовать о бытовании в древнерусских монастырях аналавов из ткани (например, РГБ, ф. 228, № 30 (XV в.), л. 211; РГБ, ф. 304, № 230 (первая треть XV в.), л. 126об–127; РГБ, ф. 173.III, № 80 (XVII в.), л. 100об–101; РГБ, ф. 212, № 34 (вторая половина XV в.), л. 72–73). Впрочем намного более распространенным пояснением в требниках к аналаву было слово ‘плети’, например, в РГБ, ф. 304, № 233 (XVI в.) л. 83об–84 и в печатном сербском требнике [*Требник* 1495: л. 27 (30)–27 (30)об]. В московских печатных дореформенных требниках на полях встречается пояснение ‘плетцы’ [*Требник* 1623: л. 471об–472; *Требник* 1625: л. 310; *Потребник* 1639: 53(1)об]. В переводе Устава патриарха Алексея Студита, который был принят в древнерусских монастырях, в главе о погребении монахов читаем: «По сѣ възложѣ на нь аналавъ» [*ГИМ, Син330*, л. 273об, см. также: *ГИМ, Чуд4*, 321об]; между тем, сохранились списки и с лексической заменой данного понятия на ‘плети’ в *ГИМ, Син132*, л. 612; *РНБ, Q.I. 223*, л. 522. Упоминания о том, что аналавы по-славянски называются плетцы, также встречаются и в древнерусской литературе, например, в «Сказании о черноризском чине» Кирилла Туровского втор. пол. XII в. (сѣ и мнихѣ аналави предаѣ носити. рекше плетцѣ [*РГБ, ф. 228, № 39*, л. 422об]), который сравнивал их с конской шлеей. Можно даже допустить, что в среде раннего русского монашества аналав продолжал использоваться по назначению, на что указывает комментарий Кирилла Туровского о том, что плетцы носят «творящѣ дѣлаѣ послушаніе» [*РГБ, ф. 228, № 39*, л. 422об; *ГИМ, Син132*, л. 610об].

¹³ В издании аналав ошибочно переводится термином ‘скапуляр’.

¹⁴ Возможно также предположить, что ‘ленты’ является переводом ‘οἱ λῶροι’, что в греческом того времени могло означать ‘ленты’, ‘ремни’, ‘пояса’, ‘плети’; лоры, вопреки расхожему мнению в литературе, не были только торжественной императорской одеждой, они нередко присутствовали вместе с аналавами при описании монашеского одевания у византийских авторов, например [*Catechesis* 110: 811.8; *V. Stephani Iunioris*: 2604; *Leo imp.*: 42; *Symeon Neotheologus*: Or. 5.810, Or. 29.273].

Такие плетцы, ошибочно относимые археологами к нательным крестам¹⁵, действительно, находят в древнерусских монашеских погребениях: они представляют собой переплетения из четырех кожаных плетей, соединенные плетеным крестом. С технологией их изготовления связаны и названия: ‘плети’ или ‘плетцы’. Особенностью изготовления из четырех плетей объясняется и странное употребление слова ‘аналав’ во множественном числе. В киевских Зверинецких пещерах было зафиксировано множество подобных находок XI в. (рис. 6) [Эртель 1913: 39; Каманин 1914: 31, 99–100]. В Киево-Печерской лавре в ходе раскопок 1978–1979 гг. были найдены плетцы XII в., сплетенные из четырех кожаных полос с узлами, вывязанными по краям плетения [Бобровський, Воронцова 2003]. В погребениях из некрополя новгородского Георгиевского собора Юрьева монастыря были обнаружены три экземпляра плетцев. Два из них, плетеные из тонких ремешков, находились в захоронениях, как предполагают, Кириака и Исайи, первых игуменов обители (первая половина XII в.). Третья находка плетцев в некрополе Георгиевского собора зафиксирована в захоронении княгини Евфросинии (†1244) [Каргер 1946: 206, 208–210, рис. 28, 41]. На минском Замчище также в двух захоронениях были выявлены подобные же кожаные плетцы XII в. [Тарасенко 1950: 127]. В новгородском Аркажском монастыре были раскопаны плетцы XIII в. [Орлов 1962]. Плетцы XII–XIII вв. были обнаружены при раскопках в Рязани [Селиванов 1889: 160]. В Москве в 1999 г. в церкви Ризоположения Московского Кремля были произведены вскрытия и исследования останков из двух саркофагов, датированных второй половиной XV в., с захоронением двух неизвестных монахов Чудова монастыря (рис. 7) [Синицына 2005: 118–128], в них также были найдены плетцы. В древнерусских погребениях были найдены плетцы как с одним крестом, так и с двумя крестами, соединенными между собой (на груди и на спине), а также с многократным повторением маленьких крестов по всему плетению, именно такой аналав в греческой традиции стал называться ‘полиставрием’ (πολυσταύριον), т. е. многокрестником, о котором писал Никодим Святогорец [*Pidalion* 1886: 149].

В XVII в. в требниках под воздействием греческой традиции аналавом начали называть отдельно полы славянского куколя с изображением крестов, несмотря на то, что такое наименование было абсурдным, поскольку в славянской традиции куколь не разделится на два предмета. Впервые такая терминология встречается в Требнике Петра Могилы 1646 г., что потребовало даже специального уточнения в тексте последования о том, что куколь и аналав образуют одно целое: «Настоѣтель же

¹⁵ Например, Т. Д. Панова дает очерк этого элемента монашеского одеяния, но ошибочно относит их к нательным крестам [см.: Панова 1997; Eadem 2004: 163–168].

Рис. 6. Фрагменты плетцев XI в. из Зверинецких пещер

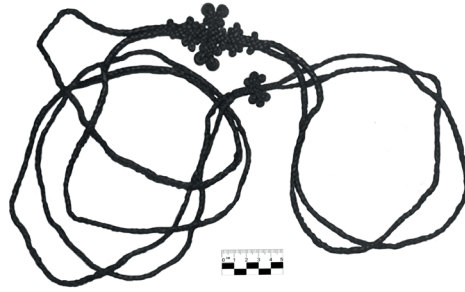

Рис. 7. Плетцы XV–XVI вв. из саркофага № 906 церкви Ризоположения Чудова монастыря, восстановленные из 38 фрагментов

взѣмъ Кукѹлѣ съ Аналавоу, ѣже всегда въкупѣ бывають <...> възлаглетъ на нѣ, покрываа главу предзнаа же и заднаа егѡ, и дѣѣ взѣмъ шуицею конѣцъ прѣнеа полы Аналава» [Требник 1646: 944–945]. Требник Петра Могила был составлен на основании славянских рукописей и греческого Евхология Ж. Гоара (в котором дается пояснение, что аналав является скапуляром), и подобная формула явилась, по всей видимости, для составителя некоторым компромиссом между греческой традицией, где возлагался клобук с нарамником, и славянской, где по-прежнему постригаемый принимал куколь с удлинением в виде нарамника. В рукописных требниках XV–XVI вв., а также в московских печатных требниках XVII в., в т. ч. в пореформенных конца XVII в., чин сохранял старый набор постригальных одежд. В дальнейшем именно текст чинопоследования постригов Требника Петра Могила вошел в практику русской Церкви, текст которых дословно воспроизводится и по сей день вслед за синодальными изданиями [напр., Чин 1901].

В то же время русская традиция сохраняла среди монашеских одежд и предмет с формой старого аналава, который текст чинопоследования Петра Могила (соответственно и дословно повторяющие его синодальные требники) называет ‘великим парамантом’ (рис. 8). В могилянской редакции на схимника он стал возлагаться не со словами, предназначенными для аналава, а со словами, изначально определенными для параманда-паллия [Требник 1646: 943–944]. В результате текст чинопоследования стал еще более непоследовательным, так как речь иерея при возложении древнего плетеного креста перестала отражать саму символику креста. Под влиянием требников, слепо копировавших чин Петра Могила, древнерусский аналав и стал повсеместно определяться как четырехугольный параманд: как в исследованиях по археологии и

филологии, так и в исторических словарях русского языка. Причем такая подмена понятий характерна именно для современной славянской традиции как русской, так и южнославянской.

Откуда же пошла подобная терминологическая путаница аналава и параманда в самом Требнике Петра Могилы? Прежде всего, следует сказать, что параманд в византийской и славянской традиции представлял собой совершенно иной предмет. Изначально параманд — это парамантия, т. е. небольшая накидка, носимая под мантией или вместо нее. В греческих литургических текстах ‘парамантий’ / ‘параманд’ (παράμαντιον, παραμάνδρον) стал возлагаться при пострижении как ‘паллий’, присутствовавший в чине пострига с самого начала, в т. ч. у Максима Исповедника и в Евхологии Барберини; паллий был у всех первых египетских и палестинских монахов. Стандартная фраза чинопоследования XIV–XVII вв. выглядела так: τὸ παράμανδρον · Ὁ ἀδελφὸς ἡμῶν, ὁ δεῖνα, περιβάλλεται τὸ παλλίον (парамандий: Брат наш, имярек, облачается в паллий) [Saba 367 (= CL): 935, XV–XVI вв.]. В другом иерусалимском евхологии XVI–XVII вв. дополнительно поясняется: «Καὶ λαβὼν παράμαντιον, λεγόμενον παλλίον» (и взяв парамантий, называемый паллий) [Saba 568 (=CLII): 945]. Печатный сербский требник 1495 г. также поясняет, что парамантион есть палион [Требник 1495: 27 (30)]. В русских дореформенных требниках параманд (парамань / парамон / парамандия / парамантион / парамандион и т. д.) надевался на монаха, как и в греческих евхологиях, во время произнесения слов о возложении палиона или мантии¹⁶: в малой схеме — «во обручение великого ангельского образа», а в великой схеме — «великого ангельского образа». В никоновских требниках вслед за греческими требниками слово ‘параманд’ исчезло из чина и на его месте в тексте пострига в малый образ снова появился термин ‘палий’ [Требник 1658: 235; Требник 1688: 109], а в тексте пострига в великий образ — ‘мандия’ [Требник 1658: 269; Требник 1688: 124].

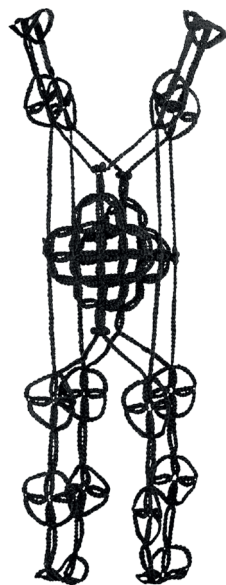

Рис. 8.
«Великий парамант»
великосхимника в
современном обиходе

¹⁶ Славяне изначально не совсем корректно стали переводить паллий как мантию, что привело к путанице, так как греческие παλλίον и μανδύας — это два разных вида верхней одежды, и в настоящее время и то, и другое дается у греков при постриге в великую схиму.

Как выглядел параманд? Григорий Синаит (ок. 1268–1346) описывает современный ему паллий как накидку, которая покрывает, прежде всего, корпус монаха, в отличие от длинной и широкой мантии, напоминающей крылья птицы [Gregorius Sinaïta: § 9.9]. Как пишет Феодосий Гуделис в Житии Леонтия Иерусалимского в нач. XIII в., накидка, которую монахи в реальности носили по образу древнего четырехугольного плаща паллия, называется эпомида [Vita Leontii: § 9.5]. В «Житии Стефана Нового» Симеона Метафраста (вт. половина X в.) при перечислении элементов, входящих в схиму, также упоминаются крестовидный аналав и эпомида [V. Stephani Iunioris: § 20, 65–67]; малую и большую эпомиду в качестве паллия имел и Феодор Студит [Catechesis II, 106]. Такое же понимание мы находим в известной «Схеме о мыши», юмористическом произведении византийского писателя XII в. Феодора Продрома, где парамандий описывается как накидка эпомида, носимая помимо мантии: «ποῦ ἡ ἐπωμίς ἐστίν, ὅπερ λέγουσι παραμάνδιον; ποῦ ἡ κίδαρις; ποῦ ὁ μανδύας; ποῦ τὰ τῶν ποδῶν σου σανδάλια;» [Scheda: § 2.63–65] (Где эпомида твоя, которую называют парамандий, где кидарис, где мантия, где сандалии на твои ногах?).

Эпомиду, в свою очередь, византийские авторы описывали как короткую накидку из разряда фелоней, похожую на эфод [Hesychius: E.7536.1; Anastasius Sinaïta: Q.98 § 2.11]. Об этом же свидетельствуют и древнерусские источники, например, в списках Волоколамской группы «Сказания о черноризском чине» Кирилла Туровского параманд опять же сравнивается с эфодом или эпомидой [перемандъ: РГБ, ф. 113, № 492, л. 21об; перемандъ: РГБ, ф. 113, № 504, л. 135; РГБ, ф. 113, № 525, л. 155]. Текст сказания часто переписывался с некоторыми лексическими заменами в составе сборников и русских Кормчих; как известно, текст сказания в Новгородской кормчей является древнейшим из сохранившихся списков (60–70 гг. XIII в.) и ему свойственна ранняя фиксация слов и значений; в этой редакции мы встречаем вместо параманда термин малаа манзтка или малаа переманатка, манатка, манотка, манатенка [Макеева 2010: 397–398; Eadem 2009]¹⁷. Такой же вид одежды под названием монатейка малаа или просто монатейка, постоянно упоминается в «Уставе о монастырском платье» 1553 г. в Соловецком монастыре для повседневного ношения у всех монахов, помимо мантий (монатъа / манатъа) [Устав 1553; см. также: Буров 2010: 86]¹⁸.

Когда же произошло смешение? Никодим Святогорец (1749–1809) при описании элементов одежды малой схимы [Exomologetaron: II, сар.

¹⁷ От μαντί — простонародного названия мантии, по сравнению с литургическим μανδύας.

¹⁸ В Уставе не упоминаются аналавы или плетцы, впрочем, как и монашеские пояса, которые митр. Филипп не инвентаризировал.

38, § 9.153–196] особо задерживается на описании паллия, который, согласно греческим требникам, даровался при постриге в малую схиму наряду с ризой, поясом и сандалиями. Он пишет, что паллий изначально представлял собой плащ типа хлены (χλαῖνα), который надевался на хитон, но впоследствии превратился в малую или вторую мантию (μικρὸς καὶ δεῦτερος μανδύας), которую поэтому стали называть парамандиём (παράμανδυ). И затем Никодим начинает потешаться над множеством безграмотных своего времени, которые стали называть парамандиём квадрат размером в пядь (τὸ σπιθαμιαῖον τετράγωνον), и над безграмотными священниками, которые вместо положенного традицией паллия стали давать при постриге этот квадратик, произнося при этом слова чинопоследования, предназначавшиеся для паллия. Никодим отвергал всякую возможность возложения с благословением во время пострига четырехугольного плата с веревочками и предлагал монахам носить его просто так, если уж он им так нравится. Вместе с тем он пишет, что, поскольку в его дни паллий (или парамандий, или малая мантия) был заменен на аналогичную по функциям верхнюю рясу (ἐπ'ανώρασον, ἐξώρασον или μανδύορασον), то именно ее монахи должны получать при постриге в малую схиму в качестве паллия. Следует отметить, что согласно греческим печатным требникам, в т. ч. современным, постригаемый принимает, как и считал правильным Никодим, верхнюю рясу (ἐξώρασον) как паллий или парамандий, а не четырехугольный плат под видом параманда, и этот текст греческих требников согласуется с практикой греческих монастырей.

Почему же парамандом стали называть маленький плат, не совсем понятно даже для Никодима, не говорит он и о происхождении этого обычая. Нечто похожее случилось в средневековой Западной Европе, где скапуляром (западным подобием паллия) стали также называть два прямоугольных куска со шнурами (такие вотивные скапуляры носят многие ордена до сих пор). Тем не менее вопрос зависимости этих обычаев, который необходимо поставить, достаточно сложен ввиду отсутствия источников.

Между тем, практика, отвергнутая в греческих монастырях, канонизировалась в России. До XVII в. стандартный набор одежд при пострижении в малую схиму был такой же, как и у греков: риза, пояс, параманд (как мантия), сандалии, и иногда камилавка. Однако в некоторых требниках XV–XVI вв. появляются слова о возложении после ризы параманда (под которым понимается четырехугольный плат) со словами, предназначенными для аналава (εἴθε εἶτερ послѣдованіе крѣтное вѣще ѿѿ), после чего уже возлагалась мантия (отсутствовавшая в греческих чинах того времени), пояс и сандалии [РГБ, ф. 173.1, № 184 (XV в.), л. 81об–82; РГБ,

ф. 304, № 236, л. 20–21об (XVI в.)). Очевидно, что это являлось своего рода отражением характерного для этого времени стремления приблизить малую схиму к великой. В московских печатных дореформенных требниках XVII в. была взята именно эта версия последования малой схимы с парамандом как платом [напр., *Требник* 1623: 429–430], в реформенных же требниках XVII в., напротив, была восстановлена изначальная версия по греческому оригиналу, где параманд называется ‘палій’ [*Требник* 1658: 235; *Требник* 1688: 109]. Современная же синодальная версия малой схимы дословно повторяет *Требник* Петра Могилы 1646 г. [*Требник* 1646: 909–914], который впитал в себя различные местные традиции и весьма причудливо смешал разные предметы: постригаемый получает и власяницу как хитон, и рясу со словами, предназначавшимися во всех предыдущих чинах для хитона/ризы/гиматия (в ц.-слав. ‘одежды’), параманд в виде плата со словами, ранее относившимися к мантии, а мантию без традиционных слов, камилавку как куколь, а вдобавок еще вервицу (четки), крест и свечу, что вообще не согласуется с предыдущей многовековой традицией, и только, кажется, сандалии и пояс в нем выдаются под видом все тех же сандалий и пояса. Вышеописанные изменения в тексте чина малой схимы повлияли и на чин великой схимы в синодальной традиции. Появление у малосхимников параманда как плата с крестом, который стал параллелен по символизму аналаву великосхимников, а также распространение вслед за греками обычая именовать аналавом продолжение куколя привели к тому, что плетцы великосхимников в России стали также называть парамандом. В чинопоследовании такое наименование, как мы уже писали, впервые появляется у Петра Могилы и становится стандартным в синодальный период вместе с повсеместным введением его текстов постригальных чинов¹⁹.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

¹⁹ В чинопоследовании великой схимы экземпляра дореформенного *Требника* 1623 г., хранящегося в «Музее книги» РГБ (Кир. 4°, инв. № 50-7487101), на л. 471об–472, встречаем запись рукой на полях ‘плетцы’ напротив ‘параманда’, тогда как напротив ‘куколя’ и ‘аналава’ написано рукой ‘схима’, при этом типографским набором напротив ‘аналава’ напечатано ‘плетцы’. Таким образом, данный печатный требник сохранил свидетельство о фиксации терминологического расхождения: печатный дореформенный текст XVII в. чина великой схимы отражал старую традицию, а рукописный (XVIII в.) — новую, при которой плетцы стали возлагать на схимников как параманд.

Библиография

Источники

*Литургические и канонические источники***Потребник 1639**

Потребник иноческий, Москва: Печатный двор, 1639.

РГБ, ф. 113, № 492

РГБ, ф. 113, Собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря, №492.
Панегирик годовой (конвюлют), 2-я четв. XVI в.

РГБ, ф. 113, № 504

РГБ, ф. 113, Собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря, №504.
Панегирик годовой, XVI в.

РГБ, ф. 113, № 525

РГБ, ф. 113, Собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря, №525.
Панегирик годовой (конвюлют), 1-й пол. XVI в.

РГБ, ф. 173.I, № 184

РГБ, ф. 173.I, Собрание Фундаментальной библиотеки Московской духовной академии,
№ 184. Требник, XV в.

РГБ, ф. 173.III, № 80

РГБ, ф. 173.III, Собрание по временному каталогу библиотеки Московской духовной
академии, № 80. Требник, XVII в.

РГБ, ф. 212, № 34

РГБ, ф. 212, Собрание рукописных книг Олонецкой Духовной семинарии, № 34.
Требник, вторая половина XV в.

РГБ, ф. 228, № 30

РГБ, ф. 228, Собрание рукописных книг Д. В. Пискарева, № 30. Требник, XV в.

РГБ, ф. 228, № 39

РГБ, ф. 228, Собрание рукописных книг Д. В. Пискарева, № 39. Кормчая книга, XVI в.;
текст «Сказания о черноризском чине» Кирилла Туровского изд. в [Макеева 2010: 381–398].

РГБ, ф. 304, № 230

РГБ, ф. 304, Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры, № 230.
Требник, первая треть XV в.

РГБ, ф. 304, № 233

РГБ, ф. 304, Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры, № 233.
Требник, XVI в.

РГБ, ф. 304, № 236

РГБ, ф. 304, Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры, № 236.
Требник, XVI в.

РНБ, Q.I.223

РНБ, ф. 550, Основное собрание рукописной книги, № Q.I.223. Служебник, нач. XVII в.

Син132

ГИМ, Синодальное собрание, № 132. Кормчая книга, 1282 г.

Син281

ГИМ, Синодальное собрание, № 281. Евхологий греческий, 1470 г.

Син330

ГИМ, Синодальное собрание, № 330. Устав студийский церковный и монастырский, XII–XIII вв.; издан в [Пентковский 2001].

Требник 1495

Требник, Цетинье: тип. Г. Црноевича, печ. иером. Макария, 1495.

Требник 1623; 1625; 1658; 1688

Требник, Москва: Печатный двор, 1623; 1625; 1658; 1688.

Требник 1646

ΕΥΧΟΛΟΓΙΩΝ, альбо Молитвенник, или Требник, Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1646.

Чин 1901

Последование малого образа, еже есть мантия. Последование великого ангельского образа, еже есть схи́ма, С.-Петербург, 1901.

Чуд4

ГИМ, Чудовское собрание, № 4. Варсонофьевская Кормчая, конец XIV в.

Barberini gr. 336

Ватикан, Ватиканская апостольская библиотека, Barberini gr. 336. Евхологий греческий, Калабрия, конец VIII в.; издан в [Parenti, Velkovska 2000].

Euchologion 1647

Goar J., ed., *Euchologion sive Rituale Graecorum*, Venetiis, 1647.

——— 1730

Goar J., ed., *Euchologion sive Rituale Graecorum*, Venetiis, 1730.

——— 1869

Εὐχολόγιον τὸ Μέγα, Βενετία, 1869.

Euchologium Sinaiticum

Frček C. J., ed., *Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française* (= *Patrologia Orientalis*, 24: 5), Paris, 1933.

Off. schematis magni I

Wawryk M., ed., *Officio schematis magni. Formularium primum, Initiatio monastica in liturgia byzantina: Officiorum schematis monastici magni et parvi necnon rasophoratus exordia et evolutio* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 180), Rome, 1968, 5*–39*.

Off. schematis magni II

Wawryk M., ed., *Officio schematis magni. Formularium secundum, Initiatio monastica in liturgia byzantina: Officiorum schematis monastici magni et parvi necnon rasophoratus exordia et evolutio* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 180), Rome, 1968, 68*–102*.

Panagios Taphos 274 (= LXVIII)

Иерусалим, Патриаршая библиотека, собрание монастыря св. Гроба (Πανάγιος Τάφος), № 274 [= Дмитриевский LXVIII]. Евхологий греческий, XV в.; описан и фрагментарно издан в [Дмитриевский 1901: 505–516].

Pidalion 1886

Πηδάλιον τῆς νοητῆς νηὸς τῆς μίας ἀγίας καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς τῶν ὁρθόδοξων Ἐκκλησίας, Ἐν Ἀθήναις, 1886.

Saba 367 (= CL)

Иерусалим, Патриаршая библиотека, собрание монастыря св. Саввы Освященного, № 367 [= Дмитриевский CL]. Евхологий греческий, XV–XVI вв.; описан и фрагментарно издан в [Дмитриевский 1901: 932–938].

Saba 568 (= CLII)

Иерусалим, Патриаршая библиотека, собрание монастыря св. Саввы Освященного, № 568 [= Дмитриевский CLII]. Евхологий греческий, XVI–XVII вв.; описан и фрагментарно издан в [Дмитриевский 1901: 939–948].

Sinai 985

Синай, Библиотека монастыря св. Екатерины, греческий фонд, № 985. Евхологий греческий, XVI в.; описан в [Пальмов 1914: 265–267].

Sin. georg. 12

ჭელიძე ედიშერ, изд., დიდნი კურთხევანი (ტომი I, ძველი ქართული ხელნაწერების მიხედვით გამოსაცემად მოამზადა და სქოლიოები დაურთო ედიშერ ჭელიძემ), Тбилиси, 2006.

Ven. arm. 457

Венеция, Библиотека мхетаристов, № 457 (320). Евхологий армянский, X в.; описание и английский перевод текста в [Conybear 1905: 136–157].

*Издания прочих письменных источников**Устав 1553*

Лобакова И. А., «Устав о монастырском платье» 1553 г. — один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычева), *Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь*, С.-Петербург, 2001.

Amélineau 1894

Amélineau E., éd., Apophthegmes sur saint Antoine, *Histoire des monastères de la Basse-Égypte* (= Annales du Musée Guinet, XVII), Paris, 1894.

Anastasius Sinaita

Munitiz J. A., Richard M., eds., *Anastasioi Sinaitae Questiones et Responsiones* (= Corpus Christianorum, Series Graeca, 59), Turnhout, Leuven: Brepols, 2006.

Asceticon

Draguet R. éd. et trad., *Isaïe de Gaza, Ascéticon, Les cinq recensions de l'Ascéticon syriaque d'abba Isaïe* (= Corpus scriptorum Christianorum Orientalium, 293), Louvain: Brepols, 1968.

Catechesis

Пападопуло-Керамевс А., ed., *Феодор Стыдун, Μεγάλη κατήχησις*, С.-Петербург, 1904.

Chitty 1966

Chitty D. J., crit. ed., tr., *Barsanuphius and John, Questions and Answers* (= Patrologia orientalis, 31:3), Paris, 1966.

Chrysavgis 2006

Chrysavgis J., transl., *Barsanuphius and John, Letters*, Washington, 2006.

De institutis

Guy J.-C., éd., *Jean Cassien, Institutions cénobitiques* (= Sources Chrétiennes, 109), Paris, 1965.

Ephraem Syrus

Φραντζολάς К., ed., *Ὁσίον Ἐφραίμ τοῦ Σύρου ἔργα*, т. 1–7, Θεσσαλονίκη, 1988–1995.

Etymologiarum

Lindsay W. M., ed., *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX*, Oxford, 1911.

Evagriana Syriaca

Muyldermans J., éd. et tr., *Evagriana Syriaca. Textes inédits du British Museum et de la Vaticane*, Louvain, 1952.

Exomologetarion

Γεωργίου Α. Σ., ed., *Ἐξομολογητάριον ἥτοι βιβλίον ψυχωφελέστατον*, ἐν Ἀθηνáς, 1895.

Gregorius Palamas

Χρήστου Π.Κ., ed., *Ἀσκητικά Συγγράμματα, Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ συγγράμματα*, vol. 5, Θεσσαλονίκη, 1992, 157–260.

Gregorius Sinaita

Rigo A., ed., *Il monaco, la Chiesa e la Liturgia* (= *La Mistica Cristiana tra Oriente e Occidente*, 4), Firenze, 2005, 2–18, 50.

Guy 2005

Guy J.-C., éd., *Les Apophtegmes des Pères: collection systématique* (= *Sources Chrétiennes*, 498), Paris, 2005.

Hesychius

Latte K., ed., *Hesychii Alexandrini lexicon*, vol. 1–2, Copenhagen, 1953–1966.

Instructiones

Regnault L., de Préville J., eds., *Dorothee de Gaza, Œuvres Spirituelles* (= *Sources Chrétiennes*, 92), Paris, 1963.

Ioannes Ephesius

Brooks E. W., ed., *John of Ephesus: Lives of the Eastern Saints* (= *Patrologia Orientalis*, 17.1 [82]), Paris, 1923.

Leo Imp.

Παπαδοπουλο-Κεραμεβς Α., изд., *Λέοντος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστοῦ βασιλέως Ῥωμαίων οἰακιστικὴ ψυχῶν ὑποτύψεις*, *Varia Graeca Sacra: Сборник неизданных греческих богословских текстов IV–XV вв.*, С.-Петербург, 1909, 213–253.

Neyt et al. 1998

Neyt F., de Angelis-Noah P., introd., texte crit., notes, Regnault L., trad., *Barsanuphe et Jean de Gaza, Correspondance* (= *Sources Chrétiennes*, 427), vols. 1, 2, Paris, 1998.

PG 31

Basiliius Caesariensis, *Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae brevius tractatae)* (= *Patrologia Graeca*, 31), Paris, 1857, 1052–1305.

PG 155

Symeon Thessalonicensis, *De paenitentia* (= *Patrologia Graeca*, 155), Paris, 1866, 469–503.

PL 101

Alcuin, *Liber de diuinis officiis* (= *Patrologia Latina*, 101), Paris, 1863, 1173–1286.

Practicus

Guillaumont A., Guillaumont C., éd., *Evagre Le Pontique, Traité pratique ou le moine*, vol. 2 (= *Sources Chrétiennes*, 171), Paris, 1971.

Quaestiones et dubia

Declerck J. H., ed., *Maximi confessoris quaestiones et dubia* (= *Corpus Christianorum. Series Graeca*, 100), Turnhout, Leuven: Brepols, 1982.

Regnault 1981

Regnault L., éd., *Les sentences des Pères du désert: collection alphabétique*, vol. 4, Abbaye Saint-Pierre de Solesmes, 1981.

Scheda

Papademetriou J. T., ed., *Τὰ Σχέδη τοῦ Μυῶς: New Sources and Text, Classical Studies Presented to Ben Edwin Perry by his Students and Colleagues at the University of Illinois, 1924–60* (= *Illinois Studies in Language and Literature*, 58), Urbana, 1969, 219–222.

Sozomenus

Bidez J., Hansen G. C., hrsg., *Sozomenus, Kirchengeschichte* (= Die griechischen christlichen Schriftsteller, 50), Berlin, 1960.

Symeon Neotheologus

Krivochéine B., Paramelle J., eds., *Syméon le Nouveau Théologien, Catéchèses* (= Sources chrétiennes, 96, 104, 113), Paris, 1963, 1964, 1965.

V. Stephani Iunioris

Iadevaia F., ed., *Simeone Metafraste, Vita di S. Stefano Minore*, Messina, 1984.

Vita de Longini

Orlandi T., éd., Campagnano A., trad., *Vite dei monaci Phife Longino* (= Testi e documenti per lo studio dell'antichità, Serie copta, 51), Milan, 1975, 46–92.

Vita Leontii

Tsougarakis D., ed., *The Life of Leontios Patriarch of Jerusalem*, Leiden, New York, Köln: Brill, 1993.

Изобразительные и археологические источники

Каманин 1914

Каманин Н. Н., *Зверинецкие пещеры в Киеве*, Киев, 1914.

Каргер 1946

Каргер М. К., Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935), *Советская археология*, 8, Москва, Ленинград, 1946, 206, 208–210, рис. 28, 41.

Орлов 1962

Орлов С. Н., *Отчет по раскопкам и исследованию руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г.*, Архив ИА РАН, Р–I, 2440, л. 40.

Селиванов 1889

Селиванов А. В., *Дневник раскопок в Старой Рязани, Труды Рязанской ученой архивной комиссии*, 3:8, Рязань, 1889, 159–162.

Синицына 2005

Синицына Н. П., Некоторые проблемы реставрации археологической кожи, *VI Грабаревские чтения*, Москва, 2005, 118–128.

Тарасенко 1950

Тарасенко В. Р., Раскопки Минского Замчища, *Краткие сообщения института истории материальной культуры*, 35, Москва, Ленинград, 1950, 127.

Эртель 1913

Эртель А. Д., *Древние пещеры на Зверинце в Киеве*, Киев, 1913.

Bolman 2006

Bolman E. S., Late Antique Aesthetics, Chromophobia, and the Red Monastery, Sohag, Egypt, *Eastern Christian Art* 3, 2006, 1–24.

—— et al. 2010

Bolman E. S., Davis S. J., Pyke G., Shenoute and a Recently Discovered Tomb Chapel at the White Monastery, *Journal of Early Christian Studies*, 18/3, 2010, 453–462.

Castel 1979

Castel G., Étude d'une momie copte, *Hommage à Serge Sauneron*, 2, Le Caire, 1979, 121–143.

Crum et al. 1926

Crum W. E., Winlock H. E., Evelyn-White H. G., *The monastery of Epiphanius at Thebes*, New York, 1926.

Homolle 1897

Homolle T., L'Aurige de Delphes, *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*, 4:2, 1897, 169–208.

Leroy 1974

Leroy J., *Les manuscrits coptes et coptes-arabes illustrés* (= Institut français d'archéologie de Beyrouth, Bibliothèque archéologique et historique, 96), Paris, 1974.

Oppenheim 1931

Oppenheim Ph., *Das Mönchskleid im christlichen Altertum*, Fribourg, 1931.

Orlandi 1984

Orlandi T., Campagnano A., ed., *Vite di monaci copti* (= Collana di testi patristici, 41), Rome, 1984.

Vat. gr. 1613

Ватикан, Ватиканская апостольская библиотека, Vaticanus graecus, №1613. Минологий Василия II.

Литература

Аванесов 1988

Аванесов Р. И., ред., *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, том I, Москва, 1988.

Бобровський, Воронцова 2003

Бобровський Т., Воронцова О., Середньовічні чернецькі шкіряні вироби з тисненими зображеннями, *Культурна спадщина Києва: дослідження та охорона історичного середовища*, Київ, 2003, 88–96.

Буров 2010

Буров В. А., «Устав о монастырском платье» 1553 г. как исторический источник, *Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря*, С.-Петербург, 2010, 80–91.

Дмитриевский 1901

Дмитриевский А. А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, том II, Киев, 1901.

Макеева 2009

Макеева И. И., «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского в русских Кормчих: к вопросу об авторском тексте, *Русский язык в научном освещении*, 2, Москва, 2009, 175–205.

——— 2010

Макеева И. И., «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского по Кормчей XVI в. (РГБ, собр. Пискарева, ф. 228, № 39), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, Москва, 2010, 355–398.

Пальмов 1914

Пальмов Н. Н., *Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви: историко-археологическое исследование*, Киев, 1914.

Панова 1977

Панова Т. Д., Нателные кресты в погребальной практике русского средневековья (XI–XVI вв.), *Церковная археология (Материалы 1-ой Всероссийской конференции)*, часть 2, С.-Петербург, Псков, 1997, 73.

——— 2004

Панова Т. Д., *Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков*, Москва, 2004, 163–168.

Пентковский 2001

Пентковский А. М. *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

Срезневский 1893

Срезневский И. И., сост., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, том I, С.-Петербург, 1893.

Antonopoulou 2016

Antonopoulou Th., The Unedited Life of St John Chrysostom by Nicetas David the Paphlagonian, *Byzantion, Revue Internationale des Études Byzantines*, 86, 2016, 1–51.

Boud'hors 2010

Boud'hors A., Le «scapulaire» et la mélote: nouvelles attestations dans les textes coptes?, *Études coptes XI, Treizième journée d'études (Marseille, 7–9 juin 2007)*, Paris, 2010, 65–77.

Conybeare 1905

Conybeare F. C. *Rituale Armenorum*, Oxford, 1905.

Innemée 1992

Innemée K., *Ecclesiastical Dress in the Medieval Near East*, Leiden, 1992.

Johns 2003

Johns C., Body-chains, Hellenistic to Late Roman, *Through a Glass Brightly: Studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology Presented to David Buckton*, Oxford, 2003, 10–15.

Meyer 2014

Meyer M., Was ist ein Mädchen? Der Blick auf die weibliche Jugend im klassischen Athen, *Mädchen im Altertum* (= Frauen – Forschung – Archäologie, 11), Münster, 2014, 221–236.

Miller 2004

Miller M., *Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity*, Cambridge, 2004.

Muc 2009

Muc A., Some Remarks on the Egyptian Monastic Dress in the Context of Literary Sources and Funerary Finds, *Studies in Ancient Art and Civilization*, 13, Kraków, 2009, 183–188.

Musin 2010

Musin A., Russian Medieval Culture, *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art. Proceedings of the Symposium on Byzantine Art and Archaeology Cracow, September 8–10, 2008* (= Art Series Byzantina: Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art, 8), Warsaw, 2010, 11–44.

Oltean 2017

Oltean L.-D., *Devenir moine à Byzance. Coutumes sociales, règles monastiques et rituels liturgiques*, [Thèse: École doctorale de l'EHESS, Université Aristote], Paris, Thessalonique, 2017.

Palmer 1990

Palmer A., *Monk and mason on the Tigris frontier: The early history of Ṭur 'Abdin*, Cambridge, 1990.

Parani 2008

Parani M., Fabrics and Clothing, *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*, Oxford, 2008, 407–420.

Parenti, Velkovska 2000

Parenti S., Velkovska E., éd., *L'Euclologio Barberini gr. 336* (= Bibliotheca Ephemerides Liturgicae, subs. 80), Rome, 2000.

Thomas, Constantinides 2000

Thomas J., Constantinides A. Hero, *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*, vol. 1, Washington, 2000.

Tomeković 2011

Tomeković Sv., *Les saints ermites et moines dans la peinture murale byzantine*, Paris, 2011.

Wawryk 1968

Wawryk M., *Initiatio monastica in liturgia byzantina: Officiorum schematis monastici magni et parvi necnon rasophoratus exordia et evolutio* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 180), Rome, 1968.

——— 1986

Wawryk M., The Offices of Monastic Initiation in the Euchologium Sinaiticum and Their Greek Sources, *Harvard Ukrainian Studies*, 10 (N° 1/2), 1986, 5–47.

References

Amélineau E., éd., *Apophthegmes sur saint Antoine, Histoire des monastères de la Basse-Égypte* (= *Annales du Musée Guinet*, XVII), Paris, 1894.

Antonopoulou Th., The Unedited Life of St John Chrysostom by Nicetas David the Paphlagonian, *Byzantion, Revue Internationale des Études Byzantines*, 86, 2016, 1–51.

Avanesov R. I., ed., *Slovar' drevnerusskogo iazyka* (XI–XIV vv.), tom I, Moscow, 1988.

Bobrovs'kyi T., Vorontsova O., Seredn'ovichni chernets'ki shkiryani vyroby z tysnenymy zobrazen-niamy, *Kulturna spadshchyna Kyieva: doslidzhennia ta okhorona istorychnoho seredovishcha*, Kyiv, 2003, 88–96.

Boud'hors A., Le «scapulaire» et la mélote: nouvelles attestations dans les textes coptes?, *Études coptes XI, Treizième journée d'études* (Marseille, 7–9 juin 2007), Paris, 2010, 65–77.

Burov V. A., «Ustav o monastyrskom plat'e» 1553 g. kak istoricheskii istochnik, *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Knizhnoe nasledie Solovetskogo monas-tyria*, St. Petersburg, 2010, 80–91.

Chitty D. J., crit. ed., tr., *Barsanuphius and John, Questions and Answers* (= *Patrologia orientalis*, 31:3), Paris, 1966.

Chrysavgis J., transl., *Barsanuphius and John, Letters*, Washington, 2006.

Conybeare F. C. *Rituale Armenorum*, Oxford, 1905, 136–157.

Dmitrievskii A. A., *Opisanie liturgicheskikh rukopisei, khраниashchikhsia v bibliotekakh pravoslavno-go Vostoka*, tom II, Kyiv, 1901.

Goar J., ed., *Euchologion sive Rituale Graecorum*, Venetii, 1647.

Goar J., ed., *Euchologion sive Rituale Graecorum*, Venetii, 1730.

Guy J.-C., éd., *Les Apophthegmes des Pères: collection systématique* (= *Sources Chrétiennes*, 498), Paris, 2005.

Innemée K., *Ecclesiastical Dress in the Medieval Near East*, Leiden, 1992.

Johns C., Body-chains, Hellenistic to Late Roman, *Through a Glass Brightly: Studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology Presented to David Buckton*, Oxford, 2003, 10–15.

Makeeva I. I., «Skazanie o chernorizskom chine» Kirilla Turovskogo v russkikh Kormchikh: k voprosu ob avtorskom tekste, *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, Moscow, 2009, 175–205.

Meyer M., Was ist ein Mädchen? Der Blick auf die weibliche Jugend im klassischen Athen, *Mädchen im Altertum* (= *Frauen – Forschung – Archäologie*, 11), Münster, 2014, 221–236.

Miller M., *Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity*, Cambridge, 2004.

Muc A., Some Remarks on the Egyptian Monastic Dress in the Context of Literary Sources and Funerary Finds, *Studies in Ancient Art and Civilization*, 13, Kraków, 2009, 183–188.

Musin A., Russian Medieval Culture, *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art. Proceedings of the Symposium on Byzantine Art and Archaeology Cracow, September 8–10, 2008* (= *Art Series Byzantina: Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art*, 8), Warsaw, 2010, 11–44.

Neyt F., de Angelis-Noah P., Introd., texte crit., notes, Regnault L., trad., *Barsanuphe et Jean de Gaza, Correspondance* (= *Sources Chrétiennes*, 427), vol. 1, 2, Paris, 1998.

Oltean L.-D., *Devenir moine à Byzance. Coutumes sociales, règles monastiques et rituels liturgiques* [Thèse], Paris, Thessalonique, 2017.

Orlandi T., Campagnano A., ed., *Vite di monaci copti* (= *Collana di testi patristici*, 41), Rome, 1984.

Palmer A., *Monk and mason on the Tigris frontier: The early history of Tur 'Abdin*, Cambridge, 1990.

Pal'mov N. N., *Postrizhenie v monashestvo. Chiny postrizheniia v monashestvo v Grecheskoi Tserkvi: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie*, Kyiv, 1914.

Panova T. D., *Natel'nye kresty v pogrebal'noi praktike russkogo srednevekov'ia* (XI–XVI vv.), *Tserkovnaia arkhologia* (*Materialy 1-oi Vserossiiskoi konferentsii*), chast' 2, St. Petersburg, Pskov, 1997, 73.

Panova T. D., *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyi obriad srednevekovoï Rusi XI–XVI vekov*, Moscow, 2004.

Papadopoulos-Kerameus A., *Varia Graeca Sacra: Sbornik neizdannykh grecheskikh bogoslovskikh tekstov IV–XV vv.*, St. Petersburg, 1909, 213–253.

Parani M., Fabrics and Clothing, *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*, Oxford, 2008, 407–420.

Parenti S., Velkovska E., éd., *L' Eucologio Barberini gr. 336* (= Bibliotheca Ephemerides Liturgicae, subs. 80), Rome, 2000.

Pentkovskii A. M. *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.

Regnault L., éd., *Les sentences des Pères du désert: collection alphabétique*, vol. 4, Abbaye Saint-Pierre de Solesmes, 1981.

Sreznevskii I. I., comp., *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikom*, tom I, St. Petersburg, 1893.

Thomas J., Constantinides A. Hero, *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*, vol. 1, Washington, 2000.

Tomeković Sv., *Les saints ermites et moines dans la peinture murale byzantine*, Paris, 2011.

Wawryk M., *Initiatio monastica in liturgia byzantina: Officiorum schematis monastici magni et parvi necnon rasophoratus exordia et evolutio* (= Orientalia Christiana Analecta, 180), Rome, 1968.

Wawryk M., The Offices of Monastic Initiation in the Euchologium Sinaiticum and Their Greek Sources, *Harvard Ukrainian Studies*, 10 (№ 1/2), 1986, 5–47.

Андрей Викторович Курбанов, кандидат исторических наук,
научный сотрудник

Русской христианской гуманитарной академии

191011, С.-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15

Россия / Russia

andrey.kurbanov@gmail.com

Лидия Валентиновна Спиридонова, кандидат исторических наук,
научный сотрудник

Русской христианской гуманитарной академии

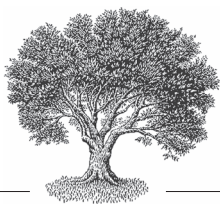
191011, С.-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15

Россия / Russia

lydia.spyridonova@gmail.com

Received February 9, 2022

Проблема ареальных исследований мифологических представлений: польская змора на общеславянском фоне

**Полина Борисовна
Поветкина**

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

The Problem of Areal Studies of Folk Beliefs: Polish Zmora on the Background of Other Slavic Traditions

Polina B. Povetkina

Lomonosov Moscow State
University,
Moscow, Russia

Резюме

В настоящее время продолжает оставаться актуальной проблема идентификации и сравнения мифологических персонажей, принадлежащих разным фольклорным традициям. Выявление общих элементов у мифологических персонажей необходимо для составления фольклорных указателей и картографирования конкретных мотивов и сюжетов, связанных с ними. В данной статье предпринята попытка сравнить польскую змору с мифологическими персонажами этого типа из других славянских традиций. В статье показано, какие признаки являются общими для польской зморы и близких к ней персонажей в чешской, словацкой, моравской и лужицкой народной культуре, болгарской, хорватской и сербской традициях, а также

Цитирование: Поветкина П. Б. Проблема ареальных исследований мифологических представлений: польская змора на общеславянском фоне // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 65–85.

Citation: Povetkina P. B. (2022) The Problem of Areal Studies of Folk Beliefs: Polish Zmora on the Background of Other Slavic Traditions. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 65–85.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

в русской, белорусской и украинской народной культуре. Автором делается вывод, что западнославянская мура и южнославянская мора достаточно близки к польской зморе с точки зрения облика и круга мотивов и по этому признаку западные и южные славяне представляют собой один этнокультурный ареал, тогда как у восточных славян соответствующего персонажа нет и на восточнославянской территории связанные с ним у западных и южных славян мотивы и функции отсутствуют либо переходят к другим персонажам.

Ключевые слова

змора, польский фольклор, ареальные исследования, славянский фольклор, южные славяне, западные славяне, восточные славяне

Abstract

Currently, the problem of identifying and comparing mythological characters from different folklore traditions remains relevant. Revealing common elements of mythological characters is necessary for compiling folklore indexes and mapping specific motives and plots associated with them. In this article, this problem will be examined using the example of the Polish *zmora* and other similar Slavic mythological characters. It attempts to compare the *zmora* from Polish folklore with mythological characters of this type from other Slavic traditions, relying on the similarities and differences of the motives, as well as functions and differential features associated with them. The article shows the features which are common for the Polish *zmora* and similar characters in Czech, Slovak, Moravian and Lusatian folk culture, Bulgarian, Croatian and Serbian traditions, as well as in Russian, Belarusian and Ukrainian folk culture. The author concludes that the West Slavic *mora* and the South Slavic *mora* are quite close to the Polish *zmora* in terms of the image and the plot-motive fund, and on this basis, the Western and South Slavs represent one ethnocultural area. Meanwhile, the Eastern Slavs do not have a corresponding character, so the motives and functions associated with such mythological characters among the Western and South Slavs are absent on the East Slavic territory or are passed to other characters.

Keywords

zmora, Polish folklore, areal studies, Slavic folklore, South Slavs, Western Slavs, Eastern Slavs

Введение

В настоящее время продолжает оставаться актуальной проблема идентификации и сравнения мифологических персонажей (МП) из разных фольклорных традиций. Для ее решения специалистами из Института славяноведения РАН была создана схема описания МП, позволяющая вычленить существенные для персонажей дифференциальные признаки, функции и мотивы; также неоднократно предпринимались попытки сравнения славянских МП разных типов [Виноградова 2001;

Виноградова, Толстая 1989; Виноградова, Толстая et al. 1989; Виноградова, Толстая 1990; Гура 1989; Слащев 1992; Виноградова, Толстая 1994]. Выявление общих элементов у персонажей необходимо для составления фольклорных указателей и последующего картографирования отдельных мотивов и сюжетов, связанных с МП¹. Для этих целей нужно сначала составить список мотивов, функций и дифференциальных признаков МП в каждой традиции, после чего станет возможным сопоставить их друг с другом и выявить общие и уникальные черты мифологических образов. Это позволит вычленить этнокультурные ареалы, в которых МП остается тождественным самому себе. Данная задача является достаточно сложной, поскольку в реальной исследовательской практике при анализе МП, как правило, до сих пор приводятся указания на административные границы (например, польский, словацкий, южнославянский МП), которые обычно не совпадают с ареалами распространения тех или иных народных представлений. В настоящей статье проблема сравнения МП будет рассмотрена на примере польской зморы и сходных с ней по функциям, мотивам и дифференциальным признакам МП из фольклора южных, восточных и других западных славян. Для сравнения их функций существенно, что имена польской зморы (*моры, мары*) и названия многих подобных ей мифологических персонажей (чешской *муры*, нижнелужицкой *муравы*, словацкой *морены*, лужицкой *моры*, сербской *моры*, болгарской *моравы* и т. д.), по всей видимости, имеют общую этимологию, которая является предметом научной полемики, подробно описанной в работе «Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. *mora, *mara)» [Белетич, Лома 2013].

Западнославянские мифологические персонажи,
близкие по функциям к польской зморе

В представлениях всех западных славян присутствует персонаж типа польской зморы, который, на наш взгляд, является более близким к ней по сравнению с южнославянской *морой* (см. ниже). Как писала М. М. Валенцова, «[в] целом у словаков, поляков, мораван и чехов основная функция *мары* — *давить во сне и высасывать кровь и молоко*, воплощающие жизненную силу» [Валенцова 2013: 189]. Так же как и в случае с польской зморой, во время нападения МП человек *чувствует тяжесть на груди, не может пошевелиться и позвать на помощь, ему трудно дышать, и он находится в состоянии полусна-полуяви* [Eadem 2020: 140; Udziela 1900: 405–406]. Как в лужицком, так и в польском фольклоре во время нападения *мора сдавливают горло* человеку [Гура

¹ Об особенностях картографирования представлений о мифологических персонажах в Польше и России см.: [Pieńczak, Mironova 2020].

2020: 72; Udziela 1900: 400–402]. Лужичане считают, что это происходит следующим образом: мора в облике кошки просовывает человеку в рот свой косматый хвост [Гура 2020: 72]. Помимо этого, чешская *мура* и польская *змора* также могли *насылать сон* и *вызывать кошмары* [Máchal 1995: 17; Pawłów (ok. Trzebnicy) 14.27.III 1985; Udziela 1900: 405–406; Wysokie (ok. Zamościa), 37.30.I, 2001].

В каталоге чешских мифологических рассказов Яна Луффера с *морой* связаны следующие рубрики: «Душа спящего человека покидает тело» (типы 2.D.5 Душа выходит изо рта в образе животного, 2.D.10 Душа женщины пребывает в дереве или в камне); «Характеристика» (типы 2.D.15 Образ животного, 2.D.20 Образ предмета, 2.D.25 Человеческий образ, 2.D.30 Морой становится человек с необычными физиогномическими признаками, 2.D.35 Морой становится человек, которого после рождения застигли особые обстоятельства); «Мора и человек» (типы 2.D.40 Мора давит спящего человека, 2.D.45 Обещанный дар отваживает мору, 2.D.50 На мору воздействуют в ее превращенном образе, 2.D.55 Мора умирает, если портят оставленные ею внутренности, 2.D.60 Морю задерживают и опознают, 2.D.65 Человек перестает быть морой после совершения определенного действия, 2.D.70 Разные магические действия против моры)» [Валенцова 2015: 110].

Упомянутый Луффером *мотив выхода души из тела во время сна* характерен как для польской *зморы*, так и для чешской *муры* и лужицкой *моравы* или *ходоты* [Гура 2020: 71; Máchal 1995: 16; Świętek 1902: 356]. В некоторых случаях чешская *мура* считалась *двоедушником*, сближаясь по этому признаку со *зморой* на юге Польши [Máchal 1995: 16; Udziela 1900: 399–400].

Ипостаси польской *зморы* и чешской *муры* очень близки: в обоих случаях это мог быть *кот*, *белая мышь*, *лошадь*, *змея*, *мешок*, *соломинка* или *перо* [Kokotek (ok. Lublińca), 20.31.X, 1987; Máchal 1995: 17; Orle (ok. Radziejowa), 20.21.III, 1980; Pszczonów (ok. Skierniewic), 24.24.IV, 1989; Udziela 1900: 401; Ulanowska 1884: (291)]. Лужицкая *ходота* могла появляться в облике *мыши*, *кошки*, *соломинки*, *яблока* или *груши* [Гура 2020: 72]. В отличие от поляков, у лужичан плод, вид которого принимала *мора*, должен был быть печеным [Ibid.]. Ипостаси польской и словацкой *моры* тоже практически полностью совпадают: оба персонажа могут принимать облик *жабы*, *мыши*, *кошки*, *мухи*, *соломинки* и *яблока* [Валенцова 2020: 140].

У чехов, поляков и словаков человек становился *морой от рождения* — это была *седьмая дочь* [Máchal 1995: 16]. У чехов и моравов, так же, как и у поляков, МП типа *моры* мог стать *ребенок*, *рожденный с зубами* [Левкиевская 1999: 342; Czarna Woda (ok. Starogardu), 19.13.V,

2000]. Как у поляков, так и у других западных славян подобные персонажи «душат людей помимо своей воли, когда придет их час» [Левкиевская 1999: 342]. Так же как и у словаков и поляков, у чехов человек мог стать *мурой* в результате *ошибки при крещении* [Máchal 1995: 16–17]. У лужичан «морой становится грешник, который перед смертью не исповедался в своем преступлении. После смерти он должен как мора ходить к тем, кто знал о его грехе» [Гура 2020: 72]. У поляков и словаков *моры* могут происходить также из *заложных покойников, некрещеных детей, старых дев, неправильно крещенного или повторно отлученного от груди ребенка*, а также из *человека, у которого во сне душа покидает тело и отправляется вредить* [Валенцова 2020: 140; Garcz (ок. Kartuz), 19.10.IX, 2000; Łukowa (ок. Radzynia Podlaskiego), 35.32.XIV, 1983; Słup (ок. Jawora), 11.28.VI, 1983; Udziela 1900: 399–400; Wilcza (ок. Gliwic), 19.33.XVI, 1986].

В польском, чешском и лужицком фольклоре *мору* представляли себе *со сросшимися бровями* [Гура 2020: 71–72; Máchal 1995: 16; Kolberg 1962b: 38]. Лужичане считали, что у *моры* быстро вращающиеся глаза, вышедшие из орбит, шершавый язык, а лоб — как грубое полотно [Гура 2020: 72]. У чехов отличительным признаком *муры* была также полностью плоская стопа [Máchal 1995: 16].

В лужицком и польском фольклоре *моры* были преимущественно *женского пола* и приходили к *молодым мужчинам и спящим на спине* [Гура 2020: 72; Kolberg 1962c: 99–100; Udziela 1900: 399–400]. Помимо этого, у лужичан *мора* душила «тех, кто сильно тоскует по кому-то или думает о ком-то, кому причинил зло» [Гура 2020: 72]. У поляков, чехов и лужичан жертвами *моры* могли быть *роженницы и маленькие дети*, а у поляков и лужичан также *родственники МП* [Левкиевская 1999: 343; Gustawicz 1909: 358; Książnica Śląska (ок. Dzierżoniowa), 13.30.I, 1983; Pszczonów (ок. Skierniewic), 24.24.IV, 1989]. Помимо этого, у лужичан *мора* вредила тем, о ком тоскует и постоянно думает [Левкиевская 1999: 343]. Кроме людей, польская *змора* и чешская *мура* могли мучить *домашних животных и растения* [Máchal 1995: 17; Тоерпен 1892a: 178–179]. У словаков и у поляков после нападения МП на человека у него оставались *следы или синяки на теле* [Левкиевская 1999: 343; Udziela 1900: 403]. Как в Польше, так и в Словакии жертва *моры* худела, бледнела и даже могла умереть [Валенцова 2020: 140; Udziela 1900: 405–406].

Польская, словацкая, лужицкая и чешская *моры* проникали в дом *сквозь замочную скважину* [Валенцова 2020: 140; Гура 2020: 72; Левкиевская 1999: 343; Saloni 1908: 131]. Кроме этого, польскую, словацкую и чешскую *мору* объединяет *мотив внутренних органов, которые этот персонаж вынимает из себя*, прежде чем напасть на человека, и

оставляет перед дверью [Валенцова 2013: 189–190; Eadem 2015: 110; Eadem 2020: 140; Gustawicz 1909: 358]. «В быличках эти внутренности люди пачкают сечкой, отавой, и тогда она не может взять их обратно и умирает (северная Словакия: Верхнее Погронье, Орава, долина Горнада)» [Валенцова 2020: 140].

Что касается отгонных действий и берегов, распространенным средством защиты от *моры* у чехов и поляков является *зеркало* [Dęba (ok. Puław), 32.27.III, 1989; Máchal 1995: 17]. Лужичане, как и поляки, для защиты от *моры* *клали под подушку метлу и ставили обувь носками к двери* [Гура 2020: 72; Kolberg 2005: 389; Wróblów (ok. Wschowy), 11.23. XV, 1983]. Лужичане также *могли задать море работу*, после выполнения которой она больше не приходила [Гура 2020: 72]. Чехам и полякам известны способы распознавания МП типа *моры с помощью обещания угощения*, а чехам, полякам и лужичанам — *с помощью фиксации* (поймать МП и крепко держать до утра, положить *мору* в облик предмета в закрытую емкость или прибить *мору* к чему-то, после чего она принимала человеческий облик) [Ibid.; Knoor 1895: 17; Máchal 1995: 17; Тореррен 1892а: 179]. У лужичан «посуду, в которой спрячешь найденную вещь, нужно прикрыть своей рубахой, а при свете дня выпустить оттуда пойманную *мору*, тогда она больше не появится. Если этого не сделать в течение суток, она умрет или придет кто-то, кто попросит выпустить ее из горшка и спасти от смерти» [Гура 2020: 72]. Словаки и поляки для защиты от *моры* использовали *чеснок, фекалии, острые предметы, овященный мел, четки, ругательство или молитву*; рекомендовалось *пошевелить пальцем руки или ноги; лечь на бок; скрестить руки на груди; спать на животе или сказать море прийти завтра за угощением* [Валенцова 2020: 140; Dzianisz (ok. Nowego Targu), 24.38.X, 1981; Gostkowo (ok. Pułtуска), 29.19.X, 2000; Okszów (ok. Chełmu), 37.28.V, 1990; Pszczonów (ok. Skierniewic), 24.24.IV, 1989; Słup (ok. Jawora), 11.28.VI, 1983; Świętek 1893: 518–519; Udziela 1900: 401, 410; Wiszniów (ok. Hrubieszowa), 38.31.XI, 1981; Zatom Stary (ok. Międzychodu) 11.19.XV 1988]. Как поляки, так и словаки *замыкали мору на замок, чтобы поймать* [Левкиевская 1999: 343; Udziela 1900: 410]. Кроме этого, у словаков есть и такие способы защиты от *моры*, которые схожи по семантике с польскими, но в чистом виде в польской традиции обнаружены нами не были. Так, чтобы защититься от *моры*, словаки *клали на грудь гребень*, а не *борону*, как это делали поляки, и *помещали острые предметы в замочную скважину*, а не *рядом со спящим* [Валенцова 2020: 140; Udziela 1886: (112)]. Наконец, еще один любопытный способ защиты заключался в следующем: *нужно было сказать душащей море «Приходи вчера»* [Валенцова 2020: 140]. На первый взгляд, этот способ защиты напоминает

приглашение МП прийти завтра за угощением, но назначение у них разное: в одном случае сюжет приведет к распознаванию МП, а в другом мора больше никогда не придет к человеку.

Южнославянские мифологические персонажи, близкие по функциям к польской зморе

У южных славян персонаж типа польской зморя известен, но имеет яркие своеобразные черты. В первую очередь, это возможность человека становиться *морой* не навсегда, а в *определенный жизненный период*, после чего мора превращается в другого мифологического персонажа. Например, *девочка-мора* после замужества становится *ведьмой*, а после смерти — *укодлачицей* [Плотникова 2004: 545, 546, 638]. Генезис моры и зморя схож — и тем, и другим персонажем может стать *ребенок, родившийся в «рубашке»*, хотя в случае польской зморя такой вариант происхождения появляется достаточно редко [Ibid.: 166; Czarna Woda (ok. Starogardu), 19.13.V, 2000]. Различие заключается еще и в том, что у южных славян наличие демонических признаков у такого ребенка зависело от цвета «сорочки» — так, морой мог стать ребенок, рожденный в голубой или красной «рубашке» [Плотникова 2004: 166, 545, 546]. У сербов *морой* могла стать девочка, родившаяся в кровавой сорочке, которую впоследствии сожгла повитуха [Левкиевская 1999: 342]. Кроме этого, причиной появления на свет сербской моры могло стать *зачатие ее в неположенное время* — во время месячных или в праздник [Ibid.]. У сербов и хорватов морой могла стать также *дочь вештицы* [Ibid.]. У болгар морой становились *люди, похороненные с нарушением ритуала*, а также *некрещенные или неправильно крещенные младенцы* [Ibid.]. Кроме этих способов, по сербским поверьям, девушка могла стать морой *специально*, пройдя определенный обряд [Ibid.].

Еще одной южнославянской особенностью является способ освобождения МП от обязанности вредить — если повитуха покажет «рубашечку» всему селу или объявит о том, что родилась мора, тогда ребенок перестанет быть МП [Плотникова 2004: 545–546]. Сербам известен и другой способ избавить мору от необходимости вредить людям: она должна была *признаться в своей деятельности* любому живому или неживому объекту и «пообещать больше не причинять зла людям» [Левкиевская 1999: 344]. В польской традиции подобного рода поверий нами зафиксировано не было.

Как и для польской зморя, основная функция южнославянской моры — *душить, давить спящего человека* [Плотникова 2004: 28, 545–546; Eadem 2016: 193–194]. Так же как и польская змора, южнославянская мора преимущественно *женского пола*, появляется *в облике*

девушки и душит молодых мужчин [Eadem 2004: 545, 546]. В Польше *змора*, как правило, вредит *взрослым*, но может представлять опасность также для *детей* [Gustawicz 1909: 358]. Как в Сербии, так и в Польше *мора* «может проникнуть в помещение через любое, даже *самое маленькое отверстие*, в том числе через замочную скважину» [Левкиевская 1999: 343]. У сербов, как и у поляков, *мора* может вредить не только людям, но и *домашним животным и деревьям* [Ibid.].

Общими для болгарской *моры* и польской *зморы* являются следующие признаки: *мора* может выступать *в облике девушки*; быть *невидимой*; она приходит *ко взрослым*; *душит людей во сне*; *пьет кровь спящих*, отчего жертвы *слабеют*; а когда она приходит, человек *покрывается потом* [Трефилова 2006: 266; Eadem 2020: 173; Kolberg 1962a: 52; Orle (ok. Radziejowa), 20.21.III, 1980; Udziela 1900: 399–404]. Так же как и польская *змора*, сербская и болгарская *мора* могут *сосать молоко из груди* женщин [Левкиевская 1999: 343; Wysokie (ok. Zamość), 37.30.I, 1981]. В Сербии, как и в Польше, «мужчины, которых сосет 3. [змора. — П. П.], имеют отвислые, как у женщины груди, а дети — твердые соски, из которых сочится молоко» [Левкиевская 1999: 343; Książnica Śląska (ok. Dzierżoniowa), 13.30.I, 1983; Kręgi Stare (ok. Wyszkowa), 29.20. XV, 1983].

Облик польской *зморы* и южнославянской *моры* отчасти схож. У поляков этот МП мог выглядеть как *обычный человек, неясная тень, кот, конь, комар или мотылек*. Параллели к этим типам внешнего облика МП обнаруживаются у болгар, сербов и македонцев [Левкиевская 1999: 342–343]. Как и южнославянская *мора*, польская *змора* умеет *летать* [Kopisk (ok. Białegostoku), 35.16.X, 1990]. Но у народных представлений южных славян имеются яркие своеобразные черты, отличающие этот этнокультурный ареал от польской традиции. Так, у сербов *мора* превращается также в *летучую мышь* или *курицу*, а у хорватов это *животное с какой-то аномалией* или «женщина на трех ногах, имеющих копыта» [Левкиевская 1999: 342–343]. «Сербы считают, что 3. может проникнуть только в тот дом, где есть “проклятые” деньги, т. е. деньги, украденные в церкви, у нищего или выкопанные в святом месте» [Ibid.].

Мора широко известна в центральной Боснии:

Мора нападает главным образом на младенцев, высасывая из них жизненную силу (вариант: кровь), отчего у ребенка набухает грудь и он становится очень слабым. В мусульманских селах про такого ребенка говорили: Doji ga mora [Его сосет мора]; Mori ga mora [Его морит мора]. Одна из собеседниц в Умолянах рассказывала, что в колыбельку ребенку клали что-нибудь серебряное, тисовую древесину (tisovina) и чеснок, потому что некая «мора»

умела его высасывать (*jer je znala nekakva mora dojt i doit ga*) (Умоляни, 2012, МЕ). Чесноком мазали ребенку грудь и остатки клали под голову. Сама рассказчица сказала: «Я и обоим детям так делала, потому что слышала от своей матери, как надо делать. Я зеленый пояс сплела своими руками, когда сын родился. В один конец вшила кусочек тисового дерева, а в другой — серебро. А в мешочек завязала чеснок и положила под голову. Поскольку эта “мора” чувствует резкий запах и не приходит». На вопрос о том, является ли «мора» женщиной, боснийка отвечала, что этого не знает, знает только то, что она «приходит и летит на новорожденного» (*mora dolazi i ona leti na dijete*), потому что детское тельце — самое сладкое на свете, обладает особым запахом, оно — райская птичка (*rajska ptičica*) [Плотникова 2016: 193].

Подобным образом защищаются от МП этого типа и поляки — чтобы *змора* не душила, рекомендуется *помазать грудь освященным чесноком* (*Dzianisz* (ok. NowegoTargu), 24.38.X, 1981). Другие способы защиты от *моры* также схожи с польскими по своей семантике — *использование острых предметов, христианских символов и затыкание щелей в доме* [Плотникова 2016: 194; Кноор 1895: 17; Saloni 1908: 131]. Как и у поляков, у южных славян отгонные действия и обереги от *моры* включают также *растения-апотропеи, ритуальную ругань и съедание хлеба в туалете во время отправления большой нужды* [Трефилова 2020: 173; Gola-sza (ok. Będzina), 21.32.XII, 1987; Kolberg 1962b: 42–43; Udziela 1900: 401]. Одно из наиболее подробных описаний такого способа избавления от *моры* у сербов выглядит так:

[К]упить 40 различных видов плодов (яблоко, сливу, грушу, орех и пр.). Когда больной шел в уборную, он в первый день брал с собой один плод, во второй — другой и т. д. Совершая естественную надобность, человек съедал фрукт, а кто-нибудь из домашних его спрашивал: «Что ты делаешь?» Больной отвечал: «Я ем (называет плод), а мора пусть съест г...». Через сорок дней, когда все плоды будут таким образом съедены, мора отстанет от человека [Левкиевская 1999: 344].

В то же время у южных славян зафиксированы и другие средства защиты от *моры*, для польской традиции нехарактерные, например, *опоясать ребенка полоской из козьей кожи* [Плотникова 2016: 194].

У боснийских мусульман известны заговоры от *моры*, например,

Hajde roma kući doma, opasala se užetom, pošćapala dlakom, dok pobrojila ušumi lista i u vodi pijeska, o-sebi se zabavila, nikad se više ne vratla. To je dobar lijek, ako vam slučajno koje dijete, a to obično na djecu pada [Давай, цыганка, иди домой, опоясалась веревкой, оперлась на волосы, пока посчитала в лесу листья и в воде песок, сама с собой занималась, никогда больше не вернулась. Это хорошее лекарство, если у вас случайно какой ребенок, а это обычно с ребенком случается] (Подвине, 2012, МГ) [Плотникова 2016: 198].

Как правильно заметила Е. Е. Левкиевская, «чтобы прекратить посещение З., необходимо было ее распознать» [Левкиевская 1999: 343]. *Распознавание моры с помощью обещания угощения* известно сербам, хорватам, чехам и полякам. Кроме того, у сербов и поляков зафиксирован сюжет о *распознавании моры с помощью калечения* — «сербь, поймав ночью летучую мышь, опаливали ей крылья на свече, а утром ждали, что к ним придет женщина-З. в обгорелой сорочке» [Ibid.: 344]. В Далмации считалось, что *мору* можно *распознать во время церковной службы* — все моры в церкви будут стоять спиной к алтарю [Ibid.]. У южных славян, как и в других славянских традициях, можно распознать не только *мору*, но и *ведьму* [Плотникова 2004: 649, 651].

Многие мотивы, характерные для польской *зморы*, и *сюжет о распознавании МП с помощью фиксации* известны также боснийским мусульманам. Типичным примером распознавания *моры* с помощью фиксации является следующая быличка, приведенная А. А. Плотниковой:

Как-то осенью молотили зерно. Мужчины, как обычно, в это время спали в коровниках на соломе, заодно присматривая и за зерном, чтобы его не намочил дождь. И один молодой мужчина из Умолян по имени Хасан (говорят, он был силен, статен и хорош собой) однажды пожаловался: *Meni doji mora! Meni nešto prsa rastu* [Меня сосет мора! У меня что-то растет грудь]. И решил пойти за помощью к ходже. Ходжа, к которому обратился юноша, сказал пострадавшему, чтобы он вечером ничего не боялся, обязательно лег навзничь, прислонился к балке, чтобы видеть вход в коровник, непременно следил за тем, чтобы не заснуть, и чтобы подкараулил того, кто к нему придет. Мужчина его послушался, сделал все так, как ему велел ходжа. Лежал так час и услышал, как старушка снаружи крикнула кому-то, чтобы корм скоту дали. Как вдруг в дверях, проникнув через замочную скважину, появилась девушка, вся разодетая, в украшениях, серебре и золоте, колокольчиках. Девушка, прекрасная, как «вила», начала его высасывать (*cura, ko vila, i rošne me dojit*). И тогда он крепко схватил ее обеими руками перед собой, сделал все так, как сказал ему ходжа. Он ее схватил, и она уже не могла никуда деться — попалась. И он сразу ее узнал — соседка! А пришла, чтобы его уничтожить. Она ему и говорит: «Хасан, прошу тебя, не выдавай меня никому, Богом заклинаю, не выдавай, я тебе дам все, что у меня есть! Приданое дам!» [Приданое, или свадебные подарки невесты (*bošćaluk*), — это разные виды одежды: рубашки, штаны, шапки]. И вот этот мужчина, сильный и усердный в работе, умер в старости, а никому так и не сказал, что это за девушка была. Он сказал ей тогда: «Я тебя не выдам, но ты не смей никогда больше никому такое делать; чтобы этого не повторилось!» Она отвечала: «Не буду, да и не могу больше, потому что ты меня видел и узнал, так что не могу я больше так делать» (Умоляни — Ресник, 2012, ZS)» [Плотникова 2016: 194–195].

В этой быличке встречаются следующие характеристики моры, общие с польской традицией: *женский пол; красота; облик знакомой девуш-*

ки; мужчина как объект воздействия; необходимость не спать, чтобы ее подстеречь, а также поимка и удерживание моря, необходимые для ее распознавания. Польскую и южнославянскую традицию в этой быличке объединяет также то, что МП просит поймавшего ее мужчину *никому не раскрывать ее тайны*, после чего *прекращает ему вредить*.

У градищанских хорватов мора неизвестна, поэтому функции давить, душить спящего человека, мешать дышать или насылать кошмары распределены там между *ведьмой* и *мрачняком* (mračnjak) [Плотникова 2016: 149]. Последний так же, как *змора*, *душит детей и взрослых людей, действует ночью, появляется в облике человека*, а оберегом от него служит *оставленный в колыбельке чеснок* [Ibid.: 154].

Помимо способности *душить во сне*, для польской *зморы* характерны (хотя и не повсеместно) следующие мотивы: *выход души из тела во время сна, выпивание крови у людей и заезживание лошадей по ночам*. Функции *душить людей во сне* и *пить человеческую кровь* у южных славян выполняют не только *мора*, но также *ведьма* и *вампира* [Плотникова 2004: 637–644; 648–653]. Последние, как и *змора*, могут также *превращаться в разных животных* [Ibid.]. Кроме *ведьмы* и *вампира*, у болгар *душит людей таласм*, дух построек [Левкиевская 2020; Плотникова 2004: 682]. В Южной Славии мотив выхода души из тела характерен для *ведьмы* и *мифического защитника земельных угодий*, но в Бресте в Истрии (Хорватия) он встречается и у *вампира* [Ibid.: 637–644; 660–665]. Что касается заезживания домашних животных, в Пиринском крае и районе Якоруды (Болгария) этим занимается *вампир* [Ibid.: 637–644].

Восточнославянские мифологические персонажи, близкие по функциям к польской *зморе*

У восточных славян персонаж типа *зморы* неизвестен, за исключением западной Галиции и западной Белоруссии [Левкиевская 1999: 341]. Как писал М. Федеровский в конце XIX в., представления о *зморах* удалось зафиксировать только в Сокульском повете (совр. Подляское воеводство в Польше) а «народу из Волковыска, Слонима и Лиды *зморы* неизвестны» [Federowski 1897: 77]. Поэтому на восточнославянской территории *характерные для зморы функции утрачены или их приобретают персонажи других типов*.

Основную функцию *зморы* «давить, душить спящего человека» в русской традиции выполняет *домовой*, на востоке Украины и Белоруссии — *домовик*, а в западной Украине — *черт* и *ходячий покойник* [Лазарева 2018: 94–98; Левкиевская 2020; Ibid.]. В указателях С. Айвазян и В. П. Зиновьева эта функция домового отражена следующим образом:

5. Домовой ночью в доме:

Б.І. 5в давит человека, наносит ему физические увечья;

Б.І. 15 Домовой, посланный сатаной, душит хозяев, не освятивших дом [Айвазян 1975: 174–175].

Б.І. 5в Домовой ночью давит человека, наносит ему физические увечья.

Б.І. 9а Домовой предсказывает будущее: наваливаясь на спящего. Ответчает на вопрос «К худу или к добру?», предсказание сбывается.

Б.І. 16 Домовой выживает хозяина из дома: приказывает уйти; бьет, душит человека [...]

Б.І. 17 Домовой прогоняет мужика, легшего спать на его дороге (месте): приказывает уйти, выбрасывает из дома; давит человека [Зиновьев 1985].

Данные указателей позволяют выявить существенные различия между мотивировками душения человека мифологическими персонажами в Польше и у восточных славян — если домовый выполняет как *полтергейстную*, так и *общепатронажную* функцию, для зморы характерна только *полтергейстная*: как правило, змора душит *в силу своих демонических свойств* или *мстит за обиду* [Левкиевская 2000: 117–123; Кноор 1895: 16]. В отличие от домового, змора выполняет *прогностическую функцию* очень редко и в таких случаях *предвещает несчастья или болезнь*, а не что-то хорошее [Wysokie (ok. Zamościa), 37.30.I, 2001].

В статье о фольклорных интерпретациях сонного паралича А. А. Лазарева приводит следующие особенности встречи с домовым, которые, по нашим наблюдениям, характерны также для польской зморы:

1) указание на обстоятельства появления персонажа (рассказчик отходит ко сну или просыпается);

2) описание ощущения невозможности пошевелиться или позвать на помощь;

3) указание на затрудненность дыхания, ощущение, что кто-то «сидит на груди»;

4) указание на чувство страха (ужаса), испытанного визионером;

5) описание внешности или признаков присутствия домового, который проявляет себя звуками, прикосновениями или рассказчик видит его; издаваемые домовым звуки, ощущения от его прикосновений: теплый или холодный, голый или мохнатый и т. д. [Лазарева 2018: 94–98; Włachut 1935: 102–103; Ciszewski 1887: (19)–(20); Kolberg 1965: 423; Udzieła 1900: 401, 403; Wróblów (ok. Wschowy), 11.23.XV, 1983].

Нередко восточнославянские мифологические персонажи, которые душат человека во сне, в частности *домовой* и *домовик*, занимаются *заплетанием грив лошадам* и *заезживанием их по ночам* [Ясинская 2018: 181; Левкиевская 2000: 124–127]. В восточной части Польши эти функции характерны также для *зморы* [Pieńczak, Mironova 2021]. Они

встречаются в связке часто, но не всегда, например, «в Полесье встречаются свидетельства, что гривы заплетают *русалки*» [Ясинская 2018: 180–181]. Помимо заплетенных лошадиных грив, *змора* и *домовой* могут стать причиной появления *колтуна в волосах человека* [НДП 2016: 252; Wyżnica (ок. Kraśnika), 32.29.XV, 2001]. Зооморфные и антропоморфные ипостаси домового и зморы тоже пересекаются. *Домовой* и *змора* могут принимать облик *кота, собаки, змеи, ласки, лягушки, жабы, крысы* [Левкиевская 2000: 106–107; Gołąsza (ок. Będzina), 21.32.XII, 1987; Gostkowo (ок. Pułtuska), 29.19.X, 2000; Kręgi Stare (ок. Wyszkowa), 29.20.XV, 1983; Pręgowo (ок. Gdańska), 20.11.VI, 1983; Roczyny (ок. Wadowic), 22.35.XIV, 1988; Ulanowska 1884: (291)]. Что касается антропоморфной ипостаси, и *змора*, и *домовой* могут выступать в облике *мужчины, женщины, мальчика*, а также быть *невидимыми* [Левкиевская 2000: 103–106; Gustawicz 1909: 358; Maciąg 1902: 438; Orle (ок. Radziejowa), 20.21.III, 1980; Pniewo (ок. Kutna), 21.22.VIII, 1988]. Однако *домовой* чаще всего появляется в облике *мужчины*, тогда как *змора* — в облике *женщины* [Левкиевская 2000: 104–106]. Как у *домового*, так и у *зморы* может быть *семья* или *родственники*. «Представления о семейной жизни домового достаточно четко локализованы севером, северо-западом и частью юго-западных областей России, а также восточной Белоруссией» [Ibid.: 123–124]. Е. Е. Левкиевская отмечала, что на Русском Севере семья домового полностью дублирует семью человека [Ibid.: 124]. В семьях *змор* тоже имеется *жена, мать, сын, дочь и отец* [Тоерпен 1892a: 178–179; Udziela 1900: 400, 405]. *Змора* схожа с *домовым* и по объектам воздействия, к которым она приходит, — это могут быть *те, кого она любит* или *не любит*, причем это касается как *людей*, так и *домашних животных и деревьев* [НДП 2016: 252; Kolberg 1962a: 69; Kosiński 1904: 14; Maciąg 1902: 438; Sławęcin (ок. Choszczna) 9.16.VIII, 1985; Udziela 1900: 401]. Как *змора*, так и *домовой* могут быть связаны с *прядением* [Айвазян 1975: 174; Тоерпен 1892b: 783]. Также оба этих МП sporadически имеют функцию *похищать детей* [Айвазян 1975: 175; Kolberg 1877: (21)]. Человек может *вступать в связь* как со *зморой*, так и с *домовым*, но если в случае зморы это происходит регулярно, и про это известен отдельный сюжет Т 4010 Жена-змора [Krzyżanowski 1947: 53–55], то в связи с *домовым* подобные ситуации появляются в нарративах значительно реже [Айвазян 1975: 176]. Схожи и места появления *домового* и *зморы* — их можно встретить *в доме, у печи, в комнате, клетки, на чердаке, в конюшне* [Левкиевская 2000: 109–110; Udziela 1886: (112); Idem 1900: 400–402; 408–409]. Еще одно важное отличие, касающееся места пребывания МП, заключается в том, что *змора* *приходит* в перечисленные выше места *извне*, тогда как *домовой* *находится в них постоянно*.

Приход *зморы* в дом всегда осмысляется как *аномалия*, а присутствие в нем *домового* может рассматриваться и как *аномалия*, и как *норма* [Левкиевская 2000: 110–116]. *Змора* и *домовой* могут иметь общее происхождение — обоими МП, в числе прочего, становятся *умершие родственники* и *заложенные покойники* [Ibid.; Książnica Śląska (ok. Dzierżoniowa), 13.30.I, 1983; Słup (ok. Jawora), 11.28.VI, 1983]. Любопытно, что на территориях, где смыкаются ареалы распространения *домового* и *зморы*, происходит их сближение и обмен функциями: так, в Белоруссии функция *зморы* *пить сок из дерева* переходит к *домовому* [Ляцкий 1890: 32–33; Zawada 1932: 118–119].

Как уже было сказано выше, в некоторых районах Восточной Славии аналоги польской *зморы* все-таки встречаются. В частности, Н. Я. Никифоровский отмечал существование представлений о *маре* в Витебской Белоруссии. Так же как и в польской традиции, в этой зоне *мара* *мучает спящих; садится на грудь или на горло; давит во сне; мешает дышать*; способами защиты от нее выступают *крестное знамение* и *пробуждение* [Никифоровский 1907: 63–64; Kolberg 1962b: 42; Niepodowa (ok. Przemyśl), 33.35.XV, 1984; Saloni 1908: 131; Wiszniów (ok. Hrubieszowa), 38.31.XI, 1981]. Есть и некоторые различия: Никифоровский пишет, что *мара* *душит с перерывами*, чтобы больше насладиться мучениями человека, а *от ее прикосновения «млеет рука»* [Никифоровский 1907: 63–64]. Подобного в польской традиции зафиксировано не было.

Заключение

Таким образом, в южнославянской и западнославянской фольклорной традиции присутствует вредоносный мифологический персонаж преимущественно женского пола, чьей основной функцией является *душение во сне*. Он обычно приходит *ночью*, проникает внутрь помещения *сквозь замочную скважину* и *мучает людей* (в основном, *мужчин*), *растения* и *домашних животных*. Его зачастую можно *распознать различными способами* и *отогнать с помощью острых предметов, христианских символов или вызывания у него отвращения*. Западнославянская *мура* и южнославянская *мора* достаточно близки к польской *зморе* с точки зрения образа и сюжетно-мотивного фонда, и по этому признаку западные и южные славяне составляют один этнокультурный ареал.

В свою очередь, у восточных славян соответствующий персонаж отсутствует практически повсеместно, и связанные с ним у западных и южных славян мотивы и функции в восточнославянском ареале либо не имеются, либо переходят к другим персонажам — *домовому*, *домовику*,

ходячему покойнику или черту, которые обладают некоторыми схожими со зморой чертами, но представляют собой самостоятельные персонажные типы.

Библиография

Источники

- Czarna Woda (ok. Starogardu)
Archiwum Polskiego Atlasu Etnograficznego (PAE), Czarna Woda (ok. Starogardu), 19.13.V, 2000, 43–46.
- Dzianisz (ok. Nowego Targu)
Archiwum PAE, Dzianisz (ok. Nowego Targu), 24.38.X, 1981, 43–46.
- Garcz (ok. Kartuz)
Archiwum PAE, Garcz (ok. Kartuz), 19.10.IX, 2000, 43–46.
- Golasza (ok. Będzina)
Archiwum PAE, Golasza (ok. Będzina), 21.32.XII, 1987, 43–46.
- Gostkowo (ok. Pułtуска)
Archiwum PAE, Gostkowo (ok. Pułtуска), 29.19.X, 2000, 43–46.
- Kokotek (ok. Lublińca)
Archiwum PAE, Kokotek (ok. Lublińca), 20.31.X, 1987, 43–46.
- Kopisk (ok. Białegostoku)
Archiwum PAE, Kopisk (ok. Białegostoku), 35.16.X, 1990, 43–46.
- Kręgi Stare (ok. Wyszkowa)
Archiwum PAE, Kręgi Stare (ok. Wyszkowa), 29.20.XV, 1983, 43–46.
- Książnica Śląska (ok. Dzierżoniowa)
Archiwum PAE, Książnica Śląska (ok. Dzierżoniowa), 13.30.I, 1983, 43–46.
- Łukowa (ok. Radzyna Podlaskiego)
Archiwum PAE, Łukowa (ok. Radzyna Podlaskiego), 35.32.XIV, 1983, 43–46.
- Nienadowa (ok. Przemyśla)
Archiwum PAE, Nienadowa (ok. Przemyśla), 33.35.XV, 1984, 43–46.
- Okszków (ok. Chełmu)
Archiwum PAE, Okszków (ok. Chełmu), 37.28.V, 1990, 43–46.
- Orle (ok. Radziejowa)
Archiwum PAE, Orle (ok. Radziejowa), 20.21.III, 1980, 43–46.
- Pawłów (ok. Trzebnicy)
Archiwum PAE, Pawłów (ok. Trzebnicy), 14.27.III, 1985, 43–46.
- Pniewo (ok. Kutna)
Archiwum PAE, Pniewo (ok. Kutna), 21.22.VIII, 1988, 43–46.
- Pręgowo (ok. Gdańska)
Archiwum PAE, Pręgowo (ok. Gdańska), 20.11.VI, 1983, 43–46.
- Pszczonów (ok. Skierniewic)
Archiwum PAE, Pszczonów (ok. Skierniewic), 24.24.IV, 1989, 43–46.
- Roczyny (ok. Wadowic)
Archiwum PAE, Roczyny (ok. Wadowic), 22.35.XIV, 1988, 43–46.

Ślawęcín (ok. Choszczna)

Archiwum PAE, Ślawęcín (ok. Choszczna), 9.16.VIII, 1985, 43–46.

Śłup (ok. Jawora)

Archiwum PAE, Śłup (ok. Jawora), 11.28.VI, 1983, 43–46.

Wiszniów (ok. Hrubieszowa)

Archiwum PAE, Wiszniów (ok. Hrubieszowa), 38.31.XI, 1981, 43–46.

Wilcza (ok. Gliwic)

Archiwum PAE, Wilcza (ok. Gliwic), 19.33.XVI, 1986, 43–46.

Wróblów (ok. Wschowy)

Archiwum PAE, Wróblów (ok. Wschowy), 11.23.XV, 1983, 43–46.

Wysokie (ok. Zamościa) 1981

Archiwum PAE, Wysokie (ok. Zamościa), 37.30.I, 1981, 43–46.

Wysokie (ok. Zamościa) 2001

Archiwum PAE, Wysokie (ok. Zamościa), 37.30.I, 2001, 43–46.

Wyżnica (ok. Kraśnika)

Archiwum PAE, Wyżnica (ok. Kraśnika), 32.29.XV, 2001, 43–46.

Zatom Stary (ok. Międzychodu)

Archiwum PAE, Zatom Stary (ok. Międzychodu), 11.19.XV, 1988, 43–46.

Литература

Айвазян 1975

Айвазян С., Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах, Э. В. Померанцева, ред., *Мифологические персонажи в русском фольклоре*, Москва, 1975, 162–191.

Белетич, Лома 2013

Белетич М., Лома А., Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. *mora, *mara), А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович, ред., *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею С. М. Толстой*, Москва, 2013, 56–75.

Валенцова 2020

Валенцова М. М., Словацкая демонология. Краткий обзор, *Славяноведение*, 4, 2020, 128–145.

——— 2015

Валенцова М. М., J. Luffer. Katalog českých démonologických pověstí, *Славяноведение*, 4, 2015, 108–112.

——— 2013

Валенцова М. М., Словацкая мифологическая лексика на общеславянском фоне, А. М. Молдован, С. М. Толстая, ред., *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 186–206.

Виноградова 2001

Виноградова Л. Н., *Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения* (диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва, 2001).

Виноградова, Толстая 1989

Виноградова Л. Н., Толстая С. М., Материалы к сравнительной характеристике женских мифологических персонажей, Л. Н. Виноградова, Н. В. Злыднева, С. М. Толстая, ред., *Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы, София, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Проблемы культуры*, Москва, 1989, 86–114.

——— 1990

Виноградова Л. Н., Толстая С. М., К сравнительному изучению мифологических персонажей: вештица и ведьма, Н. П. Гринцер, Н. В. Злыднева, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, ред., *Балканские чтения — 1. Симпозиум по структуре текста*, Москва, 1990, 112–116.

Виноградова, Толстая 1994

Виноградова Л. Н., Толстая С. М., К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, ред., *Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал*, Москва, 1994, 16–43.

Виноградова, Толстая et al. 1989

Виноградова Л. Н., Толстая С. М., Гура А. В., Кабакова Г. И., Терновская О. А., Схема описания мифологических персонажей, Л. Н. Виноградова, Н. В. Злыднева, С. М. Толстая, ред., *Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы, София, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Проблемы культуры*, Москва, 1989, 78–85.

Гура 1989

Гура А. В., Материалы к сравнительной характеристике женских мифологических персонажей (серболужицкие параллели), Л. Н. Виноградова, Н. В. Злыднева, С. М. Толстая, ред., *Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Проблемы культуры*, Москва, 1989, 115–132.

——— 2020

Гура А. В., Луицкая народная демонология, *Славяноведение*, 6, 2020, 56–74.

Зиновьев 1985

Зиновьев В. П., Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин, Т. Г. Леонова, ред., *Локальные особенности русского фольклора Сибири*, Новосибирск, 1985, 62–76. (<http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev1.htm>).

Лазарева 2018

Лазарева А. А., Домовой, ходячий покойник и покинувшая тело душа: интерпретации сонного паралича в восточнославянской культуре, О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, ред., *Демонология как семиотическая система. Материалы V международной научной конференции*, Москва, 2018, 94–98.

Левкиевская 1999

Левкиевская Е. Е., Змора, Н. И. Толстой, ред., *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 2, Москва, 1999, 341–344.

——— 2000

Левкиевская Е. Е., Мифологические персонажи в славянской традиции: восточнославянский домовой, С. М. Толстая, ред., *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*, Москва, 2000, 96–161.

——— 2020

Левкиевская Е. Е., Мифологизация ночного кошмара у славян: кто душит спящего человека? *Центр типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета. Аудиозаписи и материалы к докладам и сообщениям, прочитанным на семинаре ЦТСФ, 12.02.2020* (<http://www.ruthenia.ru/folklore/seminar/audio/workseminar2020.htm>).

Ляцкий 1890

Ляцкий Е. А., Представления белоруса о нечистой силе, Idem, *Этнографическое обозрение*, 4, 1890, 17–28.

НДП 2016

Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е., ред., *Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века*, 3: *Мифологизация природных явлений и человеческих состояний*, Москва, 2016.

Никифоровский 1907

Никифоровский Н. Я., *Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе*, Вильна, 1907, 63–64.

Плотникова 2004

Плотникова А. А., *Этнолингвистическая география Южной Славии*, Москва, 2004.

——— 2016

Плотникова А. А., *Славянские островные ареалы: Архаика и инновации*, Москва, 2016.

Слащев 1992

Слащев В. В., *Сравнительная характеристика персонажей украинской народной демонологии и демонологических народных персонажей сербов, черногорцев, хорватов и мусульман* (дипломная работа, МГУ, Москва, 1992).

Трефилова 2006

Трефилова О. В., Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская область, община Перник, Средняя Западная Болгария, Г. П. Клепикова, А. А. Плотникова, ред., *Исследования по славянской диалектологии*, 12: *Ареальные аспекты изучения славянской лексики*, Москва, 2006, 228–276.

——— 2020

Трефилова О. В., Болгарская народная демонология: краткий обзор, Е. С. Узенева, ред., *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 15/3–4, 2020, 160–181.

Ясинская 2018

Ясинская М. В., Демоны, заплетающие гривы лошадям, в славянской народной традиции, О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, ред., *Демонология как семиотическая система. Материалы V международной научной конференции*, 2018, 179–182.

Błachut 1935

Błachut E., Zarys medycyny ludowej i wierzeń leczniczych Śląska Cieszyńskiego, *Zaranie Śląskie*, 11/2, 1935, 98–104.

Ciszewski 1887

Ciszewski S., Lud rolniczo-górnictwa z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim, *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*, 11, 1887, (1)–(129).

Gustawicz 1909

Gustawicz B., Gniotek, *Lud*, 15, 1909, 358–360.

Federowski 1897

Federowski M., *Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905*, 1: *Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki*, Kraków, 1897.

Knoop 1895

Knoop O., Podania i opowiadania z W. Ks. Poznańskiego, *Wiśła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny*, 9/1, 1895, 11–39.

Kolberg 1877

Kolberg O., Rzecz o mowie ludu wielkopolskiego, *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*, 1, 1877, (3)–(36).

——— 1962a

Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Krakowskie*, 7/3, Wrocław—Poznań, 1962.

——— 1962b

Kolberg O., *Dzieła wszystkie. W. Ks. Poznańskie*, 15/7, Wrocław—Poznań, 1962.

——— 1962c

Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Lubelskie*, 17/2, Wrocław—Poznań, 1962.

- 1965
Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Pomorze*, 39, Wrocław—Poznań, 1965.
- 2005
Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Krakowskie. Suplement do t. 5–8*, 73/2, Poznań, 2005.
- Kosiński 1904
Kosiński W., Materiały etnograficzne zebrane w różnych okolicach Galicji zachodniej, *Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne*, 7, 1904, 3–86.
- Krzyżanowski 1947
Krzyżanowski J., *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. 2: Baśń magiczna: (T. 300–748)*, Warszawa, 1947.
- Máchal 1995
Máchal J., *Bájesloví slovanské*, Olomouc, 1995.
- Maciąg 1902
Maciąg M., Jak sobie lud wyobraża istoty świata nadprzyrodzonego. Przyczynek, *Wiśła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny*, 16/3, 1902, 437–439.
- Pieńczak, Mironova 2020
Pieńczak A., Mironova P., Stan badań atlasowych w Polsce i Rosji nad demonologią ludową (przykład zmory i innych istot mitologicznych posiadających cechy z nią wspólne), *Slavia Orientalis*, 69/3, 2020, 493–514.
- 2021
Pieńczak A., Mironova P., Mapowanie motywów mitologicznych. Zmora jako istota szkodząca ludziom i zwierzętom gospodarskim, *Łódzkie studia etnograficzne*, Łódź, 2021 (in print).
- Saloni 1908
Saloni A., Lud rzeszowski. Materiały etnograficzne, *Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne*, 10, 1908, 50–344.
- Świątek 1893
Świątek J., *Lud nadrabski (od Gdowa po Bochnię)*, Kraków, 1893.
- 1902
Świątek J., Z nad Wisłoka, rysy etnograficzne ze wsi Białobrzegi w pow. łańcuckim, *Lud*, 8, 1902, 354–368.
- Toeppen 1892a
Toeppen M., Wierzenia mazurskie, *Wiśła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny*, 6/1, 1892, 145–184.
- 1892b
Toeppen M., Wierzenia mazurskie, *Wiśła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny*, 6/4, 1892, 758–797.
- Udziela 1886
Udziela S., Materiały etnograficzne zebrane z miasta Ropczyc i okolicy, *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*, 10, 1886, (75)–(156).
- 1900
Udziela S., Świat nadzmysłowy ludu krakowskiego, mieszkającego po prawym brzegu Wisły, 2, *Wiśła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny*, 14, 4, 1900, 399–411.
- Ulanowska 1884
Ulanowska S., Niektóre materiały etnograficzne we wsi Łukówcu (mazowieckim), *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*, 8, 1884, (247)–(323).
- Zawada 1932
Zawada P., Sotony, nocnice, zmory, hele, panny (rusałki) leśne i topielice, *Zaranie Śląskie*, 8/2, 1932, 118–121.

References

- Aivazian S., Ukazatel' siuzhetov russkikh bylichek i byval'shchin o mifologicheskikh personazhakh, E. V. Pomerantseva, ed., *Mifologicheskie personazhi v russkom fo'klore*, Moscow, 1975, 162–191.
- Bjeletić M., Loma A., Son, smert', sud'ba (nabliudeniia nad praslav. *mora, *mara), A. V. Gura, O. V. Belova, E. L. Berezovich, eds., *Slavica Svetlanica. Iazyk i kartina mira. K iubiliju S. M. Tolstoi*, Moscow, 2013, 56–75.
- Błahut E., Zarys medycyny ludowej i wierzeń leczniczych Śląska Cieszyńskiego, *Zaranie Śląskie*, 11/2, 1935, 98–104.
- Gura A. V., Materialy k sravnitel'noi kharakteristike zhenskikh mifologicheskikh personazhei (serboluzhitskie paralleli), L. N. Vinogradova, N. V. Zlydneva, S. M. Tolstaya, eds., *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniiu stran Iugo-Vostochnoi Evropy, Sofiia, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Problemy kul'tury*, Moscow, 1989, 115–132.
- Gura A. V., Sorbian Folk Demonology, *Slaviano-vedenie*, 6, 2020, 56–74.
- Jasinskaya M. V., Demony, zapletaiushchie griyvy Ioshadiam, v slavianskoi narodnoi traditsii, O. B. Khristoforova, D. I. Antonov, eds., *Demonologiya kak semioticheskaya sistema. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moscow, 2018, 179–182.
- Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Krakowskie*, 7/3, Wrocław–Poznań, 1962.
- Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Krakowskie. Suplement do t. 5–8, 73/2*, Poznań, 2005.
- Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Lubelskie*, 17/2, Wrocław–Poznań, 1962.
- Kolberg O., *Dzieła wszystkie. Pomorze*, 39, Wrocław–Poznań, 1965.
- Kolberg O., *Dzieła wszystkie. W. Ks. Poznańskie*, 15/7, Wrocław–Poznań, 1962.
- Krzyżanowski J., *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*. 2: *Baśń magiczna: (T. 300–748)*, Warszawa, 1947.
- Lazareva A. A., Domovoi, khodiachii pokoinik i pokinuvshaia telo dusha: interpretatsii sonnogo paralicha v vostochnoslavianskoi kul'ture, O. B. Khristoforova, D. I. Antonov, eds., *Demonologiya kak semioticheskaya sistema. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moscow, 2018, 94–98.
- Levkieskaya E. E., Mifologicheskie personazhi v slavianskoi traditsii: vostochnoslavianskii domovoi, S. M. Tolstaya, ed., *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Narodnaia demonologiya*, Moscow, 2000, 96–161.
- Levkieskaya E. E., Zmora, N. I. Tolstoy, ed., *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, 2, Moscow, 1999, 341–344.
- Máchal J., *Bájesloví slovanské*, Olomouc, 1995.
- Pięrczak A., Mironova P., Stan badań atlasowych w Polsce i Rosji nad demonologią ludową (przykład zmory i innych istot mitologicznych posiadających cechy z nią wspólne), *Slavia Orientalis*, 69/3, 2020, 493–514.
- Plotnikova A. A., *Etnolingvisticheskaya geografiia Iuzhnoi Slavii*, Moscow, 2004.
- Plotnikova A. A., *Slavianskie ostrovnye arealy: Arkhaika i innovatsii*, Moscow, 2016.
- Trefilova O. V., Bulgarian Folk Demonology: A Brief Overview, E. S. Uzeneva, ed., *Slavic World in the Third Millennium*, 15/3–4, 2020, 160–181.
- Trefilova O. V., Ethnolinguistic materials from village Králev dol, Pernik region, Pernik community, Central-West Bulgaria, G. P. Klepikova, A. A. Plotnikova, eds., *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 12: *Areal'nye aspekty izucheniia slavianskoi leksiki*, Moscow, 2006, 228–276.
- Valentsova M. M., J. Luffer, Katalog českých demonologických pověstí, *Slaviano-vedenie*, 4, 2015, 108–112.
- Valentsova M. M., Slovak Demonology. A Brief Survey, *Slaviano-vedenie*, 4, 2020, 128–145.
- Valentsova M. M., *Slovatskaia mifologicheskaya leksika na obshcheslavianskom fone*, A. M. Moldovan, S. M. Tolstaya, eds., *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 186–206.
- Vinogradova L. N., Levkieskaya E. E., eds., *Narodnaia demonologiya Poles'ia. Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh godov XX veka*, 3: *Mifologizatsiia prirodnikh iavlenii i chelovecheskikh sostoianii*, Moscow, 2016.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M., Gura A. V., Kabakova G. I., Ternovskaia O. A., Skhema opisaniia mifologicheskikh personazhei, L. N. Vinogradova, N. V. Zlydneva, S. M. Tolstaya, eds., *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniiu stran Iugo-Vostochnoi Evropy, Sofiia, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Problemy kul'tury*, Moscow, 1989, 78–85.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M., K probleme identifikatsii i sravneniia personazhei slavianskoi mifologii, T. A. Agapkina, L. N. Vinogradova, N. I. Tolstoy, S. M. Tolstaya, eds., *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Verovaniia. Tekst. Ritual*, Moscow, 1994, 16–43.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M., K sravnitel'nomu izucheniiu mifologicheskikh personazhei: veshit'sa i ved'ma, N. P. Grintser, N. V. Zlydneva, V. N. Toporov, T. V. Civjan, eds., *Balkanskije chteniia – 1. Simpozium po strukture teksta*, Moscow, 1990, 112–116.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M., Materialy k sravnitel'noi kharakteristike zhenskikh mifologicheskikh personazhei, L. N. Vinogradova, N. V. Zlydneva, S. M. Tolstaya, eds., *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniiu stran Iugo-Vostochnoi Evropy, Sofiia, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Problemy kul'tury*, Moscow, 1989, 78–85.

noi Evropy, Sofia, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Problemy kul'tury, Moscow, 1989, 86–114.

Zawada P., Sotony, nocnice, zmory, hele, panny (rusalki) lešne i topielice, *Zaranie Śląskie*, 8/2, 1932, 118–121.

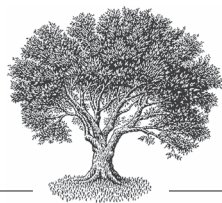
Zinov'ev V. P., Ukazatel' siuzhetov sibirskikh bylichek i byval'shchin, T. G. Leonova, ed., *Lokal'nye osobennosti russkogo fol'klora Sibiri*, Novosibirsk, 1985, 62–76.

Полина Борисовна Поветкина, аспирантка
кафедры русского устного народного творчества
филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
филологический факультет
Россия / Russia
diana_middls@mail.ru

Received June 28, 2021

Почитание
святителя Феоктиста
Новгородского в XVII —
начале XVIII века:
новые сведения в
свете рукописных
источников*

**Никита Андреевич
Шереметов**

С.-Петербургский институт истории РАН,
С.-Петербург, Россия

Иван Анатольевич Поляков

Российская национальная библиотека,
С.-Петербург, Россия

The Worship of the
Novgorod Archbishop
Theoktist in the 17th —
early 18th Century:
New Information
on the Basis of
Manuscripts Evidence

Nikita A. Sheremetov

St. Petersburg Institute of History
of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Ivan A. Poliakov

The National Library of Russia,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Предметом исследования является история почитания новгородского архиепископа Феоктиста († 1310) в XVII — начале XVIII в. На основании литературных, гимнографических и иконографических памятников авторами

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-78-10060.

Цитирование: Шереметов Н. А., Поляков И. А. Почитание святителя Феоктиста Новгородского в XVII — начале XVIII века: новые сведения в свете рукописных источников // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 86–123.

Citation: Sheremetov N. A., Poliakov I. A. (2022) The Worship of the Novgorod Archbishop Theoktist in the 17th—early 18th Century: New Information on the Basis of Manuscripts Evidence. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 86–123.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.1.4

статьи был впервые осуществлен комплексный анализ данной темы. Сопоставление свидетельств, упомянутых в Житии архиепископа Феоктиста и посвященных ему песнопениях, с сохранившимися документами показало, что они основаны на реальных исторических событиях и отражают возобновление почитания святого с середины XVII в. Авторами статьи был обнаружен самый ранний из известных на сегодняшний момент списков Жития и песнопений святителю. Текстологическое исследование списков Жития архиепископа Феоктиста позволило установить, что этот литературный памятник был создан в несколько этапов, связанных с развитием почитания святого. По результатам анализа обнаруженного списка стало возможным установление автора песнопений и первоначальных статей Жития — известного новгородского книжника второй половины XVII в. Бориса Козынина.

Ключевые слова

книжная культура XVII в., Великий Новгород, архиепископ Феоктист, Борис Козынин, культ святых, гимнография, текстология

Abstract

The research deals with the history of the worship of the Novgorod Archbishop Theoktist (†1310) during the 17th—early 18th centuries. On the basis of the literary, hymnographic and iconographic monuments, the authors of the article carried out a comprehensive analysis of this topic. The comparison of the testimonies mentioned in the *Vita* and the service to the saint with the surviving documents showed that they are based on real historical events and reflect the renewed worship of the saint from the middle of the 17th century. The authors of the article also discovered the earliest of the currently known copies of the *Vita* and the service. A textual study of this copy of the *Vita* of Theoktist made it possible to establish that this literary monument was created in several stages associated with the strengthening of the worship of the saint. According to the results of the hymnographic analysis of the discovered copy, it became possible to establish the author of the chants and the initial articles of the life—the famous Novgorodian scribe of the second half of the 17th century Boris Kozynin.

Keywords

book culture of 17th cent., Veliky Novgorod, archbishop Theoktist, Boris Kozynin, saints cult, hymnography, textology

Традиция почитания святителя Феоктиста насчитывает более двухсот лет. В «Отенских святцах», агиографическом памятнике 1718 г., указаны только тропарь, кондак и чудеса святителя [Романова 2004: 415; Еадем 2017]. Первое упоминание о почитании мощей святителя Феоктиста в Великом Новгороде с пересказом сюжета Жития содержится в «Путешествии по святым местам русским» А. Н. Муравьева [Муравьев 1846: 224–226]. По-видимому, литератор услышал рассказ от монахов Юрьева монастыря у раки святого и поместил его в паломническое

сочинение. В середине XIX в. сведения о деятельности Феоктиста и его дальнейшем прославлении отразились в «Археологическом описании» архимандрита Макария (Миролюбова). В разделе, посвященном Благовещенской церкви на Мячине, ученый обратил внимание на особое почитание Феоктиста четой князей Ромодановских (князем Василием Григорьевичем Меньшим и княгиней Прасковьей Архиповной) во второй половине XVII в. [Макарий 1860: 535–536] Исследователь сослался на текст Жития и Службы из рукописи в четверку, хранившийся в библиотеке Юрьева монастыря. Во второй половине XIX — начале XX в. рассказ о святителе Феоктисте и его чудесах из Жития вошел в ряд печатных текстов, посвященных русским святым («Месяцеслов» Гавриила Краснянского, «Описание о российских святых» М. В. Толстого, «Жития святых 1908 г.» и др.¹) [Краснянский 1876: 182–187; Толстой 1887: 39; Жития святых 1908: 578–582]. Тем не менее, несмотря на широкую известность этого сюжета в паломнической литературе, до недавнего времени исследователи не обращались к истории почитания святителя в XVII в. и связанным с ним литературным памятникам.

В начале XXI в. вышло первое специальное исследование, посвященное Житию святителя Феоктиста — словарная статья А. А. Романовой [Романова 2004]. Исследовательнице удалось выявить ряд списков Жития и Службы XVIII (БАН. Текущие поступления. № 141. Л. 114–120 [далее — *Библиотечный*]) и XIX вв. (НГОМЗ. КП 30056–316 / КР 313 [далее — *Новгородский I*]; НГОМЗ. КП. 30056–212 / КР 247 [далее — *Новгородский II*]; РГИА. Ф. 834. Оп 3. № 3873; НБУВ. I.2115 / В 233). С опорой на текст Жития были кратко описаны обстоятельства возникновения почитания святителя в XVII в. и указано, что в XIX в. Житие было известно «по рукописи XVIII в., в четверку, находившейся в Юрьеве монастыре». Из всех списков А. А. Романова установила самый ранний — *Библиотечный*, в котором последнее датированное чудо святителя относится к 1705 г., а сам памятник находится в составе агиографического сборника 1730-х гг. По результатам анализа *Библиотечного* списка и содержания Жития, А. А. Романова пришла к выводу, что части Жития и Службы были составлены в конце XVII — начале XVIII в., и «более ранний этап в истории всего цикла, посвященного Феоктисту», отразился в рукописи из собрания Библиотеки Академии наук [Ibid.: 415].

В 2006 г. Д. Б. Терешкина впервые опубликовала текст Жития святителя Феоктиста по новгородским рукописям [Терешкина 2006: 75–83]. В основу издания был положен список *Новгородский I*, а по списку

¹ Подробнее об упоминании святителя Феоктиста в литературе конца XIX — начале XX в. см.: [Романова 2004: 415–416].

Новгородскому II были подведены разночтения. Анализируя сюжет Жития, исследовательница пришла к выводу, что описание истории прославления святого в XVII в. может быть основано на реальных событиях, так как многие из указанных в сочинении новгородских жителей упоминаются в других источниках [Eadem 2009: 75–77].

Таким образом, на настоящий момент в историографии известны всего несколько списков Жития Феоктиста Новгородского. Самым ранним из них является *Библиотечный* список, сохранившийся в составе неизданной рукописи 1730-х гг. Остальные относятся уже к XIX в. Судьба рукописи «в четверку» из Юрьева монастыря, содержащей Житие и Службу² святому и упоминаемой архимандритом Макарием (Миролюбовым), остается неизвестной.

1. Структура Жития святителя Феоктиста

Житие во всех списках имеет устойчивую структуру. Текст памятника открывается разделом «Сказание от жития иже во святых отца нашего Феоктиста Новгородского чудотворца: списано вкратце», посвященным нескольким сюжетам из жизни Феоктиста: пострижению в Благовещенском Новгородском монастыре, возведению на архиепископскую кафедру в 1299 г., постройке в период архиерейства Феоктиста новгородцем Иоакимом церкви во имя Святых Отцов Никейского собора и добровольному возвращению в монастырь, где он после трехлетнего пребывания скончался и был погребен. После «Сказания» в произведении следует сюжет о начале почитания архиепископа во второй половине XVII в.: о написании в 1659 г. иконописцем и певчим Софийского собора Федором образа Феоктиста по заказу новгородского дьяка Ивана Зиновьева. В этой части в Житии приведен эпизод с описанием первого чуда святителя — исцеления жены дьяка Ивана Зиновьева Ульянии от болезни у его гробницы. Далее в памятнике кратко рассказывается о создании кондака, тропаря и канона, часовни над мощами святителя в 1667–1668 г. и о восстановлении храма на деньги князя Василия Григорьевича Меньшого и княгини Прасковьи Архиповны Ромодановских в 1682–1684 гг. После статьи о деятельности четы Ромодановских по прославлению святого в *Библиотечном* списке вставлено известное литературное произведение XV в. «Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием» [Дмитриев 1973: 169–177]. В остальных

---

² Необходимо пояснить, что в известных списках XVIII в. читается не служба, а отдельные оригинальные песнопения святителю, в одном из случаев дополненные кондаком и тропарем Богородице. Полная служба в цикле произведений, посвященных святителю, известна по спискам не ранее XIX в. Подробнее об этом см. § 2.

списках (за исключением *Новгородского II*) «Повесть» расположена в конце жития. После «Повести» (для остальных списков — после сюжета о князьях Ромодановских) в памятнике присутствует подборка «Новых» чудес новгородского святого, различающаяся в новгородских списках и *Библиотечном*. В последнем, в отличие от остальных, указано всего 9 чудес за период 1700–1705 г. (3 датированы, 6 не датировано). В списках *Новгородском I* и *Новгородском II* чудеса доведены до 1727 г. (в списке *Новгородском II* — 27 чудес; в списке *Новгородском I* — 26 чудес). Важно отметить, что исследователи, обращавшиеся к тексту жития Феоктиста, отмечали текстологическое сходство всех списков (за исключением последней части о «Новых» чудесах) и рассматривали памятник как единое произведение, созданное одномоментно.

В ходе поиска новых данных о времени и обстоятельствах составления Жития авторы настоящей статьи предприняли работу по выявлению неизвестных списков произведения. Ее результатом стало обнаружение двух рукописей из собрания Новгородского духовной семинарии, содержащих текст памятника. Первая из них, ОР РНБ. НДС. № 119 [далее — *Семинарский II*] представляет собой сборник сочинений о жизни и поминании новгородских святых, составленный в первой половине XIX в. Структурно он близок к списку *Новгородскому II*: в нем также отсутствует «Повесть о построении Благовещенской церкви» и сохраняется тот же порядок 27 чудес, оканчивающихся эпизодом 1727 г. об исцелении посадского человека Городенского погоста Водской пятины Софрония Стефанова.

Вторая из выявленных рукописей [ОР РНБ. НДС. № 91; далее — *Семинарский I*] является агиографическим сборником-конволютом второй половины XVII — первой половины XVIII в. и включает в свой состав не только Житие (л. 87об. — 102), но и песнопения святому (л. 75–87). Часть сборника-конволюта, посвященная святителю, написана одним переписчиком и представляет собой отдельный блок в рукописи. Ее кодикологический анализ показал, что оба произведения выполнены на бумаге с водяным знаком «Герб города Амстердама» с литерами «VG», датирующейся 1697–1706 г. [Дианова 1998: № 365] Как и в *Библиотечном* списке, в *Семинарском I* «Повесть о построении Благовещенской церкви» следует сразу за разделом о постройке часовни в 1682–1684 гг., а число чудес также равно 9 за период 1700–1705 гг. (3 датированы, 6 не датировано). Исходя из данных анализа бумаги и крайней даты жития (1705 г.) можно высказать гипотезу о том, что выявленный *Семинарский I* список был составлен в конце 1700-х гг. в пределах Новгородского уезда и является на настоящий момент самым ранним из известных списков Жития.

Как уже отмечалось выше, раздел «Новые» чудеса святителя, в отличие от других частей памятника, текстологически неоднороден в известных списках памятника. По этой причине для того, чтобы понять историю складывания текста Жития необходимо в первую очередь сопоставить между собой раздел «Новые» чудеса в *Семинарском I* и *II*, *Новгородских I* и *II*, *Библиотечном* списках. Их тексты приведены в *Приложении I*. Напомним, что главное различие между списками является число чудес и их хронологические рамки: в *Семинарском I* и *Библиотечном* указаны девять чудес за 1700–1705 гг., а в *Семинарском II*, *Новгородских I* и *II* списках — 26–27 чудес за период 1700–1727 гг. Тем не менее, первые девять чудес во всех списках имеют одинаковые сюжеты. Сравним тексты первых девяти чудес в каждой из рукописей.

В *Семинарском I* списке, в отличие от остальных, каждое из девяти чудес новгородского чудотворца имеет номер и киноарный подзаголовок. Однако хронологический порядок в нем нарушен — так чудо первое «о разслабленном» повествует об исцелении посадского человека Иоанна Агапитова в 1702 г., а чудо третье «о болящей очима и ослепшей» рассказывает о событиях 1700 г. Аналогичный порядок расположения чудес наблюдается в *Библиотечном списке*, но в нем при их описании опущены даты событий. В *Семинарском II*, *Новгородских I* и *II* списках чудеса не имеют подзаголовков и расположены в хронологической последовательности: пять чудес отнесены к 1700 г. (чудеса № 3–7 по *Семинарскому I* списку), два чуда — к 1702 г. (чудеса № 1–2 по *Семинарскому I* списку), затем следует чудо от 10 марта 1705 г. об исцелении Антипа Михайлова Боровикова (чудо № 8 по *Семинарскому I* списку) и недатированное чудо о выздоровлении дворцового крестьянина деревни Липиц Стефана (чудо № 9 по *Семинарскому I* списку).

Несмотря на сюжетное сходство каждого из чудес, между списками присутствуют значительные разночтения. Более всего от остальных списков отличается текст *Библиотечного*. Все чудеса в нем имеют выраженную литературную обработку, которая усиливает религиозные мотивы и подчеркивает силу целительного дара святителя. Текст изобилует эпитетами, сравнениями и обращениями к высшим силам. В качестве примера приведем описание крестного хода, случившегося 15 июля 1702 г. после исцеления супруги посадского человека Никиты Тимофеева Кошкина (см. табл. 1). Важно также отметить, что составитель раздела «Новых чудес» из *Библиотечного* списка опустил все фактологические подробности при описании событий: в тексте отсутствуют указания на даты, опущены или исправлены обозначения социального положения людей (посадский человек — посадник, поп — иерей, присельный — поселянин), сокращены имена героев (Антип

Михайлов пореклом Боровиков — Антип Боровиков; Никита Тимофеев прозванием Кошкин — посадник некий именем Никита; поп Иаков Михеев — иерей некий Иаков и т. д.), убраны дополнительные обстоятельства чудес.

Таблица 1. Фрагмент из чуда об исцелении жены посадского человека Н. Т. Кошкина

Семинарский I	Семинарский II, Новгородские I, II ³	Библиотечный
// (л. 102) И пришедъ въ монастырь со кресты июля 15 числѣ многое множество народу. И той покровъ положиша на гробъ святителя Феоктиста. И много ту немощныхъ и страждущихъ исцѣляхуся и от того дни Великаго Новаграда весь народъ велию вѣру имѣють ко святителю.	И пришед в монастырь со кресты, иулиа в 15 день много множество народа и той покров положиша на гробе святителя Феоктиста, и много ту немощных и страждущих исцеляхуся. От того дня Великаго Новаграда весь народ велию веру имеют ко святителю. (С. 78)	// (л. 119) ... нести на гробъ ко святителю и чудотворцу Феоктисту со множеством народа. Егда же тое содѣяша и во обитель со кресты придоша образъ начертанный на гробъ святого положиша и молеbstво ему сотвориша. От предивнаго чудесе и не удобъ сказуемого яко звѣздная неисчетная восхожденія чудесы всю российскую землю осіявши, в той час множество // (л. 119об.) немощных исцѣлихуся. И тогда весь народ велегласно похваляюще святителя и чудотворца Феоктиста в славу Христа Бога нашего.

Тексты *Семинарского I* списка и списков *Семинарского II*, *Новгородских I* и *II* текстологически близки друг к другу, однако между ними есть одно существенное различие. В списках *Семинарском II*, *Новгородских I* и *II* некоторые термины списка *Семинарского I* заменены синонимами, облегчающими чтение памятника и более характерными для языка второй половины XVIII — первой половины XIX в.: поп — священник, немощь, скорбь — болезнь⁴, посадский человек — купец.

Проведенный анализ текстов раздела о «Новых» чудесах святителя позволяет сделать ряд выводов об этапах создания памятника. Так, главными отличиями между ними являются: а) расположение «Повести о построении Благовещенской церкви»; б) число и характер «новых чудес» святителя Феоктиста. Остальные части, за исключением некоторых текстологических различий, вызванных перепиской рукописей,

³ Цит. по: [Терешкина 2006]. Текст *Семинарского II* близок к цитируемым новгородским спискам.

⁴ В двух чудесах из четырех в *Библиотечном* списке также употребляется слово «болезнь» вместо немощи.

и включением или невключением информации об игумене Павле⁵, тождественны друг другу. Более того, раздел «И устроение раки святого и надгробного образа и покровъ, и о списании тропаря, и кондака, и канона святителю» логично завершает все повествование и оканчивается словами о восстановлении церкви силами князей Ромодановских «во славу Христа Бога [...] и в вечную память создателей святого храма оного и честныя оныя обители и всех труждышихся во устроении семъ о Христе Иисусе Господе нашемъ, ему же слава ныне и присно и во веки вековъ. Аминь». Вышеперечисленные особенности произведения позволяют высказать предположение о том, что ранняя редакция Жития заканчивалась на событиях постройки храма в Благовещенской обители в начале 1680-х гг. Возможно, рукопись «в четверку» из Юрьева монастыря, известная митрополиту Макарию, включала в свой состав оригинальное житие. «Повесть о построении Благовещенской церкви», расположенная в списках в разных местах и отсутствующая в *Новгородском II* списке, могла быть связана, с одной стороны, с возобновлением активной деятельности Благовещенского монастыря усилиями княгини Прасковьи Архиповны Ромодановской в начале 1680-х гг., а, с другой стороны — с наличием в конце «Повести» биографических сведений о святителе:

У Благовещения же въ монастыре въ церкви пресвятыя Богородицы положенъ бысть архиепископъ Феоктистъ, бе бо ис того же монастыря взятъ на престоль, иже той добраго и чистаго ради жития своего прославленъ бысть чудеса от Бога.

В начале XVIII в. монахи Благовещенского монастыря актуализировали работу по прославлению святого. К тому времени в обители уже была рукопись с кратким житием Феоктиста, содержащим сведения о чуде исцеления супруги дьяка Ивана Зиновьева, и песнопениями. По-видимому, для усиления культа почитания святителя старцы стали фиксировать все чудеса, совершавшиеся у гробницы. Возможно, они начали записывать события с 1702 г., затем добавили к ним известные случаи 1700-го — этим фактом объясняется нарушение хронологической последовательности чудес в самых ранних списках Жития. Протокольный формат записей с обилием деталей (дата, социальное положение, имя, место и обстоятельства чуда), отразившийся во всех списках кроме *Библиотечного*, позволяет предположить, что чудеса могли фиксироваться сразу после случившегося события на чистых листах рукописи, содержавшей оригинальное Житие. В 1705 г. или чуть позже (последнее чудо не датировано) монахи монастыря посчитали, что известных

---

⁵ Подробнее об этом см. § 2.

чудес достаточно для прославления святителя. В 1707 г. они открыли раку с его мощами для поклонения. С этого момента с оригинальной рукописи были сделаны несколько списков. *Семинарский I* список (или его антиграф) был создан через незначительный промежуток времени после 1705 г. и, возможно, отразил архетип памятника. В 1730-е гг. с оригинала (или с одного из списков) был сделан *Библиотечный* список Жития. Книжник-составитель агиографического сборника *БАН-141* переписал основной текст Жития, «Повесть» и литературно обработал последнюю часть памятника — «Новые чудеса». После 1707 г. монахи Благовещенского монастыря продолжили фиксировать происходившие у мощей святителя чудеса — с 1705 по 1727 г. в той же «протокольной» форме ими были записаны еще 18 чудес. После 1727 г. на каком-то из этапов рукописной традиции XVIII в. были созданы два новых списка. В первом из них, антиграфе *Новгородского II* и *Семинарского II*, «Повесть о построении Благовещенской церкви» была исключена из текста памятника, «Новые чудеса» расположились в правильном хронологическом порядке с 1700 по 1727 г. и насчитывали 27 эпизодов. Во втором списке, антиграфе *Новгородского I*, «Повесть» была перенесена в конец произведения, «Новые чудеса» также начинались описанием событий с 1700 г., однако последние три чуда оказались перепутанными: исчезло 26-е чудо о выздоровлении девицы Евдокии, дочери Макария Иоаннова сына Нелидова, а 25-е чудо о крестьянине Феоктите Савелове было записано без даты (30 марта 1718 г.) и перемещено в самый конец статьи после 27-го чуда 1727 г. об исцелении посадского человека Софрония Стефанова. В списках *Новгородском I* и *Семинарском II* после текста Жития появились также исторические комментарии XIX в. о перенесении мощей святого в 1786 г. в Юрьев монастырь в связи с закрытием Благовещенской обители.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что «Повесть о построении Благовещенской церкви» и раздел о «Новых чудесах» святителя вошли в состав сочинения в конце XVII — начале XVIII в., т. е. уже после событий, описанных в предыдущих разделах жития.

2. Возникновение песнопений и Жития. Датировка

Обратимся к анализу гимнографических текстов и Жития святителя Феоктиста *Семинарского I* списка. Интересующая нас часть сборника открывается заголовком «Месяца декабря в 23 день преставление иже во святых отца нашего Феоктиста, архиепископа Новгородского»⁶, за

---

⁶ Здесь и далее цитируется по рукописи [НДС 91, л. 75–95].

которым следуют тропарь святому 3-го гласа «Божия слова премудрости изрядный служитель...», Богородичный тропарь 3-го гласа «Тя, хodataйствовавшую спасение рода нашего...». Канон 4-го гласа «Благодать даруй ми, Боже...» предваряется обширным надписанием:

Канонъ святителю Феоктисту. Ему же краегранесие: Благодарное пѣние с молитвою прилѣжною Феоктисту святителю приношу многгрѣшный. До седмья пѣсни словеснѣ, от седмья же до девятыя речевнѣ, девятая же совершися списавшаго именемъ. Кромѣ Богородичновѣ, им же краестроchie сие: Пресвятая Богородице спаси насъ и избави муки вѣчныя.

Указанный акростих с первой по шестую песнь образуется начальными буквами тропарей⁷, а в седьмой и восьмой продолжается начальными словами тропарей, за исключением богородичных, начальные слова которых складываются в отдельное обращение к Богородице. По первым буквам тропарей девятой песни, число которых вместе с богородичным дополнено до пяти, читается имя автора: Борис. После 6-й песни канона записан кондак 8-го гласа «Архиерейское украшение» и икос.

После канона вновь выписаны тропарь и кондак святому, но вследствие ошибки, на которую указывает приписка в рукописи: «зри писанъ сначала, а сей кондакъ», — на месте тропаря продублирован текст кондака. Завершает подборку песнопений кондак Богородице «Взбранной Воеводе победительная...». Набор оригинальных песнопений святителю, представленных тропарем, кондаком с икосом и канонem, вероятно, предназначался для совершения молебна святому, на что указывает и выписанный перед первым тропарем канона «запѣвъ святителю: отче Феоктисте, моли Бога о насъ»⁸.

Несмотря на скудость сведений о жизни новгородского архиепископа, автор канона стремится придать образу святого более личный характер, используя известные биографические детали и примеры посмертных чудес. Так в 1-м тропаре 4-й песни упоминается о поставлении Феоктиста в Софийском соборе, в 1-м тропаре 5-й песни о подвиге безмолвия, который святой принял после ухода с архиепископской кафедры. Некоторые хайретизмы икоса повествуют о восьмилетнем периоде архиерейства Феоктиста и последующем трехлетнем пребывании в безмолвии в «обители Божия Матере». Святитель предстает здесь как «сожителниче обители Богоматернѣй, созданный от чюдоносныхъ

⁷ Последний тропарь 6-й песни участвует в акростихе двумя первыми буквами.

⁸ В Библиотечном списке читаются только оригинальные песнопения, т. е. тропарь, кондак с икосом и канон, однако в 4-й песне канона нарушен правильный порядок тропарей [ср. список ркп. БАН-141, л. 111]. Практика совершения молебнов у гробницы святого до официального прославления известна, например, по истории почитания Кирилла Новозерского [Карбасова 2005: 506].

архиереовъ Иоанна и Григорія». В 7-й песни святой уподобляется преподобному Феоктисту Палестинскому, спостнику Евфимия Великого. Наконец, в тропарях 8-й песни упоминается рака и образ святителя. Повествуется о явлении святого «многоблезненнѣй женѣ», обещавшего ей исцеление, «аще гроба възыщеть». Главной темой канона является пастырское, святительское служение святого. Заметной чертой сочинения выступает самоуничижительная интонация автора «унылого, не-потребного, блудного, окаяннаго» и прочее.

За гимнографическими текстами в рукописи следует «Сказаніе от житія, иже во святыхъ отца нашего Феоктиста новгородскаго чудотворца: списано въ кратцѣ». Здесь содержатся сведения о монашестве Феоктиста в Благовещенском монастыре, поставлении на архиерейский престол митрополитом Макарием (приведено ошибочно, согласно Новгородской I летописи [далее — НІЛ] хиротонию совершал киевский митрополит Максим) и ростовским епископом Симеоном (согласно НІЛ, пропущен тверской епископ Андрей) [НПЛ: 91 (л. 152об.)]. Указывается при этом, что Феоктист стал седьмым по счету новгородским архиепископом после Григория (Гавриила), брата Иоанна (Илии) Чудотворца, «по Ионѣ» же восьмым. Сообщается о постройке в период восьмилетнего архиерейства Феоктиста новгородцем Иоакимом церкви во имя Святых Отцов 318 Никейского собора (в НІЛ и большинстве списков Новгородской IV летописи [далее — НІVЛ] вдовой Иоакима) и удалении святителя вскоре после этого события обратно в Благовещенский монастырь, где он после трех лет пребывания скончался и был погребен [Ibid.: 92 (л. 155об.); ПСРЛ, 4: 253 (6815, л. 165)].

Выясняется, что сообщения не противоречат летописным. Упоминание митрополита Макария вместо митрополита Максима и архиепископа Ионы вместо архиепископа Иоанна могут быть приняты за позднейшие ошибки переписчиков⁹. Сообщение о месте Феоктиста по счету новгородских архиепископов намекает на знакомство автора с Кратким летописцем новгородских владык, использование которого могло бы объяснить пропуск епископа Андрея в перечне участвовавших в хиротонии, поскольку встречаются списки памятника, упоминающие только епископа Симеона [ПСРЛ, 30: 198 (6807, л. 159)]. Однако, причастие и согласованное с ним существительное из первой части фразы: «с прилучившимися с нимъ в Великомъ Новѣградѣ тогда архиереи ростовскимъ Симеономъ архиепископомъ», стоит во множественном числе, т. е. в оригинале должен был читаться не один архиерей. Это подтверждается текстом Сказания из *Библиотечного* списка, где читается и епископ Андрей [БАН-141, л. 114].

⁹ В списках Сказания XIX в. Иона исправлен на Иоанна [Терешкина 2006: 75].

Святитель Феокист верно указан в ряду архиепископов 7-м или 8-м и в соответствии с ранней редакцией Краткого летописца новгородских владык [Новикова 2008: 635, 638] и поздними летописями, отразившими этот источник. Например, в Корнильевской летописи, памятнике новгородского летописания второй половины XVII в., первый новгородский архиепископ Иоанн указан 10-м новгородским архиереем после девяти предшествующих епископов [*НКорн*: л. 199], а архиепископ Феокист — 18-м [*Ibid*, л. 270].

Известие о возведении церкви во имя Святых Отцов Никейского собора Иоакимом в год оставления святителем кафедры хотя и противоречит сообщениям НЛ и большинства списков НЛВЛ о ее строительстве вдовой Иоакима, читается, например, в Академическом списке НЛВЛ и Новгородской летописи по списку Дубровского [ПСРЛ, 4: 253 (6815, л. 165); ПСРЛ, 43: 104 (6815, л. 193об.)], а в Новгородской Корнильевской летописи даже прибавлено уточнение, что Иоаким был новгородским посадником [*НКорн*, л. 273].

Завершая Сказание от жития, автор сообщает, что богоугодной жизнью святитель Феокист снискал дар исцелений, и дальше он повествует об одном из чудес, о котором слышал сам. Изложение чуда предваряет рассказ «О написании образа святителя Феокиста в лето 7167-е», который повествует о создании первой иконы святому иконописцем и певчим Софийского собора Федором:

Бысть в Великомъ Новѣградѣ дому Премудрости Божии иконописецъ именемъ Феодоръ, иже бѣ в клиросѣ соборныя церкви пѣвца чинъ имѣя. Сей писа во она лѣта первый образъ святителя Феокиста въ молении ко образу Благовѣщенія Пресвятѣй Богородицы.

Он построен в форме диалога, в ходе которого Федор сообщает «нѣкоему, случившуся въ дому его» человеку, что пишет образ по заказу дьяка Ивана Зиновьева, жене которого было явление: «Азъ же, рече, пишу его с первообразнаго подобія стѣннаго писанія, иже въ папертѣ соборныя церкви святыя Софии отъ Владычня двора, идѣже и прочихъ святителей новгородскихъ образы писаны суть». Текст завершается ремаркой автора, что написанный Федором образ святителя стал первым, появившимся в Благовещенской обители.

О самом чуде с женой Ивана Зиновьева Иулианией подробно повествуется в следующем рассказе, озаглавленном «Чюдо святителя Феокиста о женѣ именемъ Уліаніи, и чего ради написанъ образъ его». Из него следует, что жена дьяка Ивана Зиновьева, служившего в Новгороде во время воеводства князя Григория Семеновича Куракина, Иулиания долгое время болела. Однажды во сне ей явился «мужъ

священнобразенъ» и приказал отыскать гроб архиепископа Феоктиста для исцеления. Дьяку Иван Зиновьеву удалось выяснить, что мощи святого покоятся в Благовещенском монастыре. В результате, вскоре после совершения поминаения Иулиания исцелилась, а дьяк заказал иконописцу написать образ святителя.

Особого внимания заслуживает окончание Чуда, которое содержится только в списках XVIII в.¹⁰ Автор поясняет, что эту историю Иван Зиновьев лично поведал иерею Симеону, служителю придела Варлаама Хутынского Никольского собора на Ярославовом дворище, бывавшего у дьяка для «домовнаго келейнаго утренняго и вечерняго правила и молебнаго пѣнія». От иерея Симеона случившееся получило огласку, а само Чудо было записано при посредничестве игумена Павла: «слышана бѣста отъ бывшаго ту игумена Павла, но той забвению вдався, писанию не предаде. Сие же написа, еже ему въ память прииде», — возможно, одного из игуменов Благовещенского монастыря.

Показательно, что личность Ивана Зиновьева надежно устанавливается по другим источникам. Согласно сведениям С. Б. Веселовского, дьяк действительно находился на воеводстве в Великом Новгороде с боярином князем Григорием Семеновичем Куракиным в 1658/1659–1660 гг. [Веселовский 1975: 195]. Ряд выявленных в архиве Успенского Тихвинского монастыря документов позволяет датировать его пребывание в Новгороде более широко — с 7 марта 1657 г. до начала лета 1661 г. [НИА СПбИИ РАН, ф. 132, оп. 1, картон 4, № 190; картон 6, № 233].

Следующий рассказ проясняет обстоятельства возникновения тропаря, кондака и канона при строительстве часовни над ракой святого по заказу князя Василия Григорьевича Меньшого Ромодановского в 1715–1716 гг. (1666/67–1667/68 гг.), во время пребывания последнего на воеводстве в Великом Новгороде¹¹. Согласно тексту, по повелению князя в полуразрушенном Благовещенском храме было расчищено место над гробом святителя, изготовлена рака с изображением святого, покровы и возведена деревянная часовня, а «в мольбу ко святому» составлены «тропарь, и кондакъ, и канонъ [...] вѣдущими писании искусь». Далее рассказ повествует о событиях 1681/1682–1683/1684 гг., когда при содействии вдовы князя, боярыни княгини Прасковьи Архиповны, вероятно, по завещанию мужа была вновь отстроена Благовещенская церковь.

Получается, что сведения икоса и тропарей канона о жизни святого, существовании раки и образа, чуде с болящей женой не выходят

¹⁰ Второй — [БАН-141, л. 115–116].

¹¹ Заголовок: «О часовнѣ, яже бѣ надъ святителемъ до устроения святого храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и о устроении раки святого, и надгробнаго образа, и покровъ, и о списаніи тропаря и кондака и канона святителю».

за рамки известий Сказания от жития, опирающегося на летописные статьи¹², Рассказа о написании иконы Федором и Чуде исцеления Иулиании Зиновьевой, следовательно, могли возникнуть в одно время и составить первоначальный комплекс текстов, посвященных святому¹³. Из примыкающего к ним рассказа известно, что создание песнопений неким Борисом по заказу князя В. Г. Меньшого Ромодановского относится к 1666/67–1667/68 гг., а написание певчим софийского собора Федором иконы Феоктиста — к 1658/59 г., как это указано в заголовке рассказа *Семинарского I* списка, как раз в промежутке между 1657–1661 гг. — временем пребывания Ивана Зиновьева в Великом Новгороде. О том, что между связанными с его семьей событиями и записью рассказов о них прошло какое-то время, косвенно свидетельствуют слова автора об игумене Павле, которому пришлось вспоминать забытое.

Согласно последнему сообщению Жития, ключевую роль в развитии почитания святителя сыграл князь В. Г. Меньшой Ромодановский. Он принадлежал к составу правящей элиты Московского государства середины — второй половины XVII в. и добился больших успехов на административных и дипломатических постах¹⁴. Отметим, что на протяжении всей жизни В. Г. Меньшой Ромодановский поддерживал вклады церкви и монастыри, сохранял интерес к книгам, в особенности к агиографической литературе, о чем свидетельствует собранная им библиотека житий русских святых. В начале 1620-х гг. князь Василий заказал переписчикам лицевой «Апокалипсис» — известный рукописный сборник ОР ГИМ, Епархиальное собр., № 736, содержащий его владельческую запись 1624 г. К концу 1660-х гг. в библиотеке князя находились разнообразные четьи книги, сохранившиеся до сегодняшнего времени: «Житие Саввы Сербского» [ОР РНБ, ф. 775, № 3705], четыре агиографических сборника [ОР РГБ, ф. 37, № 313; ОР РГБ, ф. 256, № 154; БАН, П. I А № 33; БАН, П. I А № 34], а также известные только по книжному инвентарю «Житие в тетратех преподобного Макария Желтоводского и Унжеского», «Житие преподобного Димитрия Вологодцакого, в другой книзе», «Житие преподобного Корнилия Комелскаго Вологодцакого чюдотворца, особная ево книга», «целая другая книга преподобного Варла-

¹² Другим источником, вероятно, послужила «Повесть о построении Благовещенской церкви».

¹³ Кроме того, есть основания полагать, что полная служба святому возникла не ранее второй половины XVIII в. На это указывает ее отсутствие в более ранних списках, а в рукописях XIX в. на месте недостающих песнопений читаются заимствованные (см., например: [КР313]). Возникновение этой службы, составленной на основе оригинальных тропаря, кондака с икосом, канона и заимствованных песнопений может относиться ко времени после перенесения мощей святителя Феоктиста в 1786 г. из Благовещенского в Юрьев монастырь.

¹⁴ Подробнее о нем см.: [Поляков 2020].

ама Новгородского игумена Хутина монастыря», «особливая книга Макария Колязенского, есть в осмуху» [ОР РГБ, ф. 256, № 154, л. 1]. Таким образом, в середине — второй половине XVII в. князю В. Г. Меньшому Ромодановскому принадлежало не менее 11 рукописей, посвященных преимущественно новгородским и вологодским святым. О религиозности князя свидетельствуют многочисленные богатые вклады в монастыри по себе и своим близким. В частично сохранившейся духовной грамоте он завещал супруге и душеприказчикам вложить в Успенский и Архангельский соборы, Чудов, Крестовоздвиженский и Георгиевский московские монастыри ряд церковных предметов и значительные суммы денег [ОР РНБ, ф. 532, оп. 2, № 1451][Поляков 2022: 229–237]. Согласно реестру грамот из описи сундуков его внуки, княжны Марфы Степановны Ромодановской, в 1689 г. у старшей ветви рода хранилась «21 вкладная в разные монастыри» [РГАДА, ф. 188, оп. 1, № 450, л. 6]. На протяжении всей жизни князь Василий являлся ктитorem двух монастырей — Крестовоздвиженского монастыря на Арбате, в котором и был похоронен, и Богоявленского монастыря в собственной вотчине Богоявленской слободке Стародуб-Ряполовского стана Суздальского уезда.

Весной 1665 г. пожилой боярин прибыл на воеводство в Великий Новгород¹⁵, где уже находился дьяк Семен Углицкий. Сохранившиеся источники позволяют утверждать, что Ромодановский успешно справлялся с административной работой, руководил процессом строительства и ремонта стен и башен города¹⁶. Обратим внимание, что эта деятельность распространялась не только на оборонительные сооружения и хозяйственные здания, но и на церкви. В частности, сохранилась отписка князя от 16 ноября 1667 г. о проведении обширных ремонтных работ в Знаменском соборе [НовВ в XVII в.: 142–145]. По-видимому, личная ре-

¹⁵ Согласно записям князя Степана Васильевича Ромодановского, князь В. Г. Меньшой Ромодановский родился в 1599 г. [F.XIII.5, л. 83об.].

¹⁶ На сегодняшний момент, большинство документов, касающихся внутреннего управления городом, находятся в нескольких коллекциях в Научном архиве СПбИИ РАН. Среди них нам удалось выявить только пять документов, отражающих деятельность князя В. Г. Меньшого Ромодановского на посту [НИА СПбИИ РАН, ф. 172, №№ 249–251, 256, 259; Курдюмов 1908: 66–69]. Фрагменты текущей документации, в особенности, указы, наказные памяти и отписки, также сохранились в архивах монастырей Новгородской епархии. В фонде Тихвинского Успенского монастыря за 1666–1668 гг. находится ряд документов, направленных новгородскому воеводе князю Василию или подготовленных под его руководством [НИА СПбИИ РАН, ф. 132, оп. 1, картон 8, № 179; картон 9, №№ 49, 63, 66, 80, 85, 90, 156, 195, 234]. В фондах РГАДА сохранились список приема города, согласно которому князь Д. А. Долгорукий принимал дела у князя Василия, а также описная книга ремонта стен и башен Кремля и постройки каменных башен за 1665–1667 гг. (РГАДА, ф. 137, оп. 1, №№ 76, 77) (частично опубликован в [НовВ в XVII в.]).

лигиозность Василия Григорьевича Меньшого Ромодановского, с одной стороны, и его административные обязанности на посту новгородского воеводы — с другой, могли способствовать вниманию князя к состоянию Благовещенской церкви на Мячине и судьбе мощей архиепископа Феоктиста¹⁷. Непосредственным поводом, побудившим князя Ромодановского содействовать прославлению святителя, мог стать случай, произошедший в 1665 г. с супругой дьяка Семена Углицкого. В Калужском списке разрядной книги, принадлежавшей князю В. Г. Меньшому Ромодановскому, сохранилась грамота от 8 августа 1665 г., согласно которой из Москвы в Великий Новгород «для лечьбы дьяка Семеновы жены Углицкого» был послан лекарь Аптекарского приказа Иван Албанус [Калужский объединенный музей-заповедник, инв. 7051, л. 206об.]. Нам неизвестны результаты лечения, однако обращает на себя внимание сходство обстоятельств, настигших семью Семена Углицкого, с теми, в которых супруга Ивана Зиновьева в 1658/1659 г. обращалась к помощи святителя и получила исцеление. Вполне вероятно, что к моменту пребывания Семена Углицкого в Новгороде, слух о чудесах у мощей архиепископа Феоктиста распространился в среде правящей элиты и церковных кругах города. Косвенным подтверждением этому является ремарка автора Жития о том, что рассказ о чуде исцеления Иулиании Зиновьевой получил огласку от иерея Симеона, служителя придела Варлаама Хутынского Никольского собора на Ярославовом дворище.

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют с доверием отнестись к сведениям Жития о том, что князь В. Г. Меньшой Ромодановский принял непосредственное участие в установлении почитания святителя, инициировав изготовление раки, образа, покровов, создание песнопений и постройку часовни. Подобное начинание набожного князя могло быть вызвано не столько выполнением служебных обязанностей на месте новгородского воеводы, сколько исполнением личного долга христианина. Вполне вероятно, что после возвращения в 1668 г. в Москву князь предполагал принять участие и в судьбе запустевшей и пребывавшей в разрухе Благовещенской обители, однако 3 октября 1671 г. он скончался в возрасте 72 лет [F.XIII.5, л. 83об.]. Позднее, в 1682–1684 гг. уже вдовой князя княгиней Прасковьей Архиповой, скорее всего по устному завещанию мужа, были выделены средства на восстановление Благовещенской церкви и монастыря¹⁸.

¹⁷ Между прочим, в отписке о ремонте Знаменского собора В. Г. Меньшой Ромодановский ссылается на царскую грамоту 170-го (1661/62) года о досмотре, восстановлении и обеспечении церковной утварью ветхих ружных церквей [НовВ в XVII в.: 142–143].

¹⁸ Это распоряжение князя В. Г. Меньшого Ромодановского отсутствует в духовной грамоте князя [ОР РНБ, ф. 532, оп. 2, № 1451].

Сообщение Жития о перестройке храма подтверждается искусствоведческими наблюдениями над современным обликом Благовещенской церкви, возникшим в XVII в. после значительной реконструкции здания [Царевская 1999: 19]. По сведениям П. М. Строева, на 1684–1685 гг. в монастыре приходилось игуменство строителя Филарета [Строев 1877: 112].

Таким образом, Житие достоверно описывает картину событий второй половины XVII в., предшествовавших позднему прославлению святителя Феоктиста. Учитывая, что его первоначальная часть заканчивалась до раздела о деятельности четы князей Ромодановских, можно с уверенностью предположить, что ее автором стал тот же самый книжник, которому князь Василий Меньшой заказал тропарь, кондак и канон. Как было отмечено выше, песнопения святителю написал некий Борис, указавший свое имя в акростихе.

3. Атрибуция

В научной литературе известен новгородский книжник второй половины XVII в. с именем Борис — подьячий Борис Яковлев сын Козынин, автор особых редакций житий новгородских святых из составленного им Трефологиона новгородских чудотворцев [Максимова 2003; Буланин 2004]. Сведения о карьере Козынина скудны, в 1665–1678 гг. он служил подьячим стола Большого прихода Новгородской приказной избы, где, по-видимому, оставался и позднее, поскольку сохранился список с Указа царя Федора Алексеевича от 11 июля 1681 г. о сборе во всей России таможенных пошлин, справленный Бориской Козыниным. [Демидова 2011: 272; СГГД, IV: 384–386]. По переписи новгородских «дворян и приказные полаты подьячих» от 29 сентября 1675 г. выясняется размер денежного оклада Козынина — 16 рублей [НовВ в XVII в.: 151]. Согласно Переписной книге Новгорода Великого 1678 г., Борис с братом Нефедом жили среди беломестцев Славковой улицы, а по описи имущества новгородских церквей 1685 г. известны справленные Козыниным список с грамоты царя Алексея Михайловича 1673/74 г. и выпись на сенные места 1676/77 г. из церкви Успения Пресвятой Богородицы на Торгу [Писцовые НовВ: 149, 223]. Из делопроизводственных документов сохранилась также отписка воеводы Н. С. Урусова о ремонте новгородских укреплений от 28 октября 1676 г., заверенная подьячим [НовВ в XVII в.: 213].

Среди вкладчиков Сыркова монастыря в исследованном О. Л. Новиковой монастырском Синодике 1675 г. записан «Род новгородского подьячего Бориса Ияковлева сына Козынина» [Новикова 1999: 176]. Благодаря выявленным к настоящему моменту книжными вкладам

Козынина и получила известность его литературная деятельность, привлекавшая внимание исследователей [Максимова 2000; Федотова 2001а; Eadem 2001б; Рыжова 2013; Eadem 2022; Соболева 2013; Алексеева 2016]. Самый ранний из установленных вкладов подъячего известен только по описанию — от 19 июля 1667 г. в церковь Бориса и Глеба на Запольской улице¹⁹; рукопись содержала тропарь, паремии благоверным князьям Борису и Глебу, Житие святых, 14 чудес²⁰ и, судя по вкладной записи, была составлена самим Борисом Козыниным [Макарий 1861: 37; Толстой 1862: 138]. От 1673 г. сохранились боковые створки трехстворчатого киота-складня с изображением житийного цикла князей Бориса и Глеба, выполненные по заказу Бориса Козынина ко дню празднования памяти святых 24 июля. Примечательно, что литературной основой изображенных на клеймах иконы сцен послужило Житие святых из Степенной книги, Житие князя Александра Невского и «Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении 1642 г. [Смирнова 1958: 324–327; Святые 2010: 28–29]. Следующим по времени вкладом Козынина могла стать рукопись 1680-х гг.²¹ из монастыря Рождества Богородицы на Михалице (Молотковская улица) [КР523]. Рукопись содержит бденную службу Собору Пресвятой Богородицы (26 дек.), «Слово на праздник Рождества Господа нашего Иисуса Христа и [...] собора Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы...»²², Сказание об основании монастыря²³, Сказание о чудесах обители (10)²⁴, Похвалу Богородице и фрагмент канона 8-го гласа преподобному Михаилу Малеину (12 дек.) [КР523, л. 9–29об., 30–53, 53–58, 59об.–60, 61–62об.]²⁵. На первых двадцати листах книги оставлена запись о вкладе Борисом Козыниным за свое и

¹⁹ Хотя на Славковой улице, где жил подъячий, располагался храм Дмитрия Солунского с приделом Бориса и Глеба, Козынин мог часто бывать в расположенной неподалеку в Плотницком конце церкви благоверным князьям Борису и Глебу, посвященной небесному покровителю.

²⁰ Подробнее о последнем чуде см.: [Милютенко 1993].

²¹ Датировка по филиграммам осуществлена Л. И. Ерышевой, сверена авторами.

²² Начало: «Днесь братие, спасительный праздник...».

²³ Заголовок: «Сказание преславно и вещь предивна о создании Пречестнаго и свяцэннаго храма Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго ея Рождества и душеспасительнаго обители Ея иже въ богоспасаеомъ преименитомъ Великомъ Новѣградѣ на исходищи рекомеъ Михалитѣстемъ». Содержит один из вариантов Сказания о Михалицком монастыре.

²⁴ Начало заголовка: «Сказание о многоцелебныхъ чудесахъ, бывающихъ во святей обители сей, во святыхъ и честныхъ храмахъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества и Собора предъ чудотворными и святыми Ея честными образы».

²⁵ О церкви Михаила Малеина в Рождественском Михалицком монастыре см.: [ВелН IX–XVII: 318].

родителей вечное поминовение [KP523, л. 1–21]. Весной 1685 г. Козынин дал вкладом в придел Трех Отроков обновленной церкви Архангела Михаила на Прусской улице созданную им рукопись с бденной службой святым отрокам и пророку Даниилу (17 декабря) и «Сказанием отчасти жития и страдания триех отроков Анании, Азарии, Мисаила и пророка Даниила, списанным вкратце», с его чудесами [KP103]. Из оставленной Козыниным записи-скрепы следует, что второй частью вклада был образ Трех отроков и пророка Даниила в деянии, отождествляемый исследователями с храмовой иконой Трех отроков, изображенных стоящими в печи вместе с пророком Даниилом и архангелом Михаилом над ними, которая оставалась в церкви еще в XIX в. [Толстой 1862: 90; Максимова 2003: 598; Буланин 2004: 460]. Наконец, 1687 г. датируется самый известный вклад Бориса Козынина, в Никольский Косин монастырь под Старой Руссой — Трефологион новгородских чудотворцев [F.I.729]. Наряду с переписанными службами рукопись содержит созданные Козыниным для этого сборника на основании известных текстов собственные редакции житий новгородских святых, большинство из которых написаны в жанре Слова от жития [Федотова 2001б: 554]. Вероятно, такой состав рукописи, как и других, переписанных им, отражает ее богослужебное предназначение. Отметим, что, помимо записи на последнем листе о дате вклада — 21 мая, и указания имени составителя, зашифрованного начальными буквами — БИЯСК, по нижнему полю почти через всю рукопись проходит записи-скрепа, открывающаяся Символом веры и продолженная пространной молитвой автора о небесном покровительстве над живыми и почившими родственниками, обращенная к тем святым, чьи жития и службы содержит сборник [Бычков 1897: 54–57]. Исследователи отдельных житийных текстов так называемой Косинской (по месту вклада) рукописи к чертам редакторской манеры Козынина относят краткость, фактографичность, хронологическое изложение материала, привлечение широкого круга источников, в том числе летописей, родословных книг, актов и др., внимание к сюжетно-событийной канве повествования взамен риторических отступлений [Алексеева 2016: 242; Соболева 2013: 90; Рыжова 2013: 410; Максимова 2001: 132–135; Федотова 2001б: 554].

Сходные черты текстов, объединенных в Житие святителя Феоктиста, такие как краткость, документальность, отсутствие традиционных для житийного жанра вступления и похвалы, замененной описанием одного из посмертных чудес святого, уже отмечались в литературе [Терешкина 2009: 77]. Очевидно также стремление автора Сказания от жития привлечь все возможные источники, сохранившие сведения об архиепископе, а именно, известия летописей и Повесть о Благовещенской

церкви, а отсутствие на момент создания рассматриваемой части Жития письменных свидетельств о чудесах святого, побуждает его обратиться к записи рассказов, услышанных от участников или современников описываемых событий.

Характеризуя манеру составителя Сказания от жития в сравнении с другими атрибутируемыми Козынину текстами, добавим, что к формальному сходству между ними, не имеющему, впрочем, значения аргумента²⁶, можно отнести использование синтаксической конструкции *сей / характеристика / (имя) святого*.

Житие Михаила Клопского ²⁷	Сказание от Жития свтл. Феоктиста ²⁸
Нач.: «Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Михаил...» [...] «сей тайновидец...», «сей милости податель», «сей церковный здатель...» <i>и пр.</i>	Нач.: «Сей досточудный архиерей Феоктист...» [...] «...сей святой отецъ» [...] «...сей архиерей святой Феоктистъ...».
Похвальное слово Ефрему Перекомскому ²⁹	
[...] «Сей великий Ефрем...», «Сей достохвальный...», «Сей всесвѣтлый свѣтилникъ...» <i>и пр.</i>	

Употребление летописных формул для указания времени описываемых событий, например, в Похвальном слове Ефрему Перекомскому перед описанием одного из чудес: «В лѣта бо державы благочестиваго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексиевича, всеа Великия, и Малыя, и Бѣлыя Росии самодержцы, его царьского величества служебникъ...» [Федотова 2001a: 197]; в Чуде о Иулиании святителя Феоктиста: «При державѣ царя и великаго князя Алексия Михайловича, всеа Великия, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца бысть в Великомъ Новѣградѣ боляринъ...» [НДС 91, л. 91об.].

На лексическом уровне заметно частое употребление автором песнопений и Сказания от жития слова *цѣльба*, в значении *исцеление*, которое встречается и в козынинских текстах. Так в 1-м и 2-м тропаре 8-й песни канона читается «благодаримъ Тя, вси приходящїи къ честнѣй

²⁶ Поскольку конструкции с «сей» и употребление летописных формул могут считаться общим местом для памятников новгородской литературы XVII в.

²⁷ Цит. по: [Терешкина 2013: 194, 196].

²⁸ Цит. по: [НДС 91, л. 87об., 89–89об.].

²⁹ Цит. по: [Федотова 2001a: 196].

рацѣ твоей и лобзающіи священный образъ твой, даждь намъ *цѣлбу* душеспасительную...», «женѣ болѣзненноутробнѣй обѣщая ей *цѣлбу*, аще гроба твоего възыщетъ...» [НДС 91, л. 83об.]; в Чуде о Иулиании «и рече: възыщи гробъ Феоктиста, архіепископа града сего, и улочиши *цѣлбу*» [Ibid., л. 92]. В рассказе об обретении мощей из Слова от Жития Александра Свирского: «идѣ же и до днесь почиваютъ, источающе непрестанно многия и бесчисленныя *цѣлбы* всѣм тамо с верою приходящимъ» [Соболева 2013: 93]; в Похвальном слове Ефрему Перекомскому: «И от водопребывалишнаго мѣста в сие пренестися учини, и *цѣлбам* источникъ тамо показа» [Федотова 2001a: 196].

Выше мы уже отмечали самоуничижительные интонации автора канона святителю, прибегающему, в частности, к эпитету многогрешный в 3-м тропаре 8-й песни: «многогрѣшный азъ и непотребный», который участвует в акростихе. Эта же самохарактеристика повторяется во всех вкладных записях Бориса Козынина.

Таким образом, являясь подьячим новгородской приказной палаты с середины 1660-х гг., Борис Козынин принадлежал к аппарату воеводского управления и мог быть известен князю В. Г. Меньшому Ромодановскому. Многочисленные вклады демонстрируют его интерес к книжности, хорошее знакомство с художественными, летописными, гимнографическими текстами, а литературный опыт обнаруживает стремление к самостоятельному творчеству и особенное внимание к новгородским святым. Представляется, что в период постройки часовни и изготовления раки князь Василий мог заказать Козынину написание песнопений святому. Вероятно, к концу 1660-х — началу 1670-х гг. книжник составил не только тропарь, кондак и канон Феоктисту, но и подготовил его краткое Сказание от жития, которое продолжалось статьями «О написании образа и Чуде святителя с Иулианией», а не позднее середины 1680-х гг. дополнил их разделом о деятельности князя и княгини Ромодановских и Повестью о Благовещенской церкви. Подготовленный Борисом Козыниным авторский вариант сборника, включавшего песнопения, Житие святителя и Повесть о Благовещенской церкви, мог предназначаться для вклада в монастырь, приуроченного к моменту обновления Благовещенского храма в 1684 г. На эту мысль наводят примеры других известных вкладов подьячего. Так, в тот же период в 1685 г. Борисом Козыниным для обновленного придела Трех Отроков церкви Архангела Михаила на Прусской улице был составлен сборник, содержащий службу и «Сказание отчасти жития» пророка Даниила и трех отроков [KP103], а сборник, вложенный подьячим в 1680-е гг. в Рождественский Михалицкий монастырь, завершался Сказаниями об основании обители и произошедших здесь чудесах [KP523].

4. Отражение в иконописи

Иконописец и певчий дьяк Софийского собора Федор, которому Иван Зиновьев заказал икону святителя, в историографии чаще всего отождествляется с иконником Федором, написавшим образы епископа Никиты и архиепископа Иоанна для церкви Никиты Мученика и 10 образов Пречистой Богородицы «в казну», упомянутых в расходной книге митрополита Никона 1651 г. [Гордиенко 2007: 191; Расходная книга: 18, 28] В. Г. Брюсова предполагала, что он также принимал участие в написании храмовой иконы Софийского собора «Успение» в 1655–1659 гг. [Брюсова 1984: 65]. Тем не менее единого мнения по вопросу о том, кто из новгородских жителей упоминается в источниках под именем «иконника Федора»: Федор Иванов сын Нянин или новгородский посадский человек Федор Иванов, — не сложилось [СлРИ XI–XVII вв.: 288–289].

На наш взгляд, известный по Житию иконописец может быть отождествлен с другим лицом, не упоминавшимся ранее в искусствоведческой литературе, — певчим дьяком Софийского дома Федором Гавриловым сыном Скроботовым (Скоробогатовым). Род последнего записан в синодике Сыркова монастыря сразу после рода Бориса Ияковлева сына Козынина, а на полях указан вклад Скоробогатова из печатных книг «Ефрема Сирина» и Следованной Псалтири в монастырь [КР86, л. 120об.–121]. Как и упоминаемый иконописец Феодор, Федор Гаврилов принадлежал к софийским певчим дьякам, кроме того, входил в круг лиц, связанных с Сырковым монастырем, следовательно, мог быть знаком и с автором Жития³⁰.

В Рассказе о написании иконы Федор сообщает, что пишет образ святителя «с первообразнаго подобія стѣннаго писанія, иже въ паперть соборныя церкви святыя Софии отъ Владычня двора». На основании этого сообщения В. Г. Брюсова высказала предположение о существовании в Софийском соборе настенного образа святителя, который мог

³⁰ По актовым источникам 1671 и 1681 гг. известен другой (или тот же самый) Федор Гаврилов сын Скроботов, упоминаемый как жалец Ивановской улицы на Торговой стороне и новгородский таможенный подьячий [НовКА: 181–182, 191]. Если допустить, что оба упомянутых Федора — одно лицо, можно предполагать и другие обстоятельства его знакомства с Козыниным. Будучи подьячим стола Большого прихода Новгородской приказной избы с середины 1660-х по начало 1680-х гг., Борис Козынин непосредственно взаимодействовал со служащими Новгородской таможни и, вероятно, неоднократно бывал в Таможенной избе, расположенной неподалеку от Никольского собора на Ярославовом дворце [Коваленко, Варенцов 2007: 452]. Для Федора Скроботова, таможенного подьячего, эта изба была постоянным местом работы. Примечательно, что буквально напротив, в Никольском соборе, служил другой из «героев» Жития — иерей Симеон. Кроме того, Федор Скроботов и Борис Козынин могли иметь контакты, не связанные с профессиональной деятельностью, — они жили на Торговой стороне к северу от торговых рядов и таможни на расположенных в нескольких кварталах друг от друга Ивановской и Славковской улиц.

возникнуть в западном притворе при архиепископе Евфимии, во время работ 1450 г. [Брюсова 2001: 133–134]³¹. Достоверность многих сведений литературного памятника и «реальность» его героев служит дополнительным аргументом в пользу этой гипотезы. О почитании святителя в XV в. как будто свидетельствуют выражения Новгородской IV летописи, в статье под 1310 г.:

На зиму преставися раб Божіи блаженный архиепископъ Новгородцкый Феоктистъ и много пострада в болѣзни, Богови святаа душа възде на небеса, а лицѣ его просвѣтися яко свѣтъ, яко всѣмъ дивитися видящимъ и славить Бога. И положено бысть тѣло его честно всимъ ерѣскимъ чиномъ в монастыри, въ церкви святыхъ Богородца Благовѣщенія. Даи же, Господи Боже, ему царство небесное, а Новоугороду молитвами его благословѣніе! [ПСРЛ, 4: 254 (6818, л. 165об.)]³².

Таким образом, Борис Козынин, несомненно посещавший Софийский собор и, возможно, лично знакомый с иконописцем Федором, мог отразить в тексте Жития особенности оформления храмового пространства.

Вплоть до 20-х гг. XVIII в. об иконописных изображениях святого позволяют судить лишь письменные свидетельства. Так, имея в виду сообщения Чуда 1702 г. об исцелении жены Н. Т. Кошкина (см. Табл. 1), архимандрит Макарий (Миролюбов) приводил сведения о несохранившемся образе святого, выполненного иконописцем и певчим Софийского собора Константином Галактионовым на лудане, однако датировал его 1700 г. [Макарий 1860: 24]³³. Сведения Чуда об изготовлении шелкового покрова на раку святителя по заказу Н. Кошкина приводил и Д. Самбикин, верно датируя его возникновение 1702 г. [Самбикин 1895: 180]. Добавим, что литературное оформление Чуда 1702 г. представляет собой миниатюру с текстуальными заимствованиями рассказа Бориса Козынина «О написании образа святого».

От 1726 и 1728 гг. сохранились иконы Новгородских чудотворцев священника Георгия Алексеева, где среди прочих святителей изображен архиепископ Феоктист [СлРИ: 37–38]. Толковые иконописные подлинники, содержащие упоминание святителя и составленные до середины XVIII в., к настоящему моменту нам не известны.

³¹ До выхода указанной работы схожее предположение о возникновении настенного образа святителя в Софийском соборе вскоре после его кончины высказывал Д. Самбикин [Самбикин 1895: 179].

³² Это предположение впервые высказал Е. Е. Голубинский [Голубинский 1903: 142].

³³ Неверная датировка с ссылкой на архимандрита Макария попала и в Словари: [ВелН XI–XVII: 191; СлРИ: 139].

Заключение

Обращение к сохранившимся литературным и гимнографическим памятникам, связанным с почитанием святителя Феоктиста, позволяет достоверно установить историю его возникновения и развития в XVII — первой четверти XVIII в. Основанием для этого служит характер упомянутых текстов, описывающих, как показало проведенное исследование, реальные исторические события, персонажей или опирающихся на конкретные письменные и устные источники. Хотя можно предполагать, что местное почитание святого существовало уже в XV в., очевидно, что к XVII в. оно угасло, а о возобновлении почитания уже во второй половине XVII в. свидетельствуют события, отразившиеся в Житии. Создание иконы по заказу Ивана Зиновьева в 1658/59 г., поводом для которого послужило чудесное исцеление супруги дьяка после молитвы у места захоронения архиепископа в Благовещенском храме, может считаться первым звеном в цепи этих событий. В 1666/67–1667/68 гг., благодаря инициативе князя В. Г. Меньшого Ромодановского, над местом погребения архиепископа ставится рака с образом святителя и воздвигается часовня, а для исполнения молебнов (и панихид) создаются песнопения святому. Вероятно, по инициативе автора песнопений — Бориса Козынина, в ближайшее к ним время составляется и первоначальный вариант Жития святителя, заканчивающийся Чудом об исцелении Иулиании Зиновьевой. Начинание князя Ромодановского, содействовавшего развитию почитания святого, неслучайно было продолжено его вдовой Прасковьей Архиповной. В 1682–1684 гг. был полностью восстановлен Благовещенский храм, к моменту обновления которого Борисом Козыниным могла быть подготовлена рукопись с песнопениями святому, Житием, дополненным статьей о деятельности четы Ромодановских, и Повестью о Благовещенской церкви. Об активном использовании песнопений для служения молебнов у гробницы святителя с одной стороны свидетельствуют особенности списка *НДС 91*, с другой — содержание «новых» Чудес, которые начинают записываться монахами Благовещенского монастыря в 1702 г. и продолжаются до 1705 г. После открытия мощей святителя в 1707 г. запись чудес, целью которой, очевидно, являлась подготовка материалов для официальной канонизации святого, продолжилась до 1727 г., но уже в протокольной форме. Можно предположить, что к этому моменту культ святителя получает поддержку митрополичьей кафедры, так как иконописцем тихвинского происхождения Георгием Алексеевым, начинавшем свою работу в Новгороде еще при митрополите Иове [Шалина 2020: 356–362], в 1726 и 1728 гг. создаются иконы «Собор Новгородских святых», где в ряду святителей помещается и архиепископ Феоктист.

Хотя более ранних икон с изображением святителя Феоктиста не сохранилось, нет веских оснований сомневаться в создании первого образа святителя в молении перед иконой Богородицы Знамение иконописцем Федором, возможно, Федором Гавриловым сыном Скоробогатовым, как и в существовании несохранившегося шелкового покрывала с изображением святого, созданного Константином Галактионовым в 1702 г. Наконец, нельзя оставлять без внимания и свидетельство Жития о существовании настенного образа святителя в Софийском соборе, которое, возможно, получит подтверждение уже в будущих исследованиях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОР РНБ. НДС. № 91. Л. 100об. — 102. <i>Семинарский список</i>	Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. С. 77–81. <i>Новгородский I и II списки</i>	НИОР БАН. Текущие поступления. № 141. Л. 118об. — 120. <i>Библиотечный список</i>
// (л. 100об.) Новая чудеса святителя Феоктиста архиепископа новгородскаго чудотворца.	Чудеса святителя Феоктиста архиепископа Новгородскаго, 1700 года	// (л. 118об.) Новые чудеса святителя Феоктиста иже содѣшася в нынѣшняя времена
// (л. 102об.) Чюдотрегіе о болящей очима и ослѣпшей. 1700-м годѣ. Великаго Новаграда церкви Знаменія пресвятыя Богородицы иже на Ильинѣ оулицы оу попа Евпла Александрова дочь его была въ немоци , очи болѣли, два годы была слѣпа. И обещася святителю Феоктисту. И пришедъ въ монастырь и дочь свою привезе и литургию совершивъ и молебное пѣніе святителю и помолился от великія скорби и печали. И от того часа исцеленіе // (л. 103) получи и с радостию возвратися в домъ свой.	Великаго Новаграда церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, яже на Ильине улице, у священника Евпла Александрова бысть дщерь болезненна очьми, отчего два года бысть слепа, и обещася святителю Феоктисту. Пришед же оный священник в монастырь Благовещенской, и дочь свою привезе, идеже литургию совершив, с молебным пением святителю, и помолися. И от того часа исцеление получи, и с радостию возвратися в дом свой.	// (л. 118об.) Паки чюдотвореніемъ своимъ просвѣщаетъ святыи Феоктистъ, иже вѣроу и любовію прииде кто ко святому гробу его. Тогда же скорое исцѣление яко даръ честенъ приѣмлетъ. Нѣкоего іереа именемъ Еупла дощи его очную болѣзнію одержима бысть лѣта два. Внегда же ко святителю во обитель пришедше и молебное пѣніе сотворше, а бѣе в томъ часѣ очима своимъ прозрѣ. И здрава возвратися в домъ свой, слава и благодарствуя святителя и чюдотворца Феоктиста.

ОР РНБ. НДС. № 91. Л. 100об. – 102. <i>Семинарский список</i>	Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. С. 77–81. <i>Новгородский I и II списки</i>	НИОР БАН. Текущие поступления. № 141. Л. 118об. – 120. <i>Библиотечный список</i>
<p>Чюдо четвертое о нѣмомъ.</p> <p>Оу посацкаго человека Афанасія Преснецова сынъ его Міхаиль былъ безъ языка девять лѣтъ, не говорилъ. И обещася чудотворцу Феоктисту. И пришедъ с сыномъ своимъ с вѣроу в монастырь и молебное пѣніе совершивъ. И после молебнаго пѣнія приложился гробу і образу чудотворцеву. От того часа въ церкви наченъ // (л. 103 об.) глаголати и исцеление получивъ, с радостию возвратися.</p>	<p>У купца Афанасія Преснецова сын Михаилъ бысть без языка, не глаголаше девять лет. Той же Афанасий обещася чудотворцу Феоктисту, и пришед с сыном своим с вероу монастырь, молебное пение совершив, по сем приложися его гробу и образу чудотворцу, и от того часа в церкви нача глаголати и исцеление получи и с радостию возвратися в дом свой.</p>	<p>Посадника именем Афанасія пореклом Преснецова сынъ его именем Михаилъ нѣмотоу языка своего одержимъ бысть девять лѣтъ. Отецъ же его, обѣщася ко святителю, пришед во обитель с сыном своим молебное пѣніе совершивъ и мощи святаго облобызавъ. От того часа сынъ ево Михаилъ здравъ бысть и языком своимъ велегласно возглагола яко николи же болѣвшу.</p>
<p>Чюдо пятое о слѣпой.</p> <p>Церкви Илии Пророка оу попа Никифора прозваніемъ Тюренева дочь его была без очію многое время. И пришедъ въ монастырь со всѣмъ домомъ своимъ и дочь слепую приведе, и совершивъ молебное пѣніе святителю. И от того часа исцеление получи, и дочь его прозрѣ. И с радостию возвратися въ домъ свой, благодаря Бога и угодника его Феоктиста.</p>	<p>Церкви пророка Илии священника Никифора у Тюренева бысть дочь без очей многое время, пришед же в монастырь со всем домом своим и дочь свою слепую приведе, идеже совершив молебное пение святителю, и от того часа исцеление получи. Дочь бо его презре и с радостию возвратися в дом свой, благодаря Бога и святителя Феоктиста.</p>	<p>Еще же нѣкоего іереа именемъ Никифора пореклом Тюренева дощи его очною болѣзнію одержима бысть многое время. Иерей же той з женою и со дщерию своею иде во обитель ко святому и молебство сотворше, гробъ святаго // (л. 120) облобызавъ, послѣди дощи его, исцѣление получи.</p>
<p>// (л. 103) Чюдо шестое о женѣ болѣзненной.</p> <p>Тоя же церкви оу попа оу Іакова Міхѣева сына попадія его лежала въ немошѣ многое время. Обещася святителю, исцеление получи.</p>	<p>Тоя же церкви у священника Іакова Михеева супруга лежа в болѣзни многое время. Обещася же святителю, исцеление получи.</p>	<p>Еще нѣкоего іереа именемъ Іакова жена его многое время болѣзнію веліею одержима бысть. Внегда же притекоша ко святому, послѣди молебнаго пѣнія, исцѣление получи.</p>

ОР РНБ. НДС. № 91. Л. 100об. — 102. <i>Семинарский список</i>	Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. С. 77–81. <i>Новгородский I и II списки</i>	НИОР БАН. Текущие поступления. № 141. Л. 118об. — 120. <i>Библиотечный список</i>
<p>Чудо седмое о дву братіях болѣзненныхъ.</p> <p>Посатекія люди единородныя по плоти братія Потапій да Іоаннъ Федоровы были въ немоши многое въремя. И обещались чюдотворцу Феоктисту и исцѣленіе получиша.</p>	<p>Купцы единородныя по плоти братія Потапій и Іоаннъ были в болезни много время. Обещася же чюдотворцу Феоктисту, исцеление получиша.</p>	<p>Посадники два брата по плоти единъ именемъ Потапъ, другіи же Іоаннъ, немошію многое время одержими бѣша, внегда же притекши во обитель молебное пѣніе сотворше паки оба исцѣленіе получиша, послѣди вѣру велію имѣюще ко святому.</p>
<p>// (л. 100 об.) Чудо первое святителя Феоктиста о разслабленномъ.</p> <p>1702-мъ году посатцкой человекъ Іоаннъ Агапитовъ былъ въ болезни разслабленъ, без ногъ, и не ходилъ многое время. И общался чюдотворцу Феоктисту святителю. І приѣхавъ въ монастырь декабря въ тридесятомъ числѣ, помолился, и молебное // (л. 101) пѣніе святителю сотворилъ и гробу приложился. И от того часа исцѣленіе получи. С радостію возвратися въ домъ свой, благодаря Бога и святителя Феоктиста.</p>	<p>1702 года.</p> <p>Купецъ Іоаннъ Агапитовъ бысть в болезни разслаблен, без ног, и не хождаше многое время. И обещася чюдотворцу святителю Феоктисту. Приехав же монастырь декабря в 30 день, помолился и молебное пение святителю сотвори и ко гробу положи, и от того часа исцеление получи, с радостію возвратися в дом свой, благодаря Бога и святителя Феоктиста.</p>	<p>// (л. 118 об.) В лѣта по седми тысящѣхъ дву сотѣ и десяти лѣтъ бысть чудо преславно святителя и чюдотворца Феоктиста архіепископа Великаго Нова града и Великихъ Лукъ. Посадникъ нѣкій именемъ Іоаннъ порекломъ Агапитовъ бысть многое время ногами разслабленъ. Слышавъ же той Іоаннъ о святителіи и чюдотворцѣ Феоктистѣ и о чудесѣхъ его. Приѣхавъ во обитель Благовѣщенія пресвятыя Богородицы и молебное пѣніе святителю сотвори к чюдоносному святому гробу приложися. Осле чюдесе внезапно в томъ часѣ исцѣленіе получи. И с радостію велію возвратися в домъ свой, слава и благодаря Бога и его угодника и святителя Феоктиста.</p>
<p>Чудо второе о женѣ болѣзненнѣи.</p> <p>Посатцкой человекъ Никиты Тимофеева прозваніемъ Кошкина жена его в скорбе лежала многое время и много ей стуженію бывшу и ниоткуда изцѣленіе // (л. 101 об.).</p>	<p>Купца Никиты Тимофеева Кошкина жена бысть болезненна много время. И многуму стуженію бывшу ей, ниоткуда исцеление не получи и обещася святителю Феоктисту, приехав же Никита в монастырь,</p>	<p>Еще тогожде и Великаго Нова града посадника нѣкогого именемъ Никиты жена его недугомъ веліимъ одержима, и в той болѣзни // (л. 119) пребысть многое время, врачбы желающе и врачомъ истощивъ все имѣніе свое, но ни откуду облегченія от болѣзни</p>

ОР РНБ. НДС. № 91. Л. 100об. – 102. Семинарский список	Терешкина Д. Б. Нов- городская житийная литература. С. 77–81. Новгородский I и II спи- ски	НИОР БАН. Текущие поступле- ния. № 141. Л. 118об. – 120. Библиотечный список
<p>оулучивше. И обещаеся чудотворцу Феоктисту. И онъ, Никита, приѣхавъ в монастырь и свою немощную супругу привезъ и молебное пѣніе святителю совершивъ. И от того часа от него исцѣление получи. И радуяся, возвратися въ домъ свой и велию вѣру имѣяше ко святителю. И повеле иконописцу соборныя церкви святыя Софіи пѣвца чин имеющу Константину Галактионову, написать на лудане образъ святителя. И упросивъ // (л. 102) оу архіерея, чтобъ крестное хождение ко святителю оучинить. И архіерей приказалъ ити со кресты и той покровъ въ крестномъ хождении снесли. И пришедъ въ монастырь со кресты июля 15 числѣ многое множество народу. И той покровъ положиша на гробъ святителя Феоктиста. И много ту немощныхъ и страждущихъ исцѣляхуся и от того дни Великаго Новаграда весь народъ велию вѣру имѣютъ ко святителю.</p>	<p>и свою немощную супругу приведе, идеже молебное пение соверши, и от того часу исцеление получи, и радуяся возвратися в дом свой, велию веру имеяше ко святителю. Посем повеле иконописцу соборныя святыя церкви Софии певца чин имеющу Константину Галактионову, написать на лудане образъ святителя. И просив архіерея, дабы крестное хождение ко святителю учинити. Архіерей же повеле ити со кресты и той покров в крестном хождении нести. И пришед в монастырь со кресты, июля в 15 день много множество народа и той покров положиша на гробе святителя Феоктиста, и много ту немощных и страждущих исцеляхуся. От того дня Великаго Новаграда весь народ велию веру имеют ко святителю.</p>	<p>и здравія получи. Послѣди обѣщая ко святителю и чудотворцу Феоктисту, притекъ во обитель молебное пѣніе совершивъ. От того часа болѣзновавшая жена его исцѣление и здравіе получи. Тогда вси предстоящи оу гроба святаго дивящеся и радуящеся, славя и благодаря Бога и его оугодника и святителя чудоточиваго святаго Феоктиста. Мужъ же именем Никита со исцѣлѣвшею своею женою возвратися¹ в домъ свой с радостію. Текъ ко иконописцу именемъ Константи́ну еже написати на луданѣ образъ святителя Феоктиста. Еще же оупросивъ митрополита Иова да повелѣ въ обитель Благовѣщенія пресвятыя владычицы нашея Богородицы и ко святителю архіепископу и чудотворцу Феоктисту крестное хождение в честь святителю содѣяти, и образъ иже на луданѣ начертанъ, нести на гробъ ко святителю и чудотворцу Феоктисту со множеством народа. Егда же тое содѣяша и во обитель со кресты придоша образъ начертанный на гробъ святаго положиша і молебство ему сотвориша. От предивнаго чюдесе и не удобъ сказуемого яко звѣздная неисчетная восхожденія чюдесы всю російскую землю осіявши, в той час множество // (л. 119 об.) немощных исцѣлихуся. И тогда весь народ велегласно похваляюще святителя и чудотворца Феоктиста в славу Христа Бога нашего.</p>

¹ В ркп. окончание слова «тися» дописано другими чернилами.

ОР РНБ. НДС. № 91. Л. 100об. — 102. <i>Семинарский список</i>	Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. С. 77–81. <i>Новгородский I и II списки</i>	НИОР БАН. Текущие поступления. № 141. Л. 118об. — 120. <i>Библиотечный список</i>
<p>// (л. 104 об.) Чюдо осмое о муже оума изступившемъ и нѣмомъ.</p> <p>Антипъ Михайловъ порекломъ Боровиковъ былъ в немощи и внѣ оума и безъ языка. И жена его приведе въ монастырь 1705 году марта въ 10 числе. И совершивъ святителю молебное пѣніе и въ церковное строеніе подавъ и братии милостыню. И от того часа исцеление получи благодаря Бога і угодника Феоктиста.</p>	<p>Антип Михайлов Боровиков бысть в болезни вне ума и без языка, жена же его приведе в монастырь 1705 года марта в 10 день и совершив святителю молебное пение в церковное строение подаде и братии милостыню сотворив. И от того часа исцеление получи, благодаря Бога и угодника его святителя Феоктиста.</p>	<p>// (л. 120) Нѣкій человекъ именемъ Антипъ пореклу Боровиковъ немощию одержимъ бысть внѣ ума своего бѣ. По неже ни языком возмогъ глаголати. Жена его приведе во обитель ко святому и со слезами плачася, молебное пѣніе сотворше, а бие исцѣленія даръ приѣмлюще. Послѣди въ церковное строеніе подавъ и братію оучреди оугодника святителя Феоктиста прослави радуяся.</p>
<p>// (л. 105) Чюдо девятое о разслабленномъ.</p> <p>Села Ракома присельной деревни Липиць дворцовой крестьянинъ Стефанъ лежалъ въ разслаблении многое время и обещахся чудотворцу, исцѣленіе оулучи.</p>	<p>Села Ракома присельной деревни Липиць дворцовой крестьянинъ именем Стефанъ бысть в разслаблении многое время, и обещахся чудотворцу, исцеление получи.</p>	<p>Поселянинъ нѣкій именемъ Стефанъ немощию одержимъ бысть. Внегда привезоша во обитель ко святому и послѣди молебнаго пѣнія исцѣленіе получи, благодаря Бога и его оугодника и святителя² архіепископа Феоктиста.</p>
<p>И сіи чюдеса написаномъ ради вѣрности, а всѣхъ чюдесъ и исцѣленія доннынѣ невозможно всѣхъ изчести или написать.</p>	<p><i>Далее следуют чюдеса за 1710–1727 гг.</i></p>	

² В ркп. пропущена буква «с».

Сокращения

БАН — Библиотека академии наук (С.-Петербург)

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

НБУВ — Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского (Киев)

НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород)

НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (С.-Петербург)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Библиография

Источники

Рукописи

БАН-141, Библиотечный

БАН, Собрание текущих поступлений, № 141, Сборник агиографический, 1730-е гг.

БАН, П. I А № 33

БАН, Собрание Петра I, Сборник житийный, XVII в.

БАН, П. I А № 34

БАН, Собрание Петра I, Сборник житийный, лицевой, XVI–XVII вв

Калужский объединенный музей-заповедник, инв. 7051

Калужский объединенный музей-заповедник, Разрядная книга, XVII в.

КР86

НГОМЗ, КП 30056–243/КР 86, Синодник Сыркова монастыря, 1675 г.

КР103

НГОМЗ, КП 30056–282/КР 103, Служба и Сказание от жития трех отроков Анании, Азарии, Мисаила и пророка Даниила, 1685 г.

КР313, Новгородский I

НГОМЗ, КП 30056–316/КР 313, Служба и Житие святителя Феоктиста, XIX в.

КР523

НГОМЗ, КП 43339/КР 523, Сборник агиографический, 1680-е гг.

НБУВ. I.2115 / В 233

Сборник агиографический, XIX в.

НДС 91, Семинарский I

РНБ, Собрание Новгородской духовной семинарии, № 91, кон. XVII — пер. пол. XVIII вв.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 4, № 190

Челобитная архимандрита Тихвинского Успенского монастыря Иосифа с братией царю Алексею Михайловичу с просьбой о помощи в поиске украденных лошадей, одна из которых была найдена у Петра Матфеева сына Арцыбашева и после розыска возвращена монастырю, не ранее 1656 г. июня 22.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 6, № 233

Роспись расходов келаря Тихвинского Успенского монастыря старца Ионы Баранова на поездку в Великий Новгород, 1661 г. май. — 1661 г. июля 1.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 8, № 179

Отпись новгородского посадского человека Тараса Олферьева Лялинова архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию и келарю старцу Ионе о торговых делах с немецкими торговыми людьми Андреем Армановым и Иваном Вейнером, 1665 г. июня 16.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 49

Наказная память новгородского воеводы князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию с братией о предоставлении по указу царя Алексея Михайловича приставу Савве Шастову на Тихвине постоянного двора и посадских людей «для государева дела», не ранее 1666 г. марта.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 63

Наказная память новгородского воеводы князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию с братией о поимке по приказу царя Алексея Михайловича Игнатия, работника Ивашки Гробникова, и высылке его в Великий Новгород, не ранее 1666 г. мая 8.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 66

Наказная память новгородского воеводы князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию с братией о сборе по указу царя Алексея Михайловича с тихвинских посадских людей сказок об «обидных делах», произошедших с ними в прошлые годы во время торгового промысла в шведских владениях, и предоставлении выборного посадского человека для «посольского дела», не ранее 1666 г. июня 21 — не позднее 1666 г. июня 28.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 80

Наказная память новгородского воеводы князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию с братией о предоставлении новгородскому посадскому человеку Тараске Олферьеву таможенной выписи об оплате пошлины за товар, купленный любским торговым человеком Федором Армановым на Тихвинском посаде в 1665 г., не позднее 1666 г. июля 8.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 85

Наказная память новгородского воеводы князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию с братией о предоставлении по указу царя Алексея Михайловича для Новгородского подьячего Ивана Алексеева постоянного двора и поручной записи по посадскому жильцу Игнашке работнику Ивашки Гробникова, 1666 г.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 90

Отпись подьячего Лариона Савельева стряпчему Тихвинского Успенского монастыря Евфимию Васильеву в получении с него по указу царя Алексея Михайловича и по наказу боярина и воеводы князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого оброку и пошлин за 1666/67 г., 1666 г. октября 8.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 156

Отписка архимандрита Тихвинского Успенского монастыря Корнилия новгородскому воеводе боярину князю Василию Григорьевичу Ромодановскому и дьяку Семену

Углицкому о порядке торговли иностранных торговых людей с росписью по таможенным книгам иностранных купцов и их товаров за 1666/67 г., не позднее 1667 г. мая 18.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 195

Отпись подъячего Денежного стола Приказа Большого дворца Матвея Тарасьева старцу Тихвинского Успенского монастыря Мисаилу в получении с него по приказу новгородского воеводы боярина князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого оброку и пошлин за рыбную ловлю на тонях Водской стороны Волхова, 1667 г. августа 31.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1, картон 9, № 234

Наказная память новгородского воеводы боярина князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Корнилию с братией о сборе и присылке в Великий Новгород по приказу царю Алексея Михайловича стрелецкого и четверичного хлеба с монастырских вотчин, 1667 г.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 172. № 249

Выпись из отводных книг Шелонской пятины Артемия Курицына 1665 г., данная из Новгородской приказной избы воеводой князем Василием Григорьевичем Ромодановским и дьяком Семеном Углицким строителю Богословского Черемнецкого монастыря черному попу Евфросиму с братией на монастырские вотчинные отхожие пожни на реке Луге, 1665 г. сентября 24.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 172. № 250

Выпись из писцовых книг Обонежской пятины 1582 г. и Деревской пятины 1496 г. и дозорных, и переписных книг Деревской же пятины 1571 и 1648 гг., данная из Новгородской приказной избы воеводой князем Василием Григорьевичем Ромодановским и дьяком Семеном Углицким игумену Михайловского Сковородского монастыря Тарасию с братией на монастырские вотчинные земли и рыбные ловли, 1665 г. сентября 24.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 172. № 251

Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Плещеева 1582 г., данная из Новгородской приказной избы воеводой князем Василием Григорьевичем Ромодановским и дьяком Семеном Углицким архимандриту Спасо-Варлаамиева Хутынского монастыря Иосифу с братией взамен такой же сгоревшей выписи на монастырские вотчинные земли и рыбные ловли в разных погостах Обонежской пятины, 1665 г. октября 20.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 172. № 256

Грамота, данная из Новгородской приказной избы воеводой князем Василием Григорьевичем Ромодановским и дьяком Семеном Углицким строителю Антониева Дымского монастыря Нифонту с братией на монастырские вотчины с угодьями и рыбными ловлями, согласно писцовым книгам Обонежской пятины Андрея Плещеева 1582 г. и дозорным книгам Мины Лыкова 1620 г., 1667 г. апреля 10.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 172. № 259

Данная воеводы Новгородского князя Василия Григорьевича Ромодановского и дьяка Семена Углицкого игуменьи Ильинского (в Прусском заполе) монастыря Капитолине с сестрами на монастырские оброчные пожни в Заверьяжских покосах, 1667 г. августа 2.

Новгородский II

НГОМЗ. КП. 30056–212 / КР 247, Сборник агиографический, XIX в.

НКорн

БАН, 34.4.1, Новгородская Корнилевская летопись, вт. пол. XVII в.

ОР ГИМ, Епархиальное собр., № 736, Апокалипсис, XVII в.

ОР РГБ. Ф. 37

Собрание рукописных книг Т. Ф. Большакова, № 313, Сборник агиографический, XVII в.

ОР РГБ. Ф. 256

Собрание рукописных книг Н. П. Румянцева, № 154, Сборник агиографический, XVII в.

ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. № 1451

Духовная грамота князя В.Г. Меньшого Ромодановского, 1671 г.

ОР РНБ. Ф. 775. № 3705

Житие Саввы Сербского, XVII в.

РГАДА. Ф. 137, Оп. 1. № 76

Список приема Великого Новгорода князем Д.А. Долгоруким, 1665–1667 гг.

РГАДА, Ф. 137. Оп. 1. № 77

Описная книга ремонта стен и башен Великого Новгорода, 1665–1667 гг.

РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 450

Опись имущества княжны Марфы Степановны Ромодановской, 1689 г.

РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 3873

Сборник агиографический, XIX в.

F.XIII.5

РНБ, Основное собрание рукописной книги, Кириаков С. Ф. Сборник учебных материалов для князя С. В. Ромодановского, 1670-е годы.

F.I.729

РНБ, Основное собрание рукописной книги, Сборник агиографический, 1687 г.

Издания

НовВ в XVII в.

Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства,
А. Н. Медушевский, М. Е. Бычкова, сост., Москва, 1988.

НовКА

Варенцов В. А., подгот. публ., Новгородский купеческий архив второй половины XVII в.,
Новгородский архивный вестник, 4, Великий Новгород, 2004, 78–208.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

Писцовые НовВ

Анкудинов И. Ю., сост., *Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.*, С.-Петербург, 2003.

ПСРЛ, 4

Полное собрание русских летописей, 4: *Новгородская четвертая летопись*, 1, Петроград, 1915.

— 30

Полное собрание русских летописей, 30: *Новгородская вторая (Архивская) летопись*, Москва, 1965.

— 43

Полное собрание русских летописей, 43: *Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского*, Москва, 2004.

Расходная книга

Расходная книга Новгородского Митрополита Никона 7160 года, *Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских*, 13, 2, Москва, 1852, 1–62.

СГГД, 4

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел, 4, Москва, 1826.

Литература

Алексеева 2016

Алексеева А., Косинская редакция Жития Моисея, архиепископа Новгородского, *Летняя школа по русской литературе*, 12/3, 2016, 241–257.

Брюсова 1984

Брюсова В. Г., *Русская живопись 17 века*, Москва, 1984.

— 2001

Брюсова В. Г., *София Новгородская: Памятник искусства и истории*, Москва, 2001.

Буланин 2004

Буланин Д. М., Козынин Борис Яковлев, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII в., 4, Т – Я. Дополнения, С.-Петербург, 2004, 460–462.

Бычков 1897

Бычков И. А., *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке*, С.-Петербург, 1897.

Веселовский 1975

Веселовский С. Б., *Дьяки и подьячие XV–XVII вв.*, Москва, 1975.

Голубинский 1903

Голубинский Е. Е., *История канонизации святых в русской церкви*, Москва, 1903.

Гордиенко 2007

Гордиенко Э. А., Иконописцы Новгородские XVII в., В. Л. Янин, отв. ред., *Великий Новгород: история и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь*, С.-Петербург, 2007, 191–192.

Дианова 1998

Дианова Т. В., *Филицы XVII–XVIII вв.: Герб города Амстердама*, Москва, 1998.

Дмитриев 1973

Дмитриев Л. А., *Житийные повести Русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв.*, Ленинград, 1973.

Жития святых 1908

Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского, 1, Москва, 1908.

Карбасова 2005

Карбасова Т. Б., История почитания преподобного Кирилла Новоезерского, *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*, 1, С.-Петербург, 2005, 504–526.

Коваленко, Варенцов 2007

Коваленко Г. М., Варенцов В. А., Таможня Новгородская, В. Л. Янин, отв. ред., *Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь*, С.-Петербург, 2007, 451–452.

Краснянский 1876

Краснянский Г., *Месяцеслов (святцы) новгородских святых угодников Божиих*, Великий Новгород, 1876.

Курдюмов 1908

Курдюмов М. Г., Описание актов, хранящихся в архиве императорской Археологической комиссии, *Летопись занятий Археологической комиссии за 1906 г.*, С.-Петербург, 1908.

Макарий 1860

Макарий (Миролюбов), архим., *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*, 2: *Памятники древности в Новгородских церквях*, Москва, 1860.

— 1861

Макарий (Миролюбов), архим., *Обозрение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях, Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 2/3, 1861, 1–40.

Максимова 2000

Максимова Д. Б., Косинская редакция Жития Нифонта Новгородского, *Новгородский архивный вестник*, 2, Великий Новгород, 2000, 147–152.

— 2001

Максимова Д. Б., Житийные памятники, посвященные Нифонту Новгородскому. Литературная история текстов (Диссертация на соиск. ученой степени канд. филол. наук, ИРЛИ РАН, С.-Петербург, 2001).

— 2003

Максимова Д. Б., К вопросу об авторе, месте и обстоятельствах создания так называемой Косинской рукописи, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 53, С.-Петербург, 2003, 596–601.

Милютенко 1993

Милютенко Н. И., Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни (к истории Смоленской литературы XII в.), *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, С.-Петербург, 1993, 121–128.

Муравьев 1846

Муравьев А. Н., *Путешествие по святым местам русским*, 2, С.-Петербург, 1846.

Новикова 1999

Новикова О. Л., Рукописные книги Сыркова монастыря, М. А. Шибаев, сост., *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология*, С.-Петербург, 1999, 156–185.

— 2008

Новикова О. Л., О ранней редакции Краткого летописца новгородских владык, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2008, 627–644.

Поляков 2020

Поляков И. А., Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание (Диссертация на соискание ученой степени канд. истор. наук, С.-Петербург, 2020).

— 2022

Поляков И. А., Документы князей Ромодановских и Лодыженских в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, А. И. Раздорский et al., сост., *Российское государство в XVI — начале XVIII века. Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова*, С.-Петербург, Москва, 2022, 222–283.

Романова 2004

Романова А. А., Житие Феоктиста, архиепископа Новгородского, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII в., 4: Т - Я. Дополнения, С.-Петербург, 2004, 414–416.

— 2017

Романова А. А., Отенские святцы как источник русской агиографии, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (69), 2017, 112–113.

Рыжова 2013

Рыжова Е. А., Косинская редакция Слова о явлении мощей Иакова Боровицкого, *Новгородика-2012: у истоков российской государственности: Материалы IV Международной научно-практической конференции. 24–26 сентября 2012 года*, 1, Великий Новгород, 2013, 401–416.

— 2022

Рыжова Е. А., Косинский список Жития Антония Римлянина, *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*, 4, С.-Петербург, 2022, 311–334.

Самбикин 1895

Самбикин Д., *Месяцеслов святых, всею русскою церковию или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и св. угодников Божиих в нашем отечестве*, 4 (декабрь), Каменец-Подольск, 1895.

Святые 2010

Святые земли Русской. Приложение [компакт-диск] к альбому, С.-Петербург, 2010.

Смирнова 1958

Смирнова Э. С., Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 15, Москва, Ленинград, 1958, 312–330.

Соболева 2013

Соболева А. Е., О краткой редакции жития Александра Свирского, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (51), 2013, 89–97.

Строев 1877

Строев П. М., *Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви*, С.-Петербург, 1877.

Терешкина 2006

Терешкина Д. Б., *Новгородская Житийная литература*, Великий Новгород, 2006.

— 2009

Терешкина Д. Б., «...Аки светильник поставленъ на свещнице». Жития новгородских владык, В. А. Кошелев, отв. ред., *Новгородский край в русской литературе*, Великий Новгород, 2009, 72–81.

— 2013

Терешкина Д. Б., Косинская редакция Жития Михаила Клопского, *Новгородский архивный вестник*, 11, Великий Новгород, 2013, 190–197.

Толстой 1862

Толстой М., *Святыни и древности Великого Новгорода*, Москва, 1862.

— 1887

Толстой М. В., *Книга глаголемая описание о российских святых*, Москва, 1887.

Федотова 2001a

Федотова М. А., К вопросу о Житии Ефрема Перекомского, *Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри*, С.-Петербург, 2001, 152–198.

— 2001b

Федотова М. А., К вопросу о Житии Саввы Вишерского, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 52, С.-Петербург, 2001, 544–560.

Царевская 1999

Царевская Т. Ю., *Фрески церкви Благовещения на Мячине (в Аркажах)*, Новгород, 1999.

Шалина 2020

Шалина И. А., Росписи западной паперти Успенского собора в Тихвине и ее исполнители. Материалы к словарю тихвинских иконописцев, *Новгородский исторический сборник*, 19 (29), Великий Новгород, 2020, 344–396.

Словари и справочники

ВелН IX–XVII

Великий Новгород: история и культура IX–XVII веков: энциклопедический словарь, С.-Петербург, 2007.

Демидова 2011

Демидова Н. Ф., *Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник*, Москва, 2011.

СлРИ XI–XVII вв.

Словарь русских иконописцев XI–XVII вв., Москва, 2009.

References

Alekseeva A., Kosinskaia redaktsiia Zhitiiia Moiseia, arkhiepiskopa Novgorodskogo, *Summer school on Russian literature*, 12/3, 2016, 241–257.

Bryusova V. G., *Russkaia zhivopis' 17 veka*, Moscow, 1984.

Bryusova V. G., *Sofiia Novgorodskaiia: Pamiatnik iskusstva i istorii*, Moscow, 2001.

Bulanin D. M., Kozynin Boris Iakovlev, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 4, T–Ia. Dopolneniia, St. Petersburg, 2004, 460–462.

Dianova T. V., *Filigrani XVII–XVIII vv.: Gerb goroda Amsterdama*, Moscow, 1998.

Dmitriev L. A., *Zhitiinye povesti Russkogo severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.*, Leningrad, 1973.

Fedotova M. A., K voprosu o Zhitii Efrema Peremskogo, *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Severnorusskie monastiri*, St. Petersburg, 2001, 152–198.

Fedotova M. A., K voprosu o Zhitii Savvy Visher-skogo, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 52, St. Petersburg, 2001, 544–560.

Gordienko E. A., Ikonopistsy Novgorodskie XVII v., V. L. Yanin, ed., *Velikii Novgorod: istoriia i kul'tura IX–XVII vekov. Entsiklopedicheskii slovar'*, St. Petersburg, 2007, 191–192.

Karbasova T. B., Istoriia pochitaniia prepodobnogo Kirilla Novoezerskogo, *Russkaia agiografiia. Issledovaniia. Publikatsii. Polemika*, 1, St. Petersburg, 2005, 504–526.

Kovalenko G. M., Varentsov V. A., Tamozhnia Novgorodskaiia, V. L. Yanin, ed., *Velikii Novgorod: istoriia i kul'tura IX–XVII vekov. Entsiklopedicheskii slovar'*, St. Petersburg, 2007, 451–452.

Maksimova D. B., K voprosu ob avtore, meste i obstoyatel'stvakh sozdaniia tak nazyvaemoi Kosinskoj rukopisi, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 53, St. Petersburg, 2003, 596–601.

Maksimova D. B., Kosinskaia redaktsiia Zhitiiia Nifonta Novgorodskogo, *Novgorodskii arkhivnyi vestnik*, 2, Veliky Novgorod, 2000, 147–152.

Milutenko N. I., Rasskaz o prozrenii Rostilavichei na Smyadini (k istorii Smolenskoi literatury XII v.), *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 48, St. Petersburg, 1993, 121–128.

Novikova O. L., O rannei redaktsii Kratko-go letopistsa novgorodskikh vladyk, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2008, 627–644.

Novikova O. L., Rukopisnye knigi Syrkova monastiria, M. A. Shibaev, ed., *Opyty po istochnikovedeniiu. Drevnerusskaia knizhnost': Arkheografiia, paleografiia, kodikologiya*, St. Petersburg, 1999, 156–185.

Poliakov I. A., The documents of the Romanovsky princes and the Lodyzhensky family at the Manuscript Department of the National library of Russia, A. I. Razdorsky et al., eds., *Rossiiskoe gosudarstvo v XVI – nachale XVIII veka. Sbornik statei k 70-letiiu Andreia Pavlovicha Pavlova*, St. Petersburg, Moscow, 2022, 222–283.

Romanova A. A., Otenskie sviatstsy kak istochnik russkoi agiografii, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (69), 2017, 3, 112–113.

Romanova A. A., Zhitie Feoktista, arkhiepiskopa Novgorodskogo, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 4, T–Ia. Dopolneniia, 2004, 414–416.

Ryzhova E. A., Kosinskaia redaktsiia Slova o iavlenii moshchei Iakova Borovitskogo, *Novgorodika-2012: u istokov rossiiskoi gosudarstvennosti: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 24–26 sentiabria 2012 goda*, 1, Veliky Novgorod, 2013, 401–416.

Ryzhova E. A., Kosinskii spisok Zhitiiia Antoniiia Rimlianina, *Russkaia agiografiia. Issledovaniia. Materialy. Publikatsii*, 4, St. Petersburg, 2022, 311–334.

Shalina I. A., Paintings of the Western Panel of the Assumption Cathedral in Tikhvin and Its Artists. Materials to the Dictionary of Tikhvin Icon Painters, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 19 (29), Veliky Novgorod, 2020.

Smirnova E. S., Otrazhenie literaturnykh proizvedenii o Borise i Glebe v drevnerusskoi stankovoi zhivopisi, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 15, Moscow, Leningrad, 1958, 312–330.

Soboleva A. E., The Short Version of the Life of Alexander of Svir, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (51), 2013, 89–97.

Tereshkina D. B., «...Aki svetil'nik postavlén na sveshchnitse». *Zhitiia novgorodskikh vladyk*, V. A. Koshelev, ed., *Novgorodskii kraj v russkoi literature*, Veliky Novgorod, 2009, 72–81.

Tereshkina D. B., Kosinskaja redaktsiia *Zhitiia Mikhaila Klopskogo*, *Novgorodskii arkhivnyi vestnik*, 11, Veliky Novgorod, 2013, 190–197.

Tereshkina D. B., *Novgorod hagiographic literature*, Veliky Novgorod, 2006.

Tsarevskaya T. Iu., *The frescoes of the Church of the Annunciation on Lake Myachino ("in Arkazhi")*, Novgorod, 1999.

Veselovskii S. B., *D'iaki i pod'iachie XV–XVII vv.*, Moscow, 1975.

Никита Андреевич Шереметов,

младший научный сотрудник

С.-Петербургского института истории РАН

197110 С.-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Россия / Russia

nikita2631@mail.ru

Иван Анатольевич Поляков,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник отдела рукописей

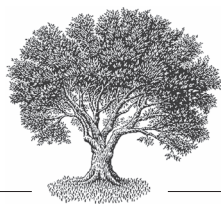
Российской национальной библиотеки

191069 С.-Петербург, Садовая ул., д. 18

Россия / Russia

ivan669@bk.ru

Received November 19, 2021

Обретение мощей Адриана Пошехонского (1626 г.): К вопросу о возможной мистификации

**Александр Александрович
Казаков**

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Москва, Россия

Finding of the Relics of Adrian Poshekhonsky (1626): On a Possible Mystification

Alexander A. Kazakov

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Moscow, Russia

Резюме

Трагическое завершение жизненного пути основателя Успенского Пошехонского монастыря игумена Адриана, убитого 5 марта 1550 г. жителями села Белого, имело неожиданное продолжение, связанное с участием его останков. Несмотря на тщательное расследование разбоя и строгое наказание участников нападения на монастырь, мощи игумена Адриана в то время так и не были найдены. Их обнаружили лишь спустя 76 лет. Как оказалось, благочестивые поселяне тайно захоронили останки подвижника у заброшенной церкви на берегу реки Ухры. На том месте ими была посажена

Цитирование: Казаков А. А. Обретение мощей Адриана Пошехонского (1626 г.): К вопросу о возможной мистификации // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 124–146.

Citation: Kazakov A. A. (2022) Finding of the Relics of Adrian Poshekhonsky (1626): On a Possible Mystification. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 124–145.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.5

рябина, почитание которой широко распространилось среди местных обитателей. Незадолго до открытия мощей Адриана близ чтимой рябины был основан монастырь, устроитель которого, игумен Лаврентий, был инициатором разыскания останков преподобномученика. Вероятно, именно он составил «Слово на обретение честных мощей», в котором предельно подробно описал те события. Детально рассмотрев содержание этого интересного текста, автор статьи приходит к выводу, что открытые в 1626 г. мощи могли не принадлежать игумену Адриану. Отдельные моменты повествования в «Слове» позволяют предположить, что игумен Лаврентий склонен был выдавать желаемое за действительное. Сам факт находки мощей представляется бесспорным, но их принадлежность вызывает сомнения: вероятно, были обнаружены останки не Адриана, а жившего некогда на том месте безвестного монаха.

Ключевые слова

Житие Адриана Пошехонского, «Слово на обретение мощей» преподобномученика Адриана, Пошехонье середины XVI — первой трети XVII в., локальные сельские культы, средневековые монастыри Русского Севера, агиография, история Русской церкви

Abstract

The tragic death of hegumen Adrian, who was the founder of the Holy Assumption Adrian Monastery in Poshekhonye, and was killed by the peasants of Beloe village on 5 March 1550, received an unexpected continuation in connection with the discovery of Adrian's relics. Despite the fact that a thorough investigation of the crime had been carried out, and the perpetrators of the attack on the monastery had been punished severely, the relics of hegumen Adrian were never found at that time. They were discovered only 76 years later. As is turned out, pious serfs secretly buried Adrian's remains near an abandoned church on the banks of the Ukhra River. They also planted a rowan tree, which became the object of worship among the villagers. Shortly before Adrian's relics were discovered, a monastery was founded near the sacred rowan. The monastery's founder, hegumen Lavrentiy, was the main initiator of the search for the relics. Probably, Lavrentiy wrote the Tale about Finding the Relics of Venerable Martyr Adrian, in which he described the events in detail. However, by careful analyses of the text of the curios, the author concludes that the relics discovered in 1626 might not belong to Adrian. This is indicated by certain points in the narrative, which suggests that hegumen Lavrentiy was inclined to wishful thinking. The fact of finding the relics seems to be indisputable, but their identification is doubtful. Probably, the discovered relics did not belong to Adrian, but to an unknown monk who once lived in the area.

Keywords

Life of Adrian Poshekhonskiy, Tale about Finding the Relics of Venerable Martyr Adrian, Poshekhonye area in mid-16th — first third 17th c., local peasants cults, North-Russian mediaeval monasticism, hagiography, history of Russian Church

В истории русской святости, пожалуй, сложно найти столь же драматичный и загадочный пример, который являют собой как земная судьба, так и посмертная участь Адриана Пошехонского. О жизненном пути и мученической гибели подвижника (1550 г.) повествует его Житие, обстоятельный рассказ о розыске останков Адриана содержит «Слово на обретение честных мощей». Эти источники были созданы если не самими очевидцами событий, то записаны по их свидетельствам¹.

Несмотря на богатое фактическое содержание, история изучения названных текстов невелика. В. О. Ключевский, обратившись к списку *Унд273*, созданному, по мнению историка, в XVII в.² и содержащему как Житие, так и «Слово», отметил, что они «писаны в разное время»: Житие «в конце царствования Ивана Грозного», а «Слово» — «в 1626–1643 гг., когда совершились рассказанные в нем чудеса». Авторы Жития и «Слова», согласно В. О. Ключевскому, «плохие грамотеи», чуждые книжного языка, но при всем том передают в своих рассказах немало «любопытных подробностей» живой реальности XVI–XVII вв. [Ключевский 1871: 327–328]. Л. А. Дмитриев, обратившись к названным текстам, сделал ряд важных наблюдений. Он отметил, что в подавляющем большинстве списков, относящихся к XVII в., вслед за Житием читается «Слово», и лишь в конволюте *Погод861*, который исследователь отнес к концу XVI в.³, Житие читается как самостоятельный текст, а в его заглавии, в отличие от прочих списков, упоминается, что составлено оно было в Адриановом монастыре «тое же обители многогрешным игуменом Алексеем». Создание текста Жития исследователь датировал 70-ми гг. XVI в., хотя, возможно, жизнеописание Адриана было составлено несколько ранее⁴. «Слово» же, по его мнению, было написано вскоре после открытия

¹ К 1550 г. относят и убийство карельского преподобного Адриана Ондрусовского крестьянами села Обжи. Однако сведения о его мученической кончине сохранило лишь «Сказание об Адриане», составленное не ранее 1813 г. [Кожевникова 2017: 28, 48–50]. Столь поздний источник не внушает доверия, а современные или несколько более поздние — крайне немногочисленные — свидетельства об Адриане Ондрусовском о его кончине вообще ничего не сообщают.

² В описании собрания В. М. Ундольского рукопись датирована началом XVIII в. [Ундольский 1870: 213].

³ В современном описании Погодинской коллекции манускриптов часть рукописи *Погод861*, содержащую Житие Адриана, относят к первой половине XVII в. [Крушельницкая 2010: 227–237].

⁴ Датировка Л. А. Дмитриева неоспорима. Игумен Алексей, завершая свое повествование, обращается к Адриану Пошехонскому с молитвенным прошением даровать «одоление противу татар крымских, и главы их поганого царя Девликирея» [Житие: 31]. Эта фраза позволяет приурочить составление текста к 1571–1572 гг., когда походы упомянутого крымского хана представляли наибольшую опасность для Московской Руси [Дмитриев 1973: 199]. Но, опираясь на разыскания П. М. Строева, Л. А. Дмитриев ошибочно относит игуменство Алексея в Успенском Пошехонском монастыре к 1570–1573 гг. [Строев 1877:

мощей, случившегося 19 октября 1626 г. Исследователь оспорил мнение В. О. Ключевского о недостаточной книжной выучке авторов Жития и «Слова», подчеркнув, что «развитие [...] сюжета повествования в житии нельзя охарактеризовать как примитивное». Также Л. А. Дмитриев писал о наличии второй редакции Жития, которая «является сокращением первоначальной. Текст в ней больше отвечает канонам житийного жанра». В деталях рассматривая событийную канву Жития и «Слова», исследователь первостепенное внимание отводил жанровым особенностям текстов и пришел к выводу, что «перед нами не житие святого, а увлекательная яркая повесть о человеке того времени» [Дмитриев 1973: 199–213; Дмитриев 1988]. Краткий обзор содержания Жития Адриана Пошехонского второй редакции и «Слова на обретение мощей» содержит энциклопедическая статья Д. Ф. Полознева и И. А. Шалиной. Авторы отмечают, что текст «Слова» по списку *Унд273* «наиболее близок к первоначальному» [Полознев, Шалина 2000]. М. К. Кузьминой принадлежит заслуга публикации Жития и «Слова» по списку *Унд273*, которую она предваряет небольшим вступлением, где названные памятники рассматриваются скорее как литературные произведения, а не исторические источники [Житие: 10–22].

Краткий разбор историографии свидетельствует, что тексты, связанные как с земной жизнью, так и с посмертной участью останков Адриана Пошехонского, рассматривались преимущественно либо в обзорном (В. О. Ключевский; Д. Ф. Полознев и И. А. Шалина), либо в литературоведческом ключе (Л. А. Дмитриев, М. К. Кузьмина) и по сути изучены крайне односторонне. Задача настоящей статьи — обратить внимание на названные агиографические тексты как на исторические источники и предложить критику известных из них фактов в широком историко-культурном контексте. В первую очередь это касается «Слова об обретении мощей», содержание которого позволяет сделать вывод о том, что останки, выкопанные 19 ноября 1626 г. у рябины на реке Ухре, могли не принадлежать Адриану Пошехонскому. Кроме того, невозможно обойти вниманием некоторые факты жизненного пути преподобному-

---

349; Дмитриев 1988: 239]. Между тем, тарханно-несудимая грамота, выданная 1 июля 1558 г. митрополитом Макарием строителю Иониной пустыни Елеазару, содержит ряд приписок, в которых преемники святителя подтверждали пожалования, но уже игуменам Адриановой Успенской пустыни (связано это было, скорее всего, с тем, что Ионина пустынь была приписана к Адриановой [Каштанов et al. 1968: 223 (№ 1–240)]): митрополит Афанасий игумену Алексею 3 июня 1564 г., а митрополиты Кирилл и Дионисий игумену Савве 5 марта 1570 г. и 7 января 1582 г. [Ивина 1983: 131–132 (№ 121)]. Следовательно, к началу 1570-х гг. Алексей уже не был настоятелем в Адриановом монастыре и, вполне возможно, написал Житие несколькими годами ранее, в 1560-х гг. Между прочим, набеги Дивлет-Гирея на Русь фиксировались в 1562, 1564 и 1565 гг. [ПСРЛ 29: 299, 337–339, 348].

ченика, которые либо вовсе игнорировались, либо получали крайне тенденциозную трактовку. Текст Жития и «Слова» цитируем по изданию М. К. Кузьминой [Житие], как наиболее исправному с точки зрения содержания (первая редакции Жития и близкий к первоначальному вариант «Слова») списку⁵.

Преподобномученик Адриан принадлежал к плеяде насельников Корнилиево-Комельского монастыря, покинувших место своего пострижения и основавших собственные обители⁶. Агиограф особо отмечает, что Корнилий Комельский «повеле учеников своих отпускати в пустыню, которые ученицы преподобного вожделеют пустыни». 13 сентября 1540 г. иеродьякон Адриан вместе с «послушником своим старцем» Леонидом оставили Корнилиев монастырь и, ведомые таинственным иноком Бестужем⁷, через некоторое время пришли «в пределы Пошехонские [...] промежа веси Белые, и Патроболские, и Шелшедамские, и Веретейские, и Кештомские, и Ухорские на дикий лес»⁸, где на берегу речки Ветхи положили основание пустыни. Через три года в Москве митрополит Макарий рукоположил преподобного Адриана в иереи и поставил игуменом основанной им обители, в которой 31 мая 1543 г. был заложен и вскоре отстроен храм Успения Богородицы [Житие: 23–27]⁹.

⁵ В передаче орфографических особенностей цитируемых изданных источников автор строго следует особенностям правописания публикаций.

⁶ В XVI в. среди постриженников Корнилиево-Комельского монастыря, впоследствии ставших основателями собственных обителей, кроме преподобномученика Адриана Пошехонского (†1550), известны преподобные Филипп Ирапский (†1527), Кирилл Новоезерский (†1537), Иродион Илоезерский (†1540-е гг.), Зосима Ворбазомский (†около 1550), Симон Сойгинский (†1562), Геннадий Любимский (†1565) и Даниил Шужгорский [Лифшиц 2017: 16].

⁷ Роль этого таинственного «светлепа старца», который скрывает свое иноческое имя, называясь прозвищем «Бесстыжий», становится ясна по ходу повествования: приведя иноков Адриана и Леонида к месту будущего монастыря, «старец Бестуж им невидим бысть». «Бог посла аггела своего, указа нам путь сей истинный», — так вполне ожидаемо решили Адриан и его ученик [Житие: 24]. При этом «отсутствие христианского имени, так и неблагозвучность прозвища, должны вызвать отрицательные ассоциации, скрывая подлинную сущность Божьего посланника» [Успенский, Успенский 2017: 178].

⁸ Очевидно, Пошехонского уезда как территориально-административной единицы в те времена еще не существовало, однако волости, перечисленные в Житии, упоминались в духовной грамоте Ивана III: Ухра, Веретя Большая, Патробал, Кештома, Шелшедам, Белое село [Духовная грамота: 355–356].

⁹ Из текста Жития не совсем понятно, почему Адриан, решив «церковь воздвигнути», предпринял путешествие в Москву за митрополичьим благословением [Житие: 26], хотя Пошехонье должно было принадлежать Ростовской епархии. Вероятно, на территории Пошехонья располагались митрополичьи десятины (о митрополичьих «вотчинных областях» в Ростовской архиепископии см.: [Покровский 1897: 112–113]). Факт выдачи и последующего

Вообще, игумен Алексей (который, вероятно, провел в Адриановом монастыре двенадцать лет¹⁰), сообщив множество подробностей, услышанных им если не от самого преподобномученика, то от кого-то из его ближайшего окружения, менее всего склонен следовать в своем повествовании типичным агиографическим схемам¹¹. Так, он совершенно опускает вопрос о происхождении Адриана¹², обстоятельствах его пострижения и монашеских трудах в Комельском монастыре, не утруждает себя использованием принятых для этих случаев агиографических штампов, заменяющих отсутствие сведений о судьбе подвижника. Вероятно, это вызвано специфическим интересом автора: основное внимание он сосредотачивает на мученической кончине Адриана, которую он описывает в мельчайших деталях. Пожалуй, рассказ о разгроме монастыря, учиненном жителями близлежащего села Белого 5 марта 1550 г.¹³, и есть то смысловое ядро, вокруг которого

подтверждения упомянутой выше тарханно-несудимой грамоты московскими митрополитами свидетельствует в пользу этой гипотезы. Вместе с тем настоянная грамота московского первосвятителя игумену Адриану, которая могла бы стать решающим аргументом в пользу этой гипотезы, не сохранилась. Во всяком случае, упоминание о ней отсутствует в перечне белосельских и пошехонских грамот XVI в. [Грязнов 2019: 406, 467–468].

¹⁰ Появление старца Адриана и его ученика было озаменовано чудесным уловом в речке Ветхе: местные поселяне «яша две рыбыны щуки великие». Далее сообщается, что «при нашем воздержании в дванадесать лет таковы велицы рыбы не бывали, опричь малых рыб» [Житие: 24].

¹¹ Это касается лишь первоначальной редакции Жития. Во второй редакции все литературные вольности игумена Алексея сглажены [Дмитриев 1973: 200–201].

¹² Нельзя сказать, что эти подробности не были известны агиографу: в приведенной им предсмертной молитве Адриан поминает место своего рождения — Ростов [Житие: 29].

¹³ Вопрос о причинах поступка белосельцев остается открытым. Правда, И. У. Будовниц пытался свести его к «классовым» противоречиям между интересами монастыря и крестьян. Он, в частности, утверждал, что «окрестные жители были доведены монахами до такой степени озлобления, что их устраивало только полное разорение “святой обители” и физическое уничтожение ее основателя» [Будовниц 1966: 304]. На «социальные противоречия между монастырем и окрестным населением» указывал и Л. А. Дмитриев [1973: 213]. Однако известия Жития Адриана — единственного источника, которым они пользовались, — едва ли дают основания для такого вывода. Правда, там сообщается о сетовании части местных крестьян о том, что «на придворьях наших чернцы вселяются, да обладают и нами» [Житие: 27], однако делать на основании этой фразы далеко идущие выводы без привлечения иных источников все же не совсем корректно. При этом И. У. Будовниц выпустил из виду, что на разгром обители и убийство ее настоятеля белосельцев благословляет поп приходской Георгиевской церкви по имени Косарь [Ibid.: 29–30]. Это неожиданное свидетельство позволяет перевести разговор о причинах трагической для игумена Адриана развязки в плоскость конфликта церковных институций. Учитывая факт существования в то время на Русском Севере так называемых «мирских» монастырей — этот феномен подробно описан, см.: [Юшков 1913: 90–109], — в управлении которыми известную роль играли миряне, нельзя исключить, что агрессивные действия белосельцев (не без

строится агиографическое повествование. Не останавливаясь на крайне натуралистичных описаниях мученической смерти игумена Адриана от рук «зверообразных разбойник», «от злых агарян от белоселец»¹⁴, отметим, что, завершая свое повествование, автор с особым вниманием относится к факту исчезновения останков игумена. Он сообщает, что злодеи «тело преподобного мученика Андреана игумена в сани ввергли и изо обители преподобного повезли». В ходе розыска один из зачинщиков разбоя по имени Иван Матренин сознается, что «разграбих лавру Пречистыя Богородицы и замучих преподобного Андреана, и свезли из обители, и повергли его на рубежи Белого села и Широкогоша». Явившись наутро, чтобы уничтожить следы беззакония, и намереваясь сжечь тело, злодеи не нашли его.

Надо думать, труп игумена не без умысла был оставлен на границе волостей. Как отмечал Д. К. Зеленин, по народным поверьям, покойники, скончавшиеся насильственной смертью («заложные», в терминологии исследователя), «доживают свой, положенный им при рождении, век за гробом, т. е. после своей насильственной смерти живут еще столько, сколько бы они прожили бы на земле в случае, если бы смерть их была естественной. Живут они все это время на месте своей насильственной смерти, а иногда даже на месте своей могилы, сохраняя, однако же, полную свободу к передвижению» [Зеленин 1994: 231]. Дабы обезопасить себя от встречи с такого рода мертвецами, их подвергали особого рода погребениям, в частности, иногда хоронили на распустьях: «дойдя до перекрестка, заложный покойник сбивается с дороги и нейдет дальше» [Ibid.: 268]. Вполне возможно, белосельцы могли руководствоваться подобными доводами, оставив тело убитого ими игумена на порубежье волостей. Кроме того, намерение сжечь останки Адриана могло быть вызвано страхом перед лишенной христианского погребения жертвой. А. А. Панченко приводит выразительный пример, правда,

---

подстрекательства со стороны их духовного отца) были вызваны стремлением подчинить миру обитель Адриана. «Чаях злодеи извести святую обитель и привести ея на prodворие свое белоселское», — такова, по мнению игумена Алексея, конечная цель погромщиков-белосельцев [Житие: 31]. Кроме того, акты агрессии по отношению к монастырям и их хозяйству не представляли собой чего-то из ряда вон выходящего: сохранилось свидетельство о нападении в 1579 г. на село Храпелево Покровского женского монастыря жителей окрестных черных сел Дунилова и Горич, в результате чего монастырскому хозяйству был нанесен значительный ущерб, но пострадали исключительно монастырские крестьяне [Явка]. Не была беспрецедентной и гибель игумена от рук окрестных поселян: та же участь постигла в 1641 г. преподобномученика Симона Воломского, подвизавшегося близ Великого Устюга [Говорова 2008: 25–26].

¹⁴ Уподобление жителей села Белого агарянам, по-видимому, было намеренным: вспомним, что агиограф просил заступления преподобномученика Адриана от набегов крымчаков под водительством «поганого царя Девликирея» [Житие: 31].

гораздо более поздний, видимо, рубежа XIX–XX вв., когда крестьянами Череповецкого уезда было уничтожено «опасное» захоронение: кости мертвецов были выкопаны, сожжены, пепел выброшен в реку [Панченко 1998: 214–215; Idem 2012: 163]. С. А. Штырков не без оснований видит в действиях череповецких крестьян «реализацию поведенческой схемы, направленной на ликвидацию вредоносных (“заложных”) покойников» [Штырков 2001: 142]. Впрочем, стремление белосельцев могло иметь и более прагматическую цель: уничтожив останки, они хотели скрыть следы своих преступных деяний. Тем не менее в XVI в. настороженное отношение к умершим «напрасною» смертью было, по всей вероятности, распространенным. По словам Максима Грека, в Московском государстве того времени «тѣлеса утоплених или убиених и поверженных» лишали христианского погребения, не хоронили в земле, а бросали в поле, огораживая тыном. Не доживших свой век мертвецов опасались не только и не столько по причине того, что они могли навредить людям, но и потому, что их погребение в земле могло ее осквернить, стать причиной весенних и летних заморозков и неурожая [Бычкова et al. 2009: 142].

Совершенно очевидно, что игумену Алексею, взявшему на себя труд написания Жития Адриана Пошехонского, судьба останков последнего оставалась неизвестной: «Сохранены быша Господом Нашим Иисусом Христом в бесконечные веки», — заключает агиограф [Житие: 29–31]. Их открытие произошло уже в иную эпоху при весьма интересных обстоятельствах. Источники сохранили точную дату этого события — 19 ноября 1626 г.¹⁵ Вскоре после того было составлено «Слово на обретение мощей», вероятнее всего «в 1626–1643 гг., когда свершились рассказанные в нем чудеса, которые автор описывает как очевидец или со слов исцеленных». Автором «Слова», по мнению В. О. Ключевского, был игумен Лаврентий — очевидец и активный участник описываемых событий [Ключевский 1871: 328].

Л. А. Дмитриев сузил временной интервал создания «Слова» до конца 1626 — начала 1627 г. и озвучил мнение о сподвижнике Лаврентия священнике Лукиане Козьмине как составителе «Слова». Путным он обронил фразу, что вопрос об авторстве «Слова» не так уж и существенен, поскольку как об игумене Лаврентии, так и о других упоминаемых в «Слове» лицах не сохранилось практически никаких известий [Дмитриев 1973: 211]. Вместе с тем исследователь отметил главную цель «Слова» — «доказать, что вырытые на территории Рябинина монастыря останки человека — это мощи Адриана, что еще до того, как стало известно, что это его мощи, на том месте, где они были погребены,

---

¹⁵ Л. А. Дмитриев, очевидно, ошибся, писав, что открытие мощей «происходило 16 ноября 1625 г.» [Дмитриев 1973: 212].

уже свершались чудеса» [Idem 1988: 240]. Безусловно, автору «Слова», которым, судя по всему, действительно мог быть Лаврентий, удалось убедить и современников, и последующие поколения читателей и исследователей этого текста в принадлежности найденных останков Адриану Пошехонскому. Но при этом в тексте обнаруживается целый ряд признаков, свидетельствующих, что обретение мощей преподобномученика могло быть мистификацией, а найденные останки ему не принадлежали.

В первой четверти XVII в., судя по известиям «Слова», насельники Успенского Пошехонского монастыря во главе с игуменом Порфирием¹⁶ не оставляли надежд найти мощи старца Адриана, однако поиски были безуспешными, отчего монахи «бысть в скорби и сетовании». Дальнейшее развитие событий неожиданным образом связано с местнотчтимой святыней в пустоши на берегу реки Ухры при впадении в нее речки Ушломы. Центром народного почитания была рябина, к которой каждое лето на Ильинскую Пятницу — пятницу, предшествующую Ильину дню — совершались возглавляемые духовенством крестные ходы с образом великомученицы Параскевы, перед которым у почитаемой рябины пелись молебны. После этого «сквозь сучие проимахуся дети малые и юноты, а иннии людие и в совершенном возрасте проимахуся». Совершенно очевидно, почитание сложилось задолго до описываемых событий и получило широкое распространение, во всяком случае, автор «Слова» упоминает, что в крестных ходах и молебнах у рябины участвовали «из окрестных волостей и из градов многи торговые и пахотные люди».

В 1612 г. дьякон церкви из расположенного неподалеку села Гуженки (Гужово) Иоанн Прокопьев стал убеждать крестьян в неканоничности культа рябины, ибо «по правилом святых апостол и святых отец, древо, на нем же несть образа Спасова и святых богоугодников, да не покланяемся таковому древу», предложив взамен отстроить на том месте церковь «во имя святого и славнаго пророка Илии и мученицы Христовы Парасковии, нареченныя Пятницы». Вскоре рядом с рябиной начинается возведение храма, и тут автор сообщает крайне интересную деталь: оказывается, что некогда прежде на том месте уже стояла церковь, запустевшая «годов за сто» до описываемых событий и со временем разрушившаяся, а «древо рябина посажена для признаку» на том месте, где она находилась [Житие: 32–33].

Приведенные свидетельства позволяют предположить, что почитание рябины было каким-то образом связано со стоявшей там церковью.

¹⁶ Согласно П. М. Строеву, Порфирий был игуменом в 1623–1627 гг., однако не совсем ясно, откуда взяты эти данные [Строев 1877: 349].

Вместе с тем известия о почитании деревьев, причем привязанные к празднованию пророку Илие, фиксировались в Пошехонье еще на рубеже XIX–XX вв. — тогда в них видели (едва ли с достаточным основанием) остатки «языческого поклонения деревьям» [Балов 1901: 96]¹⁷. Сложно сказать, были ли обычаи начала XVII в. и рубежа XIX–XX вв. типологически близкими феноменами выражения крестьянской по преимуществу религиозности или последние возникли в результате прочтения и адаптации «Слова на обретение честных мощей Адриана Пошехонского» в народной среде¹⁸. С другой стороны, разыскания А. А. Панченко, правда, на материалах Северо-Запада России, позволяют, во-первых,

¹⁷ Говорить о «языческих корнях» почитания рябины следует с осторожностью. Во-первых, утверждение, что почитание рябины — это воздаяние «почести бездушному истукану в виде дерева» [Житие: 19], отражает исследовательское представление о язычестве, не находя подтверждения в источниках. Даже Иоанн Прокопьев, выступивший против действ у рябины, говорил, что «неподобно тако творити христианом» [Ibid.: 32] и ни о каком язычестве не упоминал. Между тем, формы народной религиозности далеко не всегда, тем более в столь поздний период, формировались под влиянием пресловутого язычества. Во-вторых, в ранних «источниках XI–XIV вв. нет прямых указаний на поклонение деревьям; более поздние данные такого рода тоже не надежны» [Агапкина, Топорков 1988: 234], поэтому возводить обрядность пошехонских крестьян к языческому почитанию деревьев-идолов нет никаких оснований. В-третьих, рябина служила приметой сакрального локуса, связанного, по всей видимости, с некогда существовавшим там храмом, а обряды, у нее совершаемые, могли относиться не к самой рябине, а к локусу в целом — его христианское происхождение едва ли подлежит сомнению. В-четвертых, почитание местной святыни, в том виде, в котором оно описано в «Слове», вполне соответствует практикам «народного православия», общий сценарий которых выявлен на обширном материале А. А. Панченко: «Утром праздничного дня жители деревни (группы деревень, прихода) собирались в определенном месте и шли крестным ходом (с чтимой иконой) к святыне. При приближении к ней могли совершаться обряды, моделировавшие границу между профанным и сакральным мирами — пролезание под иконой и т. п. После краткого богослужения собравшиеся оставляли в почитаемом месте свои “заветы” (одежду, тканые изделия, продукты, монеты), обливались святой водой, обходили (обползали) вокруг святыни. Затем, забрав с собой те или иные “святоści” (воду, кору, песок), они возвращались в деревню — также крестным ходом». Как отмечает исследователь, такая последовательность действий была направлена на «контакт с сакральным миром» [Панченко 1998: 255–256].

¹⁸ А. В. Балов упоминает о локальном почитании пошехонскими крестьянами ученика и сподвижника Адриана Пошехонского старца Леонида, который якобы подвизался близ села Кештомы. «Народное предание об этом, — замечает А. В. Балов, — впрочем, ничем не подтверждается». И тем не менее на рубеже XIX–XX вв. в Кештомах существовала часовня, к которой ежегодно совершались крестные ходы [Балов 1901: 124]. Очевидно, единственным источником немногочисленных известий о старце Леониде, скончавшемся еще при жизни Адриана, было Житие последнего. Попав в крестьянскую среду, факты биографии Леонида, очевидно, были дополнены и легли в основу его культа. Возможно, в результате своеобразной адаптации книжного Жития Адриана Пошехонского отдельные его эпизоды могли стать особенно актуальными для крестьянского сознания и послужить основой связанных с почитанием преподобномученика Адриана культов. Об адаптации агиографических текстов книжного происхождения в народной среде см.: [Мороз 2009: 21–22].

обнаружить, что почитание деревенских святынь (источников, камней, деревьев) во многих случаях имеет привязку к неканоническому народному празднику Ильинской Пятницы, что «соответствует как структуре весенне-летнего цикла народного календаря, так и динамике местных престольных и обетных посвящений» [Панченко 1998: 72–74]. А во-вторых, исследователь обращает внимание на такую категорию деревенских святынь, как «местнотчимые “пронимальные” деревья», сквозь расщепы или сквозные отверстия в стволе которых протаскивали болящих, желавших получить исцеление. Поэтому с большой долей уверенности можно говорить об универсальности такого рода обрядов у крестьян позднего Средневековья и Нового времени¹⁹.

Интересно, однако, и другое наблюдение А. А. Панченко, отметившего, что в праздники «пятничного» цикла в народной среде Северо-Запада России было принято помянуть «забудущих родителей» — ««неизвестных покойников», лишенных частного (семейного) поминовения как в смысле канонического церковного ритуала, так и в контексте традиционной поминальной обрядности. Их не считали нечистыми, более того, иногда места погребения таких умерших отчасти выполняли функции локальных святынь» [Панченко 2012: 148]. Исследователь полностью пересматривает концепт Д. К. Зеленина о «заложных» покойниках как сугубо нечистых и опасных, возводя «заложный» не к «заложный» («заложённые, закладённые досками или кольями..., в отличие от зарытых в землю, собственно похоронённых» [Зеленин 1994: 251]), а к «заложить» в значении «забыть», «забросить» [Панченко 2012: 151–152]. «Заложные» покойники, таким образом, оказываются тождественны «забудущим родителям», похоронённым на заброшенных древних кладбищах («жалыниках»)²⁰. Очевидно, с точки зрения

¹⁹ А. А. Панченко, обобщивший известия о локальных народных святынях на многочисленных примерах, относящихся в основном к XIX–XX вв., полагает невозможным определить, «когда культ деревенских святынь принял те формы», на рассмотрении которых он строит свое исследование. Относя зарождение этих форм к Средневековью, исследователь отмечает, что русские источники той поры, упоминавшие народные культы, не содержат «никаких подробных описаний обрядов и верований такого рода». Лишь в XVII в. появляются тексты, фиксирующие подробности отдельных культов, среди которых — почитание рябины, описанное в Житии Адриана Пошехонского. Поэтому, заключает исследователь, «в XVII в. севернорусские культы деревенских святынь были достаточно сходны с современными» [Панченко 1998: 269–270]. Основываясь на выводах А. А. Панченко, кажется, не будет методологической натяжкой экстраполировать некоторые факты и наблюдения, приведенные в его монографии, на более раннюю эпоху.

²⁰ Несколько иначе подходит к проблеме С. А. Штырков, упоминая, что, по всей вероятности, «крестьянская культура знает не только “заложных” покойников и “родителей”, но стремится определить и третью группу — ныне не существующих насельников края» [Штырков 2001: 132].

живых, опасность от такого рода покойников может исходить лишь в одном случае — когда они оказываются лишенными поминовения: «*забудущие* требуют себе поминовения, а в случае отсутствия такового наказывают ныне живущих людей» [Штырков 2001: 150]. Здесь, однако, следует говорить «не просто о “церковном” либо “народном” поминовении, но и о более сложных процессах сакрализации умерших и кладбищенского “пространства смерти”», поскольку «объектом почитания и адресатом поминальных и votивных обрядов оказываются не «свои», а «чужие», лишенные поминовения и семейной памяти покойники» [Панченко 2012: 152]. В почитании «забудущих», вероятно, сказывается влияние церковных практик поминания усопших, в том числе умерших неестественной смертью (утопленников, убитых молнией или разбойниками), а также неблагоприятные демографические сдвиги, в частности, эпидемии, неурожай и вызванный ими голод, «разом оставлявшие большое количество умерших без потомков и, следовательно, без семейного поминовения» [Ibid.: 166]. Зброшенныя кладбища, соответственно, становятся для обитателей окрестных сел и деревень предметом особой заботы и почитания, местами, где живые осуществляют своеобразное взаимодействие с умершими, а последние, в свою очередь, если не становятся покровителями живых, то уж точно не причиняют им вреда. Такая «коммуникация», в представлениях крестьянского населения, сохраняет известное равновесие между миром живых и миром мертвых²¹.

Не исключено, что обряды, совершаемые у рябины, имели ту же самую цель, поскольку у некогда существовавшей церкви, вероятно, могло существовать кладбище, к моменту описываемых событий, разумеется, заброшенное. Однако известия «Слова» полностью исключает такую возможность, поскольку то «церковное место равно с прочими покосы и сена косили на том церковном месте, а кладбища тутю родителем не бывало у пророка Илии от зачала веку. А старожилцы сказывают, для того та церковь и запустела, что кладбища родителем у нея не бывало от зачала веку» [Житие: 33]. Очевидно, автору «Слова» были известны обряды, связанные с почитанием заброшенных кладбищ, и он, в свою очередь, стремится доказать, что ничего подобного в данном случае быть не могло, ведь близ разрушенной церкви существовал покос. По наблюдениям С. А. Штыркова, на захоронения «забудущих родителей» «распространяются все запреты, связанные с кладбищами:

---

²¹ По замечанию А. А. Панченко, «крестьянская погребально-поминальная культура представляет собой постоянный символический диалог между миром живых и миром умерших, подразумевающий стремление к достижению более или менее устойчивого равновесия» [Панченко 2012: 164].

оттуда нельзя ничего брать (иначе к тебе будут ходить, требуя вернуть взятое), там нельзя рубить деревья, косить траву, собирать грибы и ягоды» [Штырков 2001: 138], т. е. совершать действия, так или иначе направленные в ущерб покойникам.

Вместе с тем, из дальнейшего повествования становится ясно, что захоронение на месте разрушившейся церкви все же было: под корнями рябины оказались зарыты мощи Адриана Пошехонского и, вероятно, окрестные жители что-то знали об этом. Но и против последней возможности автор «Слова» категорически возражает, утверждая, что пошехонские монахи «много искахом и вопросихом изоо всех всех окрестных всех боголюбивых христиан о мощех преподобномученика Андреана игумена, и не вомогох, где слышати и не обрести» [Житие: 32]. Впоследствии, однако, нашелся свидетель, указавший на местонахождение останков убиенного игумена.

Появление этого свидетеля связано с основанием пустыни у Ильинского храма на Ухре, отстроенного трудами Иоанна Прокопьева, который к тому времени «совершился в попы». Для устройства монашеской общины в 1619 г. был приглашен игумен Лаврентий «с острова Богоявленского из Романовского уезда» [Ibid.: 33]. О судьбе этого деятельного человека и авторитетного пастыря сохранилось немного свидетельств: известно, что он в течение 10 лет был настоятелем Богоявленского Островского монастыря (о монастыре см.: [Зверинский 2015: 77 (№ 668)]), являлся духовным отцом игумена Успенского Пошехонского монастыря Порфирия [Житие: 37], и, вероятно, настоятельствовал на Ухре еще в 1636 г. — этим годом датируется царская грамота, адресованная «в Пошехонской уѣздъ Ильинского монастыря игумену Лаврентию» [Списокъ: 155–156]²².

Среди постриженников игумена Лаврентия оказался происходивший из деревни Иванники («деревни Иванникова» в источнике) Белосельской волости крестьянин Иоанн Исидоров, «а во иноцех бысть наречен Иона». Накануне своей кончины, 1 апреля 1626 г., он рассказал игумену Лаврентию историю, поведанную некогда его отцом, Исидором. Как оказалось, после разгрома 5 марта 1550 г. Успенского Пошехонского монастыря белосельцами тело убитого игумена Адриана, обнаруженное Исидором и его односельчанами, было отвезено к заброшенному храму на реке Ухре и положено в могилу под церковным полом «без службы». Захоронение совершалось в тайне — «блюлися выимки

---

²² В. В. Зверинский, однако, полагал, что грамота была написана на имя тезки игумена Лаврентия с Ухры, а ее адресатом являлся настоятель Ильинской Пошехонской пустыни, все известия о которой исчерпываются упоминанием ее в этой царской грамоте [Зверинский 2015: 70–71 (№ 1632)].

от губных старост»²³, но «для признаки в приходящие годы» на месте погребения сердобольные крестьяне посадили рябину, у которой начали совершаться исцеления — так сложилось почитание дерева в качестве местной святыни [Житие: 34–35].

Рассказ Исидора, переданный его сыном иноком Ионой, при всем его правдоподобию, обнаруживает признаки не только устного повествования, но и следы литературной обработки. Исидор, а вслед за ним и его сын, помнят точную дату нападения на Адрианов монастырь — 5 марта 1550 г. «в среду напротив четвертка», что представляется едва ли возможным: скорее, она была заимствована составителем «Слова» из Жития Адриана [Житие: 28, 34]. Для устной традиции сохранение такого рода подробностей не характерно: как отмечает А. Б. Мороз, в народных агиографических сказаниях «существует время, которое можно было бы назвать “мифологическим”, к которому относятся все значимые события давнего прошлого, уже не измеряемые конкретными сроками, и время “историческое”, глубина которого измеряется памятью нескольких поколений (ср. “Это еще до наших дедов было” / “Это вам надо кто постарше спрашивать. Вот мой дед — он, наверное, помнил”»)» [Мороз 2009: 85]. Несмотря на то, что выводы исследователя основаны на современных материалах, думается, их вполне можно применить и к более ранним эпохам, когда уровень грамотности заметно уступал современному, а сказания о святых и их подвигах в народной среде распространялись почти исключительно в устной форме. Скорее всего, и инок Иона был неграмотен: его исповедь, записанная специально приглашенным священником Лукианом Козминым, была заверена игуменом Лаврентием, а не самим рассказчиком: «Игумен же, приписав духовные своєю рукою и вместо сына своего духовнаго старца Ионы» [Житие: 36].

С другой стороны, говоря о почитании рябины, Иона утверждает, что оно началось «издавна» и распространилось очень широко: «А съезд был издавна разных городов всякие торговые и земские люди ярославцы и костромичи, вологжаня, и романовцы, и пошехонцы для своих торговых промыслов в году на един день в Ыльинскую пятницу» [Ibid.: 35]. Отсутствие точных хронологических указаний, связанных с возникновением почитания местной святыни, по-видимому, принадлежат самому рассказчику, поскольку в народной традиции «этиологические предания, повествующие о происхождении “святости” почитаемого места» относятся «к отдаленному прошлому — “давно”, “когда-то”» [Панченко 1998: 115].

---

²³ Как полагал Л. А. Дмитриев, погребение было тайным из-за того, что сам Исидор и его товарищи участвовали в нападении на обитель [Дмитриев 1973: 212].

Не менее интересно в рассказе Ионы сообщение о месте, где белосельцы оставили тело убитого игумена: «свезли тело его на рубежь Белого села и Широкогоша, на речку на Ушлому, и покинули в бачаге тоя же речки» [Житие: 35], в то время как в Житии речь идет лишь о «рубежи Белова села и Широкогоша» [Ibid.: 31], а уточнение о бочаге, т. е. омуте [Бархударов 1975: 304], в то время, очевидно, покрытом льдом, речки Ушломы отсутствует. Вероятно, автор «Слова» опирался на текст Жития (об этом говорит специфическая передача названия Шигорошской волости — Широкогоша, которая встречается в Житии и повторяется в исповеди Ионы, хотя прежде автор Слова называет эту волость иначе — Шигарской [Житие: 32]), но дополнил его свидетельством, вероятно, восходящим к словам Ионы²⁴.

Рассказ Ионы, по крайней мере в том виде, в котором он сохранился в «Слове», представляет собой результат литературной переработки воспоминаний старца, сделанной, скорее всего, его духовным отцом, игуменом Лаврентием. При этом, согласно тексту «Слова», игумен Лаврентий, выслушав исповедь, вновь «допрашивает старца Ионы по прежереченному его словеси» в присутствии свидетеля, священника Лукиана Козмина, который записывает «изо устную духовную память» [Ibid.: 35] — поэтому, можно предположить, что в списке, сделанном Лукианом, следы редактирования отсутствуют.

Дошедший до наших дней список Лукиана Козмина [Двѣ памяти: 229] Лаврентий отправляет в Москву с настоятелем Адрианова монастыря Порфирием с целью «бити челом государю царю и великому князю Михайлу Феодоровичю всея Руси и великому государю святейшему кир Филарету Никитичю патриарху московскому и всея Руси, чтобы государь да святейший патриарх повелели перенести мощи преподобномученика и отца нашего игумена Андреана в его обитель». Правда, Порфирий, судя по его характеристике в «Слове», мало подходил для столь ответственной миссии: под его началом в Адриановом монастыре утвердилось «самочиние и невоздержательное пьянство», и прежде чем сообщить Порфирию и его братии о месте тайного захоронения их «начальника»²⁵, игумен Лаврентий берет с них обещание

²⁴ Кроме того, в рассказе Ионы монастырь на Ухре впервые назван Новой пустыней «Живоначальные и пророка Илии» [Житие: 35], хотя Иоанн Прокопьев первоначально устроил храм «святого пророка Илии и мученицы Христовы Пятницы» [Ibid.: 33]. Возможно, именно из-за путаницы в названии обители В. В. Зверинский посчитал, что игумен Лаврентий, адресат царской грамоты 1636 г., никак не мог быть настоятелем Новой пустыни на Ухре, иначе называемой Рябининым Троицким Пошехонским монастырем [Зверинский 2005: 301–302 (№ 1137)].

²⁵ «Начальниками», по справедливому наблюдению В. О. Ключевского, «обыкновенно назывались основатели» монастырей [Ключевский 1871: 158].

оставить бесчинное поведение в обители [Житие: 36–38]. Такая характеристика игумена Порфирия довольно неожиданна, поскольку в начале «Слова» он назван не иначе как «боголюбивым» [Ibid.: 32].

Грамота, посланная в столицу, близка по содержанию исповеди Ионы в «Слове». В ней, однако, отсутствует точная дата гибели игумена Адриана, волость, на границе с которой было обнаружено тело Адриана, названа Шигорош, а не Широкош, как в Житии, что может указывать на близость содержания списка к устному рассказу. Впрочем, никаких иных маркеров, которые позволяли бы видеть в этом тексте запись устного рассказа старца Ионы, нет: наоборот, создается впечатление, что Лукиан Козмин писал «память игумену Лаврентью» исключительно со слов последнего, во всяком случае, повествование ведется от его лица, а не от лица Ионы, который умер раньше, чем была составлена грамота: «Преставился сынъ мой духовной, инокъ схимникъ Иона, постриженникъ мною же грѣшнымъ игуменомъ Лаврентьемъ». Также в списке сообщается интересная деталь, связанная с погребением преподобномученика: оказывается, «христороубцы» из деревни Иванники «тело начальника Андреана похранили во гробе», что представляется маловероятным, учитывая факт случайного обнаружения останков Исидором «съ товарищи» в бочаге речки Ушломы [Двѣ памяти: 229]. Соответственно, текст, записанный священником Лукианом, едва ли можно считать фиксацией устного рассказа, хотя, вероятно, какие-то факты, о которых сообщал Иона, могли туда войти — посредником при передаче этих фактов, разумеется, был игумен Лаврентий.

Поездка игумена Порфирия в Москву с посланием об обнаружении мощей Адриана была успешной: 12 октября 1626 г. патриарх Филарет выдал грамоту, в которой предписывалось мощи преподобномученика «изъ земли выкопать и отвезти в Андреяновъ монастырь», где с пением панихиды захоронить в церкви, «а положить его в старомъ гробѣ, будеть гробъ его не изгниль» [Ibid.: 230].

Вскоре после возвращения в Пошехонье «прииде игумен Порфирий Андреяновы пустыни з братиею и со христианы в новую пустыню к Живоначалней Троице и святому славному пророку Илию на Ухру к ребине», однако игумена Лаврентия там они не застали, «во ину весь отлучися нужды ради». Правда, прежде он указал, откуда начинать подкорм к рябине, — как оказалось, со слов старца Ионы ему было известно, что «признаку древо ребину поставлена в ногах посторонь могилы». Подробность эта, впрочем, не вошла ни в рассказ Ионы в «Слове», ни в записку священника Лукиана Козмина — вероятно, далеко не все известные, полученные игуменом Лаврентием от умирающего старца, сохранились в письменных источниках.

Начав «разгребати» мерзлую землю — события происходили 19 ноября, «в Филиппов пост, на память святого апостола и евангелиста Матфея», — «служебники», раскопав слой древесной трухи, вскоре обнаружили останки, но при этом ни игумен Порфирий, ни присутствовавшие здесь игумен Тропского монастыря Серапион и местный иеромонах Варлаам не опознали в них мощи Адриана Пошехонского, поиск которых продолжился. И лишь прибывший игумен Лаврентий, увидев найденные останки, «начав сетовати», перенес их в «трапезу теплу», велел, однако, продолжать дальнейшие раскопки у рябины, завершившиеся безрезультатно — «не обретохом под древом ничтоже». Отсутствие иных захоронений у рябины автор «Слова» в очередной раз объяснил тем, «что у тое церкви пророка Илии родителем кладища не бывало, ниже каменных призрак на могилах для, де, того та церковь пуста была от давних лет». Такая аргументация была скорее рассчитана на читателя «Слова», чем на участников поисков; последние, обнаружив в земле останки, отнюдь не сразу, да и то благодаря увещаниям игумена Лаврентия, согласились признать их мощами преподобномученика Адриана [Житие: 38–41]. Остается предположить, что игумену Порфирию, да и окрестным жителям, для которых рябина с давних лет была объектом особого почитания, все же было известно о каком-то захоронении в том месте.

Сомнения в подлинности мощей, вернее, в принадлежности их Адриану Пошехонскому, еще более усиливаются, если вспомнить, что обретены они были на месте существовавшей некогда церкви. И хотя про эту церковь источники сообщают крайне мало, все же очевидно, что она никогда не была ни приходской, поскольку находилась в пустынном месте, ни кладбищенской, о чем не единожды сообщает автор «Слова». Не будет преувеличением предположить, что исчезнувшая церковь относилась к некогда существовавшей на берегу Ухры пустыни — что, вероятно, в тех краях было явлением вполне обычным. Во всяком случае, в жалованной грамоте митрополита Макария, освобождавшей строителя Елеазара и братию Троицкой Иониной пустыни от выплат митрополичьим десятинникам, говорится, что «у них в той пустыне в Белозерской десятине была церковь пречистые и живоначальные Троицы да згорела, а та де пустынька стала ново на лесу, а прихода к той их церкви и монастырю нет» [Ивина 1983: 131–132 (№ 120)].

Существование таких пустыней было предметом особой заботы священноначалия — это отразилось в «Стоглаве» (1551 г.), точнее, в 85-й его главе «О затворницѣх и пустынницѣхъ». Среди прочего, речь в ней идет об иноках, которые уходят из общежительных монастырей, и «пустыни по лесомъ съзидають и ц(е)ркви поставляют». Вероятно, по смерти строителей и при отсутствии постоянной братии, основанные в пустынях

церкви запустевают и разрушаются. Дабы искоренить это нестроение, отцы «Стоглава» повелевают епископам воспрещать основание подобных пустыней, а уже существующие «мѣлкии пустыни сносити в одну пустыню... или в монастыри, в старые во общиe, переместити ихъ». Заброшенные церкви также предписывалось переносить в монастыри «или на погосты и устроить, какъ вмѣстимо службѣ быти» [Емченко 2015: 215].

Поэтому и на Ухре некогда могла находиться пустынь, которая, вероятно, по смерти ее основателя перестала существовать. Возможно, в разрушившейся церкви был погребен ее строитель — и это, по всей вероятности, могло сыграть решающую роль в превращении места в особо почитаемое: в глазах крестьян безвестный пришелец-монах («забудущий») посредством совершения определенных обрядов становился покровителем местности и ее обитателей. Не стоит упускать из виду и связь между почитанием захоронений «забудущих родителей» и культом являвшихся посмертно «святых без житий» [Штырков 2001: 132; Панченко 2012: 166].

Со значительными оговорками ту же схему основания отшельниками пустыней можно наблюдать в Житии Иродиона Илоезерского. Иродион, покинув в первой половине XVI в. (точная дата остается неизвестной) место своего пострижения — Корнилиев Комельский монастырь, удаляется в пустынное место, где покупает землю у местного черносошного крестьянина и строит церковь. Вероятно, история этой пустыни завершилась бы по схеме, описанной в «Стоглаве», если бы не вмешательство «мира» — крестьян близлежащих деревень, по-видимому, взявших обязательство платить государево тягло с земли, на которой Иродион устроил храм²⁶, и еще при его жизни превративших ее в приходскую [Лифшиц 2017: 88–89]. Очевидно, вынужденное попечение окрестных поселян так или иначе спасло храм от запустения после смерти ее основателя.

Собственно, свидетельства, приведенные в «Слове на обретение честных мощей преподобномученика Андреана», отнюдь не исключают возможности, что извлеченные 19 ноября 1626 г. останки ему не принадлежали. Главное среди этих свидетельств — предсмертная исповедь

---

²⁶ В связи с этим интересно проследить, как шло возведение и обустройство Ильинского храма, вокруг которого спустя несколько лет образовалась Новая пустынь на Ухре. Инициатор этого дела, дьякон Иоанн Прокопьев с самого начала заручился поддержкой местной помещицы Ирины Чеглоковой, давшей по завершении строительства к церкви пашню. Затем он, уже приняв священнический сан, купил для вновь основанной пустыни «за рекою за Ухрою две пустоши поместных у детей боярских, у Жеревцовых». Однако факт приобретения земель вновь основанной обителью потребовал утверждения владельческих прав в Москве, куда и отправился Иоанн, которому удалось получить «царскую вотчинную грамоту за красною печатью на те две пустоши и на тое пашню» [Житие: 33–34].

схимника Ионы. Изначальное содержание рассказа остается неизвестным, но бесспорно, что последующая письменная его фиксация содержит правку игумена Лаврентия. Поэтому судить о том, что именно рассказал ему Иона, следует с осторожностью. Возможно, он сообщил точное расположение места, где было оставлено белосельцами тело убитого игумена, а возможно, рассказал и о причинах почитания рябины на реке Ухре. Во всяком случае, исповедь Ионы оказалась известна якобы записавшему ее со слов умирающего старца священнику Лукиану Козмину в пересказе самого настоятеля Новой пустыни на Ухре. Поэтому и вопрос о том, передал ли Иона какие-то известия о захоронении Адриана Пошехонского, едва ли можно решить однозначно и окончательно. Свидетельства «Слова» об открытии мощей у рябины показывает, что о захоронении знали, но не отождествляли его с могилой преподобномученика, и, очевидно, признание останков принадлежащими Адриану было результатом усилий игумена Лаврентия. Последний явно был заинтересован в том, чтобы основанная в том числе и его трудами Новая пустынь на Ухре была бы связана с прославлением какой-нибудь «институциональной» святыни, а не только чтимой рябины²⁷. По всей вероятности, Лаврентий являлся автором «Слова», куда внес некоторые характерные черты, например, касающиеся игумена Порфирия, якобы имевшего пристрастие к непомерному винопитию. Пагубная привычка, по-видимому, объясняла тот факт, что последний, будучи лишен прозорливости, оказался не в состоянии опознать в раскопанных останках мощи основателя Пошехонского монастыря. Под силу это оказалось лишь самому игумену Лаврентию, который был главным инициатором обретения мощей Адриана в своей пустыни, по всей вероятности, выдав за них останки безвестного подвижника, захоронение которого издавна было почитаемым местом.

Библиография

Источники

Рукописи

Погод861

РНБ, собрание М. П. Погодина, № 861, сборник-конволют XVI–XVII вв., описание по: [Крушельницкая 2010: 227–237].

Унд273

РГБ, ф. 310 (собрание В. М. Ундольского), № 273, служба Адриану Пошехонскому и его Житие, начало XVIII в., описание по: [Ундольский 1870: 213].

²⁷ Обретение мощей, если судить по тексту «Слова», едва ли привело к мгновенному искоренению почитания рябины: вскоре после возвращения игумена Порфирия из Москвы, местный помещик, Томило Луговской, наказал, чтобы при поиске останков «древа бы отнюд ничем не вредили с великим бжежением» [Житие: 39].

Публикации

Бычкова et al. 2009

Бычкова М. Е., Найденова Л. П., Лангелер А., сост., *Произведения Максима Грека: Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки*. Москва, 2009.

Говорова 2018

Говорова А. Н., Житие преподобномученика Симона Воломского, *Вестник церковной истории*, 4 (12), 2008, 5–60.

Двѣ памяти

Две памяти: а) о убиении и погребении игумена Пошехонской Андреяновой пустыни Адриана, и о исцелениях, полученных на месте его погребения, и б) о перенесении мощей игумена Адриана в Андреанову пустынь, *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею*, 3, С.-Петербург, 1841, 229–230.

Духовная грамота

Духовная грамота великого князя Ивана Васильевича, С. В. Бахрушин, отв. ред., *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва–Ленинград, 1950, 353–364 (№ 89).

Емченко 2015

Емченко Е. Б., подгот. текста, *Стоглав: Текст. Словоуказатель*, Москва, С.-Петербург, 2015.

Житие

Житие Адриана Пошехонского, Кузьмина М. А., *Малоизвестные севернорусские жития XV–XVII вв.*, Москва, 2018, 10–52.

Ивина 1983

Ивина Л. И., сост., *Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Симонова монастыря (1506–1613 гг.)*, Москва, 1983.

ПСРЛ 29

Полное собрание русских летописей, 29: *Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись*, Москва, 1965.

Списокъ

Список с государственной грамоты слово в слово, *Ярославские губернские ведомости (часть неофициальная)*, 17, 1852, 155–156.

Явка

Явка сельского приказчика Второеца Васильева и разных крестьян о наезде на село Хрепелево и о грабеже их Дуниловскими и Горицкими крестьянами, *Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства*, С.-Петербург, 1838, 91–93.

Литература

Агапкина, Топорков 1988

Агапкина Т. А., Топорков А. Л., Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев), Д. С. Лихачев, отв. ред., *Литература Древней Руси. Источниковедение: сборник научных трудов*, Ленинград, 1988, 224–235.

Балов 1901

Балов А. В., Очерки Пошехонья. Вера, *Этнографическое обозрение*, 4 (51), 1901, 83–134.

Бархударов 1975

Бархударов С. Г., ред., *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1: (А–Б), Москва, 1975.

Будовниц 1966

Будовниц И. У., *Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»)*, Москва, 1966.

Грязнов 2019

Грязнов А. Л., *Белозерские акты XIV–XVI вв.: Исследование и перечень*, Вологда, 2019.

Дмитриев 1973

Дмитриев Л. А., *Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв.*, Ленинград, 1973.

——— 1988

Дмитриев Л. А., Житие Адриана Пошехонского, Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, Ленинград, 1988, 239–241.

Зверинский 2015

Зверинский В. В., *Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи (с библиографическим указателем)*, 1–3, С.-Петербург, 2015 [репр. изд.].

Зеленин 1994

Зеленин Д. К., К вопросу о русалках (Кульť покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов), *Idem, Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913*, Москва, 1994, 230–298.

Каштанов et al.

Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н., Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., 3, *Археографический ежегодник за 1966 год*, Москва, 1968, 197–253.

Ключевский 1871

Ключевский В. О., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

Кожевникова 2017

Кожевникова Ю. Н., *Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX вв.*, Петрозаводск, 2017.

Крушельницкая 2010

Крушельницкая Е. В., отв. ред., *Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог*, 4, С.-Петербург, 2010.

Лифшиц 2017

Лифшиц А. Л., *Житие Иродиона Илоезерского: Агиография Белозерского уезда XVI–XVII вв.*, Москва, 2017.

Мороз 2009

Мороз А. Б., *Святые Русского Севера: Народная агиография*, Москва, 2009.

Панченко 1998

Панченко А. А., *Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России*, С.-Петербург, 1998.

——— 2012

Панченко А. А., *Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени*, С.-Петербург, 2012.

Покровский 1897

Покровский И. [М.], *Русские епархии в XVI–XVII вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования*, 1, Казань, 1897.

Полознев, Шалина 2000

Полознев Д. Ф., Шалина И. А., Адриан Пошехонский, *Православная энциклопедия*, 1, Москва, 2000, 320–321.

Строев 1877

Строев П. М., *Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви*, С.-Петербург, 1877.

Ундольский 1870

Ундольский В. М., *Славяно-русские рукописи*, Москва, 1870.

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Штырков 2001

Штырков С. А., «Святые без житий» и забудущие родители: церковная канонизация и народная традиция, О. В. Белова, отв. ред. *Концепт чуда в славянской и еврейской традиции: сборник статей*, Москва, 2001, 130–155.

Юшков 1913

Юшков С. В., *Очерки из истории приходской жизни на севере России в XIV–XVI вв.*, С.-Петербург, 1913.

References

Agapkina T. A., Toporkov A. L., *Materialy po slavianskomu iazychestvu (drevnerusskie svi detel'stva o pochitanii derev'ev)*, D. S. Likhachov, ed., *Literatura Drevnei Rusi. Istochnikovedenie. Sbornik nauchnykh trudov*, Leningrad, 1988, 224–235.

Barkhudarov S. G., ed., *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.*, 1: (A–B), Moscow, 1975.

Budovnits I. U., *Monastyri na Rusi i bor'ba s nimi krest'ian v XIV–XVI vekakh (po «zhitiiam sviatykh»)*, Moscow, 1966.

Dmitriev L. A., *Zhitie Adriana Poshekhonskogo*, D. S. Likhachov, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 239–241.

Dmitriev L. A., *Zhitiinye povesti russkogo severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.*, Leningrad, 1973.

Gryaznov A. L., *Belozersky acts of the XIV–XVI centuries. Research And Inventory*, Vologda, 2019.

Kashtanov S. M., Nazarov V. D., Florya B. N., *Khronologicheskii perechen' immunitetnykh gramot XVI v.*, 3, *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1966 god*, Moscow, 1968, 197–253.

Kozhevnikova Y. N., *Nikolaevskaia Andrusova pustyn'. XVI–XX vv.*, Petrozavodsk, 2017.

Krushelnitskaya E. V., ed., *Rukopisnye knigi so-branii M. P. Pogodina: Katalog*, 4, St. Petersburg, 2010.

Lifshits A. L., *Life of St. Irodion of the lake Ilo (Irodion Iloezersky): Hagiography of Belozersky district, 16th–17th centuries*, Moscow, 2017.

Moroz A. B., *Sviatye Russkogo Severa: Narodnaia agiografiia*, Moscow, 2009.

Panchenko A. A., *Issledovaniia v oblasti narodnogo pravoslaviia. Derevenskie sviatyni Severo-Zapada Rossii*, St. Petersburg, 1998.

Panchenko A. A., *Ivan i Iakov — neobychnye sviatye iz bolotistoi mestnosti: «Krest'ianskaia agiologiia» i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni*, St. Petersburg, 2012.

Poloznev D. F., Shalina I. A., *Adrian Poshekhonskii, Pravoslavnaia entsiklopediia*, 1, Moscow, 2000, 320–321.

Shtyrkov S. A., «Sviatye bez zhitii» i zabudushchie roditeli: tserkovnaia kanonizatsiia i narodnaia traditsiia, O. V. Belova, ed., *Concept of miracle in Slavic and Jewish cultural traditions*, Moscow, 2001, 130–155.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Zelenin D. K., *K voprosu o rusalkakh (Kul't pokoinikov, umerskhikh neestestvennoi smert'iu, u russkikh i u finnov)*, Idem, *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture. 1901–1913*, Moscow, 1994, 230–298.

Александр Александрович Казаков, кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Школы актуальных гуманитарных исследований

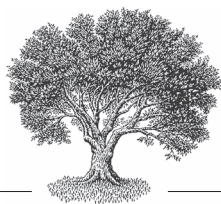
Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

119606, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9

Россия / Russia

astrubal@yandex.ru

Received January 19, 2021

Николай Бюлов — переводчик «Сказания о пропущении вод»?

Nicolaus Bulow: the translator of the “Destillierbuch”?

**Сергей Валентинович
Иванов**

Институт лингвистических
исследований Российской академии наук,
С.-Петербург, Россия

Sergey V. Ivanov

Institute for Linguistic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

**Александр Николаевич
Левичкин**

Институт лингвистических
исследований Российской академии наук,
С.-Петербург, Россия

Alexander N. Levichkin

Institute for Linguistic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Русский перевод немецкого *Destillierbuch*, осуществленный по изданию 1521 г., обладает одной особенностью: в нем присутствуют транслитерации, указывающие на нижненемецкий (или голландский) оригинал. Так как нижненемецкого издания не существовало, а голландское не могло быть источником перевода, можно сделать вывод, что нижненемецкий был родным языком переводчика или редактора перевода. В статье исследуются также другие черты перевода, говорящие об обширных знаниях

Цитирование: Иванов С. В., Левичкин А. Н. Николай Бюлов — переводчик «Сказания о пропущении вод»? // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 146–165.

Citation: Ivanov S., Levichkin A. (2022) Nicolaus Bulow: the translator of the “Destillierbuch”? *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 146–165.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.6

переводчика в области латыни и медицины. Соединение этих черт рисует портрет, более всего похожий на Николая Бюлова, уроженца Любека, а также известного переводчика и врача при московском дворе. Хронологические соображения не являются препятствием для этой гипотезы.

Ключевые слова

Николай Бюлов, Иероним Бруншви́г, *Destillierbuch*, русско-немецкие переводы, травники, история медицины

Abstract

The Russian translation of the German *Destillierbuch* from the edition published in 1521 is notable for the fact that it contains transliterations implying a Low German or Dutch original. However, since there was no Low German edition of the text, and the Dutch one could not be a source for the translation, it can be assumed that Low German was the mother tongue of the translator or editor. The paper also investigates other characteristics of the translation that point to the translator's profound knowledge of Latin and medicine. This combination of features closely resembles Nicolaus Bulow, a native of Lübeck, a famous translator and physician at the Moscow court. The chronology does not contradict this hypothesis.

Keywords

Nicolaus Bulow, Hieronymus Brunschwig, *Destillierbuch*, Russian-German translations, herbals, history of medicine

Исследование источников, касающихся медицинской литературы Древней Руси, остается в настоящее время актуальной задачей. Первые исследования по этой теме появились еще в XIX в. Историки медицины занимались изучением и описанием заболеваний, методами лечения, рассматривали сведения о личностях врачей и посвящали свои работы отдельным книжным памятникам, имеющим отношение к медицине¹. Биографических данных сохранилось крайне мало, и большая часть их касается иностранцев, которых приглашали на Русь в качестве «лекарей».

Среди работ по истории медицины и медицинских текстов можно выделить обширную литературу, посвященную переводным сочинениям. Здесь следует указать *Травник 1534 г.* (или *Травник Любчанина*) — труд, переведенный в 1534 г. по заказу митрополита Даниила иностранным врачом, «любчанином», которого обычно отождествляют с Николаем Бюловым (Булевым)². Другим медицинским переводным сочинением, которое привлекает

¹ В первую очередь следует отметить работы Л. Ф. Змеева [1895], В. М. Флоринского [1880] и Н. А. Богоявленского [1960]. Обзор литературы по данному вопросу представлен в работе А. Н. Медведя [2017].

² См., например, [Морозов 2004, Исаченко 2007, Мускала 2012].

внимание в последнее время, является *Сказание о пропущении вод* (далее — *Сказание*), перевод трактата Иеронима Бруншвига *Kleines Destillierbuch*, повествующего о получении дистиллятов, используемых в медицине.

Сказанию посвящена и настоящая статья, в которой мы рассмотрим вопрос о личности переводчика. Для этого мы остановимся на особенностях русского перевода, но прежде обратимся к рукописной традиции и немецкому оригиналу.

Списки русского перевода

В настоящее время известны шесть списков *Сказания*, судьба еще одного неизвестна. Впервые списки *Сказания* рассмотрел и подробно описал их состав Л. Ф. Змеев [1895: 101–109]; он указал списки: (1) РНБ, Q.VI.29, (2) F.VI.13, (3) Q.VI.7, (4) Q.VI.3, а также список из собр. П. П. Вяземского, F.CV, который в настоящее время отсутствует в собрании рукописей П. П. Вяземского в РНБ. О. С. Сапожникова [2016a] ввела в научный оборот список (5) БАН, 17.4.12, назвав его «лицевым Травником»; данную рукопись исследовательница атрибутирует Сергию Шелонину, известному книжнику, постриженнику Соловецкого монастыря³; К. И. Коваленко [2017] описала список (6) РГБ, собр. Большакова 431. Отмечалось также, что список РНБ, Q.VI.7 написан писцом, работавшим с Сергием Шелониным, — Козьмой Вологжаниным — и имеет пометы Сергия [Коваленко 2017: 422].

Самые ранние списки — РНБ, Q.VI.29 и РГБ, Больш. 431 — датируются по филиграммам концом XVI — началом XVII в. [Коваленко 2017: 418–419]. Некоторые текстологические наблюдения были сделаны О. С. Сапожниковой о списках БАН, 17.4.12 и РНБ, Q.VI.7. Так, например, отмечалось, что список Q.VI.7 (1650-е гг.) лучше вычитан, чем список БАН (1620-е гг.). Список Q.VI.3 датируют серединой или концом XVIII в. [Змеев 1895: 109, Коваленко 2017: 423]. Несмотря на то что полного текстологического исследования списков опубликовано не было, К. И. Коваленко предложила деление списков на две редакции: в первую редакцию входят списки РНБ, Q.VI.29, F.VI.13 и РГБ, Больш. 431, во вторую редакцию — БАН, 17.4.12, РНБ, Q.VI.7, Q.VI.3. Исследователями были отмечены также комментарии переводчика или переписчика [Змеев 1895, Сапожникова 2016a]. На основании одного из них О. С. Сапожникова [2019: 179] предположила, что редакция, представленная в Больш. 431, вторична по отношению к спискам, связываемым с именем Шелонина (БАН, 17.4.12 и РНБ, Q.VI.7), однако эта гипотеза нуждается в тщательной проверке на основе подробного сличения списков.

В этих же рукописях БАН, 17.4.12 и РНБ, Q.VI.7 присутствуют иллюстрации, представляющие различные растения, описываемые в кни-

³ О Сергии Шелонине см.: [Левичкин 1999; Сапожникова 2010].

ге⁴. Отмечается, что некоторые изображения весьма сходны с иллюстрациями из списков *Травника Любчанина* [Сапожникова 2016a: 25]. По важному наблюдению о составе этих двух сборников, за *Сказанием* следует перевод второй части труда О жизни Марсилио Фичино — *О долгой жизни* (6 глав из 20) [Сапожникова 2016b, 2019: 179]. Этот же трактат Фичино входил в состав многих изданий немецкого оригинала.

В. В. Змеев [1895: 113] относит перевод *Сказания* к XVI в., характеризуя его как «грубоватый». Касаясь вопроса о происхождении рукописи РНБ, Q.VI.29, Богоявленский говорит о московском происхождении списка, перевод же, по его мнению, мог быть выполнен в псковско-новгородских землях. При этом невозможно установить, о чем именно в данном случае пишет исследователь — о рукописи или обо всем памятнике. В качестве аргументов в пользу псковско-новгородского происхождения Богоявленский приводит некоторые диалектные черты лексики памятника. Время появления книги (опять неясно, речь идет об указанном списке или о переводе целиком) в Москве Богоявленский [1960: 72–83] осторожно связывает с появлением «аптекарской избы» в 1581–1582 гг. О. С. Сапожникова [2016a: 20, 36] считает, что время перевода — XVI в., не позднее рубежа XVI–XVII вв.

Destillierbuch: издания и оригинал перевода

Впервые на оригинал перевода, книгу Иеронима Бруншвига *Destillierbuch*, указал В. В. Змеев [1895: 108], также отметив издание этой книги, содержащее трактат Фичино. Иероним Бруншви́г (ум. ок. 1512–1513), о библиографии которого известно гораздо больше, чем о биографии⁵, был автором нескольких медицинских книг, которые пользовались большой популярностью в XVI–XVII вв. Кроме рассматриваемого здесь *Kleines Destillierbuch*, это *Das Buch der Chirurgie*, *Grosses Destillierbuch*, и, вероятно, сборник рецептов *Hausapotheke* (*Apotheke für den gemeinen Mann*). О популярности его трудов говорит тот факт, что *Kleines Destillierbuch* с момента своего первого издания в 1500 г. (GW 05595)⁶ переиздавался до 1614 г. еще четырнадцать раз. Кроме того, книга была переведена на английский, нидерландский и чешский языки. Эти издания собраны и инвентаризированы в статье [Benzing 1968]. Ввиду такого количества вариантов особенно остро встает вопрос определения непосредственного источника перевода.

⁴ Об иллюстрациях см. [Сапожникова 2016a, Ипполитова 2018].

⁵ См. краткую справку, например, в [Frederiksen 1978].

⁶ Здесь и далее библиографическая информация дается в виде ссылки на *Gesamtkatalog der Wiegendrucke* (GW) — каталог инкунабул — и *Verzeichnis der im deutschen Sprachbereich erschienenen Drucke des 16. Jahrhunderts* (VD 16) — указатель немецких печатных изданий XVI в.

Н. А. Богоявленский [1960: 72] считал, что оригиналом перевода послужило издание 1537 года (VD16 B 8725), однако аргументов, почему он остановил свой выбор именно на этом издании, автор не приводил. К. И. Коваленко указала, что, если принимать во внимание состав сборников *Сказания*, в качестве источников могли выступить издания 1521 (VD16 B 8721), 1531 (VD16 B 8723) или 1537 г., в которых содержится несколько разделов, представленных в русском переводе [Коваленко 2015: 485]. По мнению Сапожниковой [2019: 177], к русскому переводу ближе всего издание *Kleines Destillierbuch* 1521 г., выпущенное в Страсбурге издателем Иоганном Грюнингером, и это подтверждается следующим далее анализом.

Достаточно вкратце охарактеризовать остальные издания и привести несколько аргументов в пользу того, что перевод был выполнен именно с издания 1521 г. Прежде всего, все версии *Kleines Destillierbuch* начиная с 1551 г. (VD16 B 8702) можно исключить из рассмотрения, поскольку они отличаются значительными выпусками и изменениями по сравнению с более ранними изданиями и русским переводом. Так, раздел материалов для дистилляции в них открывается *полыню*, потому что за титул принято ее латинское название *Artemisia*, тогда как в предыдущих изданиях *полынь* приводится на букву *B* по ее немецкому названию *Buck*.

Для изданий 1500, 1505, 1509 (1508), 1515, 1521 и 1528 гг. мы приводим таблицу, в которой зафиксированы некоторые разночтения, дающие представление о соотношении этих изданий с русским переводом⁷ (см. табл. 1).

Разночтения показывают, что издания 1531 и 1537 г. существенно отличаются от предшествующих изданий и русского перевода: например, *gelsucht* 'желтуха' превращается здесь в *gesicht* 'лицо'. Издания 1505 и 1509 г. также можно не учитывать, поскольку зафиксированные в них формы не могли дать соответствующие транскрипции русского перевода. Издание 1528 г., хотя относительно близко к изданиям 1515 и 1521 г., явно отпадает, так как в нем, например, отсутствует фраза *vff dem wilden apffolter*, переведенная в русском тексте. Остаются издания 1515 и 1521 г., которые очень близки, так что, например, наборщик издания 1521 г. старался во всем соблюдать постраничную верстку издания 1515 г. Однако примеры, когда опечатки издания 1521 г. воспроизведены в русской транслитерации, очевидным образом свидетельствуют о том, что текст переводился именно с этого издания (см. табл. 2).

⁷ Здесь и далее мы приводим русский перевод *Сказания* по списку РНБ, собр. Большакова 431 (= Б). Для удобства приведем здесь ссылки на немецкие издания: 1500 — GW 05595; 1505 — VD16 B 8718; 1509 (1508) — VD16 B 8719; 1515 — VD16 B 8720; 1521 — VD16 B 8721; 1528 — VD16 B 8722; 1531 — VD16 B 8723; 1537 — VD16 B 8725. Все издания содержат верхненемецкий текст.

Таблица 1

Б	1500	1505	1509 (1508)	1515	1521	1528	1531	1537
панісь гаркжль (л. 66)	panis cuculi ⁸ (f. 17v)	panis cuculi (f. 34v)	panis cuculi (f. 34v)	panis erculi (f. 34v)	panis erculi (f. 34v)	panis erculi (f. 18r)	panis cuculi (f. 32r)	panis cuculi (f. 32v)
тогда иктиричю выгѣнить (л. 66)	ist güt vor die gilbe oder gelsucht genannt yctericia (f. 17v)	ist güt vor die gilbe oder gelsucht genant (f. 34v)	ist güt vor die gilbe oder gelsucht genant (f. 34v)	ist güt für die gilb oder gelsucht gnant (f. 34v)	ist güt für die gelsucht gnant (f. 34v)	ist güt für die gelsucht (f. 18v)	ist güt für die gesicht (f. 32v)	ist güt für das gesicht (f. 32v)
ванденъ вилденъ афъленъ боме ⁹ десмистель ватерь (л. 67об.)	Von den wilden affolter mystel ⁹ wasser (f. 17v)	Von den wilden affolter bomen des mystel wasser (f. 34v)	Von den wilden affolter boumen des mystel wasser (f. 34v)	Von den wilden apffel bomen des mistel wasser (f. 34v)	Von den wilden apffel baumen des mistel vasser (f. 34v)	Von den wilden apffel baum des mistel wasser (f. 18v)	Von dem wilden affolter- mistel das wasser (f. 32v)	Von dem wilden affolter mistel das wasser (f. 32v)
на лесны ⁸ цблвка ⁸ (л. 67об.)	vff den wilden apffolter (f. 17r)	vff den wilden apffolter (f. 34v)	vff den wilden affolter (f. 34v)	vff den wilden apffolter (f. 34v)	vff dem wilden apffolter (f. 34v)	нет	нет	нет

Таблица 2

1500	1515	1521	Б
sana munda ¹⁰ (f. 33v)	sana munda (f. 49r)	sanu munda (f. 49r)	санж мѣнда (л. 139)
Edera terrestris ¹¹ (f. 45v)	Hedera terrestris (f. 60r)	Herdera terrestris (f. 60r)	геѣдера тарѣресѣстрійсь (л. 191об.)
cinos batos ¹² (f. 61v)	cinos batos (f. 74v)	linos batos (f. 74v)	линось батось (л. 248об.)

⁸ Oxalis acetosella — кислица обыкновенная.⁹ Viscum album — омела белая.¹⁰ Centaurea benedicta — кникус благословенный, или бенедикт аптечный.¹¹ Glechoma — будра плющевидная.¹² Rubus idaeus — малина обыкновенная.

Таблица 3

нидерл. перевод 1517 г.	англ. перевод 1527 г.	нем. издание 1521 г. (f. 33v)	русский перевод (Б. л. 62об.–63)
MArubium ¹³ of Prassium in latine genaemt, ende in duytsche Andoren oft appelcruyt. Dit cruyt es tweederande van gheslechten / wijflijc ende manlijc	Marubium or passium in latyn. This herbe is of .ii. maners both male and female	Andorn wasser das krut von den krieichischen philoflores genant. Aker [!] von den arabischen genant farasion oder marmoca. In latinscher zungen marubium oder prassium nach etlichen tütschen Andorn darumb so es heilen ist die kranckheit der kinder genant der andorn / aber in niderlenischer sprach / gots verges vnd das krut zweierlei geschlecht ist / menlichs vnd weipleichs	Андрѣиновы травы вода, гречеѣскимъ же ꙗзыкомъ филофлоресѣ. по арапски же фаразѣиъ, ѡли мармока. по латыньски, маржбѣю*, ѡли мармока, ѡли прасѣюмъ. / нѣкѣи же нѣмци, ѡже ѡколо фриазъ ^в живѣтъ. тѣх травъ тако называють андрѣиъ, дѣла того, чѣмъ та трава всѣакѣю немочь ѡтроческѣю ѡзнатри выгнѣти, корѡстѣхъ, хрѣны, свербѣжѣ. оуъ млადы ^х ѡтрочѣтъ, коѣ бывають оуъ персеи, а немочь тѣхъ ѡтрочѣвъ врачи называють андрѣиъ • нижнимъ же ꙗзыкомъ немѣцкимъ называють тѣхъ травъ, годѣсъ верчетенъ \ \ двой плѡды и ^х сѣтъ, едѣиъ мѣжѣскѣи, а дрѣгѣи жѣньскѣи

Тем не менее нельзя исключать возможности того, что переводчик или редактор привлекали для справки издание 1500 г.: как видно из первой таблицы, иногда перевод предлагает формы, фигурирующие только в этом издании, например ѡктиричѣю = uctericia. Можно предположить, что медицинские знания и владение латынью (см. далее) позволяли переводчику восстанавливать латинские названия, не прибегая к изданию 1500 г., однако таких примеров хоть и немного, но они встречаются по всему тексту. Поэтому на данный момент с уверенностью можно говорить о том, что издание 1521 г. было непосредственным источником для перевода, и предполагать, что издание 1500 г. могло привлекаться для последующей правки.

Томас ван дер Нот выпустил в 1517 г. в Брюсселе нидерландский перевод под названием *Die distellacien ende virtuyten der wateren*. Фламандское издание существенно сокращено, и уже поэтому оно не могло служить источником русского перевода. То же относится к английскому переводу Лоренса Эндрю под названием *The vertuose boke of Distyllacyon of the waters of all maner of Herbes*, вышедшему в 1527 г. Здесь, кроме сокращений, характерных для издания ван дер Нота, опущены также

¹³ Marrubium vulgare — шандра обыкновенная.

немецкие названия трав. Нижненемецкого издания, по-видимому, не существовало. Для сравнения в таблице приводится начало первой главы в нидерландском переводе 1517 г., английском издании 1527 г., немецком 1521 г. и в русском переводе (см. табл. 3).

Из этой таблицы с очевидностью вытекает, что русский перевод следует немецкому изданию, сохраняя обширные куски текста, выпущенные во фламандском и английском переводах.

Нижненемецкая интерференция

Как отмечалось в [Сапожникова 2016а: 37–38], в тексте *Сказания* присутствуют элементы, которые невозможно объяснить транслитерацией верхненемецкого оригинала. Самым очевидным и часто повторяющимся примером является передача *wasser* как *ватер*¹⁴. Отсутствие второго передвижения согласных указывает на группу северных германских языков — таких как скандинавские, английский, фризский, нидерландский и нижненемецкий. Однако, как уже было показано, английский и нидерландский переводы не имеют отношения к русской версии, поэтому подобные отклонения от верхненемецкого текста нельзя объяснить их влиянием. Для того чтобы определить язык-источник таких элементов, следует рассмотреть их подробнее. При этом мы специально не учитываем те случаи, когда транслитерация явно искажена, вероятно, в процессе переписывания.

- (1) Б¹⁵ (л. 63об.) нѣжнимъ же ꙗзыкомъ немецкимъ называють тѣ травѣ годѣсъ верчетень;

О (f. 33v) aber in niderlenischer sprach / gots verges.

«Годѣсъ верчетень»¹⁶ соответствует нижненем. *godesvorgeten* 'шандра обыкновенная' [MNW, 2: 129; MNHW, 2: 127].

- (2) Б (л. 82об.) немецкимъ же ꙗзыкомъ тѣ птицѣ называють, ѡтсѣлъ. ѡлѣ, гѣкъстѣръ;

О (f. 37v) von den tütschen atzel oder hetz.

Если первая форма «ѡтсѣлъ» полностью соответствует верхненем. оригиналу, то «гѣкъстѣръ» находит параллель не в *hetz*, а в нижненем. названии сороки *ēgester* с вариантами *egster*, *exter*, *hegester* [MNHW, 1: 518].

¹⁴ Другой пример в той же статье [Сапожникова 2016а], когда транслитерация «крут» считается искажением оригинального «kraut», «kreut», неудачен, поскольку в верхненем. оригинале везде фигурирует именно форма *krut*.

¹⁵ Здесь и далее Б — РНБ, собр. Большакова 431; О — Destillierbuch, Straßburg: Johann Grüninger, 1521 (VD16 B 8721).

¹⁶ В форме «верчетень», вероятно, «ч» появилось в процессе трансмиссии вместо «х» или «г».

- (3) Б (л. 83об.) немецким же ꙗзыкомъ, ѡсенъ тжнгень;
О (f. 38r) in tütscher sprachen Ochsen zung¹⁷.
Здесь оба элемента, «ѡсенъ» и «тжнгень», параллельны нижненем. лексемам *osse* и *tunge* [MNHW, 3: 1195 и MNW, 4: 631].
- (4) Б (л. 126об.) по немецки, бжскъ, ѡли бивіотъ;
О (f. 47r) vnd von den tütschen buck oder beifusz.
«Бивіотъ» соответствует нижненем. *bîvôt, bîbôt* ‘*Artemisia vulgaris* — По-лынь обыкновенная’ [MNHW, 1: 273].
- (5) Б (л. 101об.) кой латынове называють кансаръ. немецкимъ же ꙗзыкомъ деръдеръ креветъ. ꙗ по ржсьски волосатикъ;
О (f. 41v) krebs.
Развернутое пояснение термина *krebs* ‘рак’ содержит форму «креветъ», которая соответствует нижненем. *krebet* [MNW, 2: 567].
- (6) Б (л. 156об.) по немецки, капсъ. ѡли кжмстъ кржтъ. ѡли витсъ кржт;
О (f. 53v) vnd von den tütschen capis / kumpst krut oder weisz krut¹⁸.
«Витсъ» находит соответствие в нижненем. *wit*, а не в верхненем. *weiß*.
Ср. тот же нижненем. элемент *wit* в следующих примерах (7) и (8):
- (7) Б (л. 367об.) Розенъ вате^р вандѣнъ витенъ;
О (f. 107v) Rosen wasser von den weissen rosen.
- (8) Б (л. 169) вѣтсъвортель для бѣлости своѣи тотъ корень тако назвай естъ. понѣже албжсъ по латыньски. ꙗ вѣтсъ по немецки. по ржсьски же толкжѣтса бѣль;
О (f. 56r) weiszwurtz genant / vmb seiner weissen gestalt willen¹⁹.
- (9) Б (л. 278) кнафелокъ;
О (f. 78r) Knoblauch.
Ср. нижненем. *knuflok* ‘чеснок’ [MNW, 2: 505–506].
- (10) Б (л. 295об.) гендеръ слагінге;
О (f. 86v) hinderschlahung.
Русский перевод позволяет реконструировать форму *hinderslaging*, второй элемент которого *slaging* следует рассматривать как нижненемецкий (первый элемент *hinder* в данном случае совпадает в верхне- и нижне-немецком). Интересно, что в тексте он используется для пояснения тер-

¹⁷ Anchusa — воловик.

¹⁸ Brassica — капуста.

¹⁹ Dictamnus albus — ясенец белый.

мина *repercussivum* и в такой форме не дается в словарях. Тогда русский текст можно считать фиксацией ранее не отмеченной нижненем. лексемы.

- (11) Б (л. 329об.) Опфель ватеръ детаъсинъ;

О (f. 97r) *Opffel wasser die zam sein*.

Вторая часть фразы «ватеръ детаъсинъ» идеально соответствует нижненем. *water de tam sin*. Отметим, что перед нами перевод на нижненемецкий целой фразы. Также следует обратить внимание на то, что форма «опфель» дана в транслитерации с верхненемецкого оригинала. Таким образом, мы имеем дело с гибридным образованием, первая часть которого отражает верхне-, а вторая — нижненемецкую норму.

- (12) Б (л. 395) Слѣи ватѣръ де нокъ нихть тедихъ сѣнтъ;

О (f. 115r) *Schlehen²⁰ wasser die noch nit zeitig seind*.

Как и в предыдущем примере, русский текст дает целую фразу, переведенную на нижненемецкий, которую можно восстановить в виде *Slee (slê) water de nok nicht tedig sint*.

- (13) Б (л. 400об.) дах о҃ндѣ нах;

О (f. 116v) *tag vnd nacht*.

Форма «дах» отражает нижненем. *dach* (верхненем. *tag*).

Сюда же нужно добавить часто встречающиеся примеры, когда в названиях глав и дистиллятов употребляются формы «лѡфъ» = *loub* 'листья' и «вортелен» = *wurtzel* 'корень'. Эти слова соответствуют нижненем. *lof* и *wortel*.

Конечно, сложность заключается в том, что в тексте представлены транслитерации отдельных лексем или совсем коротких фраз, и в таком виде — к тому же в русской передаче — затруднительно отличить средненижненемецкие формы от средненидерландских. Учитывая это обстоятельство, особое внимание следует обратить на те случаи, когда нижненемецкий упоминается в русском тексте там, где это совсем не обязательно.

Так, в примере (1) фигурирует «нидерландский» (*niderlenische sprach*), но в русском переводе он заменяется на «нижний немецкий», и эта замена оправдана, поскольку приведенная в переводе форма «годѣсь верчѣтѣнь» является нижненемецкой. Характерно, что нидерландский перевод 1517 г. не упоминает названия *gots verges* или чего-либо похожего, приводя другие соответствия (*in duytsche Andoren oft appelcruyt*).

В следующем примере переводчик добавляет название травы «нижним языком»:

²⁰ *Prunus spinosa* — слива колючая, терновник.

- (14) Б (л. 146об.) подѡбна травѣ. кою травѣ нѣмци именжють гѡрнимъ ѡзы-
ко²¹, милтенъ. ѡ нѣжнимъ ѡзыкомъ немецкимъ, мелденъ;
О (f. 51r) gleich mit stengel vnd bletern dem krut milten²¹.

Рассказывая о липе, которая, по словам оригинала, в изобилии растет «в немецких землях», переводчик присовокупляет «в нижних странах». Это дополнение заставляет предположить, что он был не понаслышке знаком с флорой именно нижненемецкого региона.

- (15) Б (л. 275об.) в немѣцких землях в нѣжних странах, множество тѣх древъ
ѡбрѣтаѣтся;
О (f. 82r) der baum vil wachsen ist in tutschen landen.

Наконец, зафиксированная в примере (5) форма «креветъ» для этого времени может служить отличительным признаком нижненемецкого. В нидерландском существовала аналогичная форма *crevet*, но к XV в. она вытесняется формой *creeft* (ср. MNdW, s.v. *creeft*), тогда как в нижне-немецком *krevet* остается широко употребительным.

Все вышеприведенные примеры и соображения свидетельствуют о том, что аномальные транслитерации в русском переводе представляют собой результат нижненемецкой интерференции. Их сложно объяснить, если не предположить, что нижненемецкий был родным языком переводчика.

Латынь

Переводчика отличает хорошее знание латыни. Мы не учитываем те случаи, когда немецкое издание 1521 г. предлагает явно искаженные или ошибочные чтения против более ранних изданий, поскольку при переводе или при правке перевода гипотетически могли использоваться разные издания (см. выше) — хотя это представляется маловероятным.

Так, переводчик свободно владеет ботанической терминологией и дает латинские названия трав там, где они отсутствуют в оригинале:

- (16) О (f. 35r) Alant wurtzel wasser : Б (л. 76об.) по латы́нски, радисесъѣнжле²²;
О (f. 50v) güldin gungel : Б (л. 144) гжндѣль гжнзель. латы́нскимъ же ѡзы-
комъ, консолидаме́діа²³;
О (f. 65v) brimel : Б (л. 213об.) ѡ по латы́нски ѣж травѣ называють прѣ-
не́ла²⁴;

²¹ Atriplex — лебеда.

²² Inula helenium — девясил высокий; т. е. радисесъѣнжле = radix inulae.

²³ Ajuga reptans — живучка ползучая; ранее также Consolida, т. е. consolida media = консолидаме́діа.

²⁴ Prunella vulgaris — черноголовка обыкновенная.

О (f. 92v) kōrbel krut : Б (л. 313об.) ѧ по латыньски ѣж травѧ совжть сери-
фоліюмъ²⁵.

Еще более показательны те случаи, где он образует правильные грамматические формы или ставит в верный падеж существительные:

(17) О (f. 39v) impetiginis : Б (л. 93) ѡпетіго (Nom. sg. impetigo, Gen. sg. impetiginis);

О (f. 41v) flos peruinice agrestis : Б (л. 101) ѧква флорісь перфінсе ѧгрес-
тисъ (flos — Gen. floris);

О (f. 55v) anttum (leg. anetum) : Б (л. 166) ѡква ѡнети (aqua aneti);

О (f. 60v) sanguis asini : Б (л. 192об.) ѧква санъгвинесъ ѧзинесъ²⁶;

О (f. 66v) flos tanacet agrestum : Б (л. 117об.) флосъ танацети ѧгрести²⁷.

Интересны примеры, когда переводчик латинизирует немецкий текст:

(18) О (f. 43v) in den hunds tagen : Б (л. 110) ѧ латынове то время ѡменжють,
діесъ каникжларесъ (dies caniculares).

В таких случаях встречаются также гибридные образования, где один элемент дается в транслитерации с немецкого, а другой переводится на латынь:

(19) О (f. 45r) bocks bart : Б (л. 116об.) бовісь бартъ²⁸.

Таким образом, можно констатировать, что переводчик был знаком с латынью в объеме, позволяющем оперировать латинскими названиями растений, правильно образовывать грамматические формы и подчас латинизировать немецкий текст.

Медицинские сведения

Со знанием латыни тесно связано свободное употребление переводчиком латинской медицинской терминологии. Многократно добавляются латинские названия болезней, отсутствующие в оригинале:

(20) (л. 68об.) латыньскимъ же ѡзыкомъ та нѣмочь ѡменжѣтса каказісь (т. е. *sacosis*, греч. *κακωσις*);

(л. 76) латыньскимъ же ѡзыкомъ та нѣмочь ѡменжѣтса фебре ѡкжто (т. е. *febris acuta*);

²⁵ *Anthriscus cerefolium* — кервель ажурный, также купырь бутенелистный.

²⁶ *Aqua sanguinis* (Gen.) употреблено правильно, однако в ѧзинесъ окончание образовано, вероятно, по аналогии.

²⁷ *Tanacetum vulgare* — Пижма обыкновенная; *tanacet agrestum* неверно, в Gen. должно быть *tanaceti agrestis*.

²⁸ *Tragopogon pratensis* — козлотородник луговой; бовісь от *bos*, Gen. *bovis* 'бык'.

- (л. 86об.) сирѣчь по латыньски, лепра (т. е. lepra);
 (л. 91) латыньскимъ же ѿзыкомъ, кансер (т. е. cancer);
 (л. 101об.) кой латынове называють кансаръ;
 (л. 154) кою латынове именжють, кансаръ;
 (л. 136) латынове же тж болѣчкж лжпжсь (т. е. lupus);
 (л. 226) кою немочь докторове именжють йдропосіа (т. е. hydropisis);
 (л. 228) кою немочь докторове именжють йдропозіа;
 (л. 114об.) кою немочь докторове именжють йктиричію (т. е. ictericia).

Неоднократно приводится также русское название; иногда встречаются обширные пояснения к тексту оригинала:

- (21) (л. 68об.) каѧ болѣсть бываѣтъ, что тѣло ѿ кости ѿставаѣтъ, ѧ бждеть ѧкѧ бжбенъ, немецкимъ же ѿзыкомъ тоѧ немочь называють вазерсжх.
 (л. 72) понѣже ѿ залеганіа жйлъ печѣнныхъ желтость на члѣкѣ ражаѣтсѧ. понѣже кипѣніе кровавое печѣйныхъ жйлъ не дохѡдитъ. дбеелле по латыньски²⁹. ѧ по ржсьски жѣлчь;
 (л. 129) нѣцїи же по ржсьски тж немочь называють воданѡи ѡтокъ. докторове же называють тж немочь йдропозіа;
 (л. 217) кой лѣкари именжють волѣфъ. ѧ по латыньски лжпжсь. ѧ по ржсьски гнилецъ старѡи;
 (л. 92об.) выгѡнѣтъ сингж, нѣкїи же именжють тоѧ немочь водотчѣивнаѧ, кою немочь нѣмци называють, ватѣръ сжстъ, или скорбжкъ. докторове же тж немочь называють, йдропозіа, или каказісь. ѡбѣ же тѣ немочи ѣдїнымъ ѡбѣчаемъ бывають.

Переводчик(и) Сказания

Отдавая должное осведомленности переводчика в медицине и латыни, Богоявленский [1960: 79–82] тем не менее не видел в нем врача. Указывая на свободное владение русской лексикой в самых разных областях, исследователь приходит к выводу, что такое знание деталей русской жизни не могло быть доступно «иностранцу, тем более иноземцу-врачу, общавшемуся только с правящей древнерусской верхушкой, княжеским двором». Сапожникова [2016а: 37], обращая внимание на указанные аномалии в транслитерации, высказывает предположение, что перевод был сделан русским медиком, который приобрел знание нижненемецкого во время обучения.

Приведенные выше особенности перевода позволяют, как кажется, предложить другое решение. Как следует из предшествующего анализа,

²⁹ Вероятно, искаженное при переписывании лат. bilis.

можно с уверенностью говорить о том, что в переводе *Сказания* принимал участие человек, 1) отличающийся хорошим знанием латыни; 2) имеющий обширные медицинские сведения; 3) для которого, вероятнее всего, родным языком был нижненемецкий. Весьма маловероятно, чтобы интерференция, продемонстрированная примерами (1)–(15), могла возникнуть при переводе текста человеком, для которого нижненемецкий не был родным. Сложно представить себе такую ситуацию, когда русский переводчик, знающий верхненемецкий язык (а очевидно, что другому бы и не поручили перевод такого текста), использовал нижненемецкий в качестве промежуточного языка, переводя на него слова и целые фразы, а затем транслитерируя получившиеся формы. Отметим также, что нижненемецких изданий или переводов труда Бруншвига не засвидетельствовано.

Более того, есть основания полагать, что следует говорить не о переводчике, а о переводчиках, поскольку русский текст демонстрирует рефлексy двух типов транслитераций. Нижненемецкие элементы не проводятся последовательно: наряду с ними в большом количестве присутствуют регулярные формы, отражающие верхненемецкое написание оригинала. Ср. лауб vs. лаф, вѣртселе³⁰ vs вортелен и т. п. Весьма вероятно, что труд осуществлялся двумя или несколькими людьми, функции которых могли различаться. Действительно, перевод — особенно таких объемных и сложных текстов — мог быть коллективной работой. Так, могла быть подготовлена черновая версия, которая затем правилась переводчиком-редактором, или же в ходе работы над текстом мог привлекаться консультант. Естественно предположить, что в такой роли выступал специалист, обладавший перечисленными выше свойствами.

В этой связи мы хотели бы указать на Николая Бюлова (Булева) как на человека, который полностью соответствовал этим критериям. Николай Бюлов (ум. 1548) происходил из Любека, родным его языком был нижненемецкий. Мы не будем останавливаться на сложных и до конца не проясненных моментах его биографии³⁰ и ограничимся бесспорными фактами. Получивший университетское образование в Ростове, Бюлов с 1508 г. состоял врачом при дворе великого князя Василия III. Как человек, закончивший университет, врач по профессии, он должен был знать латынь. В письме его родственников говорится, что, кроме того, он служил переводчиком с греческого, немецкого и латыни [Pabst 1868: 86]. Летописный текст уделяет ему большое внимание при

³⁰ О жизни и деятельности Бюлова существует богатая литература. Здесь укажем на работы [Angermann 1969, Miller 1978, Буланин 1988, Wimmer 2005: 101–110] и с подробной библиографией [Dumschat 2006: 376–382, 580].

описании последних дней Василия III; значительная часть посланий Максима Грека содержит полемику с идеями Бюлова об объединении латинской и православной церквей. Существенную информацию о его биографии сообщают письма его наследников, пытавшихся получить у Московского государства имущество Бюлова после его смерти.

Что касается литературной деятельности Бюлова, то ему бесспорно принадлежит беседа об иконе *Сошествие святого Духа*. Очевидно, он был автором многих не дошедших до нас посланий, на которые реагировал Максим Грек. Атрибуция ряда переводов Бюлову не находит единодушного признания у специалистов, однако с его именем прочно связывают перевод нижненемецкого издания 1492 г. *Gaerde der Suntheit*, который в русской традиции принято называть *Травником Любчанина*, поскольку колофон в одном из списков сообщает, что перевод выполнил в 1534 г. по заказу митрополита Даниила «полоняник литовский, родом немчин любчанин».

Совокупность всех этих характеристик (родной нижненемецкий язык, владение латынью и статус придворного врача) совпадает с портретом переводчика (одного из переводчиков) *Сказания*. Кроме того, литературная деятельность в России не оставляет сомнений в высоком уровне владения Бюловым русским языком³¹.

Поскольку датировка перевода не установлена, двумя ориентирами остаются лишь датировка ранних рукописей с текстом *Сказания* (*terminus ante quem*) и дата издания оригинала (*terminus post quem*), что дает нам весьма широкий промежуток времени между 1521 г. и — самое раннее — концом XVI в. В этот отрезок вполне мог вписаться перевод *Сказания* Бюловым. Бюлов умер в 1548 г.³², таким образом, соображения хронологического порядка не могут служить аргументом против этой гипотезы. К тому же мы знаем, что к 1534 г. Бюлов завершил перевод *Травника* — то есть что он продолжал активную переводческую деятельность в преклонном возрасте.

В этой связи нельзя не отметить ряд лексических сходжений между текстами *Сказания* (Б) и *Травника* (Т):

³¹ О чем свидетельствует и Максим Грек, ср. ПМГ, 1: 204: «Но дивлюся зило, како мудръ сыи, якоже слышу, Николаи и словеснаго художества искусень, на малых тако и удобъ движимых основании свои домъ созидае, не уразумѣ»; ПМГ, 1: 244: «Такова познаваю и льстиваго Николая Нѣмчина, иже споживе лѣта доволна съ благочестивымъ языкомъ рускимъ и всякимъ образомъ потщася прелстити ихъ от православныя вѣры отци преданныя их, иже къ прочимъ своимъ лукавствомъ и Слово съчинилъ быто о съединении русомъ и латыномъ, единѣ быти тѣся показати вѣре обоимъ».

³² В исследованиях, посвященных Максиму Греку, принята дата смерти Бюлова ок. 1533 г., см.: [Синицына 1977: 76 и прим. 59, ПМГ, 1: 39]; однако эта датировка не согласуется с данными, указывающими на 1548 г., которые ныне общеприняты в работах о Бюлове, см.: [Angermann 1969].

Б (л. 98) оукжшеніемъ на ѡзыщѣ брїдоѣтно : Т укусомъ брїдостен [СлРЯ, 1: 334];

Б (л. 163 и далее по тексту) промѣжъ госпѡжина і ѡспожцина дѣи : Т промѣжъ Оспожина дни и Оспожцына³³ [СлРЯ, 13: 133–134];

Б (л. 308) по немѣцки мѡлберенъ [...] ѡ по ржсьски моржшка ѡменѡють тако. ѡ дополна еѣ не зѡяю : Т мулберенъ по немецки, а по руски морушка ягода (РНБ F.VI.9/1, л. 308об.).

В последнем примере крайне интересно, что слово «морушка» обозначает вовсе не морошку, как полагает СлРЯ [9: 267], а тутовник (шелковицу, нем. Maulbeere), и русское название здесь очевидно происходит от лат. *morus* ‘тутовник’. Слова переводчика *Сказания* можно истолковывать двояко: либо он сообщает, что не вполне знаком с этой ягодой, что неудивительно ввиду ареала ее распространения, либо он сомневается, можно ли назвать ее по-русски «морушка» — возможно, из-за совпадения с морошкой. Как бы то ни было, весьма примечательно, что и *Сказание*, и *Травник* используют для обозначения тутовника, явно не очень известного на Руси, одно и то же слово.

Конечно, схождения могут объясняться знакомством переводчика одного текста с переводом другого. Неясно, впрочем, повлиял ли *Травник* на *Сказание* или наоборот. Так как относительная датировка переводов не может считаться установленной, направление влияния могло идти как в одну, так и в другую сторону. Однако в свете вышесказанного эти соответствия можно истолковать как свидетельства в пользу общего переводчика. В любом случае, работа над изучением лексических соответствий между *Травником* и *Сказанием* должна быть продолжена, чтобы внести большую определенность.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что на данный момент гипотеза о том, что Николай Бюлов был переводчиком *Сказания о пропущении вод*, не противоречит имеющимся фактам и позволяет разумно истолковать ряд особенностей перевода, включая нижненемецкую интерференцию, знание латыни и уровень владения медицинской информацией, которого вряд ли можно ожидать от переводчика, далекого от этой специальности.

Сокращенные названия библиотек и архивов

БАН — Библиотека Российской академии наук, С.-Петербург, Россия

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва, Россия

РНБ — Российская национальная библиотека, С.-Петербург, Россия

³³ То есть между Успением и Рождеством Богородицы.

Библиография

Источники

Рукописи

F.VI.9/1

РНБ, ОСПК, F.VI.9/1, Травник, 1670–1680 гг.

F.VI.13

РНБ, ОСПК, F.VI.13, Сказание о пропущении вод, 1660–1690 гг.

Q.VI.3

РНБ, ОСПК, Q.VI.3, Сказание о пропущении вод, середина или конец XVIII в.

Q.VI.7

РНБ, ОСПК, Q.VI.7, Сказание о пропущении вод, 1650 гг.

Q.VI.29

РНБ, ОСПК, Q.VI.29, Сказание о пропущении вод, конец XVI в. — начало XVII в.

БАН, 17.4.12

БАН, 17.4.12, Сказание о пропущении вод, 1620-е гг.

Больш. 431

РГБ, ф. 37, собр. Т. Ф. Большакова, № 431, Сказание о пропущении вод, конец XVI в. — начало XVII в.

Инкунабулы и раннепечатные книги

GW05595

Brunschwig, Hieronymus: Kleines Destillierbuch. Strassburg: Johann Grüninger, 8.V.1500. 2°

VD16 B 8718

Medicinarius Das buch der Gesuntheit || Liber de arte distillandi Simplicia et Composita [...].
Straßburg: Johann Grüninger, 1505.

VD16 B 8719

Liber de arte distulandi Simplicia et Composita.|| Das nüv büch der rechtē kunst || zû distillierē.
Straßburg: Johann Grüninger, 1509/(1508).

VD16 B 8720

Das distilierbüch || Das buoch der rechten kunst zu Distilieren <...>. Straßburg: Johann Grüninger, 1515.

VD16 B 8721

Das distilierbuoch || Das buoch der rechten kunst zu distilieren <...>. Straßburg: Johann Grüninger, 1521.

VD16 B 8722

Das nüwe distilier buoch || der rechtē kunst zû distilieren <...>. Straßburg: Johann Grüninger, 1528.

VD16 B 8723

Das neüwe Distilier buoch || Der rechten kunst <...>. Straßburg: Johann Grüninger, 1531.

VD16 B 8725

DAs New Distilier Büch der rechten kunst / von meister Hieronimo Brunschwig colligiert zû distilieren <...>. Straßburg: Bartholomaeus Grüninger, 1537.

VD16 B 8702

DJstillierbuch || der rechten Kunst/ von Kreu||tern/ Wurtzeln/ Blumen/ Samen <...>.
Frankfurt/Main: Hermann Gülfferich, 1551.

Литература

Богоявленский 1960

Богоявленский Н. А., *Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины*, Москва, 1960.

Буланin 1988

Буланin Д. М., Булев (Бюлов) Николай, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: 2-я половина XIV–XVI в., 1, Ленинград, 1988, 101–103.

Змеев 1895

Змеев Л. Ф., *Русские врачевники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности* (= ОЛДП. Памятники древней письменности, 112), С.-Петербург, 1895.

Ипполитова 2018

Ипполитова А. Б., К истории русской ботанической иллюстрации: «ученые» и «народные» травники XVI–XVIII веков, *ВИВЛИОИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 6, 2018, 13–45.

Исаченко 2007

Исаченко Т. А., Травник Николая Любчанина и его судьба на русской почве, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (29), 2007, 41–43.

Коваленко 2015

Коваленко К. И., «Сказание о пропущении вод»: особенности перевода, списки, редакции, *Рябининские чтения — 2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*, Петрозаводск, 2015, 485–487.

— 2017

Коваленко К. И., «Сказание о пропущении вод» как лексикографический источник, *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 13/2 (= В. Б. Колосова, сост., *Этноботаника 2: растения в языке и культуре*), 2017, 416–472.

Левичкин 1999

Левичкин А. Н., Лексикографические труды Сергея Шелонина, *Русский язык конца XVII — начала XIX в.*, Санкт-Петербург, 1999. С. 43–53.

Медведь 2017

Медведь А. Н., *Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура»*. Взгляд с позиций исторической антропологии, С.-Петербург, 2017.

Морозов 2004

Морозов Б. Н., Травник из Постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения), *Археографический ежегодник за 2002 год*, Москва, 2004, 73–85.

Мускала 2012

Мускала Ю., К текстологии Травника Любчанина (некоторые наблюдения), И. М. Шеина, О. В. Никитин, ред., *И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 года*, Рязань, 2012, 258–267.

ПМГ, 1–2

Преподобный Максим Грек. Сочинения, 1–2, отв. ред. Н. В. Сеницына, Москва, 2008–2014.

Сапожникова 2010

Сапожникова О. С., *Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность*, Москва, С.-Петербург, 2010.

— 2016a

Сапожникова О. С., Лицевой Травник Сергея Шелонина: список с перевода русского врача XVI века, *Вестник «Альянс-Архео»*, 15, 2016, 11–40.

- 2016b
Сапожникова О. С., Неизвестный русский перевод XVI века из медицинско-астрологического трактата «Книга о жизни» итальянского гуманиста Марсилио Фичино, *Петербургская библиотечная школа*, 3 (55), 2016, 12–24.
- 2019
Сапожникова О. С., Европейское издание эпохи Возрождения (*Liber de arte distillandi*): причины избирательности русского перевода, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (78), 2019, 175–193.
- Синицына 1977
Синицына Н. В., *Максим Грек в России*, Москва, 1977.
- СлРЯ, 1–29 –
Словарь русского языка XI–XVII веков, Москва, 1975–2014–.
- Флоринский 1880
Флоринский В. М., *Русские простонародные травники и лечебники*, Казань, 1880.
- Angermann 1969
Angermann N., Neues über Nicolaus Bulow und sein Wirken im Moskauer Rußland, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, NF, 17, 1969, 408–419.
- Benzing 1968
Benzing J., Bibliographie der Schriften Hieronymus Brunschwigs, *Philobiblon: Eine Vierteljahrsschrift für Buch- und Graphiksammler*, 12, 1968, 113–141.
- Dumschat 2006
Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland* (= Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, 67), Stuttgart, 2006.
- Frederiksen 1978
Frederiksen J., Hieronymus Brunschwig, *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon*, 1, 2. Aufl., Berlin, 1978, 1073–1075.
- Miller 1978
Miller D. B., The Lübeckers Bartholomäus Ghotan and Nicolaus Bülow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture, *Viator*, 9, 1978, 395–412.
- MNDW, 1–11
Verwijs E., Verdam J., *Middelnederlandsch Woordenboek*, 1–11, The Hague, 1885–1992.
- MNHW 1956–
Lasch A., Borchling C., Cordes G., Möhn D., *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*, 3 vols, Neumünster, 1956–.
- MNW, 1–6
Schiller K., Lübben A., *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, 1–6, Bremen, 1875–1881.
- Pabst 1868
Pabst E., Nicolaus Bulow, Astronom, Dolmetsch und Leibarzt beim Großfürsten in Rußland, *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands*, 1, 1868, 83–86.
- Wimmer 2005
Wimmer E., *Novgorod — ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)* (= Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa, 13), Hamburg, 2005.

References

- Angermann N., Neues über Nicolaus Bulow und sein Wirken im Moskauer Rußland, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, NF, 17, 1969, 408–419.
- Benzing J., Bibliographie der Schriften Hieronymus Brunschwigs, *Philobiblon: Eine Vierteljahrsschrift für Buch- und Graphiksammler*, 12, 1968, 113–141.
- Bogojavlenskij N. A., *Drevnerusskoe vrachevanie v XI–XVII vv. Istochniki dlja izuchenija istorii russkoj mediciny*, Moscow, 1960.
- Bulanin D. M., Bulev (Bjulov) Nikolaj, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*, 2: 2-ja polovina XIV–XVI v., 1, Leningrad, 1988, 101–103.
- Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland* (= Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, 67), Stuttgart, 2006.
- Frederiksen J., Hieronymus Brunschwig, *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon*, 1, 2. Aufl., Berlin, 1978, 1073–1075.
- Ippolitova A. B., Towards a History of Russian Botanical Illustrations: “Learned” and “Folk” Herbals in the Sixteenth to Eighteenth Centuries, *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 6, 2018, 13–45.
- Isachenko T. A., Travnik Nikolaja Ljubchanina i ego sud'ba na russkoj pochve, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (29), 2007, 41–43.
- Kovalenko K. I., „Das New Distilleir Buch“ as a lexicographical source, *Acta linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 13/2 (= V. B. Kolosova, ed., *Ethnobotany 2: Plants in language and culture*), 2017, 416–472.
- Kovalenko K. I., «Skazanie o propushchenii vod»: osobennosti perevoda, spiski, redakcii, *Rjabininskie chtenija — 2015: Materialy VII konferencii po izucheniju i aktualizacii kul'turnogo nasledija Russkogo Severa*, Petrozavodsk, 2015, 485–487.
- Medved A. N., *Bolezni i bol'nye v Drevnej Rusi: ot «rudometa» do «dohtura». Vzgljad s pozicij istoričeskoj antropologii*, St. Petersburg, 2017.
- Miller D. B., The Lübeckers Bartholomäus Ghotan and Nicolaus Bülow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture, *Viator*, 9, 1978, 395–412.
- Morozov B. N., Travnik iz Postel'noj kazny Ivana Groznogo? Har'kovskaja rukopis' 1534 g. — novyj pamjatnik knizhnoj masterskoj mitropolita Daniila (Pervye itogi izuchenija), *Arheograficheskij ezhegodnik za 2002 god*, Moscow, 2004, 73–85.
- Muskala J., K tekstologii Travnika Ljubchanina (nekotorye nabljudenija), I. M. Sheina, O. V. Nikitin, eds., *I. I. Sreznevskij i russkoe istoričeskoe jazykoznanie: k 200-letiju so dnja rozhdenija I. I. Sreznevskogo: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 26–28 sentjabrja 2012 goda*, Ryazan, 2012, 258–267.
- Sapozhnikova O. S., Litsevoi Travnik Sergiia Shelonina: spisok s perevoda russkogo vracha XVI veka, *Vestnik «Al'ians-Arkheo»*, 15, 2016, 11–40.
- Sapozhnikova O. S., Renaissance European Edition (Liber De Arte Distillandi): Reasons of the Selectivity of the Russian Translation, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (78), 2019, 175–193.
- Sapozhnikova O. S., *Russkii knizhnik XVII veka Sergii Shelonin. Redaktorskaja deiatel'nost'*, Moscow, St. Petersburg, 2010.
- Sapozhnikova O. S., The Unknown Russian Translation of the 16th c. from the Medicoastrological Treatise “De Vita Libri” by the Italian Humanist Marsilio Ficino, *Peterburgskaja biblioteka shkola*, 3 (55), 2016, 12–24.
- Sinitsyna N. V., *Maksim Grek v Rossii*, Moscow, 1977.
- Wimmer E., *Novgorod — ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)* (= Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa, 13), Hamburg, 2005.

Сергей Валентинович Иванов, кандидат филологических наук

аффилированный старший научный сотрудник

Института лингвистических исследований

Российской академии наук

199053, С.-Петербург, Тучков пер., 9

Россия / Russia

serge-ivanov@mail.ru

Александр Николаевич Левичкин, кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Института лингвистических исследований

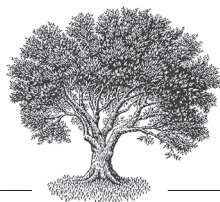
Российской академии наук

199053, С.-Петербург, Тучков пер., 9

Россия / Russia

alevi66@gmail.com

Received April 26, 2021

Об эрудиции (не)православного книжника первой трети XVII века: казус Кассиана Саковича

**Маргарита Анатольевна
Корзо**

Институт философии
Российской академии наук,
Москва, Россия

On the Erudition of a (non)Orthodox Author from the First Third of the 17th Century: The Case of Kasijan Sakovyč

Margarita A. Korzo

RAS Institute of Philosophy,
Moscow, Russia

Резюме

Кассиан Сакович (ок. 1578–1647) может по праву считаться одним из самых образованных представителей восточного монашества Речи Посполитой первой трети XVII в. Обширная эрудиция Саковича проявляется в разножанровых сочинениях его авторства: полемические трактаты против православных и отчасти униатов стали отражением перипетий его судьбы (после 1625 г. Сакович переходит из православия в унию, а в 1640 г. становится католиком); два компилятивных пособия по философии были отчасти связаны с преподаванием и ректорством в Киевской братской школе; рифмованный панегирик гетману Сагайдачному свидетельствует о поэтических талантах Саковича.

Цель статьи — взглянуть на авторские тексты Саковича как на источник для реконструкции круга его чтения и, таким образом, его эрудиции.

Цитирование: Корзо М. А. Об эрудиции (не)православного книжника первой трети XVII века: казус Кассиана Саковича // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1–2. С. 166–191.

Citation: Korzo M. A. (2022) On the Erudition of a (non)Orthodox Author from the First Third of the 17th Century: The Case of Kasijan Sakovyč. *Slověne*, vol. 11, № 1, p.166–191.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.7

Для исследования используются два предисловия Саковича к сочинению «Десидеросус, или стезя к любви Божьей» («Desiderosus, abo ścieszka do miłości Bożej», Краков, 1625) — польскому переводу анонимного испанского трактата начала XVI в., который подготовил и трижды опубликовал в конце XVI в. Каспер Вильковский (ум. после 1589). Атрибутирование встречающихся в посвящении Александру Заславскому и в обращении к «благочестивому читателю» латиноязычных фраз, сентенций, цитат, отсылок к отдельным историческим личностям и сочинениям, а также визуальных образов позволяет высказать предположение о том, какие книги были доступны Саковичу и могли стать источником его обширной эрудиции.

Ключевые слова

Кассиан Сакович, Речь Посполитая XVII в., источники эрудиции (не)православных книжников, «ресурс эрудиции» книг, «Desiderosus» (1625)

Abstract

Kasijan Sakovyč (ca. 1578–1647) can rightfully be attributed to one of the most educated representatives of both Orthodox and Uniate monasticism in Polish-Lithuanian Commonwealth of the first third of the 17th century. Kasijan's diversity in terms of literary genres reflects his wide knowledge. Thus, his polemical treatises against the Orthodox Church and, partly, against the Uniates, echoed the events of his personal biography: after 1625, Sakovyč converted from Orthodox Christianity to the Uniate Church; in 1640, he became a Catholic. Two textbooks (compilations from Pseudo-Aristoteles) were partly related to his teaching activity and rectorship at Kyiv Brotherhood school. A rhymed funeral eulogy for the Hetman of Zaporozhian Cossacks, Petro Sahaidachny, testifies to Kasijan's poetic talents.

The present article aims to investigate Sakovyč's writings as a means to reconstruct his personal "resource" or texts or books that he read and used in his literary activity. Two prefaces by Kasijan (a dedication to the nobleman Aleksander Zasławski and an appeal to the 'pious reader') are used for this case study, both written for "Desiderosus, abo Scieszka do miłości Bożej" (Desiderosus or a Path to God's Love) (Kraków, 1625). The work is a Polish translation of an anonymous Spanish treatise ca. 1515, which was prepared by Kasper Wilkowski (died after 1589) and published three times during the late 16th century. Attributing Latin phrases, maxims, quotations, and references to historical figures and works, visual images, etc., that are used in both prefaces, allows one to suggest what books were known and available to Sakovyč and could have been the source of his erudition.

Keywords

Kasijan Sakovyč, Polish-Lithuanian Commonwealth of the 17th century, sources of (non)Orthodox authors' erudition, "library resources", "Desiderosus" (1625)

Биография Кассиана (в миру Каллиста) Саковича (ок. 1578–1647) стала своего рода отражением религиозно-конфессиональной истории Речи Посполитой первой трети XVII в., для которой были характерны

напряженное полемическое противостояние православных с католиками и униатами, драматичные смены вероисповедания представителей разных конфессий. Выходец из православного священнического рода, Сакович первоначально связал свою судьбу с православным монашеством, приняв ок. 1620 г. постриг предположительно в Киево-Братском монастыре. Впоследствии он совершает две конверсии: после 1625 г. принимает унию, а в 1640 г. переходит в католицизм и проводит последние годы жизни в монастыре августинцев. Оба события получили отражение в сочинениях Саковича, который на протяжении многих лет не устает объяснять мотивы своих конверсий и даже в какой-то степени оправдываться. Сакович принадлежал к числу самых образованных представителей православного, а затем и униатского монашества той эпохи: он получил образование в Замойской и Краковских академиях; перебравшись ок. 1624 г. в Люблин, Сакович, по его собственному свидетельству, прошел курс наук у доминиканцев (вероятно, слушая лекции в *studium formale* ордена) [Пидгайко, Флоря 2021; Хижняк 2001]. Не исключено, что во время поездок в Краков Сакович общался и с иезуитами.

Сочинительская деятельность Саковича стала, в свою очередь, отражением его жизненного пути и поиска своей конфессиональной идентичности. Атрибутируемые ему издания состоят из авторских сочинений, переводов и компиляций, предисловий; за единственным исключением все они написаны на польском языке. Авторские работы — это главным образом полемические трактаты, создававшиеся и в униатский, и в католический периоды жизни, нацеленные на критику приверженности православных старому (юлианскому) календарю («Старый календарь» (1640), «Окуляры старому календарю» (1644), «Диалог, или Разговор Мачека с Дионисием» (1641; 1642)). Крупнейшее полемическое сочинение Саковича «Перспектива, или Объяснение заблуждений» (1642) обнажает «нелепости» в способах совершения православными Речи Посполитой отдельных таинств, в их церковном уставе и обычаях. Полемическим по тональности является и сочинение «Киевский схизматический собор» (1641 (два издания); Краков, 1642), в котором по дням излагаются решения православного Киевского собора 1640 г., сопровождающиеся критическим комментарием Саковича. Помимо полемических трактатов, его перу принадлежит рифмованный панегирик «Вирши на жалосный погреб» (1622), составленный по случаю кончины гетмана Войска Запорожского Петра Сагайдачного (ок. 1577–1622). К панегирику приложены два образца светских речей на траурные церемонии, составление которых традиционно приписывается Саковичу.

Сакович также подготовил расширенное переложение популярного в Европе сочинения Псевдо-Аристотеля «Проблемы, или Вопросы о природе человека» (1620) и компиляцию из трактатов Аристотеля, Фомы Аквинского, сочинений религиозного и медицинского характера «Трактат о душе» (1625). Оба издания тематически связаны и дополняют друг друга. Работу над ними Сакович начинает еще до монашеского пострига и подписывает предисловие к «Проблемам» светским именем Каллист. Открытым остается вопрос, замышлялись ли данные компиляции как учебные пособия в том числе для Киевской братской школы, в которой Сакович преподавал и выполнял обязанности ректора в 1620–1624 гг. В приложении к «Проблемам» опубликованы восемь «материй» светских речей на свадебные торжества и на похороны; они могли бы выполнять роль учебного материала или образцов красноречия для курса риторики¹.

Известен как минимум один реализованный издательский проект Саковича — «Десидеросус, или Стезя к любви Божьей» («Desiderosus, abo ścieżka do miłości Bożej»), который вышел из печати в 1625 г. в Кракове [Desiderosus 1625]. Речь идет о переиздании польского переложения анонимного испанского сочинения, подготовленного известным конвертитом из анабаптизма в католицизм Каспером Вильковским (ум. после 1589) [Idem 1589]². С этой книгой Сакович был знаком уже давно: книжник ссылается на нее в предисловии к «Проблемам» 1620 г. (см.: [Problematata 1620: A4v.]). Он указывает, что в свое время сделал перевод «Десидеросуса» на «славянский язык» (не уточняя, правда, переводил ли он с польского или с латыни), но необходимость сменить место жительства помешала ему опубликовать собственный перевод [Desiderosus 1625: 9v.]³.

Цель настоящей статьи — взглянуть на вышедшие из-под пера Саковича тексты как на источник для реконструкции круга его чтения и, таким образом, его интеллектуального багажа. Поскольку анализ всего писательского наследия в рамках статьи невозможен, я ограничусь только предисловиями Саковича к «Десидеросусу» 1625 г. В статье

¹ Вопреки утвердившемуся мнению (см., например: [Пам'ятки братських шкіл 1988: 434]), «материи» являются не оригинальным сочинением Саковича, но творческой компиляцией из различных речей светского характера, которые циркулировали до 1620 г. в рукописной форме, преимущественно в составе антологий образцов светского красноречия (см.: [Barłowska 2010: 223–234]). Приложенные к «Проблемам» «материи» в 1626 г. были переизданы в виде брошюры.

² До 1625 г. было три издания: 1589, 1594, 1599. Об испанском оригинале и переводе Вильковского см.: [Bover 2007]. Благодарю Розалию Сасор (Rozalya Sasor, Варшава) за предоставление текста исследования Бовера.

³ Сакович называет издание 1625 г. вторым изданием «Десидеросуса» [Desiderosus 1625: 9]. Судя по всему, он не знал, что перевод Вильковского публиковался трижды и был знаком только с одним из изданий, а потому свое считал вторым.

решаются две неравноценные по масштабу задачи. *Первая* — описать используемые стратегии составления предисловий и указать на используемые книжником образцы. *Вторая и основная задача* состоит в реконструкции задействованного в каждом из предисловий «ресурса эрудиции»; она решается путем атрибуции встречающихся в предисловиях латиноязычных фраз, сентенций, цитат, отсылок к отдельным историческим личностям и сочинениям, визуальных образов и аллюзий. В статье сознательно не акцентируется конфессиональная специфика анализируемых предисловий: эти мини-тексты рассматриваются в первую очередь как феномен интеллектуальной истории Речи Посполитой первой трети XVII в.

Предисловия и использованные для их составления образцы «Десидеросус» в переложении Вильковского представляет собой сочинение жанра *peregrinatio* — духовного странствия души к Богу [Cieszyńska 1995: 42–44]: в первой части душа пробуждается от заблуждений, во второй преодолевает гордыню, в третьей учится почитать Бога. Прославившийся переходом из анабаптизма в католицизм, Вильковский не случайно выбирает для перевода данное сочинение: описанную в испанском оригинале духовную метаморфозу Вильковский использует для повествования о своей личной духовной перемене, о своем превращении из еретика в сына Католической церкви [Baczewski 2005: 87–88]. Кто знает, возможно, именно данный посыл (наряду с иными достоинствами книги) привлек внимание Саковича.

«Десидеросус» Вильковского включает три предисловия разного объема. Первое адресовано князю Миколаю Радзивиллу по прозвищу «Сиротка» (1549–1616), при дворе которого Вильковский служил лекарем и занимался переводческой деятельностью. Выражая князю признательность за поддержку католиков в Литве, Вильковский акцентирует вклад Радзивилла в развитие школы и воспитание нового поколения образованных и благочестивых пастырей, что органично вписывается в намеченную Тридентским собором реформу католических учебных заведений. Идея важности и пользы образования и поддержки людей, которые служат во славу Бога своими знаниями и пером, проходит красной линией через все посвящение Радзивиллу [Desiderosus 1589: 2–8v.]. Второе предисловие Вильковский адресует представителям монашеского сословия, для которых в первую очередь и создавался «Десидеросус» [Ibid.: 9–9v.]. Третье лаконичное обращение «К христианскому читателю от того, кто издал эту книгу на латыни» [Ibid.: 10–11v.] Вильковский позаимствовал из латинского издания, которое легло в основу его польского переложения.

В своем переиздании «Десидеросуса» Сакович воспроизводит модель трех предисловий Вильковского: первые два принадлежат перу Саковича, третье буквально повторяет краткое обращение к читателю из латинской версии книги.

Первое предисловие — это посвящение князю Александру Заславскому (1577–1629) и его супруге княгине Ефросинии из рода Острожских (ум. 1628), датированное 12 июля 1625 г., Краков [Desiderosus 1625: 2v.–7v.]. Сакович называет князя своим благодетелем, благодарит за денежные пожертвования и за протекцию, которая позволила ему в Люблине «у отцов доминиканцев послушать небесную науку». Последнее важнее любой материальной помощи, потому что для Саковича учение или «мудрость ценнее золота». Посвящение книг духовного содержания представителям светской знати, по мнению Саковича, вполне соответствует древней традиции: поступает так Иустин Философ, посвящая «Вторую Апологию» римским императорам, которые воплощали не только воинские добродетели, но и любовь к мудрости. Ведь не случайно «варвары свою Палладу, богиню мудрости, но также и мира, рисовали с копьем в одной руке и с книгой — в другой» [Ibid.: 4]. И в гербе Заславского изображение креста соседствует с образом св. Георгия, символизируя гармонию мужества и благочестия. И такими должны быть все знатные роды в Речи Посполитой, утверждает Сакович, поскольку, как заметил «один римский оратор», не долговечен внешний блеск, которому не сопутствуют добродетели и образованность. Семья же князя являет совсем иной пример, и на ее счет нельзя отнести слова некоего «трагика», что приходят в упадок государства, в которых нет места справедливости, набожности и благочестия. пылая любовью к наукам, князь и в своем окружении хочет видеть таких же людей. О том, что данные качества ценны у государственных мужей, учит и история, поскольку за небрежение к ним и римские, и византийские императоры заслужили нелестные прозвища. Сакович выражает уверенность, что князь на досуге «не стыдится разговаривать с книгами» и вместе с королем Альфонсо⁴ осуждает тех представителей знати, которые чуждаются чтения. По примеру Альфонсо Заславский должен собирать вокруг себя увлеченных науками людей, поскольку только они и их муза смогут обеспечить князю достойную память у грядущих поколений — что Сакович подтверждает мнением «одного лирика». Сакович выражает надежду, что Заславский найдет при своем дворе место и для Десидеросуса — «божьего дворянина». И хотя у князя в свите нет недостатка ни в благочестивых, ни в образованных людях, но нет среди них такого человека, с которым можно бы было поговорить о небесных материях.

⁴ Альфонсо V Великодушный (1396–1458).

И это не удивительно, поскольку нравы при дворе отличаются от монастырских: многие горазды только рассуждать о добродетели, не зная, что это такое, или если и хотят быть добродетельными, то без усилий, взывая к Богу словами, а не сердцем. Но не таков «божий дворянин» Десидеросус, с которым князь сможет поговорить наедине о вещах спасительных. И хотя, признается Сакович, у князя в окружении нет недостатка в мудрых проповедниках, но, как заметил король Альфонсо, самый лучший наставник — это тот, который уже скончался, имея в виду книги авторов минувших веков.

Таким образом, в адресованном Заславскому посвящении Сакович рисует идеал представителя знати, у которого блеск происхождения соединен с набожностью и образованностью, который привечает в своем окружении людей начитанных и любителей наук, который деятельно поддерживает стремление других к учению — как князь поддержал в свое время и стремления самого Саковича.

Во втором предисловии («Благочестивому читателю, особенно греческой религии» [Ibid.: 8–12v.]; датировано 16 июля 1625 г., Краков) Сакович рассуждает о присущих каждому человеку обязанностях по отношению к ближним (ссылаясь на Сир 17:12), к которым относятся наставление словом и личным примером. Цитируя Григория Великого, Кассиана в качестве примера взаимного побуждения к добродетели апеллирует к образу крылатых животных у пророка Иезекииля, которые крыльями подгоняют друг друга. Обязанность служить другим распространяется в первую очередь на людей духовного сословия; но поскольку у Саковича в настоящий момент нет возможности наставлять верных «живым голосом», то он отдает в печать «Десидеросус», который способствовал бы не только стяжанию любви Божьей, но и склонял бы к братскому согласию представителей разных конфессий. И далее Сакович рассуждает о препятствиях для этого согласия, относя к ним и низкий образовательный уровень православного духовенства, и неразвитость школ, и отсутствие достаточного количества духовной литературы на языке, понятном не только для священников, но и для простых верующих. Сакович предлагает масштабную программу перевода книг назидательно-духовного содержания на «славянский язык», называя сочинения как греческого происхождения, так и известных в Речи Посполитой католических авторов. Значительная часть предисловия отводится рассуждениям о важности и пользе изучения иностранных языков⁵ и призывам подражать системе образования латинской школы. Тематика второго предисловия, таким образом, во многом

⁵ Подробнее о понимании Саковичем пользы владения иностранными языками и переводческой деятельности см.: [Довбищенко 2020].

схожа с тематикой посвящения Заславскому — с той лишь разницей, что Сакович рассуждает здесь уже не об идеалах (применительно в первую очередь к представителям знати), но о конкретных шагах по воплощению реформы школы и духовного образования как духовенства, так и верующих.

Оба авторских предисловия Саковича свидетельствуют о том, что он подражает Вильковскому, используя предисловия последнего в качестве основного образца. Это заметно в первую очередь в посвящении Александру Заславскому. В качестве адресата выбран представитель княжеского дома: Сакович признается, что копирует Вильковского, который украсил первое издание «Десидеросуса» «княжеским и сенаторским именем» [Desiderosus 1625: 3v.–4]. Повторяет Сакович и главную сюжетную линию — благочестивый и образованный представитель знати, способствующий распространению наук и развитию школы, привечающий при дворе людей ученых и славящих Бога своим пером. В обоих случаях и Вильковский, и Сакович не упоминают о светских заслугах князей, ограничиваясь лишь их интеллектуальными и духовными добродетелями. Отдаленной переключкой с посвящением Радзивиллу можно считать и упоминание Саковичем в конце предисловия жены Заславского — Ефросинии Острожской: как Радзивиллы имеют заслуги в основании и содержании монастырей (о чем Вильковский упоминает в конце посвящения), так и род Острожских выступает фундаментом многих православных обителей.

Второе предисловие Саковича нельзя назвать *буквальным* подражанием Вильковскому, но и здесь заметно сходство отдельных тем и идей. Один из посылов «Десидеросуса» Вильковского состоял в том, что недостаточно самому стать католиком — необходимо активно включиться в обращение других людей [Hanusiewicz-Lavallee 2016: 140–141]. Важной формой борьбы за души могли бы стать переводы на польский язык тех книг, которые способствовали бы духовной формации верующих, в первую очередь — представителей духовенства и монашества. Эта идея подхвачена и развивается Саковичем, который не ограничивается, как Вильковский, общими рассуждениями, но предлагает конкретную программу по переводу религиозно-назидательных сочинений.

Рассматривая анализируемые предисловия в контексте переводческо-компиляторской деятельности Саковича, можно заметить, что, наряду с использованием приема подражания тексту-оригиналу, книжник мог прибегать к приему заимствования (пусть и с разной степенью полноты и дословности) из текста-оригинала. Последняя стратегия заметна в переводе Саковича «Проблем» Псевдо-Аристотеля и в «Трактате о душе». Тексты, которые Сакович предпослал данным изданиям

и подписал собственным именем, носят следы заимствований из вводных статей к краткой редакции латинского Псевдо-Аристотеля с заголовком «*Omnes homines naturaliter scire desiderant*», созданной в XIII–XIV вв. [Blair 1999: 181]; эта редакция в XVI в. зачастую публиковалась вместе с адаптацией «Проблем», выполненной итальянским философом Маркантонио Зимарой (1470–1537). Сакович в предисловии к своему переводу «Проблем» 1620 г. использовал фрагменты «*Omnes homines...*», а в предисловии к «Трактату о душе» дословно повторил часть этих заимствований, дополнив их текстом собственного сочинения, в котором он также подражал посвящению Зимары одному из представителей албанского рода Кастриоти (см.: [Problemata 1569: 2–2v., 86v.–87v.])⁶.

«Ресурс эрудиции» предисловий

«Ресурс эрудиции» анализируемых предисловий очень разный, что объясняется как их адресатом, так и теми задачами, которые ставит перед собой Сакович. Посвящение Заславскому перенасыщено свидетельствами эрудиции Саковича, изобилует латинскими фразами, цитатами из античной литературы и памятников ренессансной мысли, в нем встречается отсылка к визуальному образу; во втором предисловии он обращается к богословской традиции, появляются библейские аллюзии. Несколько иначе выглядит и способ, каким Сакович «подсказывает» читателю используемые в предисловиях источники.

Посвящение князю Заславскому

Иллюстративно-аргументационный материал в этом тексте распадается на несколько разновидностей. Во-первых, это сентенции без атрибуции, похожие по форме на крылатые выражения или пословицы, установить конкретный источник происхождения которых довольно сложно. Свое утверждение, что учение ценнее материальных благ, Сакович подтверждает сентенцией «*Sapientia enim omni est pretiosior auro*»⁷ [Desiderosus 1625: 3]. Фраза о мудрости, которая ценнее золота, могла быть несколько видоизмененной библейской цитатой, например: «*Posside sapientiam quia auro melior*⁸ est» («Приобретение мудрости гораздо лучше золота», Притч 16:16). Восхваление мудрости, ценнее которой нет ничего на свете, встречалось и в антологиях сентенций и изречений той

⁶ Отмечу в качестве примечания, что между большинством составленных Саковичем предисловий можно заметить не только тематическую, но и текстуальную переключку.

⁷ Во всех латинских цитатах сохранена орфография источника; все выделения в цитатах сделаны автором статьи.

⁸ В латинском тексте в ту эпоху использовалась как форма «*melior*», так и «*pretiosior*».

эпохи — со ссылками на очень разные источники, в том числе — на древнегреческого комедиографа Менандра⁹. О том, что сентенция функционировала как устойчивое выражение именно в приведенной Саковичем форме, могут свидетельствовать, среди прочего, библейские комментарии современника Саковича, иезуита Корнелия а Лапиде (1567–1637) (см., например: [Cornelius a Lapide 1663: 1032])¹⁰.

Еще одна сентенция без атрибуции похожа по форме на цитату, да и сам Сакович преподносит ее читателю как изречение одного «римского оратора»: «*perit facile splendor, quem non roborant probitatis praesidia, aut quem non ornant literarum ornamenta*» (легко приходит в упадок внешний блеск, который не подкреплён оплотом порядочности или который не украшен орнаментом словес) [Desiderius 1625: 4–4v.]. Данную фразу в буквальном ее звучании найти не удалось; вне контекста, из которого она была Саковичем извлечена, ее можно понять как минимум двояко. Первое возможное истолкование — речь идет об ораторе, внешний блеск которого быстро угасает/проходит, если он не подкреплён добродетельностью оратора и не украшен орнаментом словес. Но под внешним блеском можно понимать и проявление величия представителя знатного рода, и тогда данная фраза выступает как назидание государственному мужу о том, что его знатность ничто, если она не упрочена добродетельностью и не украшена ученостью. В контексте посвящения Заславскому второе истолкование представляется более логичным: именно такой смысл, судя по всему, Сакович и хотел донести до своего адресата. Рассуждения о добродетельности и образованности как важных украшениях знатного происхождения встречались повсеместно и в античной литературе, и в современных Саковичу политико-назидательных сочинениях, «зеркала» принцев и придворных, трактатах по дипломатии и даже в канонических требованиях к кандидату на епископский сан. А потому сама фраза, хотя и атрибутировалась Саковичем некому «римскому оратору», могла быть лишь эхом его общей начитанности. Выскажу осторожное предположение, что одним из источников вдохновения для Саковича вполне мог стать фрагмент письма от 1443 г. Энеа Сильвио Пикколомини (1405–1464) герцогу Австрийскому Сигизмунду, в котором будущий папа Римский Пий II рассуждает о добродетелях принца: истинного правителя, по его мнению, характеризует не столько внешний «*splendor*», сколько «*decor litterarum*» и «*virtutum fama*» [Pius II 1551: 604]. Фрагмент этого письма встречается во многих

⁹ Например: «*Nulla possessio preciosior est sapientia*» [Stobaeus 1557: 50].

¹⁰ Сакович, судя по всему, любил цитировать пословицы как на латыни, так и на польском (возможно, в собственном переводе), а иногда слагал из них двустишия (см.: [Sakowicz 1644: 6, 1-го счета]).

политико-назидательных сочинениях, например, в современном Саковичу «Театре политическом» («Theatrum politicum») Райнхарда Кёнига (1583–1658) в контексте рассуждения, подобает ли принцу чтение книг, а если да — то из каких именно областей знания (раздел «An principi conveniat literarum cognitio et qualis») [König 1622: 153]. Если Сакович имеет в виду действительно Пия II (что является не более чем предположением), то тогда атрибуцию фразы «римскому оратору» надо понимать не столько буквально (географически), сколько в ином смысле: как высказывание оратора Римской церкви.

В отдельных случаях Сакович атрибутирует те или иные латинские фразы, но косвенным образом, считая, вероятно, что они должны быть узнаваемы и без конкретных имен, поскольку речь идет об авторах, входящих в стандартный круг чтения образованного человека той эпохи. Так, Сакович приводит слова «одного трагика» «Ubi non est cura iuris, sanctitatis, pietatis fidei, instabile regnum est» [Desiderosus 1625: 4v.], имея в виду Сенеку Младшего и реплику Наперсника Атрея из трагедии «Фиест» («Где стыд и честь отсутствуют, святое право, верность, благочестие, престол некрепок» [Сенека 1983: 208]). В другом месте Сакович ссылается на «лирика»: «Dignum laude virum Musa vetat mori» [Desiderosus 1625: 5], цитируя «Оды» Горация («Муза смерти не даст славы достойному» [Гораций 1993: 164]).

Но зачастую Сакович даже косвенно не указывает на авторство сентенций. Два высказывания о царящих при дворе нравах приводятся у Саковича вместе, что позволяет предположить, что они могли быть позаимствованы из одного источника: «Мы все в равной мере должны стремиться к христианскому совершенству, — рассуждает Сакович, — но при дворах господ это не так и просто, как сказал некто: “Rara avis in toto est, vere pius aulicus, orbe”. Откуда пошло и [выражение] “Exeat aula qui vult esse pius”» [Desiderosus 1625: 5v.–6].

Первая фраза («Благочестивый придворный — это во всем мире редкая птица») восходит к анонимной двухстраничной брошюре «Придворный алфавит» («Alphabetum aulicum»), опубликованной, судя по всему, в 1560 г. в эльзасском г. Мюльхаузене. Лаконичные сентенции о пороках придворных и придворной жизни расположены в алфавитном порядке. Можно предположить, что уже первое издание было двуязычным — латино-греческим, поскольку именно в такой форме «Алфавит» воспроизводится впоследствии; в начале XVII в. он даже был положен на ноты. Одним из первых «Алфавит» перепечатал ландскнехт, поэт и переводчик Ганс Вильгельм Кирххоф (1525–1605) в антологии «Отгони печаль» («Wendunmuth») [Kirchhof 1565: 62v.–63]¹¹, благодаря которой

¹¹ Здесь же Кирххоф дает информацию о времени и месте первого издания «Алфавита».

данный текст и получил широкое распространение. Образ «редкая птица» встречается в целом ряде крылатых выражений¹²; не исключено, что по аналогии с ними была построена приведенная в «Алфавите» фраза.

Сентенция «*Eheat aula qui vult esse pius*» — это дословная цитата из восьмой книги «Фарсалии» римского поэта Марка Аннея Лукана: «Кто хочет блюсти благочестье — пусть покинет престол: [добродетель и власть — несовместны]» [Лукан 1993: 185]. Сакович рассуждает, правда, не о правителе, но лишь о придворном. Именно в таком, несколько отличном от первоначального контексте данная сентенция встречается в антологии о придворной жизни и ее отличиях от жизни частной авторства немецкого гуманиста Генриха Петреуса из Хардегзена (1546–1615). Изданная в 1577 г., антология уже через год была значительно расширена самим автором за счет целого ряда переводных текстов и в таком составе перепечатывалась впоследствии (см.: [Kiesel 1979: 107–108]). В версии 1578 г. встречается не только фраза из Лукана (здесь она встроена в пространное предложение, римскому поэту не атрибутируется и вообще в качестве цитаты не выделяется), но и сентенция о благочестивом придворном как о редкой птице [Petreus 1578: 107, 134v.].

К этим двум сентенциям тематически примыкает латинская фраза «*De virtute loqui facile est, virtutibus uti / Hoc Samsonis opus*» («О добродетели рассуждать легко, добродетель практиковать / совершать добродетельные поступки — Самсонов труд»), которую Сакович следом повторяет в форме двустипа на польском языке: «*O sności mówić dzieło ięzykowe / Lecz snotliwie żyć dzieło Samsonowe*» [Desiderosus 1625: 6]. Данное высказывание необходимо Саковичу для обоснования мысли, что большинство придворных готовы рассуждать о добродетелях, но не готовы прилагать усилий, чтобы жить в соответствии с этими добродетелями. Контекст, в который Сакович его помещает, принципиально отличается от контекста, в котором данная фраза была использована впервые: она восходит к трехчастной рифмованной похвале девственности Богородицы «*Parthenice Mariana*» пера итальянского поэта, реформатора ордена кармелитов Баптисты (Баттисты) Мантуанского (1447–1516). В первой части поэмы данная фраза звучит следующим образом: «*De virtute loqui minimum, virtutibus uti / Hoc Sansonis (sic!) opus tamen assuetudine longa*» [Baptista Mantuanus 1528: fv.]. Фраза Мантуанца (всегда в усеченной форме, обрываясь после «opus») воспроизводится в сочинениях очень разных жанров: от пособий по подготовке к исповеди до разнообразных политических тезаурусов (т. н. «*Schatzkammer*»). В версии Саковича заметна незначительная замена («*loqui minimum*» на

¹² Например, у Ювенала сравнение добродетельной супруги с редким черным лебедем («*rara avis in terris nigroque simillima cygno*») [Ювенал 1994: 60].

«*loqui facile est*»), которая несколько меняет смысловые акценты, хотя и не искажает фразу: вместо «говорить [о добродетели надо] *как можно меньше*» — «[это] *легко* говорить [о добродетели]». Это могло быть следствием цитирования по памяти; допустимо также предположить, что именно в такой форме данная фраза приводилась в источнике Саковича. Возможно, это было гомилетическое пособие «Нравственная сокровищница на Евангелия» («*Promptuarium morale super Evangelia*») бельгийского духовного писателя и энциклопедиста Лаврентия Бейерлинка (1578–1627): в контексте толкования Евангелия на праздник Благовещения фраза Мантуанца не только содержит «*loqui facile est*», но и сопровождается вынесенной на поле темой «*Loqui de virtute facile*» [Beyerlinck 1613: 123]¹³.

Иллюстративно-аргументационный материал о постижении книжной мудрости как о достойном для представителей знати занятии Сакович черпает из изречений Альфонсо V Великодушного (1396–1458). Сборник афористических изречений и шуток Альфонсо и историй о нем был составлен итальянским гуманистом Антонио Беккаделли по прозвищу Панормита (1394–1471), который с 1434 г. состоял у короля на службе. «О словах и делах короля Альфонсо» («*De dictis et factis regis Alphonsi*») датируется 1455 г.; с 1539 г. сборник часто издается с комментариями и подборкой изречений других государственных деятелей авторства Пия II.

Сакович трижды ссылается на Альфонсо, и все три раза использует отличающиеся способы цитирования. В первом случае Сакович излагает ситуацию (своего рода *exemplum*) на польском языке, приводя на латыни только прямую речь Альфонсо: «услышав как-то о некоем испанском короле, который якобы сказал, что великим мужам учение книжное не пристойт, [Альфонсо] сразу же вскочил и воскликнул: “*Bovis non hominis illa vox*” (это голос/речь быка, не человека)». После латинской сентенции Сакович дает ее польский перевод («*Woł tak ma mówić, a nie człek*») [Desiderosus 1625: 5]. И следом Сакович снова ссылается на высказывание Альфонсо, которое король сделал якобы в контексте описанной выше ситуации; но на этот раз прямая речь Альфонсо приводится полностью на польском языке: «весь Ветхий и Новый Завет я прочитал четырнадцать раз, и готов скорее утратить все сокровища, нежели [лишиться] одной книги» [Ibid.: 5]. Третье высказывание Альфонсо Сакович передает своими словам: «Альфонсо... самым лучшим

¹³ Впоследствии двустиишие Мантуанца могло «терять» упоминание о Самсоне и первая строка («*De virtute loqui minimum, virtutibus uti*») совмещалась со строкой из «Энеиды» Вергилия «*hoc opus, hic labor est*» («Вот что труднее всего!» [Вергилий 1994: 222]).

советом называл мертвый [совет]... то есть книги, которые он читал с удовольствием» [Ibid.: 6v.].

Изречения Альфонсо пользовались огромной популярностью в раннее Новое время, тиражировались во флорилегиях и сборниках сентенций, пособиях по красноречию и философских трактатах. Не исключено, что Сакович держал в руках «О словах и делах» или располагал выписками из сборника: в Речи Посполитой он был достаточно известен и широко цитировался в сочинениях очень разных жанров [Grabski 1969], хотя на польский язык до 1625 г. полностью не переводился. Но возможно, что источником могли стать сочинения нидерландского гуманиста Юста Липсия (1547–1606) «Шесть книг политики или гражданского учения» («*Politicorum sive civilis doctrinae libri sex*») и «Наставления и примеры политические» («*Monita et exempla politica*»), которые в ту эпоху выполняли в том числе роль своеобразных цитатников¹⁴ и в которых встречаются все три использованные Саковичем фрагмента [Lipsius 1606: 64; Idem 1599: 34]. В пользу данной гипотезы могут свидетельствовать следующие детали. Так, в «О словах и делах» устами Альфонсо говорится, что он прочел четырнадцать раз Библию [De dictis et factis 1591: 51], а у Липсия (как и у Саковича) речь о *Ветхом и Новом Заветах* [Lipsius 1606: 64]. В версии Беккаделли «*vox bovis*» противопоставляется «*vox regis*» [De dictis et factis 1591: 23], а у Липсия (как, впрочем, и во многочисленных флорилегиях той эпохи) — «*vox hominis*» [Lipsius 1606: 64]. У Саковича первая и вторая ссылки на Альфонсо представлены как единая ситуация: Альфонсо осуждает некоего испанского короля за нелюбовь к книгам и в укор ему говорит о своем чтении Св. Писания. Именно так эти фрагменты соединены и у Липсия в «Наставлениях и примерах», в то время как в версии Беккаделли — это два самостоятельных *exempla*, они приводятся в разных книгах сборника (соответственно, в первой главе первой книги пример № 6 и в первой главе второй книги пример № 17). В «Политике» Липсия встречаются и другие процитированные в посвящении Заславскому латинские фразы, например, из «Фиеста» Сенеки [Idem 1599: 45]. В современные Саковичу польские переводы «Политики» (Краков, 1595; 1608) не вошли многие из приведенных нидерландцем *exempla*, в том числе и анализируемые высказывания Альфонсо. А потому, если Сакович действительно использовал Липсия, то это должны были быть именно латинские издания.

Помимо сентенций и развернутых цитат в предисловии Кассиана встречается несколько латинских словосочетаний, которые служат

¹⁴ Липсий сам называл «Политики» *loci communes* (см.: [Moss 1998]).

скорее свидетельством начитанности книжника¹⁵ и иллюстрируют определенный тип школьной эрудиции, нежели отсылают Заславского и потенциального читателя к конкретным текстам или контекстам. Исключением можно считать словосочетание «portenta imperii» (дословно «монстры, выродки империи»), которым Сакович характеризует римского императора Лициния (ок. 260–325) и византийского императора Михаила II Травла (Бальба; ок. 770–829): оба «были названы так историками», поскольку не выказывали интереса к учению и наукам [Desiderosus 1625: 5]. Каких конкретно «историков» Сакович в данном случае имеет в виду, сказать сложно; но в современной ему литературе действительно встречается такая характеристика применительно к обоим правителям¹⁶. Само же латинское словосочетание могло вызвать у образованного читателя и другие ассоциации: оскорбительным «*teī publicae portenta*» (выродки республики) Цицерон обозвал своих врагов — консулов Авла Габиния и Луция Кальпурния Писона — во время выступления в Римском сенате в 56 г. до н.э. («...заклеймить Габиния и Писона, этих двух извергов, можно сказать, могильщиков государства» [Цицерон 1962: 205]).

В посвящении Заславскому Сакович обращается и к визуальному образу, напоминая читателю, как древние изображали Палладу: «...варвары свою Палладу, богиню мудрости, но также и мира, рисовали с копьем в одной руке и с книгой — в другой» [Desiderosus 1625: 4]. Сложно сказать, видел ли Сакович своими глазами подобную картинку или вычитал ее описание (упоминание о ней) в каком-то тексте¹⁷, но подобные изображения существовали: в сборнике эмблем французского гуманиста Пьера Кусто (1500–1599) на гравюре «*In statuam Palladis*» с девизом «Лучше всего, когда или короли философствуют, или философы правят» Паллада (Тритония) предстает с копьем и книгой [Coustaou 1555: 132; *Emblemata* 2013: 1736]¹⁸. Эмблематическая традиция XVII в. также иногда использует книгу в качестве одного из атрибутов Паллады и символа мудрости, отсылая к фундаментальным трудам по мифологии Джильо Грегорио Джиральди (1479–1552) «*De deis gentium libri sive Syntagmata* 17.» и Натале Конти (1520–1582) «*Mythologiae, sive explicatio-*

¹⁵ О функциях «вплетания» латинских фрагментов в вернакулярные тексты в Речи Посполитой см.: [Aхерова 2004].

¹⁶ См.: «*Licinius, et Michael Balbus, qui vel calcarunt litteras, vel vetuerunt, et Imperatorum portenta audiunt*» [Scribani 1624: 524]. Стоит отметить, что характеристика «portenta» довольно часто использовалась и в ином, нежели у Саковича, контексте: по отношению к иконоборцам древности (см.: [Molanus 1570: 169]).

¹⁷ Передача словами визуальных изображений встречалась лишь в единичных православных сочинениях первой половины XVII в. Об одном из таких случаев см.: [Корзо 2021a].

¹⁸ Благодарю А. Е. Махова (Москва) за помощь в идентификации данного изображения.

num fabularum» (см.: [Solórzano 1653: 186]). Возможно, и Саковичу были известны эти компендиумы.

Предположения о возможном круге чтения Саковича можно сделать не только на основе встречающихся в предисловии сентенций, цитат, фраз или визуальных образов, но и на основе упоминания конкретных исторических событий. Объясняя свое желание посвятить «Десидеросус» именно государственному мужу, Сакович проводит аналогию с поступком Иустина Мученика (ок. 100 — ок. 165), который адресовал свой труд в защиту христианской Церкви «Апология» Марку Аврелию Антонину (121–180) и Луцию Коммоду Веру (130–169), в 161–169 гг. бывшим соправителями на римском престоле [Desiderosus 1625: 4]. Упоминание данного события может быть свидетельством знакомства Саковича, например, с «Церковной историей» Евсевия Кесарийского (ок. 264 — ок. 340), в которой есть эпизод о том, как Иустин вручил свой труд императорам, чтобы остановить гонения на христиан в Малой Азии [Евсевий Кесарийский 2013: 191].

Предисловие к «Благочестивому читателю, особенно греческой религии»

Иначе на источники своей эрудиции Сакович указывает во втором предисловии к «Десидеросусу». Здесь встречается значительно меньше латинских фраз — среди них единственная библейская цитата (Сир 17:12) [Desiderosus 1625: 8]. Примечательно, что в посвящении Заславскому Сакович также лишь однажды напрямую обращается к библейскому тексту, но не атрибутирует его как библейский [Ibid.: 6]. Единственная латинская сентенция во втором предисловии — это фрагмент из «Югуртинской войны» римского историка Саллюстия: «Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilubuntur (sic!)» [Ibid.: 12] («Согласием малые государства укрепляются, от разногласий величайшие распадаются» [Саллюстий 1981: 44]¹⁹). Сакович приводит его в своих заключительных рассуждениях как призыв к церковному единству, называя в данном случае автора высказывания по имени — не рассчитывая, вероятно, на то, что каждый из «благочестивых читателей» знаком с данной сентенцией.

Один раз обращается книжник и к богословскому авторитету — при истолковании образа крылатых животных из книги пророка Иезекииля. Сакович, судя по всему, совмещает в одной фразе отсылки сразу к двум сочинениям Григория Великого; при этом фрагмент первого он передает своими словами, второго — цитирует практически дословно: «...голос крыльев, взаимно подгоняющих друг друга в полете, означает,

¹⁹ В современном русском переводе лат. «res parvae» переводится как «государство».

по Григорию, не что иное, как взаимное побуждение к добру; и добавляет тот же Доктор: “крылом меня почти подталкивает тот, который меня примером или наставлением к добру побуждает”» [Desiderosus 1625: 8]. Первая часть предложения отсылает к беседам Григория на пророка Иезекииля (на фрагмент «[слышал] шум крыльев животных, соприкасающихся одно к другому», (Иез 3:13) [Gregorius Magnus 1857a: 898; Григорий Двоеслов 1863: 284]; во второй части предложения Сакович дословно цитирует 8-ю главу 24-й книги «Толкования на книгу Иова», где объясняется фрагмент (Иов 33:27): «*Ala enim sua me percutit, qui exemplo sanctitatis propriae me ad melius accendit*» [Gregorius Magnus 1857b: 297].

Рассуждая о необходимости переводить религиозную литературу на понятный верующим язык, Сакович приводит в пример государственных мужей прошлого, которые радели о переложении священных текстов. Среди них — египетский царь Птолемей II Филадельф, который профинансировал перевод библейских текстов на греческий язык [Desiderosus 1625: 10v.]. Самое раннее упоминание об этом факте восходит к «Посланию Аристия к Филократу», которое повторили впоследствии Филон Александрийский и Иосиф Флавий [Фокин 2019: 77–80]. Источником для Саковича вполне мог быть и Юст Липсий, который упоминает об этом факте в трактате «О библиотеках» («*De bibliothecis Syntagma*») [Lipsius 1602: 11], излагая в хронологическом порядке сведения о библиотеках древности. Нидерландский гуманист адресует свой трактат вельможе Карлу III де Круа (1560–1612) — покровителю людей образованных и ученых, рассматривая свое сочинение как руководство для организации публичных библиотек, могущих стать источником возрождения наук и словесности.

Называет Сакович и конкретных авторов и книги, с которыми, по его мнению, должны познакомиться православные верующие (а может, и униаты?) и которые хорошо бы перевести на «славянский язык» с латыни или хотя бы с польского. Перечень распадается на две части. Первая включает таких традиционных столпов восточно-христианской духовности, как Ефрем Сирин, Макарий Египетский, Исаак Сирин, Иоанн Лествичник [Desiderosus 1625: 9], Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Дамаскин, Кирилл Иерусалимский, Епифаний Кипрский [Ibid.: 10v.]. Как важный пример плодотворной переводческой деятельности называет Сакович издание бесед Иоанна Златоуста на послания апостола Павла (Киев, 1623) [Ibid.].

Вторая часть приведенного Саковичем перечня включает сочинения западного происхождения:

Название сочинения в версии Саковича [Desiderosus 1625: 8v.]	Авторство и предположительное авторство	Оригинальное название сочинения
«Przewodnik do nieba» (Путеводитель на небо)	(?) Луис де Гранада (Luis de Granada (de Sarría), 1504–1588), доминиканец	(?) «Guía de pecadores» (1566); пол. «Przewodnik grzesznych ludzi» (1567), пер. иезуита Станислава Варшевицкого (Stanisław Warszewicki, ок. 1530–1591)
«O Naśladowaniu Pana Chrystusowym» (О подражании Господу Христу)	Фома Кемпийский (Thomas Hemerken, ок. 1379–1471), августинiec	«De imitatione Christi»; пол. «O Naśladowaniu Pana Chrysta» (1571), пер. иезуита Якуба Вуека (Jakub Wujek, 1541–1597)
«Ray duszny» (Рай душевный)	Бернат из Люблина (Bernat z Lublina, ок. 1465–1529)	Польская переработка молитвенников «Hortulus animae» и/или «Antidotarius animae»
«Pinellus o “Doskonałości zakonnej”» (Пинеллиус «О монашеском совершенстве»)	Лука Пинелли (Luca Pinelli, 1542–1607), иезуит	«De perfectione religiosa» (1602); пол. «O doskonałości zakonnej» (1607), пер. иезуита Шимона Высоцкого (Szymon Wysocki, 1542–1622)
«Sposob dobrego umierania» (Способ доброго умирания)	Роберто Беллармино (Roberto Bellarmino, 1542–1621), иезуит	«De arte bene moriendi» (1620); пол. «Nauka dobrego i szczęśliwego umierania» (1621), пер. Анджея Лукомского (Andrzej Łukomski, ум. 1637). Сакович ссылается скорее на лат. издание
«O wstąpieniu myśli do Boga» (О восхождении мысли к Богу)	Беллармино	«De ascensione mentis in Deum» (1615); пол. «Piętnaście stopni, po których człowiek <...> przychodzi do wielkiej znajomości [Boga]» (1616), пер. Каспра Савицкого (Kasper Sawicki, ок. 1552–1620). Сакович ссылается на лат. издание
«Piętnaście stopni do nieba» (Пятнадцать ступеней до неба)	Беллармино	Это сочинение Сакович назвал выше; таким образом, ему были доступны и лат. оригинал, и пол. перевод.

Название сочинения в версии Саковича [Desiderius 1625: 8v.]	Авторство и предположительное авторство	Оригинальное название сочинения
«O siedmi słowach Chrystusowych» (О семи словах Христовых)	Беллармино	«De septem verbis a Christo in cruce prolatis» (1618); пол. «Kazanie <...> O siedmi słowach, które Zbawiciel nasz wyrzekł <...>» (1622), пер. иезуита Петра Фабриция (Piotr Fabrycy, 1552–1622). Сакович ссылается скорее на лат. издание.
«O płaczu Gołębic» (О плаче голубицы)	Беллармино	«De gemitu columbae» (1617); пол. «Wzdychanie gołębice» (1621), пер. иезуита П. Фабриция. Сакович ссылается скорее на лат. издание.
«O dobrze milczenia» (О благе молчания)	(?) Леонард Рубен (Leonhard Ruben, 1550–1609); иезуит, позднее бенедиктинец	«Lingua aurea Christianorum, qua docetur rectus modus tam tacendi, quam loquendi» (1606); известно и как «De bono taciturnitatis» — Сакович мог знать под этим названием.
«O czterech końcach ostatnych» (О четырех последних концах)	Франц Костер (Frans de Costere, 1531–1619), иезуит	«De quattuor novissimis vitae humanae» (1603); пол. «O czterech końcach ostatnich» (1606), пер. иезуита Петра Скарги (Piotr Skarga, 1536–1612).
«Rozmyślania codzienne» (Ежедневные размышления / медитации)	?	Не удалось установить, что именно Сакович имеет в виду; в названном сочинении Л. Пинелли есть похожее по названию приложение «Meditationes in septem dies Hebdomadae»; аналогичные разделы встречались и в молитвенниках. Можно предположить, что Сакович имеет в виду сочинение Псевдо-Августина «Meditationes», пол. «Rozmyślania» (1617), пер. иезуита Яна Аланда (Jan Alandus, ум. 1641).

Обращает на себя внимание, что Сакович только в одном случае назвал автора; но это не обязательно свидетельствует о том, что имен всех иных авторов он не знал. Не исключено, что именно Лука Пинелли был хуже всего знаком той аудитории, к которой Сакович обращается во втором предисловии. Названия некоторых книг приводятся в искаженной форме; Сакович мог воспроизводить их по памяти, не имея этих изданий под рукой. Лишь одно из сочинений западного происхождения, важных для духовной формации, как утверждает Сакович, уже было переведено на «славянский язык»: «Отец Виталий с латинского [языка] из Стелла Дидаки [ex Stella Didaci] слово в слово на славянский наш язык перевел и на свет издал» [Desiderosus 1625: 8v.]. Имеется в виду книга «Диоптра, альбо Зерцало» (Евье, 1612), которую игумен Виталий из Дубны подготовил на основе латинской версии сочинения «Книга о презрении к миру» («Libro de la vanidad del mundo») (1562) испанского францисканца-обсерванта Диего де Эстелла (1524–1578). Примечательно, что Сакович правильно идентифицирует латинского автора, сочинение которого легло в основу перевода Виталия, поскольку сама «Диоптра» не содержит информации о названии и авторстве оригинала (см.: [Корзо 2021б]).

Вне приведенного выше перечня Сакович называет еще несколько книг, заслуживающих внимания: недавно опубликованный труд доминиканца Фабиана Бирковского (1566–1636)²⁰, сочинения иезуитов Скарги («Жития святых») и Вуека (перевод Библии, Постыллы) [Desiderosus 1625: 10], их баварского собрата Иеремии Дрекслея (1581–1638). Кассиан анонсирует в предисловии, что вскоре собирается издать перевод баварца на польский язык [Ibid.: 12v.], имея в виду, судя по всему, книгу «Размышления о вечности» («De aeternitate considerationes», 1620). Но ни в ее польской версии «Obraz wieczności abo uważania o wieczności» (1626), ни в иных изданиях сочинений Дрекслея в Речи Посполитой первой половины XVII в. Сакович в качестве переводчика или автора предисловия не фигурирует. Особняком стоит упоминание о недавней публикации «весьма необходимой книги о семи таинствах, которая многим открыла глаза» [Ibid.: 10]. Имеется в виду подготовленное униатами компилятивное сочинение «Наука о семи тайнах церковных» в составе виленского Требника 1617/1618 г. Судя по описанию Саковича, он явно был знаком с ее содержанием.

Перечисленные Саковичем позиции нельзя назвать непосредственными источниками анализируемого предисловия, но они могут многое

²⁰ Речь, вероятно, о сборнике воскресных и годовых проповедей Бирковского: «Kazania na niedziele y święta doroczne» (1620; 1623), латинская версия «Orationes Ecclesiasticae» (1622). Проповеди были опубликованы в краковской типографии Анджея Петрковчика (младшего), в которой в 1625 г. печатался «Десидеросус», а потому Кассиан вполне мог держать их в руках.

сказать о круге его чтения. Подборка рекомендуемых для ознакомления и, возможно, для перевода западных книг интересна тем, что не только среди авторов, но и среди переводчиков преобладают иезуиты (последнее обстоятельство акцентирует и сам Сакович); на втором месте стоят доминиканцы. Это может свидетельствовать как об основном круге общения Саковича (в своих контактах с доминиканцами в Люблине он признавался сам), так и о том, что книжная продукция именно этих орденов получила широкое хождение в православной среде.

* * *

Проделанный анализ предисловий Саковича к «Десидеросусу» можно считать лишь пролегоменами к реконструкции источников его, без сомнения, очень обширной эрудиции. Выбранные для исследования мини-тексты интересны тем, что их «ресурс эрудиции» необычайно многообразен в жанровом отношении и зачастую отличается от того, что с некоторой долей упрощения можно назвать *ожидаемым кругом чтения* православного (униатского) духовного лица — того круга чтения, который дает о себе знать в полемических трактатах Саковича.

Иллюстративно-аргументационный материал обоих предисловий очень разный, и это различие объясняется в первую очередь адресатом текстов: если с Заславским Сакович говорит языком античных и ренессансных авторов, выдающихся государственных мужей прошлого, то по отношению к пусть и «благочестивому», но пока еще не очень образованному читателю книжник считает такой язык неприемлемым (или, по крайней мере, пока еще неприемлемым). При том для самого Саковича оба языка вполне органичны, он чувствует себя свободно, рассуждая и о добродетелях придворных, и о нравственно-благочестивом чтении православного (а также униатского?) монашества и духовенства.

Реконструкция иллюстративно-аргументационного материала предисловий таит в себе больше вопросов, чем ответов. Если и можно указать на конкретный источник той или иной сентенции, цитаты, фразы или примера, то далеко не всегда можно высказать хотя бы предположение о том, какими текстами-посредниками (кроме названных *expressis verbis*) пользовался Сакович в том случае, когда он не использовал оригинал. Задачу усложняет и тот факт, что, мигрируя из текста в текст, отдельные фразы могли совершенно утрачивать связь с первоначальным контекстом, оказываясь совершенно в ином контекстуальном окружении. А потому в каждом случае мною была предпринята попытка очертить лишь приблизительный круг текстов или хотя бы жанров сочинений, в которых встречались приведенные Саковичем латинские фразы. Отдельные использованные Саковичем и не поддающиеся

идентификации цитаты (и цитаты ли?) могут быть всего лишь отзвуком его общей начитанности. Незнание *конкретных* текстов-посредников не позволяет ответить, например, на вопрос о том, как Сакович читал свои источники? Использовал ли он метод избирательного чтения, «выдергивая» из источника приглянувшуюся / подходящую по тематике фразу — или старался также передать тот контекст, в который данная фраза была встроена (например, чтобы и Заславский смог узнать данный контекст)? В какой степени Сакович был знаком с многочисленными флорилегиями и изданиями энциклопедического характера, которые могли стать для него важным источником эрудиции? Комплексный анализ реферативной базы всех авторских сочинений и переводов (компиляций) Саковича мог бы стать одним из способов ответить на эти вопросы.

Библиография

Источники

Вергилий 1994

Публий Вергилий Марон, *Собрание сочинений*, С.-Петербург, 1994.

Гораций 1993

Квинт Гораций Флакк, *Собрание сочинений*, С.-Петербург, 1993.

Григорий Двоеслов 1863

Григорий Двоеслов, *Беседы на пророка Иезекииля в двух книгах*, Архим. Климент, пер. с лат., 2, Казань, 1863.

Евсевий Кесарийский 2013

Евсевий Кесарийский, *Церковная история*, И. В. Кривушин, вводная ст., комм., библиограф. список и указатели, С.-Петербург, 2013.

Лукан 1993

Лукан Марк Анней, *Фарсалия или Поэма о гражданской войне*, Л. Е. Остроумова, пер., Ф. А. Петровский, ред., статья и комм., Москва, 1993.

Пам'ятки братських шкіл 1988

Пам'ятки братських шкіл на Україні: кінець XVI – початок XVII ст.: тексти і дослідження, І. Шинкарук, ред., В. М. Нічик, підгот. до вид. та комент., Київ 1988.

Саллюстий 1981

Гай Саллюстий Крисп, Югуртинская война, Idem, *Сочинения*, В. О. Горенштейн, перевод, статья и комм., Москва, 1981, 40–105.

Сенека 1983

Сенека Луций Анней, *Фиест*, Idem, *Трагедии*, С. А. Ошеров, Е. Г. Рабинович, подгот. изд., М. Л. Гаспаров, ред. (= Литературные памятники), Москва, 1983, 202–232.

Цицерон 1962

Цицерон Марк Туллий, Речь о консульских провинциях, Idem, *Речи в двух томах*, 2, В. О. Горенштейн, пер., В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, ред. (= Литературные памятники), Москва, 1962, 205–220.

Ювенал 1994

Ювенал Децим Юний, *Сатиры*, С.-Петербург, 1994.

Baptista Mantuanus 1528

Baptista Mantuanus, *Opus divinum de purissima virgine Maria*, Paris, 1528.

Beyerlinck 1613

Beyerlinck L., *Promptuarium morale super Evangelia festorum totius anni... Pars Aestivalis*, Köln, 1613.

Cornelius a Lapide 1663

Cornelius a Lapide, *Commentaria in Ecclesiasticum*, Antwerpen, 1663.

Coustau 1555

Coustau P., *Pegma, cum narrationibus philosophicis*, Lyon, 1555.

De dictis et factis 1591

Antonii Panormitae (Beccadelli), *De dictis et factis Alphonsi regis Aragonum et Neapolis, libri quatuor*, Rostock, 1591.

Desiderosus 1589

Wilkowski K., prz., *Desiderosus: Abo ścieżka do miłości Bożej y do doskonałości żywota chrześcijańskiego*, Kraków, 1589.

——— 1625

Wilkowski K., prz., *Desiderosus, abo ścieżka do miłości Bożej, y do doskonałości żywota chrześcijańskiego. Dialog dziwnie nabożny, y ucieszny: z hiszpańskiego na włoski, francuski, niemiecki, niderlandski y taciński ięzyk, a potym y na polski przełożony przez Gaspara Wilgowskiego*, Kraków, 1625.

Gregorius Magnus 1857a

Gregorius Magnus, *Homiliarium in Ezechielem Prophetam libri duo*, Idem, *Opera omnia*, 2 (=Patrologiae Cursus Completus. Series Latina, 76), Paris, 1857, 781–1072.

——— 1857b

Gregorius Magnus, *Moralium libri, sive Expositio in Librum B. Job*, Idem, *Opera omnia*, 2 (=Patrologiae Cursus Completus. Series Latina, 76), Paris, 1857, 9–782.

Kirchhof 1565

Kirchhof H. W., *Wendunmuth. Darinnen fünff hundert und fünfftzig höflicher, züchtiger und lustiger historien*, 1, Frankfurt am Main, 1565.

König 1622

König R., *Theatrum Politicum tripartitum*, Jena, 1622.

Lipsius 1599

Lipsius J., *Politlicorum sive civilis doctrinae libri sex. Qui ad principatum maxime spectant*, Antwerpen, 1599.

——— 1602

Lipsius J., *De bibliothecis Syntagma*, Antwerpen, 1602.

——— 1606

Lipsius J., *Monita et exempla politica: libri duo, qui virtutes et vitia principum spectant*, Antwerpen, 1606.

Molanus 1570

Molanus J., *De picturis et imaginibus sacris liber unus*, Leuven, 1570.

Petreus 1578

Petreus H., *Aulica vita et opposita huic vita privata*, Frankfurt am Main, 1578.

Pius II 1551

Piccolomini E. S., *Opera quae extant omnia*, Basel, 1551.

Problemata 1569

Problemata Aristotelis, ac Philosophorum, Medicorumque complurium, Venezia, 1569.

——— 1620

Problemata abo Pytania o przyrodzeniu człowieczym, [Kraków, 1620].

Sakowicz 1644

Sakowicz K., *Okulary Kalendarzowi staremu*, Kraków, 1644.

Scribani 1624

Scribani C., *Politico-Christianus Philippo IV. Hispaniarum regi DD.*, Antwerpen, 1624.

Solórzano 1653

Solórzano Pereira J., de, *Emblemata regio politica in centuriam unam redacta*, Madrid, 1653.

Stobaeus 1557

Stobaeus J., *Epitome sententiarum sive locorum communium*, Basel, 1557.

Література

Довбищенко 2020

Довбищенко М., Роль «руської мови» в релігійному житті України першої половини XVII ст. (за вступом Касіяна Саковича до твору «Desiderosus»), *Українознавство*, 4 (77), 2020, 21–32.

Корзо 2021a

Корзо М. А., «Вербальные картинки» в православной проповеди XVII в.: «Предмова Священническая при шлюбе Малженскомъ» во львовских Требниках 1644 и 1645 гг., *Studi Slavistici*, 18/1, 2021, 19–33.

Корзо 2021b

Корзо М. А., «Диоптра, альбо Зерцало, и выражение живота людского на томъ свете» (Евье, 1612): к истории православной литературы начала XVII в., *Вестник ПСТГУ, серия II: История. История РПЦ*, 102, 2021, 24–36.

Пидгайко, Флоря 2021

Пидгайко В. Г., Флоря Б. Н., Сакович Кассиан. Биография, *Православная Энциклопедия*, 61, Москва, 2021, 160–161.

Фокин 2019

Фокин А. Р., Теория «богодухновенного перевода» и ее критика у блаж. Иеронима Стридонского, *Христианское чтение*, 4, 2019, 77–98.

Хижняк 2001

Хижняк З. І., Сакович Калліст, Брюховецький В. С., ред., *Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст. Енциклопедичне видання*, Київ, 2001, 471–472.

Axerowa 2004

Axerowa A., Łacińskojęzyczne wstępy jako element struktury znaczeniowej tekstów staropolskich, *Pamiętnik Literacki*, 2 (95), 2004, 157–165.

Baczewski 2005

Baczewski S., Literackie świadectwo konwersji – sprawa Kasprowa Wilkowskiego, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF*, 23, Lublin, 2005, 75–90.

Barłowska 2010

Barłowska M., *Swada i milczenie: Zbiory oratorskie XVII–XVIII w. Prolegomena filologiczne*, Katowice, 2010.

Blair 1999

Blair A., The “Problemata” as a Natural Philosophical Genre, A. Grafton, N. Siraisi, eds., *Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe*, Cambridge, Massachusetts, 1999, 171–204.

Bover 2007

Bover A., "Desiderosus albo ścieża do Miłości Bożej i do doskonałości żywota chrześcijańskiego". Polski przekład XVI-wiecznej anonimowej powieści katalońskiej "Spill de la vida religiosa", *Studia Iberystyczne*, 6, 2007, 171–182.

Cieszyńska 1995

Cieszyńska B., Topos życia-wędrowki w staropolskich alegoriach edukacyjnych, *Zeszyty naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej. Studia Filologiczne*, 38 (= *Filologia Polska*, 16), 1995, 29–49.

Emblemata 2013

Henkel A., Schöne A., Hrsg., *Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts*, 2. Aufl., Stuttgart, 2013.

Grabski 1969

Grabski A. F., Alfons V Aragoński w Polsce, *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, 14, Warszawa, 1969, 131–140.

Hanusiewicz-Lavallee 2016

Hanusiewicz-Lavallee M., Dawne i nowe. Tożsamość wyznaniowa katolików świeckich w potrydenckiej Rzeczypospolitej, J. Dąbkowska-Kujko, red., *Formowanie kultury katolickiej w dobie potrydenckiej. Powszechność i narodowość katolicyzmu polskiego* (= *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*, 6), Warszawa, 2016, 103–144.

Kiesel 1979

Kiesel H., "Bei Hof, bei Höll". *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= *Studien zur deutschen Literatur*, 60), Tübingen, 1979.

Moss 1998

Moss A., The "Politica" of Justus Lipsius and the Commonplace-Book, *Journal of the History of Ideas*, 59/3, 1998, 421–436.

References

Axerowa A., Łacińskojęzyczne wstręty jako element struktury znaczeniowej tekstów staropolskich, *Pamiętnik Literacki*, 2 (95), 2004, 157–165.

Baczewski S., Literackie świadectwo konwersji — sprawa Kaspra Wilkowskiego, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF*, 23, Lublin, 2005, 75–90.

Barłowska M., *Swada i milczenie: Zbiory oratorskie XVII–XVIII w. Prolegomena filologiczne*, Katowice, 2010.

Blair A., The "Problemata" as a Natural Philosophical Genre, A. Grafton, N. Siraisi, eds., *Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe*, Cambridge, Massachusetts, 1999, 171–204.

Bover A., "Desiderosus albo ścieża do Miłości Bożej i do doskonałości żywota chrześcijańskiego". Polski przekład XVI-wiecznej anonimowej powieści katalońskiej "Spill de la vida religiosa", *Studia Iberystyczne*, 6, 2007, 171–182.

Cieszyńska B., Topos życia-wędrowki w staropolskich alegoriach edukacyjnych, *Zeszyty naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej. Studia Filologiczne*, 38 (= *Filologia Polska*, 16), 1995, 29–49.

Dovbyshchenko M., The Role of the "Ruthenian Language" in the Religious Life of Ukraine in the 1st Half of the 17th Century (According to Cassian Sa-

kowicz's Introduction to His Work "Desiderosus"), *Ukrainian Studies*, 4 (77), 2020, 21–32.

Fokin A. R., The Theory of "Inspired Translation" and its Criticism by St Jerome of Stridon, *Christian Reading*, 4, 2019, 77–98.

Grabski A. F., Alfons V Aragoński w Polsce, *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, 14, Warszawa, 1969, 131–140.

Hanusiewicz-Lavallee M., Dawne i nowe. Tożsamość wyznaniowa katolików świeckich w potrydenckiej Rzeczypospolitej, J. Dąbkowska-Kujko, red., *Formowanie kultury katolickiej w dobie potrydenckiej. Powszechność i narodowość katolicyzmu polskiego* (= *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*, 6), Warszawa, 2016, 103–144.

Henkel A., Schöne A., Hrsg., *Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts*, 2. Aufl., Stuttgart, 2013.

Khyzhniak Z. I., Sakovykh Kallist, W. S. Bryukhovetskyi, ed., *Academia Kyjevo-mohylaena in nominibus XVII–XVIII aeva: encyclopaedia*, Kyiv, 2001, 471–472.

Kiesel H., "Bei Hof, bei Höll". *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= *Studien zur deutschen Literatur*, 60), Tübingen, 1979.

Korzo M. A., Diopter or Mirror, and Image of Human Life in This World (Vievis, 1612): On the History of Orthodox Literature of the Early 17th Century, *St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History*, 102, 2021, 24–36.

Korzo M. A., 'Verbal Pictures' in Seventeenth-Century Orthodox Sermons: Predmova svjaščenničeskaja pri šljube malžen'skom in Trebniks,

L'viv 1644 and 1645, *Studi Slavistici* 18/1 (= Per Andrea Trovesi in memoriam), 2021, 19–33.

Moss A., The "Politica" of Justus Lipsius and the Commonplace-Book, *Journal of the History of Ideas*, 59/3, 1998, 421–436.

Pidhayko V. G., Florya B. N., Sakovich Kassian. Biografii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 61, Moscow, 2021, 160–161.

Маргарита Анатольевна Корзо, кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Института философии
Российской академии наук
109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
Россия / Russia
ma.korzo@gmail.com

Received June 11, 2021

Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь званская»

Derzhavin's Poem: "To Evgenii. Life at Zvanka"

Иоахим Клейн

Лейденский университет,
Лейден, Нидерланды

Joachim Klein

University of Leiden,
Leiden, Netherlands

Резюме

В предлагаемом анализе стихотворения Державина «Евгению. Жизнь званская» делается акцент на трех пунктах: 1. Отношение этого текста к II эподу Горация «*Beatus ille...*». 2. Контрастный фон, который создается в первых строфах: петербургский двор. 3. Контрастный фон, который присутствует имплицитно: традиционное в XVIII в. презрение к деревенской жизни русского дворянства. С точки реформенной политики Петра I она отвергалась как отсталый реликт Древней Руси. В этой перспективе державинское стихотворение представляет собой не только разоблачение безнравственности придворной среды, но и дидактическую попытку привести традиционную жизнь русского помещика в согласие с требованиями Нового времени: Званка должна была служить примером для подражания.

Ключевые слова

Державин, Гораций, поэтическая похвала деревенской жизни, придворная жизнь, традиционное презрение к деревенскому дворянству, дидактика

Цитирование: Клейн И. Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь званская» // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 192–203.

Citation: Klein J. (2022) Derzhavin's Poem: "To Evgenii. Life at Zvanka". *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 192–203. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.1.8

Abstract

This paper approaches Derzhavin's poem *To Evgenii. Life at Zvanka* from three angles: 1. Its relation to Horace's II epode *Beatus ille...* 2. The contrasting backdrop which is established in the first stanzas of the poem: the imperial court of Saint-Petersburg. 3. A further backdrop of this kind, which is implicit in the poem: a contemporary disdain for gentry landowners. In the light of Peter I's reforms, their lifestyle was perceived as a backward relic of medieval Russia. From this point of view, Derzhavin's idealized picture of country life is not only a criticism of court life, but also a didactic attempt to bring the country gentry's way of life into accord with contemporary Russian culture: *Zvanka* was supposed to serve as a model to emulate.

Keywords

Derzhavin, Horace, country house poem, the imperial court of Saint-Petersburg, the rural gentry, didacticism

Державин и Гораций

«Жизнь званская» Державина¹ объемом в 63 сапфических строф представляет собой шедевр пожилого Державина. Это не первое из его стихотворений, которое посвящено похвале деревенской жизни². Ему предшествует в 1798 г. русифицирующее подражание II эподу Горация «*Beatus ille qui procul negotiis...*»³ — «Блажен, кто, удалясь от дел...»⁴. Лирический субъект латинского оригинала заслуживает особенного внимания: это римский ростовщик Альфий, который, представив прелести деревенской жизни с многими подробностями, снова обращается к своим нечистоплотным делам. В отличие от большинства русских и немецких авторов⁵, Державин в своем варианте II эпода не пропустил этого неожиданного и разочаровывающего поворота, а перенял его, отклоняясь от Горация лишь тем, что превратил римского ростовщика в русского откупщика.

¹ «Похвала сельской жизни» [Державин 1869, 2: 102–104]; см. анализы: [Пумпянский 2000: 122–124; Крон 1995; Мейор 1996; Зыкова 2005: 22–24; Веселова 2006; Смолярова 2011: 259–557].

² О русской традиции этого жанра см.: [Агамалян 1997; Зыкова 2005; Веселова 2006; Randolph 2007: 129–137].

³ См. латинский оригинал в: [Нораз 1957: 227–230]; см. русский перевод А. Семенова-Тян-Шанского в: [Гораций 1970: 219–221].

⁴ [Державин 1869, 2: 102–104]; в своем «объяснении» этого текста Державин называет его «подражанием» [Idem 1870, 3: 548–549, здесь 548].

⁵ См.: [Busch 1964: 230]; [Lohmeier 1981: 78]. Кроме Державина, есть еще два русских автора XVIII века, которые не отказались от римского ростовщика. Это Н. Н. Поповский [Поэты XVIII века 1972, 1: 122–124] и В. В. Капнист [1973: 197–200].

Иначе обстоит дело с «Жизнью званской». Никакая ирония здесь не омрачает очарование деревенской жизни. Кроме того, стихотворение создает впечатление, что лирическим субъектом выступает здесь не фиктивный, а 'реальный' персонаж: это не кто иной, как сам Державин, вернее, сильно идеализированный образ Державина. Он в своей двойной роли — как званский помещик и как поэт — в строфе 18 уединяется в своем кабинете, этом «святилище Муз», чтобы вести беседу с Горацием и Пиндаром, не только сочиняя торжественные оды и дружеские послания, но также воспевая «сельскую жизнь». В строфе 3 мы находим намек на его пожилой возраст, а в конце стихотворения он отдается печальным размышлениям о смерти и о тленности своей поэтической славы. Последний стих похож на эпитафию: называются два стихотворения, которые заложили фундамент этой славы — «Здесь Бога жил певец, Фелицы».

Следуя за Горацием, Державин-помещик рассказывает подробно, как он проводит день с утра до вечера; это — типичный признак данного жанра (см.: [Зыкова 2005: 11]). Таким образом мы узнаем о приятности деревенской жизни с вкусной едой и продолжительными прогулками. Званский помещик при этом не избегает таких интимных деталей, как любовь вздремнуть после обеда (строфа 29), и говорится: «Когда же мы донских и крымских кубки вин, / И липца, воронка и чернопенна пива / Запустим несколько в румяный лоб хмелин, — / Беседа за сладьми шутива» (строфа 27). Играют на Званке и в карты, но по «грошу в долг и без отдачи» (строфа 17). Этот интимный автобиографизм «Жизни званской» мотивируется формой дружеского послания, ведь стихотворение посвящено «Евгению» (Болховитинову⁶); в русской литературе конца XVII — начала XIX в. и это является признаком данного жанра — жанра похвалы деревенской жизни (см.: [Агамалян 1997: 116]).

Как у Горация, деревенская приятность державинского стихотворения обязана своим полным эффектом контрастному фону, который создается в первых двух строфах. Деревенский житель Горация наслаждается безопасностью вдаль от таких зол, как война, буря в открытом море или надменные вельможи. У Державина, напротив, речь идет не об общем зле человеческой жизни, а о конкретном зле определенной среды — петербургского двора, пышной сцены российской монархии и административного центра империи. Это было то рабочее место, на котором Державин дослужился до поста министра юстиции.

Это служебное поприще завершилось в 1803 г. обидным для Державина образом⁷, что имеет значение для интерпретации его стихо-

⁶ О Болховитинове и его отношении к Державину см. комментарий Грота: [Державин 1869, 2: 411–412].

⁷ См. [Грот 1997: 547].

творения. Дело в том, что в «Жизни званской» выражаются не только положительные чувства счастливого помещика, но также и *ressentiment* бывшего министра, который горько разочаровался в службе, а теперь наслаждается свободой и спокойствием в своем поместье. То, что на самом деле было поражением, переосмыслиется как освобождение, которому соответствует во второй строфе метафорика: в «Петрополь» едет человек «с пространства в тесноту, с свободы за затворы». Не случайно стихотворение, написанное Державиным в 1803 г. по поводу своего увольнения с поста министра, имеет заглавие «Свобода» [Державин 1869, 2: 287–288]. Все это напоминает басню о лисице и кислом винограде — сравнение, которое постоянно навязывается в европейской традиции поэтической похвалы деревенской жизни (см.: [Lohmeier 1981: 267–404]).

Жизнь придворная, жизнь деревенская

Этот биографический аспект «Жизни званской» был, правда, доступен только той части публики, которая знала о прошлом Державина. Однако и остальные читатели поняли, что петербургский двор представляет собой мир суеты и карьеризма, где царит жадность к «золоту» и «честям» и где бесчинствуют соблазнительные «сирены» (строфа 1–2). Эти темы были традиционными в европейской культуре Нового времени для критики придворной жизни (см.: [Kiesel 1979]), что, однако, не обязательно уменьшало их достоверность: в автобиографическом контексте эта критика получала новую актуальность.

Деревенская жизнь Державина контрастирует с придворной безнравственностью. В третьей строфе речь идет не только о званском довольстве и здоровье, но и о «согласии с женой», причем имеется в виду вторая жена Державина Дарья Алексеевна. Званская жизнь отличается от придворной жизни также тем, что вместо пышности царит здесь го-рацианский принцип «золотой середины» — простого благополучия. Во II эподе ему соответствует радостное описание вкусной домашней пищи (ст. 47–60). Этот мотив развивается у Державина в духе русского патриотизма. В имплицитном контрасте с придворной жизнью не принято на Званке подражать французским нравам⁸. Державин-помещик любит русскую пищу: щи, пироги, раков, икру, щуку, русские напитки (причем слово «русские» имеет не этническое, а имперское значение: это упомянутые уже «донские и крымские вина», а кроме них еще «липец,

⁸ См. в державинской «Похвале сельской жизни» 1798 года сатирическое изображение французской пищи: «Тогда-то устрицы го-гу, / Всех мушелей заморских грузы, / Лягушки, фрикасе, рагу, / Чем окормляют нас французы, / И уж ничто не вкусно мне» [Державин 1869, 2: 102–104, строфа 14].

воронок и чернопенно пиво» (строфа 24–28)). За здоровье царского дома пьют на Званке не шампанское, а «древ русских сладкий сок», который бьет, «искрами горя», до «подвенечных бревен» (строфа 28).

Деревенский мир Державина представляет собой в высокой мере чувственный мир; жизнерадостность званского помещика является прежде всего чувственной радостью. Одно из поэтических достижений Державина заключается в том, что он открыл эту жизнерадостную чувственность для русских читателей. В восьмой строфе званский помещик прислушивается к деревенским звукам: «Пастушьего вблизи внимаю рога зов, / Вдали тетеревей глухое токованье, / Барашков в воздухе⁹, / В кустах свист соловьев / Рев крав, гром жолн и коней ржанье». В строфе 44 помещик вернулся с прогулки и подходит к своему дому, в окна которого бьет вечернее солнце; слух наслаждается не меньше, чем зрение: «Стекл заревом горит мой храмовидный дом, / На гору желтый всход меж роз осиявая, / Где встречу водомет шумит лучей дождем, / Звучит музыка духовая»¹⁰.

Однако кажется, что самым главным чувством державинского помещика является не слух, а зрение; говоря словами Гете, это — «ein Augenmensch»: ¹¹ его мир — это мир света и цветов. Вспомним прежде всего его обеденный стол, который он сравнивает с цветочной грядкой: «[...] / Я озреваю стол — и вижу разных блюд / Цветник, поставленный узором: // Багряна ветчина, зелены щи с желтком, / Румяно-желт пи-

⁹ «То есть бекасы, кои кричат как барашки», — так комментирует это место Державин в своих «Объяснениях» [1870, 3: 589].

¹⁰ См. «Объяснение» Державина; как и в других автобиографических текстах, он говорит здесь о себе в третьем лице: «Когда солнце ударяет в стекла, особливо при вечере, то оныя подобно зареву блистают; дом автора был с куполом и с колоннами и немного похожий на храмик» [Державин 1870, 3: 591]. О классицистическом стиле «храмовидного» дома и его архитекторе Н. А. Львове см.: [Смолярова 2011, 466–467]. См. в связи с этим и комментарий Грота, который уподобляет дом Державина и его Званку сабинскому поместью Горация, частой теме державинской поэзии [Державин 1769, 2: 412]. Грот цитирует в связи с этим небольшое стихотворение, которым Державин посвятил акварель своего дома Болховитинову: «На память твоего, Евгений, посещения, / Усадьбы маленький изображен здесь вид. / Гораций как бывал Меценом в восхищеньи, / Так был обрадован тобой мурза-пиит» [Ibid.: 411]. Хотя Державин выступает здесь как «мурза-поэт», то есть как автор оды «Фелица», он ассоциирует себя и свою Званку и с Горацием, а своего гостя Болховитинова — с Меценатом. При этом он может иметь в виду 29 оду III книги, где Гораций приглашает того же Мецената гостить у себя в сабинском поместье. Иную позицию занимает в связи с этим Т. И. Смолярова. Она считает, что Державин как автор «Жизни званской» ориентировался в первую очередь не на Горация, а на А. Поупа и его знаменитый по всей Европе 'Sabinum' в Твикенхэме [2011: 293–302].

¹¹ См.: [Kölle 1966]. См. также: [Смолярова 2011: 315]: «О повышенном интересе поэта к зрению свидетельствует число и разнообразие глаголов зрительного восприятия, встречающихся в тексте «Жизни званской» (18% всех глаголов, т. е. примерно пятая их часть)».

рог, сыр белый, раки красны, / Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером / Там щука пестрая — прекрасны!» (строфы 24–25).

Отказ от Простаковых и Скотининых

Стихотворение Державина получает свой идеальный характер не только на фоне петербургского двора, но и с учетом той дурной репутации, которой пользовалась деревенская жизнь русского дворянства в XVIII в. С точки зрения петровских реформ эта жизнь была остатком невежества, лени и отсталости Древней Руси (подробнее см. [Клейн 2017: 167–170]).

Мы можем сослаться в связи с этим также на самого Державина, то есть на его оду «Фелица» 1782 г. [Державин 1867, 1: 83–90]. Восхваляемой здесь трудолюбивой и просвещенной императрице противопоставит в качестве лирического субъекта татарский Мурза, который живет старинной жизнью русского помещика. Его татарский костюм является данью модному в XVIII в. ориентализму, уж не говоря о том, что Державин намекает здесь на восточную «Сказку о царевиче Хлоре», льстя ее автору Екатерине II (еще один пример этой моды находим в «Китайской деревне» в Царскосельском парке).

Державинский Мурза много рассказывает о самом себе; так, например, в десятой строфе, где ориентализм полностью уступает место русским деталям: «Иль, сидя дома, я прокажу, / Играя в дураки с женой; / То с ней на голубятню лажу. / То в жмурки резвимся порой, / То в свайку с нею веселюся, / То ею в голове ищуща; / То в книгах рыться я люблю / Мой ум и сердце просвещаю: / Полкана и Бову читаю, / За Библией, зевая, сплю».

Отсталая жизнь деревенского дворянства является благодарной темой и в русской литературе XIX в., прежде всего в «Старосветских помещиках» Гоголя и в главе «Сон Обломова» в романе Гончарова. Подобно Державину, Гоголь и Гончаров изображают деревенскую жизнь с добродушным юмором. Не так у Фонвизина в его комедиях: здесь мы сталкиваемся с резкой сатирой. В его комедии «Недоросль» 1781 г. [Фонвизин 1959, 1: 105–177] отрицательные герои имеют говорящие имена «Простаков» и «Скотинин», причем последнее имя соответствует тому, как эти помещики обращаются со своими крепостными.

Тем ярче вырисовывается, с другой стороны, гуманность державинского помещика, который любит своих крестьян и заботится об их благополучии. Для них он содержит госпиталь, врач которого докладывает ему о пациентах и выпрашивает у него пищи для них (строфа 14). Званский помещик также любит по утрам окружать себя крестьянскими детьми, которым он дарит баранки и крендели, чтобы в нем

«не зрели буки» (строфа 22). В строфе 45 он благожелательно смотрит и на крестьянский праздник: «[...] / Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет, / Поет и пляшет под гудками».

Званская жизнь противопоставлена дурной традиции русской деревни и тем, что в ней не царит ни праздность, ни отсталость: на Званке можно найти древесную мельницу (строфа 33), кузницу (строфа 35), «красильну, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными красками, собирая оныя с царицы полей, т. е. Флоры»¹², и даже механическую прядильню (строфа 34). Державин намекает здесь на вдовствующую императрицу Марию Федоровну, которая заказала такую же машину из Англии: на ней «один человек более нежели на ста веретенах может прясть»¹³. Не отстал от технического прогресса и сам помещик, что видно по его интересу к такой оптической новинке, как камера-обскура (строфа 32)¹⁴.

Державинский помещик отличается от Простаковых и Скотининых также своими литературными занятиями по следам Пиндара и Горация. Кроме того, на Званке «тешатся» и такими «столичными» занятиями, как «музыка, пляска» и «пение» (строфа 46). В следующей — 47 — строфе идет речь об «амурчиках» и «харитах»; упоминаются музы Талия и Терпсихора.

Другое отличие от скотининской жизни касается религии. Званский помещик не только образован, но и благочестив; мы в тексте стихотворения часто сталкиваемся с религиозными мотивами (строфы 4, 20, 21, 53, 54). Вот каким образом помещик начинает свой день: «Возстав от сна, взвожу на небо скромный взор: / Мой утренюет дух Правителю вселенной; / Благодарю, что вновь чудес, красот позор / Открыл мне в жизни толь блаженной» (строфа 4).

Званский помещик — не только благочестив, но и патриот, как мы уже видели по его описанию обеденного стола. Этот патриотизм носит более серьезный характер, когда он волнуется о судьбе отечества. Тогда он смотрит, другими словами, не только на свою спокойную Званку, а также на европейские театры антинаполеоновской войны: в 1807 г., когда Державин писал свое стихотворение, Россия воевала вместе с Пруссией против Франции; за два года до того она потерпела вместе с союзной Австрией катастрофическое поражение в битве под Аустерлицем.

¹² См.: [Державин 1870, 3: 591]. Державинский комментарий относится к исчислению деревенских работ в строфе 35: «Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск, / Все прелести, красы, берутся с поль царицы; [...]».

¹³ См. «объяснение» в: [Державин 1870, 3: 591]; об «индустриальных» мотивах в «Жизни званской», среди которых и прядильня, см. исторический комментарий: [Смолярова 2011: 392–458].

¹⁴ См. подробно об этом [Ibid.: 348–351].

В строфе 51 званский помещик печально вспоминает прошлую военную славу России при Екатерине II и Павле I и думает с тревогой о будущем. Однако в строфе 55 он черпает надежду в двух успехах российского оружия (сражение 14 декабря 1806 г. под польским городом Пултуском и сражение 26 декабря того же года под немецким городом Прейсиш-Эйлау)¹⁵. Званские крестьяне разделяют патриотизм своего барина: ««За Веру, за Царя, мы», говорят, «помрем, / Чем у Французов быть в подданстве!»» (строфа 36). И в упомянутой уже кузнице «сталь жесткая» превращается сначала «в мягкий, алый воск» а потом «в бердыши» для милиции [Ibid.], которая, как объясняет Державин, была создана по инициативе Александра I «для защищения границ империи от французов» [Державин 1870: 591].

Полезное наставление

Будучи поэтом XVIII века и «российским Горацием» (см.: [Грот 1997: 566, 584, 585, 587]), Державин хотел не только развлечь своих читателей, но также быть им полезным. С этой целью он как автор «Жизни званской» не ограничивается тем, что разоблачает безнравственность петербургского двора и подчеркивает превосходство своего поместья по отношению к традиционной жизни деревенских дворян. Он преследует и положительную — дидактическую — цель. Это становится ясным, если привлечь в качестве добавочного источника его автобиографию — «Записки», а именно его рассказ о своей службе в качестве тамбовского губернатора в 1785–1788 гг.

Державин тогда усиленно пытался повысить культурный уровень вверенного ему деревенского — и особенно дворянского — населения. Он не только основал народное училище, но также устраивал празднества, которые должны были служить не «к одному увеселению», но и «к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходимо, что ни одеться, ни войти, ни обращаться, как должно благородному человеку, не умели [...]» [Державин 1876, 6: 401–790, здесь 556]. Той же цели служили концерты, которые имели место в губернаторском доме «по четвергам»; там же организовались и «собрания» и «небольшие балы». Кроме того, Державин проводил в своем доме в дни государственных праздников «театральные представления, из охотников, благородных молодых людей обоего пола составленные» [Ibid.: 557].

¹⁵ Державин говорит в связи с этим о двух «победах», что соответствовало официальной версии. На самом деле эти сражения имели нейтральный или ничейный результат — но в войне с Наполеоном можно было считать успехом и это; см.: [Безотосный 2014: 147–179, 174–193], [Шефов 2002: 463–464, 444–446].

Бросается в глаза в связи с этим сходство Державина с его современником А. Т. Болотовым (1738–1833). Он также был просвещенный дворянин, который в 1762 г. оставил военную службу, чтобы жить в своем поместье (см. о нем: [Newlin 2001]) и в 1789 г. начал работать над своими мемуарами для наставления потомков. Болотов для этого очень обстоятельно описывает на собственном примере, что русский дворянин может жить культурной жизнью и в деревне, причем подчеркивает воспитательную пользу театра и театральной деятельности [Болотов 1993, 3: 282–288]. Болотов, как и Державин, откликнулся этим на всеобщее тогда стремление европеизировать русскую провинцию, причем вопрос о том, как проводить свободное время, имел особенное значение (см.: [Клейн 2017: 171–175]); см. в связи с этим также «Предуведомление» анонимного автора в «Драмматическом словаре» 1787 г. [Драмматический словарь 1880, без пагинации].

Думается, что Державин преследовал подобные цели и как автор «Жизни званской». Другими словами, он хотел показать русскому деревенскому дворянству образец жизни, который соответствовал бы не только культурным, как у Болотова, но и нравственным требованиям Нового времени. Это было своего рода попыткой к модернизации. Это звучит странно, если учесть, что крепостное право воспринималось Державиным — как и подавляющим большинством русского дворянства — как естественный и никак не проблематичный факт русской жизни.

Экскурс: Державин и немецкая поэзия

В своей статье о русской деревенской поэзии Е. П. Зыкова [2005] ориентируется на английскую традицию этого жанра. Так же поступает и Т. И. Смолярова, считая, что такая традиция «не существовала нигде, кроме Англии» [2011: 312]. Однако поэтическая похвала деревенской жизни процветала и в немецких землях (см. основную работу: [Lohmeier 1981]); вполне возможно, что Державин как автор подобных стихотворений следовал именно немецким образцам¹⁶.

Немецкий был его единственным иностранным языком [Грот 1997: 25–26]. Среди заграничных авторов, которым он подражал в молодые годы, он называет целый ряд немцев, среди них Э. Х. фон Клейст (1715–1759) и Г. фон Гагедорн (1707–1754) [Кононко 1972: 81–83, здесь 83]. Оба автора разделяли интерес Державина к Горацию, может быть, даже пробудили его. Они оба выступали с поэтической похвалой деревенской жизни, Гагедорн, например, со стихотворением «Die Landlust»

---

¹⁶ О связи Державина с немецкой литературой см. прежде всего [Rosendahl 1953].

(«Деревенское удовольствие») [Idyllen 1978: 28–31] и Клейст с «Das Landleben» («Деревенская жизнь», [Ibid.: 34–36]). Последнее стихотворение посвящено знаменитому тогда переводчику Горация К.-В. Рамлеру (1725–1798). Карамзинский путешественник, который навестил Рамлера в его берлинской квартире, называет его «Немецким Горацием» [Карамзин 1984: 44]. Стихотворение Клейста начинается со слегка измененной цитаты первой строки II эпода «Beatus ille...»: «Oh Freund, wie selig ist der Mann zu preisen...» [Ibid., 34–36]. Державин знал Рамлера (см. [Rosendahl 1953: 58–62]); кажется, что он в своем раннем стихотворении «Ручей» 1779 г. пользовался его переводом 13 оды III книги об Бандузийском источнике [Ibid., 58–60].

Библиография

Источники

Болотов 1993

Болотов А. Т., *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самым им для своих потомков*, 1–3, Москва, 1993.

Гораций 1970

Квинт Гораций Флакк, *Оды, эподы, сатиры, послания*, М. Гаспаров, ред. переводов, вступ. ст. и комм., Москва, 1970.

Державин 1768–1878

Державин Г. Р., *Сочинения. С объяснениями и примечаниями Я. К. Грота*, 1–7, 2-е акад. изд., С.-Петербург, 1768–1878.

Драматический словарь 1880

Драматический словарь, 1787, Москва [репр.: С.-Петербург, 1880].

Капнист 1973

Капнист В. В., *Избранные произведения*, Ленинград, 1973.

Карамзин 1984

Карамзин Н. М., *Письма русского путешественника*, Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский, подгот. изд., Ленинград, 1984.

Кононко 1972

Кононко Е. Н., *Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР, Русская литература*, 3, 1972, 74–85.

Фонвизин 1959

Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений*, 1–2, Москва, Ленинград, 1959.

Поэты XVIII века 1972

Поэты XVIII века, 1–2, Г. П. Макогоненко, вступ. ст., И. З. Серман, биогр. справки, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман, сост., Н. Д. Кочеткова, подгот. текста и примеч., Ленинград, 1972.

Horaz 1957

Horaz, *Sämtliche Werke*. Lateinisch und deutsch, 1–2, München, 1957.

Idyllen 1978

Idyllen der Deutschen, H. Schneider, Hrsg., Frankfurt am Main, 1978.

Литература

Агамалян 1997

Агамалян Л. Г., Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии XVIII – 1-й половины XIX века, *Державинские чтения. Сборник научных докладов*, 1, С.-Петербург, 1997, 116–125.

Безотосный 2014

Безотосный В. М., *Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг.*, Москва, 2014.

Веселова 2006

Веселова А. Ю., Усадьбная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка, *XVIII век*, 24, С.-Петербург, 2006, 206–218.

Грот 1997

Грот Я. К., *Жизнь Державина* [1883], Москва, 1997.

Зыкова 2005

Зыкова Е. П., Поэма/стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII – начала XIX в., *Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века*, Москва, 2003, 3–36.

Клейн 2017

Клейн И., Служба, лень и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века, *XVIII век*, 29, С.-Петербург, 2017, 156–175.

Крон 1995

Крон А.-Л., «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение, Е. Эткинд, С. Ельницкая, ред., *A symposium dedicated to Gavriil Derzhavin 1743–1816 = Гавриил Державин 1743–1816. Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения* (= *Norwich Symposia on Russian Literature and Culture*, 4), Northfield, Vermont, 1995, 268–281

Мейор 1996

Мейор А. Г., Пространство и время: Державин и Пушкин (Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская»), *XVIII век*, 20, С.-Петербург, 1996, 79–86.

Пумпянский 2000

Пумпянский Л. В., К истории русского классицизма [1923–1924], Л. В. Пумпянский, *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы*, Москва, 2000, 30–157.

Смолярова 2011

Смолярова Т. И., *Зримая лирика. Державин*, Москва, 2002.

Шефов 2002

Шефов Н., *Битвы России*, Москва, 2002.

Busch 1964

Busch W., *Horaz in Rußland. Studien und Materialien*, München, 1964.

Kiesel 1979

Kiesel H., «Bei Hof, bei Höll». *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= *Studien zur deutschen Literatur*, 60), Tübingen, 1979.

Kölle 1966

Kölle H., *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Deržavins*, München, 1966.

Lohmeier 1981

Lohmeier A.-M., «Beatus ille»: *Studien zum «Lob des Landlebens» in der Literatur des absolutistischen Zeitalters*, Tübingen, 1981.

Newlin 2001

Newlin Th., *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxiety of the Russian Pastoral. 1738–1833*, Evanston, Illinois, 2001.

Randolph 2007

Randolph J., *The House in the Garden: the Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism*, Ithaka, New York, 2007.

Rosendahl 1953

Rosendahl G., *Deutscher Einfluss auf Gavriil Romanovič Deržavin* (Diss. Phil., Bonn, 1953).

References

Agamalyan L. G., *Izobrazhenie dvorianskoi usad'by v russkoi poezii XVIII – 1-i poloviny XIX veka, Derzhavinskie chteniia. Sbornik nauchnykh dokladov*, 1, St. Petersburg, 1997, 116–125.

Bezotosny V. M., *Rossia v napoleonovskikh voynakh 1805–1815 gg.*, Moscow, 2014.

Busch W., *Horaz in Rußland. Studien und Materialien*, München, 1964.

Crone A.-L., «Evgeniiu. Zhizn' Zvanskaia» kak metafizicheskoe stikhotvorenie, E. Etkind, S. El-nitsky, eds., *A symposium dedicated to Gavriil Derzhavin 1743–1816* (= Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, 4), Northfield, Vermont, 1995, 268–281.

Grot Y. K., *Zhizn' Derzhavina* [1883], Moscow, 1997.

Kiesel H., «Bei Hof, bei Höll», *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= Studien zur deutschen Literatur, 60), Tübingen, 1979.

Klein J., State Service, Sloth and «Sweet leisure» in 18th Century Russian Gentry Culture, *XVIII vek*, 29, St. Petersburg, 2017, 156–175.

Kölle H., *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Deržavins*, München, 1966.

Lohmeier A.-M., «Beatus ille»: Studien zum «Lob

des Landlebens» in der Literatur des absolutistischen Zeitalters, Tübingen, 1981.

Mayor A. G., Prostranstvo i vremia: Derzhavin i Pushkin (Stikhotvorenie Derzhavina «Evgeniiu. Zhizn' Zvanskaia»), *XVIII vek*, 20, St. Petersburg, 1996, 79–86.

Newlin Th., *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxiety of the Russian Pastoral. 1738–1833*, Evanston, Illinois, 2001.

Pumpianskii L. V., K istorii russkogo klassitsizma [1923–1924], L. V. Pumpianskii, *K istorii russkogo klassitsizma*, Moscow, 2000, 30–157.

Randolph J., *The House in the Garden: the Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism*, Ithaka, New York, 2007.

Shefov N., *Biity Rossii*, Moscow, 2002.

Smoljarova T., *Zrimaia lirika. Derzhavin*, Moscow, 2002.

Veselova A. Yu., Usadebnaia zhizn' v stikhakh poetov l'ovsko-derzhavinskogo krughka, *XVIII vek*, 24, St. Petersburg, 2006, 206–218.

Zykova E. P., Poema/stikhotvorenie o sel'skoi usad'be v russkoi poezii XVIII – nachala XIX v., *Sel'skaia usad'ba v russkoi poezii XVIII – nachala XIX veka*, Moscow, 2003, 3–36.

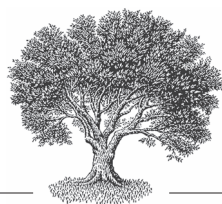
Prof. em. **Joachim Klein**

Universiteit Leiden

Nederland / Netherlands

j.h.klein6@mac.com

Received May 7, 2021

Прогулка по
кладбищу в первой
трети XIX века:
медицина,
мемориальная
политика, эстетика,
литература

Graveyard Walk in
the First Third of
the 19th Century:
Healthcare,
Memorial Politics,
Aesthetics,
Literature

Елена Валерьевна Кардаш

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Elena V. Kardash

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Предпринятый в статье детальный историко-литературный анализ стихотворения А. С. Пушкина «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836) выявляет его новые претексты и вероятные источники, ближайшие из которых — эпиграмма Дж.-Г. Байрона «На лорда Элгина», письма V, VIII и XI «Исторического и литературного сочинения по Англии и Шотландии» А. Пишо, 1-я часть «Эссе об эпитафиях» У. Вордсворта. Наряду с этим исследование позволяет очертить более широкий репрезентативный спектр социокультурных, психологических и эстетических представлений, определяющих взаимодействие авторов конца XVIII — первой трети XIX в. с погребальной и мемориальной топоикой. Статья демонстрирует, как медицинские

Цитирование: Кардаш Е. В. Прогулка по кладбищу в первой трети XIX века: медицина, мемориальная политика, эстетика, литература // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 204–244.

Citation: Kardash E. V. (2022) Graveyard Walk in the First Third of the 19th Century: Healthcare, Memorial Politics, Aesthetics, Literature. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 204–244.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.9

и гигиенические концепции эпохи, а также идеологические подвиги, подготовившие европейскую кладбищенскую реформу, становятся фильтром, обуславливающим выбор и способы текстовой актуализации традиционной литературной риторики (в частности, горацанского топоса «похвалы сельской жизни»). С другой стороны, исследование показывает, что устоявшиеся в первой трети XIX в. нарративные модели функционируют в качестве универсального языка описания принципиально отличных друг от друга кладбищенских локусов. Важный предмет анализа составляет критическое отношение авторов рассматриваемых произведений к государственной коммеморативной политике, сопряженное с кардинальным изменением доминирующей эстетической оптики. Развитие и распространение ассоцианистских представлений о психологии эмоционального восприятия предъявляет новые требования к материальным формам мемориальной культуры (кладбищенской скульптуре, эпитафии), стимулирует поиски нового поэтического языка и ведет к переосмыслению и трансформации прочно устоявшихся к 1830-м гг. элегических образных и сюжетных паттернов.

Ключевые слова

Пушкин, Байрон, Вордсворт, Пишо, мемориальная скульптура, эпитафия, ассоцианизм, коммеморативные практики, психология эстетического восприятия, кладбищенская топика

Abstract

The undertaken thorough historical and literary analysis of A. S. Pushkin's poem "When lost in thought I wander beyond the town..." ("Kogda za gorodom zadumchiv ia brozhu...", 1836) reveals its pretexts and likely sources among which the most important ones are G. G. Byron's epigram "On Lord Elgin", the 5th, 8th and 11th letters of A. Pichot's "Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse" and the 1st part of W. Wordsworth's «Essay upon Epitaphs». Meanwhile, the article outlines a broader representative spectrum of sociocultural, psychological and aesthetical ideas which determine how the authors of the end of the 18th—the first third of the 19th century deal with funerary and memorial topics. The article shows how medical and healthcare attitudes of the epoch, as well as some ideological shifts, which paved the way for European cemetery reform, filter the choices and the ways of textual representations of traditional literary rhetorics (Horatian topos of *beatus ille* in particular). On the other hand, the study demonstrates how narrative models conventional for the first third of 19th century function as the universal language suitable for describing utterly different graveyard spaces. The important research subject is the authors' critical attitude to the official state commemorative politics, which involved a major change in aesthetic trends of the epoch. Development of associanist perception and sentience theory constitutes new demands for funerary and commemorative material culture and, in the case of Pushkin's poem, stimulates the rethinking and transformation of well-established elegiac figurative and narrative patterns.

Keywords

Pushkin, Byron, Wordsworth, Pichot, memorial sculpture, epitaph, associanism, commemorative practices, psychology of aesthetic perception, graveyard topos

Непосредственную задачу моего исследования составляет подробная историко-литературная контекстуализация стихотворения А. С. Пушкина «Когда за городом, задумчив, я брожу...», или «Кладбище» (1836)¹. Представляется вместе с тем, что выявляемые в процессе анализа типологические и генетические претексты произведения позволяют обозначить довольно широкий спектр устойчивых социальных и эстетических идей и литературных прецедентов, ассоциированных с кладбищенской топикой конца XVIII — первой трети XIX в.

* * *

Стихотворение Пушкина «Кладбище» исследователи часто связывают с традицией чувствительной элегии, и не без оснований. Уединенная прогулка «осеннею порой, в вечерней тишине» [Пушкин 1937–1959, 3 (1): 422] в окружении погребального ландшафта, воспринятого взглядом рефлексирующего и эмоционально чуткого повествователя, читаются как отсылка к русским образцам жанра — «Сельскому кладбищу» (1802) В. А. Жуковского [Тойбин 1976: 97–98; Макогоненко 1982: 445–446] и «Элегии» («Угрюмой Осени мертвящая рука...», 1802) Андрея Тургенева [Михайлова 2015: 64–65]. К 1830-м гг. связь эта, разумеется, опосредствовалась обширным корпусом произведений европейской и русской литературы, усваивавших и разнообразно трансформировавших идеи и мотивы «Элегии, написанной на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard», опубл. 1751) Томаса Грея [Garrison 2009: 30–202; Козлов 2013: 33–60, 76, 80–81, 91–92, 129–137]. Таковы, в частности, упоминавшиеся в связи с пушкинским стихотворением «Кладбища» («I Cimitieri», 1806) и «Гробницы» («I Sepolcri», 1808) Ипполито Пиндемонте [Розанов 1937: 344–345; Алексеев 1967: 156] или фрагмент поэмы Г.-М. Легуве «Меланхолия» («La Mélancolie», 1800), иногда публиковавшийся отдельно под названием «Деревенское кладбище» («Le Cimetière de campagne»; отметившая параллель А. А. Ахматова [1983: 314] называет этот текст «Cimetière de village»). Перечень типологических параллелей в рамках широко понимаемой элегической традиции легко поддается продолжению. Можно вспомнить, например, что важный для элегии образ «прекрасной смерти» утверждался в процессе осознанного отстранения от принятого в религиозно-дидактической и готической литературе изображения могильных ужасов и физиологических картин разложения; в качестве примера исследователи

¹ Под заглавием «Кладбище» стихотворение фигурирует в списке произведений, предназначенных к изданию, который был составлен Пушкиным во второй половине августа — декабре 1836 г. [Рукою Пушкина 1997: 222–223]. В статье я для краткости буду оперировать этим названием.

ссылаются, в частности, на «Кладбище» (1792) Н. М. Карамзина и на сочинения Карла Штурма, публиковавшиеся в русском переводе в периодическом издании «Беседы с богом, или Размышления в вечерние часы, на каждый день года» (1787–1789) [Вацура 1994: 60; Vinitsky 2011: 35]]. Подобная оппозиция как будто просматривается и в пушкинском стихотворении: см. «дремлют мертвые в торжественном покое» vs. «гниют все мертвецы столицы», «могилы склизкие» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 422]. Другой важный для элегии аспект — сентиментальное переосмысление иконокластического порицания погребальной роскоши. Скромные надгробия предпочтительнее богатых, поскольку, свидетельствуя о несчастьи, они будят в нежном сердце сострадание, неуместное в виду символов роскоши, могущества и славы; искусно или пышно украшенная могила, соответственно, ассоциируется с глухотой чувств: «Художники, иссекая при гробницах мраморные статуи, представляют их плачущими. — Без сомнения надобно заставить плакать статую, когда не о чем сетовать людям» [Смирнов 1815: 102–104; франц. оригинал: Saint-Pierre 1784: 125–126]². У Пушкина памятнику, которому препоручены лицемерные слезы скорби («По старом рогаче вдовицы плач амурный...» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 422]), противопоставляются «неукрашенные» камни деревенского кладбища, которым достаются молитва и вздох селянина. Имя Грея упоминается в пушкинском плане «Prologue» (1835–1836), который начинается с посещения «тесного» кладбища, а словосочетание «торжественный покой» в 20-м стихе «Кладбища» находит буквальную параллель в 6-м стихе «Элегии, написанной на сельском кладбище» и в одном из ее наиболее известных французских переводов, сделанном Мари-Жозефом Шенье («a solemn stilness» [Gray 1787: 92] и «un calme solennel» [Chénier 1805: 7]). Все это, кажется, лишний раз подтверждает описанную выше историко-литературную контекстуализацию.

И вместе с тем она проблематична. Поставляя материал для сюжета «Кладбища», чувствительная элегия не способна его объяснить, поскольку пушкинское лирическое повествование явно не соответствует ее эстетико-психологическому габитусу. В стихотворении нет и намека на «сладкую меланхолию» — парадоксальное единство страдания и наслаждения, предельно редуцированный сельский пейзаж лишен явного суггестивного потенциала, а эмоциональный сюжет манифестирует прежде всего непосредственную зависимость психологического

² Образ слез, передоверенных памятнику, находит отдаленный претекст еще в религиозно-дидактических «Размышлениях среди гробниц» Джеймса Херви, где «статуя, которую рука скульптора научила плакать» («Statue, which the Sculptor's Hand has taught to weep» [Hervey 1764: 51]) упоминается в числе земных маркеров статуса, достигающих человеку после смерти.

состояния героя от места его пребывания: сменив пригородный локус на деревенский, он переходит от «тяжелого и смутного волнения» к «умиротворению» [Анненков 1855: 422]. Последнее соответствует не столько канону медитативной элегии, сколько сюжетам, ассоциированным с топосом «похвалы сельской жизни», широко эксплуатируемым авторами XVIII — первой трети XIX в.

Разумеется, связь с ним «Кладбища» также опосредствовалась элегией Грея, соединившего в свое время описательную горацянскую риторику *beatus ille* с жанром кладбищенской элегии [Røstvig 1971: 233]. В 1830-е гг., однако, помянутая топика появляется в пушкинском творчестве и независимо от этого претекста. Так, в начале XX в. В. И. Ходасевич [1997: 491–493] отмечал поверхностную тематическую переключку «Кладбища» со стихотворением «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...» (1834) и с записанным на одном листе с ним (ПД 241) фрагментом плана неосуществленного произведения: «О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть» [Пушкин 1937–1959, 3(2): 941]. Спустя столетие Н. Н. Мазур, читая эту запись как конспективное изложение топоса «похвалы сельской жизни», упомянула «Кладбище» в качестве специфического случая его поэтической реализации [Мазур 2005: 402]. Это точное наблюдение заслуживает более внимательной разработки. Отсылая читателя к развернутым содержательным описаниям риторики *beatus ille* в контексте разных эпох и национальных культур [Rosen, Sluiter 2006; Beugnot 1996; Røstvig 1971; Мазур 2005, 387–419], перейду сразу к тем ее составляющим, которые непосредственно просматриваются в пушкинском тексте.

* * *

Самый заметный из элементов *beatus ille* в «Кладбище» — это противопоставление столичной «тесноты» и деревенского «простора». В руссоистской риторике, активно усваивавшей топик «похвалы сельской жизни», эта дихотомия обслуживала идею губительного действия социума на физическую и нравственную природу человека:

Люди созданы не для того, чтобы скучиваться в муравейники, но чтобы жить рассеянными по земле, которую они должны обрабатывать. Чем больше они скучиваются, тем более портятся. Телесные немощи, равно как и душевные пороки, являются неизбежным последствием этого слишком многочисленного скопления. [...] Дыхание человека смертельно для подобных ему: это не менее верно и в собственном смысле, чем в переносном [Руссо 1981: 53; франц. оригинал: Rousseau 1781: 69].

В «собственном смысле» имелось в виду свойственное европейской медицине XVIII — первой половины XIX в. представление о контагиозности органических эманаций (в частности, дыхания), особенно опасных в случае концентрации их в замкнутом пространстве, препятствующем свободной циркуляции воздуха. Атмосфера «в больших городах, а паче в столицах, где дома, улицы, площади тесные и ограниченные, наполнены или, так сказать, начинены людьми», отличалась «многосложностью» (*франц.* «la décomposition» — «разложение») и была насыщена продуктами «гнилости» (*франц.*: «la putréfaction» — «гниение») [Предохранительные размышления 1789: 12; *франц.* оригинал: Andrieu 1787: 4; подробнее см.: Пироговская 2018: 42–54]. В «переносном смысле» речь шла о пагубности выморочных социальных конвенций, замыкающих человека в границах его ремесла и сословия, принуждающих соответствовать чужим убеждениям, соблазняющих пороками и разжигающих страсти, несовместимые с внутренней и внешней свободой и чистотой нравов. На нарративном уровне границы между физиологией и моральной философией легко размывались. Так, один из известнейших врачей эпохи, Х.-В. Гуфеланд, разъясняя в книге «Искусство продолжения человеческой жизни» («Die Kunst, das menschliche Leben zu verlängern»; впервые опубл.: 1796) преимущества атмосферы «обширного селения» над городским воздухом, вредным «по животному пресуществлению, какое получает от множества в тесноте живущих людей», подкреплял свои рассуждения цитированным выше пассажем из Руссо [Гуфеланд 1803: 28]. В свою очередь, Жюльен-Луи Жоффруа в «Предварительном рассуждении о пасторальной поэзии» («Discours préliminaire sur la poésie pastorale», опубл. 1800), открывающем издание его переводов из Феокрита, описывал губительное воздействие скученности на интеллектуальное, эмоциональное и нравственное состояние обитателей городов в терминах взаимного отравления и заражения, воспаления и ферментации:

Ce sont les despotes et les tyrans qui ont bâti les grandes villes, où les hommes entassés, s'empoisonnent de la contagion de leurs pensées et de leurs vices; partout où la liberté et les mœurs ont régné, on ne rencontre point [...] ces terribles volcans où s'enflamment et fermentent toutes les passions destructives («Деспоты и тираны построили большие города, где люди в тесноте отравляют друг друга заразой своих мыслей и своих грехов; везде, где воцарились свобода и нравственность, невозможно повстречать [...] эти ужасные вулканы, где воспаляются и волнуются всевозможные разрушительные страсти») [Geoffroy 1800: vii].

Все это было прекрасно известно Пушкину, свидетельство чему — поэма «Цыганы», где Алеко разражается инвективой в адрес городов, сочетающих плачевную экологическую и гигиеническую обстановку с

иерархической зависимостью, интеллектуальной робостью и эмоциональной недостаточностью [Мазур 2005: 391]³. Соответствующий комплекс медицинских, психологических и социальных представлений просматривается и в тексте «Кладбища», где поэт распространяет на сообщество мертвецов принципы человеческого общежития в целом.

Опорой для этого переноса Пушкину служат вполне определенные идеи и текстовые образцы. Возьмем, к примеру, описание публичного кладбища, где «...гниют все мертвецы столицы, / В болоте кое-как стесненные рядком, / Как гости жадные за нищенским столом» [Пушкин 1937–1959, 3 (1): 422]. Неприглядные физиологические подробности отвечают представлениям об опасности кладбищ, являвших собой в XVIII–XIX вв. слишком очевидный и потому отчасти гипертрофированный пример миазматической угрозы. Профессиональные и общественные дискуссии об удалении захоронений за пределы городов, наряду с соответствующими административными мерами, осуществлявшимися в разных странах с неравномерной динамикой и переменным успехом, были заметной составляющей европейской социальной и культурной жизни конца XVIII — первой трети XIX в. [Laqueur 2015: 215–238; Etlin 1984: 12–17, 22–43, 229–230, 236–245, 258–259, 303–328; Мохов 2018: 84–102]. Малые площади приходских кладбищ и высокая плотность захоронений входили в число ключевых факторов, повышающих контагиозность продуктов трупного разложения до критического уровня. Катализатором эндемической угрозы служила влажность: предполагалось, что она способствует концентрации ядовитых испарений, не давая им истончаться и рассеиваться. «Энциклопедия» Дидро и Д’Аламбера, где медицинским аспектам погребения была посвящена отдельная статья, настоятельно рекомендовала устроителям кладбищ принимать все это к сведению:

Enterrement profondément les cadavres, et mettre entr’eux une distance considérable; placer les *cimetieres* dans des endroits où l’air soit le moins humide qu’il est possible [...]; voilà donc les moyens d’empêcher que les écoulemens cadavereux ne forment des vapeurs d’une densité dangereuse, et que l’air dans les *cimetieres* ne

³ «Когда бы ты воображала / Неволю душных городов! / Там люди, в кучах за оградой, / Не дышат утренней прохладой, / Ни вешним запахом лугов; / Любви стыдятся, мысли гонят, / Торгуют волею своей, / Главы пред идолами клонят / И просят денег да цепей» [Пушкин 1937–1959, 4: 185]. Ради лексической параллели к этой цитате дополню приведенные выше примеры пассажем из путевых заметок Жана-Жозефа Дюссо: «La nature, dit Plutarque, nous a tous mis en large et en pleine liberté; c’est nous-mêmes qui nous mettons à l’étroit, qui nous chargeons de chaînes et nous emprisonnons dans l’enceinte de nos villes» («Природа, говорит Плутарх, расселила нас всех широко и абсолютно свободно; мы сами селимся тесно, отягощаем себя цепями и заключаем себя в тюремной ограде наших городов») [Dusaulx 1796: 18].

soit jamais assez infecté pour être pernicieux» («Зарывайте трупы глубоко и оставляйте между ними значительное расстояние; располагайте кладбища в местах, где воздух настолько сух, насколько это возможно [...]; вот средства сделать так, чтобы пары трупных выделений не достигли опасной концентрации и чтобы воздух на кладбищах никогда не был заражен настолько, чтобы нести гибель») [Encyclopédie 1779: 92].

К моменту создания пушкинского стихотворения предписания сохраняли актуальность: так, медик С. Ф. Хотовицкий в опубликованном в 1833 г. обстоятельном своде методов «врачебно-полицейского попечения об умерших» советует «обращать особенное внимание на пространство, положение и почву кладбищ» [Хотовицкий 1833: 567]; в перечне необходимых требований — удаленность захоронений от жилых территорий, их достаточная территориальная протяженность, возвышенный, хорошо проветриваемый ландшафт и сухая известковая почва [Ibid.: 566–571].

Пушкинское поэтическое описание противоречило каждому пункту этого списка: его столичное «публичное кладбище» так же не годилось для покойников, как сама столица — для живых. Особая роль отводилась болоту. С гигиенической точки зрения, «болотистый или наводнениям подверженный грунт» был «наиболее неспособен для кладбищ» [Ibid.: 571]. В петербургском контексте помянутая деталь, однако, приобретала не только медицинский, но и символический смысл. По наблюдению Риккардо Николози, в эпидейктических текстах XVIII в., посвященных основанию Петербурга, болото воплощало собой первозданный ландшафт, преобразенный и окультуренный демиургическим усилием Петра. Образ вытесненной, но не побежденной окончательно природной силы, существование которой ставило под сомнение незыблемость великолепного города, контаминировался с картинами смерти и погребения⁴. В постпанегирической риторике он оказался переосмыслен: болото с его хтоническими и мортальными коннотациями больше не противостояло имперской столице, но интегрировалось с ней [Николози 2009: 30–34, 36–37, 39–40, 72–74, 186–189]. Эндемичная «болотная миазма» считалась специфической для петербургской атмосферы [Гаевский 1834: 67; Пироговская 2018: 60], а захоронение на болоте вписывалось в городской пейзаж⁵. Граница

⁴ Так, в оде С. С. Боброва «Установление нового Адмиралтейства 1797 года» верфь, когда-то сердце Петербурга, обращается в руину и «ниспадает» обратно «в древний Хаос», «ища могилу среди блат» [Бобров 2008: 64–65; Николози 2009: 72–73].

⁵ Пушкинское «Кладбище», таким образом, входит в парадигму литературных текстов, способствовавших синтезу двух образов Петербурга — города на болоте и, пользуясь выражением Н. М. Карамзина, города «на слезах и трупах» [Карамзин 1991: 37]. Подробнее об этой контаминации см.: [Богданов 2005: 214–215, 226–

между «мертвецами столицы» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 422] и ее живыми обитателями была угрожающе зыбкой.

* * *

Последний стих цитированного выше фрагмента, «Как гости жадные за нищенским столом...» [Ibid.], добавлял к описанному комплексу социальных идей и литературных мотивов ряд новых ассоциаций. Образ смертного как недолгого гостя на пиру жизни составлял «общее место» французской и, вслед за ней, русской элегии [Франц. элегия 1989: 608–609]. Узнаваемая формула, однако, и в этом случае встроена у Пушкина в абсолютно не свойственный помянутой традиции психологический контекст: не в пример элегическим рефлексирующим меланхоликам, «гости» публичного кладбища обывательски приземленны и обуреваемы мелочной жадностью. Предположу, что это поэтическое решение опосредствовалось, в частности, классическим текстом — сатирой Горация «Qui fit, Maecenas, ut nemo, quam sibi sortem...» (Hor. Serm. 1, 1), к концу 1830-х гг. известной Пушкину во французских прозаических переводах Шарля Дю Розуара и Рене Бине, а возможно, до какой-то степени и в оригинале [П. и мировая литература 2004: 111–116, статья В. М. Файбисовича; Модзалевский 1910: 161, 252; № 617, 1002].

Предмет сатиры Горация — удручающая жадность человека, не способного удовлетвориться избранным им или отведенным ему судьбой местом:

Tous les hommes sont [...] comme l'avare, mécontents de leur sort, et jaloux de celui des autres; séchant d'envie, [...] travaillant sans cesse à surpasser, tantôt celui-ci, tantôt celui-là...» («Все люди [...] подобны скряге, недовольные своей участью и жаждущие чужой; иссушаемые жадностью, [...] не прекращающие трудиться, чтобы превзойти то одного, то другого...») [Binet 1783, 2: 15].

Алчность бессмысленна, так как излишний достаток превосходит ограниченные природой человеческие потребности, и пагубна, поскольку разрушает семейные и дружеские связи и лишает несчастного самой цели его тяжких трудов — покоя:

[...] l'envie d'amasser doit avoir ses bornes [...]; prends enfin du repos, puisque tu as ce que tu désirois...» («страсть к накоплению должна иметь пределы [...] отдохни наконец, поскольку у тебя есть то, чего ты желал...») [Ibid: 13].

227; Пироговская 2018: 60–61]. Ее поздний, но весьма показательный в контексте моей темы пример — ассоциированный с Петербургом образ «болотного кладбища с кочками вместо могил и могилами вместо кочек» в «Зимних радугах» Д. С. Мережковского [Мережковский 1914: 9; Николози 2009: 40].

В этом прискорбном состоянии и застаёт человека смерть:

[...] l'on trouve si rarement un homme qui dise avoir été heureux pendant sa vie, et qui, satisfait de sa carrière, sorte de ce monde comme un convive rassasié sort d'un festin... («так редко встречаешь человека, который говорит, что прожил счастливую жизнь, и который, довольный своей стезей, покидает мир так, как насытившийся гость уходит с пира...») [Ibid: 15].

Пушкинский стих воспроизводит эту картину, лишь смещая ее locus: «гости» публичного кладбища неупокоены, несыты и алчны и теснят друг друга в жажде скудных благ на пиру, который земная жизнь — в той мере, в какой кладбище, в своей материальной ипостаси, ей принадлежит — еще в состоянии им предоставить.

Упомянутая сатира не входит в число образцовых для риторики *beatus ille* гораціанских текстов. Порицаемый в ней способ существования, однако, явно противостоит принципам жизнеустройства, постулированным в основополагающем для помянутой традиции 2-м эпосе «Beatus ille, qui procul negotiis...» (Hor. Ep. 2). Покой блаженного мужа обеспечен соответствием месту, заповеданному ему предками; свободный от необходимости подчиняться социальным иерархиям, не понуждаемый амбициями и корыстолюбием, он довольствуется плодами собственных трудов на отцовской ниве, одарен семейным счастьем и наслаждается отдыхом на лоне природы. Примечательно, что практика переводов Горация XVIII–XIX вв. демонстрирует случай текстуальной экспликации помянутой тематической дихотомии, отчасти, возможно, позволяющий прояснить еще одну деталь пушкинского стихотворения — замечание о ворах, от которых страдает «публичное кладбище», но избавлено «кладбище родовое» («Ворами со столбов отвинченные урны...» vs. «К ним ночью темною не лезет бледный вор...» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 422]).

В 1-й сатире 1-й книги Горация воры — одна из угроз богатству купца и завистника, лишаящих его дневного покоя и ночного сна:

Eh! que vous sert d'enfouir furtivement d'une main tremblante un or et un argent immense? [...] Mais de passer les jours et les nuits dans des frayeurs mortelles, à craindre le feu, les voleurs, les esclaves toujours prêts à s'enfuir avec tes trésors: est-ce là ton plaisir?» («Эй! к чему, таясь, закапывать в землю дрожащей рукой несметное золото или серебро? [...] Для того лишь, чтобы проводить дни и ночи в смертельном страхе, бояться огня, воров, рабов, всегда готовых улизнуть с твоими сокровищами: это доставляет тебе удовольствие?») [Binet 1783: 2: 9, 11].

В свою очередь, во 2-м эпосе описание дремы, которой предается блаженный муж под щебет птиц в лесной тени вблизи сладко журчащего

потока, предваряется сообщением о богах, которым он по осени приносит дары своего урожая:

[...] quel plaisir pour lui, de cueillir des poires aux arbres [...] ou de détacher de sa treille des grappes [...] pour vous en faire hommage, Dieu des jardins, et à vous, Dieu des bois, gardien de son héritage. Lui prend-il envie de se reposer ou sous un vieux chêne, ou sur l'herbe épaisse? [...] tout appelle sur ses yeux le léger sommeil» («какое удовольствие для него срывать с деревьев груши [...] или снимать с лозы виноград [...] чтобы преподнести вам, бог садов, и вам, бог лесов, хранитель его достояния. Захочет ли он отдохнуть под старым дубом или на густой траве? [...] все навевает на его глаза дремоту») [Binet 1783, 1: 305].

В переводе Бине «Бог лесов, охранитель [...] достояния» — это упомянутый в оригинале Сильван, горацянское именование которого, «*tutor finium*» (Нор. Ер. 2, 22), в публиковавшихся в XVIII в. латино-французских словарях интерпретировалось как «защитник границ» («*protecteur des limites*») (см., например: [Magniez 1721: 1219; Danet 1740: 1004]); в примечаниях Николя-Луи Ашентра ко 2-му эподу Горация в переводе Шарля Баттё пояснялось, что Сильван «*veilloit à la conservation des limites ou des bornes qui séparaient les terres*» («следил за сохранностью границ или межевых столбов, которые разделяли участки земли») [Achaintre 1823: 157], а Мари-Николя Буйе в историко-мифологическом словаре античности сообщал, что это было «*la première divinité des habitants de l'Italie quand ils commencèrent à ensemençer la terre et à marquer les limites des possessions*» («первое божество жителей Италии, когда они начали возделывать землю и размечать границы владений») [Bouillet 1828: 509]. Коротко говоря, блаженный муж Горация надежно защищен от сторонних посягательств на его собственность — т. е. от воровства. Так, например, интерпретировал причины благодарности селянина богам В. В. Капнист в переводе ст. 21–22 второго эпода; функции сторожа, не подпускающего воров к чужой собственности, здесь присвоены Приапу: «Тебе, садов его хранитель, / Надежный их от татей щит, / Приап, сан Вакха знаменит, / Тебе, Сильван, границ блюститель, / Он их признательно дарит» («Похвала сельской жизни», 1810-е гг.; [Капнист 2013: 40]); перевод Капниста, впрочем, не публиковался в пушкинское время. Примечательно, однако, что вору упоминаются и в более ранней переводной «Похвале пастушьей жизни» (впервые: 1756, перепеч.: 1792, 1793⁶). С. Н. Нарышкина, близко варьирующей содержание 2-го эпода; счастье и покой связаны здесь именно с отсутствием страхов, преследующих скупца из 1-й сатиры 1-й книги Горация: «Огня свирепа

⁶ Перепечатки указаны на сайте <http://www.horatius.ru> со ссылкой на В. И. Симанкова.

не страшится, / Не прячет он пожитки в ров, / И в жизнь свою он не боится, / Чтоб был ограден от воров» [Сельская усадьба 2005: 50].

Неизвестно, знал ли Пушкин этот текст, и, разумеется, речь в данном случае идет не об источнике «Кладбища», а лишь о прецеденте, демонстрирующем возможность ассоциативной связи разных горацианских мотивов. В контексте пушкинского стихотворения эта связь — в данном случае фрагментарная, сводящая широкую ситуативную оппозицию к мотиву наличия или отсутствия страха перед ворами — могла дополнительно стимулироваться представлениями, определявшими отношение к устройству кладбищ в конце XVIII — первой трети XIX в. Неодобрение, которое вызывала близость мест захоронения к жилому пространству, объяснялось не только соображениями гигиены, но и невозможностью в этих условиях оградить прах мертвых и чувства их родных от сторонних посягательств. Бернанден де Сен-Пьер в «Продолжении заветов отшельника» (впервые опубли.: 1792) описывает городское кладбище как проходной двор («un lieu de passage» [Saint-Pierre 1789–1792: 361]), где нет и намек на почтение к памяти ушедших: их кости перемешаны в беспорядке, а их тела, похищенные из могил, служат объектами анатомических манипуляций. Только загородные прощолы предоставляют возможности для охраны дорогих останков:

Ce n'est qu'aux champs et loin des villes que la mort comme la vie trouve un asyle assuré. C'est-là qu'on peut rendre à Dieu ce qu'on doit à Dieu, et aux élémens ce qui appartient aux élémens. C'est-là où, dans des lieux aérés, on peut entourer les cimetières de murs [...] et y mettre des gardiens («Только в сельской местности и вдали от городов и смерть, и жизнь обрелает надежный приют. Там можно отдать Богу то, что Богу следует отдать, и природе то, что природе принадлежит. Там, на открытом воздухе, можно окружить кладбища стенами [...] и поставить охрану») [Ibid: 361–362].

Гораздо позднее, в конце 1820-х гг., когда французское правительство уже предприняло решительные шаги по замещению столичных приходских захоронений обширными пригородными территориями, казалось бы, отвечающими всем гигиеническим и психологическим требованиям века, связь обителй мертвых с городом продолжала вызывать нарекания. Пьер де Сент-Обен, автор изданного в 1828 г. очерка мемуаральных достопримечательностей новых парижских кладбищ, с неудовольствием отзывался о самом известном и пышном из них, Пер-Лашез. Расположенное на возвышенности и лишенное стен, оно визуальнo включало в себя не только цветущие сельские окрестности, но и Париж, предоставляя посетителю множество поводов к неподобающему рассеянию, что и подтверждалось легкомысленным поведением публики. Предпочитаемое высшей знатью, кладбище было слишком проникнуто

духом столичной жизни, следующей за капризами моды, потакающей суетности и тщеславию. Этому впечатлению способствовала и сама история места, где прежде располагалось имение, служившее удовольствию богатого и могущественного владельца. Сент-Обена раздражали даже фруктовые деревья, остатки былых садов, перемежавшиеся с кладбищенскими кипарисами, тополями и плакучими ивами. Он видел в них свидетельство бесцеремонного вмешательства желаний и потребностей живых в пространство, принадлежащее мертвым [Saint Aubin 1826: 36–37]. Стоит ли удивляться, что именно это кладбище, если верить автору, больше всего страдало от воров:

[...] en parcourant les cimetières, nous avons eu occasion de remarquer plusieurs tombeaux, dont les ornemens [...] avaient été arrachés avec effort et volés. Le cimetière du père La Chaise présente surtout plusieurs exemples de ce genre de dévastation, et cette violation des choses les plus sacrées a laissé [...] dans notre coeur une impression de misanthropie que nous n'avons pu éloigner. Les animaux respectent les cadavres de leurs frères; et nous, qui nous vantons d'être une race raisonnable, nous ne trouvons pas même de repos après notre mort» («осматривая кладбища, мы имели случай заметить множество гробниц, украшения которых [...] были с силой сорваны и украдены. Кладбище Пер-Лашез представляет особенно много примеров такого разрушения, и такое осквернение самых священных предметов вызвало [...] в нашем сердце чувство мизантропии, которое мы не могли умалить. Животные почитают трупы своих собратьев; а мы, хвальющиеся принадлежностью к роду разумных созданий, не обретаем покоя даже после смерти») [Ibid: 109].

Прогулка по Пер-Лашез давала Сент-Обену также повод сетовать на непредусмотрительность заказчиков и халатность строителей погребальных сооружений; в отличие от жилых домов, гробницы должны были служить своим владельцам до Судного дня, на деле же они за краткий срок обращались в руины: «Une foule de tombes offrent ainsi toutes les marques de la destruction, avec toutes les apparences d'une création récente» («Множество гробниц выказывают, таким образом, все признаки разрушения, притом явно будучи построены недавно») [Ibid: 70]. Этот факт разбавлял мизантропию повествователя сожалением «о печальной участи человека, который, в камне или в мраморе, по-прежнему подвержен общему закону разрушения» («la triste destinée de l'homme qui, sur la pierre ou sur le marbre, est encore sujet à la loi générale de la destruction») [Ibid: 108]. Похожая картина открывается и лирическому герою пушкинского стихотворения, который, охваченный «злым унынием», созерцает поврежденные статуи «безносых гениев» и «ворами со столбов отвинченные урны» на петербургском «публичном кладбище» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 422].

Последнее, к слову, также расположено, строго говоря, не в городской черте, а «за городом» [Ibid.]: в качестве его гипотетического прототипа называют приходское Новодеревенское кладбище «на правом берегу Большой Невки, к северу от Петербурга» [Кобак, Пирютко 2009: 40; Шварцбанд 1997: 103]. В России соблюдение вышеупомянутых медицинских предписаний в отношении мест захоронений, в том числе в части переноса их за пределы жилых территорий, регулировалось законодательно начиная с первой половины XVIII в. [ПСЗ 1830–1851, 7: 13 (№ 4322, 10 октября 1723); 19: 500 (№ 13803, 9 мая 1772), 696–697 (24 декабря 1772); 34: 911 (№ 27180, 13 декабря 1817); 30: 450–451 (№ 23172, 20 июля 1808); 35: 622 (№ 27581, 27 ноября 1818), 40: 3–4 (№ 10537а, 9 апреля 1756), 53 (№ 22919а, 26 марта 1808); Хотовицкий 1833: 566]. Специфические исторические условия, однако, не отменяли жизнеспособности устоявшихся социокультурных убеждений, хотя и оказывали влияние на их интерпретацию и формы текстовой актуализации. Рассуждения Сент-Обена составляют в этом отношении уместный прецедент. Примечательно, что в предисловии к своим «Прогулкам» он, ссылаясь на античный обычай хоронить близких вдали от городов, на природе, под сенью деревьев и вблизи сладко журчащих ручьев, не выказывал того же энтузиазма в отношении гробниц, размещенных вдоль больших трактов, ведущих к Риму. Недостаточно было формально вынести могилы за пределы столицы; следовало избегать слишком очевидных визуальных, психологических и деятельно-повседневных контактов между обиталищами живых и мертвых [Saint Aubin 1826: 2].

* * *

Если «Прогулки» Сент-Обена можно сопоставлять с «Кладбищем» лишь типологически, то следующая книга, позволяющая, кажется, еще немного прояснить историко-литературный контекст стихотворения, была хорошо известна Пушкину. Речь идет о сочинении Амадея Пишо «Историческое и литературное путешествие по Англии и Шотландии» («Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse», опубл. 1825).

Прежде всего, заслуживает внимания эмоциональный диссонанс, который вызывают у путешественника-француза разные лондонские приходские кладбища в зависимости от места их расположения:

La rencontre fréquente de toutes ces pierres funéraires au milieu d'une capitale avait pour moi, les premiers jours de mon arrivée, quelque chose de mélancolique dans les quartiers paisibles, et quelque chose de choquant dans les quartiers de bruit («Часто встречая все эти гробовые камни посреди столицы, в первые

дни после приезда, я в тихих районах чувствовал меланхолию, а в шумных — был неприятно поражен») [Pichot 1825: 67 (Lettre VIII)].

В обоих случаях имеются в виду захоронения в черте города: в Англии, в отличие от Франции, кладбищенская реформа началась ближе к 1840-м гг. При этом Пишо специально оговаривает, что намерен оставить в стороне вопросы здравоохранения, и признает положительный эффект, который производят на нравы символы смерти, постоянно являющиеся людскому взору среди бытовой суеты (идея, вызывающая у Сент-Обена, также не обходящего ее вниманием, осторожный скептицизм). И вместе с тем ремарка Пишо фиксирует все ту же устойчивую оппозицию: чувства меланхолии или отвращения при созерцании кладбища ассоциированы с удаленностью последнего от бурной и многолюдной столичной жизни или с непосредственной погруженностью в нее соответственно.

Еще одна деталь травелога, примечательная для моего сюжета, — отношение автора к лондонской мемориальной скульптуре. На эту тему Пишо высказывается дважды, в 8-м письме (вскоре после цитированного выше пассажа) и в 11-м письме.

Первый фрагмент посвящен военно-морскому пантеону в соборе Святого Павла. Это был государственный коммеморативный проект, организованный вскоре после начала войны Первой коалиции (1792–1797). Монументы, чествующие отличившихся офицеров, были призваны служить манифестацией национальной идентичности, символическим воплощением признанных гражданских и нравственных добродетелей и заслуг. Состав пантеона утверждался парламентом, процесс создания памятников, в подавляющем большинстве выполненных в классической эстетике, контролировался Королевской Академией художеств. Расположение монументов в соборе и их стоимость соответствовали рангу чествуемых героев: вся композиция этого целостного и хорошо продуманного комплекса была отражением и своеобразным продолжением официальной системы служебных иерархий и знаков отличия, даруемых правительством и короной. Созданный с дидактическими и пропагандистскими целями, пантеон был принципиально публичным пространством и подвергался коммерциализации в рамках зарождающейся туристической индустрии. В 1809 г. в соборе состоялись похороны адмирала Нельсона, гробница которого и памятник, позднее воздвигнутый в его честь, вошли в состав мемориала. Это знаковое событие во многом определило идеологическую и культурную специфику проекта. Напоминая о бренности земного существования и физического тела, пантеон демонстрировал возможность вечной жизни человека в составе символического государственного и социального сообщества [Hoock 2005: 115–134].

У Пишо мемориал вызывает откровенно неприязненную реакцию. Основная претензия связана не с самим фактом размещения военного пантеона в действующем храме, но с ощущением вопиющей неуместности, которое вызывает у него художественное оформление проекта. С точки зрения Пишо, античная символика, во-первых, резко диссонирует с ее христианским контекстом, а во-вторых — не отвечает культурно-идеологическим предрасположениям потенциальной аудитории:

Que fais sur ce sarcophage Neptune armé de son trident? [...] ces fades allégories, ces lieux communs mythologiques, en contradiction avec le culte et les idées populaires, sont-ils pardonnables dans un tel édifice, qui, quoique classique, n'en est pas moins chrétien? («Что делает на этом саркофаге Нептун, вооруженный трезубцем? [...] эти безвкусные аллегории, эти мифологические общие места, противоречащие религии и представлениям народным, простительны ли они в подобном строении, которое, хотя и выстроено в классическом стиле, является, тем не менее, христианским?») [Pichot 1825: 69–70].

К размышлениям о классических аллегориях Пишо возвращается в 11-м письме, интерпретируя их в связи с категорией «вкуса». Иронизируя по поводу раннехристианской интерпретации античных образов, чреватой «абсурдными нелепостями и смехотворными анахронизмами» («absurdes contre-sens et [...] ridicules anachronismes»), Пишо замечает ту же ошибку в оформлении памятника адмиралу Нельсону в лондонском Гилдхолле:

Des sculpteurs classiques de notre époque éclairée ont-ils meilleur goût quand ils font pleurer Neptune sur le cénotaphe d'un amiral chrétien? La sculpture ne parlant qu'aux yeux, mais s'adressant surtout au peuple, doit éviter toute allégorie étrangère à ses mœurs, à ses usages, à son culte («Разве классические скульпторы нашей просвещенной эпохи выказывают больше вкуса, когда заставляют Нептуна рыдать на кенотафе адмирала-христианина? Скульптура, говорящая нечто не только глазу, но адресованная в первую очередь народу, должна избегать любых аллегорий, чуждых его нравам, его обычаям, его религии») [Ibid: 110, 111].

Пишо не оригинален: сходные инвективы в адрес пантеона в соборе Святого Павла встречаются, например, в лондонском путеводителе Джеймса Пеллера Малькольма, считавшего все эти «римские причуды» («*Roman fancies*») «до невозможности нелепыми» («absurd to the last extreme») [Malcolm 1803: 124]), или в своде биографий британских живописцев, скульпторов и архитекторов Алана Каннингема, сетовавшего, что скупо задрапированные классические торсы на памятниках героям британских военных кампаний несообразны реальности («The two naval officers are naked, which destroys historic probability; [...] no British warriors

go naked into battle...» («Двое морских офицеров обнажены, что разрушает историческую достоверность; [...] британские военные не сражаются голыми...») [Cunningham 1830: 114; подробнее см.: Нооск 2005: 124–126]. Основанием этих суждений служат влиятельные представления эпохи о психологии человеческого восприятия и механизмах сознания, манифестированные, в частности, в сочинениях медика Дэвида Хартли, метафизика и моралиста Абрахама Такера, философа, историка и экономиста Джеймса Милля и традиционно именуемые ассоцианизмом (обзор см., например: [Warren 1921; Engell 1981: 53–54, 65–77, 165–167]). Интерпретация ассоцианистских идей применительно к области эстетики представлена в известном и многократно переиздававшемся трактате шотландского философа Арчибальда Элисона «Очерки о природе и принципах вкуса» («Essays on the Nature and Principles of Taste», 1790).

Элисон утверждает, что эстетические достоинства природного феномена или произведения искусства обусловлены не их объективными качествами, но работой воображения наблюдателя, цепочками ментальных образов или ассоциаций, которые внешние объекты вызывают в его сознании. Чем больше образов, чем разветвленное цепочки, тем больше вероятности, что объект будет воспринят как возвышенный или прекрасный. Содержание ассоциаций и характер их связей определяются уникальным жизненным и профессиональным опытом, уровнем и спецификой образования человека, его возрастом и психологическим состоянием в момент созерцания. Существуют, однако, и некоторые общие закономерности: Элисон пишет, что продуктивной средой для работы воображения часто служат воспоминания детства, глубокие эмоциональные привязанности, ощущение национальной идентичности. Для эстетического чувства этого, однако, недостаточно. Необходимо, чтобы вся система ассоциаций, связанная с наблюдаемым объектом, подчинялась одному ясному и простому изначальному эмоциональному импульсу: радости, восторгу, удивлению, ужасу, меланхолии и т. д. Диссонансы и несообразности в воспринимаемой картине, перегруженность ее деталями и нарочитая усложненность, требующая рефлексии и аналитического усилия, затрудняют сильное спонтанное восприятие и останавливают работу воображения. В случае с произведением искусства подобные качества позволяют упрекнуть его автора в недостатке вкуса. Великого художника отличает «чистота и простота композиции» («purity and simplicity of composition») — залог «глубокой и цельной эмоции» («full and undisturbed emotion») наблюдателя [Alison 1790: 88].

Отмечая несообразность классических «общих мест» религиозному и национальному чувству, обычаям и нравам аудитории, Пишо производит аргументацию Элисона. Ср.:

It is not the art, but the genius of the Painter, which [...] gives value to its compositions; and the language he employs is found not only to speak to the eye, but to affect the imagination and the heart («Не искусство, а гений художника [...] придает достоинство его произведениям; и язык, который он использует, не только говорит нечто глазу, но действует на воображение и сердце») [Ibid: 90] — *La sculpture ne parlant qu'aux yeux, mais s'adressant surtout au peuple...* («Скульптура, говорящая нечто не только глазу, но адресованная в первую очередь народу...») [Pichot 1825: 111]).

Для темы моей статьи важно, однако, что представителем этой аудитории у Пишо выступает «естественный человек», не подвергшийся влиянию социума и не отягощенный специальными знаниями: в эпизоде, посвященном оформлению памятника Нельсону в Гилдхолле, Пишо приводит анекдот о ребенке, принявшем аллегорическую фигуру Нептуна за статую самого адмирала; именно этот наивный и непосредственный взгляд, в интерпретации автора, внятен гению [Ibid.]. Существенно также, что, судя по словоупотреблению Пишо, мемориальная тематика тесно связана для него с погребальной. Вооруженный трезубцем Нептун, о котором он возмущенно упоминает в рассказе о пантеоне в соборе Святого Павла — по-видимому, отсылка к мемориалу в честь капитана Роберта Фолкнора младшего (1763–1795), где умирающий герой падает в объятия бога морей. Фолкнор не был похоронен в соборе, но Пишо называет классический постамент его памятника «саркофагом»; скульптурная композиция в Гилдхолле, в свою очередь, именуется «кенотафом».

Свои эстетические предпочтения по части оформления мемориалов Пишо высказывает и ранее, в 5-м письме травелога, где сопоставляет два типа захоронения в рамках помянутой выше оппозиции столицы и сельской местности. Предметом его размышлений, правда, служат уже не скульптуры, а эпитафии.

Тон письму задает цитируемый при его начале стих из поэмы «Задача» («The Task»; 1785) Уильяма Купера, певца английской сельской жизни: «God made the country, and man made the town» («Бог создал деревню, а человек создал город»). Достойным воплощением божьего замысла Пишо полагает загородные ландшафты Мидлсекса и Сюррея, где расположены поместья британской аристократии. Их обитатели ощущают себя дома лишь здесь, среди живописной природы; они свободны от стесняющих условностей лондонской жизни и окружены прекрасными произведениями искусства и книжными сокровищами, наслаждаться которыми можно только вдали от шумной столицы⁷. То есть,

⁷ «[...] les grand seigneurs eux-même paraissent n'être réellement chez eux que dans leurs châteaux [...] ils abdiquent l'étiquette si rigoureuse de leurs hôtels de Londres; [...] c'est là [...] qu'ils font admirer à l'étranger le luxe des arts, les chef-d'œuvre de la peinture, et ces bibliothèques si riches don't il est difficile de jouir au milieu de

с некоторыми вариациями, речь идет все о той же программе идеального сельского уединения, которая манифестирована в цитированном выше пушкинском плане ПД 241 («удались [...] домой. О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, [...] книги...» [Пушкин 1937–1959, 3 (2): 941]). Размышляя о территориях Мидлсекса, граничащих с Лондоном, Пишо вспоминает о Степни, где находится старая церковь, окруженная гробницами со своеобразными эпитафиями, цитированными в свое время Ричардом Стилом в знаменитой газете «Зритель» («The Spectator», 1712, 24 октября, № 518). Упомянув о «критике» Стила в адрес причудливых надписей (в оригинале, надо сказать, не очевидной), Пишо продолжает эту ремарку пространством рассуждением об удручающем состоянии современной эпитафической практики:

Les beaux esprits de village n'épargnent pas davantage de nos jours la mémoire des morts. L'humble pierre est condamnée à recevoir leur prose et leurs vers; mais a-t-on plus d'esprit à Paris et à Londres, où le marbre funéraire, dans nos élégans cimetières, atteste les plates ou risibles expressions de la vanité, plus encore que celles de la douleur? Les épitaphes font réellement partie de la littérature d'un peuple: il est même tels siècles qui n'ont laissé d'autres monumens historiques que des tombeaux. Si la censure littéraire était bonne quelque part, ne serait-il pas juste de l'exercer d'abord en faveur de ceux que la mort livre au ridicule d'un éloge maladroit? L'épitaphe fait partie du culte sacré des morts; pourquoi ne la soumettrait-on pas aux règles de la décence, comme les cérémonies des funérailles? La calomnie et la médisance expirent généralement sur notre tombe; pourquoi y serions-nous flattés par l'ignorance et l'affectation de nos amis, ou même des indifférens? Que les noms respectables d'un père et d'un bienfaiteur soient ensevelis tout entiers avec eux plutôt que d'exciter le sourire de l'étranger! Plus souvent en Angleterre on n'ajoute au nom du défunt qu'un verset de l'Écriture: c'est peut-être la seule épitaphe qui convienne au chrétien. Une des plus touchantes traditions ressuscitées par Walter Scott, est celle de ce vieillard presbytérien (Old Mortality) qui parcourait les cimetières pour y graver de nouveau les noms des martyrs de sa croyance, et les saints attributs dont étaient décorés leurs modestes tombeaux: il lui en aurait coûté sans doute de disputer aux ruines et à l'oubli le fragile monument de ses frères, si leurs titres à son pieux souvenir eussent été retracés en style bouffon et par de grotesques emblèmes («Деревенские умники в наши дни тем более не щадят память мертвых. Смиранный камень обречен запечатлять их прозу и их стихи; но больше ли найдется ума в Париже и Лондоне, на наших изысканных кладбищах, где гробовой мрамор являет медные таблички или смешные выражения, свидетельствующие более о тщеславии, нежели о скорби? Эпитафии, по сути, часть национальной литературы: случаются

---

bruit d'une capitale» («вельможи сами, кажется, ощущают себя дома лишь в загородных поместьях [...] они отрекаются от этикета, столь строго соблюдаемого в их лондонских особняках; [...] там [...] они восхищают чужеземца роскошью искусств, шедеврами живописи и библиотеками настолько богатыми, что ими затруднительно наслаждаться среди столичного шума») [Pichot 1825: 32–33].

столетия, которые не оставляют иных исторических памятников, кроме гробниц. Будь литературная цензура на что-то годна, разве не справедливо было бы использовать ее на благо тех, кого смерть предает на потеху нескладной хвале? Эпитафия служит священному почитанию мертвых; почему бы не подчинить ее правилам приличия, подобно погребальной церемонии? Хула и злословие по обыкновению стихают на нашей могиле; так с чего бы нам лститься невежеством или аффектацией наших друзей или даже посторонних? Лучше бы почтенные имена отцов и благодетелей были навсегда погребены вместе с ними, чем вызывали улыбку незнакомца! Гораздо чаще в Англии к имени усопшего добавляют лишь стих Священного Писания: это, возможно, единственная эпитафия, которая подобает христианину. Одна из самых трогательных традиций, воскрешенная Вальтером Скоттом, это традиция старика пресвитерианца (Old Mortality), который обходил кладбища, чтобы обновлять там гравированные имена мучеников за веру и священные символы, которые украшали их скромные гробницы: ему, без сомнения, дорого стоило бы препятствовать разрушению и забвению брэнного памятника своим братьям, если бы надписи в их почтенную память запечатлялись потешным слогом и гротескными эмблемами») [Pichot 1825: 35–37].

Если воспоминание о гробницах Степни уводит автора от гармонии сельской жизни к несообразностям столицы, то благодаря образу другого мемориала восстанавливается равновесие: сразу вслед за скептическим пассажем о столичных кладбищах Пишо переносит читателя в «радующее взоры графство» («le riant comté») Сюррей, к мавзолею рано умершей принцессы Шарлотты Уэльской (1796–1817) в поместье Клермонт. Памятник укрыт под сводами деревьев и органично встроен в живописный и медитативный пейзаж:

Un petit temple [...] a été converti en mausolée pour recevoir sous sa voûte un buste de cette épouse regrettée. A l'entour, le cypès, l'if et le mélèze, mêlant leur sombre feuillage à la verdure plus gaie des autres arbres, composent une nuance parfaitement en harmonie avec les idées de mélancolie que doit inspirer un semblable lieu» («Маленький храм [...] был превращен в мавзолей, под сводом которого помещен бюст покойной супруги. Вокруг кипарис, тис и лиственница сплетают свои сумрачные ветви с более яркой зеленью других деревьев, создавая оттенки, идеально соответствующие меланхолии, которую должно навевать подобное место») [Ibid: 37–38].

Описание сопровождается размышлением о тихой жизни любимой и горько оплаканной нацией дочери Британии, о ее поместье, оформленном в стиле элегантно́й простоты, о ее сердечной нежности, домашних добродетелях и недолгом семейном счастье. Противопоставление разных типов мемориалов в рамках характерной для топики *beatus ille* оппозиции города и деревни составляет тематический стержень всей этой главы «Исторического и литературного путешествия по Англии и Шот-

ландии».

Представляется вероятным, что размышления Пишо о британской мемориальной скульптуре и эпитафии явились если не прямым источником, то хорошо знакомым Пушкину литературным прецедентом, отчасти и обусловившим смысловые акценты «Кладбища». Прежде всего это касается картины столичного захоронения, обнаруживающей текстуальные и образные параллели с цитированными фрагментами травелога. Так, слова Пишо о «прозе и стихах» («prose et [...] vers») на могильных памятниках, о «смешных выражениях тщеславия» («risibles expressions de la vanité»), развлекающих досужего созерцателя, перекликаются с черновым вариантом 9 и 10-го стихов «Кладбища»: «Смешные надписи и в прозе <и> в стихах / О добродетелях, о службе, о чинах» [Пушкин 1937–1959, 3 (2): 1033]. «Безвкусные аллегории» («fades allégories») и «абсурдные нелепости» («absurdes contre-sens») [Pichot 1825: 70, 111], о которых автор «Путешествия» упоминает в связи с военно-морскими мемориалами, отзываются в 8-м стихе: «Дешевого резца нелепые затеи» [Пушкин 1937–1959, 3 (1): 422]. Эпитет «дешевый» семантически коррелирует с представлением Пишо о дурновкусии почитателей классической мемориальной символики, «гротескных эмблем» («grotesques emblèmes») и «нескладной хвалы» («un éloge maladroit») [Pichot 1825: 36, 37], а также с выпадом в адрес «деревенских умников» («les beaux esprits de village» [Ibid: 35]), без пощады и меры украшающих гробницы плодами своего неумелого вдохновения. Существенно, что последняя ремарка характеризует и погребальные локусы Парижа и Лондона: Пишо иронизирует не над сельской наивностью и неискушенностью, а, напротив, над неумеренной тягой к изысканности, усложненности и украшательству, которую как раз и диктует столичная мода.

Примечательнее, однако, не локальные параллели, а избранный Пушкиным способ описания памятников, который, как представляется, во многом соответствует помянутой выше ассоцианистской оптике Пишо. Столичное захоронение в «Кладбище», подобно пантеону в соборе Святого Павла или гробницам Степни, Парижа и Лондона, — это, во-первых, публичное, а во-вторых, светское пространство. Первый аспект буквально маркирован соответствующим эпитетом, на второй указывает именование покойных в соответствии с их профессиональным статусом («купцы» и «чиновники») и достоинствами, обусловленными официальным положением в рамках государственной иерархии («служба» и «чины»)⁸. У Пишо эти свойства мемориальных локусов

⁸ Акцентируя эту официальную стратификацию, Пушкин в ходе правки извлекает столичных мертвецов от признаков первоначально вменяемого им финансового благополучия (см. отвергнутый вариант 7-го стиха: «Купцов, чиновников

вызывают ощущение психологического диссонанса: коммерциализация экспозиции в соборе Святого Павла и абсолютное преобладание там светских мемориалов над культовыми визуальными символами не сообразны чувствам христианина в божьем храме; в случае с гробницами в Степни сторонние взгляды и смех незнакомцев, от которых покойных «отцов и благодетелей» хочется навеки укрыть в забвении, явно не способствуют сохранению «почтенной памяти» близких людей или погружению в приличествующую месту меланхолию. И, разумеется, возникновению сильного и спонтанного религиозного и эмоционального переживания препятствуют не находящие отклика в живом психологическом опыте созерцателя скульптурные или орнаментальные символы — «мифологические общие места» («*lieux communs mythologiques*» [Pichot 1825, 1: 70]). Последние заполняют и пушкинское «публичное кладбище»: «На место праздных урн и мелких пирамид, / Безносых гениев, растрепанных харит...» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 423]).

* * *

Лидия Гинзбург справедливо усматривала в пушкинском описании кладбищенских памятников радикальную трансформацию элегического языка, конкретизацию и овеществление присущих ему «отвлеченно-условных» образов: урна, эмблема смерти, превращается в элемент погребального антуража, который можно отвинтить от постамента, эмблематический скорбящий гений — в поврежденную временем или вандалами статую [Гинзбург 1997: 209–211]. Сама по себе такая «материализация», впрочем, может читаться как перевод устойчивых классических символов с одного языка культуры на другой. В конце XVIII — первой трети XIX в. помянутые образы доминируют не только в элегической поэзии, но и в мемориальной иконографии и архитектуре [Нетунахина 1978: 62–65; Etlin 1984: 76–86, 109–119, 125–130, 176–179, 328–335, 349–354], и они органично вписываются в своеобразный экфрасис, визуализирующий для читателя картину столичного кладбища.

Картина эта, однако, создается с помощью нескольких примечательных приемов. Первый — это подчеркнутая детализация. Перечисление множества разнообразных объектов (могилы, решетки, столбики, пирамиды, гробницы, мавзолеи, урны, скульптуры, надписи) на протяжении всей первой строфы и двух стихов второй вынуждает мысленный взгляд

богатых мавзолеи» [Пушкин 1937–1959, 3(2): 1033]), приглушая тем самым тему нивелируемого смертью экономического неравенства, важную для Грея и восходящей к нему традиции чувствительной элегии [Вацуро 1994: 48–49]. Возможно, такое решение было вызвано несоответствием между «богатством» покойных и «дешевым резцом», потрудившимся над их гробницами.

постоянно перескакивать с одного предмета на другой, ни на одном не задерживаясь надолго. Второй — акцентуация семантического диссонанса отдельных образов. Самый очевидный случай здесь — оксюморон «мелкие пирамиды»; к числу сложнее устроенных, но также характеризующихся сопряжением плохо совместимых смыслов, относятся «плач амурный», «праздные урны», «растрепанные хариты» [Лотман 1996: 118–119; Гинзбург 1997: 210–211]. Напомню, что именно такие качества воспринимаемой картины, по мысли Арчибальда Элисона, рассеивают внимание зрителя и ослабляют возможности воображения. Беда не просто в том, что эти образы слишком приземленны и материальны, а в том, что они вняты лишь глазу, но не сердцу созерцателя, и потому оставляют последнего в недоумении и раздражении.

Отдельного внимания заслуживают «безносые гении» — один из самых любопытных атрибутов публичного кладбища. Рискну предположить, что у этой детали был конкретный источник: эпиграмма Байрона «На лорда Элгина» («On Lord Elgin»), входившая в его парижское однотомное полное собрание сочинений 1835 г., которое имелось в библиотеке Пушкина [Модзалевский 1910: 181; № 693]: «Noseless himself, he brings home noseless blocks / To show at once the ravages of time and pox («Безносый сам, он тащит домой безносых болванов / Чтобы продемонстрировать разрушительную силу и времени, и сифилиса») [Byron 1835: 864]. «Безносым болванам» соответствует вариант в автографе «Кладбища»: «Безносых гениев болваны» [Пушкин 1937–1959; 3(2): 1033]⁹.

⁹ Байрон, скорее всего, использует слово «block» в значении «манекен для шляп и париков». Такие манекены первоначально делались в форме человеческой головы с гладкой поверхностью вместо лица — модель, во времена Байрона уже считавшаяся, по-видимому, старомодной. См., например, примечание к анекдоту о художнике Уильяме Хогарте, любившем разглядывать парикмахерские манекены на Флит-маркет: «It is a curious circumstance to observe the great alteration that has taken place in the formation of these instruments upon which wigs are moulded. In the frequently noseless blocks of the old school we could discern little to be admired, except their solidity: their sex was not then to be discerned by their countenances, though as wigs, at that time, were only worn by one part of the human species, we might take it for granted that they were male. We have them now [...] of the masculine and feminine gender» («Это любопытный повод отметить серьезные изменения, которые произошли в конструкции инструментов, с помощью которых формируются парики. В за частую безносых болванах старой школы мало что заслуживало восхищения, кроме их массивности: их внешность не позволяла судить об их половой принадлежности, хотя поскольку парики в те времена носила лишь одна половина человечества, можно было по умолчанию считать, что все они были мужчинами. Сегодня они бывают [...] женского и мужского пола») [Moser 1803: 14]. Любопытно, что в статье, опубликованной в лондонском периодическом издании 1844 г., где упоминается о красивых восковых бюстах, сменивших в парикмахерских витринах старые манекены, «dull [...] “noseless blocks”, surmounted with powdered wigs» («безжизненных [...] “безносых болванов”, увенчанных напудренными париками»), словосочетание «noseless blocks» маркировано как цитата [The Penny Magazine 1844: 91]. «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует слово «болван» в том же

Эпиграмма связана с нашумевшим событием 1816 г. — приобретением английским правительством у Томаса Брюса, 7-го графа Элгина, обширного собрания античной бронзы, монет, камей, а также архитектурных фрагментов, барельефов и статуй Парфенона, которые Элгин, в 1799–1803 гг. занимавший пост посланника Британии в Константинополе, вывозил из Греции на протяжении 1801–1811 гг. Элгин мотивировал свое решение необходимостью спасти памятники, пострадавшие в период седьмой турецко-венецианской войны (1684–1689) от взрыва порохового склада, деградировавшие под действием погоды и разоряемые местными жителями, которые использовали обломки древних зданий для строительства. Предприятие, однако, вызвало бурные дебаты: масштабный демонтаж скульптур и элементов знаменитого греческого храма, приведший к его повреждению, воспринимался многими как акт вандализма. Этой позиции придерживался и Байрон, задававший тон хору голосов, порицающих Элгина (подробнее см., например: [Beard 2004: 12–15, 16–18, 83–94]). Цитированное стихотворение принадлежит к ряду резких высказываний поэта в адрес коллекционера, самые известные из которых — сатирическая поэма «Проклятие Минервы» («The Curse of Minerva», 1811) и строфы I и XI–XV второй песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812). Словосочетание «noseless blocks» в эпиграмме имеет реальную мотивировку: экспонаты античной коллекции были повреждены, а некоторые изображения были «безносыми» в буквальном смысле. Байрон, однако, акцентирует эту деталь ради язвительной пуанты, намекающей на бракоразводный процесс Элгина, жена которого, в 1808 г. представшая перед Эдинбургским судом по обвинению в адюльтере, мотивировала свое охлаждение к мужу деформацией его лица, которая в эпиграмме объясняется сифилисом [Wood 1998: 171]. «Безносые статуи» упомянуты также в авторском примечании к сатире Байрона «Английские барды и шотландские обозреватели» («English Bards and Scotch Reviewers», 1809), с отсылкой к выставке части античной коллекции в доме Элгина и с цитатой из Горация (Hor. Sermon. 1, 5: 100), транслирующей категорическое недоверие к объекту насмешки: «Lord Elgin would fain persuade us that all the figures, with and without noses, in his stone-shop, are the work of Phidias. “Credat Judæus!”» («Лорд Элгин с готовностью уверял нас, что

значении («форма в виде человеческой головы для хранения париков, шляп. Болван шапочный»), наряду со значениями «идол, изваяние языческого божества» и «изваяние, статуя» [Березина 1985]. В русской сатирической традиции XVIII в. образ статуи-«болвана» наделялся устойчиво негативными коннотациями и ассоциировался с бесполезностью, бездушием и отсутствием внутренних достоинств (подробнее см.: [Аксаментова 2022: 23–26, 32–33]), что, без сомнения, также должно было влиять на лексический выбор Пушкина.

все статуи, с носами и безносые, в его лавке камней — работа Фидия. “Пусть этому верит иудей!”») [Вугон 1835: 65].

Пушкин, конечно, знал эту историю задолго до 1836 г. Все названные выше произведения Байрона, кроме эпиграммы «На лорда Элгина», входили в известные ему уже в 1820-е гг. французские издания сочинений поэта в переводе Амадея Пишо [П. и мировая литература 2004: 43, статья В. Д. Рака]. В открывавшем их биографическом очерке Пишо упоминал о возмущении Байрона поступком Элгина и рассказывал анекдот об именах коллекционера и его жены, начертанных «новым Геростратом» на колонне Парфенона; издательское предисловие к «Проклетию Минервы» полемически заостряло вопрос о правомерности проекта Элгина [Вугон 1823: XXXII–XXXIII, 155–158]. Развернутый отчет о посещении экспозиции античных памятников в Британском музее с размышлениями о спорах, сопровождавших их приобретение, содержится в письме X «Исторического и литературного путешествия по Англии и Шотландии» [Pichot 1825, 1: 87–95]. Примечания Байрона ко 2-й песне «Паломничества Чайльд-Гарольда» также отчасти погружают ламентации поэта в фактографический, хотя, разумеется, и принципиально тенденциозный контекст.

Предположение о связи «безносых гениев» «Кладбища» с «безносыми статуями» Элгина согласуется, кажется, и с важными содержательными акцентами текстов Байрона и Пишо. Байрон открыто и недвусмысленно интерпретировал вывоз античных сокровищ из Греции как локальную реализацию имперских амбиций Британии, движимой жаждой наживы и страстью к экспансии, грабежу и насилию. Решение британского парламента в пользу покупки коллекции действительно представляло собой политический акт, на тот момент беспрецедентный и весьма значимый. Апроприированное государством на средства налогоплательщиков и ставшее частью открытого для публики музейного пространства, классическое наследие превращалось в инструмент идеологии, призванный убеждать наблюдателя в величии британской цивилизации, не только способной полноценно воспринять искусство «золотого века», но и, как заявлялось в отчете парламентской комиссии, однажды даже превзойти его [Wood 1998: 172]. Проще говоря, «безносые болваны» (как и военные мемориалы в соборе Святого Павла) были прочно встроены в идеализированную систему официально легитимизированных социальных ценностей. Для Байрона все эти притязания служат предметом злой насмешки. И в «Паломничестве Чайльд-Гарольда», и в «Проклетию Минервы» соотечественники поэта, предъявившие собственнические права на античную культуру, начисто лишены эстетического чувства: расхитители Парфенона «никогда не

ощущали священного жара» восторга («never felt the sacred glow» — «Паломничество Чайльд-Гарольда» [Byron 1835: 83]), отягощенный возрастом и регалиями эксперт интеллектуально беспомощен, любопытная дама, осматривая экспозицию, отмечает лишь специфические физические параметры статуй, с которыми достоинства ее сэра Гарри, увы, не идут ни в какое сравнение. Сам же Элгин, при жизни испытывший на себе гнев Венеры, после смерти волею Минервы навеки обречен стоять на пьедестале презрения статуей — надо полагать, безносой («So let him stand, through ages yet unborn, / Fix'd statue on the pedestal of Scorn» — «Проклятие Минервы» [Ibid.: 190]).

Амадей Пишо в «Путешествии по Англии и Шотландии» также оговаривает интеграцию «мраморов Элгина» в публичное пространство, специально обращая внимание адресата на статус Британского музея, который, в отличие от Лувра, представляет собой «институт королевский и национальный, [...] или общественный, то есть он непосредственно подчинен правительству и им содержится» («un établissement royal et national, [...] ou public, c'est-à-dire placé sous l'immédiate direction du gouvernement et entretenu par lui») [Pichot 1825: 86]. Экспозиция, по словам Пишо, предъявляет зрителям «изувеченных богов Греции» («dieux mutilés de la Grèce» [Ibid.: 87]), ценность которых внятна лишь профессионалу:

Les sculptures du Muséum de Londres, dans l'état où elles sont, ne parlent guère qu'aux yeux du sculpteur et du peintre: le peuple ne voit que des pierres informes là où l'imagination de l'artiste devine et recompose l'œuvre détruite («Скульптуры лондонского музея, в их теперешнем состоянии, говорят что-то только взгляду скульптора и живописца: публика видит лишь бесформенные камни там, где воображение художника угадывает и восстанавливает разрушенное творение») [Ibid.: 89–90].

Для моего сюжета в этом рассказе примечательны два момента. Первый — факт выхолащивания идеологической ценности коллективного мемориального пространства, каковую оно, казалось бы, предназначено утверждать: ставшие достоянием государства и нации памятники умершей цивилизации утрачивают свою сакральную, содержательную и эстетическую составляющую¹⁰. Второй — связь деформации скульптуры с невозможностью ее непосредственного живого восприятия. Оба смысла релевантны для пушкинской картины мемориального локуса, принадлежащего столице, понимаемой как «город с подчеркнутым признаком административности, [...] как сгусток политической и гражданской структуры общества» [Лотман 1996: 118]. Явные же неприязненно-иронические

¹⁰ Ту же претензию, к слову, автор предъявляет и публичной библиотеке Британского музея, предлагающей посетителям созерцать пыльные корешки книг, недоступных для чтения [Pichot 1825: 87].

интонации первой строфы «Кладбища» коррелируют, пусть и в своем гораздо более мягком модусе, с желчным пафосом байроновских текстов, связанных с историей «безносых болванов».

В том, что касается эстетики, история эта оказалась в значительной степени парадоксальной. Приобретение и демонстрация «мраморов Элгина» в столичном музее, призванные обеспечить Британии блестящее положение в европейской культуре, хронологически совпали с началом заката популярности неоклассического искусства. Набирающая силу романтическая эстетика, утверждавшая ценность природы в ее бесконечном разнообразии и отдававшая приоритет непосредственному наблюдению, субъективному переживанию и творческому воображению, решительно отказывалась от прежнего «идеала красоты» («beau-idéal»), основанного на представлении об универсальных принципах разума и воплощенного в произведениях классической скульптуры. Хотя творения Фидия, сильно отличавшиеся от известных к тому времени римских изваяний, оказались отчасти вовлечены в процесс трансформации эстетической парадигмы, они не определяли его направление и не занимали в нем сколько-нибудь значимого места [Gurstein 2002]. Античное искусство все больше становилось областью сухого профессионального интереса знатоков; гению же предписывалось ориентироваться на живые впечатления, а не подражать античным образцам. Так, в анонимной рецензии на «Воспоминания о путешествии в некоторые части Греции, преимущественно поэтические» («Memorials of a Tour in Some Parts of Greece: Chiefly Poetical», 1834) Ричарда Монктона Милна утверждалось, что страсть к «ржавым монетам и безносым статуям» («rust-incrusted coins and noseless statues») прилична антикварию; поэт же и человек, обладающий вкусом, «чувствует вдохновение древней земли, по которой ступает» («feel the inspiration of the classic ground on which he treads») [The Metropolitan Magazine 1834].

В этом отношении симптоматично, что в повести Вашингтона Ирвинга «Происшествие с моим дядюшкой» («The Adventure of My Uncle») из книги «Рассказы путешественника» («Tales of a Traveller», 1824) «безносые статуи» упомянуты в описании французского парка, «холодного» и в буквальном, и в фигуральном смысле:

Замок Маркиза был один из самых древнейших. Гол, как сокол, стоял он один посреди пустыни, окружен усыпанными хрящем дорожками и холодными, каменными террасами; далее в старинном вкусе правильным, принужденно искусственным садом, разбитым на углы и квартиры; холодным, безлистным парком, геометрически прорезанным узкими аллеями, двумя или тремя холодными, по материалу и выражению, безносыми статуями и несколькими фонтанами, которые бросали довольно холодной воды, чтобы всякого при первом взгляде заставить стучать зубами» [Ирвинг 1825: 119–120].

Пушкину эта повесть была, несомненно, известна: на протяжении второй половины 1820-х гг. она дважды публиковалась во французских переводах и трижды — в русских; предполагается, что реминисценция из нее содержится в «Каменном госте» (сц. III, 14–22) [Рак 2003: 330–335]. Не исключено поэтому, что ирвинговские «холодные», не вызывающие эмоционального отклика наблюдателя «безносые статуи» также способствовали появлению «безносых гениев» в пушкинской картине столичного кладбища, тем более что дебаты второй половины XVIII в. о преимуществах разных ландшафтных стилей, английского пейзажного или французского регулярного, были тесно ассоциированы и с концептуальным противопоставлением природы и искусства, сельской и городской жизни соответственно, и с идеологическими и эстетическими подвижками, приближавшими кладбищенскую реформу. К числу последних относилась прочная интеграция мемориального локуса в пространство английского парка, доминирующего в садово-парковой культуре пушкинского времени — феномен, ярко манифестированный в литературе, в частности, хорошо известными Пушкину текстами — например, поэмой «Сады» («*Les jardins, ou l'art d'embellir les paysages*», 1782) Жака Делиля, трижды публиковавшейся в русских переводах в период 1801–1816 гг., или «Славянка» (1815) В. А. Жуковского [Савицкий 2006].

* * *

К 1830-м гг. XIX в. образ уединенной могилы в тени деревьев как обители идеального упокоения превратился в поэтическое «общее место». В этой ситуации поиск конкретного претекста для второй части пушкинского «Кладбища» по очевидным причинам затруднен. Попытки решить эту задачу, разумеется, предпринимались. Г. П. Макогоненко указывал на сходные с пушкинскими мотивы в переводной идиллии И. И. Дмитриева «Две гробницы» (1789), где путник в душевном стеснении и отвращении бежит от обломков поверженного памятника державному завоевателю и тирану и радуется укрытой в тени дуба могиле «простого гражданина», трудами которого возделана разоренная войной долина [Дмитриев 1997: 261; Макогоненко 1982: 446]. С. А. Кибальник [1998: 176] возводил вторую строфу «Кладбища» к фрагменту поэмы Ипполито Пиндемонта «Четыре времени суток» («*Le quattro parti del giorno*», опубл. 1788). Фрагмент был известен Пушкину с 1821 г. по имевшейся в его библиотеке книге Ж.-Ш.-Л. Сисмонда де Сисмонди «О литературе Южной Европы» («*De la littérature du Midi de l'Europe*», 1813–1829) [Томашевский 1961: 265; Модзалевский 1910: 338, № 1391]; переведенное Сисмонди описание скромного надгробия среди цветущих холмов под сенью дуба, места блаженного умиротворения поэта,

счастливого обретшего лучшее из посмертных пристанищ, предварялось здесь кратким очерком взглядов Пиндемонте, последователя Грея и ценителя «наслаждений природы, сельской жизни и одиночества» (*«les plaisirs de la nature, ceux de la campagne et de la solitude»*) [Sismondi 1829, 3: 72]. В парадигму подобных параллелей легко встраивается и упомянутый выше рассказ о мемориале Шарлотты Уэльской в 5-м письме «Путешествия по Англии и Шотландии» Пишо.

Представляется, однако, что у пушкинского «кладбища родового» имелся еще один претекст, гораздо более важный и близкий занимающему меня стихотворению и в сюжетном, и в эстетическом, и в хронологическом отношениях. Это первая статья из триптиха Уильяма Вордсворта «Эссе об эпитафиях» (*«Essay upon Epitaphs»*), опубликованная впервые в 1810 г. в периодическом издании Сэмюэля Кольриджа «Друг» (*«The Friend»*, 1810, № 25, February, 22) и с 1814 г. включавшаяся в примечания к 5-й книге поэмы Вордсворта «Прогулка» (*«The Excursion»*, 1814). Начну с актуальных для моей темы содержательных составляющих этого текста.

Предмет, занимающий Вордсворта, — погребальный монумент как посредник, обеспечивающий взаимодействие живых и мертвых. Памятник защищает останки умершего человека от надругательства и сохраняет память о нем. Охранительная и мемориальная функции равно важны: бренная плоть и бессмертная душа, аффективная привязанность к ушедшему и трансцендентная связь с ним мыслятся Вордсвортом как нерасторжимое единство, подобное единству стадий природного суточного или сезонного цикла. Законы природы предстают универсальной моделью осмысления и языком описания отношений жизни и смерти, а природный ландшафт — идеальным местом захоронения. Пример тому — античная традиция погребать усопших за стенами городов вдоль проезжих трактов или удаленные от поселений ориентальные кладбища, которым Вордсворт противопоставляет неудовлетворительную, с его точки зрения, современную практику европейских внутригородских захоронений:

Even were it not true that Tombs lose their monitory virtue when thus obtruded upon the Notice of Men occupied with the cares of the World, and too often sullied and defiled by those cares, yet still, when Death is in our thoughts, nothing can make amends for the want of the soothing influences of Nature, and for the absence of those types of renovation and decay, which the fields and woods offer to the notice of the serious and contemplative mind. To feel the force of this sentiment, let a man only compare in imagination the unsightly manner in which our Monuments are crowded together in the busy, noisy, unclean, and almost grassless Churchyard of a large Town, with the still seclusion of a Turkish Cemetery, in some remote place; and yet further sanctified by the Grove of Cypress in which it is embosomed

(«Если бы даже гробницы не утрачивали своей назидательной силы, столь бесцеремонно являемые взорам людей, погруженных в мирские заботы, и слишком часто этими заботами запятнанные и оскверненные, тем не менее, когда смерть занимает наши мысли, ничто не может восполнить недостаток утешительного действия Природы и нехватку тех символов обновления и разложения, которые поля и леса предоставляют восприятию серьезного и созерцательного ума. Чтобы ощутить силу этого чувства, позвольте человеку лишь сравнить в воображении ту неприглядную манеру, в которой наши памятники скучены на беспокойном, шумном, грязном и почти лишенном травы кладбище большого города, с тихим уединением турецкого кладбища, в каком-нибудь удаленном месте, и к тому же освященном кипарисовой рощей, заключающей его в объятия») [Wordsworth 1828: 337]¹¹.

Образцы идеального упокоения, античная могила и турецкое захоронение, удалены от автора эссе хронологически, пространственно и профессионально, поэтому он находит им приличный аналог — деревенское приходское кладбище:

A Village Church-yard, lying as it does in the lap of Nature, may indeed be most favourably contrasted with that of a Town of crowded Population; and sepulture therein combines many of the best tendencies which belong to the mode practised by the Ancients, with others peculiar to itself. The sensations of pious cheerfulness, which attend the celebration of the Sabbath-day in rural places, are profitably chastised by the sight of the Graves of Kindred and Friends, gathered together in that general Home towards which the thoughtful yet happy Spectators themselves are journeying. Hence a Parish Church, in the stillness of the Country, is a visible centre of a community of the living and the dead... («Деревенское кладбище, будучи расположено на лоне природы, действительно выигрывает на фоне перенаселенного городского; и захоронение там сочетает многие лучшие свойства, присущие манере древних, с прочими, специфическими лишь для него. Чувство благочестивой веселости, которое сопровождает торжества священного дня отдохновения в сельской местности, с пользой умеряется, ограничивается и сдерживается видом могил родных и друзей, собранных вместе в том общем доме, к которому погруженные в раздумья, но счастливые созерцатели следуют и сами. Следственно, приходская церковь, в тиши сельской местности, есть зримое средоточие сообщества живых и мертвых...») [Ibid.].

Близость этой части «Эссе об эпитафиях» и «Кладбища» заметна уже на сюжетном уровне. Речь идет не только о самом противопоставлении городского и сельского кладбищ, но и о сходных чувствах, сопровождающих взаимодействие с ними. У Вордсворта созерцание «неприглядных» городских могил связано с ощущением «бесцеремонного вторжения» их в мир живых; деревенские же ассоциированы с «благочестивой весе-

¹¹ По какому изданию Пушкин читал «Прогулку», неизвестно. Я буду ссылаться на однотомное парижское издание 1828 г., следуя принятой в пушкиноведении традиции [П. и мировая литература 2004: 90, статья В. Д. Рака].

лостью», счастьем и погруженностью в раздумья. У пушкинского героя столичное кладбище вызывает «злое уныние» и желание «плюнуть да бежать»; впечатление от сельского кладбища передано словом «любо». Оба текста содержат упоминание о тесноте и скученности городских захоронений («Monuments [...] crowded together» [Wordsworth 1828: 337] vs. «гробницы, [...] стесненные рядом» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 422]). Эпитет Вордсворта «unclean» находит семантическую параллель в пушкинских «склизких» могилах и картинах телесного разложения («гниют [...] мертвецы» [Ibid.]); эпитет «busy» соответствует описанию городского кладбища как деятельного и беспокойного: здесь непрерывно хоронят, сюда навещаются вору. «Мирские заботы» («cares of the World» [Wordsworth 1828: 337]) переключаются со «службой» и «чинами» покойных, уподобленных «жадным гостям», борющимся за скудные ресурсы. В свою очередь, английскому сельскому кладбищу (как и удаленному от города турецкому) свойственны покой, тишина и уединение (см.: «still seclusion of a Turkish Cemetery», «in the stillness of the Country» [Ibid.]); «торжественный покой» составляет достоинство и пушкинского деревенского кладбища. Крестьяне Вордсворта, следующие в раздумьях своим путем в виду могил в день религиозного праздника, сродни селянину Пушкина, проходящему «близ камней вековых» «с молитвой и со вздохом» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 422]. Важная для Вордсворта мысль о деревенском кладбище как зримой репрезентации дружеских и семейных уз, связующих живых и мертвых в единое сообщество, находит отклик в пушкинском именовании деревенского захоронения: «кладбище родовое».

Еще один существенный аспект «Эссе об эпитафиях» — явно манифестированная в нем ассоцианистская оптика¹², уже упомянутая мной выше в качестве вероятного эстетического референта пушкинского «Кладбища». Именно она определяет для Вордсворта предпочтительность того, а не иного типа захоронения. По его мысли, образы природы, окружавшие могилы древних, обладали одним несомненным достоинством: они предоставляли созерцателю материал для «непосредственных впечатлений» («immediate impressions»), «подспудных сравнений» («tender similitudes») и «трогательных аналогий» («affecting analogies»), длинный перечень которых автор приводит здесь же: жизнь уподобляется путешествию, смерть — сну, несчастье — буре, красота — увядающему цветку и т. д. Деревья, цветы и ручьи стимулировали работу воображения, способствовали рождению в сознании наблюдателя продуктивной цепочки ассоциаций и тем самым «должны были сообщать

¹² Об ассоцианистских воззрениях Вордсворта и соответствующих контекстах его творчества, а также библиографию вопроса см., например: [Hayden 1984; Craig 2007: 85–135].

языку бесчувственного камня голос, коему придавало силу и очарование благоволение той Природы, с которой он пребывал в гармонии» («must have given to the language of the senseless stone a voice enforced and endeared by the benignity of that Nature with which it was in unison») [Wordsworth 1828: 336–337]. Именно этих эмоциональных стимулов и ассоциативной опоры лишены посетители городского кладбища¹³, отвлекаемые повседневными заботами и раздражаемые «бесцеремонностью» сопряжения их с мортальными образами — настроение, вполне соответствующее эмоциям пушкинского лирического героя в первой строфе стихотворения.

Риску предположить, что «Эссе об эпитафиях» — текст, не просто типологически соотносимый с «Кладбищем», но и оказавший на него непосредственное влияние. Известно, что в 1830-е гг. Пушкин проявляет интерес к английской литературе, а жизненная философия поэтов «озерной школы», их идеал «личной свободы, которая достигается в сельском уединении [...], где поэт-отшельник может наслаждаться семейственным покоем, созерцанием природы, самопознанием и творчеством» (программа, явно манифестированная в «Прогулке» Вордсворта) находит заметный отклик в его мировоззрении и произведениях, к числу которых относится и неоднократно упоминавшийся здесь план ПД 241 [Долинин 2007: 45; подробнее см.: Ibid.: 42–47; Мазур 2005: 369]. Пушкин определенно знал «Прогулку»: в 1833 г. он сделал прозаический подстрочный перевод вступительной ремарки и 24 стихов первой книги поэмы¹⁴. Вполне вероятно, что обширное примечание к ней, обладающее к тому же самостоятельным заглавием, привлекло его внимание, тем более что к этому, возможно, имелся и дополнительный стимул.

¹³ См. в цитате выше: «nothing can make amends [...] for the absence of those types of renovation and decay, which the fields and woods offer to the notice of the serious and contemplative mind» («ничто не может восполнить [...] нехватку тех символов обновления и разложения, которые поля и леса предоставляют восприятию серьезного и созерцательного ума») [Wordsworth 1828: 337].

¹⁴ Хотя этот перевод в тетради ПД 845 (л. 49об.–49), вероятнее всего, обязан своим появлением не творческой, а учебной задаче и предпринимался ради упражнения в английском языке, он также заслуживает внимания в рамках моей темы. В переведенном фрагменте противопоставлены две картины. Первая изображает повествователя, который мучительно одолевает трудный путь «томными шагами по скользкому грунду», осаждаемый докучными насекомыми. На второй его глазам предстает незнакомец, покойно дремлющий в тени, на мшистой земле, в окружении прекрасного пейзажа; вид его будит в душе усталого путника желание «найти столь же приятное убежище и столь живую радость» [Рукою Пушкина 1997: 91]. Эта оппозиция неуспокоенности и незавершенности пути, с одной стороны, и отдыха в счастливо обретенном пристанище, с другой, релевантна и для «Эссе об эпитафиях» [см. об этом: Sharp 1995: 291–292], и для «Кладбища». Соблазнительно также сопоставить «склизкие» могилы и «болото» в пушкинском описании «публичного кладбища» со «скользким грундом» кишашей насекомыми местности в переводе из Вордсворта, хотя, возможно, этой параллели и недостает фундированности.

25 июля 1835 г., примерно за год до создания «Кладбища» Пушкин пишет вчерне начало задуманной им биографии Байрона. По наблюдению А. А. Долинина [2007: 210–212], этот набросок носит следы знакомства поэта с сохранившейся в его библиотеке [Модзалевский 1910: 254, № 1013] книгой воспоминаний английского писателя Ли Ханта, куда вошли и письма Байрона мемуаристу. В письме под номером IX, датированном сентябрем — 30 октября 1815 г., содержится негативный читательский отзыв Байрона на «Прогулку» Вордсворта. Один из двух эпизодов, особенно раздраживших адресанта, — цитированный выше фрагмент примечаний, содержащий сравнение английского городского и турецкого загородного кладбищ:

[...] he talks of our “Monuments crowded together in the busy, &c. of a large town,” as compared with the “still seclusion of a Turkish cemetery in some *remote* place.” This is pure stuff: for *one* monument in our churchyards there are *ten* in the Turkish, and so crowded, that you cannot walk between them; they are always close to the walls of the towns, that is, merely divided by a path or road; and as to “remote places,” men never take the trouble, in a barbarous country, to carry their dead very far; they must have lived near to where they are buried. There are no cemeteries in “*remote* places,” except such as have the cypress and the tombstone still left, where the olive and the habitation of the living have perished..... («[...] он говорит о наших “памятниках, скученных на беспокойном, и т. д. большого города”, в сравнении с “тихим уединением турецкого кладбища в каком-нибудь удаленном месте”. Это полная чушь: на *один* памятник на наших кладбищах приходится *десять* на турецком, и настолько скученных, что между ними нельзя пройти; они всегда расположены вблизи городских стен, вернее, просто отделены от них тропой или трактом; а что до “удаленных мест”, то люди в азиатской стране никогда не дают себе труда носить своих мертвых слишком далеко; они наверняка жили рядом с тем местом, где похоронены. В “удаленных местах” нет кладбищ, не считая случаев, когда кипарис и гробница сохранились там, где олива и обиталище живых сгинули.....») [Hunt 1828: 267–268].

Есть вероятность, что письмо Байрона, попавшись на глаза Пушкину, могло оживить в памяти поэта уже знакомый ему текст Вордсворта или подтолкнуть к его прочтению, если оно не состоялось ранее. Немаловажно также, что, пусть и в полемическом модусе, этот отзыв акцентировал важную для Пушкина и манифестированную в «Кладбище» мысль о нерасторжимой связи живых и мертвых, образующих единое родовое сообщество.

В заключение я хотела бы обратить внимание на еще одну, возможно, необязательную и далековатую, но примечательную переключку между стихотворением Пушкина и «Эссе» Вордсворта. Говоря о специфике лексической организации поздней лирики Пушкина, Лидия Гинзбург замечала, что «предметное и бытовое поднято здесь на высоту

мыслей о времени, о жизни и смерти» — тенденция, которая просматривается и в описании «родового» погоста во второй строфе «Кладбища» [Гинзбург 1997: 213, подробнее см.: 211–213]. Сходный принцип организации текста постулирует и Вордсворт, описывая идеальную эпитафию. Он предостерегает сочинителей от излишней детализации, скрупулезности и точности в изложении деталей биографии и перечислении достоинств покойного, поскольку это затрудняет эмоциональный отклик, который призвана стимулировать посмертная надпись. Индивидуальные черты «должны быть связаны воедино посредством всеобъемлющего чувства сострадания и представлять возвышенными в единой гармонии» («ought to be bound together and solemnized into one harmony by the general sympathy»). Символом этого примиряющего и объединяющего миры мертвых и живых действия, творимого начертанным на гробнице словом, служит у Вордсворта образ великолепного дерева, будто являющегося взору созерцателя при чтении эпитафии:

The character of a deceased Friend or beloved Kinsman is not seen, no — nor ought to be seen, otherwise than as a Tree through a tender haze or a luminous mist, that spiritualizes and beautifies it; that takes away indeed, but only to the end that the parts which are not abstracted may appear more dignified and lovely, may impress and affect the more. Shall we say, then, that this is not truth, not a faithful image; and that accordingly the purposes of commemoration cannot be answered? — It is truth, and of the highest order! [...] The composition and quality of the mind of a virtuous man, contemplated by the side of the Grave where his body is mouldering, ought to appear, and be felt as something midway between what he was on Earth walking about with his living frailties, and what he may be presumed to be as a Spirit in Heaven («Характер ушедшего друга или возлюбленного сородича предстает — и должен представлять не иначе, как подобным Дереву сквозь нежную дымку или серебристый туман, который одухотворяет его и делает прекрасным; да, это отдаляет, но лишь настолько, чтобы детали, не подвергшиеся обобщению, могли приобрести образ более достойный и милый, могли впечатлить и тронуть сильнее. Должны ли мы говорить, что это не правда, не подлинный образ, и, тем самым, он не отвечает задаче сохранения памяти? — Это правда, но высшего порядка! [...] Склад и качества личности добродетельного человека, составляющие предмет размышлений у могилы, где обращается в прах его тело, должны видаться и ощущаться как нечто промежуточное между его земным существом, в его живой бренности, и его предполагаемым небесным духом») [Wordsworth 1828: 338].

Было бы жаль не отметить наличие хотя бы гипотетической связи с этим рассуждением четырех последних стихов «Кладбища», где дерево, укрывающее могилы, предстает утешительной альтернативой мемориалам столичного кладбища: «На место праздных урн и мелких пирамид, / Безносых гениев, растрепанных харит / Стоит широко дуб над важными

гробами, / Колеблясь и шумя...» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 423]. Упоминание же Вордсворта об «ушедшем друге» в этом контексте могло актуализировать имплицитированное в сюжете стихотворения и состоявшееся незадолго до его создания посещение Пушкиным могилы А. А. Дельвига на Волковом кладбище: «Я посетил твою могилу, но там тесно...» [Пушкин 1837–1959: 477; подробнее см.: Алексеев 1967: 152–154, 157–164].

Библиография

Источники

Бобров 2008

Бобров С. С., *Рассвет полночи. Херсонида. В 2 т.*, 1, Москва, 2008.

Гаевский 1834

Гаевский С. Ф., *Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге*, С.-Петербург, 1834.

Гуфеланд 1803

Гуфеланд Х. В., *Наука, показывающая способы к достижению долговременной жизни. Перевел с немецкого Императорского Московского университета студент Петр Озеров. [В 2 т.]*, 2, Москва, 1803.

Дмитриев 1997

Дмитриев И. И., *Полное собрание стихотворений*, Ленинград, 1967.

Ирвинг 1825

Ирвинг В., *Похождения моего дяди, Сын отечества*, 102/14, 1825, 117–141.

Карамзин 1991

Карамзин Н. М., *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*, Москва, 1991.

Капнист 2013

Капнист В. В., *Опыт перевода и подражания Горациевых од*, С.-Петербург, 2013.

Мережковский 1914

Мережковский Д. С., *Зимние радуги, Idem, Полное собрание сочинений: в 24 т.*, 15, Москва, 1914, 5–14.

Предохранительные размышления 1789

Предохранительные размышления для всякого человека о причинах жестоких болезней и скоропостижной смерти, кои внезапно похищают людей всякого сословия [...]. Перевод с французского, Москва, 1789.

ПСЗ 1830–1851, 1–45

Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]: В 45 т., С.-Петербург, 1830–1851.

Пушкин 1937–1959, 1–16

Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений: В 16 т.*, Москва; Ленинград, 1937–1959.

Руссо 1981

Руссо Ж.-Ж., *Педагогические сочинения: В 2 т.*, 1, Москва, 1981.

Сельская усадьба 2005

Зыкова Е. П., сост., вступ. ст., коммент., *Сельская усадьба в русской поэзии XVIII — начала XIX века*, Москва, 2005.

Смирнов 1815

Смирнов С. И. Удовольствие, ощущаемое при воззрении на гробницы, *Амфион*, 10/11, 1815, 98–105.

Хотовицкий 1833

Хотовицкий С. Ф., О смерти в медико-полицейском отношении, *Военно-медицинский журнал*, 22/2–3, 1833, 320–358, 453–574.

Achaintre 1823

Batteux Ch., trad., Achaintre N.-L., comment., *Oeuvres complètes d'Horace*, 3 vol., 2, Paris, 1823.

Alison 1790

Alison A., *Essays on the Nature and Principles of Taste*, London; Edinburgh, 1790.

Andrieu 1787

Andrieu A., Avis conservateur du Citoyen, sur les causes de maladie violente et de mort imprévue, qui ravagent soudain les hommes de tous les rangs... [Extrait], *Mercure de France*, 14 (Supplém., 7 Avril), 1787, 1–11.

Binet 1783, 1–2

Binet R., *Traduction des Œuvres d'Horace*, 2 vol., Paris, 1783.

Bouillet 1828.

Bouillet M.-N., *Dictionnaire classique de l'antiquité sacrée et profane*, 2 vol., 2, Paris, 1828.

Byron 1823

Byron J. G., *Œuvres. Quatrième édition, entièrement revue et corrigée par A. Pichot; précédée d'une notice sur lord Byron*, par M. Charles Nodier, 8 vol., 1, Paris, 1823.

Byron 1835

Byron J. G., *The Complete Works*, Paris, 1835.

Cunningham 1830

Cunningham A., *The Lives of the Most Eminent British Painters, Sculptors and Architects*, 6 vol., 3, London, 1830.

Chénier 1805

Chénier M. J. B., de, *Le cimetière de campagne, élégie anglaise de Gray, traduction nouvelle en vers français*, Paris, 1805.

Danet 1740

Danet P., *Magnum Dictionarium latinum et gallicum, ad pleniorum planiorumque scriptorum latinorum intelligentiam. Collegit, digessit, ac nostro vernaculo reddidit... Petrus Danetius, ... ad usum serenissimi Delphini*, Lugduni, 1740.

Dusaulx 1796

Dusaulx J., *Voyage à Barege et dans les hautes Pyrenees fait en 1788*, 1, Paris, 1796.

Encyclopédie 1799

Diderot D., Alembert J. Le Rond d', eds., *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres*, 8, Lausanne, Berne, 1779.

Hervey 1764

Hervey J., *Meditations among the Tombs in a Letter to a Lady*, London, 1746.

Hunt 1828

Hunt J.-H.-L., *Lord Byron and Some of his Contemporaries; with Recollections of the Author's Life, and of his Visit to Italy*. 2 vol., 1, London, 1828.

Geoffroy 1800

Geoffroy J.-L., Discours préliminaire sur la poésie pastorale, *Idylles de Théocrite, traduites en français avec des remarques, par Julien-Louis Geoffroy*, Paris, 1800, v–xxxii.

Gray 1787

Gray Th., *Poems. A new edition*, London, Gainsbrough, 1787.

Magniez 1721

Magniez N., *Novitius, seu Dictionarium latino-gallicum Schreveliana methodo digestum...*, 4 vol., 2, Lutetiae Parisiorum, 1721.

Malcolm 1803

Malcolm J. P., *Londinium Redivivum Or an Antient History and Modern Description of London: Compiled from Parochial Records, Archives of Various Foundations, the Harleian Mss. and Other Authentic Sources*, 4 vol., 3, London, 1803.

The Metropolitan Magazine 1834

Anon., Memorials of a Tour in some Parts of Greece, chiefly Poetical. By <Richard> Monckton Milnes, *The Metropolitan Magazine*, 9, 1834, 12.

Moser 1803

Moser J., Vestiges, Collected and Recollected, *The European Magazine, and London Review*, 43/1, 1803, 9–17.

Pichot 1825

Pichot A., *Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Écosse*, 3 vol., 1, Paris, 1825.

The Penny Magazine 1844

Anon., Barbers and Surgeons, *The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge*, 13, 1844, 87–88, 91–92.

Rousseau 1781

Rousseau J. J., *Émile ou De l'Education*, 4 t. en 2 vol., 1, Londres, 1781.

Saint Aubin 1826

Saint Aubin P. P., de, *Promenade aux cimetières de Paris, aux sépultures royales de Saint-Denis, et aux catacombes...*, Paris, 1826.

Saint-Pierre 1784

Saint-Pierre J.-B.-H. de, *Études de la nature*, 3 vol., 3, Paris, 1784.

Saint-Pierre 1789–1792

Saint-Pierre J.-B.-H., de, *Voeux d'un solitaire, pour servir de suite aux Études de la nature. — Suite des Voeux d'un solitaire, pour servir de complément au 5e volume des «Études de la nature», avec la Chaumière indienne [et le Café de Surate]*, Paris, 1789–1792.

Sismondi 1829

Sismondi J.-C.-L. Simonde, de, *De la littérature du midi de l'Europe*, 4 vol., 3, Paris, 1829.

Wordsworth 1828

Wordsworth W., *The Poetical Works. Complete in One Volume*, Paris, 1828.

Литература

Аксаментова 2022

Аксаментова Е., Идол, болван и автомат: об одной сатирической традиции в русской литературе второй половины XVIII века, М. Григорьев, Т. Степанищева, ред., *Русская филология*, 32. Сборник научных работ молодых филологов, Тарту, 2022, 21–34.

Алексеев 1967

Алексеев М. П., *Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения*, Ленинград, 1967.

Анненков 1855

Анненков П. В., *Пушкин А. С. Сочинения: В 7 т., 1: Материалы для биографии А. С. Пушкина*, С.-Петербург, 1855.

Ахматова 1983

Ахматова А. А., *Сочинения: В 3 т.*, 3, Paris, 1983.

Березина 1985

Березина О. Е., Болван, Ю. С. Сорокин, гл. ред., Е. Э. Биржакова, Л. Л. Кутина, ред., *Словарь русского языка XVIII века*, 2, Ленинград, 1985, 95.

Богданов 2005

Богданов К. А., *Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков*, Москва, 2005.

Вацууро 1994

Вацууро В. Э., *Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа»*, С.-Петербург, 1994.

Гинзбург 1997

Гинзбург Л. Я., *О лирике*, Москва, 1997.

Долинин 2007

Долинин А. А., *Пушкин и Англия: цикл статей*, Москва, 2007.

Кибальник 1998

Кибальник С. А., *Художественная философия Пушкина*, С.-Петербург, 1998.

Кобак, Пирютко 2009

Кобак А. В., Пирютко Ю. М., *Исторические кладбища Санкт-Петербурга*, Москва, С.-Петербург, 2009.

Козлов 2013

Козлов В. И., *Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории*, Москва, 2013.

Лотман 1996

Лотман Ю. М., *О поэтах и поэзии*, С.-Петербург, 1996.

Мазур 2005

Мазур Н. Н., «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»: источники и контексты, Е. О. Ларионова, ред., *Пушкин и его современники: сборник научных трудов*, 4 (43), 2005, 364–419.

Макогоненко 1982

Макогоненко Г. П., *Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы: (1833–1836)*, Ленинград, 1982.

Михайлова 2015

Михайлова Н. И., *Психея, задумавшаяся над цветком...: О Пушкине*, Москва, 2015.

Модзалевский 1910

Модзалевский Б. Л., Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание), *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, 9–10, 1910, 1–370.

Мохов 2018

Мохов С. В., *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия*, Москва, 2018.

Нетунахина 1978

Нетунахина Г. Д., Памятники XVIII в. и первой половины XIX в., В. В. Ермонская, Г. Д. Нетунахина, Т. Ф. Попова, *Русская мемориальная скульптура: К истории художественного надгробия в России XI – начала XX в.*, Москва, 1978, 49–105.

Николози 2009

Николози Р., *Петербургский панегирик XVIII века: миф-идеология-риторика*, Москва, 2009.

Пироговская 2018

Пироговская М. М., *Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века*, С.-Петербург, 2018.

П. и мировая литература 2004

Рак В. Д., отв. ред., *Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии»* (= Пушкин: Исследования и материалы, 18–19), С.-Петербург, 2004.

Рак 2003

Рак В. Д., Ирвинговская реминисценция в «Каменном госте», Idem, *Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям)*. Сборник статей, С.-Петербург, 2003, 330–342.

Розанов 1937

Розанов М. Н., Пушкин и итальянские писатели XVIII – начала XIX века, *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук*, 2–3, 1937, 337–368.

Рукою Пушкина 1997

Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений: в 19 т.*, 17: Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев, ред., *Рукою Пушкина: Выписки и записки разного содержания. Официальные документы*, изд. 2-е, перераб., Москва, 1997.

Савицкий 2006

Савицкий С., Повторение прогулки: «Славянка» В. А. Жуковского в контексте литературы о парках, *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, 10: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч., 1, Тарту, 2006, 49–68.

Тойбин 1976

Тойбин И. М., *Пушкин: Творчество 1830-х годов и вопросы историзма*, Воронеж, 1976.

Томашевский 1961

Томашевский Б. В., *Пушкин: В 2 кн.*, 2: *Материалы к монографии (1824–1837)*, Москва, Ленинград, 1961.

Франц. элегия 1989

Вацууро В. Э., сост., Вацууро В. Э., Мильчина В. А., вступ. статьи и коммент., *Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры = L'Élegie française des XVIIIe–XIXe siècles traduite par des poètes russes de l'époque de Pouchkine*, Москва, 1989.

Ходасевич 1997

Ходасевич В. Ф., *Собрание сочинений: В 4 т.*, 3, Москва, 1997.

Шварцбанд 1997

Шварцбанд С. М., О поэтических динамических системах («Пророк» и «Когда за городом задумчив я брожу...»), *Пушкинский сборник = Pushkin's Collection*, 2 vol., 1, Иерусалим, 1997, 91–114.

Beard 2004

Beard M., *The Parthenon: Temple, Cathedral, Mosque, Ruin, Icon*, London, 2004.

Beugnot 1996

Beugnot B., *Le Discours de la retraite au XVII-me siècle: loin du monde et du bruit*, Paris, 1996.

Craig 2007

Craig C., *Associationism and the Literary Imagination: From the Phantasmal Chaos*, Edinburgh, 2007.

Garrison 2009

Garrison J. D., *A Dangerous Liberty. Translating Gray's Elegy*, Newark, 2009.

Gurstein 2002

Gurstein R., The Elgin Marbles, Romanticism and the Waning of “Ideal Beauty”, *Daedalus*, 131/4, 2002, 88–100.

Engell 1981

Engell J., *The Creative Imagination. Enlightenment to Romanticism*, Cambridge Mass., London, 1981.

Etlin 1984

Etlin R. A., *The Architecture of Death. The Transformation of the Cemetery in Eighteenth-Century Paris*, Cambridge Mass., London, 1984.

Hayden 1984

Hayden J., Wordsworth, Hartley, and the Revisionists, *Studies in Philology*, 81/1, 1984, 94–118.

Hook 2005

Hook H., Nelson Entombed: The Military and Naval Pantheon in Saint Paul's Cathedral, D. Cannadine, ed., *Admiral Lord Nelson: Context and legacy*, Basingstoke, New York, 2005, 115–143.

Laqueur 2015

Laqueur Th. W., *The Work of the Dead. A Cultural History of Mortal Remains*, Princeton N. J., 2015.

Rosen, Sluiter 2006

Rosen R. M., Sluiter I., eds., *City, Countryside, and the Spatial Organization of Value in Classical Antiquity* (= Mnemosyne, bibliotheca classica Batava. Supplementum, 279), Leiden, 2006.

Røstvig 1971

Røstvig M. S., *The Happy man: Studies in the Metamorphoses of a Classical Ideal*, 2 vol., 2 (= Norwegian studies in English, 2), Oslo, 1971.

Sharp 1995

Sharp M. T., Re-Membering the Real, Dis(re)membering the Dead: Wordsworth's "Essays Upon Epitaphs", *Studies in Romanticism*, 34/2, 1995, 273–292.

Vinitsky 2011

Vinitsky I., "The Queen of Lofty Thoughts": The Cult of Melancholy in Russian Sentimentalism, M. D. Steinberg., V. Sobol., eds., *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe*, 2011, DeKalb Il., 25–53.

Warren 1921

Warren H. C., *A history of the association psychology*, New York, 1921.

Wood 1998

Wood G., Mourning the Marbles: The Strange Case of Lord Elgin's Nose, *The Wordsworth Circle*, 29/3, 1998, 171–177.

References

Akhmatova A. A., *Sochineniia: v 3 t.*, 3, Paris, 1983.

Aksamentova E., Idol, bolvan and automaton: to one satirical tradition in Russian literature of the second half of the 18th century, M. Grigorev, T. Stepaništseva, eds., *Russkaia filologiiia*, 32. *Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*, Tartu, 2022, 21–34.

Alekseev M. P., *Stikhotvorenie Pushkina «Ia pamiatnik sebe vozdvig...»: Problemy ego izucheniia*, Leningrad, 1967.

Beard M., *The Parthenon: Temple, Cathedral, Mosque, Ruin, Icon*, London, 2004.

Berezina O. E., Bolvan, Yu. S. Sorokin, E. E. Birezakova, L. L. Kutina, eds., *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka*, 2, Leningrad, 1985, 95.

Beugnot B., *Le Discours de la retraite au XVII-me siècle: loin du monde et du bruit*, Paris, 1996.

Bogdanov K. A., *Vrachi, patsienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoi kul'tury XVIII – XIX vekov*, Moscow, 2005.

Craig C., *Associationism and the Literary Imagination: From the Phantasmal Chaos*, Edinburgh, 2007.

Dolinin A. A., *Pushkin i Angliia: tsikl statei*, Moscow, 2007.

Engell J., *The Creative Imagination. Enlightenment to Romanticism*, Cambridge Mass., London, 1981.

Etlin R. A., *The Architecture of Death. The Transformation of the Cemetery in Eighteenth-Century Paris*, Cambridge Mass., London, 1984.

Garrison J. D., *A Dangerous Liberty. Translating Gray's Elegy*, Newark, 2009.

Ginzburg L. Ya., *O lirike*, Moscow, 1997.

Gurstein R., The Elgin Marbles, Romanticism and the Waning of "Ideal Beauty", *Daedalus*, 131/4, 2002, 88–100.

Hayden J., Wordsworth, Hartley, and the Revisionists, *Studies in Philology*, 81/1, 1984, 94–118.

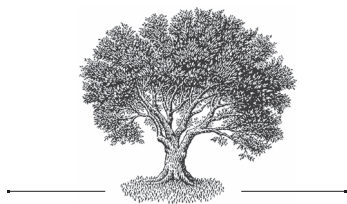
Hook H., Nelson Entombed: The Military and Naval Pantheon in Saint Paul's Cathedral, D. Can-

- nadine, ed., *Admiral Lord Nelson: Context and legacy*, Basingstoke, New York, 2005, 115–143.
- Khodasevich V. F., *Sobranie sochinenii: v 4 t.*, 3, Moscow, 1997.
- Kibalknik S. A., *Khudozhestvennaia filosofia Pushkina*, St. Petersburg, 1998.
- Kobak A. V., Pirjutko Yu. M., *Istoricheskie kladbishcha Sankt-Peterburga*, Moscow, St. Petersburg, 2009.
- Kozlov V. I., *Russkaia elegiia nekanonicheskogo perioda: ocherki tipologii i istorii*, Moscow, 2013.
- Laqueur Th. W., *The Work of the Dead. A Cultural History of Mortal Remains*, Princeton N. J., 2015.
- Lewkowsch J. L., Fomichev S. A., eds., *Rukoiu Pushkina: Vypiski i zapiski raznogo sodержaniia. Ofitsial'nye dokumenty*, 2nd ed., Moscow, 1997.
- Lotman Yu. M., *O poetakh i poezii*, St. Petersburg, 1996.
- Makogonenko G. P., *Tvorchestvo A. S. Pushkina v 1830-e gody: (1833–1836)*, Leningrad, 1982.
- Mazur N. N., «Pora, moi drug, pora! pokoiu serdtse prosit...»: istochniki i konteksty, E. O. Larionova, ed., *Pushkin i ego sovremenniki: sbornik nauchnykh trudov*, 4 (43), 2005, 364–419.
- Mikhailova N. I., *Psikheia, zadumavshaiasia nad tsvetkom...: O Pushkine*, Moscow, 2015.
- Mokhov S. V., *Rozhdenie i smert' pokhoronnoi industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertia*, Moscow, 2018.
- Netunakhina G. D., Pamiatniki XVIII v. i pervoi poloviny XIX v., V. V. Ermonskaia, G. D. Netunakhina, T. F. Popova, *Russkaia memorial'naia skulptura: K istorii khudozhestvennogo nadgrobiia v Rossii XI – nachala XX v.*, Moscow, 1978, 49–105.
- Nicolosi R., *Die Petersburg-panegyrik. Russische stadt-literatur im 18. Jahrhundert*, Moscow, 2009.
- Pirogovskaya M. M., *Miasmata, Symptoms, and Evidence. Smells in Russian Culture, 1850–1900s: Between Medicine and Morals*, St. Petersburg, 2018.
- Rak V. D., ed., *Pushkin i mirovaia literatura. Materialy k «Pushkinskoi entsiklopedii»* (= Pushkin: Issledovaniia i materialy, 18–19), St. Petersburg, 2004.
- Rak V. D., *Irvingovskaia reminisentsiia v «Kamennom goste»*, Idem, *Pushkin, Dostoevskii i drugie: (Voprosy tekstologii, materialy k kommentariiam). Sbornik statei*, St. Petersburg, 2003, 330–342.
- Rosen R. M., Sluiter I., eds., *City, Countryside, and the Spatial Organization of Value in Classical Antiquity* (= Mnemosyne, bibliotheca classica Batava. Supplementum, 279), Leiden, 2006.
- Røstvig M. S., *The Happy man: Studies in the Metamorphoses of a Classical Ideal*, 2 vol., 2 (= Norwegian studies in English, 2), Oslo, 1971.
- Rozanov M. N., Pushkin i ital'ianskie pisateli XVIII – nachala XIX veka, *Bulletin de l'Académie des sciences de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes. 7e série, Classe des sciences sociales*, 2–3, 1937, 337–368.
- Savitsky S., Melancholic Promenade in the Landscape Garden: Elegy “Slavianka” by Vasilii Zhukovsky, *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, 10: “The Present and the Past”: Cultural Reflection on the Earlier Epoch, 1, Tartu, 2006, 49–68.
- Schwarzband S. M., O poeticheskikh dinamicheskikh sistemakh («Prorok» i «Kogda za gorodom zadumchiv ia brozhu...»), *Pushkin's Collection*, 2 vol., 1, Jerusalem, 1997, 91–114.
- Sharp M. T., Re-Membering the Real, Dis(re)membering the Dead: Wordsworth's “Essays Upon Epitaphs”, *Studies in Romanticism*, 34/2, 1995, 273–292.
- Toibin I. M., *Pushkin: Tvorchestvo 1830-kh godov i voprosy istorizma*, Voronezh, 1976.
- Tomashevsky B. V., *Pushkin: v 2 kn.*, 2: *Materialy k monografii (1824–1837)*, Moscow, Leningrad, 1961.
- Vatsuro V. E., *Lirika pushkinskoi pory: «Elegicheskaiia shkola»*, St. Petersburg, 1994.
- Vatsuro V. E., Milchina V. A., eds., *L'Élegie française des XVIIIe–XIXe siècles traduite par des poètes russes de l'époque de Pouchkine*, Moscow, 1989.
- Vinitzky I., “The Queen of Lofty Thoughts”: The Cult of Melancholy in Russian Sentimentalism, M. D. Steinberg., V. Sobol., eds., *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe*, 2011, DeKalb Il., 25–53.
- Wood G., Mourning the Marbles: The Strange Case of Lord Elgin's Nose, *The Wordsworth Circle*, 29/3, 1998, 171–177.

Елена Валерьевна Кардаш, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Россия / Russia
theo.kardash@gmail.com

Received June 07, 2021

К вопросу
о причастном
функционировании
-л-формы в истории
русского языка
в свете русских
диалектных данных
и инославянского
материала

On the Participial
Functioning of the
l-form in the History
of the Russian
Language in the Light
of Russian Dialectal
Data and the Material
of the Other Slavic
Languages

Мария Вадимовна Ермолова

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт русского языка
Российской академии наук,
Москва, Россия

Maria V. Ermolova

HSE University;
Institute for Russian Language
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается гипотеза о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала. Как в русских диалектах, так и в других славянских языках обнаруживается множество фактов, подтверждающих обсуждаемую гипотезу. В первой части статьи исследуется функционирование

Цитирование: Ермолова М. В. К вопросу о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 245–280.

Citation: Ermolova M. V. (2022) On the Participial Functioning of the *l*-form in the History of the Russian Language in the Light of Russian Dialectal Data and the Material of the Other Slavic Languages. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 245–280.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

причастий в говоре Опочецкого района Псковской области и проводится сопоставительный анализ функций причастий в рассматриваемом диалекте и -л-формы в древне- и старорусских летописях. Как показывает материал, у анализируемых форм много общего, что свидетельствует в пользу предположения о некогда причастном характере -л-формы. Во второй части статьи в рамках ответов на сделанные в недавней статье М. Н. Шевелевой замечания приводятся другие, релевантные для корректного понимания развития -л-формы факты из истории русского языка, русских и инославянских диалектов.

Ключевые слова

древнерусский язык, русские диалекты, причастие, -л-форма, перфект

Abstract

The article analyzes the hypothesis about the participial functioning of the *l*-form in the history of the Russian language in the light of Russian dialectal data and the material of other Slavic languages. Many facts that confirm this hypothesis are found in both Russian dialects and Slavic languages. The first part of the paper discusses the functioning of participles in the dialect of the Opotchesky district of the Pskov region and provides the comparative analysis of the functions of the participle in the examined dialect and the *l*-form in the Old Russian chronicles. As the material shows, the analyzed forms have much in common, which testifies to the participial role that the *l*-form used to take. The second part of the paper answers some remarks made in a recent paper by M. Sheveleva by providing other facts from the history of the Russian language, Russian and other Slavic dialects, which are relevant to the correct understanding of the evolution of the *l*-form.

Keywords

Old Russian language, Russian dialects, participle, *l*-form, perfect tense

0. Вводные замечания

Любой лингвистический анализ, подразумевающий интерпретацию языковых явлений, всегда в большей или меньшей степени носит гипотетический характер. Особенно это касается анализа происходящих в языке изменений, цель которого — ответить на вопрос «почему?». В таком случае большую роль играют косвенные данные: выдвигаемая гипотеза тем сильнее, чем больше явлений она может объяснить, чем в большем количестве языковых фактов она позволяет видеть не хаос и случайность, а закономерность и последовательность. Для историка языка такие косвенные данные, несомненно, являют диалекты и родственные языки. Именно в них, реализующих общие языковые процессы другими, альтернативными способами, часто можно найти «живое» доказательство предполагаемого объяснения, отсутствующее

в литературном языке. «Показания письменных источников только в том случае получают полную достоверность, если они подтверждаются соответствующими твердо установленными диалектными фактами» [Сидоров 1969: 80] — данное высказывание В. Н. Сидорова относится к фонетике; в отношении других уровней языка слово «только» является слишком категоричным, однако не подлежит сомнению, что диалектные данные имеют огромную доказательную силу при реконструкции истории языковых процессов.

В [Скачедубова 2018, 2019; Ермолова 2020] высказывается гипотеза о возможности употребления *-л-*формы в древнерусском в качестве «обычного» причастия. Данное предположение строится на анализе древнерусского летописного нарратива, в котором выделяется несколько групп специализированных для *-л-*форм контекстов, которые повторяются во всех исследованных летописях. В упомянутых работах анализируется в основном древнерусский материал. В настоящей статье обратимся к диалектным данным как русского, так и других славянских языков, а также к отдельным типологическим явлениям и фактам истории языка, служащим дополнительными, косвенными доказательствами выдвинутой гипотезы.

Статья состоит из двух разделов. Первый представляет собой сопоставительный анализ функций причастий в опочецком говоре и *-л-*форм в древне- и старорусском. Как показывает материал, в функционировании рассматриваемых форм много общего, что является аргументом в пользу предположения о некогда причастном характере *-л-*формы. Во втором разделе в рамках ответов на сделанные в [Шевелева 2020] замечания рассматриваются другие, релевантные для обсуждаемой гипотезы факты из истории русского языка, русских и инославянских диалектов.

1. Сопоставительный анализ функционирования причастных форм в говоре Опочецкого района Псковской области и *-л-*формы в истории русского языка

Как известно, русским западным говорам (в большей части северным, в меньшей — в южным; см. карту 4 в [Кузьмина, Немченко 1971]) свойственно особое употребление причастных форм¹. Прежде всего речь идет о так называемом «новом» перфекте, который может образовываться с помощью и действительных, и страдательных причастий (на *-ш/-вш-* и на *-н/-т-* соответственно). Кроме того, причастия в этих говорах отличаются от причастий и деепричастий в литературном языке по ряду других синтаксических и морфологических признаков. Анализ

---

¹ Под причастиями в статье понимаются как изменяемые, так и неизменяемые производные глагольные формы с суффиксами *-ш-*, *-вш-*, *-н-*, *-т-*.

современных диалектных систем в сопоставлении с данными письменных памятников позволяет пролить свет на некоторые вопросы, касающиеся истории развития в русском языке как перфектных и плюсквам-перфектных форм, так и причастий вообще.

В статье анализируются некоторые особенности функционирования причастных форм в речи носителя опочецкого говора Псковской области Екатерины Григорьевны Федоровой (1929 г.р., 4 класса, родилась в д. Самсоново; далее ЕГФ) по 4,5-часовой записи, сделанной в 2019 г. в д. Сорокино. Полученные данные сопоставляются с древне- и старорусским летописным материалом. Речь ЕГФ насыщена диалектными особенностями, проявляющими себя крайне последовательно, и является образцом стройной языковой системы, не претерпевающей изменений под влиянием литературного языка. Именно поэтому представляется целесообразным исследовать интересующие нас формы исключительно по записи ЕГФ без привлечения других информантов.

В данном разделе рассматриваются типы употреблений причастий в опочецком говоре², которые сопоставляются с функциями -л-формы в древне- и старорусском. В пунктах 1.1.–1.4. последовательно рассматриваются функции анализируемых форм, в 1.5. делаются выводы.

1.1. Причастие в составе перфекта

Как уже было сказано, наиболее яркой особенностью функционирования причастий в западных говорах является их употребление в составе перфекта. Под перфектом, вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, в статье понимается система «грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия»³ [Кузьмина, Немченко 1971: 219]. Данная

² Опочецкие говоры по классификации [Захарова, Орлова 1970] относятся к среднерусским говорам Псковской группы. Детально образование и синтаксические функции причастий в опочецких говорах описаны в [Дьяченко et al. 2019] (см. также [Дьяченко et al. 2018]). Действительные причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени с помощью суффикса *-ш-* (*явилиш*, *выросши*); в речи младшего поколения от глаголов с основой на гласный чаще фиксируется суффикс *-вш-* (*явивиш*). Страдательные причастия прошедшего времени образуются суффиксами *-н-*/*-т-* аналогично тому, как это происходит в литературном языке (об особенностях образования и ударения см. [Дьяченко et al. 2018]). Оба типа причастных образований участвуют в образовании перфектных форм. Выбор залога зависит от переходности/непереходности глагола: «переходные глаголы образуют формы перфекта со страдательными причастиями, непереходные, в том числе возвратные, — с действительными; в формах перфекта суффикс *-ся* у причастий от возвратных глаголов отсутствует» [Дьяченко et al. 2019: 65].

³ Типологические исследования показывают, что перфект и результатив — это не синонимичные понятия; один из сценариев развития перфектных форм предполагает эволюцию от результатива к перфекту и далее к претериту

система включает в себя три временные формы (наст., прош. и буд. вр.) и формы ирреальных наклонений. В речи ЕГФ она представлена очень последовательно. Приведем примеры перфекта в настоящем и прошедшем временах (примеры (1)–(2) и (3)–(4) соответственно)⁴:

1. *Я на этом дому сломалась вся. Я калекою осталши, вся сломалши.*
2. (На вопрос, кто голосил по умершим). *Я сама. У меня мамка обголошен, брат обголошен. У меня вси свои обголошено. Я сама голошу по ним.*
3. *Они вси были с кустов вышедши (про партизан).*
4. *Уже у меня пеленок было ему наделан.*

Формы буд. вр. в записи не встретились, что следует объяснять спецификой разговора: в основном ЕГФ ведет рассказ о прошлых событиях. Не приводятся примеры буд. вр. и в [Дьяченко et al. 2019], где анализируются перфектные формы опочечкого говора. Однако связано это, по-видимому, не с тем, что таких форм не бывает, а с тем, что в речи «редко возникает потребность выразить значение состояния, отнесенного в будущее» [Кузьмина, Немченко 1971: 195], особенно в разговорах, которые ведутся в рамках полевой работы: как правило, информанты рассказывают о прошлых событиях. В связи с этим буд. вр. проиллюстрируем примерами из [Кузьмина, Немченко 1971]: *Умерши-то все будем; Все дрова будут убраны.*

Форма перфекта в сослагательном наклонении у ЕГФ отмечена только для страдательных причастий, ср.:

5. *А тут никогда не вижу, чтобы для нее это было взят.*

Пример для действительного причастия приведем из [Дьяченко 2019: 65]: *Приказываю, чтоб были приехалиши Сережка с Ольгой.*

И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко отмечают, что в ряде примеров наблюдается пропуск связки в прошедшем или будущем временах, а так-

---

(см., например: [Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Плунгян 2016]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения. Чаще всего понятия «перфект» и «результатив» применяются к ним как синонимы (например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983, 1984; Danylenko 2005; Jung 2014; Wiemer 2017]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята в [Seržant 2012]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [Ibid.: 6]. Для целей данной работы, однако, решение этого вопроса представляется непринципиальным.

⁴ При цитировании информанта в круглых скобках даются комментарии автора статьи, проясняющие содержание примера; квадратные курсивные скобки используются для транскрипции, квадратные некурсивные скобки — для опущенных информантом слов.

же в сослагательном наклонении: *Пусть она привыкнувши* [будет]; *Когда отвоевавши* [был], *пришел*; *В яму фином вёрснута* [была], *пришли русски и вытащили*; *Только бы они скрыты* [были]; *Давно бы уже улегли* [был] (о ребенке). В [Дьяченко et al. 2019: 65] приведен пример пропуска связки в сослагательном наклонении: *Хоть бы один струк остали* [был] (хоть бы один стручок остался). Пропуск связки отмечается и у ЕГФ. Так как на такие примеры редко указывается в научной литературе (из известных нам работ — в [Кузьмина, Немченко 1971: 195–199] и [Собинникова 1961: 55]), приведем все контексты, встретившиеся у ЕГФ. Их всего четыре:

6. *У них не было ничего — у нас все было. И он пил. Она, по-видимому, его боя-
лася. У них все, что было, у него все пропито* [было]. *Не было нигде никого*⁵
— ЕГФ рассказывает о том, как пришла в дом к своему мужу-пьянице и
его матери. Рассказ ведется о прошлых событиях, муж давно умер, на-
стоящее историческое в рассказе не используется ни до, ни после формы
причастия, из чего можно сделать вывод что мы имеем дело с пропуском
связки в прошедшем времени. То же в следующем примере.
7. *У меня Ленька был маленький, а померши* [был] *Лешка Персеянок, и Ленька
со мной был взят*.
8. *Вот свекровь тут была померши. Вот он помер. Ну, у нас всё эта вода
всё занесен[ъ]* [была] — о воде, которой обмывали умерших. Эту воду
обязательно надо было вылить (причем туда, где никто не ходит). ЕГФ
говорит о том, что и после свекрови, и после мужа вся воды была вылита.
9. (Сваты приехали к одной из сестер). *А дед сказал: «У нас перво жнут овес,
тогда копают картошку. Нюшку я не подам».* [нрзб] *не вышедши Пашка
замуж* [была], *а тогда эти посидели* — «Давай тогда нам Пашку». И они
взяли Пашку — как и в предыдущих примерах, ЕГФ ведет рассказ о дав-
но прошедших событиях, использует формы прошедшего времени, на-
стоящее историческое не употребляет. Следовательно, результативное
действие в прошлом «должно» было бы передаваться формой причастия
со связкой в прошедшем времени, которая, однако, в рассматриваемом
контексте отсутствует.

Подобное употребление причастий в современном литературном языке невозможно: «для обозначения отдельных эпизодов в цепи про-
исходящих одно за другим событий последовательно используется
претерит на *-н*, *-т*» (т. е. причастия в сочетании со вспомогательным
глаголом в прошедшем времени) [Князев 2007: 515]. В таких случаях
заменить претерит перфектом, т. е. бессвязочными формами нельзя.

⁵ В опочечких говорах местоимение *кто* может употребляться в значении
местоимения *что*.

Отступление от этого правила возможно лишь при переходе к настоящему историческому и в еще некоторых специфических случаях (подробнее см.: [Ibid.: 515–519]).

В [Кузьмина, Немченко 1971: 198] пропуск связки в большей части примеров объясняется утратой причастными образованиями своей специфики и их сближением с формами на *-л*. Как представляется, наиболее вероятным является другое объяснение.

Теоретически отсутствие при причастной форме связки в прош. вр. может говорить о том, что форма теряет свою причастную специфику и превращается в финитную. Это произошло, например, с формой на *-но/-то-* в украинском, белорусском (в говорах) и польском языках, где она превратилась в безличную форму, которая используется без связки для обозначения действия, совершенного в прошлом, и функционально соответствует в русском языке формам глагола прош. вр. 3 л. мн. ч., употребленным в неопределенно-личном значении, ср. примеры из старобелорусских текстов конца XV в.: *на его селищи хлѣбъ продавано* ‘в его деревне продавали хлеб’ (Валх., 44); *всюды вбразу лѣнено, топтано и в болото метано* (Бельск., 366) ‘иконы обдирали, топтали и кидали в болото’; *ее оу Варшавѣ приняти не хвчено* ‘ее не хотели принять в Варшаве’ (примеры взяты из [Мова беларускай письменнасці 1988: 250]). Тенденция страдательного причастия употребляться финитно в старорусский период отмечается в [Никифоров 1952: 319; Булаховский 1954: 323–325; Борковский 1968: 40–41; Болсохоева 1977: 13], этому вопросу посвящена работа П. С. Кузнецова [Кузнецов 1950]⁶. В случае, если форма причастия становится финитной, она может употребляться без связки и в сослагательном наклонении, ср. польск. *Jeden z policjantów zastukał do drzwi i zażądał, żeby utworzono* ‘Один из полицейских постучал в дверь и потребовал, чтобы открыли’. Это, по всей видимости, объясняется тем, что она, становясь аналогом форме на *-л-*, образует сослагательное наклонение так же, как последняя — добавлением частицы *by*. Однако пропуск связки в обсуждаемом диалектном материале нельзя объяснять превращением причастной формы в финитную, прежде всего потому, что связка при причастии может опускаться и в будущем времени — такое употребление для финитной формы исключено, так как она является аналогом формы прош. вр. на *-л-*.

Влияние особенностей разговорной речи также исключается, так как пропуск связки при результативной форме известен русским письменным памятникам начиная с древнейших времен, ср. пример из Суздальской летописи⁷:

⁶ Подробно данный вопрос освещен в [Ермолова 2021].

⁷ Подробно данный вопрос освещен в [Ермолова 2021].

10. л. 170 а что изъѣмано людем черны(х̃). и з женами и з дѣтми. то все по-
 провадилъ прочь. а трупы бояръ тѣ(х̃) повелѣ по деревью извѣшати
 — ‘а сколько захвачено [было] простого народа с женщинами и детьми, всех
 отправил прочь, а трупы тех бояр повелел повесить на деревья’ (л. 170).

Особенно часто подобные контексты начинают встречаться в текстах старорусского периода второй половины XVI в., ср. примеры, которые приводит С. Д. Никифоров: *А наимит не доживет до сроку у государя своего и поидет проч, а вины на государя не скажет, — и он наиму лишен [будет]* (Судебник., ст. 148); *А сами отложиша ехат в Казан до утреньяго дня, не мняше быти измене во оставшихся казаньцех..., зане велможе их и воеводы избиенны [были], а инии же изведени [были]* (Каз. летописец, 369)⁸ [Никифоров 1952: 313].

Представляется, что пропуск связки при результативной форме объясняется спецификой грамматического значения, выражаемого отпричастной формой, а именно значением результата, «для которого соотносённость с временным планом оказывается нерелевантной, а связка, следовательно — факультативной» [Скачедубова 2018: 72]. Предложение трактовать опущение связки при результативной форме высказывается и в [Eadem 2021]. Наличие примеров пропуска связки у ЕГФ, последовательно употребляющей причастные формы в результативном значении, служит ему еще одним доказательством.

Сопоставление употреблений причастных форм в говорах с «новым» перфектом и *-л*-форм в древне- и старорусском позволяет провести параллели между функционированием данных форм. Как и причастия на *-ш/-вш-* и *-н/-т-*, *-л*-форма могла употребляться с глаголом-связкой *быти* в трех временах. *-Л*-форму со связкой в наст. вр. традиционно называют перфектом, со связкой в прош. вр. — плюсквамперфектом, со связкой в буд. вр. — будущим сложным II. Проблема заключается в том, что эти три времени рассматриваются в научной литературе по отдельности, как правило, без учета специфики других аналогичных образований. Работы, которые сопоставляли бы употребление и особенности эволюции всех трех временных образований, отсутствуют⁹.

⁸ Факт наличия таких примеров в памятниках не северо-западного региона говорит о том, что тенденция к созданию специализированной результативной формы «в старорусский период характеризовала не только северо-западные говоры (хотя там она, как показывают современные говоры, оказалась наиболее сильной)» [Ермолова 2021].

⁹ Общие положения о тождественности специфики перфектного значения в трех временных планах (в типологической перспективе с включением славянского материала) высказывал Ю. С. Маслов [Маслов 2004: 426, 441]. Некоторые особенности эволюции плюсквамперфекта рассматриваются в свете эволюции перфекта в работах М. Н. Шевелевой, анализирующей непосредственно древнерусский материал (см., например: [Шевелева 2007; 2009]). При анализе

Вопрос, можно ли в отношении древнерусского языка говорить о категории перфекта, включающей в себя три временные формы, как это делают И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко в отношении русских говоров, остается открытым и требует дальнейшего изучения. Тем не менее для всех трех времен в той или иной степени характерны результативные употребления. Так, например, как отмечает М. Н. Шевелева, в древнейшей части ПВЛ «перфект используется как специально маркированная на выражении представленного в момент речи результата форма» [Шевелева 2020: 169], ср.: *ЛЛ ПВЛ* л. 16 *Рѣ́ же имѣ Ѡльга. тако азъ мѣстила оуже ѡбиду мѣжа своего* — ‘сказала им Ольга: «я уже отомстила за обиду своего мужа»’.

Несмотря на сложности с определением перфектной семантики в древнерусском¹⁰, основным значением книжного плюсквамперфекта в раннедревнерусском является именно результативное значение (см., например: [Шевелева 2007; Петрухин 2008; Скачедубова 2019]), ср. контекст из *НПЛ* мл.¹¹:

и плакася по немъ брат его князь Иван и весь народ от мала и до велика плачемъ великимъ зло: уби́лъ бо бяше в Ордь князь Дмитри́и Михаилович князя великаго Юрья — ‘князь Иван и весь народ от мала до велика плакали великим плачем (из-за того, что) в Орде князь Дмитрий Михайлович убил великого князя Юрия (т. е. Юрия не стало)’ (л. 199–199 об.).

При всей дискуссионности вопроса о статусе будущего сложного II¹² ряд контекстов с уверенностью можно охарактеризовать как имеющие семантику результативности в будущем [Пенькова 2014], ср. анализируемый в [Ibid.: 160] пример из *ЖАЮ*: 5316–5317 *да занеже не бѣдетъ в то время мѣжа добра, нѣ вси бѣдоу́тъ погыблѣ* — ‘и так как не будет (не найдется) в то время достойного человека, но окажется, что все погибли (погибшие)’.

Как показано в [Скачедубова 2018], для древнерусского летописного нарратива характерно употребление -л-формы без связки для обозначения результата, отнесенного к прошлому, ср.:

форм будущего сложного II в истории древнерусского к перфекту обращаются П. С. Кузнецов [Кузнецов 1953], Я. А. Пенькова (см., например: [Пенькова 2014; 2016]).

¹⁰ В последних работах при решении вопроса о семантике перфектных форм «научная дискуссия все дальше отходит от классического понимания перфекта, которое признается не охватывающим все варианты бытования форм в текстах» [Шаяхметова, Жолобов 2017: 1170] (подробнее см.: [Ibid.; Плунгян, Урманчиева 2017, 2019; Шевелева 2020]).

¹¹ Здесь и далее текст цитируется по [НПЛ ст. и мл.].

¹² Так, не вполне ясно, является ли будущее сложное II временем или наклонением, имеет таксисную, результативную или модальную семантику; подробнее см.: [Пенькова 2014].

11. *НПЛ ст. л. 16 Въ льто 6643. Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода миритъ кыянъ съ черниговъци, и приде, не успеѣвъ ничтоже: сильно бо въз-
мялася вся земля Русская*¹³ — ‘Мирослав ездил из Новгорода мирить киевлян с черниговцами, но вернулся ни с чем, так как к тому времени русская земля была уже сильно взволнована’.

Контексты типа приведенного, а также возможность пропуска связки и в будущем времени свидетельствуют о том, что функция *-л*-формы заключалась в выражении результативного действия без его соотношения с конкретным временным планом, поэтому наличие связки оказывалось факультативным. (Ср. разночтение, на которое указывает Т. Н. Попова, приводя два аналогичных контекста из *НПЛ ст.* и *НПЛ мл.* по Комиссионному списку, различающихся наличием связки в будущем времени: *НПЛ ст. Дажь что зло съдумавъ на святую Софию, а побеглѣ* (л. 107об.) — *НПЛ мл. Да аще сии, что зло съдумавъ на святую Софью, а побеглѣ будетъ* (л. 150об.) [Попова 1999: 141] — ‘Если кто-то задумает что-то плохое против святой Софии, а окажется сбежавшим...’)

Таким образом, *-л*-форма, как и причастия на *-ш/-ви-* и *-н/-т-*, в сочетании с бытийным глаголом могла обозначать результативное действие, отнесенное к одному из трех временных планов: к настоящему, прошлому или будущему. Кроме того, аналогично причастиям в говорах, она могла употребляться без связки в отношении и прошлого, и будущего времен, обозначая результативное действие и не маркируя его по времени.

1.2. Причастия в функции глагольного обстоятельства

Еще одной функцией причастий на *-ш/-ви-* в рассматриваемых говорах является их использование для обозначения глагольного обстоятельства, причем как при совпадающих субъектах главного и второстепенного действий, так и при различающихся. При этом, в отличие от литературного языка, причастие может образовываться от глаголов и СВ, и НСВ, т. е. в тех случаях, где в литературном языке было бы употреблено деепричастие настоящего времени.

Рассмотрим сначала примеры с совпадающим субъектом главного и второстепенного действия. Примеров с глаголами СВ из записи ЕГФ приведем немного, так как такое употребление не отличается от употребления деепричастий в литературном языке; кроме того, контексты такого типа описываются в [Дьяченко et al. 2019]:

12. *В байню не сходилши, я и пропаду. Я люблю байню.*

¹³ Здесь и далее текст цитируется по [НПЛ ст. и мл.].

13. Я редко, редко, когда лягу, если я не сделаю воды, легли спать.
14. Гришка с Ленькой навоз возили, овцы были выпущены, на крыльце лежали, спрятали, корова была к столбу привязана.

Рассмотрим контексты с глагольными обстоятельствами, образованными от НСВ. Ниже будут даны все примеры, встретившиеся у ЕГФ (в анализируемом в [Дьяченко et al. 2019] материале есть всего один пример с НСВ; больше примеров с НСВ (но на материале всех западных говоров) приведено в разных разделах в [Кузьмина, Немченко 1971]):

15. Веники тоже надо умели вязать.
16. И он поколь косил там, сколько задавил их, косили (про змей).
17. Ложили спать, я не подумала, что надо было сделать воды.
18. А Ленька подъехал, с Гарусова ехали: «Мам, ты теперь бабушка».
19. Я тут сломалась, строили.
20. А я и шла, от телят брали.

Как показано в [Скачедубова 2019; Ермолова 2020; Eadem 2022], функция глагольного обстоятельства была одной из характерных для -л-формы в летописном нарративе. При этом -л-форма употреблялась таким образом в функции глаголов как СВ, так и НСВ. В качестве иллюстрации рассмотрим несколько примеров (подробнее см. указанные работы):

21. ЛЛ ПВЛ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ. глѣтъ бо людемъ творѣсѣ акы Бѣ¹⁴ — ‘волхв, появившись / появившийся при Глебе в Новгороде, начал проповедовать людям и выдавать себя за бога’ (л. 60об.);
22. Супр^{15,16}. В лѣ(т) ~~ѣ~~мѣ, посла Іѣрославъ сѣна своего. Владимира на Греки. далъ (Нкф. давъ) емоу вола многа — ‘В лето 6549 послал Ярослав сына

¹⁴ Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 1].

¹⁵ Согласно записи, сделанной в конце рукописи, Супр. была переписана в 1519 г. Она является наиболее полным списком второй редакции Белорусско-литовской летописи 1446 г., составленной в Смоленске на основании русских и местных источников [Чамарыцкі 2005; 645]. Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 17].

¹⁶ Учитывая локализацию памятника (Супр. является западнорусской летописью), «встает вопрос о правомерности сопоставления причастий на -л- и на -в-: в некоторых южнорусских говорах, а также в украинском и белорусском языках в соответствии с русским литературным (л) в определенных позициях произносятся (w) (см., например: [Касаткин [red.] 2005; 61; Мельничук [red.] 1966; 107]); кроме того, формы прошедшего времени ед. ч. м. р. в украинском и белорусском языках выглядят как *знав* и *знаў* соответственно. Однако в силу следующих обстоятельств представляется, что описываемая конкуренция -л-форм и причастий на -вш-/-вш- является следствием морфологических процессов, а не фонетических. Во-первых, в Супр. нет мены букв в и л (единственный обнаруженный пример

своего Владимира на Греков, дав ему много воинов' (л. 19) (такую интерпретацию, как и в следующем контексте, подтверждает и разночтение, представленное в *Нкф*.¹⁷).

23. *Супр.* рѣ(ч) Борисъ братѣ Глѣбѣ. вели грести да поможеве сродникоу нашему Александру и видѣль (*Нкф.* видѣвъ) же Певгусей таковое видинне. и таковое слышание стояше трепетень. дондеже ѿиде насадъ изо очню его — 'Сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, чтобы мы помогли родственнику нашему Александру». И Пелгусей, видев такое видение и такие известия, стоял в страхе, пока лодка не скрылась с его глаз' (л. 27–27об.).

Приведем также пример из [Потебня 1958: 239–240], которым автор иллюстрирует мысль о реликтовом сохранении *-л*-формой причастных свойств в старорусский период: *А будетъ невьста пришла за него за муж, дѣвства своего не сохранила* (= не сохранивши), и онъ имѣ, отцу и матеръ, за то пеняеть (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича», сер. XVII в.).

Теперь обратимся к контекстам, в которых субъекты главного и второстепенного (выраженного причастной формой) действий различаются. Многочисленные примеры такого употребления причастий приводятся в [Кузьмина, Немченко 1971: 238–239], ср.: *Отслуживши год отпуск полагается; Голова закружилась писатии; Вином напой, а не угостивши не даст баню затопить*. В известных нам работах для опочечких говоров подобные примеры не фиксируются. Тем не менее у ЕГФ они встретились. Формой на *-виш/-ш-* обозначается, как кажется, дополнительное, менее важное действие, являющееся обстоятельством при главном; в большинстве случаев причастную клаузу по смыслу можно считать подчинительной, однако не всегда примеры можно «перевести» на литературный язык с помощью придаточного предложения, заменив причастную форму финитной:

— написание *Певгусей* вместо *Пелгусей* [...]). Во-вторых, если предполагать, что написание с *-л*- вместо *-в*- является следствием фонетических изменений, то такое написание должно быть признано гиперкорректным. Это означает, в свою очередь, что в тексте должно быть значительное количество примеров ошибочного использования *-в*- вместо *-л*-. Таких примеров нет, как нет и необычно большого числа причастий на *-в*-, за которыми, как можно было бы предполагать, скрывалась бы *-л*-форма. В-третьих, в наиболее древней части *Супр.* представлено меньше всего *-л*-форм, именно их количество (а не форм на *-в*-) постепенно увеличивается к концу летописи, что совершенно закономерно: чем новее часть текста, тем больше там *-л*-форм и меньше форм простых претеритов. Наконец, «тверждения про фонетичне походження приголосного *-ѣ (-в)* з *-л* в українських та білоруських формах типу *знав (знаѣ)* достатньо мірою не обгрунтоване [Мельничук 1966: 107]» [Ермолова 2022].

¹⁷ *Нкф.*, как и *Супр.*, является списком второй редакции белорусско-литовской летописи 1446 г. и датируется между 1464–1491 гг. [ПСРЛ, 17: b].

24. *Садится скорее, никто не селиши, есть. Съест* — «Вы себе делайте, я уже все съел» — ‘Садится скорее, пока / когда / а никто еще не сел (за стол)’.
25. *На заводе на этом работалиши, им давали мануфактуру* — ‘Так как / благодаря тому, что / в силу того, что работали на этом заводе, им давала мануфактуру’.
26. *Вон наша дачница вяже. Корней обрубил и макушки обрубил, чтоб ровные были. Какой же это буде веник париться, макушки обрубилши* — ‘Какой же это будет веник для бани, если ему обрубил макушки’.
27. *У меня Ленька был маленький, а померши Лешка — и Ленька со мной был взят* — ‘У меня Ленька был маленький, а когда умер Лешка, Леньку взяла с собой’.

Такое функционирование причастий, по всей видимости, следует признать архаизмом: «Исстари [...] большая предикативная сила деепричастий приводила к тенденции употреблять их как своеобразные эквиваленты придаточных предложений с возможным самостоятельным подлежащим» [Булаховский 1958: 399]. Подобное употребление причастных форм знают чешский, старопольский, литовский языки (подробнее см.: [Потебня 1958: 200–202]). В древнерусском языке причастная и финитная клаузы как с общим, так и с различающимися субъектами действия часто соединялись союзами *а* или *и*, ср.: *Ил Андрей же то слышавъ, и бысть образъ лица его попустнѣль* ‘После того, как Андрей это услышал, омрачилось его лицо’ (л. 203об.); *Ил Кл слышавъ же Всеволодъ. аже прислалъ Сѣтославъ сѣна своего... и позва и к (с)обѣ* ‘Когда Всеволод услышал, что Святослав прислал своего сына..., позвал его к себе’ (л. 216). В старорусский период причастная и финитная клаузы соединяются бессоюзно, ср. примеры из [Булаховский 1958: 400]: *И те воры..., поймав его, повели в город...и, приведчи в город, собралоса их, воров, болши 5000 человек (Котош., 103); ...и потом царь поздравляет их сочетався законным браком (Котош., XIII)*. Однако, как видно из примера (27), союзное соединение возможно и в современных говорах. Один диалектный пример с союзом фиксируется в [Кузнецов 1949: 60–61]: *И вот он доехавши до поля, и начал молодой рыцарь бить змеиную силу*.

Аналогичным образом в древнерусских летописях использовалась и -л-форма, ср.:

28. *Ил Кл и далъ Рюрикъ Всеволодоу .ѣ. городовъ Торцькын Корсоуны. Бѣоу-славль. Треполь. Каневъ. и оутвердиша(с) кр(с)томъ. ч(с)тнымъ на всен любви своен* — целью Рюрика было разрешить затянувшийся конфликт из-за земель, поэтому главным сообщением является то, что князья «утвердились крестом». Действие *оутвердиша(с)* является по сути следствием и результатом действия *далъ*, т. е. предложение следует понимать

так: 'и, когда / после того как Рюрик отдал Всеволоду 5 городов, присягнули друг другу в верности' (л. 236об.).

29. ИЛ КЛ и бывши распрѣ мнозѣ. но пребл҃гыи Бѣ не далѣ радости дѣаволоу. но сидѣшася кр(с)тнымъ цѣлованиемъ — главным является сообщение о том, что князя «сошлись крестным целованием». Это является следствием того, что Бог не допустил распри: 'И была большая распра, но преблагий Бог, не дав радости дьяволу, [сделал так, что] князя сошлись крестным целованием' (л. 230).

А. И. Рыко, анализируя причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре Торопецко-Холмского региона, выделяет отдельную функцию причастия на *-ши* НСВ и описывает ее так: причастия НСВ «выступают в значении актуально-длительного (длящегося в момент наблюдения) или континуального (просто длящегося) действия, одновременного с другим действием» [Рыко 2002: 191]. Ср. приводимые исследовательницей примеры: *Ну, бывало, кончим ужин, убираем, а ребята сидѣшя*; *А мой уже сидѣшя муж, у меня уже ребенок есть, муж говорит...* Как кажется, данная функция причастий — подтип их обстоятельственного употребления, которое было разобрано в данном разделе: 'Пока мы убираем, ребята сидят'; 'Мой муж, сидя за столом, у меня уже ребенок есть, муж говорит'. Здесь, однако, отметим, что в древне- и особенно старорусских летописях одним из характерных употреблений *-л*-формы являются именно такие контексты: *-л*-форма используется для обозначения либо действия, на фоне которого происходят другие события (пример (30)), либо действия, включенного в нарративную цепочку, однако длящегося дольше, чем соседние действия, выраженные формами аориста (пример (31)) (подробнее см.: [Скачедубова 2019; Ермолова 2020]), ср.:

30. Ак. а мнози истопоша бѣжачи в рецѣ. а нїи ранены заше(а) изомроша. а живыи побѣгоша. ѡвни к Володимѣрю. а нїи к Переяславлю. а нїи в Юрьевѣ. Князь же Юрьи стоялъ противъ Константина¹⁸ — действие стоялъ охватывает весь период действия предшествующих аористов: 'Многие, убегая, утонули в реке; другие, раненые, умерли. А живые побежали кто во Владимир, кто в Переяславль, кто в Юрьев. Князь же Юрий стоял против Константина' (л. 225об.).
31. Пск. II В лѣто 6951. Преста моръ въ Псковѣ на Дмитриевъ день, а по пригородомъ и по волостемъ еще мерли и до Крещения господня¹⁹ — 'В 1443 году на Дмитриев день прекратился мор в Пскове, а по пригородам и волостям люди умирали еще до Крещения' (л. 199).

¹⁸ Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 1].

¹⁹ Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 5].

Таким образом, и причастия на *-вш/-ш-* в говорах, и *-л-*форма в древне- и старорусском могут использоваться для обозначения глагольного обстоятельства причем как при совпадающих субъектах главного и второстепенного действий, так и при различающихся; последнее, по всей видимости, является архаизмом.

1.3. Причастие в функции атрибута

Диалектные причастия на *-вш/-ш-* и *-н/-т-* могут употребляться не только в функции предикативного обстоятельства, но и в функции предикативного атрибута, а также в чисто атрибутивной функции. Подробно такое использование причастных форм освещается в [Кузьмина, Немченко 1971: 227–231; 246–252]. Приведем несколько примеров из этой работы:

Она не раздевши прибежала; Зимой только и приодеться, а так все не убравши ходит; Засахаривши мед не рекомендуется на корм; Овраг — это котлован между горами или яма проваливши; [Изба] стоит отворена; Ходил обут, одет; Вона, есть у меня курятина варена; Им дадут травы привезено, накошено.

При описании опочечких говоров в [Дьяченко et al. 2019: 58–59] фиксируется 12 примеров с причастиями в атрибутивной функции, при этом в контекстах представлены только страдательные причастия в полной форме, ср.: *Вот купленные такие в стенке* (о старообрядческих крестах в шкафу); *Вити нет шестнадцать лет, вот тебе и крещеный* (а некрещеные живы). Функция предикативного атрибута проиллюстрирована всего двумя примерами, в которых причастие также представлено полной формой, ср.: *Придешь розовенький, размякший; Теперь должны дети ходить в школу подготовленные*. У ЕГФ встретилось всего по одному примеру с причастиями в функции предикативного атрибута (пример (32)) и в чисто атрибутивной функции (пример (33)); оба раза причастия употребляются в краткой форме:

32. *Уже глядела белый налив — яблоко расколоши висить.*

33. *Дай Бог, чтоб Господь Вас наградил добрым судьбам всех, вы, не вышедши* (в смысле не вышедшие замуж).

*-л-*форма в древнерусском также могла использоваться в различного рода атрибутивных употреблении (функция предикативного атрибута проиллюстрирована примером (34), чисто атрибутивная функция — примерами (35–37)). Речь идет как о причастиях, превратившихся позднее в прилагательные (примеры (34)–(35)), так и об образованиях, в прилагательные не перешедшие. Рассмотрим примеры:

34. ...и авне падеся изнемогаль^{20, 21} (ИИВ, 449а) — ‘И вскоре пал изнемогший’.
35. тон ксть изъгниль и немощень²² (ЖАЮ, 103) — ‘Он (есть) ослабевший и немощный’.
36. *милостыни, съв(ѣ)купилася съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляет челоуѣка*²³ (НПЛ мл. 181об.) — ‘Милостыня, соединенная с постом и молитвой, спасает человека от смерти’.
37. *бѣси въпняху: «кто се естъ царь славы, съ толикою на ны пришелъ властию»* (Кирилл Туровский Калайд., 38–39) — ‘Бесы кричали: «Кто этот царь славы, пришедший к нам с такою властью»’.

В старорусских текстах примеры с краткими *-л*-формами нам не известны, что теоретически не означает, что их нет, так как специальных исследований на эту тему не проводилось. В старорусский период появляется много новых полных *-л*-форм (в [СлРЯ XI–XVII вв.] представлено большое их количество, ср.: *измождаый, отсырелый, оброслый, слежалый*), однако, они, по-видимому, являются уже прилагательными, и процесс их образования связан с окончательной утратой краткой *-л*-формой причастных свойств (подробнее см.: [Скачедубова 2019]); впрочем, этот вопрос требует отдельного изучения. Однозначно можно сказать только, что новые полные *-л*-образования использовались исключительно в атрибутивной функции и не имеют никакого отношения к рассмотренным выше другим типам причастного употребления.

Таким образом, еще одним общим свойством диалектных причастий на *-вш/-ш-* и *-н/-т-* и *-л*-формы в древнерусском является их использование в различного рода атрибутивных употреблениях.

1.4. Причастие в функции претерита

В [Кузьмина, Немченко 1971: 198] отмечается, что «во всех современных говорах в той или иной степени проявляется тенденция к утрате предикативными причастными образованиями на *-ши* их специфики, вытекающей из именной сущности, — к сближению этих образований с глагольными формами (на *-л*)». И действительно, в ряде примеров причастие на *-ши* имеет претеритное значение, ср.: *Раньше сохой пахавши; С забору бивши по нашей деревне; Вода так подступивши, что чуть караул*

²⁰ Прилагательное *изнемоглый* есть, например, в словаре В. И. Даля.

²¹ Текст цитируется по изд. [Пичхадзе et al. 2004]

²² Текст цитируется по изд. [Молдован 2000].

²³ Контексты (36–37) приводятся как примеры причастного функционирования *-л*-формы в [Потебня 1958: 239–240].

не *кричавши* (форма *подступивши*, будучи употребленной без связи, обозначает результат, отнесенный к прошлому; такие примеры анализируются в разделе 2.1).

Как известно, *-л*-форма в истории русского языка потеряла свои некогда причастные свойства, утратила результативные употребления и превратилась в форму прошедшего времени с чисто претеритным значением. Следствием этого, по всей видимости, и явилось возникновение «нового» причастного перфекта²⁴. Такое превращение старых перфектных форм в претерит и возникновение новых результативных является типологически известным сценарием (подробнее см.: [Маслов 1983; Плунгян 2016]). Эволюционная нестабильность перфекта — «одна из наиболее ярких и [...] наиболее универсальных черт перфекта в языках мира» [Ibid.: 8]. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что в говорах с причастным перфектом отмечаются контексты, в которых формы на *-вши/-ши-* сближаются с *-л*-формами.

1.5. Интерпретация полученных данных

Как было показано в предыдущих подразделах, причастия в говорах с новым перфектом и *-л*-форма в истории русского языка используются в одних и тех же функциях. Прежде всего, это результативные употребления: обсуждаемые образования могут в сочетании с глаголом-связкой²⁵ обозначать результат, отнесенный к одному из трех временных планов. Кроме того, употребленные без связи, они могут использоваться для

²⁴ Так, например, Г. А. Хабургаев замечает, что «функциональное преобразование формы на *-л* в большинстве восточнославянских говоров имело следствием развитие “нового перфекта” — специализированной неизменяемой формы краткого действительного причастия прошедшего времени, употребляющейся в качестве глагольного сказуемого со значением перфекта» [Горшкова, Хабургаев 1981: 336]. J. Piskorz, исследуя новый польский перфект типа *mieć* («иметь») + причастие прош. вр., исходит из того, что «образование *mieć*-перфекта в современном польском начинает новый цикл грамматикализации перфекта, после того как общеславянский *byti*-перфект полностью превратился в претерит)» («...dass mit der Herausbildung des *mieć*-Perfekts im Gegenwartspolnischen ein neuer Grammatikalisierungszyklus des Perfekts einsetzt, nachdem das gemeinslawische *byti*-Perfekt vollständig zum Präteritum grammatikalisiert wurde») [Piskorz 2012: 11]. Появление «нового» перфекта с утратой форм старого перфекта связывает также Н. Jung [Jung 2014]. Здесь и далее перевод наш.

²⁵ В современном литературном языке, как и в диалектах, связка в настоящем времени, как правило, отсутствует; соответственно, в диалектах она в большинстве случаев не употребляется и при причастиях, хотя есть говоры, где в формах перфекта связка в настоящем времени используется, ср.: *Две рамы сняты е; Она немножко есть рехнувши* (пример из [Кузьмина, Немченко 1971: 25, 192], подробнее см. [Ibid.]). Два таких примера есть и у ЕГФ: *Ну, уже есть отцвелищи [...] Много ей, но она уже отцвелищи (про богородичную травку); Это, говорят, написан где-то есть в какой-то книге так, что это не Сорокино было, а Коложо* (хотя в последнем примере у *есть* нельзя исключать и доли экзистенциального значения).

выражения результата, отнесенного не только к настоящему, но и к прошедшему и будущему временам, т. е. можно констатировать, что в качестве результативных форм причастия на *-вш-/-ш-* и *-н-/-т-* и *-л-*форма обозначают результативное действие как таковое, не соотнося его с определенным временным планом, и наличие связки является факультативным. Наряду с результативным употреблением, рассматриваемые формы могут использоваться в функции глагольного обстоятельства, при этом субъекты действия, выраженного причастной формой, и главного действия могут как совпадать, так и различаться, что, по-видимому, является архаичной чертой синтаксиса. Наконец, причастия на *-вш-/-ш-* и *-н-/-т-* и *-л-*форма знают различного рода атрибутивные употребления.

Итак, сопоставление диалектного материала с материалом древнерусских и старорусских памятников позволяет говорить о параллелизме в функционировании рассматриваемых форм. Данные говоров демонстрируют, что причастная форма, участвующая в образовании перфекта, одновременно может выступать в других функциях. Параллелизм в образовании форм нового и древнерусского перфектов, а также то, что функции современных диалектных причастий и *-л-*формы в истории русского языка совпадают, доказывает высказанную в [Скачедубова 2018; 2019; Ермолова 2020] гипотезу о функционировании *-л-*форм в древне- и старорусском не только в составе перфектных форм, но и в качестве «обычного» причастия прошедшего времени. Диалектный материал отвечает также на вопрос, как *-л-*форма-причастие соотносилась «в рамках одной диалектной системы с *-л-*формой-простым претеритом на протяжении длительного времени» [Шевелева 2020: 171]: выше было сказано, что наряду с результативными и чисто причастными употреблениями, во всех говорах с новым перфектом в той или иной степени отмечается претеритное использование форм на *-ши-/-вши-*. В данном контексте особенно интересны примеры, где в одном предложении используются две *-ши-/-вши-*формы в разных функциях, ср. (примеры взяты из [Кузьмина, Немченко 1971: 240, 175]): *Вы замерзши, на улице сиделши* (замерзши — перфект, сиделши — глагольное обстоятельство); *Вода так подступивши, что чуть караул не кричавши* (подступивши — перфект, кричавши — претерит). Последний контекст записан в середине прошлого века в Псковской области. Как показывают новейшие исследования [Дьяченко et al. 2018; 2019; Ронько 2020], ситуация за последние 70 лет не изменилась. Причастный перфект является живой грамматической категорией, сохраняющейся в речи и младшего поколения. Исходя из этих данных, можно предположить, что утрата нового перфекта займет несколько сотен лет; эти несколько сотен лет

можно будет наблюдать переходное состояние, примерно такое, какое предполагается нами для *-л*-формы в истории русского языка. Таким образом, с одной стороны, диалектный материал позволяет уточнить особенности эволюции *-л*-формы, с другой стороны, история *-л*-формы помогает предсказать изменения, которые будут происходить с новым причастным перфектом.

2. Гипотеза о причастном характере *-л*-формы в свете диалектных русских и инославянских данных

В недавней работе [Шевелева 2020] предположение о некогда причастном характере *-л*-формы подверглось критике. В статье был высказан ряд соображений, не позволяющих, с точки зрения автора, считать гипотезу доказанной. В данном разделе в рамках ответов на заданные М. Н. Шевелевой вопросы рассматриваются данные из истории и диалектологии как русского, так и других славянских языков, которые, как представляется, подтверждают обсуждаемую гипотезу.

В [Шевелева 2020: 171] отмечается, что «противоречий в предложенном теоретическом предложении очень много», даже если оставить в стороне «вопрос о связи *-л*-причастия с происхождением “нового перфекта” и первоначально общерусском (или общевосточнославянском?) характере северо-западного причастного перфекта, что явно противоречит лингвогеографическим данным, и неясность вопроса о хронологизации и механизмах предполагаемого процесса превращения некоего пра-нового перфекта причастных конструкций на *-л*- в существующий ныне новый перфект на *-вши* (почему произошла такая замена, почему нет следов этой старой причастной *-л*-формы в современных говорах, тем более если это был процесс достаточно поздний, и как она должна была соотноситься в рамках одной диалектной системы с *-л*-формой-простым претеритом на протяжении длительного времени?)». Хотя автор и предлагает оставить в стороне упомянутые вопросы, рассмотрим сначала именно их, так как они кажутся крайне важными для понимания истории развития временной системы как в русском языке и его диалектах, так и в ряде других славянских языков. Именно поэтому большая часть этих вопросов обсуждается как в диссертации [Скачедубова 2019], так и в статьях [Eadem 2018; 2018a; Ермолова 2020]. Обратимся к ним еще раз, теперь более подробно.

Ни в одной и упомянутых работ не идет речи об общерусском характере северо-западного причастного перфекта. В них делается вывод о том, что общерусский характер имели конструкции «*быти* + прича-

стие прош. вр.», к которым, вероятнее всего, восходит северо-западный перфект. Такие сочетания встречаются не только в северо-западных памятниках: так, они были обнаружены в Лаврентьевской летописи, в Жалованной грамоте Олега Рязанского (см.: [Скачедубова 2018]), в Западнорусских летописях (см.: [Ермолова 2022]). Это позволяет заключить, что они были распространены не только на Северо-Западе. Тот же факт, что описываемая конструкция употребляется в будущем, настоящем и прошедшем временах, а также в сослагательном наклонении и передает результативное значение, свидетельствует в пользу того, что северо-западный перфект сформировался на ее базе²⁶. «По всей видимости, на ранних этапах использование причастия с бытийным глаголом являлось особенностью синтаксиса», такое «употребление было возможным, но необязательным и не очень распространенным» [Скачедубова 2018: 35]; позднее, когда в языке возникла потребность в форме, выражающей грамматическое значение результата, рассматриваемая конструкция стала средством выражения морфологического значения. То же произошло и со страдательными причастиями: очевидно, что в основу нового перфекта на *-н/-т-* (конструкций типа *шкаф был в багаж сдаден / яма вырыта / все дрова будут убраны / вот удочка у тебя была бы взята, вот бы наловил тогда)* легли общерусские конструкции со страдательным причастием, которые при грамматикализации результативного значения в ряде говоров из свободного синтаксического сочетания превратились в грамматическую форму.

Рассматриваемая в [Скачедубова 2018; 2019; Ермолова 2020] идея о «превращении некоего пра-нового перфекта причастных конструкций на *-л-* в существующий ныне новый перфект на *-вши*» не аргументируется подробно, так как сама по себе она не нова и не оригинальна. Так, например, Г. А. Хабургаев пишет, что «функциональное преобразование формы на *-л* в большинстве восточнославянских говоров имело следствием развитие “нового перфекта” — специализированной неизменяемой формы краткого действительного причастия прошедшего времени, употребляющейся в качестве глагольного сказуемого со значением перфекта» [Горшкова, Хабургаев 1981: 336]. Я. Пискож, исследуя функционирование и историю возникновения нового польского перфекта типа *mieć* («иметь») + причастие прош. вр., исходит из того, что «образование *mieć*-перфекта в современном польском начинает новый цикл грамматикализации перфекта, после того как общеславянский *byti*-перфект

²⁶ Вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко под перфектом мы понимаем «систему грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия» [Кузьмина, Немченко 1971: 219], включающую в себя формы трех времен и сослагательного наклонения.

полностью превратился в претерит²⁷» [Piskorz 2012: 11]. Такое представление согласуется с типологически известным сценарием развития перфекта, так называемым перфектным циклом, который предполагает превращение старого перфекта в претерит и повторное возникновение нового результата (подробнее см.: [Маслов 1983; Плунгян 2016]).

Вызывает недоумение сделанное в [Шевелева 2020: 171] замечание про отсутствие следов былой причастности *-л-формы* в говорах. И в [Скачедубова 2019], и в [Ермолова 2020] есть специальный раздел, посвященный отдельным языковым фактам русских диалектов и других славянских языков, свидетельствующих о возможности *-л-формы* функционировать как причастие. Прежде всего речь идет о *-л-прилагательных / причастиях*, представленных как в русском литературном языке, так и — значительно шире — в русских говорах и других славянских языках. Дополним сказанное в упомянутых работах.

В большом количестве образования на *-л-* зафиксированы в словаре В. И. Даля, ср.: *прибылой, палый, сохлый, размколый, вилой* и др. Ф. И. Буслаев пишет, что «в старинном языке гораздо свободнее нынешнего было производство таких прилагательных», и приводит примеры из памятников XVI–XVII вв., ср.: *разсылый* ‘рассевшийся’, *пропалый* ‘пропавший’ [Буслаев 1881: 114]. Около ста двадцати подобных прилагательных мы находим в [СлРЯ XI–XVII вв.] (полный их список представлен в [Скачедубова 2019]). Значительно регулярнее образование *-л-прилагательных / причастий* в украинском и белорусском языках. Как отмечает Ю. Дамборский, в Русско-украинском словаре АН УССР 1948 г. русским отпричастным прилагательным на *-вший* соответствуют причастия на *-лый*, ср.: *прибывший — прибулий, возникший — виниклий, отживший — віджилий* [Damborský 1967: 88]. Аналогичная ситуация наблюдается в белорусском языке, ср. примеры из Русско-белорусского словаря АН БССР 1953 г.: *прибывший — прыбылы, ослепший — аслеплы, охрипший — ахрыплы* [Ibid.]. И в украинском, и в белорусском языках такие *-л-образования* настолько регулярны, что встает вопрос о том, считать ли эти образования прилагательными или причастиями (см., например: [Сигалов 1967, Шуба 1989]). По данным Д. А. Ермаковой, полученным при анализе материала параллельных корпусов, русские действительные причастия прошедшего времени на украинский и белорусский языки чаще всего переводятся образованиями на *-л-* [Ермакова 2019].

Исследователи, занимающиеся историей *-л-прилагательных / причастий* в восточнославянских языках, приходят к выводу, что продук-

²⁷ «[...] dass mit der Herausbildung des mieć-Perfekts im Gegenwartspolnischen ein neuer Grammatikalisierungszyklus des Perfekts einsetzt, nachdem das gemeinslawische byti-Perfekt vollständig zum Präteritum grammatikalisiert wurde».

тивной данная модель образования становится не раньше XV в., особенно же широко образования на *-л-* появляются лишь в памятниках XVII–XVIII вв. [Ляончанка 1957: 155; Сигалов 1967: 24; Корчагина 1995: 17–18]. «К 84% *-л-*прилагательных, представленным в [СлРЯ XI–XVII вв.], приводятся примеры именно XVI–XVII вв.» [Ермолова 2020: 82].

Основная часть *-л-*прилагательных / причастий образуется от стальных и инхоативных глаголов, обозначающих процесс перехода в какое-либо состояние или завершение этого процесса (подробнее см.: [Чиркина 1956, 1956а; Сигалов 1967; Корчагина 1995]).

Таким образом, мы имеем дело с образованием большого числа *-л-*прилагательных / причастий со значением достижения результата или состояния, начавшимся в XV–XVI вв. и ставшим крайне продуктивным в XVII–XVIII вв. Если считать сохранение *-л-*формой причастной семантики реликтом, характеризующим исключительно раннедревнерусскую эпоху, как это предлагается в [Шевелева 2020], то как объяснить продуктивность описанной модели образования в более поздние века? Предполагать абсолютное превращение *-л-*формы в финитную и утрату ею каких бы то ни было причастных свойств к XII–XIII вв., а затем возрождение этих свойств и результативной семантики в XV в. кажется противоречащим логике развития языка. Факт образования *-л-*прилагательных / причастий во всех языках восточнославянской группы говорит о том, что механизмы этого процесса были заложены еще до распада древнерусского языка. Едва ли оправданно не связывать возникновение *-л-*прилагательных / причастий с тенденциями, характеризующими древнерусский язык, и рассматривать его как самостоятельный процесс, стихийно начавшийся в XV в. в разных языках.

Более того, крайне продуктивны в отношении *-л-*прилагательных / причастий и западнославянские языки. Большое количество *-л-*образований представлено в польском языке, причем чаще всего они имеют результативное или стальное значения [Damborský 1967: 53], ср.: *doschły* ‘досохнувший’, *rozkwitły* ‘расцветший’, *wybladły* ‘побледневший’, *zagaśły* ‘погасший’. Регулярны *-л-*образования в чешском языке: так, «от каждого приставочного глагола на *-ěti, -ati* со значением завершения перехода в какое-либо состояние возможно эловое образование» [Сигалов 1967: 16] (см. также [Кореšný 1958; Damborský 1967]). Помимо этого, в современном чешском в ряде диалектов (преимущественно в ганакских) в форме нового результата со страдательными причастиями конкурируют *-л-*причастия: «В очень многих случаях в современном чешском при образовании результата *l*-причастия конкурируют с *n-/t-*причастиями²⁸»

²⁸ «In sehr vielen Fällen konkurrieren die *l*-Partizipien im heutigen Tschechischen bei der Bildung von Resultativa mit den *n-/t-*Partizipien».

[Giger 2003: 64]; при этом -л-причастия употребляются в форме результата как с глаголом *mít* ('иметь'), так и с *byť* ('быть'), ср. примеры из [Ibid.: 67] и [Wiemer, Giger 2005: 87] (подробнее см. указанные работы):

1. *Lud'a neměl cvaknuto* — *Lud'a neměl cvaklý*²⁹.
'Людвик не прокомпостировал [билет]' ('у Людвика не прокомпостировано').
2. *Už mam dojedeno* — *Už mám dojedlý*.
'Я уже доел' ('у меня доедено').
3. *Polévka je uvařená* — *Vejce je rozmáčké*.
'Суп сварен' — 'Яйцо раздавлено'.

Аналогичное явление в меньшей степени отмечается и в кашубском языке, ср. примеры из [Ibid.: 85]:

4. *jô móm zežniwioné* — *jô móm zeseklé*.
'У меня собран урожай' — 'У меня посеяно'.

Таким образом, можно констатировать наличие результативного употребления -л-причастия в ряде славянских языков, утративших, как и русский, сложную систему прошедших времен.

В данном контексте интересен также вопрос взаимозаменяемости суффиксов -л- и -н-/-т-. Это явление характеризует не только часть чешских диалектов и кашубский язык. Так, в [СлРЯ XI–XVII вв.] находим такие прилагательные, как *измождальный* (Вып. 6, с. 179) 'изношенный' (XIII в.), 'изможденный' (XVII в.), *припеклый* (Вып. 19, с. 245) 'прижаренный' (XVI в.), *запеклый* (Вып. 5, с. 261) 'запекшийся' (XVI в.), *поднеслый* (Вып. 16, с. 9) 'вытянувшийся' (XVI в.), и др.; ср. также в современном словенск. *zrasel* 'выращенный', польск. *podniosły* 'приподнятый', *przelekły* 'испуганный' (примеры взяты из [Кореšný 1958: 157–159]), чешск. *podezřelý* 'подозреваемый'. В украинском языке встречаются формы *заголілий* вместо *заголений* ('оголенный'), *закурілий* вместо *закурений* ('запыленный'), *похнюплий* вместо *похнюплений* ('потупленный, понурый') [Šerech 1953: 27–29]. С. П. Бевзенко отмечает, что в некоторых западноукраинских говорах причастия с суффиксом -л- нередко вытесняют страдательные причастия с суффиксами -н-/-т-, ср.: *заспалий*, *напилий*, *набилий* [Бевзенко 1980: 146].

В славянских языках возможно не только использование действительной формы «вместо» страдательной на -н-/-т-, но и наоборот: употребление пассивного суффикса вместо активного. В [Вступ 1966:

²⁹ В разговорном чешском языке формы мужского и среднего рода нейтрализуются в форме мужского рода.

244] отмечается, что особенно часто в славянских языках причастия / прилагательные с суффиксами *-н-/-т-* с активным значением образуются от возвратных глаголов совершенного вида, ср.: укр. *успіхнений* (*успіхнутися*) ‘улыбающийся’, белор. *ніжэйпадпісаны* (*ніжэй падпісацца*) ‘нижеподписавшийся’, польск. *rozśpiewany* (*rozśpiewać się*) ‘поющий, распевшийся’, н.-луж. *wuspany* (*wuspaś se*) и в.-луж. *wuspany* (*wuspać so*) ‘выспавшийся’, чешск. *rozkročeny* (*rozkročiti se*) ‘расставивший ноги’, словацк. *usmiaty* (*usmiat’ sa*) ‘улыбающийся’, макед. *насмеан* (*насмее се*) ‘ухмыляющийся’, серб.-хорв. *замисљен* (*замислити се*) ‘задумчивый’, болг. *решен* (*реша се*) ‘решившийся’, словен. *naveličan* (*naveličati se*) ‘уставший’.

Ю. В. Шевелев подобную взаимозаменяемость активных и пассивных образований объясняет тем, что залоговое значение отходит на второй план, на первое же место выходит значение результата, состояния, наблюдаемого у всех рассматриваемых в данном контексте прилагательных / причастий: «Общее значение причастий на *-лый* и на *-тый*, *-ный* заключается в выражении результативного состояния³⁰» [Šerech 1953: 28]. Учитывая, что *-л*-причастия конкурируют со страдательными в формах нового результата, данное объяснение кажется наиболее вероятным и обоснованным.

По всей видимости, широкое распространение обсуждаемого явления началось относительно недавно. По данным Ю. В. Шевелева, активная взаимозаменяемость активного и страдательных суффиксов в украинском языке относится к довольно позднему времени. Примеры из [СлРЯ XI–XVII вв.] также в основном имеют помету XVI–XVII вв. В то же время наличие примеров употребления *-л*-суффикса «вместо» *-н-/-т-* и в восточнославянских, и в западнославянских языках, а примеров с обратной заменой — в языках всех трех групп славянских языков — говорит о древности механизмов, спровоцировавших данный процесс.

Таким образом, вышеизложенные факты свидетельствуют, с одной стороны, о древности результативного значения *-л*-причастия, с другой — о его достаточно длительном сохранении, приведшим к возникновению в последние несколько веков результативных *-л*-причастий / прилагательных как со страдательным, так и с активным значением в большинстве славянских языков.

Кроме того, в [Скачедубова 2019; Ермолова 2020] говорится о диалектных формах типа *всталиши*, *обулиши*, при образовании которых определенную роль играл морфологический фактор ([Кузнецов 1954: 91], [ИГРЯ 1982: 300]).

³⁰ «Die gemeinsame Bedeutung der Part. auf *-lyi* und auf *-nyj*, *-tyj* stellt gerade die Bedeutung des resultativen Zustandes dar».

В [Шевелева 2020: 172] утверждается, что некорректно делать выводы о процессах, происходящих в живом древнерусском, анализируя летописный нарратив, писавшийся в целом на книжном языке:

Те или иные особенности грамматической системы древнерусского языка находят отражение и в нарративной части ранних летописей, однако вряд ли по таким данным можно надежно реконструировать состояние некоторого фрагмента древнерусской грамматической (и, в частности, глагольной) системы и тенденции его эволюции — во всяком случае, в исследованиях такого рода необходимо учитывать гибридную специфику текста, высокую степень вероятности (близкую к обязательности) присутствия в нем черт книжной грамматики, учитывать фактор возможной ориентации на некоторые образцы и следования традиции.

В [Скачедубова 2019; Ермолова 2020] нигде не проводится мысль об отождествлении летописного и живого языка. Тем не менее, отказываться от попыток реконструкции живой системы на основе летописных текстов кажется неверным. Очевидно, что язык ранних летописей отличается от языка поздних. Очевидно, что основной причиной этого являются изменения, произошедшие в живом языке: так, например, в летописях прослеживается утрата двойственного числа, становление категории одушевленности, утрата простых претеритов. Да, в книжных текстах эти процессы отражаются позднее, чем в некнижных, однако это не значит, что вызваны они были механизмами, отличными от тех, что действовали в живом языке. Кроме того, любая книжная стратегия так или иначе связана с тем, что происходило в языке пишущего: для возникновения той или иной письменной установки «нужно, чтобы соответствующая семантическая категория существовала в том или в ином виде в языковом опыте носителей» [Живов 2004: 95]. Задача исследователя, пытающегося реконструировать систему, заключается в том, чтобы понять, какие процессы, происходившие в живом языке, спровоцировали изменения в летописном. Во всяком случае, едва ли правомерно не сопоставлять употребление *-л*-форм в летописях и в живом древнерусском и считать, что их использование определялось различными механизмами.

Как отмечается в [Шевелева 2020: 172], надежно доказать принадлежность той или иной нарративной особенности к живой древнерусской системе «может только наличие соответствующего употребления в некнижных древнерусских текстах и в современных говорах». Вопрос сохранения реликтов былой причастности *-л*-формы как в говорах, так и в других славянских языках был разобран выше. Теперь остановимся на проблеме отражения обсуждаемых особенностей в текстах некнижного характера.

Во-первых, с точки зрения сохранения *-л*-формой причастности не книжные тексты не анализировались. Вполне возможно, что примеры причастного функционирования *-л*-формы в них есть, но еще не обнаружены, так как современные исследователи истории русского языка привыкли смотреть на *-л*-форму исключительно как на финитную.

Во-вторых, необходимо помнить, что в исследованиях [Скачедубова 2018, 2018а, 2019; Ермолова 2020] анализируются книжные тексты, которые со значительным опозданием отображают изменения, происходящие в живом языке. Книжный язык эволюционирует медленнее, чем живой, «между началом процесса в живом языке и его первым отражением в письменных памятниках и в особенности памятниках книжного письма проходит обычно довольно много времени» [Живов 2017: 611]. В [Шевелева 2020: 172] говорится о необходимости с осторожностью интерпретировать материал книжного языка и не воспринимать его особенности как живые процессы — именно такую осторожность нужно проявлять и в данном вопросе: как мы признаем архаизмом то, что «в нарративе ранних летописей употребляются ушедшие в пассивное знание простые претериты и книжный плюсквамперфект» [Ibid.], так же мы должны понимать, что причастное употребление *-л*-формы в книжных текстах может сохраняться дольше, чем в живом языке. Таким образом, «противоречие» между временными рамками, представленными в летописях и, например, в берестяных грамотах, где *-л*-форма употребляется в качестве универсальной формы прошедшего времени, оказывается мнимым. Такая значительная перестройка глагольной системы, какая произошла в русском языке, «не могла не потребовать определенного времени — должен был быть какой-то переходный период» [Шевелева 2001: 200]. Представляется, что летописный нарратив прекрасно отображает именно его: вполне естественно, что «в определенный момент форма, постепенно меняющая свой морфологический характер, может реализовывать себя в разных функциях и в зависимости от контекста актуализировать то одни, то другие свойства» [Ермолова 2020: 96].

Кажется странным, что констатация причастного функционирования *-л*-формы в Псковских летописях XV–XVI вв. истолковывается в [Шевелева 2020: 171, 172] как предположение о сохранении до этого времени регулярного употребления *-л*-формы в роли причастия в живом языке. Такая мысль нигде в [Скачедубова 2019; Ермолова 2020] не высказывается. Последовательное использование *-л*-формы для обозначения действия, противопоставленного по своему характеру аористу, говорит о том, что «ее причастность не была полностью утрачена и могла актуализироваться в определенных ситуациях» [Ibid.: 96].

Процитируем далее комментарий к материалу Псковских летописей из [Ibid.]:

Авторы псковских летописей, старающиеся использовать для повествования о прошлых событиях аорист, нуждались в форме, которая бы обозначала иной характер действия. Учитывая, что имперфект не был живой формой, а причастие, скорее всего, было занято северо-западным перфектом и воспринималось как разговорная форма (см.: [Скачедубова 2018a]), наиболее подходящей могла казаться -л-форма, сохраняющая еще в себе потенциальную причастность. Такое использование имеющихся у носителя языковых средств для передачи актуальных для него смыслов, которые не могли быть уже выражены утратившимися временными формами, кажется очень вероятным.

Кроме того, вполне возможен перенос функций определенных форм, характерных для разговорного языка, на соответствующие формы книжного языка. Так, например, больше всего -л-форм в качестве универсальной результативной формы встретилось в Новгородской летописи старшего и младшего изводов. Это может быть связано с тем, что в новгородской зоне категория результативности не находилась на пути к исчезновению, как это происходило в южных говорах и говорах центра, а нашла себе другие средства выражения — причастия на -вши. Следовательно, летописец мог переносить функционирование уже новых результативных форм в своем языке на те формы, которые обозначали результатив в летописном (однако вполне вероятно и сосуществование в определенный момент дублетных форм). Как пишет В. М. Живов, формы и конструкции переписываемого текста интерпретировались в семантических категориях, присущих языковому опыту компилятора [Живов 2017: 250]. Именно поэтому представляется некорректным пытаться «пересчитать» отношения употребления -л-форм «с летописного на грамматические формы реального живого языка», как это предлагается делать в [Шевелева 2020: 174].

Вопрос регулярного функционирования -л-формы в живом языке в [Скачедубова 2019; Ермолова 2020] не поднимается, однако его изучение представляется чрезвычайно важным. Так, А. А. Потебня и Ф. И. Буслаев, на которых есть ссылка в [Шевелева 2020], говоря о реликтах сохранения -л-формой причастности в раннедревнерусском, приводят примеры причастного функционирования -л-формы и из текстов XVI–XVII вв., не ориентированных на книжную традицию в такой степени, как летописи, ср. (подробнее см. [Потебня 1958: 239–240]): *А будетъ невѣста пришла за него замуж, дѣвства своего не сохранила* (= не сохранивши), *и онъ имѣ, отцу и матерѣ, за то пеняеть* (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича», сер. XVII в.). Интересно, что исследователям XIX в. мысль о причастности -л-формы

не кажется настолько невероятной и необоснованной: это связано, возможно, с отсутствием в их время принятой традиции грамматического описания русского языка, которая, несомненно, влияет на восприятие материала, а может быть, и с тем, что отголоски былой причастности в *-л*-форме сохранялись и тогда.

В [Шевелева 2020: 175, 177] в отношении отдельных примеров (практически из каждой группы специализированных контекстов) допускается вероятность предлагаемой в [Скачедубова 2018, 2019; Ермолова 2020] трактовки, однако высказываются возражения против того, чтобы распространять ее на более широкий круг контекстов, так как доказать, что перед нами не универсальная претеритная *-л*-форма, а *-л*-причастие, невозможно. Здесь необходимо отметить, что доказать что-либо в сфере грамматической семантики вообще трудно. Там, где мы имеем дело не с формой, а значением, особенно в исторической перспективе, доказательство часто складывается из косвенных факторов. Чем больше явлений позволяет объяснить гипотеза, чем реже благодаря ей какой-то факт в тексте приходится считать ошибкой, тем она достовернее.

Едва ли можно признать случайными следующие факты: выделяемые специализированные контексты повторяются во всех исследованных летописях; *-л*-форма вне этих контекстов в ранних летописях практически не употребляется; с течением времени доля этих специализированных контекстов относительно неспециализированных употреблений *-л*-форм (т. е. тех, которые употреблены уже как формы простого прошедшего времени) закономерно уменьшается; количество примеров в том или ином типе контекстов по летописям соотносится с дальнейшим развитием временной системы в говорах региона, где летопись создавалась / переписывалась³¹.

Кроме того, предлагаемая гипотеза позволяет объяснить много разных, на первый взгляд, не связанных между собою явлений: позднее образование *-л*-прилагательных / причастий со стательным или результативным значением, использование суффикса *-л*- вместо страдательного *-н*-/*-т*-, формирование нового перфекта с *-л*-формой в ряде славянских идиомов, возникновение контаминированных причастий типа *всталиши*, *обулиши*, особенности использования *-л*-форм в переводческой практике³²

³¹ Так, например, больше всего *-л*-форм в результативном значении встретилось в Новгородской первой летописи как старшего, так и младшего изводов. Это соотносится с представлением о том, что категория результативности наиболее устойчивой была в северо-западной зоне.

³² Как показала Т. В. Пентковская, «в части случаев *л*-форма без связки в ЧРНЗ появляется на месте перфектного причастия греческого текста и может рассматриваться как употребленная в собственно причастном значении» [Пентковская 2009: 207].

(подробнее см.: [Пентковская 2009: 207; Скачедубова 2019]), контексты из древнерусских памятников, где *-л-* и *-ши-* формы употребляются как однородные при бытийном глаголе. Наконец, наша теория предлагает увидеть в употреблении *-л-*форм не случайность, а систему; не предполагать ошибку писца, позволившего проникнуть в книжный текст «неправильному» прошедшему времени, а объяснить факт книжного текста внутренней, языковой причиной.

Конечно, есть контексты, где теоретически *-л-*форму можно рассматривать и как причастную, и как употребленную в аористной функции (что, правда, во всех рассматриваемых контекстах кажется менее удачным решением, так как синтаксис получается менее «гладким»). На наш взгляд, наличие более однозначных контекстов позволяет в таких случаях видеть в *-л-*форме именно причастие. Отказ от этого означает отказ смотреть на историю *-л-*формы в более широком контексте, игнорирование истории развития других форм (прежде всего, причастий на *-ши/-вши*), материала русских говоров и других славянских языков.

Библиография

Источники

Ак.

РГБ, ф. 173/1 №236. Суздальская летопись по Академическому списку, кон. XV в., по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 1: *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*, Москва, 1962.

Бельск.

РНБ, F. IV. 688, Хроніка М. Бельскага пачатку, нач. XVII в., по изд.: [Мова беларускай письменнасці 1988].

Валх.

РНБ, Q.I.391, л. 39–96 об., Аповесць аб трох каралях-валхвах, кон. XV в., по изд.: [Мова беларускай письменнасці 1988].

ЖАЮ

РГАДА, Син. тип. 182, Житие Андрея Юродивого, список конца IV в., по изд.: Молдован А. М., *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*, Москва, 2000.

ИИВ

История Иудейской войны, по изд.: Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., Уткин А. А., *«История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод*, 1, Москва, 2004.

Каз. летописец

Казанский летописец, по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 19: *История о Казанском царстве*, С.-Петербург, 1903.

Котош.

Григорий Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, 2-е изд., С.-Петербург, 1859; цит. по изд.: [Потебня 1958].

ЛЛ ПВЛ

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 1: *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*, Москва, 1962.

Нкф.

Никифоровская летопись, по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 17: *Западнорусские летописи*, Москва, 2008, 1–84 [репринт. изд.].

НПЛ ст.

Новгородская первая летопись старшего извода, по изд.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950, 15–108.

НПЛ мл.

Новгородская первая летопись по Комиссионному списку, по изд.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950.

Пск. II

ГИМ, Синод, No 154., Псковская вторая летопись по Синодальному списку, кон. XV в., по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 5/2. Москва, 2000.

Судебник

Судебник царя Федора Ивановича 1589 г.: по списку собрания Ф. Ф. Мазурина, Москва, 1900.

Супр.

Супрасальская летопись, по изд.: Супрасальский список, *Полное собрание русских летописей*, 17: *Западнорусские летописи*, Москва, 2008, 1–84 [репринт. изд.].

Литература

Бевзенко 1980

Бевзенко С. П., *Діалектологія*, Київ, 1980.

Болсохоева 1977

Болсохоева А. Д., Предикативное функционирование кратких страдательных причастий прошедшего времени в русском языке XVI–XVII вв (автореферат диссертации канд. филол. наук, Ленинград, 1977).

Борковский 1986

Борковский В. И., *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения*, Москва, 1986.

Булаховский 1954

Булаховский Л. А., *Русский литературный язык первой половины XIX века*, Москва, 1954.

Буслаев 1881

Буслаев Ф. И., *Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Этимология*, Москва, 1881.

Вступ 1966

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, О. С. Мельничук, ред., Київ, 1966.

Горшкова, Хабургаев 1981

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1981.

Дьяченко et al. 2018

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В., Экспедиция в Опочецкий район Псковской области, *Русский язык в научном освещении*, 2 (36), 2018, 257–313.

——— 2019

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В., Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 22: *Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.)*, 2019, 213–229.

Ермакова 2019

Ермакова Д. А., Эловая форма в кругу других средств релятивизации подлежащего в восточнославянских языках (курсовая работа, СПбГУ, филологический факультет, кафедра общего языкознания, С.-Петербург, 2019).

Ермолова 2020

Ермолова М. В., О соотношении -л-форм и причастий на -ъш- / -въш- в древнерусском языке, *Вопросы языкознания*, 3, 2020, 78–100.

——— 2021

Ермолова М. В., О некоторых глагольных особенностях в западнорусских летописях (сочетания «быти + причастие на -ъш-/-въш-», плюсквамперфект), *Исследования по славянской диалектологии*, 23, 2021, 178–193.

——— 2022

Ермолова М. В., К вопросу о дискурсивных свойствах -л-формы в русском летописном нарративе в свете ее грамматического статуса, *Slavia* (в печати).

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

Захарова, Орлова 1970

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., *Диалектное членение русского языка*, Москва, 1970.

ИГРЯ 1982

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол, Р. И. Аванесов, В. В. Иванов, ред., Москва, 1982.

Князев 2007

Князев Ю. П., *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*, Москва, 2007.

Корчагина 1995

Корчагина Е. В., Отглагольные прилагательные на -л- в истории русского языка (XI–XVII вв.) (автореферат диссертации канд. филолог. наук, Москва, 1995).

Кузнецов 1949

Кузнецов П. С., К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, *Материалы и исследования по русской диалектологии*, 3, Москва, Ленинград, 1949, 59–83.

——— 1950

Кузнецов П. С., К вопросу о сказуемости употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в., *Труды Института русского языка*, 2, Москва, Ленинград, 1950, 105–166.

——— 1953

Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва, 1953.

——— 1954

Кузнецов П. С., *Русская диалектология*, Москва, 1954.

Кузьмина, Немченко 1971

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., *Синтаксис причастных форм в русских говорах*, Москва, 1971.

Ляончанка 1957

Ляончанка Д. А., *Гісторыя дзеяпрыметнікаў у беларускай мове*, Минск, 1957.

Маслов 1983

Маслов Ю. С., Результатив, перфект и глагольный вид, В. П. Недялков, ред., *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 41–54.

Недялков, Яхонтов 1983

Недялков В. П., Яхонтов С. Е., Типология результативных конструкций, В. П. Недялков, ред., *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 5–41.

Никифоров 1952

Никифоров С. Д., *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*, Москва, 1952.

Пентковская 2009

Пентковская Т. В., Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон (диссертация доктора филолог. наук, Москва, 2009).

Пенькова 2014

Пенькова Я. А., К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»), *Русский язык в научном освещении*, 1 (27), 2014, 150–184.

——— 2016

Пенькова Я. А., Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10, Москва, 2016, 475–488.

Петрухин 2008

Петрухин П. В., Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей), В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева, ред., *Исследования по теории грамматики*, 4: *Грамматические категории в дискурсе*, Москва, 2008, 213–240.

Плунгян 2016

Плунгян В. А., К типологии перфекта в языках мира: Предисловие, *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 12/2, (= Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова, ред., *Исследования по теории грамматики*, 7: *Типология перфекта*), С.-Петербург, 2016, 7–36.

Плунгян, Урманчиева 2017

Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю., Перфект(ы) в «Повести временных лет»: три перфектные конструкции, *Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина). Тезисы докладов*, С.-Петербург, 2017, 124–125.

——— 2019

Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю., Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция, *Acta linguistica Petropolitana*, 15/3, 2019, 223–249.

Потебня 1958

Потебня А. А., *Из записок по русской грамматике*, 1–2, Москва, 1958.

Рыко 2002

Рыко А. И., Причастия на -ши в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона, *Русский язык в научном освещении*, 2 (4), 2002, 171–193.

Сигалов 1967

Сигалов П. С., К истории эловых причастных-прилагательных, *Труды по русской и славянской филологии*, 10, *Серия лингвистическая*, Тарту, 1967, 3–45.

Сидоров 1969

Сидоров В. Н., *Из исторической фонетики*, Москва, 1969.

Скачедубова 2018

Скачедубова М. В., Об интерпретации -л-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях, *Вопросы языкознания*, 5, 2018, 64–76.

——— 2018a

Скачедубова М. В., К вопросу об отражении перфекта на -ши в памятниках северо-западного региона, *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 5, 2018, 31–36.

——— 2019

Скачедубова М. В., Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей) (диссертация на соискание степени кандидата филол. наук, Москва, 2019).

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30, Москва, 2001.

Собинникова 1961

Собинникова В. И., *Простое предложение в русских народных говорах*, Воронеж, 1961.

Трубинский 1983

Трубинский В. И., Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах, В. П. Недеялков, ред., *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 216–226.

——— 1984

Трубинский В. И., *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград, 1984.

Чамярыцкі 2005

Чамярыцкі В., Супрасльскі летапіс, *Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў 3 т.*, 2, Мінск, 2005, 645.

Чиркина 1956

Чиркина И. П., Словообразование отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском литературном языке, *Ученые записки МГПИ им. Потемкина*, 1, Москва, 1956.

——— 1956a

Чиркина И. П., Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском языке, *Русский язык в школе*, 1, 1956.

Шевелева 2001

Шевелева М. Н., Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть*, *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой*, Москва, 2001, 199–216.

——— 2007

Шевелева М. Н., «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах, *Русский язык в научном освещении*, 2 (14), 2007, 214–252.

——— 2009

Шевелева М. Н., «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке), *Русский язык в научном освещении*, 2 (18), 2009, 144–174.

——— 2020

Шевелева М. Н., Еще раз о перфекте и аористе в ранних восточнославянских текстах, *Русский язык в научном освещении*, 2, 2020, 151–184.

Шуба 1968

Шуба П. П., *Дзеяслоў у беларускай мове*, Мінск, 1968.

Damborský 1967

Damborský J., *Participium L-ové ve slovanštině*, Warszawa, 1967.

Danylenko 2005

Danylenko A., Is there any possessive perfect in North Russian? *WORD*, 56/3, 2005, 347–379.

Giger 2003

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien, 2003.

Jung 2014

Jung H., Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, I. A. Seržant, B. Wiemer, eds., Bergen, 2014, 195–215.

Копеčný 1958

Копеčný F., Příspěvek k problému slovanského přičestí *l*-ového, *IV Международный съезд славистов: Славянская филология: Сборник статей*, 2, Москва, 1958, 138–163.

Piskorz 2012

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Šerech 1953

Šerech J., *Participium universale im Slavischen*, Winnipeg, 1953.

Seržant 2012

Seržant I. A., The so called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Diachronic and areal account, *Lingua*, 122/4, 2012, 356–385.

Wiemer, Giger 2005

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.

Wiemer 2017

Wiemer B., Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity, *Slavia*, 86/2–3, 2017, 124–168.

References

Avanesov R. I., Ivanov V. V., eds., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Morfologiya. Glagol*, Moscow, 1982.

Bevzenko S. P., *Dialektolohiya*, Kyiv, 1980.

Borkovskii V. I., *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh iazykov. Tipy prostogo predlozheniia*, Moscow, 1986.

Bulachowskyj L. A., *Russkii literaturnyi iazyk pervoi poloviny XIX veka*, Moscow, 1954.

Chamiarycki V., *Suprasl'ski letapis, Vialikae Kniastva Litoŭskae. Ėntsyklapedyia u 3 t.*, 2, Minsk, 2005, 645.

Chirkina I. P., Osobennosti otglagol'nykh prilagatel'nykh s suffiksom *-l-* v sovremennom russkom iazyke, *Russian Language at School*, 1, 1956.

Chirkina I. P., Slovoobrazovanie otglagol'nykh prilagatel'nykh s suffiksom *-l-* v sovremennom russkom literaturnom iazyke, *Uchenye zapiski MGPI im. Potemkina*, 1, Moscow, 1956.

Damborský J., *Participium L-ové ve slovanštině*, Warszawa, 1967.

Danylenko A., Is there any possessive perfect in North Russian? *WORD*, 56/3, 2005, 347–379.

Dyachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ronko R. V., Ter-Avanesova A. V., Dialectological Expedition to Opochka District, Pskov Region, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (36), 2018, 257–313.

Dyachenko S. V., Zhidkova E. G., Ter-Avanesova A. V., Past Participles and Perfect Constructions

in Opočka Dialects, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 22: *Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony»* (May 27–29, 2019), 2019, 213–229.

Ermolova M. V., On some verbal features in Western Russian chronicles (constructions “byti + participle in -sh-/-v”sh-”, pluperfect), *Studies of Slavic Dialectology*, 23, 2021, 178–193.

Ermolova M. V., The relationship between *l*-forms and “sh- / -v”sh- participles in Old Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2020, 78–100.

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien, 2003.

Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1981.

Jung H., Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, I. A. Seržant, B. Wiemer, eds., Bergen, 2014, 195–215.

Knyazev Yu. P., *Grammaticheskaja semantika. Russkii iazyk v tipologicheskoj perspective*, Moscow, 2007.

Kopečný F., Příspěvek k problému slovanského přechasti *l*-ového, *IV Congrès International des Slavistes. Philologie Slave: Recueil*, 2, Moscow, 138–163.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V., *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*, Moscow, 1971.

Kuznetsov P. S., K voprosu o skazuemostnom upotreblenii prichastii i deeprichastii v russkikh govorakh, *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii*, 3, Moscow, Leningrad, 1949, 59–83.

Kuznetsov P. S., K voprosu o skazuemostnom upotreblenii stradatel'nykh prichastii v russkom literaturnom iazyke XVIII i nachala XIX v., *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2, Moscow, Leningrad, 1950, 105–166.

Kuznetsov P. S., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Morfologija*, Moscow, 1953.

Kuznetsov P. S., *Russkaia dialektologija*, Moscow, 1954.

Lyaonchanka D. A., *History of participles in Belarusian*, Minsk, 1957.

Maslov Yu. S., Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyi vid, V. P. Nedjalkov, ed., *Tipologija rezul'tativnykh konstruktii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 41–54.

Mel'nychuk O. S., ed., *Vstup do porivnial'no-istorichnoho vyvchennia slov'ians'kykh mov*, Kyiv, 1966.

Nedjalkov V. P., Yakhontov S. E., The Typology of Resultative Constructions, V. P. Nedjalkov, ed., *Tipologija rezul'tativnykh konstruktii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 5–41.

Nikiforov S. D., *Glagol, ego kategorii i formy v russkoi pis'mennosti vtoroi poloviny XVI veka*, Moscow, 1952.

Penkova Ya. A., Semantics of the Slavic future perfect and several typological parallels, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 10, Moscow, 2016, 475–488.

Penkova Ya. A., Towards the Problem of the So Called “Compound Future II” Semantics in the Old Russian Language (On the Material of the Life of St. Andrew the Fool), *Russian Language and Linguistic Theory*, 1 (27), 2014, 150–184.

Petrushkin P. V., Towards discourse functions of Old Russian “learned” pluperfect forms (according to Kiev and Galician-Volyn chronicles), V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva, eds., *Studies in the Theory of Grammar*, 4: *Grammatical Categories in Discourse*, Moscow, 2008, 213–240.

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Plungian V. A., Towards the typology of the perfect in the world's languages: introduction, *Acta linguistica petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 12/2 (= T. A. Maisak, V. A. Plungian, X. P. Semionova, eds., *Issledovaniia po teorii grammatiki*, 7: *Tipologija perfekta*), St. Petersburg, 2016, 7–36.

Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu., Perfekt(y) v “Povesti vremennykh let”: tri perfektnye konstruktii, *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Russkii glagol»* (k 50-letiiu vykhoda v svet knigi A. V. Bondarko i L. L. Bulanina): *Tezisy dokladov*, St. Petersburg, 2017, 124–125.

Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu., The Perfect with the auxiliary verb in the Old Russian Primary Chronicle (Povest' Vremennykh let) as a focus construction, *Acta linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 15/3, 2019, 223–249.

Potebnja A. A., *Iz zapisok po russkoi grammatike*, 1–2, Moscow, 1958.

Ryko A. I., Prichastia na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropetsko-kholm'skogo regiona, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (4), 2002, 171–193.

Šerech J., *Participium universale im Slavischen*, Winnipeg, 1953.

Seržant I. A., The So-called Possessive Perfect in North Russian and the Circum-Baltic Area. Adiachronic and Areal Account, *Lingua*, 122/4, 356–385.

Sheveleva M. N., On the Loss of the Old Russian Perfect and Origin of Dialectal Structures with the Word *est'*, *Iazykovaia sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve: Sbornik nauchnykh statei k 80-letiiu professora K. V. Gorshkovoi*, Moscow, 2001, 199–216.

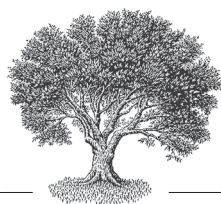
Sheveleva M. N., Once More on the Perfect and Aorist in Early East Slavic Texts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 2020, 151–184.

- Sheveleva M. N., "Russian pluperfect" in the Old Russian texts and modern dialects, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (14), 2007, 214–252.
- Sheveleva M. N., "Sequence of tenses" in the Language of Old Russian Chronicles (on Formation of Relative Use of Tenses and Indirect Speech in Russian), *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (18), 2009, 144–174.
- Shuba P. P., *Dzeiasloŭ u belaruskaj move*, Minsk, 1968.
- Sidorov V. N., *Iz istoricheskoi fonetiki*, Moscow, 1969.
- Sigalov P. S., On the history of participles-adjectives in *-l*, *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*, 10, *Seriia lingvisticheskaia*, Tartu, 1967, 3–45.
- Skachedubova M. V., On the interpretation of *l*-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and the First Novgorodian Chronicle, *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 2018, 64–76.
- Skachedubova M. V., On the representation of perfect in *-ši* in the Manuscripts of Northwest Russia, *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 5, 2018, 31–36.
- Sobinnikova V. I., *Prostoe predlozhenie v russkikh narodnykh govorakh*, Voronezh, 1961.
- Trubinskii V. I., *Očerki russkogo dialektного sintaksisa*, Leningrad, 1984.
- Trubinskii V. I., Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh, V. P. Nedjalkov, ed., *Tipologiiia rezul'tativnykh konstruktii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 216–226.
- Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.
- Wiemer B., Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity, *Slavia*, 86/2–3, 2017, 124–168.
- Zakharova K. F., Orlova V. G., *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka*, Moscow, 1970.
- Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti: in 2 v.*, 1, Moscow, 2017.

Мария Вадимовна Ермолова, кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова
Российской академии наук
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia

Received October 19, 2021

Case Marking and Definiteness in Slavic Appositional Constructions

Natalia N. Logvinova

Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences;
HSE University,
St. Petersburg, Russia

Падежное маркирование и определенность в аппозитивных конструкциях в славянских языках

**Наталья Николаевна
Логвинова**

Институт лингвистических исследований
Российской академии наук;
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
С.-Петербург, Россия

Abstract

This paper is a corpus-based study of Slavic appositional constructions. Out of material taken from seven Slavic languages, two aspects of the morphosyntax of close appositions in Slavic are considered: case concord and definiteness marking. The first section of the paper considers the factors that affect case concord in appositions in Russian, Ukrainian, Belarusian, Czech, Polish, Croatian, and Slovenian. Based on the data of the corpora it is shown that in all seven languages, inherent plurality and frequency of proper names significantly affect the probability of concord being present. Moreover, it is shown that the likelihood of concord differs across cases, and almost all languages considered follow the case hierarchy GEN>DAT>LOC>INS. The second portion of the paper

Citation: Logvinova N. N. (2022) Case Marking and Definiteness in Slavic Appositional Constructions. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 281–304.

Цитирование: Логвинова Н. Н. Падежное маркирование и определенность в аппозитивных конструкциях в славянских языках // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 281–304.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.11

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

considers definiteness marking in Bulgarian and Macedonian appositional constructions. Based on the obtained data, it is argued that appositions with different lexemes can have different syntactic structures in these languages.

Keywords

appositional constructions, Slavic languages, case concord, case hierarchy, definiteness, corpus linguistics

Резюме

В настоящей статье представлено корпусное исследование связанных аппозитивных конструкций в славянских языках. На материале семи языков анализируются такие аспекты морфосинтаксиса аппозитивных конструкций, как необязательное падежное согласование между членами конструкции и маркирование определенности. В первой части настоящего исследования анализируются факторы, влияющие на вероятность падежного согласования в аппозитивных конструкциях в русском, украинском, белорусском, чешском и польском языках. С опорой на квантитативные данные показано, что во всех рассмотренных языках ингерентная множественность и частотность имени собственного значительно влияет на вероятность согласования. Кроме того, в статье показано, что вероятность падежного согласования различается в зависимости от падежа: практически все рассмотренные языки следуют падежной иерархии GEN>DAT>LOC>INS. Во второй части статьи рассматривается использование артикля в аппозитивных конструкциях в болгарском и македонском языках. Согласно полученным данным, можно сделать вывод, что маркирование определенности в аппозитивных конструкциях в этих языках отражает различие в синтаксической структуре конструкций с разными существительными.

Ключевые слова

аппозитивные конструкции, славянские языки, падежное согласование, иерархия падежей, определенность, корпусная лингвистика

1. Introduction

Close appositional constructions¹ consist of at least two nominals—a common noun and a proper name—which have a common referent and seemingly

¹ Close appositional constructions are generally opposed to the so-called *loose appositional constructions* [Heringa 2012]. Consider the following from the Russian National Corpus as an example of loose apposition:

(i) **Drug-oī ministr, Margo Dzhejms, opisa-l-a eë kak**
 another-NOM.SG.M minister Margo James describe-PST-SG.F she.ACC as
 “kompetentn-uiū, avtoritetn-uiū i sovershenno poriadochn-uiū”.
 competent-ACC.SG.F authoritative-ACC.SG.F and absolutely decent-ACC.SG.F
 ‘Another minister, Margot James, described her as, “competent, authoritative, and absolutely decent.”’

In contrast to the latter, close appositions are said to preserve intonational integrity and have “restrictive” semantics. For a broader discussion of the differences between the two constructions see [Heringa 2012: 2] among others.

occupy the same syntactic position in the sentence. The most typical representatives of this class are appositions with personal names of humans and toponyms, cf. the following examples from Russian and their translations to English: *pisatel' Arkadij* 'the writer Arkadij', *gorod Moskva* 'the city of Moscow'. Appositions were most extensively studied using data from English. Although several different approaches were suggested [Lee 1952; Haugen 1953; Hockett 1955; Burton-Roberts 1975; Quirk et al. 1985; Meyer 1992; Acuña-Fariña 1999; Acuña-Fariña 2009; Keizer 2007], the most important issues of appositions (including headedness and syntactic scope of construction) still remain not fully clarified, while appositions themselves are commonly regarded as an "unresolved pattern" by recent authors [Acuña-Fariña 2009]. At the same time, appositions were generally disregarded by linguists working with languages other than English (however, see several exceptions [Pereira, Pérez Gaztelu 2002; O'Connor, Patin 2015; Bauer 2017; Zbróg 2019]), so the existing theory of apposition is largely deprived of data from other languages. The present paper considers two remarkable aspects of variation observed in Slavic appositional constructions—case concord of proper names and definiteness marking.

One of the most widely discussed issues with respect to Russian close appositions concerns case concord within the appositional construction [Позенталь 1989: 265–267, Голуб 2010: 278–279]. In Russian, certain types of proper names in apposition to common nouns can either have the same case as the preceding generic term or preserve the default nominative. The observed variation is often striking since the same expression can show both case concord and lack thereof, even in the very same text. As an illustration, consider the following examples from the Russian National Corpus taken from the same text:

(1) Russian [RNC: M. L. Gasparov. *Zanimatel'naja Grecija*, 1998]

- a. *Na ostrov-e Krit-e chtili peshcher-u <...>*
on island-LOC Crete-LOC honour.PST.PL cave-ACC
'(they) honoured a cave on the island of Crete'
- b. *<...> razorila moguchee tsarstvo na ostrov-e Krit*
ruin.PST.F mighty.N kingdom(N) on island-LOC Crete
'(it) ruined the mighty kingdom on the island of Crete'

In both examples in (1) the appositional phrase *ostrove Krit(e)* is dependent on the preposition *na* which assigns Locative case to its dependent NPs. However, as example (1)b shows, the case marker can be omitted on the proper name. This also appears to be true about other Slavic languages. See an example from Ukrainian:

(2) Ukrainian (< Slavic < Indo-European [RNC: I. I. Akimuškin. Tropoju legend, 1961], <https://studopedia.su>)

a. <...> *iākiī beshketuvav na ostrov-i Rodos-i*
which rampage.PST.M on island-LOC Rhodes-LOC

‘<...> who was rampaging on Rhodes Island’

b. *kolosal’na statuiā bog-a sonc’-a Helios-a na ostrov-i Rodos*
enormous.F statue(F) god-GEN sun-GEN Helios-GEN on island-LOC Rhodes

‘An enormous statue of the god Helios on Rhodes Island’

As demonstrated in the above examples from Russian, a proper name in an appositional construction shown in the Ukrainian examples can either show concord (2)a in case with the preceding common noun or preserve the “default” Nominative form, shown in (2)b.

In the present study, I will analyse variation in case concord in close appositions in seven standard extant Slavic languages—namely, Russian, Ukrainian, Belarusian (Eastern branch), Polish, Czech (Western branch), Croatian, and Slovene (Southern branch). The data for Russian has previously been thoroughly discussed in [Логвинова 2022]—for that reason, data on Russian presented in this paper is mainly taken from [Ibid.] and will not be discussed in detail. The literature on apposition in the other Slavic languages is scarce (see, for example, [Кулик 1961: 65–68, Ключковский 1962, 1963; Мізак 1966] for Ukrainian, [Бірыла, Шуба 1985: 34–35] for Belarusian, [Bartnicka et al. 2004] for Polish), with the exception of relatively recent studies of Croatian appositions [Marković 2008, Sesar 2013, Belaj 2014], focused mainly on the search for semantic grounds to define the head of the construction. The data comes from several electronic corpora available on the Sketch Engine platform². For all languages except Croatian, corpora from the TenTen Corpus Family were used. In the case of Croatian, there is no available TenTen Corpus, therefore the Croatian web-corpus (hrWaC) was used instead. For statistical hypothesis testing, I predominantly used the multiple regression model (further—MLR). The significance level (*p-value*) of ≤ 0.05 is taken as significant.

2.1. Case marking in Slavic appositional constructions

The bulk of literature [Шведова et. al 1980: 58; Розенталь 1989: 265–267; Граудина 1976: 138–145; Голуб 2016: 278–279; Matushansky 2012, Сугепанская 1973, Логвинова 2022] discussing the phenomenon of optional case concord in appositions in Russian provides evidence that concord is conditioned by several factors, among which are the following:

² URL: <https://www.sketchengine.eu/>.

- lexical category of the common noun;
- number congruency of constituents (proper names congruent in number with a preceding common noun show more concord);
- gender congruency of constituents (proper names congruent in gender with a preceding common noun show more concord);
- the frequency of the proper name (more frequent names show more concord).

The underlying theoretical premise for the last of the factors listed above is that case marking of proper names in appositive structures may be conditioned by the degree of familiarity of the names for the speaker. Thus, it is expected that unfamiliar names tend to be preserved in their default Nominative form rather than display the case marking, given that declension of infrequent and uncommon proper names can be problematic for speakers. The relative frequency of the proper name in a representative collection of texts for that language appears to be a possible empirical indicator of the degree to which speakers are familiar with a particular name. In what follows I will discuss the relevance of the parameters listed above for case concord in appositions in the chosen Slavic languages.

Regarding the factor of the **lexical category** of the common noun, it seems that Slavic languages generally make the same contrasts between nouns preferring and disfavours case concord. Table 1 below gives an overview of the frequency of case concord of proper names with different common nouns. In each column for the same expression (translated in different languages), it is calculated how many times the expression revealed case concord or absence thereof, as well as the percentage of instances with concord. The choice of proper names is conditioned by their potential frequency and, consequently, their presence in the corpora. In the case of the expressions *river* + *X* and *mountain* + *X* (where *X* is a proper name), two categories of names are considered—those having the same grammatical gender as the common noun and those where grammatical gender differs. The cases with concord frequency $\geq 50\%$ are given in grey. As can be seen from the table, all the languages under discussion reveal a tendency for concord of proper name after the noun ‘city’ regardless of gender congruence (the only exception is Czech, where the percentage of occurrences with concord is slightly below the threshold), while after the noun ‘river’ the proper names tend to show concord, where the grammatical gender of the proper name is congruent (feminine in this case). In other cases, concord is generally avoided regardless of gender congruence. The language showing concord in most contexts is Croatian.

Table 1. Case concord of proper names in apposition to different common nouns in seven Slavic languages³

Language	con	-/+	% +	con	-/+	% +	con	-/+	% +	con	-/+	% +
	city 'the city of Moscow'			river 'the Volga river/ Danube river'			mountain 'the mountain Sinai/ the mountain X***'			desert 'the Sahara Desert'		
Russian	<i>gorod Moskva</i>	1*10 ³ / 3*10 ⁵	99%	<i>reka Volga_(c)</i>	6*10 ³ / 8*10 ³	57%	<i>gora Sinai</i>	5*10 ³ / 400	7%	<i>pustyniā Sakhara</i>	2565/ 972	28%
				<i>reka Dunaj</i>	1500/ 194	11%	<i>gora Belukha</i>	582/ 429	42%			
Ukrainian	<i>misto Moskva</i>	4/16	80%	<i>richka Volha_(c)</i>	70/ 96	57%	<i>gora Sinai</i>	207/ 8	3%	<i>pusteliā Sakhara</i>	342/ 150	30%
				<i>rička Dunaj</i>	462/ 28	6%	<i>gora Hverla</i>	440/ 278	78%			
Belarusian	<i>horad Maskva</i>	2/20	90%	<i>raka Volha_(c)</i>	0/3	100%	<i>hara Sinai</i>	20/0	0%	<i>pustyniā Sakhara</i>	4/3	42%
				<i>raka Dunaj</i>	8/0	0%	—	—	—			
Polish	<i>miasto Moskwa</i>	57/ 129	70%	<i>rzeka Wołga_(c)</i>	12/70	85%	<i>góra Sinai</i>	54/0	0%	<i>pustynia Sahara</i>	102/ 71	41%
				<i>rzeka Dunaj</i>	165/1	<1%	<i>góra Cantoria</i>	53/ 35	40%			
Czech	<i>město Moskva</i>	455/ 388	46%	<i>řeka Volha_(c)</i>	6/7	53%	<i>hora Sinaj</i>	1800/ 102	5%	<i>poušť Sahara</i>	145 /67	31%
				<i>řeka Dunaj</i>	1200/ 615	32%	<i>hora Radhošť</i>	861/ 32	4%			
Slovene	<i>mesto Moskva</i>	10/11	52%	<i>reka Sava_(c)</i>	17/ 2660	99%	<i>gora Sinaj</i>	82/0	0%	<i>puščava Sahara</i>	31/ 11	26%
				<i>reka Nil</i>	248/ 0	0%	—	—	—			
Croatian	<i>grad Moskva</i>	3/100	97%	<i>rijeka Volga_(c)</i>	0/ 69	100%	<i>planina Sinaj</i>	22/4	15%	<i>pustinja Sahara</i>	14/ 49	77%
				<i>rijeka Dunav</i>	344/ 71	17%	<i>planina Učka_(c)</i>	22/82	79%			

³ In Table 1 [–] stands for instances without concord, while [+] is for instances with concord. [con] is a contraction for construction.

⁴ There were no examples of appositional constructions with the noun 'star' in Belarusian.

con	-/+	% +	con	-/+	% +	con	-/+	% +	con	-/+	% +
lake 'Lake Baikal'			island 'the island of Zanzibar'			planet 'planet Earth'			star 'the star Sirius'		
<i>ozero Baikal</i>	>14*10 ³ / 302	2%	<i>otrov Zanzibar</i>	699/ 24	4%	<i>planeta Zemliā</i>	>3*10 ⁴ / 174	<1%	<i>zvezda Sirius</i>	513/ 39	7%
<i>ozero Baikal</i>	488/9	2%	<i>ostriv Krit</i>	624/ 42	6%	<i>planeta Zemliā</i>	>2*10 ³ / 33	3%	<i>zirka Sirius</i>	31/ 2	6%
<i>vozero Baikal</i>	20/0	0%	<i>vostraŭ Zyslaŭ</i>	33/ 2	6%	<i>planeta Zemliā</i>	46/ 0	0%	— ⁴	—	—
<i>jeziro Bajkał</i>	636/3	1%	<i>wyspa Zanzibar</i>	136/ 3	2%	<i>planeta Ziemia</i>	1082/ 831	41%	<i>gwiazda Syriusz</i>	3/0	0%
<i>jezero Bajkał</i>	863/10	1%	<i>ostrŭv Zanzibar</i>	4/ 0	0%	<i>planeta Země</i>	3/48 + obl	94%	<i>hvězda Sirius</i>	166/ 0	0%
<i>jezero Bajkał</i>	120/3	2%	<i>otok Zanzibar</i>	47/ 0	0%	<i>planet Zemlja</i>	539/ 537	50%	<i>zvezda Sirius</i>	25/ 0	0%
<i>jezero Baikal</i>	4/0	0%	<i>otok Zanzibar</i>	0/ 11	100%	<i>planeta Zemlja</i>	110/ <2000 + obl	95%	—	—	—

Why cities and rivers are, in most cases, different from other contexts may appear puzzling. What is distinct about these expressions is their higher frequency in discourse. It seems reasonable that cities and rivers are more commonly seen in the landscape of Central, Eastern and South Europe (where the majority of Slavic languages are spoken) than mountains, islands, deserts, and lakes. Why this should be connected to the facts of concord is not clear at first sight, but as I will show in what follows, frequency comes out to be the factor of primary importance in relation to the discussed problems.

Furthermore, only data on case concord in appositions with the noun ‘city’ is considered. This decision is conditioned by a few considerations. First, appositions with the noun ‘city’ are usually the field of the greatest variation within concord (as can be seen from Table 1). Second, city names represent all possible variation in their grammatical characteristics (i. e. grammatical gender, inherent number) and are frequently met in the corpus. To discover the factors that can be significant for concord in appositions, I followed the same procedure as in [Логвинова 2022] for the Russian data. For each language, I created a dataset containing the information on a number⁵ of randomly chosen city names of different frequency from the list of cities found in the country where the relevant language is spoken, including their relative frequency⁶, relevant grammatical features (such as grammatical gender and inherent number⁷) and statistics about concord with the preceding common noun in an appositional construction in the corpus. In contrast to [Логвинова 2022], this time I also controlled for the factor of grammatical case, making different samples for each of the four cases considered. In this study, I will

⁵ Since the number of the cities in Ukraine, Belarus, and other countries is different as well as the size of the corpus, it was impossible to make equal samples for all languages considered.

⁶ The information about relative frequency is presented in the number of occurrences of the selected proper name per million words in the corpus. The conventionalised name for this measurement is *ipm*, which stands for **items per million**. Since not all the corpora in the TenTen family allow to search for lemmas, in some cases a more complex CQL-query was necessary to find all the forms of a particular name in the corpus. Generally, the query in this case had a form similar to the following: [word= “Донецьк” | word= “Донецьк.” | word= “Донецьк..”], where | is used to search for alternative conditions in the same query and [.] stands for any symbol. Accordingly, the query given above will find all the possible forms of the Ukrainian city name *Донецьк* ‘Donetsk’. Note that this query does not prevent us from receiving in the search results a form *Донецький* (which is not the case form of the proper name *Донецьк*, but a derived adjective). However, this inaccuracy can be tolerated based on two considerations: (1) such forms occur very rarely in comparison to those looked for, and (2) in cases like that the frequency of the derivatives can also serve as a reflection of the familiarity of this proper name.

⁷ The inherent number of the noun is its grammatical number that is not conditioned by the context. For example, the inherent number of the toponym *Moskva* ‘Moscow’ is singular, whereas the inherent number of the name *Cheboksary* ‘Cheboksary’ is plural which can be figured out based on the concord of adjectives: *krasiv-aia*_(F.SG.NOM) *Moskva* and *krasiv-ye*_(PL.NOM) *Cheboksary*.

mainly discuss the data on the Genitive, Dative, Instrumental, and Locative cases. Analyzing data on Accusative is problematic, since with masculine inanimate and neuter nouns, the Accusative form is indistinguishable from the Nominative in most Slavic languages, thus the analysis of a considerable bulk of corpus data without manual filtering is impossible. Where possible, I consider data on the Accusative case, based on a smaller number of contexts—namely those allowing to accurately distinguish between the Accusative and the Nominative forms. This can only be done with feminine nouns. To exclude the necessity of manual filtering, I only consider cases where the Accusative context is ensured, which is after certain prepositions, such as *pro* ‘about’ and *cherez* ‘through’ in Ukrainian, as well as their equivalents in other languages.

1. *Ukrainian and Belarusian*

In Ukrainian, the word for ‘city’ is *misto*, which is neuter in grammatical gender. The sample for Ukrainian consisted of exactly 96 city names with relative frequency from 127.02 to 0.31 ipm. There were 5 inherently plural city names (such as *Sumy* ‘Sumy’ and *Roven’ki* ‘Rovenky’), 14 feminine names (such as *Poltava* ‘Poltava’), and 5 neuter names, with the remaining names being masculine in gender.

The result of applying the multiple regression model to the Ukrainian data revealed no significance for the factor of feminine grammatical gender (i. e., there is no difference in how feminine and masculine names tend to behave when used in apposition to the sortal term *misto*). However, the result for neuter names (which are congruent in grammatical gender with the sortal term and are expected to be prone to concord) is unexpected, with a strong negative correlation ($E = -39.6340$). This result can lead to the erroneous conclusion that gender congruency is not important in Ukrainian. This does not appear to be true. First, neuter city names are much less frequent than masculine or feminine, which results in a shortage of data in the corpus for proper comparison. Second, in other types of appositions, for example, with the noun *richka* ‘river’ (which is feminine in gender) in Ukrainian, just as in Russian [Логвинова 2022], there is a strong tendency for concord of feminine proper names from the 1st declension class and the preservation of the Nominative form for masculine proper names (see Table 2).

As in the case of appositions in Russian [Логвинова 2022], the inherent plurality of the name turned out to be a factor hindering concord (with the impact value being the highest among the factors). The frequency of the proper name was also confirmed to be significant for Ukrainian.

With respect to the differences observed between the cases, it appeared that concord in the Genitive case was, on average, more frequent (see Table 3). However, the pairwise comparison using t-test for dependent samples showed

Table 2. The concord of proper names with the sortal term *rička* in the Genitive case in Ukrainian*

Name	Grammatical features	NOM	GEN	SUM	% of the agreeing forms
<i>Prut</i>	masc	747	9	756	1
<i>Dnister</i>	masc	875	33	908	4
<i>Dunai</i>	masc	405	25	430	6
<i>Ros'</i>	fem, 3rd Declination	607	40	647	6
<i>Ustiā</i>	fem, 1st Declination	184	40	224	18
<i>Desna</i>	fem, 1st Declination	264	106	370	29
<i>Bistric'a</i>	fem, 1st Declination	165	106	271	39
<i>Vorskla</i>	fem, 1st Declination	195	119	314	38
<i>Synjukha</i>	fem, 1st Declination	63	94	157	60
<i>Amazonka</i>	fem, 1st Declination	36	131	167	78

*The significance of the difference between groups is checked with the t-test for independent samples ($p = 0.0039$)

that although there was a difference in how often city names show concord with the preceding sortal noun between cases, this difference is rather weak with the strongest contrast being between Genitive and Instrumental.

Table 3. The mean and median frequency of concord in Ukrainian depending on case

Type of frequency	GEN	DAT	INS	LOC
mean frequency of concord cases	62 %	51 %	42 %	49 %
median frequency of concord cases	72 %	58 %	43 %	56 %

The data on concord in the Accusative is scarce due to the limited size of the corpus and is rather controversial, therefore it is hardly possible to make any satisfying conclusions.

Table 4. Available data on the frequency of concord of Ukrainian feminine city names in appositional constructions in the Accusative case

Name of the city	NOM	ACC	SUM	% of the agreeing forms
<i>pro/cherez misto</i>				
<i>Vinnyciā</i>	3	6	9	66,6
<i>Poltava</i>	6	2	8	25
<i>Moskva</i>	1	5	6	83,3
<i>Odesa</i>	1	4	5	80
<i>Prip"jat'</i>	3	0	3	0
<i>Oleksandriā</i>	2	1	3	33,3
<i>Jalta</i>	2	0	2	0

The Belarusian word for city is *horad*, which is masculine like its Russian cognate. Due to the small size of the only available corpus, the sample for Belarusian consisted of only 29 city names with relative frequency from 906.601 to 4.71 ipm, with 2 inherently plural names, 5 feminine and no neuter names. The results for the Belarusian dataset did not reveal any significance for any of the tested factors except for the inherent plurality (concord is hindered when the proper name is inherently plural, as in the case of *Horki*_(PL)). This result can be explained by the scarcity of data, which itself is due to the limitations of the Belarusian corpus⁸ when compared to other corpora used. There were problems in retrieving information on particular names in different cases. For that reason, no justified comparison between cases is possible.

2. Czech and Polish

In Polish and Czech, the word for 'city' is *miasto* and *město* respectively, both having neuter grammatical gender. The sample for Polish consisted of 49 city names with relative frequency from 133.32 to 1.34 ipm. Of the considered names, 6 were inherently plural, 8 neuter and 5 feminine in gender. There were 57 names in the Czech sample in total (relative frequency ranging from 794.51 to 0.02 ipm), with 2 names being inherently plural, 4 neuter and 9 feminine in gender. In both languages, the congruent gender feature on proper names (i. e., neuter proper names) positively correlated with concord, but only in Czech did the correlation prove statistically significant ($p = 0.01660$). Also in Czech, both frequency and the inherent plurality of the proper name influenced the percentage of cases with concord ($p < 0.05$ in both cases), with the restriction that the estimated impact of the frequency parameter was rather low when compared to the others ($E^9 = 0.06830$). In the case of Polish, only the impact of inherent plurality was confirmed when tested with the MLR ($E = -61.209742$, $p = 2.45e-09$). Just as with Belarusian, such an outcome appears to be, to a large extent, the result of data sampling.

What is remarkable about the Czech and Polish data is that in both samples there was a similar discrepancy in how frequent case concord was among the different cases. Namely, the percentage of forms with concord in the Genitive was on average significantly higher than in each of the three remaining cases. As an illustration, consider Table 5 demonstrating the data on the percentage of forms showing concord in the Genitive, Dative, Instrumental, and Locative cases in both Czech and Polish for masculine city names of comparable frequency.

⁸ The TenTen corpus (≈ 64 million words) is not the only electronic corpus for Belarusian. Another large corpus is Беларускі N-корпус (<https://bnkorporus.info>) (≈ 163 million words). However, working with this corpus is difficult because it is impossible to download the results.

⁹ Here, E stands for an Estimate value.

Table 5. The percentage of case-marked forms in different cases for the selected city names in Czech and Polish

Name	Freq., ipm	GEN ¹⁰	DAT	INS	LOC
Czech					
<i>Bohumín</i>	3.51	48	24	36	17
<i>Chotěboř</i>	3.48	43	13	6	24
<i>Tachov</i>	2.86	47	26	23	11
<i>Bechyně</i>	2.3	0	38	17	52
<i>Dobříš</i>	2.06	62	10	1	34
<i>Šternberk</i>	2.05	43	31	15	13
<i>Žamberk</i>	1.88	46	15	14	13
<i>Šenov</i>	1.62	27	0	8	0
<i>Slatiňany</i>	1.38	8	0	0	0
<i>Volary</i>	1.26	12	0	0	8
Mean %		35	17	13	16
Median %		43	15	14	13
Polish					
<i>Ślupsk</i>	9.92	78	0	16	48
<i>Gniezno</i>	9.9	92	33	55	6
<i>Włocławek</i>	9.72	48	0	0	0
<i>Zamość</i>	9.15	49	0	0	3
<i>Przemysł</i>	8.95	89	0	63	65
<i>Kołobrzeg</i>	8.55	15	8	13	14
<i>Tczew</i>	6.79	87	0	26	65
<i>Suwałki</i>	6.65	26	0	0	4
<i>Głogów</i>	4.98	68	0	0	0
<i>Będzin</i>	3.98	72	50	22	5
<i>Lębork</i>	3.09	88	0	33	33
Mean %		65	8	21	22
Median %		72	0	16	6

As the descriptive statistics at the bottom of Table 5 show, the mean value for the percentage of agreeing forms in both Czech and Polish samples was higher in the Genitive than in the other cases. This observation proves to be statistically significant for the entire sample by pairwise comparison with the T-test

¹⁰ The figures in the columns named GEN, DAT, INS, and LOC give the rounded result of computing the percentage of forms showing concord in appositions with a given name in the given case.

for the dependent samples. In both languages, only the Genitive showed a statistically significant deviation from all the other samples, while the result for the other pairs was below the adopted significance level. As can also be seen from Table 6, concord in the Accusative was, in all instances, less frequent than concord in the Genitive.

Table 6. Case concord between feminine city names and a sortal noun in the Accusative in Czech and Polish*

City name	NOM	ACC	SUM	% marked ACC	% marked GEN
Czech					
<i>pro město...</i> 'for the city...'					
Praha	167	55	222	25	96
Ostrava	155	77	232	33	89
Jihlava	57	24	81	30	83
Opava	40	17	57	30	86
Polička	23	20	43	47	84
Bílina	8	3	11	27	54
Mean %				27	82
Median %				30	85
Polish					
<i>przez miasto...</i> 'through the city...'					
Warszawa	32	14	46	30	60
Częstochowa	15	4	19	21	79
Gdynia	22	5	27	19	69
Łomża	33	0	33	0	61
Piła	5	1	6	17	84
Mean %				17	71
Median %				19	69

* The difference between the samples for Genitive and Accusative in both cases proved to be statistically significant by applying the t-test for dependent samples

That the Genitive showed the largest percentage of concord in all three samples considered so far (Ukrainian, Czech and Polish) resembles the Russian data concerning which I have previously argued [Логвинова 2022] that both the Genitive and the Locative were the cases conducive to case concord between names in apposition. This observation therefore leads to the conclusion that the rules applying to the phenomenon of optional case concord are universal among the Slavic family.

3. Croatian and Slovenian

In Croatian, as well as in Slovenian, the case endings for Dative and Locative are all identical throughout the paradigm (aside from some minor exceptions), which is why the data collection on these languages required manual sorting. In Croatian, the basic noun for ‘city’ is *grad*, which is masculine in gender, while for Slovenian it is *mesto*, which is neuter, as it is in Ukrainian, Polish, and Czech. The dataset for Croatian consisted of 47 city names with 2 inherently plural names, 2 neuter and 3 feminine in gender. The Slovenian sample includes 31 city names, of which 2 were inherently plural, 4 neuter and 7 feminine in gender.

Slovenian appears to be different from the other languages under discussion in generally disfavours concord. Contrastingly, concord is the preferable strategy in Croatian, as can be seen in Table 7 below:

Table 7. The mean and median frequency of concord across four cases in Croatian and Slovenian

	type of frequency %	GEN	DAT	INS	LOC
Croatian	mean frequency	96	96	90	93
	median frequency	99	100	100	100
Slovenian	mean frequency	19	6	8	5
	median frequency	9	0	0	0

Even inherently plural names, which showed strong resistance to concord in all of the languages discussed above, are not different in their propensity for concord from the inherently singular names in Croatian. Applying the MLR to the Croatian dataset reported no significance for any of the alleged independent variables. The same result was obtained for the Slovenian data. As can be judged from Table 7, in Slovenian, just as in all the languages discussed above, concord in the Genitive was more frequent than in any other case.

The conclusions about the factors affecting concord in different languages partially made above can be summarized in the following table.

Table 8 clearly shows that, in all of the languages considered, frequency showed a positive correlation with concord (although the correlation was not statistically significant in all instances), while the effect of inherent plurality (and, consequently, incongruency of grammatical number with the common noun) was exactly the opposite: the correlation was negative in all instances. The situation is more complicated with non-congruent gender features, since in all languages (except for East Slavic) non-congruent gender features showed a positive correlation with concord. However, almost everywhere the correlation was statistically insignificant.

Table 8. Summary of the relevance of the three investigated factors on case concord in appositional constructions in seven Slavic languages¹¹

Language	Common noun	Factor		
		Non-congruent gender	Inherent plurality	Frequency
Russian	<i>gorod</i> (m)	f: –* / n: ?	–*	+*
Ukrainian	<i>misto</i> (n)	m: – / f: –	–*	+*
Belarusian	<i>horad</i> (m)	f: – / n: ?	–*	+
Polish	<i>miasto</i> (n)	m: + / f: +	–*	+
Czech	<i>město</i> (n)	m: + / f: +*	–	+*
Croatian	<i>grad</i> (m)	f: +* / n: +	–	+*
Slovenian	<i>mesto</i> (n)	m: + / f: +*	–*	+*

2.2. Discussion

The fact that the Genitive allowed more concord than any other case in almost all of the languages considered raises the question about whether it is possible to provide a hierarchy of cases that allow for more or less case concord. The fact that there was no statistically significant difference between other cases within each separate language can be disregarded at this point if in each of the seven languages the hierarchy is the same. Table 9 below shows that this is not the case since cases appear to be ranged differently in different languages. The table compares mean and median percentage of forms with concord in each case and gives the ranks in round parentheses. Table 9 lacks the data on Belarusian since, as has been mentioned above, there was not enough data on certain cases in this language.

The same information is illustrated in Figure 1.

Even though the hierarchy is different across languages, if only the mean values are taken into consideration, then GEN was ranked 1st in 5 or 6 languages (since in Croatian the mean percentage of forms with concord was the same in GEN and DAT) out of 6, while DAT was ranked 2nd in 5 languages out of 6. INS was ranked 4th in 4 out of 6 languages and LOC was ranked 3 in the relative majority (4) of languages. This apparently means that the right edge of the possible hierarchy is less stable than its left edge. The addition of

¹¹ In the present table, the asterisk [*] marks cases where the correlation was proved statistically significant with the MLR model. The [+] sign is used to indicate a positive correlation between the feature and concord, while the [–] sign indicates that the correlation between concord and the feature was negative. A question mark indicates that the data was not considered.

Table 9. Comparison of mean and median frequency of concord of proper names in apposition

Language	type of frequency	Case			
		GEN	DAT	INS	LOC
Russian	mean %	82 (1)	81 (2)	63 (4)	68 (3)
	median %	86 (2)	90 (1)	68 (4)	72 (3)
Ukrainian	mean %	62 (1)	51 (2)	42 (4)	49 (3)
	median %	72 (1)	58 (2)	43 (4)	56 (3)
Polish	mean %	55 (1)	14 (4)	19 (3)	23 (2)
	median %	61 (1)	0 (4)	9 (3)	10 (2)
Czech	mean %	50 (1)	23 (2)	20 (4)	21 (3)
	median %	48 (1)	21 (2)	15 (4)	18 (3)
Slovenian	mean %	19 (1)	6 (3)	8 (2)	5 (4)
	median %	9	0	0	0
Croatian	mean %	96 (1-2)	96 (1-2)	90 (4)	93 (3)
	median %	99 (4)	100	100	100

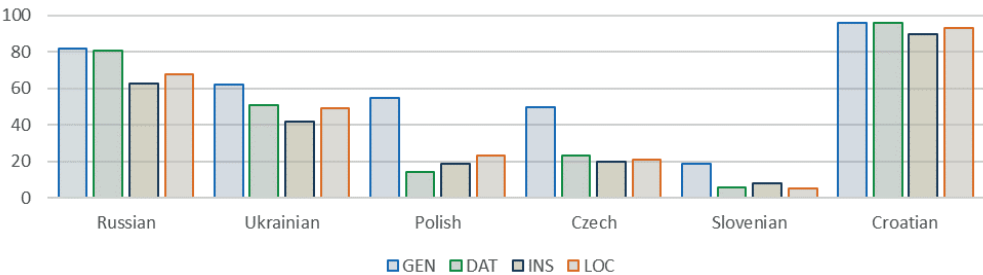

Figure 1. Mean percentage of forms with concord in four cases for six Slavic languages

Belarusian could potentially clarify the situation. However, at present the tentative hierarchy is the following:

(3) GEN > DAT > LOC > INS

where > means that concord is more probable in the case to the left than it is in the case to the right.

An evident deficiency of the resulting hierarchy is that it does not include the Accusative. Judging from the data on Czech and Polish, concord in the Accusative is again less probable than in the Genitive. However, the position of the Accusative relative to the other cases is different already in these two languages, and thus further generalisations concerning the placement of the Accusative in the hierarchy are impossible.

Nevertheless, a possible functional explanation for the observed asymmetry could again be frequency. In all of the considered samples, the Genitive was the most frequent case, i.e., there were more appositive structures of the type ‘city X’ in the Genitive than in any other case (excluding the Nominative and the Accusative, for which no data was collected). This is, however, not a special property of appositional constructions as the Genitive is argued to be the most frequently used case after the Nominative, at least in some Slavic languages (see [Копотев 2008: 146] for Russian and [Laskowski 1989: 213] for Polish). The fact that the Genitive, being most frequent with appositions, allows more case concord than the other cases is appealing, as it shows that the concord is not only conditioned by the frequency of the particular city name, but also by the frequency of the construction itself.

The main **conclusions** that can be made from this section are the following:

- for almost all of the languages considered, the factor of inherent plurality of the proper name hindered the concord in apposition;
- in all seven Slavic languages, higher frequency of proper names positively correlated with the percentage of forms with concord, however this correlation did not prove to be statistically significant in all of the languages of the sample;
- the factor of gender incongruency unexpectedly showed a positive correlation with concord in some languages, but the effect was not statistically significant;
- Slovenian and Croatian were different from the other languages in the sample, as well as opposed to each other, in their persistent dispreference vs. preference of concord, respectively;

3. Definiteness in appositional constructions in Slavic

Proper nouns are widely believed to be definite by default since their referents usually have high accessibility in discourse [Chafe 1972: 57]. This is why most linguists working on apposition in English agree that the feature of definiteness is inherited by the appositional construction from the proper names they contain (although some counterexamples from a text corpus are introduced in [Keizer 2007] and analysed in more detail in [Kojadinović 2018]). However, the data from the Slavic languages with grammaticalised definiteness marking—Bulgarian and Macedonian—casts doubt on the universality of definiteness of appositional constructions.

According to [Stojanov 1964: 235–240], Bulgarian common nouns in apposition are normally not marked for definiteness (*akademik(-ăt_{DEF}) V. V. Vinogradov* ‘the academic V. V. Vinogradov’), but when they are (the conditions are not discussed by Stojanov), they should be considered the heads of the constructions, with the proper name being a modifier: *poruchik-ăt_{DEF} Sokolov*

‘lieutenant Sokolov’. On a separate note, Stoianova [1993] mentions the following contrast: kinship terms and titles in apposition never get definite marking, while nouns denoting profession or nationality always do: *profesor Penev* ‘professor Penev’, but *inzhiner-ăt_{DEF} Kănev* ‘engineer Kănev’. Things become even more complex with definiteness marking in appositional constructions with toponyms. Stojanov [1964: 144–145] indicates that common nouns in preposition to toponyms generally lack the definite article. He gives the following examples: *grad-Ø Sofija* ‘the city of Sophia’, *reka-Ø Marica* ‘the river Maritsa’; but at the same time: *pustiniā -ta_{DEF} Gobi* ‘the Gobi Desert’, *ezero-to_{DEF} Van* ‘the lake Van’. Stojanov does not make any comments on how these articulated forms are distributed, but mentions that in some cases, definiteness marking is obligatory: *zvezda-ta Orion* ‘the Orion star’, *planeta-ta Venera* ‘the planet Venus’, *pustiniā -ta Sachara* ‘the Sahara Desert’, *ezero-to Bajkal* ‘the lake Baikal’, *plato-to Pamir* ‘the Pamir Plateau’. From the given examples it remains unclear as to what determines definiteness marking or the absence thereof. The most recent work on Bulgarian definiteness [Mladenova 2007] gives no special attention to this question. However, it seems possible to observe at least some patterns based on the corpus data. Thus, it appears to be true that the distribution of the definite article in appositional constructions in Bulgarian is clearly dependent on the lexico-semantic category of the common noun itself. As Table 10 below shows, certain categories of nouns are prone to show definiteness marking in appositive constructions, while others are not.

Table 10. Appositions carrying and not carrying the definite marker in Bulgarian¹²

Common noun in apposition	indefinite /definite forms ¹³ in apposition	% of definite forms	Total number of indefinite / definite forms in the corpus	% of definite forms in total
<i>grad</i> ‘city’	>76*10 ³ / 146	0	186679/ 13404	7
<i>ostrov</i> ‘island’	13*10 ³ / 39	0.03	236173/ 1165	0
<i>reka</i> ‘river’	>21*10 ³ /345	1.5	33955/ 15384	31
<i>iāzovir</i> ‘reservoir’	1848/ 13	1.5	8213/ 449	5
<i>selo</i> ‘village’	>57*10 ³ / 2000	3	100773/ 36759	27
<i>planeta</i> ‘planet’	703/ 2050	74	12834/ 21797	63
<i>planina</i> ‘mountain’	988 / 2883	74	19827/ 18098	48
<i>sāvezdie</i> ‘constellation’	156/ 659	81	807/ 926	53

¹² The data is from bgTenTen12 corpus (Sketch Engine).

¹³ Before the slash comes the number of non-articulated forms and after the slash, the number case with the article.

From Table 10 there is a clear difference between the use of the article in appositions with common nouns such as *grad* ‘city’, *ostrov* ‘island’, *reka* ‘river’, *iāzovir* ‘reservoir’, *selo* ‘village’, on one hand, and *planeta* ‘planet’, *planina* ‘mountain’, *sažvezdie* ‘constellation’ — on the other, with the latter group showing significantly more instances with definiteness marking. The observed discrepancy could be partially attributed to the difference observed between the nouns even beyond the appositive contexts, since the percentage of forms carrying the definiteness marker throughout the entire corpus is significantly lower in the first group than in the second. However, although the difference between the nouns *reka* ‘river’ and *planina* ‘mountain’ is generally not that big (31 and 48 percent of definite forms, respectively), they behave very differently when used in appositional constructions (1.5% against 74% respectively). The homogeneity (at least syntactic) of the external context is also ensured in that case, as the majority of examples of both lexemes are found in the position following a preposition. This contrast is not fully clear but is similar to the contrast observed between common nouns observed in Section 2.1.

A theoretical conclusion that follows from this data is that appositional constructions with different common nouns possibly have different syntactic structures. The presence of an article is commonly considered to be an indication of the DP¹⁴ status of a phrase. The fact that common nouns like *planeta* ‘planet’, *planina* ‘mountain’, and *sažvezdie* ‘constellation’ are usually marked for definiteness in appositions leads to the conclusion that they constitute separate DPs, while proper names following them are DPs by themselves (which is commonly assumed about proper names). The situation is different with constructions formed by nouns like *grad* ‘city’, *ostrov* ‘island’, *reka* ‘river’, *iāzovir* ‘reservoir’, and *selo* ‘village’. Since they usually do not carry the definiteness marker in appositions, they do not constitute DPs by themselves. What rather qualifies as DP in this case is the whole apposition, whose members are smaller constituents (possibly, “small nominals” [Pereltsvaig 2006]). The fact that nouns in appositions of the second group are less autonomous is not unexpected since appositions of this kind are much more frequent than appositions of the second group (which can be seen from Table 10).

Macedonian is very closely related to Bulgarian and is the second of the two Slavic languages to have articles. The situation with definiteness marking in Macedonian appositional constructions is similar to what is found in Bulgarian. According to [Усикова 2003: 138–139], (almost) exactly as in Bulgarian, titles followed by proper names generally do not receive definite marking, while nouns denoting profession or “qualification” are always marked. What is interesting is that the same nouns are sometimes classified differently in

¹⁴ DP or Determiner Phrase is the highest functional projection of a noun accepted in the majority of existing generative theories and first proposed in [Abney 1987].

Bulgarian and Macedonian. For example, the noun for *engineer* in Bulgarian appositions is said to generally receive the definiteness affix, but in Macedonian it is usually unmarked. Regarding the constructions with toponyms, Usikova mentions that a common noun can be either marked for definiteness or not: *grad(ot) Oxrid* ‘the city of Ohrid’, *selo(to) Kosel* ‘the Kosel village’. In contrast to Bulgarian, in Macedonian appositions, the common noun is generally marked for definiteness. The only exception is the noun *grad* ‘city’, which only received definiteness marking in about one-third of the cases considered. This is again consistent with the view that the frequency of the construction affects its syntactic structure since appositions with the noun *grad* ‘city’ are much more frequent in Macedonian than appositions with other nouns. The frequency of definiteness marking in appositions in Macedonian is presented in Table 11.

Table 11. Definiteness marking in Macedonian

Common noun in apposition	Non-articulated / articulated forms ¹⁵	% of articulated forms	Total number of non- articulated / articulated forms in the corpus	% of articulated forms in total
<i>grad</i> ‘city’	6466/ 2505	30	16809/ 7596	31
<i>reka</i> ‘river’	115/ 2227	95	460/ 3022	86
<i>planina</i> ‘mountain’	54/ 1052	95	328/ 1248	79
<i>ezero</i> ‘lake’	16/ 40	71	208 /353	62
<i>selo</i> ‘village’	541/ 1939	78	1886/ 2661	58
<i>planeta</i> ‘planet’	4/ 21	84	186/ 134	41

4. Conclusions

In this paper I have discussed the core aspects of variability observed in Slavic appositional constructions. Based on the data of 9 Slavic languages, I have shown in the first section that the concord of proper nouns in appositions does not work uniformly across Slavic languages. Some languages (such as Croatian) prefer concord, while others (like Slovenian) generally avoid it. Nevertheless, in most of the languages considered, concord is subject to the same factors—congruency in grammatical number and frequency of the proper name. Moreover, I have shown that the probability of concord is dependent on the grammatical case and that for almost all of the languages considered it is

¹⁵ Before the slash comes the number of non-articulated forms and after the slash, the number case with the article.

possible to propose a uniform hierarchy of cases (GEN > DAT > LOC > INS). In the second section, I considered the variation of articulation of appositions in Bulgarian and Macedonian. Based on the obtained data I have suggested that different types of appositions in these languages can differ in their syntactic structure. The theoretical conclusions made in this paper are significant for the theory of apposition as a separate type of syntactic relation generally dismissed by grammarians.

Bibliography

Бірыла, Шуба 1985

Беларуска граматыка у дзвюх частках, 1: Фаналогія. Арфаэнія. Марфалогія. Словоўтварэнне, М. Бірыла, П. Шуба, ред., Мінск, 1985.

Голуб 2016

Голуб И., *Стилистика русского языка*, Москва, 2016.

Граудина 1976

Граудина Л., *Грамматическая правильность русской речи. Опыт стилистического словаря вариантов*, Москва, 1976.

Ключковский 1962

Ключковский Б., До питання про апозицію і структурно-грамматичні способи її вираження в українській мові, *Проблеми синтаксису. Приці міжвузівської наукової конференції з питань синтаксису*, 74–84, Львів, 1962.

——— 1963

Ключковский Б., Апозитивные конструкции в современном украинском литературном языке (автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата филологических наук, Львов, 1963).

Коптев 2008

Коптев М., К построению частотной грамматики русского языка: падежная система по корпусным данным, *Slavica Helsingiensia*, 34, 2008, 136–151.

Кулик 1961

Кулик Б., *Курс сучасної української мови, 2: Синтаксис*, Київ, 1961.

Мізак 1966

Мізак А., Конструкції с прикладкою в англійській і країнській мовах, *Іноземна філологія*, 7, Львів, 1966, 13–17.

Логвинова 2022

Логвинова Н., Именные апозитивные конструкции в русском языке. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, 2022 (<http://rusgram.ru>; последнее обращение: 01.08.2022).

Розенталь 1989

Розенталь Д., *Справочник. Правописание и литературная правка*, Москва, 1989.

Суперанская 1973

Суперанская А., *Общая теория имени собственного*, Москва, 1973.

Шведова et al. 1980

Шведова Н. Ю., Брызгунова Е. А., Габучан К. В., Ицкович В. А., *Русская грамматика, 2: Синтаксис*, Москва, 1980.

Ускова 2003

Ускова Р., *Грамматика македонского литературного языка*, Москва, 2003.

Abney 1987

Abney S., The English noun phrase in its sentential aspect (Ph. D. Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy, Cambridge, Massachusetts, 1987).

Acuña-Fariña 1999

Acuña-Fariña J. C., On apposition, *English Language and Linguistics*, 3/1, 1999, 59–81.

——— 2009

Acuña-Fariña J. C., Aspects of the grammar of close apposition and the structure of the noun phrase, *English Language and Linguistics*, 13/3, 2009, 453–481.

Bartnicka et al. 2004

Bartnicka B., Hansen B., Klemm W., Lehmann BIV., Satkiewicz H., *Grammatik des Polnischen*, München, 2004.

Bauer 2017

Bauer B., *Nominal apposition in Indo-European: Its forms and functions, and its evolution in Latin-Romance*, Berlin, 2017.

Belaj 2014

Belaj B., Nekoliko napomena o odnosu glave i modifikatora u nekim tipovima Hrvatske apozicijske sintagma = Some notes on the head–modifier relation in certain types of apposition in Croatian, I. Palić, M. Drkić, eds., *Sarajevski filološki susreti: zbornik radova*, Sarajevo, 2014, 110–128.

Burton-Roberts 1975

Burton-Roberts N., Nominal apposition, *Foundations of Language*, 13, 1975, 391–419.

Chafe 1972

Chafe W., Discourse structure and human knowledge, J. Carroll, R. Freedle, eds., *Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge*, Washington, 1972, 41–69.

Haugen 1953

Haugen E., On resolving the close apposition, *American Speech*, 28, 1953, 165–70.

Heringa 2012

Heringa H., Appositional constructions (Ph. D. diss., Rijksuniversiteit Groningen, Groningen 2012).

Hockett 1955

Hockett C., Attribution and apposition in English, *American Speech*, 30, 1955, 99–102.

Keizer 2007

Keizer E., *The English noun phrase. The nature of linguistics categorization*, Cambridge, New York, 2007.

Kojadinović 2018

Kojadinović Z., Close apposition in English: the discourse-functional factors accounting for the existence of indefinite close appositional constructions (Master's thesis, Universität Wien, Vienna, 2018).

Laskowski 1989

Laskowski R., Markedness and the category of case in Polish, *Markedness in synchrony and diachrony*, O. Miseska Tomić, ed., Berlin, New York, 1989, 207–227.

Lee 1952

Lee D., Close apposition: an unresolved pattern, *American Speech*, 27/4, 1952, 268–275.

Marković 2008

Marković I., Hrvatska apozitivna sintagma i sintaksa imenâ, *Folia Onomastica Croatica*, 17, 2008, 119–37.

Matushansky 2012

Matushansky O., The case of close apposition. Talk at the symposium "(Ap)positive thinking in linguistics", Groningen, January 20, 2012 (<http://www.trees-and-lambdas.info/matushansky/>; last access on: 01.08.2022).

Meyer 1992

Meyer C., *Apposition in Contemporary English*, Cambridge, New York, 1992.

Mladenova 2007

Mladenova O., *Definiteness in Bulgarian: Modelling the Processes of Language Change*, Berlin, 2007.

O'Connor, Patin 2015

O'Connor K. M., Patin C., The syntax and prosody of apposition in Shingazidja, *Phonology*, 32/1, 2015, 111–145.

Pereltsvaig 2006

Pereltsvaig A., Small nominals, *Natural Language & Linguistic Theory*, 24, 2006, 433–500.

Pereira, Pérez Gaztelu 2002

Pereira J. C., Pérez Gaztelu E., Aposizioa euskal hitz-elkarteetan, *Anuario Del Seminario De Filología Vasca "Julio De Urquijo"*, February, 2002, 467–478.

Quirk et al. 1985

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., *A comprehensive grammar of the English language*, London, 1985.

Sesar 2013

Sesar D., Apozicija i predikatni atribut u sintaktičkoj raščlambi pojedinih slavenskih jezika, Eadem, ed., *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim*, 3, Zagreb, 2013, 95–112.

Stoianova 1993

Stoianova D., Observații cu privire la apozitia nominală în limbile română și bulgară, *Studii si cercetări lingvistice*, 2, 1993, 101–112.

Stojanov 1964

Stojanov S., *Gramatika na bălgarskija knizhoven ezik*, Sofia, 1964.

Zbróg 2019

Zbróg P., *Grupy apozycyjne w staropolszczyźnie*, Warszawa, 2019.

References

Acuña-Fariña J. C., On apposition, *English Language and Linguistics*, 3/1, 1999, 59–81.

Acuña-Fariña J. C., Aspects of the grammar of close apposition and the structure of the noun phrase, *English Language and Linguistics*, 13/3, 2009, 453–481.

Bauer B., *Nominal apposition in Indo-European: Its forms and functions, and its evolution in Latin-Romance*, Berlin, 2017.

Belaj B., Some notes on the head–modifier relation in certain types of apposition in Croatian, I. Palić, M. Drkić, eds., *Sarajevski filološki susreti: zbornik radova*, Sarajevo, 2014, 110–128.

Biryła M., Shuba P., eds., *Belaruska hramatyka u dzviukh chastkakh. 1: Fanalohiia. Arfaëpiia. Marfalo-hiia. Slovoitvarënnie*, Minsk, 1985.

Burton-Roberts N., Nominal apposition, *Foundations of Language*, 13, 1975, 391–419.

Chafe W., Discourse structure and human knowledge, J. Carroll, R. Freedle, eds., *Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge*, Washington, 1972, 41–69.

Golub I., *Stilistika russkogo iazyka*, Moscow, 2016.

Graudina L., *Grammaticheskaja pravil'nost' russkoi rechi. Opyt stilisticheskogo slovaria variantov*, Moscow, 1976.

Haugen E., On resolving the close apposition, *American Speech*, 28, 1953, 165–70.

Hockett C., Attribution and apposition in English, *American Speech*, 30, 1955, 99–102.

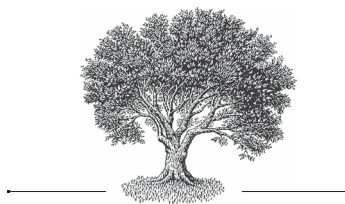
Keizer E., *The English noun phrase. The nature of linguistics categorization*, Cambridge, New York, 2007.

Kliuchkovs'kyi B., Do pytannia pro apozytisii i strukturno-hrammatychni sposoby ii vyrazhennia v ukrains'kii movi, *Problemi syntaksysu. Pryty mizh-*

- vuzivs'koï naukovoï konferentsii z pytan' syntaksysu, 74–84, Lviv, 1962.
- Kopotev M., K postroeniiu chastotnoi grammatiki russkogo iazyka: padezhnaia sistema po korpusnym dannym, *Slavica Helsingiensia*, 34, 2008, 136–151.
- Kulyk B., *Kurs suchasnoï ukrains'koï movy*, 2: *Syntaksys*, Kyiv, 1961.
- Laskowski R., Markedness and the category of case in Polish, *Markedness in synchrony and diachrony*, O. Miseska Tomić, ed., Berlin, New York, 1989, 207–227.
- Lee D., Close apposition: an unresolved pattern, *American Speech*, 27/4, 1952, 268–275.
- Marković I., Hrvatska apozitivna sintagma i sintaksa imenā, *Folia Onomastica Croatica*, 17, 2008, 119–37.
- Matushansky O., The case of close apposition. Talk at the symposium “(Ap)positive thinking in linguistics”, Groningen, January 20, 2012 (<http://www.trees-and-lambdas.info/matushansky/>; last access on: 01.08.2022).
- Meyer C., *Apposition in Contemporary English*, Cambridge, New York, 1992.
- Mizak A., Konstruktsii s prykladkoiu v anhlyiskii i krain'skii movakh, *Inozemna filolohyia*, 7, Lviv, 1966, 13–17.
- Mladenova O., *Definiteness in Bulgarian: Modeling the Processes of Language Change*, Berlin, 2007.
- O'Connor K. M., Patin C., The syntax and prosody of apposition in Shingazidja, *Phonology*, 32/1, 2015, 111–145.
- Pereira J. C., Pérez Gaztelu E., Aposizioa euskal hitz-elkarteetan, *Anuario Del Seminario De Filología Vasca “Julio De Urquijo”*, February, 2002, 467–478.
- Pereltsvaig A., Small nominals, *Natural Language & Linguistic Theory*, 24, 2006, 433–500.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., *A comprehensive grammar of the English language*, London, 1985.
- Sesar D., Apozicija i predikatni atribut u sintaktičkoj raščlambi pojedinih slavenskih jezika, Eadem, ed., *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim*, 3, Zagreb, 2013, 95–112.
- Shvedova N. Yu., Bryzgunova E. A., Gabuchan K. V., Itskovich V. A., *Russkaia grammatika*, 2: *Sintaksis*, Moscow, 1980.
- Stoianova D., Observații cu privire la apozitia nominală în limbile română și bulgară, *Studii si cercetări lingvistice*, 2, 1993, 101–112.
- Stojanov S., *Gramatika na bălgarskija knizhoven ezik*, Sofia, 1964.
- Superanskaya A., *Obščhaia teoriia imeni sobstvennogo*, Moscow, 1973.
- Usikova R., *Grammatika makedonskogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 2003.
- Zbróg P., *Grupy apozycyjne w staropolszczyźnie*, Warszawa, 2019.

Наталья Николаевна Логвинова,
лаборант Лаборатории типологического изучения языков
Института лингвистических исследований
Российской академии наук
199053, С.-Петербург, Тучков пер., д. 9
студентка магистратуры
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
190121, С.-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16
natalielo009@gmail.com

Received February 23, 2021

К вопросу о выражении итеративности в русском языке

Ласло Ясаи

Университет им. Лоранда Этвёша,
Будапешт, Венгрия

On the Problem of Iterative Action of the Russian Verb

László Jászay

Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Резюме

Статья посвящена вопросам итеративности, которая представлена в русском языке разными семантическими типами, основанными на характере повторительного значения и способах его выражения. Автор описывает данный семантический комплекс в рамках функционально-семантического поля, включающего разнородные формы повторения действия, в том числе и некоторые типы употребления перфективных глаголов. Подход, применяемый в настоящей статье, ставит вопрос и о семантическом объеме рассматриваемого понятия, так как границы между наличием и отсутствием элементов повторения оказываются в части случаев неопределенными, размытыми. Основой для классификации итеративов служат следующие факторы: а) характер ограниченности / неограниченности повторяющегося действия; б) степень локализованности действия, связанная с величиной временного интервала между отдельными действиями; в) производность или внутриглагольность итеративности (создается ли итеративность под воздействием контекста или следует из глагольной семантики); г) исходная позиция в отношении видового значения, к которой восходит многократное значение.

Цитирование: Ясаи Л. К вопросу о выражении итеративности в русском языке // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 305–329.

Citation: Jászay L. (2022) On the Problem of Iterative Action of the Russian Verb. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 305–329.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.12

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Ключевые слова

итеративность, многократность, узуальное действие, временной интервал, мультипликатив, значение итеративности в способах действия, имперфективация

Abstract

The article focuses on iteration in the Russian language, which is represented by different semantic types, based on the nature of the repetitive meaning and the ways of expressing it. Therefore, the author describes this semantic complex within the framework of a functional-semantic field, which includes heterogeneous forms of repetition of an action, including some types of usage of perfective verbs. The approach used in this article raises the question of the semantic scope of iterativity, since the boundaries between the presence and absence of elements of repetition are in some cases vague. The following factors serve as the basis for the classification of iteratives: a) the nature of the limited / unlimited repetitiveness, b) the degree of localization of the action, associated with the length of the temporal interval between the different actions, c) whether the iterative meaning is developed under the influence of the context (derived iteration), or connected to the verbal semantics (internal verbal iteration), d) the basic position in relation to the aspectual meaning of the verb to which the repetitive meaning is related to.

Keywords

iteration, repetitive action, habitual action, temporal interval, multiplicative verb, meaning of iteration in Aktionsarten, imperfectivization

0. Введение

Проблематика, связанная с итеративностью действия, уже давно привлекает внимание исследователей славянского глагольного вида. В последние несколько десятилетий публикации, касающиеся русского глагола, фокусировались на изучении того или иного частного вопроса данного весьма многогранного понятия¹. Можно предположить, что обращение к русскому глаголу с точки зрения характеристики итеративности действия сохраняет актуальность в том числе в рамках комплексного интегративного подхода. В настоящей статье ставится задача

¹ Анализировалась итеративность русского глагола под разными углами зрения, в частности, на материале некоторых, в основном одновидовых способов действия — собственно многократного [Прокопович 1982: 182–200], деминутивно-итеративного [Крекич 1989: 181–195], мультипликативного [Храковский 1997а], а также и глаголов с узуальным (хабитуальным) значением [Палоши 2015]. Е. И. Семиколенова рассматривала семантический признак кратности с точки зрения типа отношений между глаголами, объединенными в видовую пару [Семиколенова 2009]. В исследованиях не остались без внимания и частные случаи итеративности, передаваемой глаголом СВ [Гаттнар 2013; Bottineau, Roudet 2013].

продемонстрировать, как передаются различные типы действий в рамках семантического поля итеративности. В нашей работе мы опираемся на функционально-семантический подход к обучению русскому языку (с предпочтением исходно-семантической ориентации), основываясь на реализации принципа движения «от значения к средствам выражения» (далее мы будем называть его функциональным принципом) (см. об этом, в частности: [Бондарко 1983: 3]).

Следует заметить, что традиционные подходы к изучению и описанию категории вида (и, как следствие, методы обучения употреблению видовых форм) опираются лишь на принцип движения «от формы к значениям» (далее мы будем называть его исходно-формальным принципом). Опыт (как лингвистический, так и педагогический) показывает, что такой односторонний подход, помимо некоторых преимуществ, имеет и недостатки. Противоречие возникает на психолингвистическом уровне: учащийся (для которого русский язык является неродным), пытаясь говорить на данном языке, должен исходить не из вопроса о том, какие значения (типы употребления) имеет СВ и какие — НСВ. Отправной точкой для него на самом деле является содержание сообщения. Говорящий исходит, во-первых, из своей коммуникативной цели (какое значение он должен выразить в данном случае) и, во-вторых, из того, какими средствами он может пользоваться для выражения нужного ему смысла. Из этого следует, что для лучшего достижения функциональных целей желательно включить в обучение грамматике и направление «от значения к формам» (об этом подробно: [Бондарко 1983: 32–40]). Целесообразно распространить этот принцип и на глагольный вид, несмотря на то что в таком случае как глаголам НСВ, так и глаголам СВ приписывается определенный набор частных значений. Логично предположить, что после того, как учащиеся ознакомились с частными значениями видов, в качестве исходной позиции разумно постулировать определенные аспектуальные концепты (связанные либо с видом, либо с некоторыми способами действия), например, такие как *длительность*, *повторяемость*, *интенсивность*, *количественность*, *ментальность* или *результативность* действия. Именно в таком ключе мы рассматривали средства выражения разного рода результативного значения в статье [Ясаи 2020], и таким же образом мы будем анализировать в настоящей работе разные типы повторяющихся действий.

В рамках принципа «от значения к форме» такая функциональная направленность становится основной, однако она отнюдь не означает отказа от традиционного исходно-формального принципа. Объясняется это тем, что именно грамматические формы представляют основание для выделения тех значений, которые должны изучаться в грамматике,

которые должны быть усвоены учащимися. «Семантические категории выводятся из языка, из **языковых форм** (выделено нами. — Л. Я.), далее они могут быть исходным пунктом для выявления и анализа всех возможных средств их выражения», — пишет А. В. Бондарко [1983: 34]. Когда при изучении вида говорят о разных аспектуальных значениях (например, о процессности, общефактичности или повторяемости), часто оставляют без внимания тот факт, что эти наименования могут включать в себя разнородные явления. Иными словами, следует учитывать, что перечисленные аспектуальные значения, рассматриваемые в качестве исходной позиции, сами подразделяются на разные подтипы. Так, например, о выявлении тонких различий свидетельствует указанная работа Бондарко, в которой анализу подвергаются ситуации процессности и обобщенного факта [Ibid. 118–156, 160–187]. В связи с описанием общефактического значения выделим также анализы М. Я. Гловинской [Гловинская 1982: 116–143] и Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 32–52]. Продолжая направление, заданное указанными работами, мы рассмотрим и характер протекания повторяющихся действий, выявляя их аспектуально-семантические и стилистические разновидности.

1. К истолкованию понятия итеративности

Ввиду того, что итеративность — широкое понятие, вопрос о том, где проходят ее границы, может вызывать разногласия. Коротко остановимся на вопросе определения этого понятия. Какое действие должно рассматриваться в качестве итеративного (т. е. повторяющегося), на первый взгляд, кажется достаточно очевидным. Интуитивно может быть предложен простой лексико-синтаксический критерий: глагол, обозначающий такое действие, хотя бы потенциально может сочетаться по меньшей мере с одним из лексических показателей повторяемости: *обычно, часто, иногда, редко, изредка, регулярно, неоднократно, не раз, несколько раз, вечерами, каждый день, каждые полчаса, ежегодно, раз в неделю* и т. п. Однако, как будет показано ниже, существуют и такие глаголы, у которых кратность выражается и без поддержки контекста, т. е. данный признак вытекает из самого лексического (или лексико-грамматического) значения глагола. Поскольку понятие итеративности включает в себя весьма различные типы повторительности, целесообразно анализировать эти значения в рамках такого функционально-семантического поля, которое интегрирует все типы действий, воспринимаемых повторяющимися.

В семантическом комплексе *итеративности* (в отличие от таких акциональных полей, как *темпоральность, аспектуальность, залоговость* и др.) трудно выделить какую-либо центральную сферу («ядро»),

хотя в рассматриваемом характере протекания действия, несомненно, наблюдаются некоторые «периферийные» типы. Кроме того, обращают на себя внимание и такие явления, которые лишь соприкасаются с данным аспектуальным содержанием (см. ниже, под пунктом 1.1.). Наиболее существенная характеристика итеративности может быть сформулирована следующим образом: данное понятие связано с воспроизведением ряда действий, составляющих с точки зрения действия один и тот же семантический класс и приписываемых одному и тому же субъекту или множеству субъектов. Из наличия в действии признака кратности следует, что для формирования итеративного действия важен временной интервал, который, с одной стороны, разделяет действие на отдельные акты, а с другой — связывает эти «микродействия», обеспечивая таким образом единство данного множества. Разумеется, что этот интервал может иметь различную протяженность.

Известно, что для обозначения повторяющихся действий используются разные термины. На разнородность наименований этого понятия эксплицитно указывает В. С. Храковский: уже в заголовке его статьи названы терминологические варианты, передающие разные смысловые оттенки: это неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное значение [Храковский 2014: 3]. Данный синонимический ряд можно расширять дальше, исходя из того, что кратное действие может быть не только неограниченным, но и ограниченным (последнее имеет место при использовании лексических квантификаторов типа *два / три раза, несколько раз* и касается обоих видов (ср. [Бондарко, Буланин 1967: 54, 57])). Когда ограничение кратности связано с выбором СВ, для обозначения этого типа принято употреблять термин *суммарное значение* (например, *несколько раз перечитал*). Кроме того, к числу близких по значению альтернативных терминов целесообразно отнести и «значение множественности» (глагольных ситуаций), которое включает в себя, в частности, и разные типы повторяющихся действий [Храковский 1986; 19976]. Подобная интерпретация находит отражение и в книге В. А. Плунгяна [Плунгян 2011]: в соответствующей ее главе («Число как глагольная категория») автор пользуется терминами *мультисубъектность* и *мультиобъектность*. Видимо, предложенные Плунгяном названия для глагольной множественности стали употреблять и другие авторы (см., напр., [Палоши 2018]). В связи с представленной здесь терминологией требует особого упоминания, что *итеративность* и *повторяемость* мы рассматриваем как терминологические дублиеты, в отличие, например, от Т. В. Белошапковой, в монографии которой *повторяемость* представлена как элементарный, а *итеративность* как неэлементарный концепт (вариант повторяемости,

передающий количественную характеристику действия [Белошапкова 2007: 89]).

1.1. Прежде чем приступить к анализу итеративности, необходимо обсудить границы этого поля, которые являются явно нечеткими, неопределенными, и до некоторой степени могут казаться произвольными. Мы хотим предварительно указать, какие типы «повторительного» значения могут восприниматься как выходящие за пределы данного понятийного поля. Среди способов глагольного действия обнаруживаются и такие разряды перфективных глаголов, которые лишь соприкасаются с идеей повторяемости, так как они могут быть истолкованы лишь на фоне ярко выраженного результативного значения. В частности, такими семантическими модификациями являются *дистрибутивные* глаголы-результативы (субъектные и объектные), в которых выделяется сема 'поочередность распространения действия (точнее: результата) на ряд субъектов или объектов': *поумирать, переболеть, перепробовать* и др. (Подробнее о «суммарных дистрибутивах» с приставкой *по-*: [Караванов 1999].) По сходным соображениям оставим вне рассмотрения глаголы СВ, передающие *рефактивное* значение с семантическим компонентом 'еще раз' или 'заново' (см. глаголы *переписать, перечитать, перезвонить, перераспределить* и др. — их полное описание в типологическом ракурсе см.: [Стойнова 2012]). С нашей точки зрения, системное описание глаголов, относящихся к указанным здесь способам действия согласно трактовке В. С. Храковского [Храковский 1997б] и В. А. Плунгяна [Плунгян 2011], разумно осуществить в более широком плане — в рамках глагольной множественности. Все это, однако, не означает того, что в нашей концепции в рамках итеративности значение СВ не будет затронуто (см. раздел 2.2.).

1.2. В свете сказанного выше становится понятно, что итеративные действия могут быть расклассифицированы по разным аспектам. Среди них мы выделим следующие.

1.2.1. При учете выбора глагольного вида прежде всего следует различать *неограниченно-кратное* действие, требующее глагола НСВ, и *ограниченно-кратное* действие, способное реализовываться и в форме СВ (см. суммарное значение, о котором речь будет идти ниже, под пунктом 2.2.3.). Неограниченно-кратное действие можно считать по употребительности основным видом повторяемости, который подразделяется на дальнейшие подтипы в зависимости от определенности или неопределенности временного интервала, выделяемого между отдельными действиями.

1.2.2. В соответствии с разной величиной интервала различаются повторяющееся действие, *локализованное* во времени (широко или узко), и действие *нелокализованное* — иначе, политемпоральное. В большинстве случаев данное различие зависит от лексических показателей, которые могут быть представлены четырьмя разновидностями:

а) показатели *каждый раз, обычно* и др. употребляются без характеристики величины интервала;

б) *время от времени, редко, изредка, иногда* выражают повторяемость с неопределенно большим интервалом;

в) *часто, зачастую, нередко, то и дело* характеризуют повторяемость с неопределенно малым интервалом;

г) показатели типа *каждый день, по субботам, пять раз в месяц* указывают на повторяемость с определенным интервалом (ср.: [Грекова 1985: 8–10]).

При этом, однако, существуют и такие глаголы НСВ, у которых наличие интервалов между действиями не зависит от контекста, так как данная особенность у них тесно связана с характером протекания выражаемых ими действий — в сущности, с характером их лексического значения. Этот «внутриглагольный» тип итеративности можно проиллюстрировать глаголами разных семантических классов, например, *хаживать* (без локализованности действия), *прыгать* или *постукивать* (с локализованностью действия).

1.2.3. Из сказанного следует, что под определенным углом зрения многократное действие может быть *производным* или *непроизводным*. В предлагаемом здесь понимании производная многократность является морфологически немаркированной, следовательно, она создается в контексте на синтаксическом уровне, как правило, в результате обозначения множественности субъекта и/или объекта или наличия разных лексических показателей. Видимо, таких типов реализации повторяемости большинство. Непроизводную (т. е. маркированную) многократность мы находим в таких примерах, когда какая-либо разновидность повторительного значения составляет неотъемлемую часть семантики данного глагола. Такие глаголы-итеративы встречаются и среди одновидовых способов глагольного действия (например, *сживать, хаживать, пивать* или *покашливать, побаливать, пописывать*), и среди фазисно-временных способов действия, если от них образуется имперфектив (*заговаривать, заигрывать, просиживать*), а также среди вторичных имперфективов в составе так называемых видовых троек (см. *прочитывать, выучивать, вылечивать, съедать*). У таких имперфективных глаголов итеративность выражается не столько синтаксически, сколько на уровне лексемы.

Надо заметить, что в семантической сфере итеративных действий на основе их повышенной частотности легко развивается *узуальное* (в употреблении некоторых авторов — *хабитуальное*) значение, в семантике которого на первый план выступает сема ‘привычность’ или ‘привычка субъекта’. В статье Палоши [2015: 187–189] дается обзорное описание этого понятия в истолковании разных лингвистов. В изложении автора показано, что «хабитуалис» имеет в сфере глагольной множественности четыре основные интерпретации: 1) хабитуалис как аналог итеративности, 2) хабитуалис как частное итеративное значение, 3) хабитуалис как частное континуативное значение, и 4) хабитуалис как самостоятельная категория. Согласно нашей точке зрения, хабитуалис (который мы отождествляем с узуальным значением) представляет собой частную реализацию итеративности, которую можно считать ее наиболее обширным типом употребления.

1.2.4. При наблюдении за многократными действиями кажется очевидным, что любому повторяющемуся действию в той или иной степени сопутствует и какой-либо другой признак одного из частных видовых значений. Так, многократность может быть сведена к значению состояния, процессно-длительному значению, общефактическому значению НСВ или конкретно-фактическому значению СВ, в том числе и к таким случаям, в которых при многократности сохраняется ярко выраженное результативное значение. Это наблюдается, в частности, в случае дериватов-итеративов типа *вылечивал*, *выучивал*, *съедал*, *прочитывал* (подробнее об этом см. раздел 2.1.4.).

2. Разные проявления итеративности

Приступим к рассмотрению конкретного языкового материала. В основе нашего анализа лежат следующие положения: а) учет глагольного вида, б) различие случаев, когда глагол можно считать итеративом без поддержки контекста, с одной стороны, и когда данное значение развивается под воздействием внешних факторов — с другой. Приоритетное внимание будет уделено в сфере имперфективного действия таким одновидовым (т. е. несоотносительным) модификациям, у которых повторяющийся характер действия выражается особенно ярко — в результате обязательного наличия в глаголе семы итеративности. Затем мы коснемся глаголов некоторых способов действия, связанных — в ряду прочих семантических оттенков — с выражением итеративности, а также и глаголов-итеративов, которые большинство специалистов расценивает как видовые корреляты. При анализе повторяющихся действий будет учитываться и признак локализованности (и нелокализованности) во времени разных неограниченно-кратных действий. Наконец, в

сфере перфективности будут анализироваться такие случаи, которые в иерархии итеративных действий занимают, по нашему мнению, периферийное место. Это — *наглядно-примерное значение* СВ в составе узуальной ситуации и *суммарное значение*, выражаемое глаголом СВ.

2.1. Итеративность в сфере имперфективной семантики

2.1.1. Особое место занимают в системе русского глагола те *бесприставочные многократные имперфективы*, которые отличаются по разным аспектам от обычных глаголов НСВ, способных передавать — в ряду других имперфективных значений — и повторительное значение. Речь идет о глаголах-итеративах типа *хаживать, сиживать, читывать*, употребляемых в литературном языке только в прошедшем времени (реже в инфинитиве). Данные образования употреблялись сравнительно часто в прежние века для обозначения многократной повторяемости в далеком прошлом². В. В. Виноградов предлагал сохранить для их обозначения термин *глаголы давнопрошедшего времени*, который установился вслед за «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова [Виноградов 1986: 445]. В современном языке такие глаголы встречаются гораздо реже, но могут представлять интерес с точки зрения перспективы языкового развития.

Насколько нам известно, наиболее полное описание этих дериватов с привлечением многочисленных примеров из художественной литературы XIX–XX вв. можно найти в монографии Е. Н. Прокопович [1982: 182–200]. Автор — с ссылкой на В. В. Виноградова — отмечает, что глаголы данной группы стали продуктивными в XVIII в., когда формировались устойчивые нормы разговорно-литературной речи, а также когда нормы живой устно-народной речи сближались с нормами литературного языка [Ibid.: 182]. В подтверждение сказанного Прокопович цитирует примеры из произведений нескольких писателей XVIII в., из которых мы выделим следующий³: *Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом* (Д. И. Фонвизин. Недоросль) [Ibid: 183]. Для иллюстрации процитируем примеры из литературы XVIII и XIX вв. по материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *Стул, на котором он сиживал, хранится как драгоценность* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественни-

² До четкого различения терминов «виды глагола» и «способы действия» (как кальки слова *Aktionsart*) данные дериваты считались глаголами «многократного вида». Однако надо учитывать, что, хотя основополагающая для современной аспектологии работа С. Агрелля, написанная на материале глаголов польского языка, была опубликована в начале XX в. [Agrell 1908], термин *Aktionsart* далеко не сразу стал употребляться в своем новом истолковании. В русском научном обиходе *Aktionsart* в значении 'способ действия' утвердился с середины XX в., в первую очередь благодаря работам Ю. С. Маслова.

³ Здесь и в дальнейших примерах, цитируемых в настоящей статье, применяются авторские выделения.

ка. 1793); *После обеда хаживали они смотреть полевые работы поселян...* (Н. М. Карамзин. Евгений и Юлия. 1789); *Да он в иной день и по пяти пивывал, а по триста рублей, говорит, за лист берет* (Ф. М. Достоевский. Бедные люди. 1846); *Никогда даже когда была молода, ни одного романа с таким интересом не читывала, с каким прочла последнее твое письмо* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи. 1872–1876).

Количество примеров с бесприставочными итеративами, конечно, можно было бы умножить, учитывая более позднюю литературу — вплоть до наших дней. Но вместо этого важнее обратиться к тем аргументам, которые противоречат представлению о том, что данные глаголы в качестве «прототипических итеративов» могли бы составлять центр всего поля итеративности.

1. Прежде всего возникает необходимость сравнения таких многократных форм с соответствующими непроеизводными нейтральными формами прошедшего времени: при «параллельном» употреблении *сизживал — сидел, читывал — читал, плясывал — плясал, едал — ел, пивал — пил, невал — пел* и т. п. многократные глаголы отличаются не только значением исключительной регулярности действия и оттенком давнопрошедшего времени, но и экспрессивностью разговорного стиля.

2. Помимо стилистической окраски, с частицей *не* отрицание при использовании многократного глагола выражалось сильнее (ср. *давно не ел...* и *давно не едал такого...*).

3. Данный бесприставочный способ выражения многократности не в одинаковой мере касается всех глагольных основ [Прокопович 1982: 185]. Но даже употребление таких сравнительно распространенных глаголов, как, например, *хаживать, сизживать, едать* и др., никогда не было обязательным (см. их отсутствие или разную степень активности у того или иного писателя).

4. Данные глаголы должны рассматриваться в диахроническом плане с охватом 2–3 столетий. Как явствует из их описания [Прокопович 1982: 182–200], к концу XIX в. употребительность таких итеративов уже стала уменьшаться, и в течение XX в. их сокращение продолжалось.

Вместе с тем новейшие примеры, представленные в НКРЯ, показывают, что многократные формы до самого последнего времени полностью не вышли из употребления: спорадически они по-прежнему встречаются в литературных текстах и носят на себе отпечаток не только экспрессивной разговорности, но и архаичности. Примеры: *Хаживали вместе в драмкружок, читали Андрея Белого по ролям* (Владимир Кузнецов. Часовой, «Волга». 2013). *К тому времени я уже активно хаживала в «Сайгон», от которого Максика воротило* (Ю. И. Андреева. Многоточие сборки. 2009). *Давно я не пивал такого поэтического напитка* (Игорь

Волгин. По долинам и по взгорьям. 2009). *Всегда один сиживал. Однажды, кажется, только отличился: встрял в некрасивую разборку из-за бабы* (Виктор Ремизов. Воля вольная, «Новый мир». 2013).

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что эти формы до настоящего времени встречаются и в диалектной речи. О. Г. Ровнова [2000: 69] отмечает, что ныне они продуктивны только на севернорусской диалектной территории, и обращает внимание, в частности, на то, что собственно многократный глагол в северных говорах может употребляться и в общефактическом значении прошедшего времени [Ibid.: 71].

2.1.2. О глаголах со смягчительно-прерывистым действием. Обширную группу итеративов составляют префиксально-суффиксальные глаголы, среди которых особый интерес для нас представляют модификации наиболее продуктивной деривационной модели. Это группа *деминутивно-итеративного* (другой термин: *смягчительно-прерывистого*) *способа действия*, в которую входят имперфективы типа *почитывать, посиживать, покашливать, побаливать* и т. п. — т. е. такие глаголы, которые словообразовательно (но не по виду!) соотносятся с соответствующими делимитативами. Последние являются мотивирующими лишь формально, ср.: *почитать, посидеть, покашлять* и *поболеть*. Такие итеративы (всегда со значением смягчения и, как правило, с указанием на то, что действие имеет место не очень часто) образуются от исходных глаголов, имеющих различные типы лексического значения. Данная модель была представлена в монографии [Крекич 1989: 192–195]: в соответствии с классификацией автора, глаголы этого разряда могут быть образованы:

1) от делимитативов, означающих состояние (например, *посиживать, полеживать, побаливать*);

2) от делимитативов, означающих процессы жизнедеятельности (*пожевывать, позевывать, поплевывать*);

3) от делимитативов, означающих неоднаправленное движение (*похаживать, покатывать*);

4) от делимитативов, означающих движение на месте (*покачивать, попрыгивать*);

5) от делимитативов, означающих конкретное действие (*полечивать, пописывать*);

6) от делимитативов со значением «производить звуки» (*побалтывать, постукивать*);

7) от делимитативов со значением «воспринимать органами чувств» (*поглядывать, понюхивать*);

8) от делимитативов со значением «испускать свет» (*поблескивать*).

Глаголы деминутивной итеративности, конечно, без ограничения могут выступать в позиции настоящего времени. Точная аспектуальная

характеристика этих глаголов с учетом степени локализованности действия связана с их лексическим значением и контекстом. Нет сомнения, что у некоторых глаголов данной группы характер лексического значения предполагает сравнительно малую величину интервала (см. *покачивать, помахивать, постукивать, поплевывать* и др.) и, следовательно, монотемпоральность действия с узкой локализованностью. Семантически их употребление стоит близко к процессному значению, поэтому естественно воспринимать такое действие и как немонолитную разновидность процесса: *Дядька, стоящий спиной к залу, постукивает палочкой* (Татьяна Соломатина. *Мой одесский язык*. 2011). *Олег Филаретович помахивал крестом, читал молитвы, Иван Никифорович ходил за тем и позёвывал* (С. И. Шуляк. Роман с чертовщиной, «Волга». 2013). Видимо, из «внутренней» итеративности глагола следует возможность частичной передачи континуального характера действия: *Живот действительно побаливал, но эта была обычная кишечная колика* (Тамара Орлова. *Ловушка для ящериц*, «Октябрь». 2003). *Знобило, побаливала голова, а главное, не хотелось вставать с постели...* (Александр Савельев. *Аркан для букмекера*. 2000).

С другой стороны, в отдельных ситуациях интервал (в том числе длительный) между действиями позволяет представить все действие как политемпоральное без временной локализованности. В формировании политемпоральной итеративности принимают участие, как правило, контекстуальные элементы, но в этом, как указывалось выше, может играть роль и лексическое значение глагола. Например: *Собственно, астрофизики уже давно поговаривают о том, что на отдалённых окраинах Солнечной системы могут скрываться сотни крупных космических тел...* (Яков Гольштейн. *Сёстры Земли*, «Зеркало мира». 2012). *Первые недели Зубр посиживал на балконе, привыкая к покою, тишине* (Даниил Гранин. *Зубр*. 1987).

2.1.3. Об имперфективации собственно перфективных способов действия. Сравнительно регулярно (но с разной частотностью) образуются имперфективы, производные от глаголов перфективного (фазисно-временного или специально-результативного количественного) способа действия. Такие имперфективы характеризуются выражением регулярного повторения действия. Эта их особенность может быть и исключительной (см. *заговорить* → *заговаривать*, *начитаться* → *начитываться*, *напиться* → *напиваться*, *засидеться* → *засиживаться*, *отмучиться* → *отмучиваться*), но в случае некоторых начинательных и финитивных глаголов признак итеративности не является абсолютным, если имперфективные дериваты употребляются с объектом (*закуривать сигарету, отсиживать срок, (уст.) отслуживать стипендию* и т.п.).

Возможность реализации процессного значения в настоящем времени продемонстрируем на глаголе *отсиживать* с дополнением: *Дочь, старшая из двоих взрослых людей, давно замужем за милиционером и живет отдельно, сын отсиживает тюремный срок, жена неизвестно где пьет горькую* (Александр Галинский. Вслед за смыслом жизни власти отнимают у народа и квартиры, «Советская квартира». 2003). В позиции же прошедшего времени более типичным является употребление в многократном значении: *Она с нескрываемой брезгливостью садилась у кровати больного мужа, отсиживала положенные десять минут и торопливо уходила* (Юрий Рытхэу. Время таяния снегов. 1967).

2.1.4. О вторичных имперфективах. Говоря об итеративности, нельзя не коснуться вопроса о так называемых видовых тройках, или, точнее, о «*биимперфективных аспектуальных тройках*» [Зализняк, Микаэлян 2015: 235]. Из аспектологической литературы последнего времени детальное и многоаспектное описание всей проблематики «троек» и вторичной имперфективации принадлежит польскому автору [Kozera 2018]. Среди вторичных имперфективов здесь для нас представляют интерес лишь те дериваты, которые одновременно могут выражать реализованный результат и многократность. Иными словами, часть вторичных имперфективов, входящих в данную группу, передает значение ‘каждый раз достигнутого результата’. Семантические критерии, позволяющие разграничить для вторичных имперфективов итеративность (иными словами — невозможность процессуализации) и способность выражать процессное значение, сформулированы достаточно четко в статье Е. В. Петрухиной [Петрухина 1990: 82, 83].

Ю. С. Маслов и А. В. Бондарко показали различие между исходным глаголом и вторичным имперфективом на примере сопоставления коррелятов *читать* и *прочитывать*. Маслов впервые обратил внимание на то, что в большинстве случаев оба глагола — в зависимости от тонких нюансов значения — могут заменить форму прошедшего времени перфектива *прочитать* в позиции настоящего исторического [Маслов 1984: 69]. Мы к этому добавим, что и в позиции итеративного действия данные имперфективы способны взаимодополнять друг друга в одном и том же контексте: *Хотя я тоже начинаю с того, что **прочитываю** книгу, но **читаю** ее только один раз* (С. Флорин. Муки переводческие). В связи с этими же глаголами А. В. Бондарко характеризует различие между двумя имперфективами в итеративном контексте при наличии инклюзивного временного обстоятельства (с предлогом *за* в винительном падеже). См., с одной стороны, вторичный имперфектив со значением достижения результата (*Такие книги он **прочитывал** за два часа*) и, с другой стороны, отсутствие данного значения в форме *читал*: *Такие*

книги он **читал два часа** (ср.: [Бондарко 1976: 198]). К разряду такого рода вторичных имперфективов, которые, по словам Маслова, «не поддаются процессуализации», следует еще причислить несколько дериватов из группы переходных глаголов (например, *сламывать, съедать*), а также некоторые глаголы с приставкой *вы-*, выделяющей полноту достижения результата на фоне повторяемости: *выпивать, вылечивать, выучивать, вызубривать*. Однако, как можно показать на определенных диагностических примерах, позиция итеративности для данных глаголов также не является исключительной. М. Я. Гловинская отмечает, что в специальном контексте они также могут выражать актуально-длительное значение: *На моих глазах он съедает уже третью тарелку супа; Он выпивает стакан за стаканом; Он прочитывает уже десятую страницу (страницу за страницей)* [Гловинская 1982: 44].

2.1.5. Мультипликативные глаголы в системе итеративных действий. К мультипликативам (в другой терминологии — к глаголам многоактного способа действия) относятся такие глаголы НСВ, как *качать, кашлять, махать, мигать, прыгать, стучать, толкать* и др. Определение статуса мультипликативов вызывает споры. В частности, нет единого мнения по поводу двух вопросов: 1) входят ли эти глаголы в видовую пару (в общепринятом значении этого термина) с однокоренными семelfактивами (напр., *прыгать* и *прыгнуть*), 2) целесообразно ли говорить в связи с мультипликативами о повторяющемся действии и в том случае, если в контексте отсутствуют лексические показатели повторяемости? Мы убеждены, что на поставленные здесь вопросы можно дать утвердительный ответ.

В основу нижеследующей краткой интерпретации мультипликативов положены идеи В. С. Храковского, который уделил особое внимание данной группе глаголов (см., в частности: [Храковский 1997а]). Действие, выражаемое этими глаголами, состоит из дискретных ментальных актов («квантов»), образуя единый немонолитный процесс с признаком кратности, и в этом процессе величина внутренних интервалов между отдельными актами в большинстве случаев совсем незначительна⁴. Однако важно отметить, что этот процесс все-таки создается на базе «внутренней итеративности», поэтому, чтобы признать такое действие в качестве итеративного, важен именно тот факт, что из ряда одинаковых актов может быть выделено одно «микродействие», точно соответствующее соотносительному семelfактиву. Мы покажем это на примере одного соотношения — глаголов *прыгать* и *прыгнуть*.

⁴ Конечно, мультипликативы в этом отношении неодинаковы. Например, действие у глаголов *шагать* или *кашлять* характеризуется большей степенью раздельности актов, чем у глаголов *вилять* (хвостом) или *тикать*.

Что касается их видовой парности, вряд ли можно отрицать, что функционирование данных глаголов максимально удовлетворяет основному и общепринятому критерию Ю. С. Маслова, основанному на возможности замены перфективного глагола прошедшего времени глаголом НСВ в позиции исторического настоящего, что доказывает лексическое тождество парных глаголов. Таким образом, предложение *Каскадер выбежал на балкон и прыгнул вниз* при повествовании может быть преобразовано в предложение с формами настоящего времени: *Каскадер выбегает на балкон и прыгает вниз* (пример В. С. Храковского). Видимо, при указании на направление действия глагол *прыгать*, утратив свой многоактный характер, может употребляться и в значении актуального настоящего: *И видит в этой гуще такую картину: примерно в середине спектакля хорошенькая девушка раздевается догола, обливает бензином стопку компакт-дисков Жарра и, заставив толпу расступиться, прыгает через костер* (Александр Миллер, Игорь Иртеньев. *Говорит и показывает Москва, «Столица»*. 1997). Е. В. Горбова, касаясь мультипликативов, предлагает признание видовой парности с семейфактивным глаголом именно при обозначении направления действия: *прыгать / прыгнуть через забор* (ср.: [Горбова 2011: 28]). В концепции В. С. Храковского такое ограничение эксплицитно не сформулировано. Автор обращает внимание на то, что если глагол *прыгать* указывает только на один акт действия, он может стоять и в других имперфективных позициях, в частности, в общефактическом значении и в повелительном наклонении. В качестве примера представим себе урок физкультуры, где ученики выполняют какой-либо прыжок (например, в длину или в высоту). В такой ситуации может прозвучать: *Кто еще не прыгал? Ты уже прыгал? Прыгай! Подожди, еще не прыгай!* — и совершенно очевидно, что здесь имеется в виду не монотемпоральное повторение одного и того же акта действия (повторение прыжков), а актуализируется только одно «микродействие» из данной серии⁵ (ср.: [Ясаи 2007: 284]). Обратим внимание еще на один пример. Когда мы говорим: *С разбегу он прыгает около 5 метров*, то на фоне настоящего узуального, значит, нелокализованного действия (явно отличающегося от мультипликативного) развивается потенциально-качественное значение, т. е. *прыгает* в этом случае ≈ ‘может прыгнуть’.

Таким образом, анализ аспектуальной семантики глагола *прыгать* показывает, что протекание действия у него имеет двойственную природу. С одной стороны, само мультипликативное действие (с выраже-

⁵ Автору настоящей работы трудно не заметить, что в венгерском языке также с достаточной регулярностью образуются глагольные пары типа «мультипликатив — семейфактив», но, в отличие от русского глагола, из мультипликативного действия (без морфемного изменения глагола) функционально не может быть вычленен один отдельный акт.

нием повторения однородных актов) интуитивно воспринимается скорее как процесс, чем повторяемость. С другой стороны, возможность вычленения одного акта из ряда при сохранении НСВ говорит скорее в пользу итеративности, правда, в этом случае точнее говорить «о внутренней итеративности»⁶. Конечно, употребление мультипликативов с обозначением одного акта в количественном отношении явно уступает многоактному значению, которое, безусловно, считается основным, первичным. Поэтому надо подчеркнуть, что наименование данного разряда (мультипликатив / глагол с многоактным действием) является уместным и отражает основную специфику этих глаголов.

2.2. Итеративность при перфективном значении глагола

2.2.1. Вступительные замечания. Выражение повторяющихся действий в русском языке глаголом НСВ объясняется тем, что признак неограниченной кратности не согласуется (или с трудом согласуется) с представлением такого действия, которое воспринимается как целостное и, следовательно, ограничивается понятием предела. Таким образом, доминирующее употребление имперфективного глагола в контексте повторяемости связано с особым способом видения действия и, в конечном счете, с грамматической стороной языковой картины мира. В то же время следует заметить, что несовместимость неограниченной кратности с признаком целостности действия означает отказ от морфологического различия «просто повторяющегося» действия и действия, обозначающего повторение со значением завершенности (т. е. достижения предела). Нейтрализация этих собственно противоположных видовых значений в данной позиции не остается без последствий и иногда приводит к аспектуальной двусмысленности предложения. Так, если действие в предложении *Уборщица убирала нашу квартиру до 12 часов* является повторяющимся, то остается неясным, какое исходное действие лежит в основе данной множественности — *убирала* (как единичный процесс) или *убрала* (как достижение результата в единичном действии). Так же обстоит дело со следующим предложением: *В жаркие дни девушки иногда загорали на пляже*. Не ясно, повторялось ли процессное действие (точнее, состояние) ‘загорали’ или речь идет о повторении результативного действия ‘загорели’.

⁶ Разумеется, переплетение процесса и повторяемости действия (т. е. выражение особой разновидности процесса с интервалами) не является исключительным явлением. Аналогичные примеры возможны при поддержке внешних факторов: *Поезда отправляются / отправлялись каждые 15 минут; Мама весь день (ежеминутно) заглядывала к больному ребенку; С 10 часов студенты записывались на семинар* и т. п. Кажется, итеративность в таких ситуациях может концептуализироваться и в рамках процесса — или наоборот, процесс — в рамках итеративности.

Е. В. Петрухина [2000: 63–104] подробно анализировала видовые различия в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. Из этого сопоставления становится ясно, что — с точки зрения выбора вида — существенные различия наблюдаются при обозначении повторяющихся действий. Эти различия проявляются в том, что в западнославянских языках — правда, не в одинаковой мере — допускается сочетание признака кратности с глаголом СВ (это заметно особенно сильно в чешском языке и в меньшей мере в польском). Это значит, что в западнославянских языках в той или иной степени сохраняется интерпретационный характер глагольного вида и в позиции итеративности (т. е. и в таком случае могут передаваться различия в восприятии действия с признаком целостности или при отсутствии этого признака). Наблюдения венгерского полониста П. Патровича также подтверждают мнение, согласно которому итеративность в польском языке допускает употребление СВ в большей мере, чем в русском [Pátrovics 2018: 32]. Из этого следует, что если в русском языке перфективный глагол употреблен (или может быть употреблен) в семантической сфере итеративности, то такое явление требует объяснения. В этом отношении остановимся на тех типах перфективного употребления, которые в русском языке нельзя считать редкими случаями⁷. Речь будет идти — по терминологии петербургской аспектологической школы — о наглядно-примерном и суммарном значениях СВ.

2.2.2. Наглядно-примерное значение. Этот тип употребления перфективного глагола в личных формах характеризует в первую очередь повествовательные тексты. В контекстах наглядно-примерного значения необходимо эксплицитное указание на узуальный характер действия (*бывает, бывало, случалось, иногда* и др.), которому как бы противостоят перфективные формы, указывающие на единичное действие. Следующие примеры иллюстрируют эту особенность: **Бывало, приду как лицо официальное** (М. М. Зощенко. Аристократка). **Бывает, установишь как собака — все равно играй** (В. Ф. Панова. Сестры). **Иногда заедет** какой-нибудь мелкопоместный сосед и надолго **увезет** меня к себе (И. А. Бунин. Антоновские яблоки). Узуальный контекст может включать в себя и несколько чередующих друг с другом перфективных действий: **Бывало, с утра пораньше народ соберется** вокруг его сарайчика и ждет. А он, монах то есть, **выйдет** к народу, **помолится, поклонится** в пояс и велит выносить чашку. **Вынесут** ему чашку с настойкой, а он снова **поклонится** народу и **начнет** пить эту гнусь (М. М. Зощенко.

⁷ Что же касается инфинитивных конструкций типа *все чаще начал поглядывать; часто пришлось нам вспоминать; часто привык повторять* и т. п., отсылаем читателя к статье [Bottineau, Roudet 2013].

Монастырь). Показателем узуальности может быть и отдельное предложение, которое обычно предшествует контексту с глаголами СВ: *Сестра ее играла одни только польки и вальсы, и то редко. Подойдет, бывало, своей ленивой походкой к роялу, сядет, спустит бурнус с плеч на локти..., заиграет громко одну польку, не кончит, начнет* другую, потом вдруг *вздохнет, встанет и отправится* опять к окну (И. С. Тургенев. Яков Пасынков). *А приезжал он в монастырь часто. Бывало, приедет, остановит* коляску версты за три... (М. М. Зощенко. Монастырь).

Сущность представленного здесь способа итеративности можно суммировать с опорой на работы А. В. Бондарко, впервые охарактеризовавшего это значение [Бондарко, Буланин 1967: 53]. В такой ситуации глагол СВ, типизируя отдельное событие, интерпретирует его как разовое и целостное и тем самым создает эффект экспрессивности на основе контраста видовой семантики перфективности и общего (т. е. узуального) содержания контекста. Проще говоря, речь идет о семантическом противопоставлении типа 'обычно бывает так — вот один из таких случаев'. Данный тип употребления СВ интересен не только в отношении итеративности, но и тем, что здесь форма простого будущего СВ выражает значение настоящего времени (о значениях настоящего времени, выражаемых формой простого будущего СВ, см.: [Караванов 1997]).

В разговорных ситуациях личные формы «узуальных перфективов» встречаются и в отдельных, как правило, коротких высказываниях или в диалогической речи. М. Я. Гловинская [2001: 207] отмечает в связи с этим, что в таком случае при характерном изменении порядка слов выражается и эмоциональное значение: *Вечно ты оторвешь* меня от дела (ср.: *Ты вечно отрываешь* меня от дела), *Всегда* она что-нибудь некстати *скажет* (ср.: *Она всегда говорит* что-нибудь некстати) [Ibid.].

2.2.3. О суммарном значении. Основные положения этого частновидового значения сформулированы также в ранних работах А. В. Бондарко (впервые: [Бондарко, Буланин 1967: 54–55]). Упоминается об этом значении (правда, лишь вскользь) и в последней его книге, посвященной краткому описанию всех глагольных категорий в системе функциональной грамматики: [Бондарко 2017: 90]. В контекстах суммарного значения лексические показатели ограниченной кратности (*два раза / дважды, три раза / трижды, пять раз* и т. п., а также и *несколько раз*) сочетаются с глаголом СВ, и таким образом создается значение суммы конкретных фактов. Показатели кратности мы будем называть на основе статьи [Гаттнар 2013] *квантификаторами*, среди которых квантификатор *несколько раз* отличается от других признаков неопределенности.

При выражении суммарного значения СВ говорящий соотносит отдельные акты с одним событием, интерпретируя их как одно целое, огра-

ниченное предельное. Условием для суммарного восприятия определенного или неопределенного количества действий является их временная локализованность. Другими словами, суммарное значение реализуется с большей вероятностью тогда, когда рассматриваемое действие повторяется сравнительно короткими интервалами. См. противопоставление следующих ситуаций — с монотемпоральным и политемпоральным действием: *В начале урока ученики **несколько раз повторили** за диктором новые слова, потом они стали составлять с ними предложения.* Но в следующем контексте должна быть употреблена форма *повторяли*: *В течение учебного года мы **несколько раз повторяли** этот материал.* Приведем по два примера на суммарное значение из НКРЯ 1) с неопределенным и 2) с определенным квантификатором:

1) *В эту ночь я долго не мог уснуть. **Несколько раз перечитал** письмо жены* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет. 2005). *Надя **перечитала** это письмо **несколько раз**, а когда около дверей зашаркали шаги мужа, спрятала письмо под подушку* (Владимир Дудинцев. Не хлебом единым. 1956).

2) *Махмуд **три раза повторил** код города и номер телефона* (Лев Дворецкий. Шакалы. 2000). *Особенно хорошо пел Камсионский одну итальянскую арию, которую он **повторил три раза*** (А. А. Аллендорф. Дневник. 1908).

Сказанное выше необходимо дополнить следующими замечаниями.

Во-первых, надо подчеркнуть, что конкуренция видов при наличии неопределенного или определенного квантификаторов может иметь место только в том случае, если сочетания типа *несколько раз повторял / повторил* употребляются в отдельных (т. е. «в изолированных») предложениях. В случае же выражения таксисно-временных отношений последовательности (что следует считать синтаксически «сильной позицией» СВ) ограниченная кратность передается глаголом СВ. Например: *Он **несколько раз пересчитал** деньги и отошел от кассы* (ср.: [Караванов 2004: 50]).

Во-вторых, существует определенный круг парных глаголов, перфективный коррелят которых в суммарном значении, как правило, не выступает (что связано с особенностями лексического значения глаголов). Например, глаголы так называемого обратимого действия, которые имеют лексические антонимы (*открыть / закрыть, встать / лечь, включить / выключить, повесить / снять*), а также приставочные глаголы движения (*войти / выйти, прийти / уйти*) и др. (ср.: [Караванов 2004: 53]). Следовательно, невозможность сочетания **несколько раз уехал* объясняется характером лексического значения, не допускающего суммарного восприятия данных действий. По этой же семантической причине нельзя

сказать **Я уже несколько раз бросил курить* (правильно: *бросал*), так как после того, как некто *бросил курить*, предполагается его действие (*снова*) *начал курить*.

В-третьих, особого упоминания заслуживает и тот психолингвистический эксперимент, который провела А. Гаттнар [2013]. Исследования немецкого языковеда интересны тем, что в свете полученных результатов некоторые детали получают более дифференцированное описание. В эксперименте внимание было обращено на роль типа квантификатора (он может быть определенным или неопределенным) и места квантификатора (стоит ли он перед глаголом или после глагола). Эксперимент показал (об этом свидетельствуют сводные таблицы и графики), что на выбор вида оказывают влияние оба фактора: информанты чаще выбирали СВ при наличии определенного квантификатора (*два раза, пять раз* и др.), чем при наличии неопределенного (*несколько раз*); кроме того, постпозиция квантификатора тоже тяготеет к СВ, правда, в случае неопределенного квантификатора и в этой позиции преобладает НСВ.

3. Итоги

3.1. Понятие итеративности является ключевым при изучении русского глагольного вида, тем самым связанные с ним вопросы занимают особенно важное место как при научном описании данного феномена, так и в его прикладном аспекте: при обучении употреблению глаголов разных видов в иностранной аудитории. В нашей статье показано, что проблематика итеративности осложняется и тем, что это понятие представляет сложный семантический комплекс, охватывающий весьма разные типы повторения в протекании действия.

3.2. Любая разновидность повторения однородных действий представляет собой частный случай глагольной множественности. Итеративность — с точки зрения физического восприятия — предполагает одновременность однородных действий, которая, однако, может быть не только нелокализованной во времени (т. е. политемпоральной), но и локализованной (узко или широко). Степень локализованности повторяющегося действия в основном зависит от значения лексических и контекстуальных показателей, однако также от величины интервала, разделяющего отдельные однородные действия. В некоторых семантических разрядах глагола наличие интервала между действиями прямо вытекает из характера лексического значения слова. В таком случае мы говорим о внутриглагольной итеративности (см., в частности, бесприставочные многократные имперфективы типа *хаживать*, такие

мультипликативы, как *прыгать*, *толкать* и др., или деминутивно-итеративные глаголы типа *покашливать*, *постукивать*).

3.3. Ввиду того, что итеративность представляет достаточно широкий комплекс акциональных значений, включающий разные типы повторения действий (которые касаются, в частности, и выбора видовой формы), целесообразно описать данные способы выражения с опорой на модель функционально-семантических полей, выделяемых в концепции функциональной грамматики. Однако поле итеративности, в отличие от других акциональных полей (ср. *аспектуальность* и *вид*, *темпоральность* и *время*, *персональность* и *лицо* и др.), является в меньшей степени центрированным, так как признак кратности в той или иной мере безусловно характеризует все разновидности повторительного значения.

3.4. Что касается структуры поля итеративности, в данный комплекс включены, с одной стороны, разные равносильные формы выражения этого значения, с другой стороны, выделяются и периферийные зоны, в которых повторение действия проявляется менее эксплицитно — в большинстве случаев не посредством глагольного вида, а контекстуально. Несмотря на отсутствие подлинного ядра в поле итеративности, предлагаем выделить в качестве доминирующего типа формы неограниченно-кратного действия, широко представленные в сфере повторяемости. Периферийные типы явно отличаются от основного по частотности. См., например, способы выражения повторяемости при употреблении СВ: *Несколько раз повторил...* (суммарное знач.), *Бывало, приду...* (наглядно-примерное знач.). По другой причине оттесняются на периферию поля итеративности мультипликативы: у них интервалы в физическом измерении столь незначительны, что выражаемое ими действие воспринимается интуитивно как процесс (т. е. процесс совместно с «внутренней итеративностью»).

3.5. Существуют итеративы, или, шире, итеративные контексты, которые характеризуются особой стилистической спецификой. Так, например, глаголы типа *хаживать* (употр. только в прошедшем времени), полностью еще не вышедшие из употребления, всегда выражают и стилистическую окраску — либо оттенок архаичности, либо экспрессивной разговорности. Стилистические функции характеризуют и употребление глагола СВ в наглядно-примерном значении. «Узуальные перфективы» встречаются не только в повествовательных контекстах, но и в разговорных ситуациях, в которых форма СВ подчеркивает выражение эмоциональности: *Всегда она что-нибудь некстати скажет* (пример М. Я. Гловинской). Как видим, такая функция вида обычно влечет за собой и специальный порядок слов (особое актуальное членение).

Библиография

Белошапкина 2007

Белошапкина Т. В., *Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке*, Москва, 2007.

Бондарко 1976

Бондарко А. В., *Теория морфологических категорий*, Ленинград, 1976.

— 1983

Бондарко А. В., *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*, Ленинград, 1983.

— 2017

Бондарко А. В., *Глагольные категории в системе функциональной грамматики*, 2-е изд., Москва, 2017.

Бондарко, Буланин 1967

Бондарко А. В., Буланин Л. Л., *Русский глагол. Пособие для студентов и учителей*, под ред. Ю. С. Маслова, Ленинград, 1967.

Виноградов 1986

Виноградов В. В., *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, 3-е изд., Москва, 1986.

Гаттнар 2013

Гаттнар А., Конкуренция видов глагола в итеративных контекстах в зависимости от типа и позиции квантификатора, *Вопросы языкознания*, 2, 2013, 52–68.

Гловинская 1982

Гловинская М. Я., *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*, Москва, 1982.

— 2001

Гловинская М. Я., *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*, Москва, 2001.

Горбова 2011

Горбова Е. В., Видовая парность русского глагола: проблемы и решения, *Вопросы языкознания*, 4, 2011, 20–45.

Грекова 1985

Грекова О. К., Виды значений повторяемости и средства их выражения в современном русском языке (автореф. диссертации на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1985).

Зализняк, Микаэлян 2015

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Видовые тройки в аспектуальной системе русского глагола, Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва, 2015, 233–247.

Караванов 1997

Караванов А. А., Употребление формы будущего времени глаголов совершенного вида в значении настоящего времени, М. Ю. Черткова, отв. ред., *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, 1, Москва, 1997, 102–114.

— 1999

Караванов А. А., Семантика суммарных дистрибутивов с префиксом *по-* в свете теории Л. В. Щербы об эксперименте в языкознании, В. В. Красных, А. И. Изотов, ред., *Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей*, Москва, 1999, 5–11.

— 2004

Караванов А. А., *Виды русского глагола: значение и употребление*, изд. 2-е, Москва, 2004.

Крекич 1989

Крекич Й., *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов*, Будапешт, 1989.

Маслов 1984

Маслов Ю. С., Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке (1948), *Очерки по аспектологии*, Ленинград, 1984, 48–70.

Падучева 1996

Падучева Е. В., *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва, 1996.

Палоши 2015

Палоши И., К вопросу о выражении хаби́туалиса в русском языке, *Die Welt der Slaven; Sammelbände*, 57 (= E. G. Rubio, M. Falkowska, E. Kislova und M. Stepień, Hrsg., *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5. September 2014, Budapest*), 2015, 187–196.

——— 2018

Палоши И., К вопросу о многозначности глагольных приставок: мультисубъектность и мультиобъектность, К. Кроо, Е. Бона, ред., *Голоса русской филологии из Будапешта. Литературоведение и языкознание на Кафедре русского языка и литературы Университета им. Лоранда Этвеша*, Будапешт, 2018, 203–214.

Петрухина 1990

Петрухина Е. В., К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке, *Русский язык за рубежом*, 4, 1990, 82–87.

——— 2000

Петрухина Е. В., *Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками)*, Москва, 2000.

Плунгян 2011

Плунгян В. А., *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва, 2011.

Прокопович 1982

Прокопович Е. Н., *Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм*, Москва, 1982.

Ровнова 2000

Ровнова О. Г., Употребление грамматических форм в русской диалектной речи, 1: *Функционирование многократных глаголов*, А. В. Бондарко, С. А. Шубик, отв. ред., *Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании*, С.-Петербург, 2000, 69–78.

Семиколенова 2009

Семиколенова Е. И., «Кратность» как тип отношений между глаголами в видовой паре, *Вісник Днітропетровського університету, Мовознавство*, 11, 15/3, 2009, 120–126.

Стойнова 2012

Стойнова Н. М., Рефактив: типологические данные, *Вопросы языкознания*, 2, 2012, 61–92.

Храковский 1986

Храковский В. С., Семантические типы множества ситуаций (опыт классификации), *Изв. АН СССР, Серия литературы. и языка*, 45/2, 1986, 149–158.

——— 1997a

Храковский В. С., Мультипликативы и семейфактивы (проблема видовой пары), С. Кароляк, отв. ред., *Семантика и структура славянского вида*, 2, Kraków, 1997, 227–239.

——— 19976

Храковский В. С., Понятийная база и опыт классификации семантических типов множества ситуаций, М. Ю. Черткова, отв. ред., *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, 2, Москва, 1997, 128–139.

——— 2014

Храковский В. С., Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? *Вопросы языкознания*, 4, 2014, 3–12.

Ясаи 2007

Ясаи Л., Проблема соотношения семельфактивов и мультипликативов для венгерской аудитории, И. Влодова, Вл. Манчев, ред., *Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI конгресса МАПЯЛ. Варна, 2007*, 5, Sofia, 2007, 282–285.

——— 2020

Ясаи Л., К вопросу о формировании аспектуальной компетенции, *Русский язык и культура в эпоху глобализации. Nemzetközi tudományos konferencia tanulmánykötete. Pécs, 2019. szeptember 26–27*, V. Végvári, R. Wołosz, szerk., Pécs, 2020, 29–37.

Agrell 1908

Agrell S., *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte*, Lund, 1908.

Bottineau, Roudet 2013

Bottineau T., Roudet R., Выражение итеративности с глаголами совершенного вида прошедшего времени в русском языке, *Russian Linguistics*, 37/1, 2013, 35–49.

Kozera 2018

Kozera I., *Семантика и прагматика вторичной имперфективации в современном русском языке на основании корпусного анализа*, Kraków, 2018.

Pátrovics 2018

Pátrovics P., *A lengyel igeaspektus kérdései. Lengyel–magyar strukturális aspektusszótár*, Budapest, 2018.

References

Beloshapkova T. V., *Kognitivno-diskursivnoe opisanie kategorii aspektual'nosti v sovremenном русском языке*, Moscow, 2007.

Bondarko A. V., Bulanin L. L., *Russkii glagol*, Yu. S. Maslov, ed., Leningrad, 1967.

Bondarko A. V., *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki*, 2nd ed., Moscow, 2017.

Bondarko A. V., *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii*, Leningrad, 1983.

Bondarko A. V., *Teoriia morfologicheskikh kategorii*, Leningrad, 1976.

Bottineau T., Roudet R., The expression of iteration by past forms of perfective verbs in Russian, *Russian Linguistics*, 37/1, 2013, 35–49.

Gattnar A., Competition of Verbal Aspects in Iterative Contexts as Depending on the Type and Position of the Quantifier, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2013, 52–68.

Glovinskaya M. Ya., *Mnogoznachnost' i sinoniimiia v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola*, Moscow, 2001.

Glovinskaya M. Ya., *Semanticheskie tipy vido-vykh protivopostavlenii russkogo glagola*, Moscow, 1982.

Gorbova E. V., Aspectual pairs in the Russian verb: problems and solutions, *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2011, 20–45.

Jászay L., K voprosu o formirovanii aspektual'noi kompetentsii, V. Végvári, R. Wołosz, szerk., *Russkii iazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii. Nemzetközi tudományos konferencia tanulmánykötete. Pécs, 2019. szeptember 26–27*, Pécs, 2020, 29–37.

Jászay L., Problema sootnosheniia semel'faktivov i mul'tiplikativov dlia vengerskoi auditorii, I. Vloдова, V. Manchev, eds., *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire. Materialy XI kongressa MAPIAL. Varna, 2007*, 5, Sofia, 2007, 282–285.

Karavanov A. A., Semantika summarnykh distributivov s prefiksom po- v svete teorii L. V. Shcherby ob eksperimente v iazykoznanii, V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, eds., *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia. Sbornik statei*, Moscow, 1999, 5–11.

Karavanov A. A., Upotreblenie formy budushchego vremeni glagolov sovershennogo vida v znachenii nastoiashchego vremeni, M. Yu. Chertkova, ed., *Trudy aspektologicheskogo seminar Filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*, 1, Moscow, 1997, 102–114.

Karavanov A. A., *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Khrakovsky V. S., Does Russian imperfective have repetitive (frequentative / iterative / habitual) meaning? *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2014, 3–12.

Khrakovsky V. S., Mul'tiplikativy i semel'faktivy (problema vidovoi pary), S. Karolak, ed., *Semantika I struktura slavianskogo vida*, 2, Kraków, 1997, 227–239.

Khrakovsky V. S., Poniatinaia baza i opyt klassifikatsii semanticheskikh tipov mnozhestva situatsii, M. Yu. Chertkova, ed., *Trudy aspektologicheskogo seminar Filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*, 2, Moscow, 1997, 128–139.

Khrakovsky V. S., Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii (opyt klassifikatsii), *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 45/2, 1986, 149–158.

Kozera I., *Semantika i pragmatyka wtórnej imperfaktywizacji we współczesnym języku rosyjskim na podstawie badań korpusowych*, Kraków 2018.

Krékits J., *Semantika i pragmatika vremenno-predel'nykh glagolov*, Budapest, 1989.

Maslov Yu. S., Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremenном russkom literaturnom iazyke (1948), *Ocherki po aspektologii*, Leningrad, 1984, 48–70.

Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa*, Moscow, 1996.

Pálosi I., K voprosu o mnogoznachnosti glagol'nykh pristavok: mul'tisub'ektnost' i mul'tiob'ektnost', K. Kroó, É. Bóna, eds., *Golosa russkoi filologii iz Budapeshta. Literaturovedenie i iazykovedenie na Kafedre russkogo iazyka i literatury Universiteta im. Loranda Etvesha*, Budapest, 2018, 203–214.

Pálosi I., The question of habituality in the Russian language, *Die Welt der Slaven: Sammelbände*, 57 (= E. G. Rubio, M. Falkowska, E. Kislova und M. Stepień, Hrsg., *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5. September 2014*, Budapest), 2015, 187–196.

Pátrovics P., *A lengyel igeaspektus kérdései. Lengyel–magyar strukturális aspektusszótár*. Budapest, 2018.

Petrukhina E. V., *Aspect Verb Categories in Russian in comparison to Check, Slovak, Polish and Bulgarian languages*, Moscow, 2000.

Petrukhina E. V., K voprosu o konkurentssii pervichnykh i vtorychnykh imperfektivov v sovremenном russkom iazyke, *Russian Language Abroad*, 4, 1990, 82–87.

Plungian V. A., *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku. Grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy iazykov mira*, Moscow, 2011.

Prokopovich E. N., *Glagol v predlozhenii. Semantika i stilistika vido-vremennykh form*, Moscow, 1982.

Rovnova O. G., Upotreblenie grammaticheskikh form v russkoi dialektnoi rechi, 1: Funktsionirovanie mnogokratnykh glagolov, A. V. Bondarko, S. A. Shubik, eds., *Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*, St. Petersburg, 2000, 69–78.

Semykolienova O. I., «Kratnost'» kak tip otnosheniia mezhd glagolami v vidovoi pare, *Visnyk of Dnipropetrovsk University. Series: Linguistics*, 11, 15/3, 2009, 120–126.

Stoynova N. M., Again-Markers: a Typological Survey, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2012, 61–92.

Vinogradov V. V., *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*, 3rd ed., Moscow, 1986.

Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., Vidovye troiki v aspektual'noi sisteme russkogo glagola, Anna A. Zalizniak, I. L. Mikaelian, A. D. Shmelev, *Russkaia aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary*, Moscow, 2015, 233–247.

László Jászay, DSc, professor
Bölcsészettudományi Kar,
Eötvös Loránd Tudományegyetem,
Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék
1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D.
Magyarország / Hungary
jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Received November 5, 2021

Маргиналии Федоровского паримейника XIII века: экстралингвистические и лингвистические данные*

Мария Олеговна Новак

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Marginalia of the Fedorovsky Parimeinik From the 13th Century: Extralinguistic and Linguistic Data

Maria O. Novak

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В заметке рассматриваются маргинальные записи в паримейнике из фондов РГАДА (Тип. 60), не получившие до сих пор детального описания. Предлагаются поправки к прежним публикациям записей, частично реконструируются их утраченные фрагменты, интерпретируются экстралингвистические сведения, дающие представление об имени и занятиях

* Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20–512–18001 Болг_а «Средневековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)»). Автор сердечно благодарит В. Б. Крысько, А. А. Гиппиуса, Д. В. Сичинаву, А. Л. Лифшица, Л. Ю. Астахину, О. Ф. Жолобова, В. А. Баранова за участие в обсуждении материала и предоставление ценной информации, а также анонимного рецензента статьи за конструктивные замечания.

писца, и лингвистические данные в области фонетики, грамматики и лексики в их связи с соответствующими феноменами основного текста паримейника. Автор приходит к выводу об отражении в маргиналиях ряда фонетических инноваций, присутствующих в основном тексте; грамматические новшества записей, напротив, не поддержаны основным текстом, стабильность которого на этом уровне обусловлена жанровой принадлежностью. На лексическом уровне описываются единицы, позволяющие внести в исторические словари русского языка либо более раннюю датировку фиксации лексемы в письменных источниках, либо новую контекстуальную сочетаемость

Ключевые слова

древнерусский Паримейник, маргиналии, сведения о писце, фонетика, грамматика, лексика

Abstract

The research note discusses some marginalia in a 13th-century parimeinik from the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts (Tip. no. 60), which have not yet received a detailed description. The author proposes certain amendments to previous publications of the marginalia, partially reconstructs their lost fragments, interprets some extralinguistic information that gives an idea of the name and occupations of the scribe, and linguistic data in the field of phonetics, grammar, and vocabulary in their connection with the corresponding phenomena of the main text of the parimeinik. The author concludes that the marginalia reflect some phonetic innovations present in the main text; their grammatical innovations, on the other hand, are not supported by the main text, the stability of which is due to the genre. At the lexical level, some units make it possible to supply Russian historical lexicography either with an earlier dating for the first fixation of a lexeme in written sources or with a new contextual combination.

Keywords

Old East Slavic Parimeinik, marginalia, information about the scribe, phonetics, grammar, lexis

Вводные замечания

Статья посвящена маргиналиям одного из малоизученных древнерусских паримейников — РГАДА Тип. 60 (вторая половина XIII в.) — как новому источнику лингвистических и экстралингвистических данных, в рамках комплексного исследования древнерусских списков Паримейника, которыми предполагается пополнить электронную коллекцию портала «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=58>).

В научной литературе данная рукопись носит название Федоровского II паримейника [Пичхадзе 1991, Eadem 1998], по имени счетчика

Типографского двора Бориса Федорова (XVII в.). В нашей работе будет использоваться обозначение Ф-II.

В ходе редактуры и лингвистической разметки набора рукописи, с опорой на ее цифровую копию (http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_60), в составе Ф-II были обнаружены не описанные до сих пор экстратексты (термин В. Б. Крысько). Частично они приведены, с рядом неточностей, в [Сводный каталог 1984: 310] и, более исправно, на дополнительном вкладном листе каталога рукописей ЦГАДА (РГАДА) XI–XIV вв. [Каталог ЦГАДА 1988, вкладыш]. В своде Л. В. Столяровой сведения о Ф-II отсутствуют [Столярова 2000]. Данные рукописи не упомянуты и в статье [Крысько 2019], где убедительно обоснована лингвистическая ценность древнерусских экстратекстов и необходимость их всестороннего изучения, а также предложена классификация записей в зависимости от их содержания.

В статье будут рассмотрены только текстовые маргиналии, современные либо хронологически близкие основному тексту Ф-II (хотя в кодексе имеются и рисунки — ср. элементы тератологического орнамента на л. 37 (39) и л. 99 (101)). Прежде всего, сделаем несколько общих замечаний о рукописи, которые могут оказаться полезными в дальнейшем изложении. Это пергаменный список Паримейника в лист, выполненный одним¹ писцом, с изящными заставками и инициалами тератологического типа, со значительными утратами листов как в триодной, так и в месящесловной части [Сводный каталог 1984: 311; Каталог ЦГАДА 1988, вкладыш]. Фолиация — арабскими цифрами карандашом, после л. 32 в результате сбоя нумерации указан л. 35 (утраты текста нет)². Первоначально (в частности, в [Михайлов 1912: СІХ]) рукопись датировалась XIV в., но впоследствии была принята датировка второй половиной XIII в. Имя счетчика Бориса Федорова, оставившего скорописную запись о количестве листов (107) на последнем листе Ф-II, позволило А. А. Покровскому [Покровский 1916] установить, что рукопись поступила на Типографский двор из Пскова [Сводный каталог 1984: 311].

Согласно типологии А. А. Пичхадзе, Ф-II входит в Козминскую группу списков Паримейника, промежуточную между Древнейшей и Поздней редакцией; изменения текста в этой группе больше похожи не

¹ В описании Каталога ЦГАДА выражено некоторое сомнение на этот счет: «Устав одного (?) почерка в два столбца» [Каталог ЦГАДА 1988, вкладыш]. На разных участках рукописи действительно можно наблюдать некоторые колебания, затрагивающие в основном размеры букв, однако все характерные начерки при этом сохраняются.

² В статье дается исправленная нумерация листов, номера карандашной фолиации приводятся в круглых скобках.

на последовательную правку, а на стихийные результаты трансмиссии [Пичхадзе 1991: 152].

Дальнейшее изложение будет идти от анализа экстралингвистических сведений, содержащихся в записях, к анализу лингвистических фактов и их связей с основным текстом паримейника. При этом оговоримся, что достаточных оснований идентифицировать записи как выполненные писцом основного текста у нас нет.

Экстралингвистические сведения

Обратимся сначала к тем записям, которые уже были опубликованы в [Сводный каталог 1984: 310] и в [Каталог ЦГАДА 1988, вкладыш], но нуждаются в уточнениях и дополнительных комментариях.

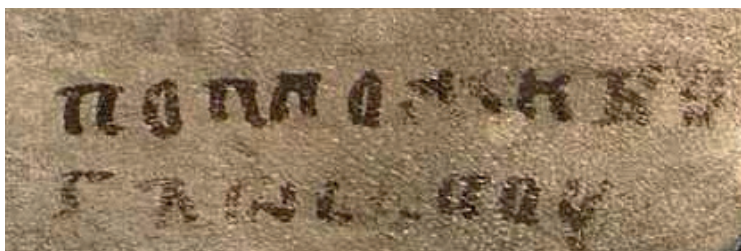
1. На листе 1, почти в центре верхнего поля, над заставкой, полустертая запись: *Гѣ помози ра* (очевидно, недописанное *равоу*). В [Сводный каталог 1984: 310] запись воспроизведена с ошибкой и не полностью: *Гѣ помози...* (далее стерто). После слога *ра*, упомянутого в описании Каталога ЦГАДА, следов стертого текста, однако, не наблюдается, в том числе в высоком разрешении; а вот уровнем выше, у самого края верхнего поля и правее записи, можно увидеть фрагменты стертых букв, из которых поддаются прочтению ...ции. Чуть ниже — проба пера *ф*. Слева от записи видны фрагменты крупного плетеного инициала.

2. Под первой строкой записи расположена вторая: *Гѣ не ѿростию*. В [Сводный каталог 1984: 310] содержание второй строки определено как «начало псалма». Добавим, что это либо Пс 6:2, либо Пс 37:2, ср. в Синайской Псалтыри: *Гѣ не ѿростиѣ твоѣѣмъ оулові мнѣ* (л. 5а, л. 49а) [Северьянов 1922: 5, 49], греч. *Κύριε, μὴ τῷ θυμῷ σου ἐλέγξῃς με*. Интересно, что именно эта цитата представлена и в конце новгородской берестяной грамоты № 331, отнесенной А. А. Зализняком к учебным упражнениям мальчика Онфима [Зализняк 2004: 477]. Широкая известность псалтырной строки связана, по-видимому, с присутствием обоих псалмов в Часослове, использовавшемся при обучении (псалом 6 читается на великом повечерии, псалом 37 — на утрени в составе Шестопсалмия).

В описании каталога ЦГАДА эти две строки на л. 1 противопоставлены хронологически: молитвенное обращение считается написанным почерком, идентичным уставу писца (XIII в.), тогда как цитата из псалма — написанной уставом XIV в. [Каталог ЦГАДА 1988, вкладыш]. На наш взгляд, с этим утверждением трудно полностью согласиться, хотя столь же трудно утверждать, что обе строки выполнены одной и той же рукой и строго в одно и то же время. Известно, что асимметричные начерки у букв с перекадинами (и, н, ю, ѡ), которые присутствуют в обеих строках записи и могут в принципе диагно-

стировать относительно позднее написание, появились уже в XIII в. [Щепкин 1967: 115–116].

3. В правом нижнем углу л. 37 (39) запись в две коротких строки: *поможи во||гъ ѡс[ип]ѡу*. Эта запись не учтена в [Сводный каталог 1984] вообще, а в каталоге ЦГАДА осторожно передана как *поможи вогъ ѡ...ѡу*. Поскольку надпись расположена в самой затертой части листа, чернила сильно осыпались; лучше всего читаются начальная и конечная буквы имени. Однако степень сохранности буквы с достаточно высока, а прямоугольная форма буквы, предшествующей *ѡу*, позволяет реконструировать имя «Осип».

Ил. 1. Молитвенная просьба о помощи предполагаемому Осипу

На обороте того же листа имеется запись уставом *покоушати ѡс[ип]ѡу ли боудеть*. Процитированная в обоих каталогах, она не нуждается в дополнительных комментариях — как в силу традиционности своего содержания, как в силу каллиграфической отчетливости (чернило не оставляло желать лучшего, в отличие от пера, упоминаемого в следующей записи).

4. На нижнем поле л. 83 (85), уставом, неровная строка: [И / ѡ горе] *мне не ѡустановитса ми перо · добръ*. Сводный каталог публикует запись со значительными искажениями: (начало стерто) *мне не ѡустави тоа ми перо добръ* [Сводный каталог 1984: 310]. Ошибочное прочтение -тса как местоимения *тоа* спровоцировано, очевидно, неясным написанием букв *с* и *а* (писец не зря пожаловался на перо — кляксы присутствуют не только в записи, но и в текстовом поле). Искажение глагольной формы в публикации (*ѡустави* вместо *ѡустанови*-) объяснить трудно: хотя буква *и* после *ѡ* почти стерта, однако последовательность *нов* вполне отчетлива, так что ошибиться практически невозможно. В дополнении к каталогу ЦГАДА глагольная основа передана верно, однако повторено прочтение -тса как *тоа*.

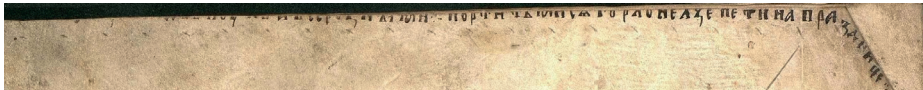
Перед читаемым текстом записи находятся пять почти полностью стертых букв, однако высокое разрешение снимка страницы позволяет увидеть их контуры и реконструировать слово «горе», а в самом начале,

с меньшей степенью уверенности — либо заглавную И, либо заглавную W (второе вероятнее, если учесть формульный характер восклицания).

Илл. 2. Начало записи на л. 83 (85)

5. Наиболее интересна запись на л. 46об. (48об.), пока нигде не опубликованная, — хотя, по сообщению В. Б. Крысько, она включена в базу экстратекстов, ожидающую издания. Ранее она, по-видимому, не привлекала внимания в силу своего расположения (параллельно основному тексту, на самом краю левого поля) и значительной поврежденности (верхняя часть текста обрезана под углом). Запись разделена на две части ромбовидным четвероточием. Буквы слева обрезаны больше, справа текст сохраняется гораздо лучше. Без сомнений прочитывается следующее: д[...]оу[.] а все розными ꙗ портить ми са горло не лзе пети на празднице ꙗ

Илл. 3. Запись на л. 46об. (48об.), полный вид

Содержательно две части записи могут быть и не связаны между собой (на это может указывать знак препинания: в основном тексте Ф-II ромб из точек используется, как и во многих других рукописях, для обозначения границ заголовков и прокимнов между паримиями). Из правой части мы узнаем, что писавший, очевидно, был также и участником монастырского хора. На каком именно празднике ему могло помешать большое горло? Если предположить, что запись появилась одновременно или почти одновременно с основным текстом, расположенным на том же листе, — паримиями четверга пятой седмицы Великого Поста, писец мог иметь в виду и ближайшую к этому четвергу субботу Акафиста, и неделю Ваий (Вербное воскресенье); в случае серьезного заболевания горла под угрозой оказывалась и перспектива участия в пасхальном богослужении.

Левая часть записи гораздо больше пострадала из-за косого среза листа. Самая крайняя буква слева, д, реконструируется только по характерным выступам снизу, и можно предположить, что слева от д также мог быть некий обрезанный текст. Остается загадкой группа д[...]оу[.]: после д можно видеть два довольно узких знака с плоским низом; перед

диграфом ѳ явно находится двухмачтовая буква³; после диграфа просматривается одна буква с двумя непараллельными вертикалями, напоминающая л или п, и одна — с плоским, слегка закругленным низом (ѡ или Ѣ). В ходе обсуждения утраченного текста с автором этих строк А. А. Гиппиус предложил, в частности, чтение [...к]ѳ[нѡ], Д. В. Сичинава — [...к]ѳ[пѡ]. Первая версия имеет в виду некие финансовые отношения и «работает» в случае отсутствия связи между частями сообщения. Вторая версия трактует запись как цельное сообщение с причинно-следственной связью, поскольку может подразумевать некие совместные действия, в результате которых у писавшего и возникают проблемы с горлом (например, исполнение не подходящей по тембру партии в монастырском хоре)⁴.

6. Наконец, следует упомянуть обрезанную снизу закругленную запись на нижнем поле л. 95 (97): *помо* (она также не попала в каталоги). Две центральные буквы оказались на самом верху «кольца» и не пострадали; крайние п и о частично обрезаны. Очевидно, это фрагмент очередного молитвенного обращения в форме *помози* или *поможи*:

Илл. 4. «Кольцевая» запись на л. 95 (97)

Завершая характеристику содержания и палеографии записей, скажем несколько слов о технике визуализации поврежденных и реконструируемых текстов в электронной публикации. Транскрипция рукописи Ф-II, как и других памятников, пополняющих исторический корпус «Манускрипт», производится в редакторе древних текстов OldEd, где предусмотрена возможность комментирования нестандартных написаний в меню «Свойства единиц». Графический символ, который может быть реконструирован, в транскрипции передается знаком утраты (E602). Далее на панели свойств, в ячейке «Символ преобразованный», вводится реконструируемый графический знак, а в ячейке «Вероятность» ему присваивается значение менее 100 %. После публикации транскрипции на сайте такие символы визуализируются в квадратных скобках. Подробнее о восстановлении утраченного текста и комментировании различных нетипичных написаний (лигатур, пропусков, гаплогрфии и т. д.) см.: [Баранов, Аникина 2013].

³ Варианты, которые предлагает читать перед диграфом ѳ И. М. Ладыженский: н/п/н/к (сообщение В. Б. Крысько).

⁴ Сам А. А. Гиппиус, ознакомившись со второй версией, признал ее более удачной.

Лингвистические сведения

Все приведенные выше записи, за исключением расположенной на первом листе, достаточно информативны с точки зрения истории русского языка — как фонетики, так и грамматики и лексикологии.

В фонетическом отношении интересна запись о больном горле, демонстрирующая, во-первых, изменения в передаче еров, и во-вторых — полное пренебрежение писца к написаниям с ятем: *портить* (< *пъртитъ*) *ми са горло* (< *гърло*) *не лзе* (< *лъзѣ*) *пети* (< *пѣти*) *на праздниѣ* (< *праздъницѣ*). Эти два обстоятельства хорошо соотносятся с тенденциями основного текста, где присутствуют колебания, отражающие фонетическую эволюцию наряду с воспроизведением исконных орфограмм. Картина в Ф-II весьма напоминает ситуацию в Служебнике XIII в. Соф. 519, описанную Д. А. Коротковой и Г. А. Мольковым: для графики Служебника характерны приемы «бытовой неполноразличительной системы использования букв редуцированных. В основном почерке рукописи встречается как использование еров вместо букв о, е, ѣ, так и обратные графические замены, и частотность такого использования говорит о том, что писец не воспринимает бытовую систему как нечто недопустимое в церковном памятнике, но пользуется ею наряду с более престижной полноразличительной системой записи» [Короткова, Мольков 2017: 928]. Так же и в Ф-II налицо пропуск еров в абсолютно слабой позиции (*въ мнозѣ* л. 40а (42а), *злобою* л. 40б (42б), *птоу* л. 42в (44в), *птица* (там же), *вдовица* л. 45б (47б), *мною* л. 44в (46в) и т. п.); непоследовательно — в приставках, предлогах и суффиксах (*сѣблюдѣть* л. 47г (49г), *сѣвлзани* л. 49б (51б), *сѣтвори* л. 50в (52в) vs. *створышаго* л. 40б (42б), *створи* л. 41а (43а), *скончуютъ* л. 47а (49а); *въ мнозѣ* л. 40а (42а), *въ домѣ* л. 57б (59б), *сѣ смерениемъ* л. 48а (50а), *къ тебѣ* л. 49б (51б) vs. *в родѣ* л. 57б (59б), *к нимѣ* л. 78в (80в) и т. п.; *въ правьдоу* л. 42б (44б) vs. *въ правдоу* л. 55б (57б), *на вьцѣ* л. 57г (59г) vs. *въца* л. 50а (52а), *правьдныихъ* л. 38а (40а) vs. *правьдныихъ* л. 43а (45а), *источьникъ* л. 48а (50а) vs. *роучными* л. 49б (51б), *здавзшюму* л. 36б (38б) vs. *стажавшю* л. 51а (53а), *кротъкодшѣнъ* л. 48а (50а) vs. *кроткодшѣнъ* л. 40б (42б) и т. п.). В формах третьего лица презенса возвратных глаголов редуцированный опускается также непоследовательно: *не подвижитса* л. 41а (43а) vs. *постыждать са* л. 44б (46б) и т. п. Намного реже встречается прояснение сильных еров *ъ > о*, *ь > е*, в том числе в соседстве с плавными: *пѣсокъ* л. 39г (41г), *мьздомецъ* л. 45в (47в), *скоуденъ* л. 59а (61а), *жертвоу* л. 68а (70а) и т. п.

Кроме того, отмечается и употребление еров на месте гласных полного образования: *търпѣливъ* л. 40а (42а), *кроткодшѣнъ* л. 40б (42б), *дѣсать* л. 39б (41б), *тридѣсать* л. 78в (80в), *въсѣдла* л. 49г (51г), *върѣтатель* л. 48а (50а), *вънѣгда* л. 69б (71б) и т. п.

Мена ь > ѣ также возможна, в том числе и в слабой позиции: ѿ конѣць л. 46б (48б) vs. конѣць (там же); правѣдѣникъ правѣдникъ л. 47б (49б) vs. правѣдѣникъ и правѣдника л. 47а (49а); срьбрьникъ л. 78в (80в) vs. сръбрьникъ л. 78г (80г), съвьршеномъ л. 39а (41а) vs. съвьршена л. 45б (47б), безъмъзъвьствоуѣть л. 43б (45б) vs. ѿдѣръствоуѣть л. 62г (64г) и т. п.

Столь же разнообразна взаимная мена е и ѣ при сохранении этимологически корректных написаний: тѣрпѣливъ л. 48в (50в) vs. тѣрпеливъ л. 58б (60б), разоумѣю л. 47а (49а) vs. разоумею л. 48г (50г), цѣлѣние л. 40в (42в) vs. ицелѣния л. 60б (62б), въ тмѣ л. 36в (38в) vs. въ тме л. 46а (48а), възвѣститъ л. 70а (72а) vs. възвестите л. 52б (54б), наслѣдѣти наслѣдѣе л. 57а (59а), рѣхъ л. 52г (54г) vs. реста л. 58а (60а), ресте л. 60г (62г), роуцѣ исавовѣ косматѣ л. 54б (56б) vs. ланите л. 77в (79в), внесѣ л. 55а (57а), оужасѣ же са л. 55а (57а), оумръши л. 39а (41а), боле (там же), по тебѣ, тобѣ л. 49б (51б), мѣсте л. 40в (42в), въ словѣсьхъ л. 48а (50а), людѣмъ л. 78в (80в) и т. п.

Как видим, некоторые из инноваций, присутствующих в основном тексте Ф-II как отклонения от орфографического «мейнстрима», реализуются в записи. Написание предикатива не лзе некоторым образом противостоит орфографически корректному добръ в записи на л. 83 (85) — однако заметно, что ѣ в наречии явно наведена поверх другой буквы, которой могла быть е. Так у пишущего конкурируют различные орфографические компетенции: нельзя исключать, что написание через е было данью бытовой орфографической системе письма.

На уровне грамматики интересна запись на л. 37 (39). Она содержит инновационную форму императива поможи, представляющую результат выравнивания по основе настоящего времени. Такие формы глаголов с основой на заднеязычный отмечал еще А. И. Соболевский — в частности, в Лаврентьевской (*рѣчи*) и Ипатьевской (*стережи*) летописях [Соболевский 1907: 254]. Л. В. Савельева [2019: 103] называет их «ранними северо-западными формами», что хорошо соотносится с псковским происхождением Ф-II (о последнем свидетельствуют многочисленные факты цоканья и соканья, а также рефлексия жг': разизаѣть л. 38б (40б), домауадыъ л. 42а (44а), въ дълготоу и въ сирзыню 'в ширину' л. 39г (41г), лоуце 'лучше' л. 56б (58б), оуста грѣшьниѣа] л. 56в (58в), по цинѣ л. 57а (59а), кърмѣици л. 65г (67г), мнозиѣю л. 67в (69в), бѣѣтечъ л. 67в (69в), слѣцнѣхъ л. 67г (69г), по цислоу л. 68а (70а), на вѣлаѣ въ днѣ дъжгевъ л. 69в (71в) и т. п.).

Однотипные конструкции с дательным посессивным портить ми са горло (л. 46об. (48об.)) и не оустановитса ми перо (л. 83 (85)) указывают на эволюцию группы энклитик после глагола: в первом случае их ранговая очередность соблюдена, во втором порядок нарушен — налицо

достаточно раннее отражение процесса перехода энклитики *сѧ* в постоянную постпозицию и приобретения ею статуса морфемы (см.: [Зализняк 2008: 192]). В основном тексте паримий та же группа энклитик (входящая, правда, в состав семантически иных конструкций) представляет древний ранговый порядок: *приблизите ми сѧ* л. 61в (63в), *пороугаша ми сѧ* л. 65г (67г), *ѡви ми сѧ* л. 79а (81а), — что предсказуемо для консервативного литургического жанра и рукописи, содержащей версию текста паримий, недалеко ушедшую от древней редакции.

Две упомянутые конструкции ценны и в плане лексики. Запись о больном горле содержит форму глагола *пъртити сѧ*, ранее фиксировавшегося в лексикографических материалах лишь по источникам XVI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв., 17: 130]. Запись *не оустановится ми перо добръ* представляет нетривиальную сочетаемость, не отмеченную в материалах Картотеки СлРЯ и исторических (древнерусском и старорусском) подкорпусах НКРЯ. «Не установится» перо в данном контексте означает ‘не начнет функционировать как следует’. Глагол *оустановити сѧ* известен и древним, и среднерусским источникам, однако в них «устанавливаются» либо реки (замерзают), либо воинские отряды (располагаются), либо цены (определяются), например: *доспѣвайте вси доколѣ рѣкы сѧ оустановать. поидемъ же к черниговоу. а како ны с ними бѣ дастъ* [Киевская летопись, Ипатьевский список (БАН 16.4.4), лл. 106об.–245 — НКРЯ]; *Быстрая река Тигр киванием руки моей точию установится должна* [Иудифь (1672–1673) — НКРЯ]; *Олегъ же установився на Клязмѣ, мня, яко Мстиславъ побѣгнетъ* [Никоновская летопись (859–1176 гг.) (1526–1530) — НКРЯ]; *какъ де цена установитца, и тогда въ единъ день купят все...* Спафарий. Китай, 268. 1675 г.⁵ Интересно, что оба глагола, фигурирующие в наших маргиналиях, *пъртити сѧ* и *оустановити сѧ*, могут иметь в древне- и среднерусском языке один и тот же актант, *рѣка*: «река портится» = освобождается ото льда (ср.: царь и великий князь пошел за Двину реку и стал у Георгия Великого для того, что Двина... река учала портиться [Лебедевская летопись [события 1553–1563 гг.] (1567–1576)] — НКРЯ), «река оустановится» = покроеется льдом, замерзнет.

Выводы

Наблюдения над фонетической, грамматической и лексической спецификой маргинальных записей Федоровского II паримейника, предложенные в статье наряду с их частичной реконструкцией, показывают следующее. На фонетическом уровне инновации, представленные в

⁵ Материалы рабочего варианта словарной статьи «установится» из еще не опубликованного 32-го выпуска СлРЯ любезно предоставлены Л. Ю. Астахиной.

маргиналиях, соотносятся с инновациями основного текста; на грамматическом уровне, напротив, записи демонстрируют нововведения, чуждые основному тексту в силу его консервативности. Лексические единицы, обнаруженные в записях, позволяют внести более раннюю датировку в лексикографические своды и пополнить их новыми оригинальными контекстами.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

Библиография

Рукопись

Ф-П

РГАДА, ф. 381 (Тип. 60), Федоровский П паримейник, XIII в.

Литература, словари и базы данных

Баранов, Аникина 2013

Баранов В. А., Аникина Р. А., Модель текстологической разметки средневековых рукописей: правка и утраты, *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2013» (Санкт-Петербург, 25–27 июня 2013 г.)*, В. П. Захаров, О. А. Митрофанова, М. В. Хохлова, отв. ред., С.-Петербург, 2013, 182–192.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг.*, Москва, 2004.

Зализняк 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Каталог ЦГАДА 1988

Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР, 1–2, Москва, 1988.

Короткова, Мольков 2017

Короткова Д. А., Мольков Г. А., Графико-орфографические особенности древнерусского служебника XIII века (Соф. 519), *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, Н. Н. Казанский, отв. ред., 13/1, С.-Петербург, 2017, 911–938.

Крысько 2019

Крысько В. Б., Экстратексты восточнославянских рукописей XI–XIV вв. как источник по истории древнерусского языка, *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 78/2, 2019, 14–32.

Михайлов 1912

Михайлов А. В., *Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Часть 1. Паримейный текст*, Варшава, 1912.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка. (<https://ruscorpora.ru/>, последнее обращение: 30.03.2021).

Пичхадзе 1991

Пичхадзе А. А., К истории славянского Паримейника (паримейные чтения книги Исход), *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*, Москва, 1991, 147–173.

——— 1998

Пичхадзе А. А., Книга «Исход» в древнеславянском Паримейнике, *Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова*, 4, Москва, 1998, 5–60.

Покровский 1916

Покровский А. А., *Древнее псковско-новгородское письменное наследие*, Москва, 1916.

Савельева 2019

Савельева Л. В., *История русского языка: основы палеорусистики. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2019.

Сводный каталог 1984

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв., Москва, 1984.

Северьянов 1922

Северьянов С. Н., *Синайская Псалтырь. Глаголический памятник XI века*, Петроград, 1922.

СлРЯ XI–XVII вв., 17

Словарь русского языка XI–XVII вв., 17 (Помаранецъ — Потышати), Москва, 1991.

Соболевский 1907

Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, 4, Москва, 1907.

Столярова 2000

Столярова Л. В., *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков*, Москва, 2000.

Щепкин 1967

Щепкин В. Н., *Русская палеография*, Москва, 1967.

References

Baranov V. A., Anikina R. A., Model of Textological Marking of Medieval Manuscripts: Corrections and Losses, V. P. Zakharov, O. A. Mitrofanova, M. V. Khokhlova, eds., *Proceedings of the International Conference «Corpus Linguistics–2013» (June 25–27, 2013, St. Petersburg)*, St. Petersburg, 2013, 182–192.

Korotkova D. A., Molkov G. A., Grafiko-orfograficheskiye osobennosti drevnerusskogo sluzhebника XIII veka (SOF. 519), *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 13/1, 2017, 911–938.

Krysko V. B., The Extra-Texts of East Slavic Manuscripts of the 11th–14th Centuries as a Source for the History of Old Russian, *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 78/2, 2019, 14–32.

Pichkhadze A. A., K istorii slavianskogo Parimeinika (parimeinye chteniia knigi Iskhod),

Ancient Slavic literary traditions and linguistic culture of East Slavs, Moscow, 1991, 147–173.

Pichkhadze A. A., Kniga «Iskhod» v drevneslavianskom Parimeinike, *Uchenye zapiski Rossiiskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova*, 4, Moscow, 1998, 5–60.

Savelyeva L. V., *Istoriia russkogo iazyka: osnovy paleorusistiki*, 2nd ed., Moscow, 2019.

Schepkin V. N., *Russkaia paleografiia*, Moscow, 1967.

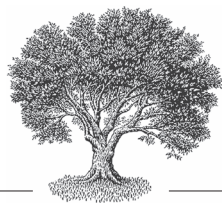
Stolyarova L. V., *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i pereplechikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI–XIV vekov*, Moscow, 2000.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt, 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.*, Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Мария Олеговна Новак, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела лингвистического источниковедения
и истории русского литературного языка ИРЯ РАН
119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
mariaonovak@gmail.com

Received April 5, 2021

Гавриил Бужинский
и «общество»:
из истории одной
интеллектуальной
новации петровской
эпохи*

Gavriil Buzhinskiy
and “Commonwealth”:
from the History
of an Intellectual
Innovation of the
Petrine Era

Александр Александрович
Рогожин

Орловский музыкальный колледж,
Орел, Россия

Alexander A. Rogozhin

Oryol College of Music,
Oryol, Russia

Резюме

Во второй половине XVII в. в русской политической культуре в качестве эквивалента латинских «*res publica*» или «*civitas*» использовалось понятие «гражданство». Одной из примечательных интеллектуальных новаций петровской эпохи стало регулярное использование в качестве эквивалента для латинского «*res publica*» понятия «общества». Существенную роль в распространении этой практики сыграли выходцы из Киево-Могилянской академии, в первую очередь Гавриил Бужинский, известный проповедник и переводчик первой четверти XVIII в. Нет причин связывать «общество» Гавриила

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на конференции «Лояльность, подданство, гражданство: между империей и нацией» (Санкт-Петербург, 4–5 февраля 2021 г.). Автор благодарит профессора А. Б. Каменского за ценные замечания.

Цитирование: Рогожин А. А. Гавриил Бужинский и «общество»: из истории одной интеллектуальной новации петровской эпохи // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 343–361.

Citation: Rogozhin A. A. (2022) Gavriil Buzhinskiy and «Commonwealth»: from the History of an Intellectual Innovation of the Petrine era. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 343–361.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.1.14

Бужинского, равно как и в целом политические представления проповедника, исключительно с европейской политической теорией раннего Нового времени. В проповедях Гавриила «общество» интерпретировалось скорее с позиции православного политического богословия. Идеи Гавриила ближе к августинской версии «*res publica*», нежели к естественно-правовым основаниям, в частности, С. Пуфендорфу. Обращение к последнему в большей степени поверхностно и проистекало из работы Гавриила над переводами его сочинений, нежели из последовательного принятия его идей. В своих проповедях Гавриил Бужинский успешно встроил «общество» в «монархическое правление». «Общество» стало одним из вариантов представления политической общности, наряду с которым в политическом дискурсе петровской эпохи использовались другие интегративные понятия, такие как «Россия» и «отечество». В сравнении с ними «общество» предполагало скорее интеллектуальное постижение реальности и требовало эрудиции для освоения этого типа политических идей. «Общество» могло становиться частью целой идеологической программы, в которой оно генетически связывалось с понятиями «служба», «должность» и, особенно, «общее добро».

Ключевые слова

общество, политическая общность, общее благо, «должность», служба, Августин Блаженный

Abstract

The term "citizenship" was used as an equivalent of the Latin "*res publica*" or "*civitas*" in Russian political culture in the second half of the 17th century. One of the remarkable intellectual innovations of the Petrine era was the regular use of the concept of "commonwealth" as an equivalent for the Latin "*res publica*". An alumni from the Kiev-Mohyla Academy, Gavriil Buzhinskiy, a famous preacher and translator of the first quarter of the 18th century, played a major role in making this practice widespread. There is no reason to associate Gavriil Buzhinskiy's "commonwealth", as well as the political ideas of the preacher in general, exclusively with the Early modern political theory of Europe. In Buzhinskiy's sermons, "commonwealth" was interpreted mainly from the standpoint of Orthodox political theology. Buzhinskiy's ideas are closer to the Augustinian version of "*res publica*" than to natural law foundations, in particular, of S. Pufendorf. The appeal to the latter is more superficial and stems from Gavriil's translation of his works, rather than from logical acceptance of his ideas. In his sermons, Gavriil Buzhinskiy successfully embed "commonwealth" into "monarchical rule". The term "commonwealth" became one of the options for representing a political community, along with which other integrative concepts, such as "Russia" and "fatherland", were used in the political discourse of the Petrine era. In comparison with them, "commonwealth" assumed rather an intellectual comprehension of reality and required erudition to grasp this type of political ideas. "Commonwealth" could become part of a whole ideological program, in which it was intrinsically linked with the concepts of "service", "duty" and, especially, "common good".

Keywords

commonwealth, political community, common good, duty, service, St. Augustine

Противопоставление «государства» и «общества» в Новое время стало распространенным способом описания политической реальности. Тем не менее не стоит игнорировать альтернативные варианты, авторы которых не предпринимали попытки развести эти понятия. Речь идет не о растворении «общества» в «государстве», которое едва ли может дойти до своего предела при любой политической организации [Козловки 1998], но скорее о специфической «оптике», в которой само «политическое» представлялось следствием «сожития» людей ради некой цели. Ревизия наших представлений о «государстве» в петровскую эпоху, предпринятая в последнее время, не обращается к еще одному варианту рефлексии [Ingerflom 2013: 3–19; Idem 2016: 223–243]. Политическая теология, используя традиционные богословские ресурсы, позволяла представить себе «государство» как соединение работающих ради «общего добра» членов. Интеллектуальный путь к выработке этого представления был тернистым, но это не должно приводить к отказу от попыток описать основные этапы эволюции идеи. В ходе этой работы мы попытаемся понять ту роль, которую сыграло понятие «общество» в системе представлений одного из известных проповедников и церковных иерархов петровской и постпетровской эпохи — Гавриила Бужинского.

В интересующем нас контексте до понятия «общества» использовалось понятие «гражданство». В историографии уже подвергалось анализу как понятие «гражданство» [Киселев 2020: 36–48], так и понятие «общество» [Алексеев 1974: 313–317; Дуринова 2015: 68–104; Калугин 2011: 305–394; Каплун 2011: 395–486; Польской 2011: 7–12; Руднев 2009: 194–204]. Преемственность между «гражданством» и «обществом» выражалась в том, что они оба служили переводом для латинского «*res publica*». Среди многочисленных вариантов использования «гражданства» во второй половине XVII в. можно привести перевод третьего тома «*Atlas Novus*» Я. Блау, выполненный старцем Исаей [Казакова 1985: 167; о старце Исае см.: Матвеева 1993: 118–119; Николенкова 2018: 77–91], вирши Симеона Полоцкого «Гражданство» из «Вертограда многоцветного» [Симеон Полоцкий 1996: 227–228]¹, сочинение Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...» [ЧОИДР 1894: 16, 94], панегирик Кариона

---

¹ М. А. Киселев в своей статье предполагает, что вирши «Гражданство» появились благодаря переработке Симеоном Полоцким соответствующего текста Плутарха из антологии Стобия [Киселев 2020: 36–48]. Однако согласно наблюдениям А. Хипписли, стихотворение «Гражданство» основано на статье «*Respublica*» из сборника «*Polianthea*» Й. Ланге. [Симеон Полоцкий 2000: 637–638]. «Общество», появляющееся в названии еще одного стихотворения из «Вертограда многоцветного», передавало оригинальное «*societas*» или же «*civitas*», но не «*res publica*» [Симеон Полоцкий 1999: 638].

Истомина [Богданов 1983: 51, 65]² и пр. Нам представляется, что такой подход к переводу «*res publica*» передавал внешнюю сторону понятия. «*Res publica*» воспринималась как некое соединение людей в одном пространстве, «граде». Такой перевод не слишком способствовал передаче внутренней стороны понятия, сосредоточению внимания на «общем», том, ради чего существовала «*res publica*» и чем она связывалась воедино.

Следующим шагом должен был стать поиск нового эквивалента для «*res publica*», так как в конце XVII — начале XVIII вв. в среде книжников с «гражданством» было прочно связано понятие «*civitas*», а «*societas*» было не слишком востребовано для описания политических реалий [Лексикон треязычный 1704: л. 78; Магницкий 1703: л. 20б., 176об.].³ Таким образом и появился новый вариант перевода «*res publica*», предложенный киево-могилянскими интеллектуалами — «общество». А.А.Алексеев обратил внимание на одно из ранних использований «общества» в качестве эквивалента «*res publica*»: в декабре 1709 г. была напечатана «Политиколепная апофеосис» — описание триумфальной арки, построенной в Москве в честь Полтавской победы; в нем «*res publica*» последовательно переводилось как «общество» [Алексеев 1974: 314; Руднев 2009: 194–204]. Перевод латинских надписей был выполнен преподавателями Славяно-греко-латинской академии, воспитанниками Киево-Могилянской академии [Быкова, Гуревич 1955: 26–27]. Очевидно, выбор именно «общества» был для них почему-то принципиален. Д. Я. Калугин отмечал, что понятиями с «общ-» описывались «все виды единения, политического и социального партнерства»; они были присущи книжной культуре, часто встречаясь в переводной литературе, причем в Древней Руси превалировали религиозные контексты использования [Калугин 2011: 308–315]. Эти особенности бытования лексем должны были рано или поздно направить писателей и переводчиков в сторону использования «общества» для наименования того или иного вида «соединения» людей, имеющих общий признак.

Исследователями уже отмечалось, что в петровской России «общество» стало использоваться в новом, по сути, не свойственном ему

² А. П. Богдановым эти стихотворные сочинения опубликованы как первая и вторая редакции панегирика царевне Софье Алексеевне «Книга, желательно приветство мудрости», тогда как, по наблюдениям Л. И. Сазоновой, правильнее говорить о черновых вариантах панегирика Петру Алексеевичу «Вразумление», где сходство обусловлено использованием одних и тех же «словесных блоков» [Сазонова 1993: 148].

³ Тесная связь между интерпретациями «гражданства» Л. Ф. Магницким и Ф. Поликарповым-Орловым вероятно, происходит не только от того, что оба обучались в Славяно-греко-латинской академии, но и от того, что известное предисловие к «Арифметике» могло быть написано последним, в ту пору справщиком Московского печатного двора [Буланин 2004: 483–485].

ранее контексте. Обычно этот факт связывался с распространением в России европейской политической теории, особенно идеи общественного договора, воспринятой благодаря известным политическим сочинениям XVII в., в первую очередь Г. Гроция, Т. Гоббса и особенно С. Пуфендорфа [Ibid.: 325–333; Каплун 2011: 470–480]⁴. Нам представляется, что для петровской эпохи такая обусловленность верна лишь отчасти. Писатели и переводчики могли использовать и иной ресурс для интерпретации «общества» как «государства», который естественным путем был «встроен» в процесс их интеллектуального становления в Киево-Могилянской академии. Совпадение с С. Пуфендорфом не было их источником — скорее оно служило подтверждением правильности их выбора. Внешнее родство идей киево-могилянских книжников с европейскими политическими теориями XVII в. могло быть связано с тем, что они основывались на одних и тех же источниках, в первую очередь — на сочинениях античных авторов и Отцов Церкви. Мы предлагаем обратить внимание на богословскую подоплеку того вида общности, который описывал Гавриил Бужинский.

Гавриил прошел по традиционному для украинских клириков в конце XVII — начале XVIII в. пути. Он отучился в Киево-Могилянской академии, после чего в 1706 или 1707 г. стал преподавать в Славяно-греко-латинской академии, вероятно, по приглашению митрополита рязанского Стефана Яворского. Вскоре после принятия пострига в Заиконоспасском монастыре он стал иеромонахом, а в 1714 г., уже будучи префектом академии, был вызван в Санкт-Петербург в Александро-Невский монастырь, где стал обер-иеромонахом флота. С появлением Святейшего Синода, Гавриил — к тому времени уже известный проповедник — был включен в его состав в качестве советника, с введением в сан архимандрита Ипатьевского монастыря. В том же 1721 г. он был назначен «протектором» синодальных училищ и типографий, исполняющим поручения Петра I и Синода [Бегунов 1988: 128–129; Бландов 2013: 8–24]. Судя по этим отрывочным биографическим сведениям, Петр I ценил Гавриила, а члены Синода считали эрудированным и исполнительным служителем.

---

⁴ Традиционная точка зрения на петровских идеологов как проводников естественно-правовых идей раннего Нового времени распространяется и на Гавриила Бужинского. В частности, Ю. К. Бегунов считал, что обер-иеромонах «принадлежал к возглавляемой Феофаном Прокоповичем группе ранних русских просветителей этико-гуманистического направления, разделявших теорию “естественного права” Г. Гроция, Дж. Гоббса, С. Пуфендорфа и идею “просвещенного абсолютизма”» [Бегунов 1988: 128–129]. Некоторая переоценка роли европейских источников в петровской идеологии пока затронула лишь Феофана Прокоповича (см. о «политическом богословии» последнего: [Бугров, Киселев 2016: 68–82]).

Эрудиция Гавриила предполагала знакомство и с аристотелевскими понятиями, но «общество» представлялось ему в свете идей патристики. Бл. Августин в поисках ответа на вопрос о причинах политического соединения людей сосредотачивал внимание на «порче» природы человека после грехопадения и постоянной передаче вины потомкам Адама. Испорченная природа вела человечество по пути греха и преступлений. Опасности, которым подвергался человек, в первую очередь от себе подобных, привели его к идеи «сожития» и политической власти, из которых и выросло «государство» [Markus 1970: 203–206]. Вряд ли можно говорить о совершенной неизвестности сочинений Бл. Августина на Руси [Петривляк 2001: 109–113], однако его труды не были частью повседневного чтения древнерусского книжника [Грицевская 2012: 48–68]. Ограниченное бытование такого необычного памятника русской книжной культуры, как «Книга святого Августина», лишь подчеркивало отсутствие традиции переводов сочинений епископа Гиппона вплоть до второй половины XVII в. [Калугин 2002: 108–163]. Только с приглашением в Москву юго-западнорусских книжников к подобным переводам стали относиться с большим вниманием [Ibid.: 137–138]. Однако с идеями Бл. Августина в оригинальном воплощении русская культура до конца XVII в. по сути не встречалась. Более того, православной традиции присуще представление о грехе Адама как событии, которое не привело к «трансляции» вины за грехопадение следующим поколениям [Корзо 1999: 9–15; о разнице в трактовке в западной и восточной традициях см.: Мейендорф 2013: 250–258; ср. Капилупи 2011: 150–159; Кикин 2016: 59–73; Максудов 2005: 115–119]⁵. Это несколько разнится с восприятием грехопадения в юго-западнорусской среде, которая отличалась большей восприимчивостью к августинианству [Корзо 1999: 33–38, 45–47. См. также: Дмитриев 2017: 154–175; Корзо 1998: 56–69].

Не распространяясь подробно об антропологии в версии Гавриила Бужинского, можно отметить, что его представления, несмотря на противоречивость, ближе к традиционной православной точке зрения, не отрицавшей «порчу» человеческой природы после грехопадения [Гавриил Бужинский 1901: 18, 24, 41; ср. 309, 583–584]. Отсюда и стоит вести разговор о специфическом видении «государства» Гавриилом. Оно предстает «общим делом» всех членов, «res publica» — или «обществом». Синонимичность «общества» и «государства» обрело свое наиболее известное воплощение в выполненном в 1718 г. Гавриилом переводе «Введения в историю европейскую» С. Пуфендорфа. Переводчик не только последовательно использовал «общество» для латинского

⁵ См. об этом в связи с «Евангелием Учительным» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого: [Опарина 1998: 162–173].

«res publica», но и расставил все точки над *i* в собственноручно написанном введении: «Правление Государств или обществ есть троиственное: Монархия, Аристократия и Димократия» [Пуфендорф 1718: 10]. Однако проповеди Гавриила позволяют проследить развитие такого понимания «общества», отметив в нем не только и не столько пуфендорфовское начало, сколько совершенно иные источники. Благодаря им у нас появляется возможность проверить гипотезу о богословских истоках такого употребления «общества» и фоновой роли раннемодерных политических представлений.

«Общество» появилось уже в первой известной нам проповеди Гавриила. Это была проповедь «В неделю Блудного сына и на память св. Феодора Тирона», относящаяся, вероятно, к 1717 г.⁶ В ней несколько раз упоминалось «общество», судя по всему, в качестве эквивалента слова «государство». Однако оно описывалось не как автономная политическая единица, а исключительно в духе античной «res publica»: в частности, людей, «расточающих имения своя», не просто опасаются, но их «общества моровым воздухом нарицают, безразумными, юродами везде называют»⁷. «Общество» здесь, очевидно, представляет собой некое соединение людей.

«Общество» в тексте проповеди тесно связано с «церковью». Некоторые, как писал Гавриил, «сили своя безвременно расточают на ложныя праздности и хвастунства, иже являются силнии при питиях единых, а не в ползу общества, не в ползу Церкви себе и ближним...» [Гавриил Бужинский 1901: 10]. Здесь проповедник словно бы оставлял альтернативу, кому можно служить, но со временем такая дихотомия в его проповедях исчезла, и речь шла, как правило, о службе «обществу», а не «церкви».

В проповеди Гавриила на праздник Входа Господня в Иерусалим, прочитанной в Санкт-Петербурге в апреле 1717 г., выстраивалась уже своего рода иерархия, которую составляли церковь, «общества», «грады» и «дома уединенные». Это был путь от «Града Божьего» (Церкви),

⁶ В рукописи проповедей Гавриила утрачены первые листы, поэтому точно датировать ее невозможно. Однако публикатор рукописи Е. Петухов считал, что она представляет строго хронологически выстроенный сборник проповедей исключительно петербургского периода, соответственно, проповедь «В неделю Блудного сына и на память св. Феодора Тирона» не могла быть произнесена ранее начала 1717 г. (пока Гавриил все еще был префектом Славяно-греко-латинской академии в Москве) и позднее апреля этого же года, так как под 14 апреля была записана следующая проповедь. В связи с этим Е. Петухов предполагал, что проповедь могла быть произнесена 17 февраля 1717 г., когда празднуется память Св. Феодора Тирона [Гавриил Бужинский 1901: 1]. Версия Е. Петухова наиболее вероятна, хотя стоит уточнить, что в Санкт-Петербурге Гавриил мог бывать и в начале 1715, и в начале 1716 г. [Бландов 2013: 11]

⁷ Все цитаты даются в современной орфографии.

к «Граду земному» (государству или «*res publica*»), далее — к отдельно-
му «*urbs*» («граду»), и, наконец, к семье, «*familia*» («дома уединенные») [Ibid.: 26]. «Обществ» могло быть много, как и в реальности, но истинная Церковь была исключительно одна, что лишний раз подчеркивает ее единственное число в этом перечислении. Такая иерархия изначально была связана с аристотелевской версией «политического», которая строилась по точно такому же принципу, только в обратном порядке — но, естественно, не предполагала ничего подобного «Церкви». Этот прием использовался впоследствии стоиками, Цицероном, ранними христианскими авторами и, наконец, был распространен у схоластов [Ридель 2014: 106–108]. Бл. Августин в труде «О Граде Божиим» шел точно по такому же пути от семьи через «град» к «государственному союзу», «*orbis terrae*», назвав его третьей степенью «человеческого общения», «*societatis humana*» [О Граде Божиим, 19:7]. Для Бл. Августина в идеале все эти способы соединения людей должна исключить высшая ступень человеческого «сожития», а именно «*ecclesia*», Церковь, которая часто именовалась «*civitas Dei*» или «*civitas Christi*» [Елифанова 2012: 116–132; Рассадин 2016: 147–154].

В проповеди Гавриила воспроизводилась та же иерархия, и на вершину он, так же как и Бл. Августин, поставил не некое «беспредельное общество», а Церковь. Очевидно, именно ее он считал идеалом соединения людей, некой духовной общностью, высшей ступенью развития социальности [Корзо 1999: 140].

Впоследствии связь между сочинениями епископа Гиппона и политическими представлениями Гавриила стала еще прозрачнее. Бл. Августин в труде «О Граде Божиим» спорил с предшественниками, в том числе и с Цицероном. Он отрицал саму ценность «гражданских добродетелей» республиканизма и цицероновскую интерпретацию «*res publica*» [О Граде Божиим, 2:21; см. также: Kempshall 2001: 99–135]. В неиспорченном состоянии в раю Адаму не требовалась какая-либо власть над кем-либо. Политическая власть сродни рабству, основана на господстве и подчинении и проявилась исключительно из-за греховности человека [О Граде Божиим, 19:15; см. также: Markus 1970: 95]. Однако Бл. Августин не отбрасывал в сторону античную идею «*res publica*», он признавал, что основой существования «града», так же как и семьи, было «упорядоченное согласие», только в первом случае «относительно повеления и повиновения между гражданами» [О Граде Божиим, 19:16, см. также Markus 1970: 73–76]. Но, споря с Цицероном, Бл. Августин отрицал тот факт, что в Риме вообще была «*res publica*»: в Риме не было справедливости, а без истинной справедливости не могло существовать и права [О Граде Божиим, 19:21]. Цицероновская дефиниция при такой

постановке вопроса рассыпалась, так как исчезал «народ», потерявший свою опору в «согласии в вопросах права». Бл. Августин считал, что «народ» появлялся лишь тогда, когда он соединен «общностью вещей», которые он любит. Таким образом, в августинианской версии не право или общность интересов, а любовь была той основой, которая превращала сборище людей в народ и, следовательно, рождала истинную «*res publica*» [о политических представлениях Бл. Августина см.: Markus 1970: 72–104, 197–210; Weithman 2006: 234–252. См. о рецепции Августина в схоластике: Markus 1970: 211–230].

Представления Гавриила об «обществе» явно подпитывались августинианскими идеями. В «Ключе дома Давидова» он повторил мнение Бл. Августина о различных науках, которые проистекали от «Слова Божия». В том числе в нем «похвалное политическое к сохранению царствий и обществ содержит наставление, ибо ничимже тако утверждаются и сохраняются царствия, яко основанием и союзом веры и твердаго согласия, егда о общем добре всяк помышляет и о оном тщится» [Гавриил Бужинский 1901: 365]. Здесь отрывок из письма Бл. Августина Волюзиану достаточно точно процитирован, хотя оригинальная «*res publica*» превратилась в «царствия и общества» [PL, 33: 524, Cap. V]. Тем не менее, в качестве оснований «царствий и обществ» присутствуют все три элемента: вера, «согласие» и «общее добро» («*fide*», «*concordia*» и «*bonum commune*»). Очевидно, «*concordia*» была тем самым «согласием», заменившим цicerоновский «*consensus*» в дефиниции истинной «*res publica*». Гавриил, в библиотеке которого было целых «шесть томов Августиновых книг» [Описание документов и дел, 11: 833], вероятно, мог сознательно использовать это пересечение с соответствующим отрывком из труда «О Граде Божием».

Тщательный выбор соответствий для перевода латинского оригинала позволяет нам прояснить интерпретацию «общества» Гавриилом. Как показывает Л. Довга, для киевских интеллектуалов, органически связанных с Киево-Могилянской академией, понятия «благо» и «добро» в церковнославянском языке использовались в различных контекстах, хотя оба служили переводом латинского «*bonum*». Они работали в оппозиции сакральное–профанное, где «благо» использовалось в текстах, в которых говорилось о Боге, тогда как «добро» встречалось скорее в «светском» контексте [Dovga 2017: 98–106. См. также: Довга 2016: 132–143; Довга, Олішук 2016: 113–132; Dovga 2018: 1–44]. Соответственно, в текстах бывших воспитанников или преподавателей Киево-Могилянской академии для «политических вопросов», когда нужно было подчеркнуть общую заинтересованность правителя и подданных, приоритет имело «общее добро», а не «общее благо». С одной стороны, выбор Гавриила подчер-

кивал светское назначение «общества», которое основывалось людьми, а с другой — сама сущность источника (письмо Отца Церкви) сохраняла религиозные истоки этого с виду абсолютно секулярного видения.

Четкую стратегию использования «общества» в проповедях Гавриила можно проследить и далее.

По следующим проповедям отчетливо видно, что Гавриил использовал «общество» тогда, когда ему необходимо было заострить внимание именно на людях, их связях, их «должностях». Синонимичное «обществу» «государство» в переводе «Введения в историю европейскую» не годилось для передачи некоторых интеллектуальных построений, потому что, вероятно, ассоциировалось с неким «владением» государя, но никак не с соединением людей или подданными правителя [Золтан 2014: 64–67; Хархордин 2011: 8–75; см. также: Ingerflom 2013: 3–19]. Поэтому, когда Гавриилу нужно было разъяснить, что появление на свет наследника было радостью не только для его родителей, но и для всех подданных, он использовал именно понятие «общество», а не «государство». В своем «Слове похвальном на Рождение Государя Царевича и великого князя Петра Петровича», произнесенном в октябре 1717 г. в присутствии самого Петра I, Екатерины и петербургской правящей элиты, он писал: «Аще бо великое всем родителям благополучие и утешение чада, колми паче царственному Дому, ибо в сих никогдаже пресекается наследие, и иже родителем и всему обществу вечнующее обещают радование, иже не себе, но обществу радуются. Великое то ест дело — родити сына обществу, по себе оставить своих добродетелей наследника» [Гавриил Бужинский 1901: 97–98].

На протяжении всей этой проповеди Гавриил связывал понятие «общество» напрямую с «отечеством». На вопрос «кое же веселие от сего [царевича Петра], иже родися всему Российскому отечеству?» он сам же и отвечал: «Родися отцу венец старости, родися матери радование неизглаголанное, родися России благополучие несказанное» [Ibid.: 86]. Признавая частные радости венценосных родителей, Гавриил сосредотачивал внимание на важности рождения наследника престола для всего «общества»: «сие благополучие общее такожде всего есть российского народа, ибо благополучие монаршего Дома есть общее всего народа утешение» [Ibid.: 87]. В этом сочетании рождение наследника превращалось в разновидность «служения» монарха «общему добру», ради которого он должен был подготовить достойного преемника. В использованной Гавриилом истории о персидском царе Камбизе особенно красноречив вывод, согласно которому «превеличайшую заслугу сию пред обществом быти, аще не токмо сам премудр, искусен явишися, но подобнаго тебе сына родиши и воспитаеши отечеству» [Ibid.: 98].

Оставаться членом «общества» было не просто правом, но и «должностью» человека. При нарушении правил «общежителства» люди должны были исключаться из него, для чего нужна «гражданская власть». Об этом Гавриил писал в отрывке проповеди, посвященном «справедливой войне», которая «от самага Бога тогда начинается, егда властитель за честь Божию и государство свое оную начинает» [Ibid.: 338]. Гавриил спорил с людьми, которые «укоризны своя на брань многими книгами и великими волюмина написаша». Эти люди не просто «от Церкви Божией еретиками именованны и прокляти», но и «от власти гражданской недостойни добрых людей сожителства и дружества вменени» [Ibid.: 339]. Интересы же «общества» и основы его существования могут не совпадать с интересами частных персон. Оппоненты-еретики, с которыми спорил Гавриил, отрицали саму возможность «справедливой войны», ссылаясь на текст Евангелия от Матфея. Гавриил же говорил о разделении «приватного» и «публичного», так как «сия словеса приватных человек любовления врагов своих приватных же, егда человек человеку враг, зла желает, обиди творит, на славе и имении разоряет поучают», но совершенно неприемлемы для правителя, отстаивающего не свои «партикулярные» интересы, «ниже начальником на общих всего государства врагов брань творити возбраняют» [Ibid.: 341–342]. Далее он еще четче формулировал эту мысль: «О собственных убо приватных и партикулярных врагов любовлении, а не о вразех всего общества разумети подобает» [Ibid.: 342].

Наиболее примечательный отрывок об истоках «общества» можно найти в одной из самых известных проповедей Гавриила — в «Слове о победе, полученной у Ангута галерами», произнесенной в Троицком соборе Санкт-Петербурга в 1720 г. В нем Гавриил ссылался на Цицерона:

Было, глаголет Цицерон, иногда такое время, егда людие зверским образом уединенно, без градов и обществ, житие провождали, но понеже безчисленные терпяху от своевольных и к разбоям приобиклих людей обыди, не хотящих труджатися, но чуждыми трудами токмо хотящих жити, мудрых неких советом снидошася и противу сицевых уставивша гради и общества таковых насилствия воспящати, и егда единственно никтоже можаше со своею дворнею таковым насилником сопротивитися, общественный восприяша союз, то обществу таковому кая должность предлежит от нас на его сохранение? [Ibid.: 439].

«Общество» появлялось вследствие соглашения людей, ставивших отныне интересы «сожития» выше интересов отдельных персон.

Однако перед нами скорее парафраз фрагмента из «Введения в историю европейскую» С. Пуфендорфа, над переводом которого за несколько лет до этого Гавриил работал [Пуфендорф 1718: 1–2]. Вероятно,

он наиболее полно отражал его представления об «обществе». С. Пуфендорф, будучи протестантом, в своем тексте подчеркивал истоки «беззакония», связывая его — в соответствии с августинианской традицией — с тем, что после согрешения Адама «в естестве нашем корень зла всеянный, тако ныне, яко и прежде потопа равно силу свою производит» [Пуфендорф 1718: 1]. Гавриил использовал перевод отрывка из сочинения С. Пуфендорфа, но обозначил в качестве его автора Цицерона, так как к 1720 г. упоминать Пуфендорфа в проповеди стало затруднительно ([См. о переводе «Введения в историю европейскую...»: Чистович 1868: 329]). Однако, даже отыскав источник этого фрагмента в сочинении С. Пуфендорфа, стоит признать, что Гавриил по-прежнему далек от раннемодерного секулярного видения государства. Трактовка С. Пуфендорфа даже во «Введении в историю европейскую» предполагала не только появление «содружества» людей, но и выбор «начальства» для решения споров и предотвращения ссор и насилия [Пуфендорф 1718: 1–2; см. также: Марей 2020: 14–18]. Бог проявлял себя опосредованно при появлении гражданского «сожития», но выбор над собой власти был передан исключительно в руки самих людей [Carr, Seidler 1996: 372–376]. В развитии идеи «общества», как она была представлена в проповедях Гавриила, был обозначен принципиальный разрыв с естественно-правовыми идеями раннего Нового времени.

По версии Гавриила, люди создали «грады и общества», а не выбрали над собой власть. Проповедник должен был выверять все основные элементы своих тезисов, потому что он постоянно балансировал между христианской традицией интерпретации власти, наиболее отчетливо представленной в Послании апостола Павла к Римлянам, и ранней версией теории общественного договора. Сам договор в его проповедях не встречался, зато Гавриил подводил к тому, что после того, как люди восприняли «общественный [...] союз», он мог существовать, только если каждый исполнял свою «должность». Далее проповедник выбрал простое игнорирование развития «общества» после соединения его членов, не поясняя, как появляется в этом «обществе» власть (или считая это очевидным). Все, что мы до этого наблюдали в разворачивании его представлений об «обществе», свидетельствовало о предпочтении привычной версии, в которой не люди по собственной потребности выбрали власть, а она была поставлена свыше [Гавриил Бужинский 1901: 501; см. также: Шашалми 2005: 186–193]. Таким образом, хотя речь не идет о точной рецепции августинианских политических представлений, для Гавриила принципиальны традиционные христианские идеи в основе «общества».

Гавриил ориентировался на августинианскую идею об испорченной природе человека, используя ее для всех последующих полити-

ческих выводов. Версия Пуфендорфа о появлении «общества» была органично связана с этой идеей. Сам выбор понятия «общество» для передачи латинского «*res publica*» был не случаен, он отражал представление Гавриила о сущности «государства». Здесь уже выстраивалась целая идеологическая программа, которая должна была работать на разных уровнях. «Общество» отсылало к соединению людей ради какой-то цели. Ранее этой целью чаще всего в русских текстах выступало Спасение, теперь «общество» отсылало к совместному пути к «общему добру». Но полисеманτικότητα древнерусского «общества», точнее, его генетическое происхождение из сферы сакральных понятий, могло продолжать вызывать прочные религиозные ассоциации у читателей-интеллектуалов, когда речь шла о гражданской службе и долге перед «государством». Вероятно, Гавриил не просто имел в виду этот второй, «интеллектуальный», уровень, но и рассчитывал на его влияние. Это позволяет поставить под сомнение тезис В. М. Ничик о том, что для Гавриила государство «стоит над обществом и им управляет» [Ничик 1978: 106–107].

В проповедях Гавриила мы встречаем альтернативное видение политической общности, освященное религиозными авторитетами. «Общество» Гавриила основывалось на Священном Писании, патристике и частично античном наследии, лишь поверхностно совпадая с элементами политической теории С. Пуфендорфа. «Общество» настраивало читателя на образ государства не как вотчины правителя, населенной его рабами-холопами, и не абстрактной юридической сущности, существующей автономно. Вместо этого появлялся образ «общего дела» и, как следствие, «общего добра», одного из ключевых понятий петровской идеологии. «Общество» создавалось его же «гражданами», сотворялось ими и для их же пользы, правитель же выступал «начальником», пекущимся об «общем добре». Благодаря начавшемуся еще ранее процессу внедрения этого видения в русскую политическую культуру, в начале XVIII в. оно было вполне совместимо с монархией как формой правления, несмотря на первоначальную республиканскую основу. Как свидетельствует дальнейшее развитие политической культуры в России XVIII в., признанным способом представлять государство «общество» не стало.

Библиография

Источники

Издания

Магницкий 1703

[Магницкий Л. Ф.] *Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык преведеная, и во едино собрана, и на две книги разделена*, Москва, 1703.

Пуфендорф 1718

[Пуфендорф С.] *Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное, также чрез Иоанна Фридерика Крамера, на латинский предложенное. Ныне же повелением великого государя царя и великого князя, Петра Первого Всероссийского Императора, на российский с латинского преведенное*, С.-Петербург, 1718.

Лексикон трехязычный 1704

Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, эллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собраное и по славенскому алфавиту в чин расположенное, Москва, 1704.

Описание документов и дел, 11

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода, 11 (1731 г.), С.-Петербург, 1903.

Богданов 1983

Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегерики, подг. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. Москва, 1983.

Гавриил Бужинский 1901

Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований, Юрьев, 1901.

ЧОИДР 1894

Медведев, Сильвестр, Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве, с пред. и прим. А. А. Прозоровского, *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 4/2, 1894, 1–197.

Симеон Полоцкий 1996

Симеон Полоцкий, *Вертоград многоцветный*, 1: «Аарон» — «Детем благословение», подг. текста, статья и комм. А. Хипписли, Л. И. Сазоновой, Köln, Weimar, Wien, 1996.

Симеон Полоцкий 1999

Симеон Полоцкий, *Вертоград многоцветный*, 2: «Еммануил» — «Почитание 2», подг. текста и комм. А. Хипписли и Л. И. Сазоновой, Köln, Weimar, Wien, 1999.

Симеон Полоцкий 2000

Симеон Полоцкий, *Вертоград многоцветный*, 3: «Прав никто же» — «Епитафион Симеону», подг. текста и комм. А. Хипписли и Л. И. Сазоновой, Köln, Weimar, Wien, 2000.

PL, 33

Epistola CXXXVII. Respondet Augustinus ad singulas quaestiones superius propositas a Volusiano, *Patrologia Latina*, 33, Parisiis, 1865.

О Граде Божием

Блаженный Августин Аврелий, еп. Иппонийский, *Творения*, 4: *О Граде Божием*, сост. и подг. С. И. Еремеева. С.-Петербург, Киев, 1998.

Литература

Алексеев 1974

Алексеев А. А., Из истории общественно-политической лексики петровской эпохи, XVIII век, 9: *Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века*, Ленинград, 1974, 313–317.

Бегунов 1988

Бегунов Ю. К., Бужинский Гавриил Федорович, *Словарь русских писателей XVIII века*, 1: А–И, Ленинград, 1988, 128–129.

Бландов 2013

Бландов А. А., К биографии епископа Гавриила (Бужинского) – проповедника и переводчика первой трети XVIII в., *Христианское чтение*, 1, 2013, 8–24.

Бугров, Киселев 2016

Бугров К. Д., Киселев М. А., *Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*, Екатеринбург, 2016.

Буланин 2004

Буланин Д. М., Магницкий Леонтий Филиппович, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII век, 4, Т–Я, Дополнения, С.-Петербург, 2004, 483–485.

Быкова, Гуревич 1955

Быкова Т. А., Гуревич М. М., сост. *Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.*, Москва, Ленинград, 1955.

Грицевская 2012

Грицевская И. М., *Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV–XVII вв.*, С.-Петербург, 2012.

Дмитриев 2017

Дмитриев М. В., *Peccatum originale: был ли возможен диалог Московской Руси с августинизмом? Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях*, Москва, 2017, 154–175.

Довга 2016

Довга Л. М., Поняттєвий апарат у дискурсі українських церковних інтелектуалів XVII ст.: до постановки проблеми, *Sententiae*, 1 (34), 2016, 132–143.

Довга, Олішук 2016

Довга Л. М., Олішук Р. Л., «Добро» і «благо» в українських текстах першої чверті XVII століття: лексика перекладів, *Sententiae*, 2 (35), 2016, 113–132.

Дуринова 2015

Дуринова Г. В., Темпоральная семантика слова общество (X – первая треть XIX века), *Социологическое обозрение*, 14/1, 2015, 68–104.

Епифанова 2012

Епифанова Т. В., *Человек, общество и государство в политическом учении Августина Блаженного*, Москва, 2012.

Золтан 2014

Золтан А., *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*, Москва, 2014.

Казакова 1985

Казакова Н. А., Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum Orbis Terrarum sive Atlas Novus», *Вспомогательные исторические дисциплины*, 17, Ленинград, 1985, 161–178.

Калугин 2002

Калугин В. В., «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2001*, Москва, 2002,

108–163.

Калугин 2011

Калугин Д. Я., История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт, *От общественному к публичному*, С.-Петербург, 2011, 305–394.

Капилупи 2011

Капилупи С., Концепция первородного греха на Западе и Востоке, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 12/2, 2011, 150–159.

Каплун 2011

Каплун В. Л., Общество до общественности: «общество» и «гражданское общество» в культуре российского Просвещения, *От общественному к публичному*, С.-Петербург, 2011, 395–486.

Кикин 2016

Кикин В. О., Интерпретация слов ап. Павла «в Адаме» из послания к римлянам (5:12) в основных сотериологических теориях русского академического богословия, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 17/2, 2016, 59–73.

Киселев 2020

Киселев М. А., Плутарх при дворе царя. «Гражданство» Симеона Полоцкого и легализм в России накануне петровских реформ, *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, 73, 2020, 36–48.

Козловски 1998

Козловски П., *Общество и государство: неизбежный дуализм*, Москва, 1998.

Корзо 1998

Корзо М. А., Грех и спасение в католической и православной проповеди Речи Посполитой в XVII в. Попытка сравнения, *Славянский альманах 1997*, Москва, 1998, 56–69.

— 1999

Корзо М. А., *Образ человека в проповеди XVII века*, Москва, 1999.

Максутов 2005

Максутов И., Учения о первородном грехе в восточном и западном богословии, *Вестник Московского университета, Серия 7: Философия*, 3, 2005, 115–119.

Марей 2020

Марей А. В., «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф, *Словору: балтийский акцент*, 11/3, 2020, 14–18.

Матвеева 1993

Матвеева Е. Н., Исайя, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII в., 2: И–О, С.-Петербург, 1993, 118–119.

Мейендорф 2013

Мейендорф И., протопр., Антропология и первородный грех, *Пасхальная тайна. Статьи по богословию*, Москва, 2013, 250–258.

Николенкова 2018

Николенкова Н. В., Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Елифания Славинецкого, *Вестник Московского университета, Серия 9: Филология*, 6, 2018, 77–91.

Ничик 1978

Ничик В. М., Гавриил Бужинский — русско-украинский мыслитель начала XVIII в., *Идейные связи прогрессивных мыслителей братских народов (XVII–XVIII вв.)*, Киев, 1978.

Опарина 1998

Опарина Т. А., *Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии*, Новосибирск, 1998.

Петривляк 2001

Петривляк Т., Творения Бл. Августина в древнерусской рукописной традиции (XI–XVI вв.), *Verbum*, 3: *Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России*, С.-Петербург, 2001, 109–113.

Польской 2011

Польской С. В., От «всенародства» к «публике»: к вопросу о понимании общества в России XVII–XVIII вв., *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 13/3, 2011, 7–12.

Рассадин 2016

Рассадин С. В., *Vita socialis* Блаженного Августина: модель для «сборки» христианского сообщества, *Власть*, 9, 2016, 147–154.

Ридель 2014

Ридель М., Общество, гражданское (*Gesellschaft, bürgerliche*), *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи*, 2, Москва, 2014, 93–219.

Руднев 2009

Руднев Д. В., Изменения в семантической структуре слова общество в русском языке XVIII века, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 3, 2009, 194–204.

Сазонова 1993

Сазонова Л. И., Карион Истомина, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII в., 2: И–О, С.-Петербург, 1993, 140–152.

Хархордин 2011

Хархордин О. В., *Основные понятия российской политики*, Москва, 2011.

Чистович 1868

Чистович И., *Феофан Прокопович и его время*, С.-Петербург, 1868.

Шашалми 2005

Шашалми Э., Возникновение идеи общественного договора в официальной идеологии власти в России при Петре I, *Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков*, Москва, 2005, 186–193.

Carr, Seidler 1996

Carr C. L., Seidler M. J., Pufendorf, Sociality and the Modern State, *History of Political Thought*, 17/3 (Autumn), 1996, 372–376.

Dovga 2017

Dovga L. M., Philosophical conceptual apparatus formation in Ukrainian literary works of the 17th century: ‘dobro’ and ‘blaho’, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 33/1, 2017, 98–106.

——— 2018

Dovga L. M., Multiple Types of “The Good” in Hryhorii Skovoroda’s Philosophical Discourse: Dobro vs Blaho, *The Linguistics of Vocabulary*, New York, 2018, 1–44.

Ingerflom 2013

Ingerflom C. S., «Loyalty to the State» under Peter the Great? Return to the Sources and the Historicity of Concepts, *Loyalties and Solidarities in Russian Society, History and Culture*, London, 2013, 3–19.

——— 2016

Ingerflom C. S., Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of «State»: the «Russian» Case, *Serve the Power(s), Serve the State: America and Eurasia*, Newcastle, 2016, 223–243.

Kempshall 2001

Kempshall M. S., De Re Publica 1.39 in Medieval and Renaissance Political Thought, *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 45 (76), 2001, 99–135.

Markus 1970

Markus R. A., *Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine*, Cambridge, 1970.

Weithman 2006

Weithman P., Augustine's Political Philosophy, *The Cambridge Companion to Augustine*, Cambridge, 2006, 234–252.

References

Alexeev A. A., Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi leksiki petrovskoi epokhi, *XVIII vek*, 9: *Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi chetverti XVIII veka*, Leningrad, 1974, 313–317.

Begunov Iu. K., Buzhinskii Gavriil Fedorovich, *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 1: A–I, Leningrad, 1988, 128–129.

Blandov A. A., The Biography of Bishop Gavriil Buzhinskiy — A Preacher and Translator of the First Third of the 18th Century, *Christian Reading*, 1, 2013, 8–24.

Bugrov K. D., Kiselev M. A., *Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th Century Russian Political Culture*, Yekaterinburg, 2016.

Bulanin D. M., Magnitskii Leontii Filippovich, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: *XVII vek*, 4, T–Ia, *Dopolneniia*, St. Petersburg, 2004, 483–485.

Bykova T. A., Gurevich M. M., eds., *Opisanie izdaniia grazhdanskoi pečati. 1708 – ianvar' 1725 g.*, Moscow, Leningrad, 1955.

Capilupi S., Conception of Original Sin in the West and in the East, *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 12/2, 2011, 150–159.

Carr C. L., Seidler M. J., Pufendorf, Sociality and the Modern State, *History of Political Thought*, 17/3 (Autumn), 1996, 372–376.

Dmitriev M. V., Peccatum originale: Was there an opportunity for dialogue between Moscovia and Augustinianism?, *Blazhennyi Avgustin i avgustinizm v zapadnoi i vostochnoi traditsiakh*, Moscow, 2017, 154–175.

Dovga L. M., Multiple Types of "The Good" in Hryhorii Skovoroda's Philosophical Discourse: Dobro vs Blaho, *The Linguistics of Vocabulary*, New York, 2018, 1–44.

Dovga L. M., Philosophical conceptual apparatus formation in Ukrainian literary works of the 17th century: 'dobro' and 'blaho', *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 33/1, 2017, 98–106.

Dovga L. M., The conceptual Apparatus in the Discourse of Ukrainian church Intellectuals of the

17th century: towards the Problem Statement, *Sententiae*, 1 (34), 2016, 132–143.

Dovga L. M., Olishchuk R. L., "Dobro" and "blaho" in Ukrainian texts of the first quarter of the 17th century: vocabulary translations, *Sententiae*, 2 (35), 2016, 113–132.

Durinova G. V., Temporal Semantics of the Word "Obshestvo" (11th – Beginning of the 19th Centuries), *Russian Sociological Review*, 14/1, 2015, 68–104.

Epifanova T. V., *Chelovek, obshchestvo i gosudarstvo v politicheskom uchenii Avgustina Blazhennogo*, Moscow, 2012.

Gritsevskaya I. M., *Chtenie i chet'i sborniki v russkikh monastyriakh XV–XVII vv.*, St. Petersburg, 2012.

Ingerflom C. S., «Loyalty to the State» under Peter the Great? Return to the Sources and the Historicity of Concepts, *Loyalties and Solidarities in Russian Society, History and Culture*, London, 2013, 3–19.

Ingerflom C. S., Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of «State»: the «Russian» Case, *Serve the Power(s). Serve the State: America and Eurasia*, Newcastle, 2016, 223–243.

Kalugin D. Ya., Istoriya ponyatiia «obshchestvo» ot Srednevekov'ia k Novomu vremeni: russkii opyt, *Ot obshchestvennomu k publichnomu*, St. Petersburg, 2011, 305–394.

Kalugin V. V., «Kniga sviatogo Avgustina» v russkoi pis'mennosti XVI–XIX vekov, *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*: 2001, Moscow, 2002, 108–163.

Kaplun V. L., Obshchestvo do obshchestvennosti: «obshchestvo» i «grazhdanskoe obshchestvo» v kul'ture rossiiskogo Prosveshcheniia, *Ot obshchestvennomu k publichnomu*, St. Petersburg, 2011, 395–486.

Kazakova N. A., Russkii perevod XVII v. truda Blau «Theatrum Orbis Terrarum sive Atlas Novus», *Auxiliary Historical Disciplines*, 17, Leningrad, 1985, 161–178.

Kempshall M. S., De Re Publica 1.39 in Medieval and Renaissance Political Thought, *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 45 (76), 2001, 99–135.

Kharkhordin O. V., *Osnovnye poniatia rossiiskoi politiki*, Moscow, 2011.

Kikin V. O., Interpretation of the Words of St. Pauls 'In Adam' from the Epistle to the Romans (5: 12) in the Basical Soteriological Theories in the Russian Academical Theology, *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 17/2, 2016, 59–73.

Kiselev M. A., Plutarch at the Tsar's Court: Simon Polotsky's "Commonwealth" and Legalism in Russia on the Eve of Reforms of Peter The Great, *Dialogue with Time*, 73, 2020, 36–48.

Korzo M. A., Grekh i spasenie v katolicheskoi i pravoslavnoi propovedi Rechi Pospolitoi v XVII v. Popytka sravneniia, *Slavianskii al'manakh* 1997, Moscow, 1998, 56–69.

Korzo M. A., *Obraz cheloveka v propovedi XVII veka*, Moscow, 1999.

Koslowski P., *Gesellschaft und Staat: Ein unvermeidlicher Dualismus*, Moscow, 1998.

Maksutov I., Ucheniia o pervorodnom grekhe v vostochnom i zapadnom bogoslovii, *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 3, 2005, 115–119.

Marey A. V., The Concept "People" in the Modern European Political Thought: Hobbes, Spinoza, Pufendorf, *Slovo.ru: Baltic accent*, 11/3, 2020, 14–18.

Markus R. A., *Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine*, Cambridge, 1970.

Matveeva E. N., Isaiia, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 2: I–O, St. Petersburg, 1993, 118–119.

Meyendorff J., Anthropology and Original Sin, Idem, *Paskhal'naia taina. Stat'i po bogosloviiu*, Moscow, 2013, 250–258.

Nichyk V. M., Gavriil Buzhinskii — rusko-ukrainskii myslitel' nachala XVIII v., *Ideinye svyazi progressivnykh myslitelei bratskikh narodov (XVII–XVIII vv.)*, Kyiv, 1978.

Nikolenkova N. V., Translation Activities at the Moscow Chudov Monastery: New Data on the Cir-

cle of Epiphany Slavynetsky, *Moscow University Philology Bulletin*, 6, 2018, 77–91.

Oparina T. A., *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii*, Novosibirsk, 1998.

Petrivliak T., Tvoreniia Bl. Avgustina v drevnerusskoi rukopisnoi traditsii (XI–XVI vv.), *Verbum*, 3: Vizantiiskoe bogoslovie i traditsii religiozno-filosofskoi mysli v Rossii, St. Petersburg, 2001, 109–113.

Polskoy S. V., From "People" to "Public": on the Understanding of Society in Russia in the XVII–XVIII Centuries., *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13/3, 2011, 7–12.

Rassadin S. V., Vita socialis of St. Augustine: A Model for the Construction of Christian Community, *Vlast'*, 9, 2016, 147–154.

Riedel M., Gesellschaft, bürgerliche, *Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii. Izbrannye stat'i*, 2, Moscow, 2014, 93–219.

Rudnev D. V., Changes in the semantic structure of the word "Obshchestvo" in the Russian language of the XVIIIth century, *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 3, 2009, 194–204.

Sashalmi E., Vozniknovenie idei obshchestvennogo dogovora v ofitsial'noi ideologii vlasti v Rossii pri Petre I, *Gosudarstvennost', diplomatiia, kul'tura v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope XI–XVIII vekov*, Moscow, 2005, 186–193.

Sazonova L. I., Karion Istomin, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 2: I–O, St. Petersburg, 1993, 140–152.

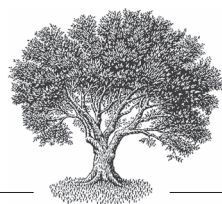
Weithman P., Augustine's Political Philosophy, *The Cambridge Companion to Augustine*, Cambridge, 2006, 234–252.

Zoltán A., *Interslavica. Issledovaniia po mezhslovianskim iazykovym i kul'turnym kontaktam*, Moscow, 2014.

Александр Александрович Рогожин, кандидат исторических наук,
преподаватель БПОУ ОО «Орловский музыкальный колледж»,
302002, Орел, пл. Мира, 9
Россия / Russia
rogozhin_alexander@bk.ru

Received December 12, 2021

Ricordo di Eckhard Weiher e Hans Rothe*

Памяти Экхарда Вайера и Ханса Роте

**Vittorio Springfield
Tomelleri**

Università di Torino,
Torino, Italia;
Università statale di San
Pietroburgo,
San Pietroburgo, Russia

**Витторио Спрингфилд
Томеллери**

Туринский университет
Турин, Италия;
С.-Петербургский государственный
университет,
С.-Петербург, Россия

Abstract

Il presente contributo è dedicato alla cara memoria di due eminenti studiosi tedeschi, Eckhard Weiher (1939) e Hans Rothe (1928), entrambi deceduti nel 2021. Oltre al medesimo anno di morte, questi due rappresentanti di una gloriosa scuola di studi paleoslavistici, fiorita nel XX secolo in Germania, sono legati da diversi aspetti, di carattere sia biografico che professionale: entrambi infatti erano nati o cresciuti nella Prussia Orientale, da cui le loro famiglie furono costrette ad evacuare alla fine della Seconda guerra mondiale; entrambi ricevettero in Germania Occidentale una formazione classica, che permise loro di indagare la tradizione scritta paleoslava con costante riferimento alle fonti greche e latine; entrambi furono particolarmente interessati alle traduzioni, giustamente considerate componente essenziale della letteratura e cultura

---

* Desidero ringraziare di cuore Thomas Daiber (Gießen), Thomas Menzel (Bautzen) e Esther Polito (Düsseldorf) per avermi fornito materiali bibliografici a me difficilmente accessibili, così come Giorgio Ziffer (Udine) per utili commenti e suggerimenti di integrazione del testo.

Citation: Tomelleri V. S. (2022) Ricordo di Eckhard Weiher e Hans Rothe. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 362–378.
Цитирование: Томеллери В. С. Памяти Экхарда Вайера и Ханса Роте // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С.362–378.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.15

slava medievale; entrambi promossero e diressero varie imprese scientifiche ed editoriali: i loro progetti a lungo termine, in collaborazione con la Russia — sulle Grandi Menee, raccolte dal metropolita di Mosca Macario nel XVI secolo (Weiher), o sul Meneo liturgico secondo codici manoscritti slavo-orientali dei secoli XII–XIII (Rothe) — hanno rappresentato senza dubbio un’ambiziosa e riuscita continuazione della tradizione russa prerivoluzionaria. Nel tentativo di caratterizzare l’importanza e l’impatto del loro lavoro scientifico, l’articolo fornisce una panoramica breve e un po’ personale di alcune delle molteplici sfaccettature di queste due personalità così differenti, ma anche simili, la cui attività resterà a lungo di esempio nelle future ricerche slavistiche.

Parole chiave

Eckhard Weiher, Hans Rothe, Germania, studi paleoslavistici

Резюме

Этот обзор посвящен памяти Экхарда Вайера (1939–2021) и Ханса Роте (1928–2021), двух выдающихся немецких ученых, скончавшихся в 2021 г. Э. Вайера и Х. Роте, двух представителей знаменитой школы палеославистики, процветавшей в Германии XX в., объединяет не только год смерти, но и ряд других аспектов — как научных, так и биографических. Оба слависта родились или выросли в восточной Пруссии, откуда их семьи были эвакуированы в конце Второй мировой войны, и получили образование в сфере классической филологии в ФРГ, что позволило им исследовать церковнославянскую письменную традицию, обращаясь к латинским и греческим источникам. Оба ученых интересовались проблематикой перевода, при этом перевод полноправно рассматривали как важное явление, повлиявшее на средневековые славянские литературы и культуры. Оба исследователя занимались организацией и продвижением ряда широкомасштабных научных и издательских проектов в рамках сотрудничества ФРГ и России. Э. Вайер исследовал «Великие Четы-Минеи» митрополита Московского и всея Руси Макария, жившего в XVI в., а Х. Роте — восточнославянские рукописи церковнославянослужебных книг XII–XIII вв. Таким образом, их научная деятельность успешно продолжила дореволюционные российские научные традиции. В статье рассматривается значимость труда немецких ученых и их вклад в научное знание, а также даны краткие и в большой степени персональные сведения об этих двух многогранных, разных и вместе с тем схожих личностях, чье наследие будет еще долго служить примером новым поколениям славистов.

Ключевые слова

Экхард Вайер, Ханс Роте, Германия, палеославистика

Il 2021 è stato purtroppo contrassegnato, fra l'altro, dalla scomparsa di due importanti protagonisti della (paleo)slavistica tedesca ai quali, per ragioni professionali, mi sento particolarmente legato e debitore; alla loro memoria, per me indelebile, voglio dedicare alcune considerazioni, dove si intersecano indissolubilmente esperienze di vita e di studio.

Il 12 gennaio 2021 si è spento, dopo una lunga malattia, Eckhard Weiher, professore ordinario di filologia slava presso l'Istituto di Slavistica dell'Università di Friburgo in Bresgovia (Albert-Ludwig-Universität Freiburg, Slavisches Seminar) per quasi trent'anni, fino al 2005, anno del suo pensionamento (<https://www.slavistik.uni-freiburg.de/personal/emeritierte-und-ehemalige-1/prof-dr-dr-h-c-eckhard-weiher-m-a>). Come l'altro corifeo della disciplina che ci ha appena lasciato, Hans Rothe (1928–2021), Weiher appartiene a quella generazione di slavisti tedeschi che in giovane o tenera età hanno visto in modo tragico e definitivo spezzarsi i legami con la terra natia, la Prussia orientale. Alla fine della Seconda guerra mondiale, infatti, i suoi genitori dovettero lasciare la città di Königsberg (oggi Kaliningrad), dove il loro figlio era nato il 29 dicembre 1939, per stabilirsi infine ad Amburgo: qui Weiher frequentò la scuola fino al compimento della maturità liceale. Durante il suo percorso universitario, svolto a Saarbrücken, egli accompagnò lo studio della slavistica con diverse discipline, per esempio la germanistica e la filosofia, con particolare attenzione alla filologia classica e alla linguistica storico-comparativa: questa sapiente combinazione di svariate competenze si riflette nella sua produzione scientifica, sempre attenta all'interpretazione critica, alla prospettiva diacronica e alla cura quasi maniacale del particolare, sia esso una lezione attestata in un codice da soppesare criticamente o una forma lessicale o grammaticale da spiegare linguisticamente. Emblematiche le considerazioni sulla viltà o neghittosità filologica delle edizioni diplomatiche, che rinunciano a priori all'interpretazione critica, anche se fallibile, dell'editore:

Faulheit, weil man mit ihnen als Herausgeber weiter keine Arbeit hat und trotzdem dicke Bücher präsentieren kann, Feigheit, weil man sich nicht der Kritik der Fachkollegen aussetzen will, die einem immer z. B. Worttrennungen und andere Mißverständnisse des Textes werden nachweisen können [Weiher 1996: 66].

Il nome di Weiher è principalmente legato, nell'immaginario collettivo della slavistica internazionale, alla straordinaria attività da lui svolta in qualità di editore di testi antichi e curatore della serie "Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes". Fondata e diretta dai suoi maestri, Linda Sadnik (1910–1998) e il di lei marito Rudolf Aitzetmüller (1923–2000) — sotto la cui guida Weiher conseguì rispettivamente il titolo di dottore di ricerca nel 1965 (Saarbrücken) e l'abilitazione alla docenza nel 1970 (Würzburg) — questa raccolta davvero monumentale di edizioni e opere monografiche fu da lui portata avanti, dopo la morte dei fondatori, con indefessa dedizione e dispendio di tempo e risorse; date le crescenti difficoltà a ottenere sussidi, Weiher arrivò addirittura a creare, a partire dal 1995, una propria casa editrice, che porta il suo nome: <https://www.weiher-verlag.de/index.html>. Ai suoi allievi e colleghi più stretti spetta il compito, doloroso e grato ad un tempo,

di ricordare i meriti di Weiher come studioso e pedagogo (ci sia permesso di rimandare a Besters-Dilger, Rabus [2009a]; Rabus [2019]; Daiber [2021]); le presenti righe rappresentano un ricordo marginale, in forma personale e autobiografica, di un importante esponente della “vecchia” (sia detto con profondo rispetto e rimpianto) scuola filologica.

Al di là del meritorio impegno come editore di testi antico-slavi (dal *De fide orthodoxa* di Giovanni Damasceno alle Catechesi di Cirillo di Gerusalemme) ed editore — basti citare qui i cinque volumi dell'*Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax* di Radoslav Večerka (1928–2017), redatti con il preziosissimo aiuto di Felix Keller, o l'edizione dell'Irmologio a cura di Christian Hannick —, Weiher ha dato prova delle sue capacità organizzative e finanche diplomatiche, beneficiando di cospicui finanziamenti per un grandioso progetto internazionale, finanziato dalla Deutsche Forschungsgemeinschaft, in collaborazione con il Museo Storico di Mosca: si tratta dell'edizione del Grande Menologio del metropolita Macario, iniziata nel 1990 (per un primo bilancio provvisorio e una descrizione del progetto si veda [Weiher 1996]), che si riallacciava idealmente e praticamente, ma su basi filologiche sostanzialmente differenti, al lavoro della commissione archeografica, interrotto dopo i disordini che seguirono l'Ottobre rosso. I giganteschi tomi dei mesi di marzo e maggio, cui si aggiungono dei più snelli ma non meno densi volumi miscelanei con contributi di vari studiosi che hanno collaborato al progetto editoriale [Voss et al. 2000; Maier, Weiher 2006], costituiscono una pietra miliare della slavistica e un prezioso repertorio di “tesori nascosti” della tradizione slava ecclesiastica [Ziffer 1998: 329]. Il fatto doloroso che l'ambizioso progetto editoriale non sia stato più finanziato — per l'opinione, oggi purtroppo diffusa, che le edizioni di testi non rappresentino lavoro scientifico originale — viene solo parzialmente alleviato dalla possibilità di accedere direttamente ai testi attraverso la versione digitalizzata e scaricabile dei manoscritti (per il mese di agosto si veda, per esempio, al seguente link <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/178447?page=2&query=миня%20четья&sort=112&fund=21&index=53>).

Proprio il mio interesse per il volume di agosto dell'*Uspenskij spisok* [Tomelleri 2004: 79–87]², contenente la traduzione in slavo ecclesiastico del Salterio commentato di Brunone di Würzburg, mi ha portato prima, durante il dottorato, a leggere con l'entusiasmo del neofita, nella *Osteuropasammlung* della biblioteca nazionale di Monaco di Baviera, il resoconto del progetto [Weiher 1996], e poi, nel 2003, all'incontro diretto con lo studioso in occasione di un simposio dedicato proprio al Grande Menologio, tenutosi a Friburgo

² Rispetto a quanto affermato alla fine del capitolo [Tomelleri 2004: 87], possiamo aggiungere alla tradizione del Grande Menologio di Macario un ulteriore codice manoscritto della collezione Egorov (fond 98, nr. 12), oggi conservato alla biblioteca di stato russa di Mosca [Anisimova 2018: 41–44; Tomelleri 2020: 186–187] e disponibile in formato digitale (<https://lib-fond.ru/lib-rgb/98/f-98-12/>).

in Bresgovia dal 29 febbraio al 3 marzo 2004 (<http://www2.slavistik.uni-freiburg.de/images/Fotos%20Symposium.htm>). In quell'occasione ho potuto godere dell'ospitalità e della generosità di Weiher e dell'intero istituto, che mi hanno fra l'altro messo a disposizione una copia del materiale di cui avevo bisogno per le mie ricerche.

Il mio primo incontro indiretto con Eckhard Weiher, però, risale ai seminari dottorali tenuti a Roma, nei primi anni '90, dal prof. Mario Capaldo. In quell'occasione capitò, fra le altre questioni, di affrontare problemi critico-testuali in relazione ad un termine filosofico-religioso documentato, nella tradizione slava medievale, in duplice forma, come prestito lessicale dal greco *впостачь* e come calco parziale *чѣстачь*. Sfogliando, come oggi (fortunatamente?) non si fa quasi più, le riviste che riempivano non inutilmente gli scaffali della biblioteca della Statale di Milano, mi imbattei in un articolo di Weiher [1972], nel quale, fra gli altri, veniva preso attentamente in esame proprio il termine in questione. Questo studio dimostra la continua attenzione di Weiher per questioni lessicali legate all'ambito filosofico-teologico e grammaticale, strettamente interdipendenti, come rivela anche un bell'*excursus* storico sull'origine del termine slavo che designa la categoria dell'animatezza [Weiher 1988]; il fondamento teologico della riflessione grammaticografica presso gli Slavi ortodossi emerge chiaramente nel *Trattato sulle otto parti del discorso* (illuminante al riguardo Keipert [1991]), testo di cui Weiher ha allestito un'importante edizione, secondo il più antico codice manoscritto slavo meridionale, accompagnata da traduzione tedesca e prezioso indice dei lemmi [Weiher 1977]³. Al comune interesse per la terminologia grammaticale si deve la presenza di un mio contributo nella miscellanea in onore di Weiher, uscita in occasione del suo settantesimo compleanno a cura di Juliane Besters-Dilger e Achim Rabus [Tomelleri 2009]. Alcuni mesi dopo l'uscita del volume il festeggiato ebbe la cortesia di inviarmi una lettera di ringraziamento, che desidero pubblicare perché dimostra, dietro la semplicità apparente di un ringraziamento di rito, una gentilezza d'animo e una serietà professionali non comuni.

Lettera del 15.03.2010

Lieber Herr Kollege Tomelleri,

hiermit möchte ich Ihnen für Ihren Beitrag zu der mir gewidmeten Festschrift sehr herzlich danken.

Da ich mich seit langem für die philosophische. [sic] theologische und grammatische Terminologie und deren Geschichte in den slavischen Sprachen inter-

³ Curiosamente entrambi questi lavori fondamentali non compaiono nella bibliografia degli scritti pubblicata nella miscellanea di studi in onore di Weiher [Besters-Dilger, Rabus 2009b].

essiere, habe ich Ihre Abhandlung über den westlichen Einfluß auf die russische Terminologie besonders gern gelesen und ihm viel Neues entnehmen können.

Mit vielen guten Wünschen für Ihre weitere Arbeit und

freundlichen Grüßen

Ihr Eckhard Weiher (firma a mano)

L'ultimo incontro è storia molto recente, ma, come nel caso del primo, si è trattato di un contatto purtroppo non diretto, per ragioni legate all'ormai compromesso stato di salute di Weiher. Verso fine settembre 2020, in piena pandemia, ho intrapreso un viaggio un po' avventuroso, con annesso noleggiato di furgoncino alla cui guida ho dato prova più di temerarietà che di abilità di manovra, e mi sono recato a Friburgo, dove mi attendeva Natasha Kindermann, ex-allieva e collaboratrice di Weiher, insieme a svariati scatoloni di libri e microfilm. Sono così entrato in possesso della sua biblioteca personale, in attesa di poterla donare ad un'istituzione o istituto che sia disposto ad ospitarli, catalogarli e renderli disponibili alla comunità di slavisti interessati (oggi purtroppo le università sono più propense a cercare spazio sui social networks che a trovarne per i libri...). Ricordo non senza commozione le parole della figlia di Eckhard Weiher, Christine, che in una mail del 28 dicembre 2020 mi esprimeva la propria gratitudine ricordando come il padre malato fosse rasserenato, e la famiglia sollevata, dal fatto di sapere che i volumi della sua biblioteca, da me ritirati, potessero continuare ad essere utili ad altre generazioni di studiosi. Il lascito di Weiher, umano e scientifico, resterà sicuramente a lungo di esempio non solo per chi, più o meno da vicino, ne ha potuto trarre insegnamento e stimolo.

Il 31 marzo 2021 ci ha lasciato Hans Rothe, anch'egli mirabile esempio di quella gloriosa generazione di slavisti a tutto tondo alla quale oggi possiamo guardare solo con nostalgica ammirazione. Nato a Berlino il 5 maggio 1928 e cresciuto nella Prussia Orientale, dopo la fine della guerra, durante la quale venne impiegato come forza ausiliare dell'esercito, concluse il percorso liceale ad Amburgo per intraprendere gli studi di filologia slava, linguistica indoeuropea e storia della chiesa presso le università di Kiel, Marburg e Londra. Conseguì il titolo di dottore di ricerca con una tesi sul paleoslavo (1954)⁴, Rothe si spostò gradualmente verso tematiche letterarie e storico-culturali, dedicando la propria tesi di abilitazione a Karamzin e Voltaire (1963). La sua attività di professore, dopo brevi parentesi alla Freie Universität di Berlino e a Marburg, è principalmente legata allo *Slavistisches Seminar* di Bonn, dove insegnò dal 1966 fino all'emeritato, avvenuto al compimento del sessantacinquesimo

---

4 Un capitolo di questo lavoro praticamente inaccessibile è stato pubblicato alcuni anni dopo nella rivista croata *Slovo* [Rothe 1960].

anno nel 1993. Al magistero di Rothe si sono formati molti studiosi, prevalentemente (ma non solo) letterati, che svolgono o hanno svolto attività di ricerca e didattica in Germania e all'estero: Ludger Udolph, già professore di letterature slave all'Università di Dresda, Peter Thiergen, che insieme a lui ha curato la miscellanea in suo onore per il sessantacinquesimo compleanno [Res slavica 1994] e poi, da solo, quella per il settantacinquesimo [Scholae et symposium 2003], Dieter Stern, rinomato filologo slavo e linguista oggi attivo a Gent (Belgio), e numerosi altri. La sua variegata produzione scientifica è stata raccolta da Claudia Schnell in un volumetto allestito in occasione dell'ottantesimo genetliaco [Thiergen 2019: 27–74]: qui figurano le pubblicazioni dal 1954 al 2019 [Ibid.: 27–65] e i lavori in preparazione [Ibid.: 66], seguiti dalle partecipazioni a comitati editoriali [Ibid.: 67] e, infine, dalle opere non pubblicate munite [Ibid.: 68–72] o prive [Ibid.: 73–74] di data. Un raggruppamento tematico in ben dieci sezioni è invece proposto nella miscellanea per i suoi sessantacinque anni [Res slavica 1994: XV–XXXI], mentre le integrazioni dal 1993 al 2002 sono riportate in ordine cronologico nella miscellanea per i settantacinque anni [Scholae et symposium 2003: XIII–XX].

Rothe si è formato come slavista alla scuola di Alfred Rammelmeyer (1910–1995); questi, fondatore degli istituti di slavistica di Kiel (1948), Marburg (1952) e Frankfurt am Main (1958), legò il proprio nome anche all'università di Königsberg, dove fu attivo come lettore di russo negli ultimi anni di esistenza dell'università, ottenendovi l'abilitazione alla docenza nel 1943 [Schaller 2010: 17 e 23–25]. Con lui Rothe aveva concordato il tema della tesi di dottorato, sostenuta con il successore alla cattedra di Kiel Ludolf Müller [Giesemann, Rothe 2010: XI]; sempre Rammelmeyer fu poi il mentore del suo lavoro di abilitazione a Francoforte sul Meno, pubblicato alcuni anni dopo [Rothe 1968]; Rothe però riconduceva la propria formazione anche al magistero esemplare del maestro di Alfred Rammelmeyer, il ben noto Max Vasmer (1886–1962), del quale amava sottolineare l'ampiezza di interessi e la capacità di formare una scuola nel senso più nobile del termine [Giesemann, Rothe 2010: VIII–IX].

Il grande merito di Rothe, studioso che nelle sue ricerche ha saputo incarnare la tanto proclamata dimensione interdisciplinare e internazionale [Thiergen 2003: VII], è stato per lo meno duplice. Innanzitutto mostrare come la comprensione della letteratura e cultura moderna non possa rinunciare ad una conoscenza approfondita del passato, in un approccio storico-filologico *ad fontes* che, unito ad un'ampia competenza linguistica e accompagnato da fine consapevolezza della variante sociale e intellettuale, rimane il fondamento della nostra comprensione dei fenomeni culturali:

Seine Bauwerke entstehen auf dem Fundament der Quellen, weiter Sprachkenntnisse und des Röntgenblicks für geistesgeschichtliche Tiefenstrukturen [Thiergen 2003: VIII].

Accanto al superamento di schemi astorici, poi, Rothe ha giustamente e perentoriamente richiamato l'attenzione sulla componente liturgico-religiosa della tradizione scrittoria degli Slavi, in particolare ortodossi, sottolineando l'impellente necessità di superare il mito romantico-herderiano della cultura "popolare" e primigenia, sempre a caccia di tracce delle origini a tutto scapito delle traduzioni, elevato poi a modello epistemologico di riferimento (si pensi alla surrettizia dicotomia *original'naja* — *perevodnaja pis'mennost'*) in Unione Sovietica e nei paesi socialisti [Rothe 2002: 1–2]. Applicare schemi astorici e modernizzanti ci preclude la possibilità di comprendere non solo la cultura medievale, ma anche il suo ulteriore sviluppo fino ai giorni nostri:

[...] wir bauen unsere Literaturgeschichten auf modernen, ganz unhistorischen Vorurteilen auf, wenn wir so tun, als brauchten wir für sie die vielen Abschriften der Psalmen und Evangelien sowie der aus || ihnen gebildeten liturgischen Bücher gar nicht. Im Gegenteil: *sie* machen die Geschichte der ältesten Perioden bis zum Ausgang des Mittelalters aus, und *sie* waren die Quelle für alle weitere Entwicklung [Rothe 2002: 13–14].

Come amo ricordare ai miei studenti, si possono studiare lo slavo ecclesiastico antico o, se si preferisce, lo Slovo di Igor' senza aver letto *Guerra e pace* o *Delitto e castigo*, mentre è molto più rischioso studiare la letteratura moderna facendo finta che prima non ci sia stato nulla. Fedele al motto "Nur wer zurückgeht, wird vorwärtskommen" [Thiergen 2003: IX], Rothe deplora il fatto che nella didattica universitaria gli antichi manoscritti, preziosi documenti della tradizione liturgica e della cultura scrittoria slava, vengano sminuiti e trattati come semplice materiale per "sprachwissenschaftliche Exercitien" [Rothe 2002: 3]. Alla stregua di manifesto del suo *credo* Rothe ha pubblicato un saggio, intitolato programmaticamente e provocatoriamente, in forma interrogativa, "Che cos'è la letteratura antico-russa?" [Rothe 2000], testo ora disponibile anche in traduzione russa [Rothe 2015].

Accanto alla molteplice attività di ricerca e didattica, Rothe ha sempre dimostrato, con encomiabile disciplina prussiana, anche se pare non fosse sempre puntuale a lezione [Krull 1993: V], una straordinaria capacità organizzativa, che lo ha visto appassionato protagonista di vere e proprie imprese, in qualità di curatore di rinomate serie editoriali e di responsabile di progetti: fra le prime vanno senz'altro ricordate la prestigiosa collana *Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte*, "Rothes editorisches Lebenswerk" [Thiergen 2003: X], suddivisa nelle tre serie A: Forschungen, B: Editionen e C: Bibliographien, che riassumono i punti cardinali della sua attività, e la monumentale serie *Biblia Slavica*, all'interno della quale sono stati pubblicati svariati esemplari di versioni non solo slave dell'Antico e/o del Nuovo Testamento, suddivise in sei rubriche: 1) bibbie ceche e slovacche, 2) bibbie polacche,

3) bibbie slavo orientali, 4) bibbie in sorabo lusaziano, 5) bibbie slavo-meridionali e, infine, come addendum, 6) bibbie lituane.

Mi sia concessa qui una piccola digressione autobi(bli)ografica: ricordo ancora l'emozione, mista a stupore, provata da borsista della fondazione Alexander von Humboldt di fronte all'offerta, da parte di Rothe, di pubblicare l'edizione del *Donatus* russo, che stavo allora preparando sotto la guida del Prof. Helmut Keipert, nei per me allora mitici *Bausteine* [Tomelleri 2002]; alcuni anni dopo, durante un soggiorno di ricerca a Bonn nell'estate del 2007, Rothe, conoscendo il mio amore per i libri e le biblioteche, mi donò diversi esemplari di Bibbie slave, che oggi adornano la biblioteca dell'Università di Macerata. È ancora vivo il ricordo della scena del commiato, mentre caricavamo sulla mia Opel Corsa, non senza difficoltà, i grossi volumi con la ben nota copertina amaranto.

Dopo aver ottenuto l'emeritato, Rothe, come spesso avviene con l'avanzare inesorabile degli anni, è tornato per così dire alle origini, accompagnando questo ritorno al passato con ricerche acribiche sulla storia della propria famiglia e dei suoi possedimenti in Prussia orientale. Gli studi slavistici, in questo modo, si intrecciano indissolubilmente con il tragico destino del profugo, che cerca così di ricucire il contatto con la propria terra attraverso lo studio dei rapporti culturali slavo-germanici. La scelta degli studi slavistici, del resto, non può essere scissa dalle vicende personali dello studioso, come ebbe modo di ricordare lo stesso Rothe nel discorso pronunciato in occasione della sua nomina a membro dell'Accademia delle Scienze della Renania del Nord-Vestfalia:

Ich darf dann freilich die ersten fünfzehn Jahre meines Lebens nicht verschweigen, die in Ostpreußen verbracht wurden, in dem meine engere Heimat immer noch zu erfahren mich die weltgeschichtlichen Veränderungen ebensowenig wie meine eigenen Perepetien haben behindern können [Rothe 1979: 97].

Notevole è però principalmente, per gli interessi slavistici di chi scrive, l'attività legata al meneo liturgico. Ricollegandosi idealmente alla monumentale edizione di Vatroslav Jagić [Jagić 1886], Rothe ha avviato, avvalendosi di un gruppo di studiosi guidato da Dagmar Christians, un progetto editoriale di ampie dimensioni e vedute, finanziato prima dall'Accademia delle Scienze della Renania del Nord-Westfalia e poi dalla Deutsche Forschungsgemeinschaft, in collaborazione con l'Istituto di lingua russa "V. V. Vinogradov" dell'Accademia delle Scienze Russa, rappresentato da Evgenij Michajlovič Vereščagin. La nuova impostazione prevedeva l'edizione del testo secondo un manoscritto novgorodiano caratterizzato dalla presenza della notazione musicale, in base alla quale ogni singola unità testuale, numerata progressivamente, viene segmentata in versi, mentre in apparato sono riportate tutte le varianti al testo base, anche ortografiche; segue poi l'edizione critica dell'originale greco, se identifi-

cato, e, infine, la traduzione tedesca corredata di commento. Il risultato, imponente, è costituito da una serie di corposi volumi che contengono le acolutie dei mesi di dicembre, febbraio e aprile, accompagnati dal facsimile del manoscritto, cui si aggiunge quello di gennaio, uscito recentemente in Russia [Vereščagin 2019]. La commissione patristica (Patristische Kommission), con sede a Bonn, Lennéstr. 1, è stata luogo di incontro e scambio intellettuale per molti (paleo)-slavisti, che hanno potuto beneficiare dell'ospitalità e generosità di Rothe e dei suoi valenti collaboratori, oltre a utilizzare i numerosi microfilm di manoscritti slavi e greci e i materiali bibliografici ivi presenti. Fra i risultati di questa fervente attività di edizione di testi critici plurilingui spiccano altre preziose pubblicazioni, collegate più o meno direttamente al progetto principale, fra cui meritano senz'altro di essere segnalati l'edizione del Triodio e Pentecostario [Momina, Trunte 2004 e 2010] e il meneo di Dubrovskij [Mur'janov 1999]. Non va inoltre dimenticata un'importante conferenza internazionale, tenutasi a Bonn nel 2005, i cui atti sono usciti qualche tempo dopo [Rothe, Christians 2007] e, in particolare, il preziosissimo repertorio lessicale slavo-greco (e greco-slavo) raccolto da Dagmar Christians in un glossario [Christians 2001], del quale è in preparazione una versione aggiornata e integrata. Vanno infine segnalati i tre volumi intitolati *Studia Hymnographica*, contenenti studi su singoli aspetti linguistici e filologici delle Menee, e che ora, purtroppo, costituiscono una sorta di testamento e, al contempo, di passaggio di testimone, un monito a continuare a scavare nel fertile campo dell'innografia slava.

Persona poco propensa al fascino delle mode effimere, e al contempo attenta agli sviluppi politici e ai destini personali dei suoi collaboratori e colleghi, Rothe ha saputo lasciare un vivido ricordo nei suoi allievi come organizzatore di momenti di evasione culturale: ricordiamo un'escursione di quattro settimane, nel luglio-agosto 1968, in Cecoslovacchia, in un clima di grandi aspettative e paure, con il viaggio che si concluse appena tre giorni prima dell'ingresso delle truppe sovietiche nel paese [Barlmeyer 2019: 21; Krull 1993: VI]. Sempre discreto, ma mai distante, e capace di osservazioni pungenti e argute, entrò un giorno, nel 2015, nel mio ufficio al terzo piano della Lennéstr. 1, come al solito disordinato, con mucchi di libri e dizionari che occupavano ben due scrivanie e, osservato l'ambiente, mi domandò gentilmente se potesse dirmi una cosa: confesso che di fronte a Rothe non ho mai provato disagio, ma sempre un senso di timore reverenziale, e al momento rimasi un po' impacciato, non sapendo esattamente che cosa aspettarmi. Si limitò a constatare, con aria molto seria e ironicamente meravigliata, che ero una persona all'antica (*altmodisch*); di fronte al mio sguardo più stupito che impaurito proseguì aggiungendo che continuavo ad utilizzare i libri, cosa che ormai non faceva quasi più nessuno. L'ultima volta che ho avuto il piacere di rivederlo è stato al congresso dei paleo-slavisti di Saarbrücken, il 22 marzo 2019, in occasione del quale Rothe tenne

la relazione di apertura dei lavori. Ricordo ancora la sua voce inevitabilmente flebile, ma il profondo e quasi sacrale silenzio che regnava nella stanza non era intento solamente a seguire i suoi pensieri, ma anche e soprattutto a onorare con sincera devozione uno degli ideatori e fondatori di questo gruppo di paleoslavisti germanofoni.

Consapevole dell'inevitabile cambiamento dei tempi, con tutti i pregi e problemi che questo comporta al progresso delle conoscenze, Rothe non si abbandonò mai acriticamente o per opportunismo al facile richiamo dei miraggi del momento [Thiergen 2008: 24–25]. Egli anzi restò sempre, più che una persona all'antica, uno studioso ancorato allo studio acribico delle fonti (scritte) e della documentazione, seguendo l'esempio dell'apostolo Tommaso, che prima di credere vuole verificare *de visu* [Rothe 2000: 8]. Molto pessimistico, ma al contempo realistico, è il quadro sullo sviluppo della slavistica in Germania da lui tracciato nella seduta dell'Accademia delle Scienze del 15 ottobre 2014: una disciplina maledettamente politicizzata che, figlia della contrapposizione ideologica nel clima della guerra fredda, ha perso quasi d'incanto il proprio fascino dopo la caduta del muro di Berlino e il crollo del blocco sovietico; tuttavia la crisi non è solo di carattere politico-ideologico, ma ha radici ben più profonde, riguardanti l'intero sistema universitario, sempre meno *universitas litterarum*, privo di un pensiero storicistico e che corre dietro all'ingannevole e ingannatore feticcio dei grandi numeri [Rothe 2016: 35–36]. Queste tristi considerazioni, frutto non solo della maturità del loro autore, dipingono uno sviluppo degli studi slavistici, che da una visione panslava (non panslavista!) e pancronica tendono sempre più pericolosamente verso una russistica a scartamento ridotto (“schmalspurige Russistik”, comunicazione personale). Per comprendere davvero le varie sfaccettature della sua opera, che ogni slavista, oggi più che in passato, conosce in modo molto parziale [Christians et al. 2009: VII], dobbiamo anche noi, senza diffidenza pregiudiziale ma con estrema attenzione filologico-linguistica alle fonti, leggere, valutare e possibilmente valorizzare la sua poliedrica attività di umanista d'altri tempi e, proprio per questo, mai così attuale al giorno d'oggi come modello da cercare di avvicinare.

Bibliografia

Anisimova 2018

Анисимова Т. В., *Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова*, 1: № 1–100, 2-е изд., доп., Москва, 2018.

Barlmeyer 2019

Barlmeyer W., Rede zu Hans Rothes 90. Geburtstag, C. Schnell, W. Barlmeyer, P. Thiergen, Hrsg., *Schriftenverzeichnis Hans Rothe* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe C, Bibliographien, 5), 2019, Wien, Köln, Weimar, 15–23.

Besters-Dilger, Rabus 2009a

Besters-Dilger J., Rabus A., Vorwort, Eidem, Hrsg., *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher* (= Die Welt der Slaven, Sammelbände = Sborniki, 39), München, Berlin, 2009, 7–9.

Besters-Dilger, Rabus 2009b

Besters-Dilger J., Rabus A., Schriftenverzeichnis von Eckhard Weiher, Eidem, Hrsg., *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher* (= Die Welt der Slaven, Sammelbände = Sborniki, 39), München, Berlin, 2009, 11–19.

Christians 2001

Christians D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember (slavisch-griechisch-deutsch) nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts; mit einem Glossar griechisch-slavisch* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 107, Patristica Slavica, 8), Wiesbaden, 2001.

Christians et al. 2009

Christians D. et al., Zum Geleit, Eidem, Hrsg., *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (= Studies in Language and Culture in Central and Eastern Europe, 3), München, Berlin, 2009, VII–IX.

Daiber 2021

Daiber Th., Eckhard Weiher (29.12.1939–12.1.2021), *Slavia*, 90/1, 2021, 125–126.

Giesemann, Rothe 2010

Giesemann G., Rothe H., Vorwort. Alfred Rammelmeyer: Versuch einer Würdigung des Lehrers, Eidem, Hrsg., *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung. Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer* (= Studies in Language and Culture in Central and Eastern Europe, 15), München, Berlin, 2010, VII–XI.

Jagič 1886

Ягич И. В., *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 г., С.-Петербург, 1886* (<http://books.e-heritage.ru/book/10086696>; last access 19.04.2021).

Keipert 1991

Keipert H., Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 58/1, 1991, 19–42.

Krull 1993

Krull E., Erinnerungen an Professor Rothés Anfänge in Bonn, M. Wirtz, Hrsg., *Studentische Festschrift für Hans Rothe von seinen Bonner Schülern*, Bonn, 1993, V–VII.

Maier, Weiher 2006

Maier E., Weiher E., Hrsg., *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*, 2 (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, Fontes et dissertationes, 49), Freiburg i. Br., 2006.

Momina, Trunte 2004

Momina M. A., Trunte N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.-14. Jahrhunderts*, 1: Vorfastenzeit. Mit einer Einführung zur Geschichte des slavischen Triodions von M. A. Momina (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften 110, Patristica Slavica, 11), Paderborn, 2004.

——— 2010

Momina M. A., Trunte N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.-14. Jahrhunderts*, 2: 1. bis. 4. Fastenwoche (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 125, Patristica Slavica, 20), Paderborn, 2010.

Mur'janov 1999

Das Dubrovskij-Menäum. Edition der Handschrift F.n. I.36 (RNB). Besorgt und kommentiert von M. F. Mur'janov, überarbeitet und mit deutschen Übersetzungen versehen von H. Rothe

und A. Wöhler, herausgegeben von H. Rothe (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 104, *Patristica Slavica*, 5), Wiesbaden, 1999.

Rabus 2019

Rabus A., Eckhard Weiher zum 80. Geburtstag, *Bulletin der deutschen Slavistik, Jahrgang 2019*, 25, 2019, 78–79.

Res slavica 1994

Thiergen P., Udolph L., Potthoff W., Hrsg., *Res slavica. Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 1994 (https://digi20.digitale-sammlungen.de/fs1/object/display/bsb00045175_00001.html).

Rothe 1960

Rothe H., Unpersönliche Regentia mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen, *Slovo*, 9–10, 1960, 105–128, (<https://hrcak.srce.hr/13764>).

Rothe 1968

Rothe H., *N. M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Philologische Untersuchungen* (= Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 1), Bad Homburg, Berlin, 1968.

——— 1979

Rothe H., Antrittsrede in der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, *Jahrbuch der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 1979, 97–100.

——— 2000

Rothe H., *Was ist „altrussische Literatur“?* (= Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, Vorträge G, 362), Wiesbaden, 2000.

——— 2002

Rothe H., Sakrale Grundlagen der slavischen Literaturen, Idem, Hrsg., *Sakrale Grundlagen slavischer Literaturen* (= Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 43), München, 2002, 1–26.

——— 2015

Роте Г., Что такое «древнерусская литература»? *Палітычная сфера. Часопіс палітычных даследаванняў*, 22–23, 2015, 72–160 (cited according online edition: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=698663>) [traduzione russa di Rothe 2000].

——— 2016

Rothe H., *Entstehung, Blüte und Niedergang der Osteuropawissenschaft* (= Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften und der Künste, Geisteswissenschaften, Vorträge G, 448), Paderborn, 2016.

Rothe, Christians 2007

Rothe H., Christians D., Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung (Bonn, 7.-10. Juni 2005)* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117, *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, 2007.

Schaller 2010

Schaller H. W., Alfred Rammelmeyer und Königsberg, G. Giesemann, H. Rothe, Hrsg., *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung. Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer* (= Studies in Language and Culture in Central and Eastern Europe, 15), München, Berlin, 2010, 15–26.

Scholae et symposium 2003

Thiergen P., Hrsg., *Scholae et symposium. Festschrift für Hans Rothe zum 75. Geburtstag* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen, 44), Köln, Weimar, Wien, 2003.

Thiergen 2003

Thiergen P., Vorwort. Hans Rothe zum 75. Geburtstag, Idem, Hrsg., *Scholae et symposium. Festschrift für Hans Rothe zum 75. Geburtstag* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen, 44), Köln, Weimar, Wien, 2003, VII–XII.

——— 2008

Thiergen P., Hans Rothe epainethos. Zum 80. Geburtstag, *Bulletin der deutschen Slavistik, Jahrgang 14*, 2008, 23–27.

——— 2019

Schnell C., Barlmeyer W., Thiergen P., Hrsg., *Schriftenverzeichnis Hans Rothe* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe C: Bibliographien, 5), Wien, Köln, Weimar, 2019.

Tomelleri 2002

Tomelleri V. S., Hrsg., *Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B: Editionen, 18), Köln, Weimar, Wien, 2002.

——— 2004

Tomelleri V. S., *Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (Con un'appendice di testi)* (= Slavistische Beiträge, 430), München, 2004.

——— 2009

Tomelleri V. S., Одна недописанная глава из истории западного влияния на Московскую Русь. Первая попытка создания синтаксической терминологии, J. Besters-Dilger, A. Rabus, Hrsg., *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher* (= Die Welt der Slaven, Sammelbände = Sborniki, 39), München, Berlin, 2009, 401–416.

——— 2020

Tomelleri V. S., Zur Übersetzung des theologisch Unübersetzbaren: Dmitrij Gerasimov und das *flioque*, J. Grković-Major, N. B. Korina, S. M. Newerkla, F. B. Poljakov, S. M. Tolstaja, Hrsg., *Diachronie – Ethnos – Tradition. Studien zur slawischen Sprachgeschichte. Festschrift für Anna Kretschmer*, Brno, 2020, 185–192.

Vereščagin 2019

Верещагин Е. М., *Древнейшая полная славяно-русская Служебная минея за январь. Филологическое исследование и билинейно-спатическое издание источника*, подг. Е. М. Верещагин, при уч. М. А. Пузиной, Москва, 2019.

Voss et al. 2000

Voss Chr., Warkentin H., Weiher E., Hrsg., *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*, 1 (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, Fontes et dissertationes, 45), Freiburg i. Br., 2000.

Weiher 1972

Weiher E., Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen, *Anzeiger für slavische Philologie*, 6, 1972, 138–159.

——— 1977

Weiher E., Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats „Über die acht Redeteile“, *Anzeiger für slavische Philologie*, 9/2 (= *Gedenkschrift für Josef Matl*), 1977, 367–427.

——— 1988

Weiher E., Zu Herkunft und Gebrauch der grammatischen Termini oduševlennyj und neoduševlennyj im Russischen, *Perspektiven der Philosophie*, 14, 1988, 387–413.

——— 1996

Weiher E., Die neue Edition der „Grossen Lesemenäen“ des Metropoliten Makarij und Probleme der Wiedergabe altbulgarischer Texte in russisch-kirchenslavischer Überlieferung, I. Ohnheiser, Hrsg., *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Akten der Tagung aus Anlaß des 25jährigen Bestehens des Instituts für Slawistik an der Universität Innsbruck (Innsbruck, 25.–27. Mai 1995)*, Innsbruck, 1996, 57–71.

——— 1997

Weiher E., Hrsg., *Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. 1.-11. März (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris, 39)*, Freiburg im Breisgau, 1997.

Ziffer 1998

Ziffer G., Recensione di Weiher 1997, *Russica Romana*, 5 (= *In memoria di Angelo Maria Ripellino*), 1998, 328–329.

Vittorio Springfield Tomelleri

University of Turin

St. Petersburg University

Eckhard Weiher and Hans Rothe in Memoriam

Abstract

The present exposition is dedicated to the memory of two eminent German scholars, Eckhard Weiher (1939) and Hans Rothe (1928), who passed away in 2021. Beside the same year of death, these two representants of a glorious school in paleoslavistic studies, which flourished in the 20th century in Germany, are linked by several aspects, biographic as well as professional. Both were born or raised in East Prussia, from where their families were evacuated at the end of Second World War; both received a classical education in West Germany, which enabled them to investigate the Old Church Slavic written tradition with constant reference to their Greek and Latin sources; both were particularly interested in translations, properly seen as a major factor of medieval Slavic literature and culture; both promoted and directed several ambitious scientific and editorial projects: their joint German-Russian long-term projects—on the Great Menologion, compiled by Macarius, Metropolitan of Moscow in the 16th century (Weiher) or on the Service Menaion according to East Slavic manuscripts of the 12th–13th centuries (Rothe)—were an ambitious and successful continuation of the Russian prerevolutionary tradition. Trying to characterize the relevance and impact of their scholarly work, the article provides a short and rather personal insight into some of the multifarious facets of these two different, and still similar personalities, whose activity will long remain an example to be emulated in future Slavic studies.

Keywords

Eckhard Weiher, Hans Rothe, Germany, Paleoslavistic Studies

References

- Anisimova T.V., *Catalogue of Slavic-Russian manuscripts from the collection of E. E. Egorov*, 1: N° 1–100, 2nd ed., Moscow, 2018.
- Bartlmeier W., Rede zu Hans Rothes 90. Geburtstag, C. Schnell, W. Bartlmeier, P. Thiergen, Hrsg., *Schriftenverzeichnis Hans Rothe* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe C, Bibliographien, 5), 2019, Wien, Köln, Weimar, 15–23.
- Besters-Dilger J., Rabus A., *Schriftenverzeichnis von Eckhard Weiher*, Eidem, Hrsg., *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher* (= Die Welt der Slaven, Sammelbände = Sborniki, 39), München, Berlin, 2009, 11–19.
- Besters-Dilger J., Rabus A., Vorwort, Eidem, Hrsg., *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher* (= Die Welt der Slaven, Sammelbände = Sborniki, 39), München, Berlin, 2009, 7–9.
- Christians D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember (slavisch-griechisch-deutsch) nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts; mit einem Glossar griechisch-slavisch* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 107, *Patristica Slavica*, 8), Wiesbaden, 2001.
- Christians D. et al., Zum Geleit, Eidem, Hrsg., *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (= Studies in Language and Culture in Central and Eastern Europe, 3), München, Berlin, 2009, VII–IX.
- Daiber Th., Eckhard Weiher (29.12.1939–12.1.2021), *Slavia*, 90/1, 2021, 125–126.
- Giesemann G., Rothe H., Vorwort, Alfred Rammelmeyer: Versuch einer Würdigung des Lehrers, Eidem, Hrsg., *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung. Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer* (= Studies in Language and Culture in Central and Eastern Europe, 15), München, Berlin, 2010, VII–XII.
- Keipert H., Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 58/1, 1991, 19–42.
- Krull E., Erinnerungen an Professor Rothes Anfänge in Bonn, M. Wirtz, Hrsg., *Studentische Festschrift für Hans Rothe von seinen Bonner Schülern*, Bonn, 1993, V–VII.
- Maier E., Weiher E., Hrsg., *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*, 2 (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, Fontes et dissertationes, 49), Freiburg i. Br., 2006.
- Momina M. A., Trunte N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*, 1: Vorfastenzeit. Mit einer Einführung zur Geschichte des slavischen Triodions von M. A. Momina (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften 110, *Patristica Slavica*, 11), Paderborn, 2004.
- Momina M. A., Trunte N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*, 2: 1. bis 4. Fastenwoche (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 125, *Patristica Slavica*, 20), Paderborn, 2010.
- Mur'janov M. F., *Das Dubrovskij-Menäum. Edition der Handschrift F.n. I.36 (RNB)*. Übersetzungen versehen von H. Rothe und A. Wöhler, herausgegeben von H. Rothe (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 104, *Patristica Slavica*, 5), Wiesbaden, 1999.
- Rabus A., Eckhard Weiher zum 80. Geburtstag, *Bulletin der deutschen Slavistik, Jahrgang 2019*, 25, 2019, 78–79.
- Rothe H., Antrittsrede in der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, *Jahrbuch der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 1979, 97–100.
- Rothe H., Christians D., Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung (Bonn, 7.-10. Juni 2005)* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117, *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, 2007.
- Rothe H., *Entstehung, Blüte und Niedergang der Osteuropawissenschaft* (= Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften und der Künste, Geisteswissenschaften, Vorträge G, 448), Paderborn, 2016.
- Rothe H., *N. M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Philologische Untersuchungen* (= Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 1), Bad Homburg, Berlin, 1968.
- Rothe H., *Sakrale Grundlagen der slavischen Literaturen*, Idem, Hrsg., *Sakrale Grundlagen slavischer Literaturen* (= Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 43), München, 2002, 1–26.
- Rothe H., Unpersönliche Regentia mit dem Informativ im Altkirchenslavischen, *Slovo*, 9–10, 1960, 105–128.
- Rothe H., *Was ist „altrussische Literatur“?* (= Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, Vorträge G, 362), Wiesbaden, 2000.
- Rothe H., What is “Old Russian Literature”?, *Political Sphere. Journal of Political Studies*, 22–23, 2015, 72–160.
- Schaller H. W., Alfred Rammelmeyer und Königsherg, G. Giesemann, H. Rothe, Hrsg., *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung. Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer* (= Studies in

Language and Culture in Central and Eastern Europe, 15), München, Berlin, 2010, 15–26.

Schnell C., Barlmeyer W., Thiergen P., Hrsg., *Schriftenverzeichnis Hans Rothe* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe C: Bibliographien, 5), Wien, Köln, Weimar, 2019.

Thiergen P., Hans Rothe epainethos. Zum 80. Geburtstag, *Bulletin der deutschen Slavistik*, Jahrgang 14, 2008, 23–27.

Thiergen P., Hrsg., *Scholae et symposium. Festschrift für Hans Rothe zum 75. Geburtstag* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen, 44), Köln, Weimar, Wien, 2003.

Thiergen P., Udolph L., Potthoff W., Hrsg., *Res slavica. Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 1994.

Tomelleri V. S., Hrsg., *Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B: Editionen, 18), Köln, Weimar, Wien, 2002.

Tomelleri V. S., *Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (Con un'appendice di testi)* (= Slavistische Beiträge, 430), München, 2004.

Tomelleri V. S., Odna nedopisannaja glava iz istorii zapadnogo vlianiia na Moskovskuiu Rus'. Pervaia popytka sozdaniia sintaksicheskoi terminologii, J. Besters-Dilger, A. Rabus, Hrsg., *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher* (= Die Welt der Slaven, Sammelbände = Sborniki, 39), München, Berlin, 2009, 401–416.

Tomelleri V. S., Zur Übersetzung des theologisch Unübersetzbaren: Dmitrij Gerasimov und das *filioque*, J. Grković-Major, N. B. Korina, S. M. Newerkla, F. B. Poljakov, S. M. Tolstaja, Hrsg., *Diachronie – Ethnos – Tradition. Studien zur slavischen Sprachgeschichte. Festschrift für Anna Kretschmer*, Brno, 2020, 185–192.

Vereshchagin E. M., Puzina M. A., eds., *Drevneishaia polnaia slaviano-russkaia Sluzhebnaia mineia za ianvar'.* *Filologicheskoe issledovanie i bilinearnospaticheskoe izdanie istochnika*, Moscow, 2019.

Voss Chr., Warkentin H., Weiher E., Hrsg., *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*, 1 (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, Fontes et dissertationes, 45), Freiburg i. Br., 2000.

Weiher E., Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats "Über die acht Redeteile", *Anzeiger für slavische Philologie*, 9/2 (= *Gedenkschrift für Josef Mail*), 1977, 367–427.

Weiher E., Die neue Edition der "Grossen Lesemenäen", des Metropoliten Makarij und Probleme der Wiedergabe altbulgarischer Texte in russisch-kirchen-slawischer Überlieferung, I. Ohnheiser, Hrsg., *Wechselbeziehungen zwischen slavischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Akten der Tagung aus Anlaß des 25jährigen Bestehens des Instituts für Slavistik an der Universität Innsbruck (Innsbruck, 25.–27. Mai 1995)*, Innsbruck, 1996, 57–71.

Weiher E., Hrsg., *Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. 1.-11. März* (= Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris, 39), Freiburg im Br., 1997.

Weiher E., Zu Herkunft und Gebrauch der grammatischen Termini *oduševlennyj* und *neoduševlennyj* im Russischen, *Perspektiven der Philosophie*, 14, 1988, 387–413.

Weiher E., Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen, *Anzeiger für slavische Philologie*, 6, 1972, 138–159.

Ziffer G., Recensione di Weiher 1997, *Russica Romana*, 5 (= *In memoria di Angelo Maria Ripellino*), 1998, 328–329.

Prof. Vittorio Springfield Tomelleri, PhD

Università degli Studi di Torino,

Dipartimento di Lingue e Letterature Straniere e Culture Moderne

Complesso "Aldo Moro",

via Sant'Ottavio angolo via Verdi,

10124 Torino

Italia / Italy

профессор кафедры общего языкознания

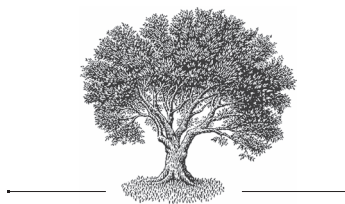
филологического факультета

С.-Петербургского государственного университета,

199034, С.-Петербург, Университетская набережная, 7/9

Россия / Russia

Received May 18, 2021

Фрэнсис Томсон
и его «ключ»
к древней славянской
переводной
литературе

Francis Thomson
and his “Clavis”
to Ancient Slavic
Translated
Literature

**Дмитрий Михайлович
Буланин**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Dmitrii M. Bulanin

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья посвящена научному наследию Фрэнсиса Томсона (1935–2021), выдающегося знатока славянской средневековой литературы, в особенности прославившегося изучением переводного раздела этой литературы. Обсуждаются фундаментальные источниковедческие и библиографические разыскания слависта, в процессе которых им установлены и описаны оригиналы сотен и даже тысяч переводных текстов на церковно-славянском языке. Они влились в письменность южных и восточных славян на протяжении IX — первой четверти XVIII в. Открытия Фрэнсиса Томсона нашли отражение и в его опубликованных статьях, которых насчитывается более полутора сотен и которые уже по достоинству оценены славистами, и в его

Цитирование: Буланин Д. М. Фрэнсис Томсон и его «ключ» к древней славянской переводной литературе // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С.379–396.

Citation: Bulanin D. M. (2022) Francis Thomson and his “Clavis” to Ancient Slavic Translated Literature. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 379–396.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.16

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

знаменитой «картотеке», о которой знали немногие — преимущественно по рассказам ее создателя. Она была задумана как «ключ» к репертуару славянской переводной литературы, но по богатству заключенной там информации вышла далеко за пределы первоначального назначения. Исследователь пополнял свою рукописную «картотеку» на протяжении пятидесяти лет, и среди специалистов она превратилась в легенду еще при его жизни. В настоящее время это главное детище ученого находится в Католическом университете Лёвена (Лувена), где готовится ее сетевая публикация. Можно сказать без преувеличения, что дальнейшее изучение переводной литературы средневековых славян немыслимо без учета трудов Фрэнсиса Томсона.

Ключевые слова

перевод, источниковедение, библиография, церковнославянский язык, картотека, энциклопедия, компиляция, идентификация

Abstract

The article deals with the academic legacy of Francis Thomson (1935–2021), an outstanding connoisseur of Medieval Slavic literature, who especially distinguished himself in the study of the translated section of this literature. The article also discusses the fundamental academic's source studies and bibliographic studies, in the course of which he established and described the originals of hundreds and even thousands of translated texts that exist in Church Slavonic. These texts entered the bulk of literature accumulated by South and East Slavs in the period between the 9th and the first quarter of the 18th century. The discoveries of Francis Thomson are first of all reflected in his articles, of which more than one and a half hundred are published, and which are already highly appreciated in Slavistics. His discoveries are also fixed in his famous "cartotheca," of which little was known, mainly from the words of its creator. This project was conceived first as a "clavis" to the repertoire of Slavic translated literature, but taking into account the rich information contained therein, we can state that it went far beyond its original purpose. The author of the handwritten "cartotheca" worked on it for fifty years, and, already during his lifetime, it turned into a kind of a legend among specialists. Currently, this opus magnum of the researcher is located at the Catholic University of Leuven (Louvain), where its net publication is being prepared. It can be said without exaggeration that further study of the translated literature of the medieval Slavs is unthinkable without taking into account the work of Francis Thomson.

Keywords

Translation, source study, bibliography, Church Slavonic, card index (cartotheca), encyclopedia, compilation, identification

Фрэнсиса Томсона не стало 21 мая 2021 г., и каждый, кто занимается профессионально палеославистикой, понимает, что для нее это невосполнимая утрата. На кончину выдающегося филолога написано уже немало проникновенных откликов¹. Расставаться с крупным ученым всегда горестно, но расставание дает повод по возможности беспристрастно оценить вклад почившего в историко-филологическую науку. Таков смысл предлагаемых здесь размышлений, которые не уместаются в жанр некролога. Вопрос

о жанре имеет в данном случае принципиальное значение, потому что позволяет обойтись без ритуальной апологетики (*de mortuis aut bene aut nihil*). Томсон был слишком нестандартной личностью, чтобы его можно было характеризовать несколькими дежурными формулами. Приняв данный ему автором этих строк титул «мифоборца» (*μυθαγωνιστής*) [Буланин 2000], он сам стал в славистике объектом мифотворчества. Сложившийся поначалу утрированный образ *enfant terrible* ныне под пером панегиристов трансформировался в столь же далекий от действительности образ чуждого страстей мудреца. Прототип безусловно заслуживает того, чтобы о нем сказано было в более реалистической манере и чтобы в центр обсуждения вынесен был главный в жизни ученого труд.

Нетипичным для академической карьеры стал уже дебют Томсона в 1978 г. в амплуа слависта-древника, о котором прежде никто не слышал, ибо он к тому времени успел обнаружить свои интересы лишь в нескольких коротких рецензиях. Теперь же перед изумленной публикой, собравшейся на съезде славистов, вдруг предстал строгий критик русских литературных древностей [Thomson 1978]. В присущей ему резкой манере докладчик огласил свое окончательное и бесповоротное *credo* по поводу древнерусского наследия, которое сложилось у него в процессе изучения переводов, обращавшихся на Руси в первые три века после ее крещения. Содержание этого «исповедания веры» сводится вкратце к следующему: мало того, что фонд древнерусской письменности

¹ Помимо извещений о кончине, строго держащихся этикета, вышла в свет и весьма содержательная статья, где приведены малоизвестные подробности биографии Ф. Томсона и изложены планы назначенных им «академических наследников» по обработке и электронной публикации его картотеки. См.: [Sels 2021].

укладывается без остатка в репертуар библиотеки греческого монастыря (об этом писали и до Томсона). Русская средневековая культура в целом представляла собой предельно обедненный и упрощенный вариант той, что сложилась в среде византийского монашества. Оторванная от античных корней, питавших христианство Востока и Запада, Древняя Русь не дала миру философов и богословов, сопоставимых с Ансельмом Кентерберийским, Пьером Абеляром и др. Причина ее духовного убожества кроется не в монгольском нашествии, а в консервативности православной церкви, скованной по рукам церковно-славянским языком, который по самой своей природе создавал препятствия для взаимодействия с другими культурами, в особенности с византийской. Это печальное положение вещей, по Томсону, усугублялось отсутствием людей, знающих греческий язык. Более поздние статьи и высказывания Томсона по общим проблемам, касающимся сравнительных достоинств древнерусской, а отчасти и других культур православных славян, добавили немного нового к его первому «исповеданию веры»: свои умозаключения ученый распространил на русскую литературу вплоть до конца XVII в. и, как ему думалось, привел неоспоримые доказательства того, что на Руси не могли читать по-гречески; что, соответственно, нелепо говорить о каких-либо восточнославянских переводах с греческого; что, наконец, из-за нагромождения в них всевозможных ошибок, сами переводы были в большинстве своем непонятны читателям.

Коллеги, ошеломленные столь категорическими и безапелляционными суждениями, измеряющими любые культуры одним аршином, принялись было устно и письменно спорить с Томсоном. Благо слабых мест в его аргументации хватало на всех оппонентов. Со временем, однако, стало очевидным, что нигилистические тезисы, переходившие в неизменном виде из одной работы автора в другую, суть субъективная аксиоматика — не столько продукты научного анализа, сколько догматы веры. Догматы не поддаются логической коррекции, а потому полемика с их адептом малопродуктивна. Никто, войдя в церковь, не будет громогласно объявлять, что Бога нет. К тому же, по истечении какого-то срока, выяснилось, что за бросающимися в глаза полемическими эскападами ученого скрывается весьма условно с ними связанная титаническая работа по систематизации древней славянской переводной литературы. Работа воплотилась в знаменитой «картотеке» Томсона (таким греко-славянским термином он сам ее именовал), которая, в свою очередь, обросла мифами, вероятно потому, что составитель мало кого к ней подпускал. Но прежде чем обсуждать картотеку, следует покончить с «теоретическими» построениями ее создателя, если их можно так назвать. Есть мнение, что провокационные высказывания и

выводы Томсона представляют собой лишь одну из форм розыгрыша, к которому наш герой и правда имел склонность. Достаточно вспомнить его самоаттестацию в качестве скромного учителя английского языка, браваду национальными привычками шотландцев², автоцитаты со ссылками на вымышленные авторитеты — Слободана Фомича или Елевферия Шотландца (Scot) — и др.³ Уверен тем не менее, что намерение исследователя выстроить раз и навсегда ценностную иерархию средневековых культур, поставив древнерусскую на нижнюю ступень такой иерархии, было вполне серьезным. Уверенность зиждется не только на многократных спорах с героем этого очерка tête-à-tête. Чем, если не намерением указать каждому на его место на лестнице духовных свершений, объяснить, что единственную свою книгу (сборник статей) Томсон посвятил проблемам не вообще славянской, а именно русской культуры [Thomson 1999]. Могу только предположить, что какое-то предубеждение против русского извода православия выработалось у него в процессе подготовки диссертации, посвященной экуменической миссии Вильяма Палмера, не нашедшей тогда понимания у синодального духовенства. Не случайно первыми печатными работами начинающего специалиста стали пространная статья об икономии по учению православной церкви [Thomson 1965] и отклики на книги, посвященные антирелигиозным кампаниям в СССР. Постепенно в процессе славистических разысканий, касающихся средневековой письменности, Томсон вывел для себя правило, согласно которому ранг писателя, как школяра, он определял по уровню познаний того в греческом языке. Понятно, что на этой шкале южнославянские книжники неизменно давали фору восточнославянским.

Как бы то ни было, научную деятельность Томсона можно считать любопытным примером того, что стойкая презумпция неполноценности в отношении предмета исследований не мешает замечательным достижениям в изучении этого предмета. Все объясняется тем, что многосторонние способности и энциклопедические знания ученого вполне воплотились не в спорных «теоретических» выкладках, а на эмпирическом уровне — в собранном им огромном фактическом материале [Franklin 2001]. Томсон был неутомимым источниковедом и библиографом, и читатели уже первого его выступления на съезде славистов не могли не заметить полноты сопровождавшего текст самого выступления справочного аппарата — полноты, для такой программной статьи,

---

² При этом в архиве Томсона сохранилась рукопись почти завершённой ученым книги о шотландцах в России, книги, которую он писал в течение многих лет [Sels 2021: 131].

³ Другие примеры см.: [Marti 2018].

пожалуй, даже чрезмерной. Дисбаланс между текстом исследования и примечаниями к нему станет отличительной чертой всех последующих его статей, что объясняется не только барочными вкусами автора, но и производным характером этих статей от любимого детища исследователя — его рукописной картотеки, его *opus magnum*. О том, что из себя представляет данный опус, поведал сам его творец на начальном этапе реализации проекта, а если точнее — через семь лет после зарождения идеи этого проекта и первых шагов, сделанных для претворения идеи в жизнь. Идея заключалась в том, чтобы создать путеводитель (*guide*) по корпусу славянских переводов с греческого языка, появившихся в промежутке времени от изобретения письменности Кириллом Философом до конца XIV в. [Thomson 1980]. Актуальность темы была ясна всем, поскольку переводы, с одной стороны, занимали основное место в славянском литературном наследии, с другой стороны, оставались наименее изученным его разделом. Для зарубежного слависта, такого как Томсон, серьезным препятствием на пути к материализации идеи являлась недостижимость первичных источников — рукописей. Приходилось довольствоваться лишь описаниями рукописей, в основной своей массе неполными и устаревшими, да малочисленными изданиями переводных памятников. Значительные массивы рукописей, особенно древнерусских, оставались (и остаются) вообще неописанными, иногда даже не удостоившимися инвентаризации. Данная ситуация не смутила каталогизатора, справедливо рассудившего, что по необходимости неполный путеводитель будет лучше, нежели отсутствие какого бы то ни было, и работа закипела. По установленному Томсоном для себя плану, начинать нужно было с картотеки, куда были бы занесены все опознанные переводы, сведения о списках каждого из них, где был бы указан греческий оригинал перевода и важнейшая научная литература о переводе, а при необходимости — и о его греческом аналоге. При этом учитывались как переводы, выполненные на славянском юге, так и те, которые кое-кто из историков и филологов признавал восточнославянскими (по Томсону, в установленных хронологических границах последних не существовало как класса). Так зародилась легендарная картотека; вошедшие в нее переводы составитель распределил по нескольким рубрикам: библейские книги, апокрифы, агиография, литургика, право, писания отдельных авторов (включая тексты из других рубрик, если сохранились сведения о составителях этих текстов), анонимные произведения, сборники. Отчитываясь о проделанной за семь лет работе, Томсон сообщал, что в картотеку вошло уже примерно три тысячи переводов. С той поры она разрослась неимоверно. Вплоть до весьма преклонного возраста, пока ему позволяло состояние здоровья,

ученый дополнял свою картотеку, стараясь идти нога в ногу с развитием славистики.

В проспекте 1980 г., раскрывая свой амбициозный план, Томсон прямо указал на те справочные книги и обобщающие пособия по греческой патристике и византийской литературе, которые увидели свет в недалеком прошлом, отвечали современным научным требованиям и на которые имел возможность опираться исследователь, приступая к поиску источников славянской переводной письменности. Таковы общеизвестные труды Г. Бека, Г. Хунгера, М. Геерарда. Особенное значение имел для Томсона составленный последним из названных корифеев «*Clavis Patrum Graecorum*», ставший для героя нашего очерка не только инструментом, позволившим подобрать греческие параллели ко многим переводам, но и структурным образцом, на который он поначалу проецировал собственный замысел, не называя его, впрочем, «ключом». А не называл, как видно, потому, что уже на той ранней стадии разработки, которая описана в проспекте, проект Томсона значительно превосходил по своему заданию справочник Геерарда. Как явствует из двух приложенных к проспекту примеров с описаниями переводов («Синагога 50 титулов» и «Златоуст Ягича»), каждое описание мыслилось в виде полноценной энциклопедической статьи, с лаконичной, но разносторонней характеристикой соответствующего объекта, включая его сравнение с исходным греческим текстом, сведения о его композиции, языковых приметах, переводческой технике, рукописной истории, а также с полной библиографией. Причина, по которой ученому пришлось отступить от эталона, каким ему виделся на старте «ключ» к греческой патристике, лежит на поверхности: несопоставима с освоением славянского наследия была степень изученности предмета. Сбор материала в виде картотеки мог продолжаться бесконечно, он и шел своим чередом, но для конечного результата отступление от эталона стало фатальным. Достаточно познакомиться с теми двумя опубликованными образчиками из будущего путеводителя Томсона, которые мы назвали, чтобы прийти к неутешительному выводу относительно перспектив замысла: одному человеку не под силу подготовить справочник с подобным размахом, даже при заданных хронологических и тематических ограничениях. Тем временем неутомимому библиографу стало уже самому тесно в им же установленных рамках, и Томсон расширил круг предметов, подлежащих учету. Теперь принимались во внимание все переводы, осуществленные вплоть до окончания петровской эпохи, и они включались в картотеку независимо от того, с какого языка были сделаны. Картотека от такой экспансии только выиграла, но надежды на издание путеводителя можно было похоронить, что понял однажды

и сам автор проекта. Договор, который он подписал с издательством «Brepols» (тем, что выпустило серию Геерарда) на справочник «Clavis Slavica» в четырех томах, так и остался на бумаге.

Если не считать научных статей Томсона, к которым мы сейчас обратимся, единственным опубликованным печатным продуктом, позволяющим составить приблизительное представление о содержании несбывшегося издания «ключа», является подготовленный им за несколько лет до смерти «контрольный список» (checklist) славянских переводов. Список базируется на материалах картотеки. Он состоит из одних только заглавий (подлинных или данных составителем) переводных произведений, авторских и анонимных, разделен на условные хронологические периоды, доведен до 1739 г. и включает около 1950 названий [Thomson 2018]. Эти произведения описаны в картотеке на «больших карточках», на которые ученый положил для себя помещать одни сколько-нибудь изученные (in some detail) переводы. Прочие переводы, которые оставались на «маленьких карточках», ждали своего часа; кроме того, изъяты были из опубликованного списка названия библейских и литургических переводных памятников, а также переведенный на церковнославянский язык актовый материал (например, документы Афона). Конкретной информации из списка специалист извлечет немного. Все же некоторые вещи понятны. Понятно, в частности, что компиляции расчлняются в контрольном списке на образующие их исходные тексты. Правда, выводы каждый раз делаются разные: иногда попавший в компиляцию фрагмент из постороннего памятника дает основание считать, что имелся и полный перевод этого памятника, иногда такой памятник указан в списке отдельной строкой, но с пометой, что он известен только в виде фрагмента. Не исключено, конечно, что на соответствующих карточках такая дифференциация как-то мотивирована, потому что для изучающего перевод это одна из важнейших его характеристик. И простого решения иногда не существует. Вообще же контрольный список сродни рекламе, интригующей читателя по поводу содержания недоступной ему картотеки.

Есть, однако, надежда, что в обозримом будущем картотекой смогут пользоваться все, кого интересует средневековая славянская письменность. Как можно узнать из статьи Л. Селс (см. примеч. 1), во исполнение завещания ученого знаменитая картотека в полном ее объеме⁴, какого она достигла за пятьдесят лет работы библиографа, была передана в Католический университет Лёвена (Лувена). В настоящее время на средства нескольких фондов производится оцифровка библиографических карточек, сопровождающаяся в необходимых случаях

⁴ Более шестидесяти ящиков для карточек, около ста тысяч карточек.

их дополнительной систематизацией. По завершении этой работы планируется открыть свободный доступ к картотеке через сеть, для чего уже сейчас на сайте Католического университета создана специальная страница, отведенная наследию Фрэнсиса Томсона (<https://www.arts.kuleuven.be/grieks/thomson>). Более того: как автору статьи любезно сообщила госпожа Лара Селс, в Славистическом институте Инсбрука планируют, взяв за точку отсчета собранный в картотеке материал, пополнять его сведениями о новых изданиях и новых исследованиях, касающихся славянской переводной литературы.

Все эти хлопоты, связанные с обнаружением неопубликованного наследия Томсона, свидетельствуют о понимании того, сколь значим его вклад в науку о письменных древностях православных славян. На чем же основано такое понимание, коль скоро до недавнего времени мало кто видел картотеку? Основание есть: Томсон не удовлетворился поиском источников и регистрацией в картотеке связанной с каждым из переводов научной литературы. У него, как выясняется, было легкое перо, так что список печатных работ заслуженного слависта (притом список, прошедший цензуру автора, изъявшего оттуда свои писания, которые он счел неакадемическими) насчитывает более полутора сотен названий [Bibliography 2018]. Наибольшее значение среди них имеют фундаментальные источниковедческие исследования, написанные по материалам картотеки, хотя среди тенденциозных рассуждений составителя картотеки на общекультурные темы заинтересованный читатель тоже отыщет меткие наблюдения и важные ссылки на рукописи, статьи и книги. Не будет преувеличением сказать, что дальнейшее изучение славянских переводов немыслимо без учета сделанного Томсоном. Чем же обусловлен его успех, помимо безусловно присущих ученому врожденных способностей и благоприобретенной эрудиции? Тем, прежде всего, что в абсолютном большинстве случаев он осваивал никем не тронутую целину. Авторы историко-филологических статей часто гордятся крупными новыми сведениями, Томсон засыпал в каждую из своих работ по целой пригоршне фактов, впервые делавшихся через него достоянием печати. Картотека служила ему при этом неизменным помощником, и нетрудно заметить, что типичные статьи исследователя представляют собой, в сущности, экстракты из разных отделов картотеки. Иногда статья охватывает набор произведений, объединенных именем древнехристианского или византийского писателя и богослова (Григорий Богослов, Григорий Нисский, Симеон Новый Богослов, и др.) [Thomson 1983; Thomson 2003; Thomson 2014], иногда — это памятки, сведенные в самостоятельный сборник в оригинале или в переводе («Златоструй», Изборник Симеона-Святослава, и др.) [Thomson 1982;

Thomson 2007], иногда — родственные по какому-то другому признаку памятники (например, жития, признаваемые переводами с латинского языка [Thomson 1983a]). Но чаще всего берется к рассмотрению одна, особенно значимая статья из фонда древних переводов, а уже к ее обсуждению подтягивается связанный с историей этой статьи материал. Во всех подобных случаях самым важным моментом является идентификация отдельно взятого славянского текста с его источником в греческой традиции или с близким греческим аналогом. Славой своей наш герой обязан преимущественно совокупности уравнений такого рода.

Объясняя достижения Томсона на данной стезе, нужно учитывать два фактора. Первый связан с уровнем развития палеославистики, которая остается очень молодой наукой, отстающей от той же византистики на четыреста или даже на пятьсот лет. В этом причина, по которой в описаниях славянских рукописей (пожалуй, за исключением знаменитого «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки») не стало правилом указывать, где это возможно, источники переводных статей. Своей работой составитель картотеки и написанных по ее данным статей фактически завершил то, чего не доделали авторы описаний, которые работали на заре славистических штудий и еще только наскоро разбирали доставшиеся им от предков рукописные богатства. Правда и то, что за последнее столетие намного продвинулась вперед еще и публикация и систематизация отеческих и византийских творений. Томсон имел прекрасные возможности, чтобы, в отличие от своих коллег в Восточной Европе, к которым западные издания попадали от случая к случаю, следить за новейшими достижениями в богословских и историко-филологических науках (не зря он каждую неделю посещал Société des Bollandistes, консультируя отцов-болландистов по славистическим вопросам и работая в их библиотеке). Таков второй фактор, способствовавший успеху его предприятия по сличению переводов с фондом греческих источников, фактор, в какой-то мере компенсировавший трудности, обусловленные несовершенством все тех же описаний славянских рукописей [Милтенев 2015].

Позволим себе в этой связи заглянуть на минуту в творческую лабораторию составителя картотеки. Поскольку свериться с подлинными манускриптами у него не было шанса, очень часто он вынужден был судить о содержании каких-то статей только по их названиям и начальным словам, которые сочли нужным воспроизвести те самые несовершенные описания. Зная, с одной стороны, об ограниченности славянского материала, каким мог пользоваться ученый, с другой стороны — его высокие требования к библиографической точности, мы не ошибемся, ожидая, что в картотеке (на маленьких карточках)

находится обширный пласт отождествлений, в которых автор не был уверен и предпочел не сообщать о них в печати. Пишу не без оснований, потому что пару раз мне довелось самому развеять сомнения автора по поводу отождествлений, которые числились у него как «*dubia*» из-за невозможности проверить их по рукописям. Вероятно, такие отождествления-«*dubia*» станут, после сетевой публикации картотеки, главным трофеем ныне здравствующих славистов, — тех, кто, в отличие от составителя, сможет воспользоваться данными рукописных источников. Подобрать редкий греческий оригинал к редкому славянскому тексту — большая удача. Единожды произведенная идентификация сразу многое проясняет в памятнике для исследователя и ведет его к новым научным открытиям. Прежде всего, уточняется смысл не всегда вразумительного перевода. Отыскав источник, историк вправе рассуждать о критериях, по которым был выбран оригинал, он может описать язык перевода, переводческую технику, и т. д. Обычно Томсон сам не пренебрегал открывающимися в результате идентификации отдельного текста перспективами, поскольку это было в его силах, т. е. поскольку это касалось статуса иноязычного источника. Так, он неизменно указывал редакцию или вариант греческого текста (если таковые существовали), которые ближе всего подходят к славянской версии текста. Что касается судьбы какого-то перевода на славянской почве — обязанность проследить его перипетии по рукописям лежит, конечно, на тех, кто имеет возможность к этим рукописям обращаться. Сказанное относится к тем открытиям нашего слависта, которые объявлены уже в его печатных работах. Но нет сомнений, что и картотека, когда ее карточки сможет перебрать каждый, помимо указаний на неизвестные ранее источники каких-то переводов, даст толчок для более углубленной интерпретации этих переводов, для реконструкции предыстории и истории их текста.

Воздержимся все же от того, чтобы продуцировать мифы и связывать с будущей публикацией несбыточные надежды, пробужденные той атмосферой таинственности, какой был окутан труд Томсона — не без участия автора. Пока академическая общественность готовится получить доступ к картотеке, есть время задуматься не только о том, что она подарит изучающим переводную славянскую письменность, но и о тех аспектах письменности, которые заведомо не будут отражены ни на больших, ни на маленьких карточках. Об этом сужу не только по личным впечатлениям, но и по самому содержанию замысла. Как мы помним, картотека задумана была в качестве ресурса для будущего «ключа», который — если вообразить на минуту, что он был бы опубликован, и если экстраполировать на него жанр архетипа, т. е. «*Clavis Patrum Graecorum*» — стал бы разновидностью энциклопедического

справочника. Между тем энциклопедия как продукт постренессансной культуры по своим конститутивным качествам во многом деформирует картину описываемой средневековой литературы. Достоинства какой-то энциклопедии нимало не отменяют этого деформирующего эффекта. Эффект особенно заметен, когда материалом для энциклопедических статей служат факты из истории древних славянских литератур, как автору этого очерка однажды довелось показать на примере трех превосходных справочников, посвященных книжному наследию Древней Руси XI–XIII вв. [Буланин 2010: 52–57]. Сделанные тогда выводы можно смело распространить и на новые руководства энциклопедического типа, скажем, на «Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.» [Буланин 2014].

Дело в том, что в энциклопедиях, а значит, и в ориентированной на энциклопедический жанр картотеке Томсона, литература выступает как некое множество обособленных друг от друга авторов и их сочинений. Между тем, будучи производным от религии феноменом, средневековая литература последовательно пренебрегала их различительными чертами и наоборот — акцентировала их общие свойства. Отсюда — непреодолимые препятствия для раздельной их дефиниции и объяснения. Руководствуясь внелитературными принципами и ориентируясь только лишь на конфессиональные приоритеты, средневековая литература выстраивала и авторов, и их сочинения в собственную иерархию, в пределах которой релятивизируются понятия, используемые для описания словесности индивидуалистического типа. Нельзя без оговорок прибегнуть к таким привычным терминам, как проза, жанр, пародия, вымысел, цитата, стилизация и многие другие. Происходит замена базовых представлений о литературной продукции. Субститутом писателя выступает книжник, совмещающий в себе функции копииста и сочинителя; на месте литературы в современном ее понимании находится духовная письменность, преимущественно безымянная, с лимитированным религиозными запросами ассортиментом тем и жанров, со стертыми локальными и хронологическими признаками, письменность, внутри которой повышенная статичность или, напротив, динамичность отдельных единиц текста зависит не от эстетических, а исключительно от конфессиональных факторов. Разнести подобное явление по словнику будущей энциклопедии — то же, что разъять живую ткань на составляющие ее клетки. Реанимировать умерщвленное целое из добытых оттуда элементов будет уже невозможно.

Главное — в значительной своей части эта письменность недостаточно структурирована, чтобы ее элементы можно было описать порознь в жанре энциклопедии. Образующие эту письменность формы

легко перетекают друг в друга. В числе остального общая аморфность материи — что уже прямо касается предмета нашего обсуждения — смазывает разграничительную линию между собственно славянским и переводным отделами литературы. Переводные тексты сплошь и рядом лишь насильственным образом можно обособить от автохтонных. Размыта и четкость категорий, которыми приходится оперировать слависту, занимающемуся переводами: условной оказывается разница между переводами и компиляциями, переводами и переработками, новыми переводами и вариантами старых, редакциями и тщательными копиями, корректными и ошибочными чтениями и др. За примерами, когда в компиляцию из греческих источников внедряется оригинальный фрагмент, не нужно далеко ходить. Тут и сборники большого объема, вроде «Шестоднева» Иоанна Экзарха или «Учительного Евангелия» Константина Преславского. Тут и отдельные статьи, греко-славянские гибриды, точнее, циклы статей, сходных по содержанию и связанных между собой общими фрагментами, допустим, «Слова о книжном почитании» или «Поучения о казнях Божиих», развитие которых началось в X в. и продолжалось до конца средневековой эпохи. Предмет слишком неустойчив для однозначной характеристики, в «ключ» к переводам он входит одним боком, что означает и однобокость его понимания. Не столь уже редки случаи, когда славянская стихия в некотором смысле вытесняет из текста переводной субстрат, как это происходит в веренице «изборников», которые лучше всего известны по русской копии одного из них — той, что датируется 1076 г. Вольное отношение переписчиков к исходному переводу в компиляциях такого типа не позволяет установить вертикальную зависимость между редакциями, а однообразие тематики при относительной устойчивости греко-славянских лексических соответствий не дает возможности отличить переработку старого перевода от перевода нового. С подобной трудностью ученый сталкивается, когда, например, восстанавливает многоэтапную рецепцию славянской письменностью «Андриантов» Иоанна Златоуста или «Глав о любви» Максима Исповедника [Буланин 2014а; Дунаев 2021]. Не столь прямолинейно, как предлагает Томсон, решается и вопрос о тех чтениях в славянских переводах, которые он (вслед за иными из своих предшественников) размещает в бинарной оппозиции, т. е. правильные vs ошибочные [Thomson 1988; Idem 1991]. Реальность богаче черно-белых схем, она требует объяснений, а не приговоров. Стоит, например, вспомнить, что на протяжении всей истории славянской средневековой письменности для книжников сохраняла свое значение доктрина пословного перевода, которая была предопределена сакральностью переводимого текста и создавала благоприятные условия для

передачи каждой лексической единицы в изоляции от ее окружения [Буланин 1995: 25–37].

Нет необходимости обсуждать другие аспекты истории литературы, включающей, естественно, переводную литературу как доминирующий в общем ее объеме раздел, аспекты, освещение которых не предусмотрено жанром энциклопедических статей (или, как в случае с картотекой, материалами для будущих статей). Как бы ни был велик научный подвиг Томсона, ученый всегда действовал в пределах здравого смысла. Он никогда не обещал ответить с помощью своего детища на все вопросы, которые могут зародиться в голове у историка, занимающегося славянским средневековьем, и даже на все вопросы, связанные с изучением переводов. «Ключ» к древней славянской переводной литературе, как любой ключ, подходит только к тем замкам, для которых он предназначен. Умерить эйфорию по поводу картотеки автор этих строк счел необходимым, потому что по ряду причин в современной историко-филологической науке (и не только в ней) энциклопедические справочники обрели неслыханную репродуктивную способность и заняли место не по чину [Буланин 2014б]. Культ энциклопедий породил веру в то, что, подобрав нужную комбинацию из находящихся в такой универсальной книге статей, пользователь гарантированно извлечет из них любую истину в последней инстанции. Важно понимать, что, по крайней мере, для славянской средневековой письменности таких гарантий не даст никакая энциклопедия, включая картотеку Томсона. Смею думать, что в статье о никогда не шедшем на компромиссы «мифоборце» вполне допустимы и уместны несколько «демифологизирующих» замечаний о жанре энциклопедического справочника, к которому тяготел «мифоборец», и они не порождают когнитивного диссонанса. При этом ни на минуту не сомневаюсь в том, что научное наследие неутомимого исследователя литературных древностей, каким все запомнили Фрэнсиса Томсона, навсегда останется в анналах славистики как одна из важнейших страниц в ее развитии. Это относится и к его печатным трудам, и к не доведенному до печати «ключу», ставшему легендой уже при жизни слависта.

Библиография

Буланин 1995

Буланин Д. М., Древняя Русь, *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век, 1: Проза* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F., 13/73), С.-Петербург, Köln, Weimar, Wien, 1995, 17–73.

— 2000

Буланин Д. М., Мифы о Григории Цамблаке и мифоборчество Ф. Томсона, *Русская литература*, 2, 2000, 211–216.

——— 2010

Буланин Д. М., *Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.)»*, С.-Петербург, 2010.

——— 2014

Буланин Д. М., ред., *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги)*, С.-Петербург, 2014.

——— 2014a

Буланин Д. М., Текстологические и библиографические арабески. 5: «Андрианты» в старшем славянском переводе, *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги)*, С.-Петербург, 2014, 489–510.

——— 2014b

Буланин Д. М., «Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.» и энциклопедические труды О. В. Творогова, *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги)*, С.-Петербург, 2014, 915–935.

Дунаев 2021

Дунаев А. Г., Из истории переводов «Глав о любви» преподобного Максима Исповедника на церковнославянский и русский языки, *Вестник Свято-Филаретовского института*, 38, 2021, 49–102.

Милтенов 2015

Милтенов Я., Научните приноси на професор Франсис Томсън в светлината на методологическите проблеми пред палеославистиката, *Старобългарска литература*, 52, 2015, 11–23.

Bibliography 2018

Bibliography of Francis J. Thomson from 1965 to 2016, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 276: Bibliothèque de "Byzantion", 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 19–42.

Franklin 2001

Franklin S., По поводу «интеллектуального молчания» Древней Руси, *Russia Mediaevalis*, 10/1, 2001, 263–270.

Marti 2018

Marti R., Fact and Fiction: On Historiography, Historiographic Topoi, Myths and Enigmatic Readings in a hitherto Unknown Vita, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 276: Bibliothèque de "Byzantion", 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 3–18.

Sels 2021

Sels L., Francis J. Thomson (24.11.1935–21.05.2021): His Life, Work, and Legacy, *Palaeobulgarica* = *Старобългаристика*, 45/4, 2021, 125–136.

Thomson 1965

Thomson F., Economy: An Examination of the Various Theories of Economy Held within the Orthodox Church, with Special Reference to the Economical Recognition of the Validity of Non-Orthodox Sacraments, *Journal of Theological Studies*, N. S., 16/2, 1965, 368–420.

——— 1978

Thomson F., The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture, *Slavica Gandensia*, 5, 1978, 107–139.

——— 1980

Thomson F., A Guide to Slavonic Translations from Greek down to the End of the Fourteenth Century, *Paléographie et diplomatique slaves: Rapports et communications du séminaire de paléographie et diplomatique slaves, septembre 1979, Sofia* (= Balcanica, 3: Etudes et documents, 1), Sofia, 1980, 27–37.

——— 1982

Thomson F., Chrysostomica Palaeoslavica: A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruy) Collection, *Cyrrillomethodianum*, 6, 1982, 1–65.

——— 1983

Thomson F., The Works of St. Gregory of Nazianzus in Slavonic, 2, *Symposium Nazianzenum, Louvain-la-Neuve, 25–28 août 1981: Actes du Colloque International* (= Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. N. F. Reihe 2: Forschungen zu Gregor von Nazianz, 2), Paderborn, München, Wien, Zürich, 1983, 119–125.

——— 1983a

Thomson F., A Survey of the Vitae Allegedly Translated from Latin into Slavonic in Bohemia in the Tenth and Eleventh Centuries, *Atti dell'8° Congresso Internazionale di studi sull'Alto Medioevo*, Spoleto, 1983, 331–348.

——— 1988

Thomson F., Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations, *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius: Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985* (= Orientalia Christiana Analecta, 231), Roma, 1988, 351–380.

——— 1991

Thomson F., John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus' "De fide orthodoxa", *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 15/1, 1991, 35–58.

——— 1999

Thomson F., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia*, Farnborough, 1999.

——— 2003

Thomson F., The Works by or Ascribed to Gregory of Nyssa in the Hilandar Monastery Slavic Manuscript Collection together with a Few Remarks on the Slav Reception of Christianity, *Monastic Traditions: Selected Proceedings of the Fourth International Hilandar Conference (The Ohio State University, 14–15 August 1998)*, Bloomington, Indiana, 2003, 342–357.

——— 2007

Thomson F., A Comparison of the Contents of the Two Translations of the Symeonian Florilegium on the Basis of the Greek Original Texts, *Кирило-Методиевски студии*, 17: Проблеми на Кирило-Методиевско дело и на българската култура през IX–X век, 17, София, 2007, 721–758.

——— 2014

Thomson F., The Mediaeval Slav Reception of the Works of Symeon the New Theologian, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, Indiana, 2014, 265–308.

——— 2018

Thomson F., Checklist of Slavonic Translations, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 276: Bibliothèque de "Byzantion", 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 43–129.

References

- Bulanin D. M., «Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.» i entsiklopedicheskie trudy O. V. Tvorogova, *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.: (Rukopisnye knigi)*, St. Petersburg, 2014, 915–935.
- Bulanin D. M., Drevniaia Rus', Yu. D. Levin, ed., *Schöne Literatur in russischer Übersetzung: von den Anfängen bis zum 18. Jahrhundert*, 1: *Prosa* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F., 13/73), St. Petersburg, Köln, Weimar, Wien, 1995, 17–73.
- Bulanin D. M., ed., *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.: (Rukopisnye knigi)*, St. Petersburg, 2014.
- Bulanin D. M., Mify o Grigorii Tsamblake i mifoborchestvo F. Tomsona, *Russkaya Literatura*, 2, 2000, 211–216.
- Bulanin D. M., Tekstologicheskie i bibliograficheskie arabeski. 5: «Andrianty» v starshem slavianskom perevode, *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.: (Rukopisnye knigi)*, St. Petersburg, 2014, 489–510.
- Bulanin D. M., *Traditsii i novatsii v interpretatsii russkoi pis'mennoi kul'tury pervykh vekov: Zametki k perevodu knigi S. Franklina «Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.)»*, St. Petersburg, 2010.
- Dunaev A. G., From the History of Translations of the "Chapters On Love" by St. Maximus the Confessor into Church Slavonic and Russian, *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 38, 2021, 49–102.
- Franklin S., On the "Intellectual Silence" of Early Rus, *Russia Mediaevalis*, 10/1, 2001, 263–270.
- Marti R., Fact and Fiction: On Historiography, Historiographic Topoi, Myths and Enigmatic Readings in a hitherto Unknown Vita, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 276: Bibliothèque de "Byzantion", 19), Leuven, Paris, Bristol, 2018, 3–18.
- Miltenov Ya., The Scholarly Contributions of Professor Francis Thomson in Light of the Methodological Concerns of Paleoslav Studies, *Starobulgarska Literatura*, 52, 2015, 11–23.
- Sels L., Francis J. Thomson (24.11.1935–21.05.2021): His Life, Work, and Legacy, *Palaeobulgarica*, 45/4, 2021, 125–136.
- Thomson F., A Comparison of the Contents of the Two Translations of the Symeon Florilegium on the Basis of the Greek Original Texts, *Problemi na Kirilo-Metodievoto delo i na bulgarskata kultura prez IX–X vek*, 17, Sofia, 2007, 721–758.
- Thomson F., A Guide to Slavonic Translations from Greek down to the End of the Fourteenth Century, *Paléographie et diplomatique slaves: Rapports et communications du séminaire de paléographie et diplomatique slaves, septembre 1979, Sofia* (= Balcanica, 3: Etudes et documents, 1), Sofia, 1980, 27–37.
- Thomson F., A Survey of the Vitae Allegedly Translated from Latin into Slavonic in Bohemia in the Tenth and Eleventh Centuries, *Atti dell'8° Congresso Internazionale di studi sull'Alto Medioevo*, Spoleto, 1983, 331–348.
- Thomson F., Checklist of Slavonic Translations, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 276: Bibliothèque de "Byzantion", 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 43–129.
- Thomson F., Chrysostomica Palaeoslavica: A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruy) Collection, *Cyrrilomethodianum*, 6, 1982, 1–65.
- Thomson F., Economy: An Examination of the Various Theories of Economy Held within the Orthodox Church, with Special Reference to the Economical Recognition of the Validity of Non-Orthodox Sacraments, *Journal of Theological Studies*, N. S., 16/2, 1965, 368–420.
- Thomson F., John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus' "De fide orthodoxa", *Palaeobulgarica*, 15/1, 1991, 35–58.
- Thomson F., The Mediaeval Slav Reception of the Works of Symeon the New Theologian, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, Indiana, 2014, 265–308.
- Thomson F., The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture, *Slavica Gandensia*, 5, 1978, 107–139.
- Thomson F., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia*, Farnborough, 1999.
- Thomson F., The Works by or Ascribed to Gregory of Nyssa in the Hilandar Monastery Slavic Manuscript Collection together with a Few Remarks on the Slav Reception of Christianity, *Monastic Traditions: Selected Proceedings of the Fourth International Hilandar Conference (The Ohio State University, 14–15 August 1998)*, Bloomington, Indiana, 2003, 342–357.
- Thomson F., The Works of St. Gregory of Nazianzus in Slavonic, 2, *Symposium Nazianzenum, Louvain-la-Neuve, 25–28 août 1981: Actes du Colloque International* (= Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. N. F. Reihe 2: Forschungen zu Gregor von Nazianz, 2), Paderborn, München, Wien, Zürich, 1983, 119–125.

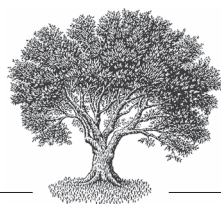
Thomson F., Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations, *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius: Acts of the International Congress held on the Eleventh Cen-*

tenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985 (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 1988, 351–380.

Буланин Дмитрий Михайлович, главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
199034, С.-Петербург, Набережная Макарова, 4
dmitriibulanin@yandex.ru

Received May 4, 2022

Memory and Memoirs: The Past as a Foreign Country

Daniel C. Waugh

University of Washington,
Seattle, USA

Память и мемуары: прошлое как чужая страна

Даниэль Кларк Уо

Университет Вашингтона,
Сиэтл, США

Abstract

The posthumous publication of Iurii Dmitrievich Rykov's most important contributions to the study of the writings of Prince Andrei Kurbskii (including for the first time his kandidat dissertation) has inspired this essay as a tribute to Rykov, one of the leading specialists on early Russian manuscripts. Rather than focus on the substance of the Kurbskii material, the emphasis is on Rykov's own memoir in the book and more generally on memoirs as historical sources, among them ones written by the noted scholars S. V. Zhitomirskaiia and A. A. Zimin. Appended to the essay are a number of letters which Rykov wrote to his American colleagues.

Keywords

Iu. D. Rykov, A. A. Zimin, S. V. Zhitomirskaiia, E. L. Keenan, Prince A. M. Kurbskii, memoir, historiography, source study

Резюме

Посмертное издание важнейших исследований Ю. Д. Рыкова (включая и его неопубликованную кандидатскую диссертацию) о сочинениях кн. А. М. Курбского послужило поводом писать в память выдающегося специалиста в изучении древнерусских рукописей. Статья сосредоточится не на сложных вопросах о Курбском, а на анализе воспоминания Рыкова и источниковедческих

Citation: Waugh Daniel C. (2022) Memory and Memoirs: The Past as a Foreign Country. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 397–434.

Цитирование: Уо Д. К. Память и мемуары: прошлое как чужая страна // *Slověne*. 2021. Vol. 11, № 1. С. 397–434.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.1.18

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

2022 №1 *Slověne*

вопросов о мемуарах, включая и воспоминания известных ученых С. В. Житомирской и А. А. Зимина. В приложении опубликованы письма Рыкова американским коллегам.

Ключевые слова

Ю. Д. Рыков, А. А. Зимин, С. В. Житомирская, Э. Л. Кинан, кн. А. М. Курбский, воспоминания, историография, источниковедение

*to the memory of Iurii Dmitrievich Rykov
памяти Юрия Дмитриевича Рыкова*

The recent posthumous publication of Iurii Dmitrievich Rykov's *Kniaz' Kurbskii i oprichnina Ivana Groznogo* [Рыков 2021] underscores the importance his early scholarship and serves as a stimulus to think about issues of memory and memoirs. In what follows, I will begin with some summary comments about the book and its author, but then transition to what really concerns me here: questions about how and how well we remember the past. I leave it to others to critique his work on Kurbskii, but I hope that this reflective essay will be an appropriate tribute to a respected colleague whose loss is deeply mourned. Had I not been inspired by this new book, I might not have gone into my personal archive, where, as I then discovered, there are a number of letters he wrote and which I append here. They illustrate his characteristic openness and generosity to colleagues and are connected in subject matter to his work on Kurbskii.

The news of Iurii Dmitrievich's death (an early victim of COVID-19, on 22 April 2020) indeed was a shock.¹ We had not stayed in touch over the last quarter century, and in that curious compression of time and memory, I had somehow imagined him as a still young scholar, one of whose publications I had in fact recently been using. Yet we were almost age-mates: by some curious coincidence, IuD and I were at formative stages in our education and careers at the same moment. I was born in 1941, he in 1946. When we met, but briefly, ere long ago in Moscow, he was working on his *kandidat* dissertation; I was completing my PhD. Neither of us had yet made much of a mark in the world of scholarship. We had a shared interest in the main subject of his book: the Muscovy of the 16th and 17th centuries, and more specifically, the writings generally attributed to Prince Andrei Kurbskii.²

¹ See the appreciative obituaries: [Дедук 2020, Филюшкин 2020]. They include references to a good many of his publications which I am not attempting to discuss here. I have not yet seen the Festschrift for Rykov published in 2021 [Сборник...Рыкову 2021].

² While working on my own dissertation, at the time I was also helping Edward L. Keenan (referred to here as ELK) with information about manuscripts which he could not

As he explains in his introductory memoir to this volume, “My Path to Prince Andrei Kurbskii” / «Мой путь к князю Андрею Курбскому» [Рыков 2021: 11–47], IuD’s first serious acquaintance with the subject came from reading Aleksandr Aleksandrovich Zimin’s *Oprichnina Ivana Groznogo*, a book that Sigurd Ottovich Shmidt had recommended to students in his introductory course at the Historical-Archival Institute (MGIAI, Московский государственный историко-архивный институт, now the Russian State University for the Humanities / Российский государственный гуманитарный университет). IuD describes his first meeting with AAZ at the latter’s apartment, a kind of “interview/exam” which would determine whether AAZ would agree to direct the aspiring scholar’s senior thesis and potentially the further study leading to the *kandidat* degree. In developing such an integrated program of training over several years, AAZ was hoping to prepare individuals who would have a solid basis for future careers as scholars. Not surprisingly, in suggesting topics to his potential students, he was choosing subjects about which he was particularly interested, a typical pattern in the way many dissertation advisers shape the work of their charges. The possible topics related to “source study” (*istochnikovedenie*), which was a long-standing concern of AAZ, at that moment engaged in defending his “heretical” views about the dating and authorship of the “Igor Tale” (Слово о полку Игореве). What we might assume hardly needs to be singled out as a “discipline” in itself (after all, don’t we all engage in source study as part of our work?), was treated as such in the curriculum of MGIAI. One of the topics he proposed was to study the manuscripts containing Kurbskii’s “History”, a project that in fact had never been thoroughly done despite the obvious interest in the text. This then became the focus of IuD’s dissertation work. The topic could combine the archaeological work, essential for establishing the “text”, with a particular focus on the *oprichnina*, about which the Kurbskii “History” contained important information.

Having finished his undergraduate degree, IuD began working in the manuscript division of the Lenin Library (GBL, Государственная библиотека имени В. И. Ленина, now RGB, Российская государственная библиотека); so he simultaneously embarked on his graduate studies in the “correspondence” (*zaochnyi*) division of MGIAI. He finished and defended his

---

examine personally as he was writing his controversial *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha* [Keenan 1971]. I have no interest now in being drawn into the debates, especially since the scholarly consensus has rejected ELK’s hypotheses. I do refer to some of the more recent publications, in particular the work of K. Iu. Erusalimskii, who studied carefully Rykov’s work in the process of preparing his own publications of the Kurbskii material. However, for me to write in depth about this material would require a substantial investment of time and a degree of expertise on the textual issues which I never did have when involved in helping ELK.

dissertation on 27 May 1972.³ He was able to publish several articles from the study, reprinted in this book along with the complete, and previously unpublished dissertation. As Professor Vasilii Vasil'evich Kalugin emphasizes in his introduction to this posthumous volume of IuD's work on Kurbskii, despite the substantial amount of subsequent research on the subject, that work of half a century ago "not only has not become obsolete but remains as some of the best in the field, in its study of the sources, the methodology, and in the depth of the scholarly analysis. The basic conclusions, observations and textological hypotheses of Iu. D. Rykov are as yet foundational" [Рыков 2021: 9].⁴

Over the years, the obligations of the work in GBL would hinder IuD in the pursuit of his personal scholarly interests. This obviously opened the way for others to produce some of the studies and publication of the Kurbskii oeuvre that, perhaps, he would have undertaken and for which he had laid the foundation. Clearly IuD's work established him as an expert on the material, which then opened the door for him to be invited to join the distinguished scholar Iakov Solomonovich Lur'e in producing a new edition (in 1979) of the Kurbskii-Ivan Groznyi "correspondence" in the venerable series *Literaturnye pamiatniki* [Переписка 1979].⁵ The volume contained the contributions of a pleiad of important scholars: Zimin, V. B. Kobrin, O. V. Tvorogov and D. S. Likhachev. IuD's dissertation work had prepared him to produce the critical texts of several of Kurbskii's letters and, with substantial revisions and updating, write the detailed archaeological descriptions of their manuscripts.

³ I had the opportunity to read IuD's senior thesis and later the *kandidat* dissertation summary (*avtoreferat*), a copy of which he signed on 6 June 1972 and gave me [Рыков 1972a]. However, I had not attended the defense. While in a letter to ELK dated 18 December 1971 I noted that "I have Rykov's dissertation in hand and will try to go through it by the beginning of next week" [Waugh 1995: 53], in retrospect I wonder whether that might not have been a reference to his *diplomnaia rabota*, not the *kandidat* dissertation, even though the latter presumably was already in a nearly completed draft by then. There is no reason to think that ELK ever saw more than the *avtoreferat*, my cryptic summaries of IuD's work, and the articles IuD eventually published. However, it appears that IuD sent ELK directly much more detailed information, if not the dissertation itself. They did correspond (see letter No. 3 below in my appendix). Cf. the contradictory statements by Erusalimskii [2009, 1, 313 n 362; 317 n 374 and esp. 328 n 427]. At one, he indicates it is not clear whether ELK ever saw (and in any event did not engage in) a discussion of IuD's textual arguments, but then he suggests that ELK and I had seen the full argumentation by IuD (including his dissertation), not just some condensed summary. In a letter to me dated 11 April 1972 [Waugh 1995: 58], ELK noted that he had recently read IuD's article on the redactions of the "History" [Рыков 1971].

⁴ «Она не только не устарела, но продолжает оставаться одной из лучших в данной области и по источниковедческой базе, и по методам исследования, и по глубине научного анализа. Основные выводы, наблюдения и текстологические построения Ю. Д. Рыкова до сих пор являются основополагающими».

⁵ There were subsequent, somewhat revised editions in 1981 (see № 15 in the appendix below) and 1993. The texts were also published, based on this edition, in [601]. IuD was invited to write the article on Kurbskii for the currently authoritative multi-volume Russian encyclopedia [Рыков 2016a].

When the same series (in 2015) produced what has to be considered for now the authoritative edition of the Kurbskii “History”, IuD was the “responsible editor” and wrote the introduction [Курбский 2015]. But the main work was that of Konstantin Iur’evich Erusalimskii, based on his own massive (two-volume) study of the “Kurbskii collections” that contained a new edition of their texts and archaeographic descriptions of the manuscripts whose detail went far beyond what IuD or anyone else was producing back in the 1970s [Ерусалимский 2009].⁶ Erusalimskii’s purview included not only the “History” but also the appended letters that form a part of the corpus known to us only from the late Muscovite manuscripts. While IuD had done textual analysis to support his classification of the manuscripts, Erusalimskii took that analysis farther, in addition to examining anew the manuscripts themselves. The result then was a refinement of IuD’s classification while still within the basic framework he had established. Whether this indeed is the last word on some of the textual issues is still an open question, as, in his memoir, while reviewing the publications on the Kurbskii material since his own dissertation work, IuD takes issue with some of Erusalimskii’s methodology [Рыков 2021: 42–44]. I am aware from private communications that even now there is some ongoing research which may result in publications defending some of Keenan’s hypotheses about the “History”.

This summary of IuD’s path to becoming a “Kurbskii expert” demonstrates that his mentor’s goals in preparing his students for successful careers were in this case very successfully met. In one of my precious and few meetings with AAZ, he pointed to various folders in which he accumulated writings and notes (his and others’) on subjects about which he had studied often long ago. His point was that scholarship is an ongoing process, constantly challenging us to consider new evidence and interpretations; so there is an obligation to keep track of what is new on the subjects about which one has written. Professor Kalugin’s encomium notwithstanding, it probably would be a fair judgment that much of what is in this posthumous volume of IuD’s early work has now been

---

⁶ Note his discussion [Ерусалимский 2009, 1: 350–354] of the methodological principles for proper codicological study, in which he devotes particular attention to the study of watermarks. One has to be impressed by attention he has given to even the smallest details in what ELK (and I) wrote as he engages the arguments while disagreeing with the main conclusions. None of the other critiques of ELK (least of all the numerous reviews published outside of Russia) show such attention to detail combined with equally impressive attention to the primary sources. This does not mean he has settled many of the key issues once and for all, and in fact he admits that some of the interesting questions, such as how the Kurbskii “collections” arrived in Russia, are still open. Erusalimskii has since published another massive contribution to kurbskiana [Ерусалимский 2018]. The book is part of a larger project on Russian elite emigres, thus providing a broader context for understanding Kurbskii’s own life than is found in most other studies. Erusalimskii provides his own detailed interpretations of evidence which contradicts ELK’s hypotheses. One of the volume’s distinctions is its substantial documentary appendices that make available new source material.

superseded. The publications for *Literaturnye pamiatniki* and Erusalimskii's recent studies, which carefully take into account IuD's contributions, certainly demonstrate that. In saying this, I am not questioning the importance of what IuD wrote. However, what we have here in this posthumous volume asks us to look backward, not ahead. It is first and foremost striking evidence about his development as a scholar, where the work he did at the start of his career was indeed groundbreaking. It is the evidence which gives substance to his introductory memoir. His career also then would include other significant contributions that have nothing to do with the Kurbskii material but were the product of the careful methodological training and on-the-job apprenticeship which IuD was fortunate to have.

By his own reckoning, his bibliography of scholarly publications numbered 227 items [Рыков 2013, Idem 2015]. Indeed, a good many of his most important publications relate to the Kurbskii material. But there is much else that he contributed, as he became (in AAZ's estimate), "the solid pillar which supported the group of early [book] specialists in the manuscript division of the Lenin Library" [Зимин 2015: 288].⁷ Much of his work there was devoted to the cataloging and description of manuscript collections, one of the priorities for Sarra Vladimirovna Zhitomirskaia, the long-time head of the manuscript division. The results for the substantial number of new acquisitions during her tenure appeared on a regular basis in the annual volumes of the *Zapiski Ot-dela rukopisei GBL* and in the three parts of the first of a planned five-volume guide to the manuscript collections which he helped compile and for which he was the responsible editor [Рукописные собрания ГБЛ 1983–1996].⁸ These volumes were never intended as full, scholarly descriptions but rather were conceived as urgently needed guides which could make the material accessible to scholars sooner than would otherwise have been the case. Presumably the same principles were involved in the planned description of the important manuscript collection of the Old Believer Egor Egorovich Egorov to which IuD contributed.⁹ By his own reckoning, he described more than 1000 of the Egorov manuscripts. Very briefly in the mid-1990s, he served as the temporary head of the Manuscript Division of GBL [Рыков 2016a].

⁷ «Он [...] фактически является основным столпом, на котором держится группа древников в ОРГБЛ».

⁸ This project, along with most of the other important initiatives of Zhitomirskaia, was not continued after her forced retirement (on which, see below), even though the actual publication of the books post-dated her departure.

⁹ See [Анисимова 2017: 8–9], regarding the previous efforts to describe the collection, which proved problematic, prior to her compilation of a complete scholarly description of the first 300 numbers. Her three volumes have now been published, but it is not clear when or whether we might expect a completion of the project, given the fact that the collection contains 2073 volumes. For details about Egorov and his collection, she cites [Ibid.: 7], [Рыков 1986, Idem 2008].

To produce so many manuscript descriptions over a wide range of material required a mastery of all the “auxiliary disciplines” for early book codicology to which IuD had been introduced during his program at MGIAI. At the time he began work on his Kurbskii project and then was hired in GBL, the staff of the manuscript division still included senior specialists from whom he could acquire or polish the necessary skills. As his many contributions to the study of individual manuscript sources reveal, he became a recognized master in his profession, those skills contributing to important source publications of monastery archives, chronicles and other primary sources.

Memories and Memoirs

For outsiders such as this writer, memoirs by Russian colleagues are of special interest in helping us enter a world that we ourselves never experienced in our formative years. Moreover, the research and publication that many of us do benefits from knowing the challenges that our colleagues have faced in their own careers, a fact which often, I think, is insufficiently appreciated by my colleagues outside of Russia. It is all too easy to criticize published work without appreciating the difficult conditions in which it was written. When we read these memoirs, we are looking in a mirror that reflects much that is familiar in our personal and professional experience. Memoirs may reveal the role played by personal relations (good or bad) or institutional constraints which help us to appreciate the work that was printed and what was not, whether careers blossomed or withered, whether objective scholarship was possible. In this regard, it is instructive to read the comments in Marietta Chudakova’s introduction to her publication of the important memoir by S. V. Zhitomirskaiia [Чудакова 2006]. Chudakova emphasizes how important for the history of Russian culture in the Soviet period were individuals who managed somehow to preserve pre-revolutionary values of humanistic scholarship and objectivity in the face of the socialist homogenization being imposed by the new regime. Clearly these considerations are very relevant to our appreciation of Iurii Dmitrievich and Aleksandr Zimin.

Memoirs are to be savored, at the same time that they need to be subjected to the same kind of critical assessment (*istochnikovedcheskii analiz*) we insist is necessary for any historical source. We must try to understand why they were written at a particular time and with a particular purpose, why their author chose to include certain things but perhaps consciously omitted others. However much we may admire the author, can we trust what he or she says? In my teaching years ago, I would give my graduate students an exercise to read and evaluate memoirs, in order that they learn how some cannot be trusted, having been written with, say, a particular political purpose. Memoirs present a particular point of view, in some cases patently biased. But even if they are written

with honest intent to be objective, they may be as flawed as memory tends to be. After all, in many ways, “the past is a foreign country” which we can but imperfectly retrieve through the fogged lens of the present.¹⁰

Iuriii Dmitrievich planned this volume as a tribute to his mentor, Aleksandr Aleksandrovich Zimin. IuD’s introductory memoir begins with family history, a subject whose importance for him is clear from his on-line blog in his last years, with its treasure trove of family photos. He recounts how he managed to overcome many obstacles in order, finally, to gain admission to MGIAI, the experience of studying there and finally becoming one of AAZ’s “Musketeers”, as he dubbed his closest students. The memoir is colored with the rosy glow of nostalgia that is common when we think back on our earlier lives and how we arrived at where we are today. In many ways, his story surely is not atypical for those who have gained a higher education and entered intellectual circles at a remove from those of their early years. Even if growing up in the relative comfort of post-World War II America cannot be compared with growing up the post-war years in the USSR, in retrospect it is something of a miracle (to my mind), that a small-town boy being brought up by a single mother who worked part-time as a shop-clerk could go on to the educational institutions that I did. IuD suggests he was precocious at a young age (an early reader who would amaze the workers in the local dairy combine by reading to them from the newspapers). I may have been an early reader but have no memory of such an accomplishment. Unlike IuD though, I never had to enroll as an apprentice to become a metal worker after completing middle school, nor did I have to go out to a *sovkhos* to dig potatoes with other freshmen once in college. Granted, I relied on scholarship money in school, and to supplement it I had brief stints on a garbage truck and as a short-order cook and lifeguard at a hotel.... As IuD put it, on completing his senior thesis at MGIAI, “I myself had not expected that I, once a metal worker, might create a serious study which would receive high marks and subsequently become the foundation for a dissertation” [Рыков 2021: 27].¹¹

One relives in his memoir the exhilaration of having excelled in a difficult entrance exam to gain admission to MGIAI and the intellectual stimulation of the early course work. At the same time though, and this is something we shared, there were moments of self-doubt when thrown into the competitive environment of a rigorous institution of higher education. How much do I really know, is it enough, do I really belong here? For me, despite doing well in secondary school, it was something of a shock to discover in college that I was a very small fish in a large pond. I struggled, and in many ways I still

¹⁰ Here I would recommend the stimulating book by David Lowenthal [1985].

¹¹ «Я сам не ожидал, что я, вчерашний слесарь, могу создать серьезное исследование, которое будет высоко оценено и ляжет впоследствии в основу диссертации».

question whether I belong in the same company as my distinguished peers. For IuD, the important step in his becoming the scholar who produced the work in this book was his being able to study under the guidance of AAZ, but for that to happen required passing another kind of “exam”. With trepidation, IuD and his peers arrived at AAZ’s apartment on ul. Dmitriia Ul’ianova. The “test” they were given was to return a week later with a report on their reading of [Рыбаков 1964], presumably a book about which AAZ was very critical.¹² We never learn here his opinion or what the aspiring students said about the book, but obviously their reports received a passing grade. Did they anticipate what they thought AAZ wanted to hear? One really would like to know more about the very good relationship AAZ had with his students, although it is possible to read about it in various other memoirs that have appeared since his death in 1980.¹³

Once IuD had settled on his main subject for his undergraduate thesis (*diplomnaia rabota*) which he then would expand into his *kandidat* dissertation, even from the start he was sent to the manuscript division of the Lenin Library to begin describing and classifying the manuscripts. IuD notes that he had particular difficulty at first in analyzing the watermark evidence, and was helped by Valentina Grigor’ievna Zimina (AAZ’s wife), one of the senior scholars there, and by his fellow student at MGIAI, Evgeniia Platonovna Mamatova, who would also complete her degree under AAZ and then had a career in the library [Рыков 2021: 22].¹⁴ In reading this, I think of my own experience, never having had a course on palaeography (even though I had worked through I. D. Beliaev’s old manual) and knowing nothing much about watermarks when I first arrived in Leningrad in 1968. To my horror, I could hardly make out the quite regular 17th-century cursive in my first manuscript, GPB/RNB, Pogodin № 1558. As AAZ appreciated, one has to learn these essential skills by hands-on experience, which IuD began to acquire early in his professional education.

As a kind of amusing anecdotal aside here, I would note another of IuD’s memories which rang a bell with my experience [Рыков 2021: 24–25]. He emphasized how, once he had started to work on the manuscripts, he would spend every possible waking hour in the library. Later, when he went off to Lenin-

¹² For AAZ’s opinion of Rybakov, see [Зимин 2015: 193–205].

¹³ Note, for example, a good many of the essays in the volume published to commemorate AAZ’s 90th birthday [Историк 2012].

¹⁴ While this is hearsay, I also am indebted to Mamatova, who, I was told, translated an article I wrote in English about Soviet watermark study [Waugh 1970] so that it would be accessible to the scholars in GBL. Obviously it has had some impact in subsequent approaches to the study of watermarks for the codicological analysis of, e.g., the Kurbskii manuscripts [Ерусалимский 2009, 1: 351–352]. For AAZ’s warm appreciation of Mamatova, one of his students, see [Зимин 2015: 279; Федосеева 2012].

grad to work in the archives, every minute with the manuscripts was precious. At the Publichka (GPB/RNB), he encountered the obstacle of the limited size of its cloakroom. One could not work in the library without first hanging up one's overcoat at the entrance. So, to avoid having to wait in line, even in very cold weather IuD would make his way to the library with no coat, arriving there early and not having to wait in line so he could get to the manuscripts right away. I recall doing exactly the same thing in 1968–1969 and again in 1971–1972, spending long days with the manuscripts from the moment the library opened until I was thrown out at closing time in the evening.

At this point the memoir arrives at a more sensitive topic, the relationship between IuD's work on the Kurbskii material and that by Konstantin Andreevich Uvarov, who was writing on the same subject under the guidance of Andrei Nikolaevich Robinson in the Gor'kii Institute of World Literature / Институт мировой литературы имени А. М. Горького. My own observations at the time when working on the same manuscripts confirm the accuracy of what IuD tells us [Рыков 2021: 29–31].¹⁵ Uvarov would make claims about “discoveries” which in fact others had made or which he imagined without looking closely at the manuscripts. While I cannot confirm this by a comparison of texts, he also plagiarized much of his work from IuD's senior thesis. Such theses in Russia are serious scholarly work, in many cases really the equivalent of an MA thesis in the U.S.¹⁶ After IuD confronted Uvarov with the evidence and reported the situation to AAZ, the latter's response reveals how personal interactions and private negotiation are very much a part of the history about how scholarship is produced and published. In this case, AAZ had his student's best interests in mind, even if it may have meant accelerating the schedule for completion at some cost to the content of the work. AAZ negotiated a “compromise” with Robinson, whereby Uvarov withdrew his planned publication about the man-

¹⁵ IuD [Рыков 2021: 30] cites my correspondence with Keenan [Waugh 1995: 51, 53, 57, 63] in support of his case about Uvarov's failure to do any independent work on the manuscripts [Ерусалимский, 1: 303–304]. Erusalimskii [Ibid., 337, n. 18] indicates that the harsh criticism of Uvarov by IuD (and in what I wrote) is only partially justified, since Uvarov did develop some independent ideas about the Kurbskii corpus. Note though (letter № 4 in the appendix) that IuD recognized the importance of his reading carefully Uvarov's work beyond just the latter's manuscript descriptions. It is somewhat curious that evidence about what Uvarov did or got wrong in some cases comes from the comments he wrote on the lists of those who used the manuscripts, placed inside the covers by the archivists. In one case, my “counter-comment” to what Uvarov had written on such a sheet is cited as evidence [Курбский 2015, 298, n 47].

¹⁶ A seemingly minor point perhaps, but who first re-discovered in LOII/SPbII RAN the proof pages of what G. Z. Kuntsevich planned to publish as a second volume of his edition of the Kurbskii materials? The proofs include his manuscript descriptions and their classification, work that anticipated what IuD would then refine. Having learned of the proofs from AAZ (not S. O. Shmidt, as Uvarov claimed), IuD then was able to use them in his senior thesis in 1969 [Рыков 2021: 25]. See the careful note about this matter in Erusalimskii's commentary [Курбский 2015: 294–295, n 42].

uscripts, in order that IuD publish first and be the first to defend the dissertation. As it turned out, Uvarov violated the agreement, so that his article on the manuscripts appeared first [Уваров 1971]. IuD did defend first but subsequently never had any serious interaction with Uvarov [Рыков 2021: 36].¹⁷ Would IuD have written an *even better* dissertation, had *l'affaire* Uvarov not happened? We cannot know.

While the information in IuD's memoir would hardly surprise readers in Russia, for us outsiders, his account of the process by which the dissertation was approved for the defense to proceed is even somewhat amusing [Ibid.: 33]. It is colored with some choice adjectives (not repeated here) describing M. S. Seleznev, the deputy rector of MGIAI for scholarly work, a specialist on the Soviet period who was supposed to read and approve the completed dissertation in order for the defense to be scheduled. The conversation went as follows. S.: "Are Marx and Lenin there?" R.: "They are". S.: "Where? Show me." So IuD did. Then, S.: "Have you checked all the citations from Marx and Engels?" R.: "Yes". S.: "Here is some paper. Write an attestation that all the citations from the classics of Marxism-Leninism have been checked according to the second edition of the 'Works' of K. Marx and F. Engels and the fifth edition of the 'Complete Works' of V. I. Lenin". And so, IuD concludes "With this the interest in the dissertation's author was exhausted".¹⁸

What better to illustrate the realities whereby institutions were placed under the control of individuals who seem to have had no concern for the integrity of scholarship and whose primary function was to ensure at least the appearance of ideological conformity. Yes, one might cite the classics out of necessity, but that did not, of course, mean abandoning scholarly standards. After all, AAZ had to cite the classics too. I recall he even said to me once, undoubtedly with a certain amount of irony, that he was a Marxist historian. That he and his serious colleagues would cite the classics too often was highlighted in critical reviews of their work in the West as a substitute for any kind of serious analysis of how the authors had used their sources. At one's place of employment—this was the case with IuD—a scholar might have to be a member of the Communist Party. However, of itself that may tell us nothing about what a person actually believed, any more than attending Easter Sunday service is evidence that an individual is a good Christian.

¹⁷ For IuD's comments based on his first acquaintance with the avtoreferat of Uvarov's dissertation, see letter No. 4 in the appendix below.

¹⁸ «Он без обиняков задал вопрос: «Маркс, Ленин есть?». «Есть», — ответил я. «Где? Покажите!» Я открыл раздел библиографии со списком работ классиков марксизма. «Все цитаты из произведений Маркса и Энгельса сверены?», — опять строго спросил Селезнев. «Да», — подтвердил я. «Вот Вам бумага. Пишите расписку в том, что все цитаты из классиков марксизма-ленинизма сверены по второму изданию «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса и по пятому «Полного собрания сочинений» В. И. Ленина [...]». Этим интерес к диссертанту был исчерпан».

IuD recalls [Ibid.: 34] being very nervous during the defense, since the rector of MGIAI, S. I. Murashov, who was presiding, asked a loaded question, but one to which IuD did manage to answer satisfactorily. From there on, it was smooth sailing. In my personal experience (Harvard was an exception in this), I never had to defend my dissertation once it had been approved by my adviser—just hand in the finished copy by the deadline. However, I remember the absolute terror of the oral qualifying exams that were required in order to proceed to dissertation writing. I was in the presence of some of the most distinguished professors and felt I had done miserably. That I passed was a surprise and a huge relief.

Most of the rest of IuD's memoir is a review and critique of the publications on the Kurbskii material that appeared either just before or following his dissertation defense. Naturally one of the first which he discusses is Edward Keenan's heretical book and subsequent articles [Ibid.: 37–39]. IuD offers a summary defense of his scheme about the text genealogy of the Kurbskii "History", refuting Keenan's effort to "turn it upside down". In this discussion, curiously, IuD is silent about aspects of his personal connection with some of the first debates over the book and his own correspondence with ELK himself.

IuD surely would first have learned about the book from AAZ, to whom, at ELK's request, I had brought a copy of the page proofs in late 1971. Knowing AAZ's well documented critical approach to source study and aware of the controversy over the Igor' Tale, ELK hoped for a more sympathetic reading than he would get from other scholars. Keenan had been in correspondence with AAZ, who informed him in a letter, sent via another of the American graduate students in Moscow, not to expect a published review of the book but promised a detailed *otzyv* [Waugh 1995: 46]. A week after I had delivered the proofs to AAZ (in a very enjoyable long evening in his apartment when the discussion even touched on IuD's work) I then was invited to return on 18 December 1971 and instructed to take careful notes that would constitute that review, which I then dutifully sent on to Keenan [Ibid.: 47–51].¹⁹ Had I not written a long and detailed letter to Keenan immediately after the meeting, kept a copy, and subsequently published most of it, I would be hard pressed to

¹⁹ The American exchange students were allowed to use the U.S. embassy's secure mail service to send letters home, although I know from personal experience that, even if such letters escaped the eyes of Soviet censors, they were being read by the American officials before the envelopes were sealed and dispatched. Erusalimskii [2009, 1, 313, n 362], expresses surprise at the correspondence between Keenan and his Russian colleagues, including IuD, at a time when letters presumably were all being read by the censors and Keenan was a persona non grata in the eyes of the Soviet authorities. Yet a lot of open correspondence through the regular mails was going on, with no overt signs that it was being interdicted. Perhaps discussions of old Russian manuscripts and texts were not perceived as endangering national security, or perhaps it was useful to be able to monitor such contacts, just in case the evidence could have served some purpose in the future.

reconstruct the events from memory today. That meeting, at which IuD had been invited to be present, surely would have left him a vivid memory, since the subject being discussed was so central to his own work. In fact in 1981, IuD did recall how AAZ had greeted me [see letter № 15 in the appendix below]. Yet there is no mention of the event in this current memoir of IuD's path to Kurbskii.

When I wrote ELK, apart from transmitting (I hope accurately) AAZ's critique, I also devoted some space to commenting on IuD and his work, with, to my embarrassment today, a passing comment suggesting I was dubious of its quality. (I was very opinionated, it seems.) Yet, until the stimulus of receiving [РЫКОВ 2021], I had totally forgotten how much interaction we seem to have had apart from that one encounter. I cannot document specific meetings, but it came as a surprise to find in my personal archive the letters and cards which he sent me over roughly the next decade and which I had not looked at in all the years since.²⁰ So memory is a fragile thing. An omission in a memoir may be unconscious or deliberate. In this case, IuD's silence about that personal experience and the fact of his correspondence with me and Keenan likely was deliberate. Even in the more open times of the early 21st century, it may have made sense to put some distance between him and Keenan's heresy. That he generously shared information with us was characteristic for who he was: all who interacted with him over the years were impressed by his lack of pretense and willingness to help others with what he knew.

It is easy to understand why this particular memoir by IuD, part of a tribute to AAZ, focuses rather narrowly on the author's education to become a Kurbskii expert. However, there is precious little here to tell us about IuD's long and productive career. He worked for close to four decades in the Lenin Library, in the process becoming a senior expert there on early manuscript holdings. In his few letters to me he mentions but in passing how his obligations at work were preventing him from pursuing his own scholarly interests. Would it not be nice to know more about that employment? In fact, he does tell us more in what I would term "memoir-like" writings not included in this book, and provides leads to others' memoirs which help us to understand the

---

²⁰ I must have talked with him during the Zimin memorial readings in Moscow in May 1990, since we were both on the program, but again I have no recollection of such a conversation. That was my first visit to the hallowed halls of MGIAI, about which IuD so warmly writes. Never comfortable in crowds, I do remember feeling quite nervous, intimidated in the presence of so many important Russian scholars, and trying to remember the *imia i otchestvo* of those whom I had never met and with whose work, they might have assumed, I should have been familiar. IuD's paper at the conference [summarized as РЫКОВ 1990] would seem to suggest that in the reconstruction of the contents of the Stroganovs' library in [Мудрова 2015], he deserves explicit credit for identifying some of the Stroganovs' books. She fails to mention him by name and does not cite that paper.

context in which he tried to balance work and other obligations.²¹ This part of his story is worth exploring here, even if it takes us beyond the bounds of his Kurbskii book.

When IuD first was employed in the manuscript division of GBL, it was still directed by a remarkable scholar, Sarra Vladimirovna Zhitomirskaiia, who in her early education had studied the Italian Renaissance but then in the early 1950s was hired to work in the GBL manuscript division, at the time headed by the accomplished historian Petr Andreevich Zaionchnovskii.²² He soon moved on to another job, and, to her surprise, she succeeded him. She continued as head of the division until forced to resign in late 1976. During her tenure, she was instrumental in making the holdings more accessible to users through the retrospective publication of collection descriptions, and she did a great deal to expand acquisitions, with members of her staff even beginning archaeographic expeditions to collect old manuscripts in remote villages. To accomplish all this placed a huge burden on her professional staff, as there was barely enough time to record new acquisitions, much less catch up on the backlog of describing and organizing what was already in the collection. It was to assist in this work that IuD was hired. I can attest from personal experience that in the late 1960s and beginning of the 1970s, the manuscript division of GBL was one of the best places to do research, attentive to the needs of its patrons.

However, all this was about to change in the political and ideological environment of the 1970s, as one can learn in sometimes excruciating detail from Zhitomirskaiia's posthumously published memoir.²³ To put it in simple terms, ideologically inspired careerists, some apparently animated in part by antisemitism (Zhitomirskaiia was from a Jewish family), managed to oust her, with the result being, in her terms, the "destruction" of the manuscript division as she had known and directed it. Over several years, she and others of the old, well-trained professional staff were shown the door. Political directives about restricting access to archives and manuscripts were reinforced by the newly appointed administrators, and already by 1977 (as I know from what one of Keenan's graduate students reported from Moscow), it had become difficult to obtain access to manuscript material or expect to obtain copies of it.²⁴

²¹ For his own story, see [Рыков 2016a], much of which is developed further in his memoir about his road to Kurbskii, and [Рыков 2016b].

²² In what follows here, I am relying on [Житомирская 2006].

²³ See the long section [Ibid.: 383f], entitled «История гибели отдела рукописей». I would stress that her memoir is not just focused narrowly on the issues at work, but contains a lot of compelling personal stories, including how she was so thrilled, when, as a mature scholar, she finally made it to Italy in 1964 for a conference and the opportunity to visit Florence, which had been the focus of her very early academic work [Ibid.: 318].

²⁴ Unpublished letter of ELK to DCW, 7 May 1977, Waugh archive [Житомирская 2006: 424].

In retrospect, I had been blessed during my research there only a few years earlier. Among the trumped-up accusations against Zhitomirskaiia and her closest colleagues was the claim that they had given foreign scholars access to unpublished material that then was printed in the west to discredit the USSR.

One might argue that Zhitomirskaiia's memoir about all this is one-sided and self-serving. It is certainly an *apologia pro vita sua*, but one that is extensively documented and persuasive, in part because as a good scholar, she is also very careful to note the limits of what she knew and how she knew it. Our purpose here is not to plumb the depths of what happened but rather to try to understand how the events might have affected IuD's career. Those who knew him well admired the fact that he was self-effacing, never one to push himself in the limelight, easy to like. Certainly the few letters I have from him reinforce that characterization. So one can imagine he would have kept his head low as the saga with Zhitomirskaiia unfolded and would have focused just on doing his work well, even if acutely aware of what was going on. After all, one of his senior colleagues on the staff of the manuscript division was none other than Valentina Grigor'evna Zimina, and IuD remained close to AAZ even well after his mentor had ceased to spend any significant time himself on the manuscripts. There were already indications Zimina would be targeted for dismissal. IuD's name first comes up in Zhitomirskaiia's memoir only in passing comments about his as yet being too junior to be considered for the leadership of the early manuscript group within the department [Житомирская 2006: 408, 425]. When writing me, IuD avoided even hinting at problems at work (other than the fact there was too much of it), and after July 1976, some months before Zhitomirskaiia was replaced, he had ceased to send me specific information about manuscripts. One explanation could be that he sensed I had moved on to other subjects, but it is reasonable to hypothesize that the threats to those who might assist foreign researchers were a good reason to cease doing so.

The situation in the manuscript division in the 1980s continued to deteriorate. We learn from Zhitomirskaiia that in the spring of 1987, IuD had managed to block a planned appointment of an unqualified individual to work on the old manuscript collections [Ibid.: 483]. Later in the year presumably he was one of the staff members who wrote to those in authority protesting the firing of some of their colleagues. The response was a sharply worded denunciation that began: "We are tired of the anarchism and demagoguery of Iu. D. Rykov, N. B. Tikhomirov [...]" and others, and demanded that "strong measures be undertaken to stop the antisocial activity of the abovementioned group" [Ibid.: 492].²⁵ In mid-January 1988, 23 of the staff members, IuD among them and

---

²⁵ «Нам надоели анархизм и демагогия Ю. Д. Рыкова, Н. Б. Тихомирова [...] Наша убедительная просьба: принять строгие меры по пресечению антиобщественной деятельности упомянутой группы [...]».

including some of the more recently appointed ones, sent a protest letter to the local Communist Party cell in the library and copied it to a deputy minister of the interior, the complaint regarding the secrecy in the selection process that was underway to appoint a new head of the manuscript division. The fires were further inflamed by publication of letters signed by distinguished scholars that supported the concerned staff. In May, the targets of the protest demanded that Rykov and several of his like-minded colleagues be fired. The outcome merely awaited a recommendation by the Party organization, which came on 10 June: “For slanderous accusations addressed at comrades at work and for ignoring the decisions of the Party organization [...] the Communist Iu. D. Rykov is to be given a stern reprimand” [Ibid.: 506].²⁶ That recommendation passed with a majority vote, whereas the committee was evenly split on the recommendation that 6 of his colleagues be summarily dismissed.

So, what might we learn from this? By now IuD was a respected and senior specialist, possibly better liked personally than were some of his colleagues and not perceived as having been the instigator of the protests. Perhaps too, his “lighter sentence” was because his work was indispensable. The first volumes of the survey of the manuscript holdings, for which he had written much and was the editor, still had not all appeared [Рукописные собрания ГБЛ 1983–1996]. In 1990 he compiled a brief guide for non-experts to use in the evaluation and description of manuscripts [Рыков 1990a]. In his positive review of the book, A. A. Turilov [1992: 247] emphasized, “It is nice to note that the author of these recommendations is a person for whom the expertise and scholarly description of manuscript books has been a subject of daily work over many years. Behind these recommendations is clearly evident considerable practical experience.” He went on to praise the book for its “accessible language, lacking scholarly jargon which too often obscures the meaning of that which should be crystal clear (especially taking into account that the intended user as a rule is a person with limited practical experience in the subject)”.²⁷

So Rykov survived the purge of the late ‘80s. However, one of those in the hierarchy whom he had offended would later take his revenge. In his later account about how that happened, what we might call part 2 of his *apologia pro vita sua* (the first part being his road to Kurbskii), IuD pulled no punches

²⁶ «За клеветнические обвинения в адрес товарищей по работе, игнорирование решений парторганизации [...] коммунисту Ю. Д. Рыкову объявить строгий выговор».

²⁷ «Приятно отметить, что автором рекомендаций является человек, для которого экспертиза и научное описание рукописных книг — предмет каждодневной многолетней работы, за рекомендациями отчетливо виден большой практический опыт. Рекомендации [...] изложены доступным языком без излишнего наукообразия, нередко затемняющего смысл того, что должно быть предельно ясным (особенно учитывая, что адресат, как правило, человек с небольшим практическим опытом в данной области)».

[Рыков 20166]. However, he did not dwell on the events of the late 1970s and 1980s; rather, he sent readers to Zhitomirskaiia's memoir for the details. What mattered in 2016 was to write in his blog about how, after nearly four decades in the service of the library, he was pushed out the door, just as Zhitomirskaiia had been, if for perhaps slightly different reasons. One of the issues that continued to affect the manuscript division was re-structuring of functions and departments within the library. IuD had moved from the manuscript division into a new department that focused on research, which seems to have been satisfactory until the decision was made to abolish it, supposedly in the interest of "optimization" of RGB, whatever that obfuscation is supposed to mean. His application then for an opening to return to the manuscript division, was rejected by its then head, one of the bureaucrats whom he had managed to offend back in the 1980s. Fortunately for IuD, he was able to finish his professional career in a position at RGADA.

In reflecting on the above, I keep wondering how much I can trust any memoirs, when my own memory regarding IuD is so flawed.²⁸ What I can reconstruct about him, a tribute that is a not exactly a memoir, relies for the most part on his and others' memoirs and a few letters written long ago. Closer as they are to the events, the letters are probably the most reliable witnesses, but even they, like memoirs, may provide only a one-dimensional picture of something much more complex. After all, I brought to my work in Russia more than half a century ago the biases of my own education. In letters to my mentor then presumably I was writing what he might most want to hear. In his letters to me, as in the account of his path to Kurbskii, IuD never engages in discussion of controversial issues, the one exception being the affair with Uvarov. However objective, immediate impressions that say little and are silent about much may, of course, be no better witnesses than reflections written down after some lapse of time. Understandably a passionate memoir may be more suspect than a dispassionate letter. Yet the "washing of dirty linen" in public, which often is decried, may be justified and trusted to reveal facts about situations and people that can be confirmed from other evidence.

To remember Iurii Dmitrievich is also to remember his mentor, Aleksandr Aleksandrovich Zimin, for in a way, IuD's book is also his mentor's book. IuD only occasionally cites AAZ's own memoir, *Khram nauki* [Зимин 2015], mainly for some positive sentiment about his students, whom AAS tended to remember much more warmly than he did many of his colleagues.²⁹ Yet to read it

²⁸ It is not as though I have no memories about my experiences when studying in Russia back then. On the contrary, but what I think I remember well is very selective, in particular focusing naturally on events that directly affected me [Waugh 2014].

²⁹ In his conscious effort to emphasize the positive and honor his mentor, IuD. even seems in one case to have deliberately mis-read [Зимин 2015]. AAZ, as was his wont, took great relish in cutting Vladimir Terent'evich Pashuto down to size and

inescapably deepens our appreciation of the circumstances within which IuD was able to achieve his educational goals and embark on a career embodying the values of an older generation of distinguished scholars. A proper discussion of AAZ's memoir may have to await a future generation, given the controversy that arose at its publication. But a few comments here are appropriate in my conclusion. AAZ is passionate in his judgments. He paints his portraits of colleagues in evocative word-pictures that are almost too cleverly contrived, probably reflecting the influence of his reading of the great historian Vasilii Osipovich Kliuchevskii, who was famous for his verbal portraits of the heroes of Russian history and for his aphorisms, which AAZ helped compile and publish [Ключевский 1968]. Arguably *Khram nauki* represents not only a general reflection late in life about many of the worst aspects of how the Soviet historical profession suffered but more specifically is a deliberate indictment at least in part aimed at those who either actively attacked AAZ or failed to support him during the controversy over the Igor' Tale. He never hesitated to use that criterion as a standard for determining who wore the white hats and who did not. If there are heroes here, it is those who fought to maintain the scholarly standards of an earlier era and did not simply succumb to the temptations of compromise and careerism.

Can we trust such a memoir any more than we can trust S. V. Zhitomirskaia's or Iurii Dmitrievich's rather bitter accounts, less clothed in literary artifice, of how they were unfairly treated and their life's work relegated, at least in the minds of the regime's officials, to the dustbin of history? At this distance, I cannot be scandalized in the way some might still be when AAZ's dart hits closer to their home. However, if I were confronted with a choice, I would prefer to read his yet unpublished correspondence with his dear colleague Iakov Solomonovich Lur'e to learn more about the Russian historical profession in the middle of the 20th century. Alas I never expect to see it: prepared for publication, those letters must languish inaccessible in the archives, lacking permission from his heirs that they become public.³⁰ Even were we to

---

only somewhat grudgingly manages to say something positive about his colleague's work. In conclusion he states: "Our relations with Pashuto on the surface were always friendly" ('Sasha, you devil', 'Volodka'). Brothers at arms" / «Наши отношения с Пашуто внешне всегда были приятельскими («Сашка черт», «Володька»). Братья по оружию» [Ibid.: 231, emphasis mine]. But IuD chooses to ignore the pages of sarcastic and damning comment, and when writing about the Zimin Festschrift which, as eventually published, omitted any indication it was honoring AAZ [Россия 1982], merely notes: "The collection of essays was prepared by a group of historians headed by V. T. Pashuto, whom A. A. Zimin deemed his long-time friend and 'brother at arms'" / «Сборник готовился группой историков во главе с В. Т. Пашуто, которого А. А. Зимин считал своим давним приятелем и «братом по оружию»» [Рыков 2021: 45].

³⁰ Since his death, a good many of AAZ's letters to colleagues and former students of his have been published or summarized, e.g., in several of the essays in [Историк 2012].

have them, as vivid testimony to their time in the way that a memoir, written with hindsight, cannot be, of course we might still be wanting for a guide to the foreign country of the past.

With *Khram nauki*, I find myself nodding with approval when I read passages that seem to confirm my opinion of someone, at the same time that I know, at least in some of AAZ's comments on colleagues outside of Russia (his knowledge there obviously was limited), that he makes mistakes in details. I am glad we have the book, which draws me into trusting his perceptions about people.³¹ His characterization of IuD seems remarkably accurate: "He has no love for wild fantasies, he is a down-to-earth person, who loves the substantial quality of concrete sources. At least on the surface, he [...] keeps his composure in difficult situations in life [...] He is a modest man, yet maintains a sense of self-respect" [Зимин 2015: 288].³²

Appendix: Letters of Iu. D. Rykov

Iurii Dmitrievich and I corresponded for at least a decade beginning soon after I had returned from the USSR in 1972 and started teaching at the University of Washington. Generally we exchanged New Year's wishes, his messages in few cases being merely cards with a brief handwritten greeting for the year ahead (I have not copied those here). Sometimes there would be an added sentence or two. However, in most cases when he wrote, the letters contained some real substance about the scholarly material on which we both worked. The letters indicate that we exchanged publications, and he generously went out of his way to obtain for me books I requested or which otherwise he assumed would interest me. In some cases, he sent information on topics that he knew were of particular interest to me even if I had not asked about them. I have

---

He was very careful to guard his correspondence with Iakov Solomonovich, much of it written in the kind of "Aesopian language" that Russian intellectuals historically used to confound the censors, in this case the functionaries who might open the letters. In a discussion of ELK's book, AAZ showed me one of his exchanges with Lur'e but would not let me copy the letters.

³¹ Regarding AAZ's ability quickly to size up individuals, Zhitomirskaiia recounts, how he but passed Liudmila Vladimirovna Tiganova in the hall of the manuscript division and then posed the question to Valentina Grigor'evna: "What sort of a beast with the eyes of a murderer has appeared here among you?" / «Что это за красота с глазами убийцы появилась у вас?» [Житомирская 2006: 406]. Zhitomirskaiia's point was that he sensed immediately how dangerous Tiganova might be, as then proved to be the case when she emerged as the evil genius stepping on the bodies of her rivals to gain control of the manuscript division.

³² «В нем нет любви к пламенным фантазиям, он земной человек, любящий добротный материал конкретных памятников. Он [...] во всяком случае внешне сохраняет спокойствие в сложных житейских ситуациях [...] Человек он скромный, но сохраняющий чувство собственно достоинства».

no copies of the letters I wrote him, but presumably they may be found in his personal archive. It is clear from what he wrote me and from references in ELK's published work, that IuD corresponded with him. I include below the one letter of his to ELK, which I happen to have, since ELK copied it to me, wondering what I made of the information in it.

Even though there is a certain level of formality, the warm and generous spirit with which Iurii Dmitrievich wrote comes out very clearly. That he was willing to provide information about manuscripts and, according to ELK, copy some portions of texts for him, in no way indicates IuD subscribed to the American professor's skepticism about the Kurbskii material. This clearly was a correspondence in the best spirit of collegial relations, where there was trust in the exchange of information, not any kind of rivalry or one-upmanship. That the correspondents might disagree in their conclusions was no obstacle to such exchange. ELK made it clear that he was very much indebted to Iurii Dmitrievich for the information and text excerpts which the latter had provided.

After the last of his New Year's greetings in 1982, I have no more letters from IuD, though in 1985 he sent me a copy of *ZOR* containing one of his articles [see below n. 69]. One can but guess why my correspondence with IuD did not continue. Of course by the 1980s I had long ago moved away from any involvement with Kurbskii (my editing of my correspondence with Keenan is an exception [Waugh 1995], but that did not involve new research). IuD himself had for a long time been unable to work further on the material; in a sense, his contribution to the publication of the Kurbskii-Groznyi letters in 1979 marked kind of a high water in what he would himself write on the subject. We both were preoccupied other priorities, though we obviously still shared a strong interest in the codicology of manuscripts. As suggested already, it is possible that the difficult situation in GBL, where there were politically inspired accusations about too much openness concerning the use of collections in the manuscript division, and, worse, the sharing of manuscript material with foreigners, made it somewhat risky for him to continue to write.

* * *

№ 1

Москва, 6 ноября 1972 г.

Любезный Даниель!

Получил с оказией книгу Э. Кинена, за что спешу принести Вам искреннюю глубокую признательность³³.

---

³³ Keenan 1971 was in page proof at the time I returned to the USSR in September 1971; I had a copy of the proofs with me to circulate to Russian specialists for their comments. When the book actually appeared in print, Keenan sent numerous copies directly and

Коротко о своем житье-бытье.

По-прежнему тружусь в отделе рукописей ГБЛ, где занимаюсь описанием рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова³⁴. Написал статью для «Исторических записок» о степени достоверности известий А. М. Курбского о событиях «великого гонения» в России³⁵. В свободное от службы и личных дел время начал заниматься подготовкой текста компиляции к изданию³⁶. Дело идет очень медленно. Впрочем, не исключено, что данный текст, подготовленный уже К. А. Уваровым к печати, лежит в каком-нибудь издательстве и ждет своего выхода в свет.

Желаю Вам, дорогой коллега, больших успехов в научной и преподавательской деятельности.

А. А. Зимин наказал кланяться Вам.

С глубоким уважением

Ю. Рыков

№ 2

Москва, 24.11.1972 г.

Многоуважаемый Даниель!

Александр Александрович сообщил мне, что проф. Э. Кинен работает в настоящее время над новой книгой, в которой соотношение Полной и Компилятивной редакций «Истории» рассматривает иначе, чем я³⁷.

В этой связи считаю своим прямым долгом сообщить Вам об ошибках, допущенных в моих рукописных заметках, касающихся сборника № 42 из собрания К. И. Невоструева (эти заметки я показывал Вам в ГБЛ)³⁸.

---

via me to give to scholars and libraries, though our correspondence suggests that many of them never arrived. I sent Iu.D, a copy after returning to the U.S. at the end of spring 1972.

³⁴ On his work with the Egorov collection, see above n. 9.

³⁵ [Рыков 1974], an offprint of which he later sent me (see № 7).

³⁶ This reference is unclear. If he was in fact preparing the text of what he termed the *Kompilativnaia redaktsiia* of the Kurbskii "History", to the best of my knowledge, he never did publish it, nor did Uvarov. However, he may have sent a copy of the text to ELK. See n. 38.

³⁷ While ELK was working on the Kurbskii material, he had a rather extensive correspondence with AAZ and Ia. S. Lur'e. ELK indeed was planning to write a book on the Kurbskii "History" and did a considerable amount of work on the texts and what he argued were their sources. However, he never completed a book-length manuscript, since his many obligations at work and other matters occupied much of his time. His most substantial published work on the "History" is Keenan 1978.

³⁸ Having learned from AAZ about ELK's work on the "History", Iu.D then began to correspond with ELK directly (see № 3). However, it is not clear he ever attempted to argue with ELK about the latter's hypotheses; rather, he seems to have been satisfied to provide information on manuscripts and copy some portions of unpublished texts. His focus on issues of dating and watermarks in writing me presumably was a reflection of the fact that my main contribution to Keenan 1971 had been about the manuscripts, not any of the textual analysis. This letter assumes I would pass the information along to ELK.

На лл. 141–147 находится Соборное деяние патриарха Адриана по поводу священнодействий новгородского дьячка Юшки Микляева (Михеева), а не послание с увещаниями.

Послание патриарха Никона 7074 г. адресовано константинопольскому патриарху Дионисию, а не иерусалимскому (ошибка составителя оглавления сборника).

На листах невоSTRUевского списка компиляции помещены филигранные гербы двух типов: герб 7 провинций (малый) с контрамаркой IG неуставленного типа и герб 7 провинций (малый) с курсивными литерами AI под кругом и контрамаркой CDG (Клепиков, № 943 = 1691, 1711 гг.). В заметках моих (и в статье) водяной знак указан по ошибке как № 941 по справочнику Клепикова.

Сообщаю Вам также другие филигранные невоSTRUевского сборника, помимо указанных выше: Клепиков — Амстердам, № 129 = 1670–1720 гг., № 143 = 1675–1693 гг.; № 252 = 1669–1740 гг.; Клепиков — Голова шута, № 93А — 1698 г.; герб Амстердама с контрмаркой IVI, герб Амстердама с курсивными литерами IB под щитом и контрмаркой PDB и др.

Советую Вам, Даниель, обратить внимание Кинена на завещательную запись в сборнике. Не по распоряжению ли патриарха Адриана сделана эта запись (в марте 1697 г. он составил духовное завещание, а в 1686–1690 гг. был митрополитом казанским и свияжским)? О завещании его см. работу Г. А. Скворцова «Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII века», изданную в 1913 г. в Казани (стр. 330–332, 356).

С лучшими пожеланиями

Ю. Рыков

№ 3³⁹

Москва, 20 янв. 1973 г.

Уважаемый г-н Кинан!

Спешу принести Вам признательность за сообщение в основных чертах Вашей концепции о происхождении текста «Истории» кн. Курбского.

³⁹ ELK wrote me a long letter on 15 February 1973 in which he devoted only a single paragraph to the “History”, beginning by saying “I rarely get time now to do anything with the Istoriia [...] [T]hings did not really fall into place until Rykov came up with that “kompilativnaia redaktsiia” for which eternal thanks to him – and to you” [ELK to DCW, unpublished, Waugh archive]. He appended some of his textual comparisons and several pages in Russian from a letter he had written to Ia. S. Lur’e. In addition, he sent me a copy of this letter from IuD, merely characterizing it as “odd” and wondering what I thought about it. IuD’s letter indicates he had seen a copy of ELK’s detailed letter to Lur’e that laid out some of the main arguments Keenan was developing about the textual relationships of the various versions of the history. Yet apart from sending ELK small corrections, IuD deliberately avoided arguing here about the really important issues.

Вы пишете (в письме к Я. С. Лурье), что пространный текст «И» Курбского «покрывается» 4-мя основными источниками: 1) Комп. ред., 2) Скиф. историей А. Лызлова, 3) «Нов. Маргаритом», 4) Летописным текстом, близким к Лебедевской летописи, т. е. Вы признаете первичность Комп. ред. по сравнению с Полной. Согласно Вашей рабочей гипотезе, автор Комп. ред. надо искать «в группе «литераторов» Чудова мон. 1670-х гг. (а м. б. и Типографии?)». Стало быть (я домысливаю), Комп. ред. появилась не позднее 1677 г., когда сб. соч. Курбского (или сб-ки?) писался в дому кн. В. В. Голицына.

Мне также теперь кажется, что списки Син. 483 и Нев. 42 вышли из среды духовенства из кругов близких к справщикам Печатного двора. Об этом однажды вскользь я говорил Даниелю в бытность его в Москве. Помимо литературного окружения комп. списков в составе сб-ков (произведения и переводы Евфимия Чудовского, церковные сочинения, греч. тексты в Сб. Син. 483 и пр.), за это, вероятно, говорят употребление греч. слова «βαπτισιον» в тексте компиляции (Син. 483, л. 820об.; Нев. 42, л. 225), транслитерация слова «проклят» лат. буквами (Син. 483, л. 223об.; Нев. 42, л. 227 об.). В списке F.XVII.11 все это устранено. Возможно, наличие этих слов в ранних списках есть рез-т «баловства» справщиков, знавших греч. и лат. языки. В списках Пол. ред., обследованных мною, подобных вещей не имеется.

Соборное деяние насчет священнодействий Юшки Микляева (Михеева) было, по данным иеромон. Амвросия, ок. 1698 г. (Ист. рос. иерархии, т. 1. М., 1807, стр. 272).

Сб. Син. 483 писан разными почерками и вообще представляет собой составную ркп. Кстати, сб. Нев. 42 — тоже.

Я не знаю, какие у Вас есть основания считать, что один из списков Комп. ред. писан рукой самого Евфимия.

В лит-ре есть указание на то, что большую часть ркп. Син. 483 занимает автограф Евфимия (См. И. Н. Лебедева. Поздние греч. хроники и их рус. и вост. переводы — Палестинский сб., вып. 18 (81). Л., 1968, стр. 109), но не всю.

М.б., над идентификацией почерков работал спец-но Даниель?

Что касается меня, то я не занимался сличением почерков комп. списков с автографами Евфимия. Всем этим, конечно, надо заняться в будущем. К сожалению, у меня теперь мало возможностей: служба есть служба, а ГИМ раотает до 16 часов.

Хочу заметить, что моск. список «Нов. Маргирита» в переводе Курбского находится не в собр. Уварова — как Вы указываете в письме к Я. С. Лурье — а в собр. Ундольского.

Заклячая письмо, сердечно Вас благодарю, г-н Кинан, за высказанные по моему адресу добрые пожелания в новом 1973 г. Я также Вам желаю всего лучшего.

С московским приветом

Ю. Рыков

№ 4

8 марта 1973 г.
Москва.

Достоуважаемый коллега Даниель!

Получил от Вас письмо и, не откладывая дела в долгий ящик, отвечаю.

Ваши просьбы по мере своих возможностей и сил постараюсь выполнить⁴⁰.

В ГИМ мне выбраться не так просто: связан службой, а ГИМ работает до 16 часов. Но «лазейку» найду.

20 и 26 выпуски «Записок отдела рукописей», 1 том описания Муз. соб. и книга Клепикова по филиграням и штемпелям давно уже стали библиографической редкостью. Вы правильно пишете о том, что эти старые издания маловероятно обнаружить у букинистов. Кстати, я справлялся уже в ряде магазинов, и ответ был везде неутешительный: нет и не было.

Думаю, что есть другой путь, более надежный. Вам нужно написать в отдел международного книгообмена Б. П. Наневскому. Этот отдел имеется в ГБЛ. Полагаю, что здесь больше возможностей.

Что же касается 2 дополнительной части к описанию Синод. соб., то как только она выйдет в свет, я ее приобрету для Вас.

С. В. Житомирской я передал Ваше намерение писать ей в ближайшее время⁴¹. Она сказала, что так и думала, что дело будет значительно дороже, чем Вы ей говорили.

Хочу сообщить Вам новость: 20 числа в ИМЛИ состоится защита диссертации К. А. Уварова на тему: «Князь А. М. Курбский — писатель». С авторефератом диссертации я ознакомился в ГБЛ⁴².

С сущностью взглядов Уварова Вы имели возможность познакомиться через его тезисы, как я Вам показывал.

Уваров считает, что сборник соч. Курбского был «построен» в Посол. приказе, а сама «И.»⁴³ появилась в связи с интересом к ней (!) ц. Алексея Михайловича. Основанием для такого суждения служит один дипломатический документ, находящийся в Стокгольмском гос. архиве в Швеции. В нем сказано, что ц. Алексей находит особый интерес для чтения в Истории Ивана Грозного, в рассказах о его жестокостях. Слово история передается Уваро-

⁴⁰ The first part of this letter concerns various requests I had made of IuD regarding books that I hoped to receive.

⁴¹ The short comment about S. V. Zhitomirskaja may concern negotiation regarding my obtaining certain desiderata for the reference library in the manuscript division of GBL in exchange for the receipt of microfilms I had requested. I had been able to do this successfully to obtain microfilms of manuscripts from GIM and GPB.

⁴² The *avtoreferat* is [Уваров 1973]. While IuD seemed uncertain as to whether he would be able to see the entire dissertation, he was nonetheless willing to answer questions if Keenan had them regarding it. I do not recall when IuD would have acquainted me with Uvarov's *tezisy* and in what form that might have been.

⁴³ История. — DW.

вым с большой буквы. Не знаю, как следует писать первую букву в этом слове (нужно видеть текст шведского оригинала), но, даже если слово пишется с большой буквы, это ровным счетом ничего не доказывает. Почему бы под этой «Историей» не видеть Хронику А. Гваньини, к-рая, как мы знаем, была уже в это время в России? И т. п.?

Уваров, в отличие от меня, выделяет 7 ред. текста «И.»

Каковы же три ред. из числа дополнительных?

В одну из ред. «И» Уваров выделяет литер. перевод «Истории» на русский язык, сделанный в 1760 г. студентом АН Семеном Девовичем и поднесенный члену Военной коллегии, обершталмейстеру Петру Спиридоновичу Сумарокову. Сей перевод находится в собр. акад. М. Н. Тихомирова. Кстати, как указывает Тихомиров, в рукописи, помимо «И.», имеется перевод «двух» писем Курб. к Ив. IV и первого письма Ив. IV к Курб. (См. М. Н. Тихомиров. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, стр. 44).

Другой ред. Уваров считает списки ГБЛ, собр. ОИДР, № 255; ГПБ, Эрмитаж. собр. № 458 и ЦГАДА, Кабинет Екат. II, № 365. Эти списки Уваров выделяет в т.н. Екатеринскую ред., но на самом деле это отрывки из пространного текста.

В ред. Тимковского Уваров выделяет цитатный текст в труде этого исследователя. По моим наблюдениям, в 2 цитатах текст «И» Курб. дан в переводе на рус. яз., но это явление свойственно историографии того времени, и говорить о какой-то ред. текста для гр. Н. П. Румянцева, вестимо, не следует.

Интересно, что создание Комп. ред. Уваров связывает с Евфимием Чудовским и патриархом Адрианом и относит к 90-м годам.

Словом, Даниель, с диссертацией этой мне хотелось бы ознакомиться. У меня как это получится, не знаю.

Диссертация Уварова в текстолого-археографической части, на мой взгляд, содержит ряд сомнительных и спорных положений, но тем не менее представляет интерес для курбсковеда.

Полагаю, что Э. Кинену, Вашему учителю, небезынтересно было бы знать эту работу. Если его она заинтересует, я мог бы, наверное, ему написать ответы на интересующие его вопросы.

К настоящему письму прилагаю машинописную копию одной из работ К. А. Уварова. Оно интересно в том плане, что Уваров считает рkp. Унд. № 720 списком втор. пол. XVI в. (!) и с помощью его «разбивает» концепцию Кинена⁴⁴.

На этом писать кончаю. Желаю Вам свободы и больших творческих успехов. Мой поклон Вашему учителю.

Ю. Рыков

⁴⁴ It is not clear what work by Uvarov IuD copied and sent in typescript. I had earlier been able to examine the Undol'skii manuscript referred to and had determined it best be dated to ca. 1630, certainly not the 16th century. Presumably I had told IuD of this observation well prior to the appearance of [Waugh 1977: 223, 232–234].

№ 5

Москва, 09.10.1973.

Уважаемый коллега, совсем недавно вышел в свет 34 выпуск «З.О.Р.», который уже стал библиографической редкостью⁴⁵. Я купил всего лишь 2 экз., как автор. Один из них я высылаю Вам на добрую память по почте. «В недостатках или в погрешенных молимся простити», — повторяю я вслед за Курбским (См. РИБ, т. XXXI, стб. 310, строки 5–7).

Дела у меня сейчас приостановились. Заедает текущая работа в отделе. Времени для «досуга», во время коего можно заняться творениями князя Андрея, практически мало. Хочется верить в лучшее будущее.

Как у Вас дела? Что нового? Написали ли Вы рецензию на «Вести-Куранты»? Читали ли Вы книгу Р. Г. Скрынникова?⁴⁶

На этом кончаю.

Ю. Рыков

№ 6⁴⁷

Уважаемый Даниель!

Поздравляю Вас с Новым годом. Желаю Вам здоровья, счастья и больших творческих успехов на службе у Клио.

Очень благодарен Вам за присылку Вашей публикации в АЕ⁴⁸ и Ваших рецензий на «Очерки» С. М. Каштанова⁴⁹ и на «Вести-Куранты».⁵⁰ (В будущем мечтаю устроить себе «ликбез»). Также благодарен Вам и за лучшие пожелания по моему адресу. К сожалению, мои дела сейчас приостановились. Надеюсь, что в новом году они придут в движение. Дай-то бог...

Интересно, собирается ли г-н Кинан давать «отповедь» Скрынникову? С московским приветом

Ю. Рыков

№ 7⁵¹

Многоуважаемый Даниэль!

Поздравляю Вас и Вашу супругу с Новым 1975 годом! Желаю Вам всех благ в жизни и новых научных успехов.

⁴⁵ [Рыков 1972a].

⁴⁶ [Скрынников 1973].

⁴⁷ Presumably this note on a New Year greeting card cannot be earlier than end of 1973 or beginning of 1974.

⁴⁸ Уо [Waugh] 1972.

⁴⁹ [Waugh 1973a].

⁵⁰ [Waugh 1973b].

⁵¹ The date presumably is that on the offprint of [Рыков 1974], which arrived with this card: 28 December 1974.

Пользуюсь случаем, отправляю Вам оттиск своей работы. Я написал статью для ТОДРЛ об источниках 1 послания Курбского к царю⁵². Жду решения редколлегии.

С симпатией к Вам

Ю. Рыков

№ 8

11.05.76

Глубокоуважаемый коллега Даниэль Кларк Уо!

С большим интересом я ознакомился с Вашей работой о собрании рукописей графа Ф. А. Толстого⁵³.

Я хотел только дать Вам некоторые дополнительные сведения, которые следовало бы включить в Вашу работу.

Рукопись № 124 из V отделения собрания (с. 114 Вашей работы) находится в наст. вр. в Гос. биб-ке СССР им. В. И. Ленина под шифром Муз. собр. № 9021. Это сборник исторический сер. XVIII в. на 206 лл. (II + 204), в 4°.

Приметы принадлежности рукописи к толстовскому собранию следующие. На нижней части корешка печатная наклейка со вписанными от руки цифрами: «Отдел. V, № 1[24]». На об. верхней крышки печатный экслибрис: «Из библиотеки графа Ф. А. Толстова. Отдел. V, № 124» (цифры вписаны от руки). На л. I: «Отд.V, n = 124» (чернилами). Почерк П. М. Строева.

Еще сообщу Вам о рукописи Гос. биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, к-рая, очевидно, также принадлежит к собранию Толстого. Это Евангелие-тетр, писанное в 1527 г. под Вязьмой писцом Сидором Григорьевым сыном. Его шифр — Q.I, № 21. На корешке этой рукописи имеются две старые бумажные наклейки. На одной из них (верхней) писан номер «23», на другой (нижней) — название и бывший шифр: «Отд. II, № 529. Евангелие, писан[ое] на бумаге. 1527». Название писано почерком, подражающим полууставу, а шифр надписан над названием позднее гражданским почерком. В «Третьем прибавлении» П. М. Строева последний номер II отделения — 522 (стр. 108 Вашей работы), а номер рукописи (современный) Q.I.21 пропущен Вами во 2 таблице (стр. 53 Вашей работы).

Вот пока всё, что я могу Вам сообщить.

С лучшими пожеланиями Вам и Вашей семье

Ю. Рыков

⁵² [Рыков 1976].

⁵³ The subject here is my guide to the manuscripts that once belonged to Count F. A. Tolstoi, a little book I compiled from material gathered during a brief visit to Leningrad in 1995 [Waugh 1977/1980]. I sent photocopies of the typescript to colleagues prior to its publication; it is probably one of those to which IuD refers. The book was first published in a microfiche edition in 1977 and then in a minimally revised hard copy in 1980. On the circumstances connected with the appearance of that book, see [Waugh 2014, 2: 33–34].

№ 9

Москва, 23.05.1976 г.

Глубокоуважаемый коллега Даниэль Кларк Уо!

Я делал запрос в Ленинград по поводу объяснения старого шифра рукописи Q.I. № 21 из Основного собрания рукописей Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина: не толстовская ли эта рукопись. Ответ был написан сотрудницей отдела Брониславой Александровной Градовой⁵⁴. По ее данным, рукопись Q.I. № 21 «не имеет отношения к собранию Толстого. Старый шифр на корешке этой рукописи (Отд. II, № 529) соответствует рукописному каталогу А. Х. Востокова, который принял систему Строева для описаний рукописей, получивших в Публичную библиотеку из других собраний. Этот каталог как бы продолжает 2-е прибавление Строева, поэтому и появились шифры, подобные толстовским рукописям...

Время поступления рукописи в библиотеку пока установить не удалось».

Не удовлетворившись таким ответом, я сделал еще один запрос: действительно ли Востоков подшифровывал к толстовскому собранию рукописи других собраний или он подключал к нему рукописи толстовские, каков объем этого каталога Востокова, с какого и по какой № он содержит названия рукописей и т. п.

Известно ли Вам он том, что Востоков принял систему П. М. Строева и как бы продолжил 2 прибавление последнего? (Я что-то сомневаюсь).

Завтра я уезжаю в археографическую экспедицию и буду в Москве токмо через месяц.

Шлю Вам и всей Вашей семье добрые пожелания.

Ю. Рыков.

№№ 10, 11 (sent in the same envelope)

№ 10

Москва, 2.7.1976

Глубокоуважаемый коллега!

Сердечно поздравляю Вас и Вашу супругу с рождением наследника!⁵⁵ Об этом я узнал от А. А. Зимина и заочно, так сказать, познакомился с Вашей супругой и сыном через посредство фотографии, которую Вы ему прислали. Ваша радость мне близка и понятна, ибо у меня также родился сын 17 февра-

⁵⁴ B. A. Gradova of the Manuscript Division of GPB was an expert on the Tolstoi collection. After the publication of my book, she co-authored with B. M. Kloss and V. I. Koretskii an important two-part article on the manuscripts in the collection of D. M. Golitsyn, many of whose books then were acquired by Tolstoi [the first part is Градова, Клосс, Корецкий 1979]. My book had provided a preliminary list of them, which that study extended and corrected.

⁵⁵ My son is Maximilian Daniel Waugh, born on 6 April 1976; his mother is Marina Aleksandrovna Tolmacheva.

ля сего года. Его мы нарекли Павлом. Он растёт здоровым и весёлым. Когда он улыбается, нас невольно охватывает неописуемый восторг... И мать, и сын находятся в настоящее время в городе Тамбове у бабушки. Я их посещаю наездами. Через неделю думаю взять отпуск и погостить в Тамбове.

Я вернулся из археографической экспедиции. Привез 26 рукописей. Одна из них — Звезда пресветлая — XVII в., 5 других — XVIII в. Остальные датируются XIX и XX вв.⁵⁶

Получил письмо от Б. А. Градовой, которая подтверждает, что рукописный каталог А. Х. Востокова является как бы продолжением 2-го «Прибавления» П. М. Строева и включает в себя рукописи, поступившие в Публичную библиотеку «с начала ее основания в том числе и собрание Дубровского!» В этом каталоге записано, например, Остромирово Евангелие (Отд. 1, № 462), которое находится в библиотеке с 1806 г. Всем этим и вызвано появление шифров, подобных толстовским. Т. о., Евангелие 1527 г. следует считать рукописью, не входившей в состав толстовского собрания. Между прочим, Градова пишет, что «все шесть р-сей, взятых Востоковым дополнительно (из числа книг, описанных в «Третьем прибавлении» Строева, — Ю. Р.), также вошли в его каталог, но уже под другими номерами».

На этом я кончаю свое письмо.

Желаю Вам и всему Вашему семейству жизненного благополучия и счастья!

Ю. Рыков.

№ 11

Москва, 3.7.1976

Глубокоуважаемый Даниэль!

Сегодня утром получил от Вас письмо от 16.06.

Я не нашел никаких сведений в отношении того, как сборник № 9021 из Муз. собрания попал в нашу библиотеку. В машинописном т. V «Описания» рукописей этого собрания № 9021 помещен среди рукописей, поступивших в Муз. собрание, согласно колонтитулам, в 1936–1940 гг. (с. 311–312). В книге предложений за указанные годы я не нашел этой рукописи.

Очередные тома «Описания» Муз. собрания будут издаваться, но это будет нескоро⁵⁷. Сначала должна будет выйти серия томов каталога-справочника

⁵⁶ The archaeological expedition which IuD led worked in Iaroslavl' oblast' 24 May–22 June 1976. For the published description of the books, see [Рыков 1979].

⁵⁷ Indeed it was not “soon”; the second volume, not the work of IuD, is Музейное собрание 1997, about which S. V. Zhitomirskaja [2006: 536] caustically remarked that the meticulous earlier senior scholar for early manuscripts, “I. M. Kudraivtsev would have turned in his grave, if he could have seen this volume—a crude reprinting of a typescript full of mistakes and imprecision!” / «И. М. Кудрявцев перевернулся бы в гробу, если бы увидел этот том — примитивную перепечатку машинописного текста с массой ошибок и неточностей!»

по всем собраниям, а эта работа затягивается примерно лет на семь. В конце этого года предполагается сдача в издательство только 1 части 1 тома, которая будет посвящена истории дореволюционных собраний библиотеки⁵⁸.

Жаль, конечно, что Ваш приезд в Москву и Ленинград отложен, но может быть в след. году Вам удастся приехать. Без рукописной базы работать очень трудно.

К юбилею Д. С. Лихачева должен выйти Т. XXXI «Трудов отдела древнерусской литературы». В нем помещены очень интересные работы о переписке Ивана IV и Курбского Я. С. Лурье⁵⁹ и А. А. Зимина.⁶⁰ Включена в этот том и моя заметка, посвященная проблеме источников 1 послания Курбского.⁶¹ Я обязательно пришлю Вам отклик этой работы.

Ю. Рыков

№ 12⁶²

Глубокоуважаемый Даниэль! Поздравляю Вас и всех Ваших близких с замечательным праздником — Новым годом. Желаю Вам всем большого счастья, крепкого здоровья и других жизненных благ.

У меня особых новостей нет. Единственное, что радует, — это то, что в этом новом году должна выйти в свет «Переписка Ивана Грозного с Курбским», в подготовке которой есть и мой труд.⁶³ Впрочем, предстоит еще немало хлопот.

Всего доброго Вам.

Мой новогодний привет Э. Кинану.

Ю. Рыков.

№ 13⁶⁴

Глубокоуважаемый Даниэль!

Поздравляю Вас, Вашу супругу Марину и малышку Макса с Новым годом! Желаю Вам здоровья, счастья и всех других жизненных благ!

Как Вы поживаете? Что новенького? Последнее, что я видел у Вас, — это вторая часть Вашего исследования о собрании П. М. Строева в т. 32 «Трудов отдела древнерусской литературы»⁶⁵.

⁵⁸ In fact only the first three parts of vol. 1 (out of a planned five volumes) appeared, the last in 1996 [Рукописные собрания ГБЛ 1983–1996].

⁵⁹ [Лурье 1976].

⁶⁰ [Зимин 1976].

⁶¹ [Рыков 1976].

⁶² Undated, but probably the end of 1978. On a card with a reproduction of B. M. Kustodiev's 1916 painting "Shrovetide" / Масленица.

⁶³ [Переписка 1979].

⁶⁴ Note on New Year's card, sent after № 12.

⁶⁵ [Yo 1976, Idem 1977].

Я кое-что сделал в отношении «Переписки» Грозного с Курбским. Надеюсь, что в будущем 1979 году Вы это сможете увидеть.

Сейчас времени свободного у меня практически нет — после работы занимаюсь с сыном, помогаю жене по хозяйству. О научных занятиях пока приходится только мечтать.

Проф. Э. Кинан прислал мне оттиск своего исследования об «Истории»,⁶⁶ но я до сих пор с этим исследованием не познакомился дословно из-за незнания английского языка. Суть этого исследования я знаю со слов самого Э. Кинана: он мне писал. Надеюсь, что у меня со временем найдется возможность перевести этот текст.

Еще раз поздравляю с Новым годом!

С искренним уважением

Ю. Рыков
декабрь 1978 г.

№ 14

Москва, 27 марта 1979

Глубокоуважаемый коллега Даниэль!

Поздравляю Вас с выходом в свет Вашей ценной книги⁶⁷ и сердечно благодарю за неё.

Считаю своим долгом сообщить, что в Республиканской публичной библиотеке имени Алишера Навои в Ташкенте хранится рукопись XVIII в., содержащая апокрифическую переписку турецкого султана с польским королём, римским цесарем и чигиринскими казаками. Любопытно, что в составе окружения есть и подменная переписка Петра I с турецким султаном.⁶⁸ Это своего рода историческая параллель.

Полагаю, что Вам обязательно надо ознакомиться с текстами ташкентской рукописи.

Подробное описание этой рукописи см. в работе А. И. Мазунина «Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Ташкентского университета и Республиканской библиотеки имени Алишера Навои» (Труды отдела древнерусской литературы, т. 32. Л., 1977, с. 380–382).

Желаю Вам новых творческих успехов на службе у Клио.

Ю. Рыков

⁶⁶ [Keenan 1978].

⁶⁷ [Waugh 1978].

⁶⁸ Obviously this would have attracted IuD's attention where he had just received my book about the apocryphal correspondence of with the Ottoman sultan. Since the book was now out, presumably I just filed away this information and forgot about it, until, in the 1990s, when planning a trip to Tashkent, I "re-discovered" Mazunin's description of the manuscript, which then proved to be incredibly interesting and would be the basis for an entire monograph [Waugh 2003]. In that book, I made no mention of this letter from IuD, which first brought the Tashkent manuscript to my attention.

Москва, 22 февраля 1981 г.

Глубокоуважаемый Даниэль,
Рад был получить Ваше послание.

Несколько слов о своих делах. Я подготовил к публикации несколько новонайденных актов Сласо-Прилуцкого монастыря XV в.⁶⁹ В нынешнем году должна быть выпущена «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». Это будет 2-ой «завод», но исправленный по сравнению с 1ым. На титуле будет стоять: «Москва – 1981».

Мне было бы интересно знать Ваше мнение о «Переписке».

Получили ли Вы тот экземпляр, который мы Вам послали прежде?⁷⁰

Меня волнует судьба сборника, посвященного А. А. Зимину. Хотелось бы верить, что все будет благополучно с изданием; ну и, конечно же, хотелось бы ознакомиться с текстом⁷¹.

Помните ли Вы, как мы однажды встретились на квартире у А. А. Зимина? Как он дружески Вас похлопывал по плечу и попросту, по-русски, называл Вас Даниилом...

Об А. А. всегда хочется думать, как о живом человеке, и просто не укладывается в мыслях, что 25 февраля с. г. исполняется год, как его нет в нами...

Посылаю Вам бандеролью «Описание рукописей Чудовского собрания» Т. Н. Протасьевой⁷². Я думаю, что оно для Вас интересно и нужно.

С лучшими пожеланиями
Вам и Вашим близким

Ю. Рыков

⁶⁹ [Рыков 1982a]. In 1985 IuD sent me a copy of the volume with his article on which he wrote the following inscription: «Глубокоуважаемому коллеге Даниэлю Уо с лучшими пожеланиями и с московским приветом. Эту работу я мысленно посвятил светлой памяти незабвенного моего Учителя А. А. Зимина, и мне доставляет удовольствие вручить ее Вам как человеку, которого мой Учитель высоко ценил за вклад в науку. 22.V.1985 г. Москва».

⁷⁰ Indeed I had received the copy of the 1979 first edition, which I treasure, as it is inscribed by most of the scholars who produced it: «Дорогому Даниэлю Дональдовичу, во многом помогшему при написании этой книги — с приветом и благодарностью. Д. Лихачев, Я. Лурье, Ю. Рыков, В. Кобрин. 28.IX.79». While the signatures are all individual, the inscription is in Lur'e's hand and ink: he was the only one who insisted on using my patronymic, something I always avoided, given the fact that it sounds so odd in Russian (I use my middle name). I never reviewed [Переписка 1979] and probably did not send IuD any substantial comments about the book.

⁷¹ This may be a reference to [Россия 1982], the Festschrift prepared by AAZ's Russian colleagues but which was censored to exclude any indication of its dedication. IuD had an article in it [Рыков 1982b]. Alternatively, the reference could be to the Festschrift which I was preparing and about which I had informed AAZ on the eve of his death in 1980 [Waugh 1985]. That book, which was the first such commemorative volume openly to honor him, presumably was the main reason I was invited to sit at the podium when the first Zimin memorial readings took place in 1990.

⁷² [Протасьева 1980].

Bibliography

Анисимова 2017

Анисимова Т. В., *Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова*, 1, 1–100, Ю. С. Белянкин, ред., Москва, 2017.

Библиотека 2001

Библиотека литературы Древней Руси, 11, С.-Петербург, 2001.

Градова, Клосс, Корецкий 1979

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И., К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына, *Археографический ежегодник за 1978 год*, Москва, 1979, 238–253.

Дедук 2020

Дедук А. В., Памяти Юрия Дмитриевича Рыкова, *Вестник церковной истории*, 2020, 1/2 (57/58), 388–392.

Ерусалимский 2009

Ерусалимский К. Ю., *Сборник Курбского. Исследование книжной культуры*, Москва, 2009.

— 2018

Ерусалимский К. Ю., *На службе короля и Речи Посполитой*, Москва, С.-Петербург, 2018.

Житомирская 2006

Житомирская С. В., *Просто жизнь*, Москва, 2006 (<http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/zhitomirskaja/zhitomirskaja.htm>).

Зимин 1976

Зимин А. А., Первое послание Курбского Ивану Грозному (Текстологические проблемы), *ТОДРЛ*, 31, Ленинград, 1976, 176–201.

— 2015

Зимин А. А., Храм науки (Размышления о пережитом), *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века*, А. Л. Хорошкевич, сост., Москва, 2015, 35–384.

Историк 2012

Историк в России между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания, В. П. Козлов, ред., Москва, 2012

Ключевский 1968

Ключевский В. О., *Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории*, Р. А. Киреева, А. А. Зимин, сост., М. В. Нечкина, ред., Москва, 1968.

Курбский 2015

Курбский А., *История о делах великого князя московского*, К. Ю. Ерусалимский, подг., А. А. Алексеев, перев., Ю. Д. Рыков, отв. ред., Москва, 2015.

Лурье 1976

Лурье Я. С., Первое послание Ивана Грозного Курбскому (Вопросы истории текста), *ТОДРЛ*, 31, Ленинград, 1976, 202–234.

Мудрова 2015

Мудрова Н. А., *Библиотека Строгановых (вторая половина XVI – начало XVIII в.)*, Екатеринбург, 2015.

Музейное собрание 1997

Музейное собрание. Описание, 2. № 3006 – № 4500, Т. А. Исаченко, подг., Москва, 1997.

Переписка 1979

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков, подг., Ленинград, 1979.

Протасьева 1980

Протасьева Т. Н., сост., *Описание рукописей Чудовского собрания*, Новосибирск, 1980.

Рукописные собрания ГБЛ 1983–1996

Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель, 1, 1–3, Москва, 1983–1996.

Рыбаков 1964

Рыбаков Б. А., *Первые века русской истории*, Москва, 1964.

Рыков 1971

Рыков Ю. Д., Редакции «Истории» князя Курбского, *Археографический ежегодник за 1970 год*, Москва, 1971, 129–137 (переизд. в кн.: [Рыков 2021, 353–365]).

——— 1972a

Рыков Ю. Д., «История о великом князе московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва, 1972.

——— 1972a

Рыков Ю. Д., Списки «Истории о великом князе Московском» князя А. М. Курбского в фондах отдела рукописей, *ЗОР*, 34, 101–124 (переизд. в кн.: [Рыков 2021, 366–400]).

——— 1974

Рыков Ю. Д., «История о великом князе Московском» А. М. Курбского и опричнина Ивана Грозного, *Исторические записки*, 93, 1974, 328–350 (переизд. в кн.: [Рыков 2021, 401–423]).

——— 1976

Рыков Ю. Д., К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV, *ТОДРЛ*, 31, Ленинград, 1976, 235–246.

——— 1979

Рыков Ю. Д., сост., Ярославское собрание рукописных книг (ф. 739). Краткое описание, *ЗОР*, 40, Москва, 1979, 181–195.

——— 1982a

Рыков Ю. Д., Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в., *ЗОР*, 43, Москва, 1982, 85–105.

——— 1982b

Рыков Ю. Д., Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти, *Россия на путях централизации: Сборник статей*, В. Т. Пашуто, ред., Москва, 1982, 193–198.

——— 1986

Рыков Ю. Д., Собрание Е. Е. Егорова (ф. 98), *Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель*, 1, 2, Москва, 1986, 320–336.

——— 1990a

Рыков Ю. Д., Строгановские рукописные и старопечатные книги в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, *Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зиминой*. Москва, 13 – 18 мая 1990 г. Москва, 1990, 238–241.

——— 1990b

Рыков Ю. Д., сост., *Экспертиза и научно-техническая обработка рукописных книг: Методические рекомендации*, Москва, 1990.

——— 2008

Рыков Ю. Д., Егоров Егор Егорович, *Православная энциклопедия*, 18, Москва, 2008, 32–35.

——— 2013

Рыков Ю. Д., *Список печатных работ Ю. Д. Рыкова в XX в. (с 1970 г. по 2000 г.)* (<https://rkka1946.livejournal.com/850.html>).

- 2015
Рыков Ю. Д., *Список печатных работ Ю. Д. Рыкова в XXI в. (с 2001 г. по 2015 г.)* (<https://rkka1946.livejournal.com/5282.html>).
- 2016a
Рыков Ю. Д., *Немного о себе* (<https://rkka1946.livejournal.com/5429.html>).
- 2016b
Рыков Ю. Д., *История увольнения Ю. Д. Рыкова из РГБ в январе 2016 г.* (<https://rkka1946.livejournal.com/4776.html>).
- 2016в
Рыков Ю. Д., Курбский Андрей Михайлович, *Большая Российская энциклопедия*, 16, Москва, 2016, 383–385.
- 2021
Рыков Ю. Д., *Князь Курбский и опричина Ивана Грозного*, Москва, 2021.
- Россия 1982
Россия на путях централизации: Сборник статей, В. Т. Пашто, отв. ред., Москва, 1982.
- Сборник ... Рыкову 2021
Сборник статей, посвященных Юрию Дмитриевичу Рыкову (1946–2020), А. В. Дедук, отв. ред.; А. В. Кузьмин, А. В. Дедук, сост. Москва, 2021.
- Скрынников 1973
Скрынников Р. Г., *Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана*, Ленинград, 1973.
- Турилов 1992
Турилов А. А., Новые пособия по археографии, *Археографический ежегодник за 1990 год*, Москва, 1992, 247–249.
- Уваров 1971
Уваров К. А., «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в русской рукописной традиции XVII–XIX вв.: (Археографический обзор списков памятника), *Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина*, 455, *Вопросы русской литературы*, Москва, 1971, 61–78.
- 1973
Уваров К. А., Князь А. М. Курбский — писатель; («История о великом князе Московском»): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1973.
- Уо 1972
Уо Д. К., *Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому»*, *Археографический ежегодник за 1971 год*, Москва, 1972, 357–361.
- 1976, 1977
Уо Д. К., К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева, *ТОДРЛ*, 30, Ленинград, 1976, 184–203; 32, Ленинград 1977, 133–164.
- Уо 1977/1980
Уо Д. К., сост., *Славянские рукописи Собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров*, Zug, 1977 (переизд., Ленинград, 1980).
- Уо 2003
Уо Д. К., *История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени*, С.-Петербург, 2003.
- Федосеева 2012
Федосеева А. И., А. А. Зимин и его ученица Е. П. Маматова, *Историк в России между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания*, В. П. Козлов, ред., Москва, 2012, 661–670.

Филюшкин 2020

Филюшкин А. И., Юрий Дмитриевич Рыков (07.12.46 – 22.04.2020), *Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, № 1(27), 223–227.

Чудакова 2006

Чудакова М. О., *О роли личностей в истории России XX века* (<http://uni-persona.srcc.msu.su/site/authors/zhitomirskaja/predislov.htm>).

Keenan 1971

Keenan E. L., *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. With an appendix by Daniel C. Waugh, Cambridge, MA, 1971.

——— 1978

Keenan E. L., Putting Kurbskii in His Place, or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the *History of the Grand Prince of Muscovy* in the History of Muscovite Literary Culture, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, Bd. 24 (1978), 131–161.

Lowenthal 1985

Lowenthal D., *The Past is a Foreign Country*, Cambridge, etc., 1985.

Waugh 1970

Waugh D. C., Soviet Watermark Studies — Achievements and Prospects, *Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History* 6/2 (1970), 78–111.

——— 1973a

Waugh D. C., rev. of: S. M. Kashtanov, *Ocherki russkoi diplomatiki* (M. 1970), *Slavic Review* 32/1 (1973), 158–160.

——— 1973b

Waugh D. C., The Publication of Muscovite Kuranty, *Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History*, 9/3 (1973), 104–120.

——— 1977

Waugh D. C., The Lessons of the Kurbskii Controversy Regarding the Study and Dating of Old Russian Manuscripts, *Russian and Slavic History*, D. K. Rowney and G. E. Orchard, eds., Columbus O, 1977, 218–237.

——— 1978

Waugh D. C., *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants, with a foreword by Academician Dmitrii Sergeevich Likhachev*, Columbus O, 1978.

——— 1985

Waugh D. C., ed., *Essays in Honor of A. A. Zimin*, Columbus O, 1985.

——— 1995

Waugh D. C., Correspondence concerning the 'Correspondence', *Камень Краежгльнъ. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*, Nancy Shields Kollmann et al., et., Harvard Ukrainian Studies, XIX, Cambridge, MA, 1995, 23–65.

Waugh 2014

Waugh D. C., The Enthusiasms of Youth and Where They Led: A Memoir, *Quaestio Rossica* 2014, № 2, 19–62; № 3, 19–53.

References

- Deduk A. V., Pamiati Iurii Dmitrievicha Rykova, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2020, 1/2 (57/58), 388–392.
- Gradova B. A., Kloss B. M., Koretskii V. I., K istorii Arkhangel'skoi biblioteki D. M. Golitsyna, *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god*, Moscow, 1979, 238–253.
- Filyushkin A. I., Iurii Dmitrievich Rykov (07.12.46 – 22.04.2020), *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, № 1(27), 223–227.
- Fedoseeva A. I., A. A. Zimin i ego uchenitsa E. P. Mamatova, *Istoriia v Rossii mezhdu proshlom i budushchem. Stat'i i vospominaniia*, V. P. Kozlov, ed., Moscow, 2012, 661–670.
- Jeruzalimski K. J., *At the service of the King and the Republic: Monography*, Moscow, St. Petersburg, 2018.
- Jeruzalimski K. J., *Kurbasky Literary Collection: A Study of Russian Book Culture*, Moscow, 2009.
- Keenan E. L., Putting Kurbskii in His Place, or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the History of the Grand Prince of Muscovy in the History of Muscovite Literary Culture, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 24 (1978), 131–161.
- Keenan E. L., *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. With an appendix by Daniel C. Waugh, Cambridge, MA, 1971.
- Lure Ia. S., Pervoe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu (Voprosy istorii teksta), *TODRL*, 31, Leningrad, 1976, 202–234.
- Lowenthal D., *The Past is a Foreign Country*, Cambridge, etc., 1985.
- Mudrova N. A., *Biblioteka Stroganovykh (vtoraia polvina XVI – nachalo XVIII v.)*, Yekaterinburg, 2015.
- Protaseva T. N., comp., *Opisanie rukopisei Chudovskogo sobraniia*, Novosibirsk, 1980.
- Rybakov B. A., *Pervye veka russkoi istorii*, Moscow, 1964.
- Rykov Yu. D., comp., *Ekspertiza i nauchno-tekhnicheskaiia obrabotka rukopisnykh knig: Metodicheskie rekomendatsii*, Moscow, 1990.
- Rykov Yu. D., comp., Iaroslavskoe sobranie rukopisnykh knig (f. 739). Kratkoe opisanie, *ZOR*, 40, Moscow, 1979, 181–195.
- Rykov Yu. D., "Istoriia o velikom kniaze Moskovskom" A. M. Kurbskogo i oprichnina Ivana Groznogo, *Istoricheskie zapiski*, 93, 1974, 328–350.
- Rykov Yu. D., Kniaz' A. M. Kurbskii i ego kontseptsii gosudarstvennoi vlasti, *Rossii na putiakh tsentralizatsii: Sbornik statei*, V. T. Pashuto, ed., Moscow, 1982, 193–198.
- Rykov Yu. D., *Kniaz' Kurbskii i oprichnina Ivana Groznogo*, Moscow, 2021.
- Rykov Yu. D., K voprosu ob istochnikakh Pervogo poslaniia Kurbskogo Ivanu IV, *TODRL*, 31, Leningrad, 1976, 235–246.
- Rykov Yu. D., Novye akty Spaso-Prilutskogo monastiria XV v., *ZOR*, 43, Moscow, 1982, 85–105.
- Rykov Yu. D., *Redaktsii "Istorii" kniazia Kurbskogo, Arkheograficheskii ezhegodnik za 1970 god*, Moscow, 1971, 129–137.
- Rykov Yu. D., Sobranie E. E. Egorova (f. 98), *Rukopisnye sobraniia Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina. Ukazatel'*, 1, 2, Moscow, 1986, 320–336.
- Rykov Yu. D., Spiski "Istorii o velikom kniaze Moskovskom" kniazia A. M. Kurbskogo v fondakh otdela rukopisei, *ZOR*, 34, 101–124.
- Rykov Yu. D., Stroganovskie rukopisnye i staropechatnye knigi v fondakh Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina, *Spornye voprosy otechestvennoi istorii XI–XVIII vekov: Tez. dokl. i soobshch. Pervyykh chtenii, posviashchennykh pamiati A. A. Zimina*, Moscow, 13 – 18 maia 1990 g. Moscow, 1990, 238–241.
- Skrynnikov R. G., *Perepiska Groznogo i Kurbskogo: Paradoksy Edvarda Kinana*, Leningrad, 1973.
- Turilov A. A., *Novye posobiia po arkheografii, Arkheograficheskii ezhegodnik za 1990 god*, Moscow, 1992, 247–249.
- Uvarov K. A., "Istoriia o velikom kniaze Moskovskom" A. M. Kurbskogo v russkoi rukopisnoi traditsii XVII–XIX vv.: (Arkheograficheskii obzor spiskov pamiatnika), *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V. I. Lenina*, 455, *Voprosy russkoi literatury*, Moscow, 1971, 61–78.
- Waugh D. C., Correspondence concerning the 'Correspondence', *Камень Краежгльнь. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*, Nancy Shields Kollmann et al., et., Harvard Ukrainian Studies, XIX, Cambridge, MA, 1995, 23–65.
- Waugh D. C., ed., *Essays in Honor of A. A. Zimin*, Columbus O, 1985.
- Waugh D. C., K izucheniiu istorii rukopisnogo sobraniia P. M. Stroeva, *TODRL*, 30, Leningrad, 1976, 184–203; 32, Leningrad 1977, 133–164.
- Waugh D. C., *Istoriia odnoi knigi: Viatka i "ne-sovremennost'" v russkoi kul'ture Petrovskogo vremeni*, St. Petersburg, 2003.
- Waugh D. C., Neizvestnyi pamiatnik drevnerusskoi literatury: "Gramota gosudaria tsaria i velikogo kniazia Ivana Vasil'evicha vsea Rusii k Stepanu, koroliu pol'skomu", *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1971 god*, Moscow, 1972, 357–361.
- Waugh D. C., comp., *Slavianskie rukopisi Sobraniia F. A. Tolstogo: Materialy k istorii sobraniia i ukazateli starykh i novykh shifrov*, Zug, 1977.

Waugh D. C., Soviet Watermark Studies — Achievements and Prospects, *Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History* 6/2 (1970), 78–111.

Waugh D. C., The Enthusiasms of Youth and Where They Led: A Memoir, *Quaestio Rossica* 2014, № 2, 19–62; № 3, 19–53.

Waugh D. C., *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants*, with a foreword by Academician Dmitrii Sergeevich Likhachev, Columbus O, 1978.

Waugh D. C., The Lessons of the Kurbskii Controversy Regarding the Study and Dating of Old Russian Manuscripts, *Russian and Slavic History*,

D. K. Rowney and G. E. Orchard, eds., Columbus O, 1977, 218–237.

Waugh D. C., The Publication of Muscovite Kuranty, *Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History*, 9/3 (1973), 104–120.

Waugh D. C., rev. of: S. M. Kashtanov, *Ocherki russkoi diplomatiki* (M. 1970), *Slavic Review* 32/1 (1973), 158–160.

Zimin A. A., Khram nauki (Razmyshleniia o perezhitom), Sud'by tvorcheskogo naslediiia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka, A. L. Khoroshkevich, comp., Moscow, 2015, 35–384.

Zimin A. A., Pervoe poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu (Tekstologicheskie problemy), *TODRL*, 31, Leningrad, 1976, 176–201.

Daniel Clarke Waugh, Ph.D.,
Department of History Box 353560
University of Washington
Seattle, Washington 98195
USA / CIHA
dwaugh@u.washington.edu

Received May 12, 2022

Периодическое издание

SLOVĚNE - СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 11. № 1
Институт славяноведения РАН, 2022

Подписано в печать 19 • XII • 2022 г. Формат 70×100/16.
Объем 27,3 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.